

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

**Зураб Вианорович
АНЧАБАДЗЕ**

Избранные труды

В ДВУХ ТОМАХ

I

**История и культура древней Абхазии.
Из истории средневековой Абхазии
(VI-XVII вв.)**

Сухум - 2010

ББК 63.3(5Абх)+63.3(5Абх)-7

А74

Составитель и ответственный за выпуск

Куправа А. Э. – доктор исторических наук, профессор,
академик АНА

Зураб Вианорович Анчабадзе

Избранные труды в двух томах. Т.1. - Сухум, 2010 – 554 с.

В первый том избранных трудов известного абхазского историка-кавказоведа, доктора исторических наук, профессора, член-корреспондента Академии наук Грузии З.В. Анчабадзе вошли его фундаментальные монографии «История и культура древней Абхазии» (1964) и «Из истории средневековой Абхазии. VI-XVII вв.» (1959).

Книга предназначена для ученых, педагогов, студентов и всех интересующихся историей и культурой абхазов.

От составителя

К исполнившемуся в 2010 году 90-летию со дня рождения Зураба Вианоровича Анчабадзе, Абхазский институт гуманитарных исследований подготовил переиздание основных трудов этого выдающегося абхазского историка, основные исследовательские труды которого были опубликованы в 1950-1980-х годах прошлого века и в настоящее время давно стали библиографической редкостью. Вследствие этого интерес, который проявляется к ним со стороны специалистов, учащейся молодежи и широкого круга читателей не всегда может быть удовлетворен.

В то же время издание двухтомника можно рассматривать как один из важных шагов в осмыслении итогов развития абхазской историографии XX столетия. Ушедший век был периодом высоких достижений в деле изучения исторического прошлого абхазского народа. З.В. Анчабадзе был одним из ярких представителей того поколения историков, которое закладывало фундаментальные основы наших знаний по истории Абхазии.

Во многих областях исторического абхазоведения З.В. Анчабадзе был первопроходцем. Обратившись к наименее изученным к тому времени эпохам и спорным проблемам абхазской истории он своими исследованиями закрыл многие остававшиеся лакуны, представив цельный, монографический взгляд на пути развития средневековой и древней истории Абхазии. Впервые исследовательский нарратив абхазской истории освободился от малообоснованных гипотез и шатких построений, облекшись в рамки концептуального подхода, в основе которого лежали положения автохтонности и самостоятельности развития абхазского этноса.

Задача настоящего издания – дать наиболее полную сводку как абхазоведческих, так и кавказоведческих работ З.В. Анчабадзе, показать разнообразие исследовательских интересов ученого, представить многообразие жанровых направлений его творческой деятельности. В целом издание призвано адекватно отразить вклад З.В. Анчабадзе и его научного наследия в историографию истории Абхазии и Кавказа.

В первом томе избранных работ представлена републикация двух монографий З.В. Анчабадзе – «Из истории средневековой Абхазии VI-XVII вв.» и «История и культура древней Абхазии» – в виде изданий факсимильного типа. Оба труда занимают особое место в истории абхазской науки.

Первая работа, вышедшая в 1959 г., является фундаментальным трудом, охватывающем весь средневековый период истории Абхазии. К этому времени в работах ряда историков (И. Джавахишвили, С. Джанашиа, И. Антелава, А. Фадеев и др.) были намечены некоторые направления исследовательского поиска, раскрыты отдельные вопросы истории Абхазии, однако цельного обобщающего взгляда на этот самый сложный период исторического прошлого абхазов не существовало. Более того, усиленно насаждавшиеся в те годы разного рода фальсификаторские «теории», облаченные порой в респектабельные обложки «солидных» монографий, как у небезизвестного П. Ингороква, были призваны изъять абхазский народ из истории, лишить его корней, внушить понятия о неполноценности, прищипости, бесправии.

Выход в свет монографии З.В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии» нанес удар по фальсификаторским построениям и псевдонаучным идеям в области абхазской истории. Сосредоточившись на ее узловых проблемах, З.В. Анчабадзе показал основные пути социально-экономического, политического и культурного развития абхазов на протяжении более чем тысячелетнего периода их исторического существования. Важнейшим вкладом в историографию стало освещение им проблем политогенеза, выявление внутренних, имманентных механизмов формирования ранней государственности у абхазов в VI-VII вв., образования Абхазского царства, форм государственности позднесредневекового периода. З.В. Анчабадзе внимательно проанализировал этнокультурную составляющую исторического процесса, соотнося этапы политического развития с фазами этнической консолидации абхазов. З.В. Анчабадзе показал политическую роль абхазов в рамках созданных ими государственных образований в контексте исторических процессов, протекавших в Кавказском регионе. Исследования ученого показали, сколь важную роль в этом отношении играл абхазский народ, которому в иные исторические эпохи приходилось играть преваляющую роль в региональном развитии.

В своей другой, вышедшей в 1964 г., монографии «История и культура древней Абхазии» З.В. Анчабадзе обратился к более ран-

нему периоду исторического прошлого. Здесь впервые были освещены основные вопросы истории и культуры Абхазии с древнейших времен до конца античного периода (V в. н.э.). Это первое монографическое исследование, в котором дана развернутая картина начальных этапов исторического процесса на территории Абхазии – становление первобытного общества, возникновение, расцвет и упадок родового строя, формирование классовых отношений и др. Значительное место уделено проблеме происхождения и ранней этнической истории абхазов. З.В. Анчабадзе рассматривает вопросы расселения древнеабхазских племен, специфики их социально-экономических отношений, культурного развития. Опиравшаяся на широкую источниковую базу, книга монографически обобщила объем знаний, который был накоплен на тот период развития историографии. «История и культура древней Абхазии» до сих пор не утратила своей научной ценности.

Готовя том к изданию, было решено отказаться от принципа публикации данных работ в соответствии с очередностью их выхода в свет. Это решение можно обосновать тем, что в данном виде объединенные под одной обложкой оба труда образуют единый текстовый и, главное, смысловой ряд в виде хронологически последовательного, цельного изложения истории Абхазии с древнейших времен до начала нового времени. Такая компоновка материала даст возможность более четко представить взгляды З.В. Анчабадзе на пути развития абхазской истории, на актуально заостренную проблему историко-культурной преемственности на территории страны. Кроме того, построенное по вышеизложенному принципу издание может послужить своеобразным учебным пособием для высшей школы, а также авторитетным источником для всех желающих познакомиться с систематическим обзором исторического прошлого абхазского народа на уровне второй половины XX века.

Основные научные идеи З.В. Анчабадзе получают дальнейшее развитие в трудах его последователей, в работах представителей молодой генерации исследователей. В то же время жизнь выявляет необходимость новых подходов к постановке и решению ряда вопросов истории Абхазии. Это объективный процесс развития науки.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

З. В. Анчабадзе

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ АБХАЗИИ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1964

От автора

В данной работе сделана попытка осветить основные вопросы истории и культуры Абхазии с древнейших времен до V в.н.э. Значительное место в ней уделено проблеме происхождения и ранней этнической истории абхазов.

Рассматриваемая эпоха охватывает две общественно-экономические формации в историческом развитии общества на территории современной Абхазии – первобытно-общинный строй и рабовладельческую формацию античного периода.

В книге использованы новейшие достижения советской исторической науки, в частности материалы археологических и этнографических исследований. Привлечены также греко-римские письменные источники, которые, несмотря на свою фрагментарность, содержат порой ценные сведения о населении античной Абхазии. В большинстве своем эти свидетельства подтверждаются археологическими данными.

Однако следует отметить, что хотя ввиду скудости источников по соответствующим периодам истории Абхазии далеко не все поставленные вопросы освещены с достаточной полнотой, но можно не сомневаться, что дальнейшие научные открытия значительно обогатят наши представления об историческом прошлом абхазского народа.

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСЦВЕТ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ

Становление первобытнообщинного строя (дородовая община)

Шельско-ашельская эпоха Много миллионов лет назад территория Кавказа почти полностью была покрыта морем и представляла собой сравнительно небольшой остров. Впоследствии море отступило, и остров превратился в крупный перешеек, который разделил море на две части, образовавшие Черное и Каспийское моря.

В конце третичного геологического периода в Закавказье, и в частности на территории Абхазии, сложились весьма благоприятные условия для развития процесса очеловечения древней обезьяны. Об этом в первую очередь свидетельствует тот факт, что в Восточной Грузии, в местности Удабно Сагареджойского района, были обнаружены остатки ископаемой человекообразной обезьяны, жившей в конце третичного периода. Эта обезьяна получила в научной литературе название гареджийский удабнопитек¹.

Решающим моментом, обусловившим процесс очеловечения обезьяны, была трудовая деятельность. Труд, писал Энгельс, есть «первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»². Не случайно поэтому, что именно в Закавказье, в частности в Абхазии, Армении и Юго-Осетии, были

¹ Бурчак-Абрамович, Габашвили, Высшая человекообразная обезьяна. Труды основоположников марксизма-ленинизма и литературу, которыми пользовался автор, см. в библиографии, помещенной в конце книги.

² Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 486.

найжены древнейшие на территории СССР памятники человеческого труда в виде примитивных орудий из различных пород камня и обсидиана (вулканического стекла).

В самом начале четвертичного геологического периода, около миллиона лет назад, здесь появляются древнейшие люди. Мягкий субтропический климат позволял первобытным людям устраивать стоянки на открытых местах. Этому климату соответствовали флора и фауна: теплолюбивые животные – этрусский носорог, южный слон, гиппопотам, саблезубый тигр, верблюд, антилопа, пещерный медведь, олень, бизон, дикие свиньи и др.; тропическая и субтропическая растительность – лавровые и фиговые деревья, цитрусы и пр.

Археологические памятники начального этапа развития первобытного общества относятся к первой половине древнего каменного века – к раннему или нижнему палеолиту. Нижнепалеолитическая эпоха длилась около 800 тыс. лет и закончилась за 40–50 тыс. лет до нашей эры. Эта огромная по времени историческая эпоха в свою очередь, делится на несколько периодов: дошельский, шелльский, ашельский и мустьерский¹.

Когда на территории Абхазии обитали древнейшие люди, уровень Черного моря находился примерно на 60 м выше современного. Поэтому наиболее ранние памятники человеческой деятельности были обнаружены здесь на самой древней и высокой (пятой) террасе, возвышающейся над современным уровнем моря на 80–110 м. Эти памятники относятся к шелльскому и ашельскому периодам. Наиболее древние палеолитические орудия (дошельского типа) в Абхазии пока еще не найдены. Места поселения, очевидно, располагались по берегам рек². Палеолитические находки в Абхазии в большинстве случаев были сделаны в аллювиальных и деллювиальных отложениях³. Это обычные условия нахождения остатков древнепалеолитического времени и в других местах, например в Северной Франции, Бельгии, Южной Англии, Палестине, Армении, Юго-Осетии и др.

¹ Свои названия эти периоды получили от мест во Франции, где впервые были найдены орудия данного типа – городок Шелль и местечко Сент.-Ашель в Северной Франции, деревня и пещера Ле Мустье на юго-западе Франции.

² Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 9.

³ Аллювий – наносы, принесенные и отложенные реками и потоками в их долинах, деллювий – рыхлые отложения на склонах гор и холмов продуктов выветривания горных пород, перемещенных вниз под напором дождевых вод и силы тяжести.

В результате интенсивности почвенных процессов, разрушавших костные остатки, в аллювиальных палеолитических местонахождениях Абхазии почти не встречаются палеонтологические находки¹.

Шелльские памятники

По насыщенности остатков древнего каменного века восточное побережье Черного моря, особенно территория Абхазии, занимает одно из первых мест в Советском Союзе.

Памятники шелльского периода были обнаружены в 1958 г. в долине Восточной Гумисты и на горе Яштух (Сухумский район)².

Одним из характернейших орудий этого периода является миндалевидное массивное рубило, один конец которого имеет вид острия, а верхняя часть, оставшаяся без обработки, служит рукоятью («пятка»). Шелльское рубило было универсальным по своему назначению орудием. Человек мог выполнять им различные работы – рубить, резать, выкапывать из земли корни, употреблять его в качестве оружия при защите или нападении, особенно во время охоты на животных, и т. д. Кроме ручного рубила первобытные люди употребляли и другие каменные орудия. Важное значение имели так называемые отщепы, которые получались в результате отщесывания исходного каменного желвака – нуклеуса³ или путем расщепления кремневого валуна на две части. Крупные отщепы могли быть использованы в качестве примитивных инструментов и без дальнейшей обработки, а другие после дополнительной отделки превращались в острия, проколки, скребловидные орудия, раскатыватели и пр.

Характерной чертой раннего палеолита Абхазии является изобилие разнообразных кремневых отщепов при весьма малом количестве орудий в виде ручных рубил.

Долина Восточной Гумисты дала огромное количество массивных отщепов и среди них – прекрасный экземпляр кремневого ручного рубила шелльского типа, поверхность которого обработана с двух сторон широкими малочисленными сколами. Длина

¹ Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 5.

² Бердзенишвили, Новые данные, стр. 162, 174–175.

³ Нуклеус («ядрище») – кусок камня в форме диска или призмы, полученный путем перерубания камня поперек другим камнем. С нуклеуса скалывались пластины, или отщепы, из которых (после доработки или без таковой) получались режущие инструменты, скребки и пр.

орудия – 12 см, ширина «пятки» – 5 см. На закругленном рабочем конце орудия сохранились маленькие выщербины – следы его употребления¹.

С шелльскими орудиями должно быть увязано также ручное рубило из твердого, базальтоидного камня, обнаруженное на северном склоне горы Яштух. Это орудие более массивно, чем рубило из долины Гумисты, оно весит около 1 кг при длине – 20 см².

Ашельские памятники Значительно богаче представлены на территории Абхазии памятники следующего археологического периода – ашельского, отстоящего от нас примерно на 300–100 тыс. лет. Еще в 1934–1936 гг. археологической экспедицией под руководством С. Н. Замятнина в Абхазии было обнаружено десять древнепалеолитических местонахождений домустьерского возраста: с. Колхида (близ Гагра), пос. Кюр-дере (близ Нового Афона), с. Нижний Яштух, г. Сухуми, горы Бырц, Гвард и Апианча, с. Отап, г. Гали и с. Чубурисхинджи³.

Эти открытия представляли собой первую находку культурных остатков начала и середины ашельского времени, сделанную на территории СССР⁴.

Впоследствии памятники ашельской эпохи были найдены и в некоторых других местах Абхазии – в Анухва, Леселидзе, Хейвани и др.⁵ (рис. I).

Как уже отмечалось, характерной чертой абхазского палеолита, особенно проявлявшейся в ашельское время, было множество разнообразных отщепов при весьма ограниченном числе ручных рубил. Такая картина сближает древний каменный век Абхазии с палеолитической стоянкой Клектон-он-Си на юго-восточном побережье Англии, а также с местонахождением Леваллуа во Франции.

Основная масса оббитых камней, собранных на ашельских стоянках Абхазии, представляет собой грубые массивные отщепы широких и неправильных очертаний, под-треугольной и непра-

¹ Бердзенишвили, Новые данные, стр. 174.

² Там же, стр. 175.

³ Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 9–13.

⁴ Впоследствии С. Н. Замятнин признал в некоторых из найденных им на Яштухе орудиях шелльский облик. «Материалы эти указывают, – писал он, – на возможность выделения части инвентаря, еще более древней (раннешелльской), чем преобладающая масса кремней» (Замятнин, Очерки, стр. 82).

⁵ См. Соловьев, Следы нижнего палеолита.

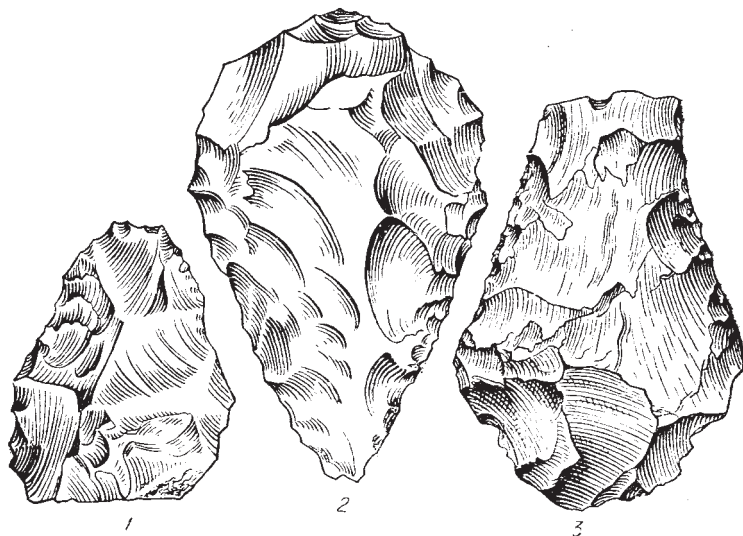

Рис. 1. Памятники палеолита:

1 – Шельское кремневое рубило (долина Восточной Гумисты); 2 – ручное рубило (с. Леселидзе, нижний палеолит); 3 – каменное ручное рубило (г. Гал)

вильно прямоугольной формы, сколотые с дисковидного нуклеуса. На некоторых из них имеется грубая вторичная обработка, путем которой изготавливались массивные скребла и остроконечники. В значительном количестве встречаются и нуклеусы, превращенные, иногда путем подправки краев, в грубые рубящие орудия¹. Характернейшее для древнего палеолита орудие – ручное рубило встречается лишь в единичных, хотя и типичных экземплярах.

Абхазские нижнепалеолитические памятники лишний раз иллюстрируют несостоятельность попыток буржуазных археологов (Брейль, Пфейфер, Менгин и др.) выделить в древнем палеолите две культуры, якобы существовавшие параллельно, – примитивную «культуру отщепов» и более высокую «культуру ручных рубил». Почти во всех раннепалеолитических местонахождениях (в том числе и абхазских), открытых советскими археологами, вместе с ручными рубилами обнаружены многочисленные отщепы, которые имели громадное значение в жизни первобытных людей².

¹ Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 13.

² Бердзенишвили, Новые данные, стр. 174.

Из всех палеолитических местонахождений Абхазии наиболее крупным и интересным является Яштухское¹. Следует подчеркнуть, что Яштух представляет собой сложный памятник, который содержит разнородный палеолитический материал. Помимо архаических кремней здесь имеются довольно многочисленные находки более поздних культур. Древнейшую группу яштухских находок составляют орудия шелльско-ашельского типов, которые одновременны позднешелльскому комплексу из местонахождения Сатани-дара в Армении².

По количеству преобладают широкие и массивные отщепы весьма характерного облика. Контур их имеет неправильно прямоугольные или подтреугольные очертания. Интересны также нуклеусы, имеющие обычно дисковидную форму. Несколькими экземплярами представлены и ручные рубила. Из орудий, изготовленных на отщепах, в архаическом инвентаре Яштуха имеются еще остроконечники и скребла. Важно отметить, что яштухские материалы позволяют проследить ряд характерных черт древнейшей палеолитической техники³.

Из орудий позднешелльского периода приведем описание кремневого рубила, обнаруженного в Леселидзе. Рубило имеет миндалевидную форму с округлой пяткой и прямыми боковыми лезвиями, нить которых слегка волниста. Конец узкий и довольно острый. В поперечном разрезе орудие асимметрично, можно различить плоское брюшко и выпуклую спинку, наибольшая высота которой находится в тыльной части. Обе поверхности обработаны крупными сколами. Длина орудия – 14 см, наибольшая ширина – 8 см, толщина у пятки – 5,5 см. По характеру обработки и правильной форме это орудие можно сопоставить с лучшими экземплярами рубил палеолита Армении из стоянок Арзни и Сатани-дара⁴.

Вообще следует отметить, что среди абхазских палеолитических материалов встречается немало памятников, весьма близких к комплексам названных армянских стоянок. В частности, М. З. Паничкина указывает на ближайшее сходство между инвентарем Сатани-дара и Яштуха. Для обоих местонахождений характерно сочетание двухсторонне обработанных орудий и отщепов. Но вместе с тем имеется и существенное отличие: в то время как на

¹ Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 8.

² Паничкина, Палеолит Армении, стр. 63.

³ Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 20–23.

⁴ Соловьев, Следы нижнего палеолита, стр. 185.

Сатани-даре двухсторонние орудия встречаются в значительном количестве и имеют типичные, хотя и очень грубые формы ручного рубила, на Яштухе изделия этого типа немногочисленны и отличаются примитивным обликом¹. Одну из причин этой разницы следует видеть в различии качества исходного материала, шедшего на изготовление орудий. В Армении для этой цели употреблялся высокосортный обсидиан, а в Абхазии – сравнительно грубый кремьен, придававший инвентарю более примитивный облик². Поэтому, надо полагать, древнейшие обитатели Абхазии делали мало ручных рубил, заменяя их рубящими орудиями из нуклеусов и кусков кремня.

Что касается сходства инвентаря раннепалеолитических стоянок, которые порой отстояли друг от друга на значительных расстояниях, то это отнюдь не обязательно «свидетельствует о связях древних общин и тем более об этническом родстве между ними. Как отмечает А. А. Формозов, «мы не можем говорить о родстве обитателей стоянок с инвентарем клетонского типа в Англии и Абхазии или о родстве обитателей Франции и Армении, давших большое число ручных рубил», и далее указывает на то, что «техника обработки кремня в раннем палеолите стояла на таком уровне, что она не могла давать многочисленных вариантов, как техника позднего палеолита, мезолита и неолита»³.

Таким образом, черты сходства, наблюдающиеся в инвентаре ряда нижнепалеолитических стоянок, не результат общности происхождения или связей между ними, а следствие примитивизма их культуры⁴. На ранних ступенях истории общества особенно заметно проявляется так называемая конвергенция, т. е. сходство, вызванное приспособлением к относительно одинаковым условиям жизни. Это тем более вероятно, что, в эпоху раннего палеолита население было весьма малочисленным и поэтому чрезвычайно редким. Между отдельными заселенными пунктами могли быть огромные безлюдные пространства.

Однако в некоторых областях, особенно благоприятных для обитания первобытных людей, расстояния между отдельными раннепалеолитическими стоянками иногда бывали и небольшими. К числу таких областей принадлежала, очевидно, и террито-

¹ Паничкина, Палеолит Армении, стр. 40–41.

² Там же, стр. 41.

³ Формозов, Этнокультурные области, стр. 28.

⁴ Там же, стр. 31.

рия современной Абхазии, где следы обитания ашельского человека обнаружены более чем в десяти пунктах. Надо отметить, что все ашельские местонахождения Абхазии имеют близкое сходство между собой. Возможно, что в данном случае мы имеем дело не только с конвергентным путем развития техники обработки камня, но и с определенным генетическим родством, обусловленным естественным процессом дифференциации ашельских общин.

Переходя к характеристике хозяйственного быта людей шелльско-ашельской эпохи, укажем прежде всего на то обстоятельство, что каменные изделия не были их единственными орудиями. Первобытный человек, несомненно, широко пользовался различными деревянными орудиями, а позднее ввел в употребление и орудия из кости¹. При обработке деревянных и костяных изделий применялись, разумеется, и другие каменные орудия – рубила, скребла и пр.

В продолжение всего начального этапа развития первобытного общества ведущей формой хозяйства была охота, и охотничий образ жизни определял весь быт древнейшего человечества. Советские ученые, отвергая распространенное в зарубежной науке мнение, будто первобытные люди занимались вначале собирательством и лишь впоследствии перешли к охоте, утверждают, что только потребностями охоты можно объяснить появление у человека первых орудий, а собирательство само по себе может осуществляться как с орудиями, так и без них. Первобытные люди на территории Абхазии охотились главным образом на крупных зверей, таких, как дикая лошадь, бык, олень, медведь, а иногда носорог, слон, гиппопотам. При наличии примитивных орудий такая охота могла вестись только целым коллективом, а для охоты на мелкого зверя эти орудия были непригодны. Таким образом, охота стимулировала также развитие коллективных форм труда².

Интересные сведения об охотничьем промысле первобытных людей получены в результате исследования археологических находок, сделанных в долине р. Джоджоры Кударского ущелья в Юго-Осетии. Горы, окаймляющие реку, создали исключительно благоприятные условия для развития первобытной охоты. Особенно удобными в этом отношении были склоны Часавальской горы, где

¹ Соловьев, Следы нижнего палеолита, стр 187.

² Борисковский, Древнейшее прошлое, стр. 51; Замятнин, Некоторые вопросы, стр. 94–95.

вода образовала в известняках многочисленные шахты, колодцы, воронки и овраги. Именно здесь устраивали ашельцы коллективные охоты на зверей.

Основным объектом промысла кударских охотников был пещерный медведь. Самое крупное и сильное животное не могло противостоять людям, сбрасывавшим на него большие камни. Добыв зверя, ашельцы съедали мясо, а кости и черепа раскалывали, чтобы съесть также мозг; целыми оставались лишь мелкие кости ног, челюсти и позвонки¹.

Наряду с охотой, важное хозяйственное значение имело и первобытное собирательство. Можно полагать, что плоды и корни составляли в количественном отношении основную часть пищи человека², но все, же более важную роль в жизни первобытных людей играла мясная пища.

Социальные отношения

Ашельские люди объединялись в сравнительно небольшие коллективы, состоящие из нескольких десятков человек³. Первоначально внутри этих коллективов не было никакого разделения труда; мужчины и женщины, вероятно, занимались одной и той же работой, в равной мере участвуя как в охоте, так и в собирательстве⁴.

Крайне низкая производительность труда шелльско-ашельской общины, обусловленная примитивными формами первобытной техники, едва обеспечивала ей полуголодное существование⁵. В таких условиях, разумеется, только коллективный труд всех членов общины мог обеспечить добычу минимально необходимых средств к жизни. Поэтому здесь не могло быть обособленного присвоения общественного продукта отдельными лицами, и распределение предметов потребления среди членов коллектива носило уравнительный характер. Это была самая ранняя и простейшая социальная кооперация.

Общий труд в эпоху нижнего палеолита вел к общей собственности на орудия и средства производства. Постепенное становление уже в самый ранний период истории человечества коллективной собственности на основные средства производства, прежде

¹ Любин, Кударо I, стр. 32–33.

² Борисковский, Древнейшее прошлое, стр. 51.

³ Каландадзе, К истории формирования, стр. 240.

⁴ Борисковский, Древнейшее прошлое, стр. 134.

⁵ Именно этим объясняется практика каннибализма (людоедство), бытовавшая среди древнейших людей.

всего на кормовую территорию, было закономерным следствием закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Из изложенного выше ясно, что общество человека – эпохи шелля и ашеля, умевшего изготавливать орудия определенных форм, владевшего огнем (хотя еще и не научившегося добывать его искусственным путем), осуществлявшего организованную коллективную охоту на крупного зверя и т.д., нельзя считать примитивным «стадом», поскольку в действительности оно представляло собой уже определенное человеческое общество¹.

Однако на начальном этапе развития первобытной общины «сохранялось еще немало пережитков животного-состояния». В этот период «менялись не только техника людей, их орудия, хозяйственные отношения, но менялся, и довольно существенно, сам физический тип человека»².

На этой стадии развития еще не было каких-либо форм семьи и брака. В шелльско-ашельской общине господствовала свобода половых отношений, когда каждая женщина могла принадлежать каждому мужчине и наоборот³. Единственным зародышем семьи в тех условиях может быть признана лишь естественная связь между матерью и ее ребенком. Следовательно, нижнепалеолитические общины представляли собой замкнутые эндогамные⁴ объединения, которые были основными социальными единицами той эпохи.

Дородовые эндогамные коммуны состояли из небольших групп в несколько десятков человек, сообща владевших сравнительно большой (во много квадратных километров) территорией, являвшейся как бы кормовой базой. Такая группа, или орда, людей вела независимое от других существование. Вожаками этих древнейших орд стихийно становились наиболее опытные люди. Каких-либо органов или учреждений, регулирующих общественную жизнь, внутри орды не было. Как правило, не было также и столкновений между отдельными ордами в форме войны, так как для этого не имелось еще соответствующих экономических предпосылок.

¹ Формозов, Этнокультурные области, стр. 26.

² Борисковский, Древнейшее прошлое, стр. 135.

³ Такое беспорядочное отношение полов называется промискуитетом (от лат. *Promiscuus* – «смешанный»).

⁴ Эндогамия – обычай заключения браков внутри данной общины (греч, «эндон» – внутри и «гамос» – брак)

Дородовая община не была крупной, прочной и постоянной человеческой группой; в разных местностях, в зависимости от конкретных условий и возможностей пропитания, от сезона и прочее, она могла распадаться и вновь скапливаться, меняясь в своем составе¹.

Культура

Само собой разумеется, что уровень культурного состояния членов дородовой эндогамной общины был чрезвычайно низок.

По данным абхазских нижнепалеолитических материалов можно предположить, что люди той эпохи чуждались моря и не имели еще возможности использовать его для своих хозяйственных целей². Они предпочитали устраивать становища вблизи рек и на склонах невысоких гор. В условиях теплого климата шелльско-ашельские временные стойбища устраивались, как правило, на открытом воздухе. Вместе с тем в определенных условиях – человек ашельского времени начинает осваивать и готовые природные жилища, которыми служили для него пещерные навесы и гроты.

Однако до недавнего времени ни на Кавказе, ни в других областях СССР не удавалось обнаружить не тронутые временем поселения ашельских людей, хранящие свидетельства их образа жизни: очаги, кухонные отбросы, места изготовления орудий и др. Лишь несколько лет назад посчастливилось открыть первые поселения такого рода в некоторых пещерах Кударского ущелья в Юго-Осетии³. В одной из этих пещер (Кударо I), расположенной на высоте свыше 1600 м, были сделаны чрезвычайно ценные находки: открыты места изготовления каменных изделий, места хранения мяса, следы употребления огня. Пещера представляла собой стоянку-лагерь ашельских охотников⁴.

Важное значение имеют следы употребления огня (найденны остатки постоянного очага). Человек ашельского времени, очевидно, использовал огонь не только в качестве источника тепла в холодное время года, но и как средство борьбы со зверем, в частности во время коллективной охоты. Очень рано, надо полагать, люди научились поджаривать на огне мясо животных, а также

¹ Косвен, Очерки, стр. 24.

² Археология Грузии, стр. 33.

³ Любин, Кударо I, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 33.

съедобные корни и плоды. Это не только улучшало пищу, но и способствовало дальнейшему совершенствованию человеческого организма¹.

Большой успех был сделан в области развития мышления и речи первобытного человека. Есть основание предполагать, что шельско-ашельские люди уже объяснялись звуковой речью, хотя и не вполне членораздельной. Речь людей эпохи нижнего палеолита, как видно, состояла еще из слабо дифференцированных звуков, дополняемых при необходимости мимикой и телодвижениями².

Весь рассматриваемый период истории человечества был в основном дорелигиозным. Человек не дошел еще до способности фантастического объяснения явлений окружающей природы. Высказанное в последнее время предположение, что на начальных этапах ашельской эпохи уже возникли зачатки первобытных верований, основанных, в частности, на почитании зверя, являвшегося основным объектом охотничьего промысла ашельцев («культ зверя»), требуют еще дополнительного изучения и подтверждения³.

Таким образом, первобытные люди шельско-ашельской эпохи, преодолевая огромные трудности, добивались, хотя и очень медленно, прогресса в своей хозяйственной и общественной жизни. В эту эпоху были заложены твердые основы дальнейшего развития первобытного человечества.

Мустьерская эпоха

Завершающим этапом в развитии нижнепалеолитического общества была эпоха мустье (около 100–40 тыс. лет тому назад).

Мустьерскую культуру некоторые ученые выделяют даже из нижнего палеолита в особый «средний палеолит», что не лишено известного основания, поскольку в эпоху мустье произошел ряд существенных изменений как в технике, так и в идеологии первобытного человека⁴. Но, несмотря на эти элементы нового, мустьерская эпоха целиком еще принадлежит нижнему палеолиту⁵. Важное значение имеет то обстоятельство, что эта эпоха, как и предшествующие, относится к дородовому периоду истории первобытнообщинного строя.

¹ Всемирная история, стр. 29–30.

² Там же, стр. 37.

³ Любин, Кударо I, стр. 33.

⁴ Крупнов, Древняя история и культура Кабарды, стр. 21.

⁵ Замятнин, О локальных различиях, стр. 118–119.

Ареал распространения мустьерской культуры был значительно шире, чем шельской и ашельской культур. Такое расселение человека мустьерского времени (хотя теперь он жил в гораздо менее благоприятных условиях, чем его предшественники) оказалось возможным потому, что благодаря развитию производительных сил он сумел преодолеть возникавшие трудности¹.

Переход от ашельской к мустьерской эпохе совпал с крупными изменениями природных условий. Наступил период так называемого рисского оледенения, которое повлекло за собой резкое ухудшение климата. С этим периодом и совпадает в большей своей части мустьерская эпоха².

На Кавказе в рисский период ледники стали опускаться в низины и постепенно покрыли прилегающие районы, вызвав резкое похолодание и на побережье Черного моря. Впрочем, здесь, как видно, изменение климата стало ощущаться несколько позднее, в период развитого мустье³.

В связи с наступившим похолоданием вымерли и частично переселились на юг гиппопотамы, теплолюбивые виды слонов и носорогов. Их место заняли приспособленные к холодному климату мамонты и сибирские носороги. Фауна рисского времени представлена также дикой лошадью, бизоном, пещерными хищниками – львом, медведем, гиеной и др.

Наиболее важным культурным приобретением мустьерской эпохи явилось освоение огня, выработка способов искусственного его добывания. По высказыванию Энгельса, добывание огня трением имело гораздо большее историческое значение, чем изобретение паровой машины. «Ведь добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства»⁴.

Одним из древнейших способов добывания огня, возникшим в мустьерскую эпоху, было, надо полагать, добывание его путем трения дерева о дерево. Многие народы сохраняли этот примитивный способ как культовый пережиток, когда, например, требовалось зажечь «священный огонь». Так, еще в начале XX в. «при появлении мора у животных абхазы тушат все огни, а затем раздобывают священный огонь, потом разводят большие костры, между которыми

¹ Всемирная история, стр. 38.

² Борисковский, Древнейшее прошлое, стр. 68.

³ Археология Грузии, стр. 33.

⁴ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 117.

проводят всех домашних животных и людей. Священный огонь добывают трением сухих фундуковых палок, причем при трении поют песню огня. Все должны развести у себя дома вновь огонь от этого священного огня, для чего каждый берет по головешке»¹.

В мустьерскую эпоху произошли существенные изменения и в физическом облике человека. Древнейшие люди трансформировались в так называемых неандертальских людей, которые, несмотря на то что у них сохранилось немало примитивных черт, по своему физическому строению ближе напоминали современного человека и явились его непосредственными предшественниками.

Неандертальцы гораздо свободнее владели речью, чем ашельские люди. Они могли произносить многочисленные дифференцированные слова-предложения, хотя не умели еще связывать между собой отдельные слова.

В эпоху мустье значительно совершенствуется методика изготовления каменных орудий. Широкое развитие получает так называемая скелотая техника, которая заключалась в скалывании с нуклеуса пластин различной величины. При обработке орудий значительно чаще, чем в предшествующий период, применяется ретушь – отделка камня мелкими сколами.

На территории Абхазии мустьерские местонахождения представлены довольно широко. Еще в 1934–1936 гг. экспедиция под руководством С. Н. Замятина обнаружила следы мустье в 23 пунктах края. Мустьерские находки, как правило, связываются с 3-й террасой (35–40 м над уровнем моря)².

Важнейшими мустьерскими местонахождениями Абхазии являются: с. Лечкопи и пос. Келасури (близ Сухуми), с. Боговешты, с. Анастасьевка (ныне Ганахлаба), г. Очамчире, совхоз «Чай-Грузия» (Ачигвара) и г. Гали. Кроме того, памятники эпохи мустье найдены в Калдахвара, Лыхна, Гудаута, Эшера, Яштухе, Мокви, Илори и других местах.

Обнаруженные здесь памятники представлены большим количеством характерных мустьерских кремней – дисковидные нуклеусы, остроконечники, скребла, пластинки с ретушью и пр. Следует отметить также превосходное ручное рубило из Ачигвара, выделяющееся из остальных подобных находок совершенством ретуши и тонкостью рабочего края³.

¹ Джанашиа, Статьи по этнографии, стр. 76.

² Замятин, Палеолит Абхазии, стр. 9.

³ Там же, стр. 15–16.

Анализируя мустьерские памятники Абхазии, С. Н. Замятнин пишет: «Кремневый инвентарь мустьерских местонахождений по своему основному техническому признаку – пользованию диско-видным нуклеусом – примыкает к предшествующей, более древней группе, однако по целому ряду приемов достаточно резко от нее отличается. Пластинки мустьерской эпохи обычно гораздо менее массивны, с менее выпуклым и меньшим ударным бугорком. Площадка удара делается уже, образует меньший угол (почти приближающийся к прямому) с нижней гладкой плоскостью отщепы и, как правило, тщательно отретуширована от нуклеуса. Фасетки этой подправки, встречающиеся и раньше, в мустьерскую эпоху делаются мельче, ровнее. Ретушь в обработке применяется чаще, имеет более уверенный характер, выравнивает край отщепов, придавая им правильное очертание. Совершенно исчезает стесывание, как прием вторичной обработки. Наоборот, заготовки, полученные этим приемом (мелкие и очень сработанные нуклеусы), окончательно оформляются путем ретуши, как и орудия, изготовленные из отщепов.

Помимо этих двухсторонне обработанных орудий продолжает изредка встречаться и настоящее рубило, выделяющееся точностью обработки, как показывает упомянутая находка в Ачигварском часовхозе...

Особо нужно упомянуть материал местонахождения близ горы Ахбюк, в шести километрах к северу от Сухуми, выделяющийся из основной массы мустьерских находок Абхазии.

Собранные здесь кремни, однородные по составу, без примеси архаичных или верхнепалеолитических форм, могут быть датированы как позднемустьерские. Они отличаются правильной изящной формой, чрезвычайно тонкие, уплощенные и, несмотря на крупные размеры, имеют тщательно обработанную площадку. Интересные нуклеусы, чрезвычайно правильных овальных очертаний, чечевицеобразные в сечении, судя по подправке краев, использовавшиеся как орудие»¹.

Археологической экспедицией под руководством Н. З. Бердзенишвили в 1958 г. собран кремневый материал, содержащий комплекс мустьерской эпохи. По технике обработки кремня и типологически он легко выделяется из всего подъемного материала. В комплексе мустьерского возраста имеются нуклеусы, отщепы и

¹ Там же, стр. 17.

прекрасные экземпляры остроконечников¹. В частности, в большом количестве представлены ранние мустьерские нуклеусы и рубящие орудия².

Хозяйство В соответствии с прогрессом в развитии техники мустьерских людей происходят заметные изменения и в их хозяйственной жизни. Более высокого уровня развития достигает первобытное охотничье хозяйство. Показателем этого являются находимые во многих мустьерских стоянках большие скопления костей убитых на охоте животных – мамонтов, пещерных медведей, бизонов, диких лошадей и др. Так, например, на Ильской мустьерской стоянке (Северо-Западный Кавказ) были обнаружены кости около 2500 бизонов.

В самом конце мустьерского периода в качестве оснащения охотничьего оружия появляются первые наконечники копий из камня, а еще раньше, надо полагать, употреблялись простые деревянные копыя и рогатины³. Еще более усовершенствовались формы коллективной охоты.

Можно допустить, что в мустьерскую эпоху внутри родового общины возникает первое разделение труда – по полу и возрасту. Охота постепенно начинает сосредотачиваться в руках мужчин, в то время как собирательство целиком оставалось в руках женщин. Отдельные виды труда закреплялись за подростками и людьми старшего поколения.

Социальные отношения Развитие половозрастного разделения труда способствовало вызреванию тех общественно-экономических элементов, которые впоследствии привели к возникновению материнской (матриархальной) родовой общины. Именно на заключительных стадиях мустьерской эпохи начинают складываться объективные условия для становления родового строя, оформившегося уже в последующую эпоху.

Существенный сдвиг был сделан во взаимоотношениях полов. Вместо промискуитета постепенно утвердилась, так называемая, «кровнородственная семья», когда из сферы полового общения были исключены представители разных поколений – родители и дети. Затем, очевидно к концу мустьерской эпохи, половые запре-

¹ Бердзенишвили, Новые данные, стр. 170

² Там же, стр. 173.

³ Замятнин, Некоторые вопросы, стр. 83.

ты распространяются на родных братьев и сестер. Однако в целом мустьерская община оставалась все же замкнутой эндогамной организацией.

Резкое похолодание, вызванное наступлением ледникового периода, привело к необходимости искать более надежные жилища. Неандертальцы интенсивно стали заселять пещеры и гроты. Чаще всего они селились в неглубоких гротах, в начальной части пещер или же на площадке под нависающей скалой.

Как известно, на территории Абхазии имеется большое количество пещер, среди которых многие представляли все удобства для обитания в них первобытного человека¹. Однако пока еще очень мало сделано для изучения их в этом направлении. В 1958 г. в ущельях рек Мачара, Гумисты и Амткела было обследовано около 20 карстовых пещер, но следы обитания первобытного человека установлены пока только в двух, хотя не исключена возможность, что в дальнейшем и в других здесь существующих пещерах также обнаружатся палеолитические остатки².

Одна из этих пещер была, как видно, населена в позднемустьерскую эпоху. Пещера расположена на левом склоне ущелья р. Амткела в 2 км от села того же названия, высота ее у входа – около 15 м, ширина – 19 м, а глубина не превышает 18 м и имеет форму широко открытого навеса.

Хотя разведочные работы внутри пещеры не дали результатов, поскольку культурные остатки залегают здесь, видимо, глубоко, но обнаруженные у входа несколько кремней, из которых два отщепы имеют явные следы позднемустьерской техники обработки, свидетельствуют, что пещера, несомненно, была заселена в ту эпоху.

Большой интерес представляет Ахштырская пещера, расположенная вблизи северных границ Абхазии, на берегу р. Мзымты. Она довольно глубока и имеет длинный и темный коридор, но обитаемы были лишь площадка перед входом и близкая к нему часть пещеры, освещавшаяся солнцем. У входа разжигались костры (об этом свидетельствуют зольные остатки), приготавливалась пища и изготавливались каменные орудия. Темная и прохладная внутренность пещеры, как видно, использовалась для хранения запасов.

Из фаунистических остатков здесь были найдены кости, принадлежащие не менее чем 49 пещерным медведям, а также небольшое количество костей гигантского оленя, кабана, лисицы и дикого кота.

¹ Иващенко, Исследование, стр. 6.

² Бердзенишвили, Новые данные, стр. 166.

Недалеко от Ахштырской пещеры, в долине р. Кудепсты, расположена Навалишинская пещера, материалы из которой указывают, что это была временная стоянка мустьерского человека. Можно полагать, что она посещалась людьми лишь во время сезонных охот на пещерного медведя, а зимой была недоступна и непригодна для обитания¹.

Большие коллекции мустьерского времени собраны также в Ацинской, Хостинской и Партизанской пещерах, расположенных в окрестностях Сочи².

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в мустьерскую эпоху начинают появляться первые признаки оседлости. Временные стойбища первобытных людей постепенно превращаются в более или менее постоянные лагеря.

Культура и межобщинные связи Важное историческое явление мустьерской эпохи – это несомненный факт усиления культурных связей между дородовыми общинами.

Хотя присущие каждой стоянке различия в обработке кремня и в типах орудий говорят о продолжающейся еще обособленности этих общин, но, как правильно отмечает А. А. Формозов, начинающееся группирование на определенных территориях стоянок с одним обликом культуры говорит о возникновении каких-то связей между разными общинами, связей, приведших к установлению известного единообразия в способах обработки кремня в данном районе³. По мнению того же автора, «для мустьерской эпохи можно, по-видимому, говорить об обособлении по облику культуры Кавказа и примыкающих районов от Русской равнины»⁴.

О наличии реальных межобщинных связей мустьерского населения Кавказа, обитавшего в смежных районах, говорят и абхазские материалы. Так, С. Н. Замятнин указывал о находке близ Очамчире типичного мустьерского инвентаря, сходного с материалами Кубани и Крыма⁵. Ачигварское мустьерское рубило имеет аналогию с находками из крымских пещер Чокурча и Шайтан-Коба. Мустьерские кремни из Ахбюка ближе всего стоят к инвен-

¹ Борисковский, Древнейшее прошлое, стр. 105

² Формозов, Этнокультурные области, стр. 39.

³ Там же, стр. 41–42.

⁴ Там же, стр. 109.

⁵ Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 13–14.

тарю пещеры Шайтан-Коба¹. Материалы из Ахбюка, Келасури и Очамчире могут быть сближены также с мустьерскими памятниками Ильской палеолитической стоянки на Кубани².

Таким образом, на основании имеющихся данных можно заключить, что «внешние связи» мустьерских местонахождений Абхазии ведут пока в сторону Кубани и Крыма. Но не исключена, конечно, возможность обнаружения подобных связей и в других направлениях.

Культурно-историческая характеристика мустьерского общества в ее основных чертах не была бы полной, если бы мы не указали на некоторые важнейшие моменты в развитии мышления неандертальцев. Совершенно очевидно, что развитие труда и общества вызывало соответствующие прогрессивные изменения и в сознании первобытного человека. Следует подчеркнуть, что именно в мустьерскую эпоху, главным образом на заключительном ее этапе, возникают первые зародыши искусства, а также зачатки религиозных верований, проявившиеся, в частности, в наличии преднамеренного погребения покойников. На территории СССР такие погребения найдены пока в Средней Азии и Крыму³.

Приведенные выше материалы свидетельствуют, что мустьерское время явилось этапом в процессе перехода от дородовой общины (составлявшей основную ячейку древнейшего и наиболее длительного периода истории человечества) к новой фазе социально-экономического развития – к родовой общине в ее матриархальной форме. Именно в мустьерскую эпоху складывались многие черты культуры и социальных отношений, которые стали характерными для последующего времени.

Формирование матриархально-родовой общины

Поздний палеолит На смену мустьерскому периоду развития общества приходит эпоха позднего, или верхнего палеолита, которая датируется примерно 40–12-м тысячелетиями до н. э. Поздний палеолит в основном совпадает с

¹ Там же, стр. 29.

² Археология Грузии, стр. 29.

³ Следует, впрочем, отметить, что не все советские исследователи признают факт возникновения религии и искусства в мустьерское время и датируют эти явления эпохой позднего палеолита (см. Косвен, Очерки, стр. 34–35; Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 242–245).

последней, вюрмской, фазой оледенения, при которой распространение ледников имело значительно меньшие масштабы, чем в предшествующий период, но климат все же оставался суровым.

Переход к позднему палеолиту выразился в очень важных изменениях в технике, формах хозяйства, образе жизни, общественных отношениях и в самом физическом типе человека. Как отмечалось, эти изменения были подготовлены уже в конце мустьерской эпохи.

В позднепалеолитическое время усовершенствовалась техника обработки камня. Мустьерский дисковидный нуклеус сменился вытянутым ядрищем призматической формы, от которого откалывались уже не широкие отщепы, а узкие кремневые пластинки, которые после вторичной обработки (ретуши) или без таковой превращались в разнообразные типы орудий – скребки, резцы, тесла, ножи, пилки, наконечники копий и дротиков, небольшие рубящие орудия и т. д.

Новый способ отделения ножевидных пластинок от нуклеуса получил наименование отжимной техники, а орудия, которыми она осуществлялась, называются отжимниками.

На территории Абхазии памятники верхнепалеолитической эпохи обнаружены во всех районах. По наблюдениям С. Н. Замятнина, залегание верхнепалеолитических остатков, по сравнению с более древними, носило несколько иной характер. В то время как ашельские и мустьерские кремни по преимуществу связаны с древним аллювием, верхнепалеолитические остатки залежали в деллювиальных отложениях, причем не глубоко, а в верхних горизонтах почвы. Они обычно встречаются пятнами на небольших ограниченных участках, которые бывают густо насыщены находками.

Особенно четко эта картина прослеживается в Лечкопе, Яштухе, Отапе и Гали. Кремневый инвентарь этих местонахождений включает удлинённые ножевидные пластинки, скребки на конце удлинённой пластинки, укороченные скребки окружных очертаний, реже массивные ладьевидные скребки, резцы боковые с кольцевой ретушью, угловые и массивные многогранные резцы, пластинки со стесанным краем, режущие маленькие инструменты с тонким стесыванием и массивные нуклевидные скребки и скобели. Последние собраны в значительном количестве.

Были обнаружены также более или менее правильные по форме призматические нуклеусы, но большинство из них носило следы вторичной обработки, приспособляющей их для использования в качестве орудий.

С. Н. Замятнин предполагает, что в верхнепалеолитическую эпоху древние обитатели Абхазии начинают руководствоваться иными, чем раньше, соображениями при выборе места поселения. Связь расположения поселения с речными потоками не прослеживается уже так отчетливо. Вместе с тем он указывал, что основные материалы для изучения верхнего палеолита Абхазии должны быть доставлены раскопками пещер и навесов под скалами¹.

Одна из таких, пещер, получившая условное название Ква-Чара, расположена в 5 км к западу от Цебельды. Она находится на высоте 700 м над уровнем моря. Высота ее у входа – 1,8 м, ширина – 3,7 м, длина – около 200 м. Здесь был обнаружен кремневый инвентарь, характерный для эпохи верхнего палеолита².

Другая пещера была обнаружена близ Цебельды, у слияния рек Кодора и Амткела. У абхазов она известна под названием Хупынипшахва («Холодный грот»). Наиболее ранние культурные слои этой пещеры относятся к позднему периоду верхнего палеолита.

Среди инвентаря древнейшего слоя Хупынипшахва обращают на себя внимание нуклеусы и пластинки, нередко отличающиеся правильной формой. Довольно много нуклевидных орудий, например, скребков. Есть также круглые скребки и скребки на конце пластинки, различные типы резцов, много пластинок с затупленным краем и косых острий. В небольшом количестве встречаются микролиты, но среди них уже есть хорошо оформленные сегменты. Изредка встречаются орудия из обсидиана. Орудий из сланца и кости здесь немного, последние представлены проколками³.

Вышележащий слой Хупынипшахва содержит культурные остатки самого конца верхнего палеолита. В этом слое была сдела-

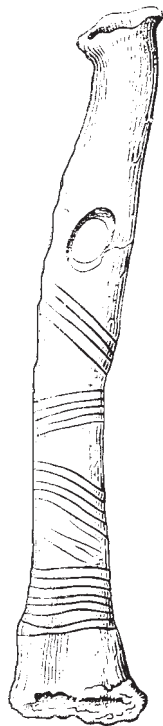

Рис II. Выпрямитель для стрел из грота Хупынипшахва

¹ Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 9–18.

² Бердзенишвили, Палеолитические памятники, стр. 3.

³ Соловьев, Об итогах, стр. 191.

на чрезвычайно редкая на территории СССР находка – выпрямитель для стрел и дротиков, изготовленный из плоско обточенного и отшлифованного предплечья пещерного медведя (рис. II). Орудие имеет круглое, заполированное от употребления отверстие и украшено с обеих сторон примитивным узором из нарезных линий. Оно ближе всего напоминает соответствующие орудия, находимые во французских стоянках эпохи мадлена – заключительной стадии палеолита.

Хозяйство В жизни людей верхнепалеолитической эпохи по-прежнему ведущее место занимала охота, в этой области были достигнуты новые значительные успехи. Продуктивность охоты существенно увеличилась в результате применения метательного оружия (копья, дротики), возникшего на грани верхнего и нижнего палеолита. Широкое распространение в этот период получают каменные наконечники. В результате всего этого стало возможным осуществление охоты численно меньшими коллективами. Отныне она становится полностью мужским занятием.

Дальнейшее усовершенствование охоты шло как по линии увеличения мощности метательного оружия, так и постепенного распространения различных самоловных устройств, что приводит в конце верхнего палеолита к серьезным сдвигам в хозяйственном развитии, в частности, самоловы с применением пружинного действия дерева явились необходимой предпосылкой для изобретения лука¹.

Некоторые данные позволяют считать, что в южных областях расселения древнего человека, в том числе и на территории Кавказа, лук и стрелы были изобретены значительно раньше, чем на севере. П. И. Борисковский пишет по этому поводу: «Здесь раньше, чем на севере, еще в позднем палеолите, а не в мезолите, распространились маленькие кремневые вкладыши, приближающиеся к геометрическим формам (микролиты). Они имели форму треугольника, сегмента, трапеции, прямоугольника, круга и не превышали 1–2 см в поперечнике. Некоторые из них, вероятно, служили наконечниками стрел. Это дает основание предполагать, что здесь уже в позднем палеолите, т. е. ранее, чем на севере, появились лук и стрелы»².

¹ Замятнин, Некоторые вопросы, стр. 107–108.

² Борисковский, Древнейшее прошлое, стр. 180.

Изобретение лука и стрелы имело огромное историческое значение в жизни первобытного человека. По словам Энгельса, «для эпохи дикости лук и стрела были тем же, чем стал железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации»¹.

Следует, однако, отметить, что в период позднего палеолита лук играл лишь подчиненную роль в качестве составной части самоловных устройств и лишь позднее, в мезолите, получил характер самостоятельно употребляемого оружия.

Как видно из материалов древнейшего слоя грота Хупынипшахва, охота была основным хозяйственным занятием для его обитателей. Набор орудий этого слоя всецело приспособлен для ее нужд. Остеологический (костный) материал, обнаруженный в гроте, свидетельствует, что главным объектом охоты здесь был и тур, серна и пещерный медведь².

В рассматриваемую эпоху еще большее значение приобрело собирательство растительной пищи. Теперь этим делом занимаются исключительно женщины и подростки. Значительно расширяется состав собираемых растений.

Земледелие в позднем палеолите отсутствовало, найденные мотыги наряду с копательными палками употреблялись лишь при сборе растительной пищи, для выкапывания охотничьих ям и землянок.

В позднем палеолите начинает зарождаться рыболовство, возникавшее в тех местах, где для этого имелись наиболее благоприятные условия. Именно в таком месте был расположен грот Хупынипшахва. У подошвы обширной площадки, находящейся перед гротом, из расселины скалы вырывается подземный поток, в холодные воды которого осенью для метания икры входит лосось. Удобства этого места для рыбной ловли оценили древние обитатели ущелья р. Кодора еще в конце эпохи верхнего палеолита.

В древнейшем слое стоянки наряду с костями тура, серн и пещерного медведя встретились крупные позвонки лосося. Что касается последнего, верхнепалеолитического слоя пещеры, то он поражает обилием рыбьих костей, принадлежащих опять-таки крупному лососю³.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 30.

² Соловьев, Об итогах, стр. 191.

³ Там же, стр. 191.

Возникновение матриархального рода

Изменения, которые в период позднего палеолита происходили в хозяйственной жизни первобытного общества, не могли не привести к существенным последствиям и в его социальном развитии.

В частности, к верхнепалеолитическому времени следует отнести установление экзогамии, т. е. порядка, по которому браки разрешались только между представителями разных общин. Утверждение экзогамии выразилось в постепенном запрещении устанавливать брачные связи сначала с близкими, а затем и дальними родственниками, пока, наконец, не привело к полному запрету заключения браков между представителями одного и того же рода.

В данном случае нет необходимости касаться сложного вопроса происхождения экзогамии, важно лишь подчеркнуть, что она, положив конец практике кровосмесительных эндогамных браков, приводившей к вырождению человеческой породы, сыграла огромную роль в биологическом процессе развития человека. Именно в позднепалеолитическую эпоху появляется человек современного типа (*Homo sapiens*), пришедший на смену своему предку – неандертальцу. В этом процессе экзогамия, конечно, сыграла далеко не последнюю роль.

Остатки ископаемого человека позднепалеолитической эпохи впервые на Кавказе были обнаружены в гроте Хупынипшахва в 1960–1961 гг.¹ В глубине ниши грота найдены челюсти (целые и в обломках), части черепных крышек и ключица, принадлежавшие нескольким индивидуумам. Изучение этих остатков позволит получить конкретное представление о внешнем виде и расовой принадлежности обнаруженного в гроте Хупынипшахва ископаемого человека, представлявшего, несомненно, одну из разновидностей человека современного физического облика.

Обычай экзогамии в качестве устойчивого пережитка сохранился у многих народов, в том числе и у абхазов. Г. Ф. Чурсин пишет по этому поводу следующее: «В области брачных отношений абхазы до сих пор строго придерживаются правил экзогамии: лица, принадлежащие к одной фамилии, не могут вступать в брак, хотя бы они происходили из различных районов Абхазии и находились в самых отдаленных степенях родства»².

¹ Там же, стр. 194–195.

² Чурсин, Материалы, стр. 159.

Экзогамия приводит постепенно к сближению между собой представителей разных общин и к установлению внутри данной общины так называемого группового брака (пуналуа¹). В такой семье брачные отношения связывали группу родных сестер одного рода с группой родных братьев из другого рода. В таких условиях отец, как правило, не был известен, и поэтому дети принадлежали женщинам, что приводило к усилению роли и влияния в общественной жизни женщины-матери.

Еще большую роль в возрастании общественного положения женщины играли экономические моменты. Как уже отмечалось, повышение производительности охоты в верхнем палеолите привело к четкому разграничению труда между женщинами и мужчинами. Последние постоянно были заняты охотой, а первые, при развивающейся относительной оседлости, больше времени проводили на стоянках, ведя все усложнявшееся хозяйство общины. Женщины собирали съедобные и технические растения, готовили пищу и т. д. В общественных жилищах женщины являлись подлинными хозяйками, в то время как мужчины были здесь пришельцами.

Все это послужило основой новой формы первобытнообщинных отношений – материнской родовой общины.

К. Маркс дает следующую развернутую характеристику матриархально-родовой общественной единицы: «Общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Структура этих организмов есть структура генеалогического дерева... Общий дом (т. е. общее домохозяйство – **З. А.**) и коллективное жилище были экономической основой более древних общин уже во времена, далеко предшествовавшие пастушеской и земледельческой жизни... работа производилась сообща, общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределялся постепенно, соразмерно надобности потребления»².

В начальный период своего существования материнский род, как видно, представлял собой не только основную, но и единственную социальную ячейку общества. Племена, являющиеся более сложными социально-экономическими организациями, возникли позднее. Не исключено, однако, что одной из древнейших форм

¹ Так называлась эта семья на Гавайских островах, где она впервые была изучена.

² Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 284.

родового строя была дуальная организация, в которой два экзогамных рода были связаны друг с другом и представляли собой зародыш племени.

Культура и идеология

Верхнепалеолитическая ступень в истории человечества представляет собой важную веху в развитии его материальной культуры и идеологии.

В этот период, в частности, зарождается домостроительство и складывается новый уклад быта. Раскопками устанавливается, что во многих местах вся община, состоящая нередко из нескольких сот человек, проживала в обширном общем жилище, отличавшемся порой очень сложной конструкцией. Вместе с тем, в других местах, где для этого имелись соответствующие условия, под жилища продолжали занимать пещеры, гроты и скальные навесы. Так обстояло дело, например, в Западной Грузии, где в пещерах Гварджис-кде, Сакажиа, Девис-хвтели и других, обнаружены остатки значительных поселений той эпохи. Разумеется, это не исключало возведения наземных жилищ в равнинных местах, хотя остатки их до нас не дошли. В этом отношении не составляла исключения и Абхазия, здесь следы верхнего палеолита были найдены как в пещерах (Хупынипшахва), так и на открытых местах – Келасури, Очамчире и др.

Население рассматриваемой эпохи жило уже в условиях более продолжительной, чем раньше, оседлости. Не случайно, что именно в верхнепалеолитических пещерах Грузии были обнаружены мощные культурные слои, в некоторых из них найдены даже остатки очагов. Длительное время обитал человек и в пещере Хупынипшахв. Несмотря на неблагоприятные условия жизни в этой пещере в период последнего оледенения, небольшой человеческий коллектив крепко держался старого жилища, открыв источник постоянного пропитания в рыбной ловле¹. Все это и является показателем оседлости в период позднего палеолита,

В позднепалеолитическую эпоху человек уже носил скроенную и сшитую одежду, о чем свидетельствуют обнаруживаемые в большом количестве кремневые и костяные острия-проколки, а также костяные иглы с отверстиями для нитей. Материалом для одежды, кроме шкур диких животных, служили трава, древесная кора, перья и пр. Нити изготовлялись из волокон растений и сухожилий.

¹ Соловьев, Об итогах, стр. 191.

Искусство верхнего палеолита представлено, в основном, памятниками петрографической живописи и художественной обработки кости. Важно подчеркнуть, что первобытное искусство с самого начала своего возникновения пошло, главным образом, по пути правдивого изображения действительности, о чем, в частности, свидетельствуют замечательные образцы пещерной и наскальной живописи.

Правда, на территории Абхазии пока не найдено рисунков палеолитической эпохи, однако элементы позднепалеолитической графики были обнаружены в имеретинской пещере Мгвимеви, и поэтому, как указывает С. Н. Замятнин, «следует со вниманием отнестись к возможности подобных находок в Абхазии. С этой точки зрения, например, представляют большой интерес пещеры Ачкытызга и Атапахы, в непосредственной близости от которых сделаны находки верхнепалеолитического возраста»¹.

В верхнем палеолите складываются и первобытные религиозные верования, зачатки которых появились, как отмечалось, уже в мустьерскую эпоху².

Одним из наиболее ранних и характерных религиозных представлений был анимизм – вера в существование души человека, животных, растений и загробной жизни. Именно пережитком анимизма явился бытовавший среди абхазов еще в недалеком прошлом культ покойников, преклонение перед священными рощами и отдельными деревьями, перед грозными явлениями природы, культ зверя и т. д.

Другой формой религиозных представлений наряду с анимизмом является тотемизм, также возникший и широко распространенный в позднем палеолите. Сущность тотемизма заключается в том, что люди считают своим родоначальником какое-либо животное, растение, а то и какой-нибудь неодушевленный предмет. Возникновение тотемизма находится в прямой связи с формированием родового строя.

Пережитки тотемизма долго сохранялись среди абхазов. Так, представители рода Хежба (от «а-хеж» – сойка) считали эту птицу своим «однофамильцем», как бы членом своего рода, и поэтому не убивали ее. Фамилия Цугба считала себя состоящей в тотемических отношениях с кошкой («ацгу» – кошка). Фамилия Аджба при-

¹ Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 24.

² Всемирная история, стр. 68 и сл.

знавала себя состоящей в родстве с дубом («адж» – дуб). Представители рода Гулиа («агу» – сердце) не должны были употреблять в пищу сердца животных, и т. д.¹

Следует особо подчеркнуть, что в период становления матриархально-родового строя возникает такая специфическая форма религиозного поклонения, как культ матери-прародительницы. Постепенно это божество заняло ведущее место в пантеоне той эпохи. С ним были связаны характерные женские статуэтки, которые археологи нередко находят в верхнепалеолитических культурных слоях. Надо полагать, что название высшего абхазского божества – анцшва (что в переводе означает «матери») восходит к той же исторической эпохе².

В период позднего палеолита возникают и другие формы религиозных воззрений – магия, выражавшаяся в колдовских обрядах, имевших целью вызвать или, наоборот, предотвратить какие-нибудь явления; табуация, налагавшая религиозные запреты на какие-либо предметы, действия, слова и пр.; ношение талисманов, которые якобы могли оградить человека от несчастий или же принести удачу, и т. д. Следует отметить, что пережитки и этих религиозных поверий прочно держались в сознании абхазов³.

Важным явлением в жизни позднепалеолитического общества было дальнейшее развитие межобщинных связей. Выше уже говорилось о том, какую большую роль сыграл в этом обычай экзогамии, связанный с установлением родовых отношений. Эти связи нашли свое отражение, в частности, в определенном сходстве инвентаря верхнепалеолитических стоянок Абхазии с синхронными памятниками соседних областей. Так, С. Н. Замятнин указывал, что «обилие нуклеидных форм сближает верхние палеолитические местонахождения Абхазии с пещерными стоянками этого возраста в Имеретии и Крыму»⁴. Л. Н. Соловьев также отмечает, что кремневый и костяной инвентарь древнейшего слоя пещеры Хупынипшахва относится к той же своеобразной фации верхнего палеолита, куда входят и пещерные стоянки Девис-хврели и Сака-жа в Западной Грузии⁵.

¹ Чурсин, Материалы, стр. 125 и сл.

² Этот факт неоднократно отмечался в научной литературе (см. Инал-ипа. К вопросу о матриархально-родовом строе, стр. 266–267).

³ Чурсин, Материалы, стр. 107–147.

⁴ Замятнин, Палеолит Абхазии, стр. 18.

⁵ Соловьев, Об итогах, стр. 191.

Эти факты, если не говорят о прямых контактах между обитателями названных стоянок, то, несомненно, указывают на определенные опосредствованные связи между ними. В этом отношении представляет интерес факт обнаружения в позднепалеолитическом комплексе Хупыния-шахва изделий из обсидиана. В Абхазии эта горная порода не встречается. Очевидно, население грота находилось в каких-то сношениях с соседними районами – Эльбруса и Боржоми, где обсидиан широко распространен¹.

Но важнейшими итогами периода верхнего палеолита следует считать возникновение современного типа человека и образование родового общества, ставшего отныне основой дальнейшего развития первобытнообщинного строя.

Расцвет матриархально-родового строя

Между палеолитом и следующим этапом в развитии первобытной техники – неолитом (новый каменный век) лежит переходная эпоха – мезолит, т. е. средний каменный век. Хронологически этот период датируется приблизительно XIII–VI тысячами до н. э.

Некоторые ученые рассматривают мезолит как завершающую стадию верхнего палеолита, другие, наоборот, относят его (целиком или в поздней части) к неолиту. Однако ввиду наличия ряда особенностей в хозяйстве и социальном устройстве общества того периода есть основание выделить мезолит в самостоятельную стадию развития².

На территории Абхазии мезолитические находки были сделаны в нескольких пунктах. Одним из них является упомянутая выше пещера Ква-Чара, в которой верхний культурный слой относится к ранней стадии мезолита.

Добытый во время раскопок в Ква-Чара³ материал состоит из 200 кремневых изделий, 50 определимых костей, около 300 фрагментов трубчатых и других костей животных, в находках имеются также обломки древесного угля и обугленные кремни, что указывает на существование в пещере очага. В кремневом инвентаре Ква-Чара выделяется большая группа (80 экз.) прямых и удли-

¹ Клевакин, Гарпуны.

² Формозов, Этнокультурные области, стр. 67.

³ Бердзенишвили, Новые данные, стр. 167–168.

Рис. III.
Костяной
гарпун из грота
Хупынипшахва

ненных пластинок с естественно заостренными концами. Имеются также пластинки с боковой выемкой ножевидной формы, с притупленными краями и со скошенными концами, микропластинки с краевой ретушью и др. Встречаются обломки ножевидных пластинок разной величины. Некоторые орудия изготовлены из очень тонких пластинок кремня, иногда до того тонких, что кремень почти просвечивает.

В комплексе кремневых орудий по технике изготовления и по типу обращает на себя внимание одно узкое пилообразное орудие с тщательно обработанными рубцами. Один конец орудия ретуширован так, что его можно было использовать в качестве скребка, т. е. это орудие выполняло в производстве двойную функцию. В коллекции Ква-Чара встречаются также проколки, резцы и в небольшом количестве (4 экз.) скребки, изготовленные на удлиненных и узких пластинках.

В производстве каменных орудий исходным материалом служили умело отколотые кремневые пластинки. Такой признак свидетельствует о применении высокой техники, которая появляется в тот период. Этим объясняется наличие в инвентаре Ква-Чара небольшого количества обломков и осколков кремня – большой процент всего кремневого материала использован в качестве орудий.

Приведенные выше данные указывают, что основным материалом, из которого изготавливали свои орудия древние обитатели Ква-Чара, был по-прежнему кремень. Предметы, сделанные из другого материала, представлены маленьким, хорошо отшлифованным обломком орудия (неизвестного назначения) из песчаного камня и единственным костяным орудием с косо отбитым основанием.

Мощные мезолитические культурные слои обнаружены также в пещере Хупынипшахва¹. На площадке перед гротом найдены четыре костяных гарпуна, снабженных геометрическим орнаментом, и обломки других гарпунов (рис. III). По своему типу они близки к мезолитическим гарпунам Франции. До сих пор на территории Советского Союза были известны находки лишь нескольких таких гарпунов.

¹ Соловьев, Об итогах, стр. 191–194.

Среди кремневого инвентаря стоянки представляют интерес различные микролитические орудия. Некоторые из них, сегментовидной и трапециевидной формы, служили, возможно, лезвиями для гарпунов малого размера или даже удочек, встречаются пластинки с затупленным краем, часто имеющие правильную геометрическую форму, кремневые шилья и округлые скребочки, обнаруживаемые и в более древних слоях, но здесь особенно многочисленные. Весь этот набор характерен для мезолита.

Однако от типичных мезолитических стоянок рассматриваемый слой отличается начавшимся широким употреблением макролитов – крупных и тяжелых орудий из сланца, изготовлявшихся чаще всего из гальки р. Кодора. Среди них имеются рубилообразные раскалыватели костей, грубые прототипы топоров (лезвия которых иногда отшлифовывались), долота, рубанки и пр.

Самый верхний культурный слой Хупынипшахва отлагался уже в условиях более теплого климата, очевидно отвечавшего времени таяния и отступления ледников. На это указывает, в частности, преобладание в данном слое костей оленя, лося, кабана и других сейчас живущих или недавно вымерших животных¹.

В этом слое были найдены изготовленные из кремня трапециевидные микролиты, а также орудия из сланца и песчаника: зернотерки, треугольные и овальные терочки и, наконец, сделанные из ребра гальки мотыги. Следует подчеркнуть, что эти орудия вообще не характерны для мезолита и должны быть связаны уже с последующей эпохой. Можно полагать, что верхний слой Хупынипшахва относится к заключительной стадии мезолита.

Материалы мезолитической культуры были обнаружены также в пещере, расположенной на западном склоне горы Яштух. Собранный здесь кремневый материал, и в частности микролиты, напоминает по своему облику кремневый инвентарь из мезолитического слоя Ква-Чара².

Эпоха мезолита отличается важными сдвигами в хозяйственной жизни. В этот период появляется и делает первые шаги в своем развитии земледельческая культура. Как отмечалось, уже в эпоху верхнего палеолита значительно усложнилось собирательство растительной пищи. Оно и подготовило постепенно почву для появления первой ступени земледелия³.

¹ Там же, стр. 194.

² Бердзенишвили, Палеолитические памятники, стр 5.

³ Бердзенишвили, Первобытное земледелие, стр 298.

На территории Абхазии первые признаки земледелия были отмечены в верхнем мезолитическом слое Хупынипшахва. Найденные здесь примитивные зернотерки, мотыги и терочники являются ярким тому свидетельством. Важное значение в этой связи имела также находка нескольких десятков крупных обугленных зерен, принадлежавших какому-то дикому виду проса¹.

**Памятники
неолита**

Эпоха нового каменного века или неолит, относящийся примерно к V-IV тысячелетиям до н. э., представляет собой исключительно важный период в истории человечества. В эту эпоху люди изобрели глиняную посуду, научились изготавливать полированные каменные орудия, освоили способы сверления и пиления камня и, что особенно важно, стали активно переходить от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему. В неолите появляются первые домашние животные и распространяется земледелие.

В период раннего неолита черноморское побережье Кавказа имело иной облик, нежели в настоящее время. Морской берег был изрезан глубокими бухтами, в которые впадали многоводные реки. Недоступная еще морская стихия и дремучие леса ограничивали возможность сообщения между собой отдельных неолитических общин².

На территории Абхазии остатки неолитических селищ обнаружены пока в немногих пунктах. Наиболее известным и относительно хорошо изученным является Кистрикское селище, расположенное на северной окраине г. Гудаута, у устья р. Кистрик³. Неолитические памятники были найдены также в местности Адзалагархук, близ Гудаута, единичные неолитические орудия собраны в долине ручья Дзышта в с. Куланурхва Гудаутского района, а также на побережье к северу от Очамчире.

Крупным неолитическим селищем, расположенным по соседству с Абхазией, является Одишское селище (в шести км от г. Зугдиди)⁴. Несколько неолитических селищ обнаружено в Адлерском районе Краснодарского края, из которых отметим Нижне-Шиловскую стоянку, расположенную в низовьях р. Псоу⁵.

¹ Соловьев, Об итогах, стр. 194.

² Соловьев, Новый памятник, культурных связей, стр. 136.

³ Лукин, Неолитическое селище Кистрик, стр. 258.

⁴ Археология Грузии, стр. 54 и сл.

⁵ Формозов, Этнокультурные области, стр. 86.

Основной материал по неолиту собственно Абхазии дает Кистрикское селище. Площадь селища, отделенная полосой примерно в 100 м ширины от современного берега моря, составляет около 6 га. Культурный слой обычно начинается с глубины в 10–15 см, а иногда почти с поверхности, достигая мощности от 30 до 65 см. Этот слой насыщен большим количеством галечного щебня и камней, среди которых находились разной степени сохранности орудия из галек и кремня, обломки глиняных сосудов, кремневые отходы и прочие остатки былой деятельности человека.

Поверхностное размещение археологического инвентаря на участках селища было разнообразным. В одном месте преобладали топоры и долота, в другом – заготовки камня, в третьем – мелкие орудия. Были участки, отличающиеся скоплением керамики или обилием кремней и нуклеусов и т. д. Самым ярким археологическим признаком селища является наличие в его вещевом комплексе большой группы разнообразных орудий из мелкого валунника и морской гальки и среди них немалого числа отшлифованных орудий. Источником сырья для выделки указанных орудий служил смежный пляж, содержащий скатанные, частично или полностью отшлифованные и разнообразные по породе, формам и размерам валуны и гальки.

Всю совокупность кистрикских орудий, по характеру примененных при их изготовлении приемов, А. Л. Лукин подразделяет на следующие группы:

1. Необработанные орудия, представленные естественными гальками, которые были использованы в разнообразных целях;
2. Такие же естественные орудия, но имеющие простейшим образом подправленную рабочую часть;
3. Колотые орудия, орудия с частичной оббивкой мелкими сколами, орудия колотые с добавочной отеской, орудия сплошной оббивки сколами; орудия с отсеками и точечной оббивкой (частичной или сплошной), орудия и обиходные вещи с начатками сверления, незаконченные орудия (в том числе неудачные пробы материала), вторичные орудия, т. е. переделанные из разрушенных в работе, отщепы камня в роли случайных орудий и, наконец, остатки разбитых и поломанных орудий.

Для орудий, изготовление которых требовало большой затраты труда, в особенности для клиньев и топоров, подбирались гальки, возможно больше подходящие по размеру и очертаниям. Подоб-

ные гальки жители селища собирали даже в запас. С целью экономии труда старались также подыскать для орудия каждого вида наиболее подходящий материал.

Касаясь вопроса о технических достижениях обитателей Кистрикского селища, А. Л. Лукин пишет: «Орудия селища, равно и отходы их производства, свидетельствуют о том, что, несмотря на огромный опыт в обработке камня, накопленный многими поколениями, и на изобилие местности однородным и привычным сырьевым материалом, люди эпохи неолита как бы вновь переиспытывают весь местный ассортимент пригодных горных пород. Явление это понятно: орудия дифференцируются, функции их усложняются, – необходимо привести поделочный материал в соответствие с новыми требованиями и, следовательно, с более совершенными техническими приемами работы (точечная оббивка, шлифовка и т. д.)»¹.

Кистрикский комплекс состоит из орудий следующих типов: *дробильники* – полушаровидной формы гальки, употреблявшиеся для измельчения какого-либо материала посредством ударов; *отбойники* – шаровидные гальки твердых пород, служившие для раскалывания небольших валунов и крупных галек, а также для оббивки более массивных и грубых орудий; «*утюжки*» – плоские с одной стороны орудия, использовавшиеся, очевидно, как разглаживающая поверхность; *песты* – круглые или овальные в сечении стержни, употреблявшиеся для измельчения чего-либо в ступке; *пальцевидные гальки*, шедшие частично на выделку орудий; *остроконечники* примитивного типа; *долота*, симметрично сколотые с обеих сторон и обладающие режущим концом; *резаки*, прямые, округлой или овальной формы, *мотыги-горбушки* с усеченной пяткой; *грузила* плоско-овальной или плоскоокруглой формы; *дробильники* искусственной выделки; *зернотерки* с выпуклой поверхностью; *стамески* из твердого материала, почти сплошь шлифованные; *клинья* из галек; орудия или обломки орудий *неизвестного* назначения; *вторичные* орудия, изготовленные из разрушенных орудий, *рубанки*, *тесла* и др. (Рис. IV).

Ведущим орудием селища являются топоры из галек, представленные в немалом количестве и в большом разнообразии. Выявлены следующие типы топоров: вальковые, двухсторонне-выпуклые толстые, двухсторонне-выпуклые основного типа, двухсторонне-выпуклые укороченного типа, тип со сходящимися к лезвию края-

¹ Лукин, Неолитическое селище Кистрик, стр. 252.

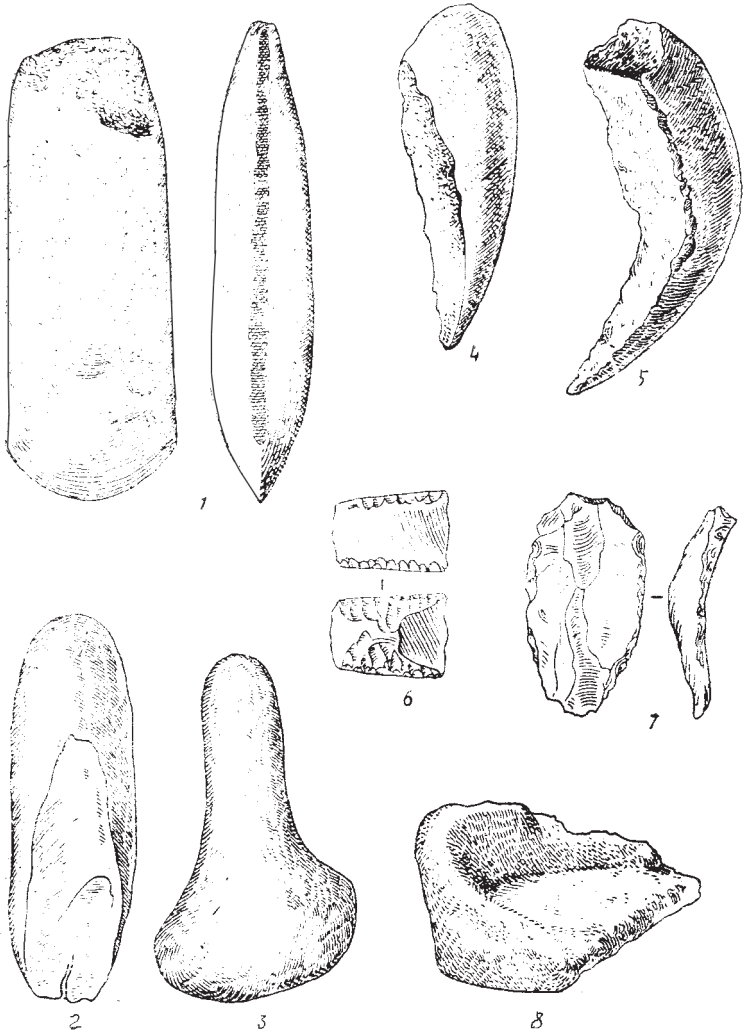

Рис. IV. Неолитические предметы из Кистрикского селища:
1 – топор; 2 – долото; 3 – пест; 4 – резак; 5 – мотыга; 6 – микролит; 7 – скребок;
8 – фрагмент донца глиняного сосуда

ми, плоские топоры, долотообразные, топорики уменьшенного размера (средние), малые топорики, уменьшенный (средний) топор с односторонним выпукло-дуговым лезвием, топор-колун.

Все без исключения топоры частично или полностью отшлифованы; проушин нет. Размеры колеблются по длине от 9 до 18,5 см, по ширине – от 3 до 7,5 см, причем самые маленькие топорики в этот размер не включены.

В количественном отношении наиболее богато представлены на селище грузила, резак, мотыги и топоры. Наряду с галькой кистряне широко пользовались в качестве материала и кремнем. Роль кремневых орудий в хозяйстве обитателей Кистрицкого селища огромна, и наряду с орудиями из гальки они составляют очень характерную часть всего вещевого комплекса. Многочисленные кремневые отщепы, законченные орудия и микролиты рассеяны по всей территории селища. В кремневом материале Кистрика встречаются все разновидности кремня, известные в районе Гудаута. Изделия представлены в одинаковой мере как микролитами, так и микролитическими образцами.

Микролитический материал характеризуется нуклеусами конической, призматической, дисковидной и другими формами. Встречаются и нуклеусы миниатюрных размеров.

Из используемых кистрянами материалов следует отметить также и обсидиан, который представлен на селище небольшим количеством ножевидных пластинок и немногими мелкими отщепами. Интерес обитателей Кистрика к обсидиану вызывался исключительной остротой лезвий у приготовленных из него пластинок.

Изделия из кости на селище встречаются редко, но некоторые данные позволяют считать, что в хозяйственной жизни кистрян костяные орудия должны были занимать видное место. Между тем в условиях влажных субтропиков кость не могла сохраниться в открытом грунте.

Широкое употребление получили, несомненно, деревянные орудия, но и они почти не сохранились по тем же причинам. Следы дерева на Кистрике обнаружены в виде одного полуобуглившегося, и полуокаменевшего куса, и одной полностью окаменевшей палочки.

Исключительный интерес представляет факт обнаружения на территории селища 22 крупных свинцовых обоймиц, свидетельствующих о холодной обработке материала, путем использования рудных самородков с близлежащей горы Дзышры. Эти обоймицы являлись, вероятнее всего, поясным набором.

Перечисленный инвентарь Кистрикского селища представляет типичную картину развитой неолитической культуры.

Обитатели селища основательно усвоили технику полировки орудий. Как уже отмечалось, все найденные здесь топоры полностью или частично отполированы.

На заключительном этапе существования Кистрикского неолитического поселка его население предприняло первые успешные опыты сверления камня. На это указывают обнаруженные здесь несколько образцов сверления: маленькая галька с начатым сверлением, точильный брусок со сквозным отверстием и др.

Большие успехи были достигнуты в технике обработки кремня. Обзор кремневого инвентаря показывает, что жители Кистрика пользовались всеми видами обработки кремня, кроме его шлифовки и сплошной отжимной ретуши. Найден, однако, фрагмент какого-то предмета отретушированного с обеих сторон, свидетельствующий, что и этот прием начал осваиваться людьми селища.

Значительный шаг в неолитическую эпоху, особенно на ее заключительном этапе, сделало в своем развитии земледелие. В поздне-неолитических стоянках Кавказа наблюдается почти полное исчезновение микролитической техники обработки камня, однако широко распространены сельскохозяйственные орудия. На стоянках в районе Сочи – Адлера встречается очень много мотыг, изготовленных из расколотых вдоль галек. В западно-грузинских стоянках того периода (Сатаплиа, Тетралица и др.) найдены многочисленные плоские полированные топоры, двухстороннеобработанные вкладыши для серпов, зернотерки и т.д. Земледелие в тот период находилось в полном расцвете, что и могло вызвать исчезновение некоторых старых и появление новых орудий.

Земледелие занимало ведущее место и в хозяйственной жизни кистрикской неолитической общины. На это указывает обилие так называемых мотыг-горбушек, которые получались путем откалывания от длинного края овальных галек. Один из концов такого отщепы отбивался поперек, в результате чего получалась пятка, упиравшаяся при креплении орудия в уступ рукоятки. Рабочий конец мотыги не подправлялся.

Из других орудий, связанных с земледелием, большой интерес представляют зернотерки, формой и размерами напоминающие удлиненные или округлые ковриги хлеба. С плоской стороны они

были прямолинейно отесены и подвергнуты точечной обивке. При неподвижной установке одного такого камня плоскостью вверх и покрытии его вторым камнем плоскостью вниз, получалась примитивная мельница двуручного действия, являющаяся, по мнению А. Л. Лукина, прототипом еще бытующей у коренного населения Абхазии ручной мельницы¹.

Другой важной отраслью хозяйства обитателей Абхазии рассматриваемого периода было рыболовство. Основным орудием рыбной ловли были костяные гарпуны. Эти плоские зубчатые остроконечники всаживались тыльной частью в расщепленное древко. Когда крупный лосось, пораженный гарпуном, уходил вглубь, бечева, привязанная к наконечнику, разматывалась и рыболову, в руках которого находилось древко с другим концом бечевки, оставалось только осторожно подтягивать к себе слабеющую рыбу².

В верхних слоях Хупынипшахва костей рыб встречается еще больше, чем в предшествующих, и, кроме того, наряду с крупными позвонками начинают встречаться и более мелкие, что можно объяснить применением гарпунов малого размера и, может быть, даже удочек. Их лезвиями могли служить миниатюрные орудия из кремня в виде сегмента или трапеции с шипообразными концами.

Большое место занимало рыболовство и в жизни обитателей Кистрикского селища. Здесь источником рыбных ресурсов служило море. При морском лове рыбы кистряне применяли, очевидно, те грузила, которые в значительном количестве были обнаружены на территории селища. Грузила представляли собой плоскоовальные, плоско-округлые гальки с выбитыми на противоположных сторонах выемками для удержания обвязки. Численно преобладают грузила среднего размера (250–300 г)³.

Значительную роль, особенно в предгорной полосе Абхазии, продолжала играть охота на диких зверей. Обилие разнообразных микролитических орудий в мезолитических слоях Хупынипшахва позволяет предположить, что некоторые из них употреблялись в качестве наконечников стрел. Лук и стрелы в тот период получили широкое распространение.

Как видно из костного материала, обнаруженного в пещере Ква-Чара, объектом охоты были тур, дикий баран, пещерный мед-

¹ Там же, стр. 260.

² Соловьев, Об итогах, стр. 260.

³ Лукин, Неолитическое селище Кистрик, стр.256.

ведь и др. Изучивший этот материал палеонтолог Н. О. Бурчак-Абрамович высказывает предположение, что пещерный медведь в условиях Абхазии раннемезолитического периода нашел для себя наиболее благоприятные условия существования и мог здесь жить дольше, чем в других местах своей некогда обширной области распространения¹.

Следует, однако, отметить, что в эпоху развитого неолита, в связи с выдвиганием земледелия на первое место, значение охоты как хозяйственной отрасли систематически уменьшается. Одним из показателей этого является постепенное исчезновение в поздненеолитических кавказских стоянках микролитических накопечников стрел². Это обстоятельство относится в первую очередь к хозяйственной структуре приморских неолитических селищ. Так, например, хотя члены кистрикской общины и занимались охотой (об этом свидетельствуют некоторые типы орудий), но она не играла в их жизни существенной роли.

На неолитической стадии развития общества из охотничьего промысла возникает первоначальное скотоводство. По некоторым данным можно предположить, что обитатели Кистрика уже освоили начатки животноводства, но оно еще не занимало значительного места в их экономике.

Определенное место в хозяйстве приморского неолита занимало по-прежнему собирательство растительной пищи. Некоторые клинообразные орудия, часто встречающиеся на Кистрике, могли применяться для выкапывания съедобных растений. База кормового собирательства кистрян значительно увеличилась наличием рядом с поселением большой отмели, на которой они систематически добывали устриц и мидий, о чем свидетельствуют обнаруженные в разных местах селища остатки раковин.

Жители Кистрикского селища были уже знакомы с гончарным производством. Древнейшие сосуды селища имели плоские массивные донья и почти вертикальные, или с небольшим отвалом стенки. Общая их форма, вероятно, была близка к баночной, с прямыми округлыми или заостренными, и слегка вогнутыми краями. Общие размеры сосудов были разнообразны, от миниатюрного, не более 5 см в диаметре, до сосуда, сохранившееся дно которого имеет в поперечнике почти 17 см. Высоту сосудов по характеру обломков определить нельзя.

¹ Бердзенишвили, Новые данные, стр. 168–169.

² Формозов, Этнокультурные области, стр. 86. 46

Тесто этих сосудов грубого замеса на морском песке. Формовка осуществлялась вручную. Цвет черепков красный или бурый с темно-серым или беловатым налетом.

К древнейшему слою кистрикской керамики относится также один обломок с гладкой отвесной прямолинейной стенкой и плоским дном, принадлежащий, видимо, сосуду прямоугольной формы.

Остальная керамика селища представлена образцами хорошей сохранности. Черепки этой категории говорят о большом разнообразии сосудов селища по размерам, форме, сортам глины, примесям к формовочной массе, приемам обработки и т. д. Цвет черепков также разнообразен, но преобладает чернолощенная керамика. Многие сосуды украшены своеобразным орнаментом.

Говоря о кистрикской керамике, А. Л. Лукин заключает: «Пред нами следы развития гончарного дела от примитивного мастерства до выработки крупных сосудов... притом, судя по уверенности линий и равномерной толщине черепков, на заключительном этапе, быть может, уже сработанных на круге»¹.

На Кистрикском селище сохранились также следы текстильного производства. находка пряслица, а также грузил, которые могли применяться при прядении, со всей очевидностью указывают на существование этого промысла. На территории селища были обнаружены, кроме того, остатки так называемой тканевой керамики, распространившейся в более позднее время, но, возможно, возникшей уже в поздненеолитическую эпоху.

Особо важное значение, как отмечалось выше, следует придать факту наличия в неолитическом комплексе Кистрика свинцовых обоймиц, покрытых глубокой патиной. Свинец, как видно, подвергался холодной обработке с приемами камнеобрабатывающей техники. По поводу этой находки А. Л. Лукин пишет: «Опираясь на прочную датировку селища, мы, возможно, должны будем несколько изменить свои представления о порядке зарождения примитивной металлургии Юго-Западного Кавказа, так как исключительная уникальность обоймиц, характер их обработки, древность, свидетельствуемая мощным слоем патины, наконец, невозможность связать их по Кистрику с каким-либо иным вещевым комплексом, утверждают их положение в перечне неолитического инвентаря. Вполне последовательно, что человек неолита начал свое знакомство с самого мягкого, самого ковкого и самого

¹ Лукин, Неолитическое селище Кистрик, стр. 281.

легко-плавкого из них, перейдя на следующей ступени к широкому освоению металла»¹. Насколько приведенное положение является правильным, это покажут будущие исследования.

В эпоху неолита поселения принимают уже характер относительно прочной оседлости. С развитием хозяйства численность обитателей стоянок систематически растет, что подтверждается материалами Кистрикского селища. Судя по развитию ведущего орудия – шлифованного топора, можно говорить о длительном периоде существования неолитического поселения на берегах Кистрика, а по облику орудий и местам их залегания устанавливается, что вначале кистрицкий поселок был невелик и разрастался постепенно, в связи с увеличением числа членов общины и усложнением ее хозяйственно-технической базы.

Описанная выше хозяйственная система преимущественно относится к так называемому «береговому неолиту». В свое время неолит, видимо, неплохо был выражен по всему Черноморскому побережью Кавказа, но в силу тектонических смещений, при положительном движении береговой линии, большинство этих поселений снесено морем. Не исключено, однако, что в ту же эпоху неолитическая культура развивалась в предгорных и горных районах Абхазии, в частности на базе прежних верхнепалеолитических и мезолитических поселений. Как правильно замечает А. Лукин, не все родовые коллективы ушли к морю в результате улучшения общих хозяйственных условий. «Мы вправе ожидать, – пишет он, – выявления следов и пещерного неолита и следов открытых горных неолитических стоянок, население коих существовало, главным образом, охотой и собирательством»². Материалы соседних областей Западной Грузии и сочи-адлерского района, где памятники неолита обнаружены и вне береговой полосы, наглядно подтверждают такую возможность.

В качестве примера можно привести некоторые сведения о хозяйственной структуре «горного неолита», по данным грота Очажного Воронцовской пещеры (в верховьях р. Кудепсты). Обзор инвентаря Очажного грота убеждает, что основным занятием его обитателей была охота. Большинство кремневых и костяных орудий составляет всякого рода острия, проколки и скребки для обработки и сшивания шкур, дротики и стрелы для охоты, что особенно показательно, поскольку на морском побережье этой ча-

¹ Там же, стр. 283.

² Там же, стр. 284.

сти Кавказа находка наконечников стрел представляет большую редкость. Лесной топор, совершенно необходимый для охотника, служил также орудием собирательства; при помощи его можно было выкапывать корни растений, а также добираться до диких фруктов и орехов.

Круглый терочник с ямочкой посередине, небольшая зернотерка и две кремневые мотыжки говорят и о существовании здесь в небольших размерах земледелия.

Ткацкие пряслица указывают на обработку шерсти, являвшейся продуктом скотоводства. В тот период, как видно, стал уже практиковаться отгон скота на лето в горы, в чем проявлялись новые передовые тенденции хозяйства, чуждые еще обитателям побережья, имевшим только зачатки скотоводства¹.

О сравнительно высоком для того времени уровне развития скотоводства в условиях «горного неолита» свидетельствуют остеологические материалы грота Сагварджиле (Терджольский район Западной Грузии). Здесь были найдены кости быка, свиньи, овцы, а также собаки².

Таким образом, в эпоху неолита было заложено начало хозяйственной дифференциации родовых общин. В то же время между обитателями горных и прибрежных неолитических поселений устанавливается (сначала спорадически, а затем все более и более регулярно) обмен производимой ими продукцией.

Развитию обмена и установлению более тесного контакта между береговыми поселениями способствовала открытая прибрежная полоса. В конце неолитической эпохи происходит заметная регрессия моря, бухты постепенно заполняются выносами рек и берег существенно выравнивается. Это способствует развитию сухопутного сообщения по единственно возможной в тех условиях естественной дороге побережья – морскому пляжу³.

Значительная общность инвентаря неолитических селищ Черноморского побережья Кавказа (Одиши, Кистрик, Нижняя Шиловка и др.) объясняется, надо полагать, не только сходством хозяйственно-географических условий быта, но и в известной степени наличием «секретных форм связей между обитателями этих селищ.

¹ Соловьев, Новый памятник, стр. 144.

² Археология Грузии, стр. 63.

³ Соловьев, Новый памятник, стр. 137.

Социальные отношения

В мезолито-неолитическую эпоху произошли существенные изменения в социальной структуре общества. Матриархально-родовые отношения принимают форму вполне сложившегося, зрелого родового строя.

Особо важную роль в этом сыграло земледелие, возникшее, как указывалось, из собирательства. Естественно поэтому, что избретательницей земледелия явилась женщина. Это обстоятельство привело к значительному повышению хозяйственной и социальной роли женщины в обществе.

Основную ячейку общества эпохи развитого матриархата представляла, выделившаяся в составе рода материнская семья, состоящая из мужчин и женщин четырех-пяти поколений. Численность такой семьи могла достигать до 200 и более человек.

Во главе материнского рода стояла старшая женщина из старших в роде семьи. Она возглавляла родовой совет, состоящий из старших женщин всего рода. Совокупность материнских родов, сохраняя деление на дуальные брачные группы (фратрии), образовывала племя, которое при развитом матриархате также нередко возглавлялось женщиной¹.

В ту эпоху фамильная принадлежность людей определялась по материнской линии. Этот так называемый матрилинейный счет родства нашел отражение в этнографических пережитках у абхазов, например, в образовании фамильных имен – Анба, Нанба, Ануа, Инапха и некоторых других. В этих именах фигурирует элемент «ан», означающий «мать». Особо следует отметить фамилии Инапха, где окончание «пха» означает «дочь», и Ануа с окончанием «уа» – «люди». Надо полагать, что Инапха значит «дочь Инны», а Ануа – «люди матери». Кстати, род Ануа по некоторым абхазским преданиям считается самым древним в Абхазии.

К числу пережитков матриархальных отношений принадлежит также признание особо близкой связи между дядей со стороны матери и его племянниками по сестре. Эта связь известна в научной литературе под названием авункулат (лат. «авункулус» – дядя по матери). Авункулат является наследием эпохи развитого матриархата, когда значение кровных родственников женщины-матери особенно возвышается.

Пережитки авункулата получили заметное отражение и в абхазском этнографическом быту. По понятиям абхазов, из всех род-

¹ Косвен, Очерки, стр. 125, 129.

ственников самым почетным и близким является брат матери и другие представители ее рода, а для них – дети сестры.

К пережиткам матриархальных порядков относятся сохранившиеся определенный след в этнографическом быту абхазов такие явления, как сорорат – женитьба на младшей сестре умершей жены – и левират, т.е. брак с братом умершего мужа¹.

Поселение супругов в эпоху матриархата носило матрилокальный характер, т.е. муж переходил на постоянное жительство в дом жены. Такое явление имело место при групповом браке и при так называемом парном браке, который был характерен для развитого матриархата. Первые семьи представляли собой более или менее временное сожитительство супругов при отсутствии у такой семьи общей хозяйственной базы, поскольку в тот период орудия и средства производства составляли общую собственность всей матриархально-родовой общины, а не отдельной семьи.

В этнографическом быту абхазов сохранились некоторые указания на то, что в прошлом их предки прошли матрилокальный период брачного союза. По мнению Ш. Д. Инал-ипа, амхара (специальный дом для новобрачных), которая возводилась в доме невесты, что, является подтверждением «бытования у абхазов матрилокального поселения, с одной стороны, и образования парного брака, с другой»².

Матриархальные отношения оставили особенно яркие следы в народных мифологических преданиях и религиозных воззрениях. Важное место в этом отношении занимает абхазский эпос о нартах. Одной из центральных фигур эпоса является образ родоначальницы нартов Сатаней-Гуаши.

Религиозные верования

Как известно, характер социально-экономических отношений определяет идеологические представления общества.

В частности, религиозные взгляды матриархальной эпохи представляли собой яркое отражение тогдашней общественной структуры. Не случайно поэтому, что одной из самых характерных черт древней абхазской религии было олицетворение многих явлений природы в образе божеств женского пола. Большинство из них генетически восходит к матриархату³.

¹ Инал-ипа, К вопросу о матриархально-родовом строе, стр. 254–260.

² Там же, стр. 254.

³ Там же, стр. 230–233.

Прежде всего земля (по некоторым сведениям, и солнце) олицетворялась у многих абхазов с образом женщины. Самое слово «земля», «почва» («анышь») в основе своей имеет, можно полагать, понятие «мать» («ан»). Отсюда и богиня земли и плодородия мыслилась в образе женщины. В период созревания урожая абхазы проводили «нанхва», т.е. моление в честь великой матери плодородия земли.

Большинство покровителей отдельных отраслей земледелия также представлялось в виде божеств женского пола. Из них наибольшей популярностью пользовалась Джаджа – богиня полеводства, огородничества и виноградников. Можно отметить еще богиню урожая Аныфа-нагу, богиню мукомолия Саунау, дух хлопка и льна Киквину и т. д.

С религиозными воззрениями эпохи матриархата в значительной степени связаны многие памятники искусства того периода. На территории Кистрика, например, был обнаружен интересный образчик примитивной глиптики – маленькая таблетка с углубленным изображением раскрытой шестипалой руки, изображавшей, как видно, магический символ.

Большой интерес в этом отношении представляют обнаруженные здесь же различные фигурные камни – мелкие и очень твердые гальки в виде полулуний, полых цилиндров, столбиков, шариков, округленных по краю мелких пластинок, яйцевидных камней и чашечек, которые привлекали внимание человека не только в качестве материала для хозяйственных нужд, но и с целью удовлетворения эстетических и культовых потребностей (талисманы, подвески и т. п.). Кистряне увлекались также собиранием камней – «самоцветов», которые представлены мелкими гальками близкой к сердолику породы и окатанными небольшими кусками яшмы темно-красного цвета¹.

Определенным свидетельством эстетических вкусов членов кистрикской общины является орнамент, который они наносили на керамические изделия. Несмотря на примитивный в целом характер, отделка поверхностей сосудов была разнообразной: имеются образцы отделки гребнем с обеих сторон, но иногда гребнем обработана только внутренняя поверхность, а наружная гладко заглажена; иногда же наоборот – внутренняя поверхность заглажена, а следы гребня несет только наружная. Имеется и разделка двусторонняя, сплошная, с использованием гребня для орнаментации путем заглаживания в елочку, в переплет и т. д.

¹ Лукин, Неолитическое селище Кистрик, стр. 285.

Рассмотренное выше матриархальное общество представляло собой классическую форму родового строя. В эту эпоху основа первобытнообщинных отношений – общая собственность, коллективный труд и коллективное распределение – полностью сохраняла свою социальную значимость. Поэтому данный период и совпадает с расцветом первобытнообщинного строя вообще. На следующем, заключительном этапе своего развития материнский род начинает постепенно уступать место более высокой ступени первобытных общественных отношений – патриархальному (отцовскому) роду.

Начало упадка матриархально-родового строя

Энеолит Период разложения матриархально-родового строя и постепенного утверждения патриархата совпадает, в основном, с археологическим периодом энеолита (медно-каменного века). Этот переходный этап от каменного века к бронзовому был сравнительно непродолжительным – в Грузии он длился приблизительно с конца IV до середины III тысячелетия до н. э.¹

Энеолитическая эпоха начинается с момента изготовления медных изделий путем холоднойковки и заканчивается изобретением горячего литья меди, а затем бронзы. Даже на ранней стадии введения в употребление металла (меди) наблюдается определенный прогресс почти во всех отраслях хозяйства. Достаточно сказать, к примеру, что медный топор был по меньшей мере вдвое производительнее, чем каменный. Однако основным материалом, из которого изготовлялись орудия, по-прежнему оставался камень, и по своему внешнему облику каменные изделия энеолитической эпохи мало чем отличались от неолитических орудий.

Энеолитические памятники Кавказа составляют своеобразную культурную область, заметно обособившуюся от соседних, в частности от Северного Причерноморья². В территориальном отношении она охватывала все Закавказье и некоторые районы центрального Предкавказья и Дагестана. Однако внутри нее наметились узко-локальные культуры, вероятно, племенного характера.

К числу таких вариантов принадлежали, как видно, и энеолитические памятники Западной Грузии, обнаруженные в Даблагоми,

¹ Археология Грузии, стр. 88.

² Формозов, Этнокультурные области, стр. 105–106, 108.

Сагварджиле и Очамчире, отличающиеся определенным своеобразием, в сравнении с другими синхронными памятниками Закавказья¹.

На территории Абхазии Очамчирское селище является пока единственным изученным памятником энеолитической культуры. Датируется оно приблизительно серединой III тысячелетия до н. э.². Селище расположено в пяти км. к северу от Очамчире, на левом берегу ручья Джикумура (Чанаквара), у места впадения его в море, и размещалось на трех небольших холмах. Жилищем, вероятно, служили шалаши с полом из обожженной глины. Следов землянок не найдено, по-видимому, их не соорудили вследствие того, что местность была заболочена.

Инвентарь Очамчирского селища представлен своеобразными каменными орудиями. Поделочным материалом служила преимущественно морская и речная галька различных пород, которая расщеплялась и оттесывалась для изготовления самых разнообразных орудий. В большинстве случаев гальку расщепляли сильным ударом или же, не разбивая ее, оттесывали края в лезвие прямо направленным ударом. Орудия, полученные таким образом, легко подбирались в комплект, удовлетворяющий определенному назначению.

Галечный инвентарь селища представлен следующими орудиями: резакки различных форм – с тупой спинкой, овальные, обоюдоострые и др.; стамески – ножевидные, с изогнутым лезвием, желобчатые, долотообразные; рубанки – рубанки-скребки, «ломтики» и др.; остроконечники; топоры – подовальной, подтреугольной и округлой формы, удлинённые и др.; мотыги – одна из длинной и узкой гальки, расколота вдоль, другая из более тяжелой, расколота в длину гальки удлинённой формы; грузила для сетей и ткацкого станка; зернотерки; пест цилиндрической формы отшлифованный с боковых сторон; пряслице для веретена, а также каменные шары и гальки неизвестного назначения.

Кремневые орудия представлены на селище значительно меньшим количеством. Кремень преимущественно невысокого качества и, вероятно, был мало пригоден для изделий. Отщепы, найденные в культурном слое, неправильные и мелкие; орудия, за редким исключением, небольшого размера и неопределенной формы.

¹ Джапаридзе, Ранний этап, стр. 31.

² Соловьев, Энеолитическое селище, стр. 6, 51.

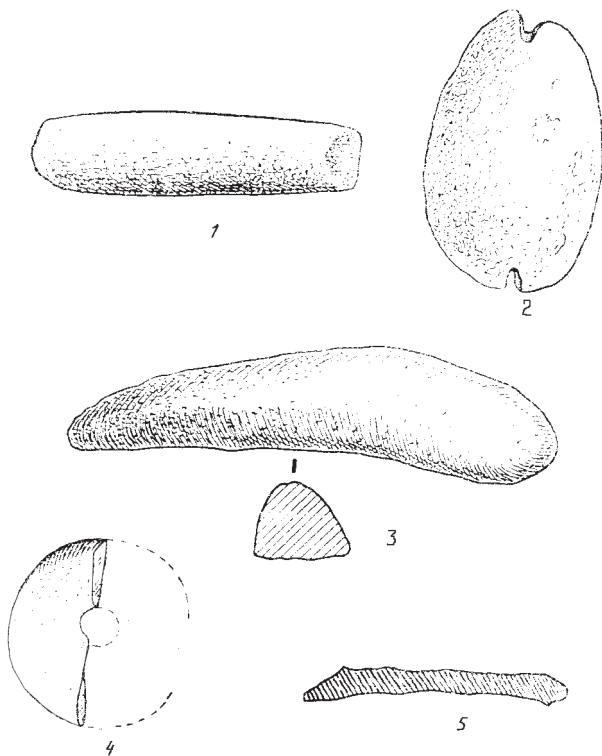

Рис V. Энеолитические орудия из Очамчирского селища:

- 1 – долото; 2 – грузило для ткацкого станка; 3 – мотыга;
4 – пряслице для веретена; 5 – зернотерка доскообразная

Нуклеусы встречаются редко и мало выразительны; некоторые из них приближаются к дисковидной форме, другие – призматические, небольшого размера (3–4 см). Отщепы от них отделялись, по-видимому, поочередно с обоих концов путем отжима. Они также употреблялись как орудия.

Инвентарь кремневых изделий состоит из следующих орудий: стамески и долота – короткие и широкие, удлиненной формы, вогнутые, с ножевидным лезвием и др.; о т щепы со следами употребления; скреблы с вогнутым лезвием; скребла круглые; резцы; резаки; остроконечники; вкладыши для серпов; стрелы; пилки; проколки; наконечник дротика и пр.¹ (рис. V).

На селище обнаружены также костяные орудия, изготовленные из длинных костей животных – проколки, долота и др.

¹ Там же, стр. 24–39.

Значительное развитие в энеолитическую эпоху получило гончарное производство.

На Очамчирском селище был собран богатый керамический материал, но ввиду того, что он состоял главным образом из мелких фрагментов, трудно получить полное представление о форме сосудов и их назначении. По-видимому, наиболее обширную категорию сосудов составляли горшки баночной формы с шириной венчика превосходящей ширину дна; края прямые или имеют слабо выраженное вздутие бочков и слабо отогнутый наружу венчик. Несколько реже встречались горшки с более выпуклыми стенками и слабо завернутым краем. Самые крупные сосуды имели, видимо, диаметр корпуса около 30 см, а диаметр дна – около 16 см. Значительно реже встречаются глубокие миски с прямыми или слабо вогнутыми стенками с диаметром края в 16–18 см и высотой предположительно в 6–7 см. Нередки большие кружки с прямым или слабо выпуклым краем, с ручкой или без ручки. Встречались обломки кувшинов. Найдены низкие сосуды формы срезанного конуса, с вогнутыми стенками, широким дном и несколько более узким горлом. Таким образом, керамике селища было свойственно некоторое разнообразие форм (рис. VI).

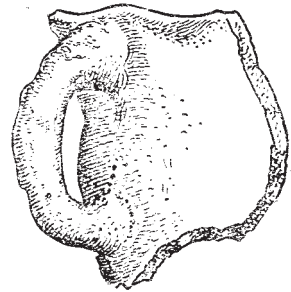

Рис. VI. Ручка глиняной кружки

Материал для изготовления керамической посуды употреблялся неоднородный, но в основном это глина, залегающая здесь же, на месте стоянки. К ней прибавлялась различная примесь – чешуйки белой слюды, песок и пр.

Формовка посуды ручная. Сначала изготовлялось плоское дно, затем «защипывался» его край на 1–1,5 см и после этого налеплялась стенка. В ряде случаев наlepка производилась последовательным рядом жгутов. Для просыхания сосуда ставились на землю, а в некоторых случаях на грубую ткань или плетенку, следы которой иногда сохраняются на дне. Поверхность сосудов чаще всего шероховата, с выступающими из стенок песчинками и слюдой.

Лишь в редких случаях осуществлялось лощение поверхности, не достигавшее, впрочем, эффекта ввиду примеси к тесту песка.

Наряду с описанной керамикой обычного типа в культурном слое селища неоднократно встречались фрагменты лощеных со-

судов неоднородной группы. Часть из них была изготовлена из хорошо отмученной глины другими, более совершенными техническими приемами. Стенки сосудов имеют равномерную толщину, формовка правильная, возможно на гончарном круге, обжиг хороший. В тесте иногда имеется значительная примесь песка, но зерна его не выступают на поверхности. Сосуды этого типа чаще всего представлены кувшинами, небольшими горшочками и кружками. Возможно, что эти изделия были привозными.

Оценивая керамику Очамчирского селища, Л. Н. Соловьев указывает, что «характеризующее ее богатство форм, разнообразие приемов и некоторое совершенство ручной, жгутовой техники, ей свойственное, говорят за большой путь, пройденный гончарством до появления этих изделий, и за существование более примитивных форм в Абхазии. Вместе с тем, эти особенности говорят за то, что мы здесь имеем передовую для своего времени технику гончарства, с приемами, еще не установившимися, но находящимися в стадии опыта и исканий»¹. Вскоре после опубликования цитированной работы Л. Н. Соловьева в Абхазии было обнаружено Кистрикское неолитическое селище, в котором, как отмечалось, и оказались представлены более ранние и более примитивные формы гончарного производства.

Говоря об инвентаре Очамчирского селища, необходимо отметить, что металлических изделий здесь вовсе не было обнаружено (это, впрочем, характерно и для многих других неолитических селищ). Л. Н. Соловьев пишет по этому поводу: «Отсутствие металлических изделий, при обилии каменных орудий в слоях стоянки, конечно, придает ей архаический облик, но было бы ошибочно делать из этого довод в пользу повышения возраста стоянки... Орудия из металла в быту должны были представлять большую редкость и даже позже... Большое количество плоских галек из песчаника, найденных на нашей стоянке и носящих следы употребления их в качестве точил, является, быть может, косвенным указанием на употребление металлических орудий». Далее автор указывает, что геологические условия залегания Очамчирской стоянки также позволяют датировать ее неолитическим временем. «В этих датировках, – продолжает он, – мы получаем исходную точку для оценки общества, оставившего следы своей деятельности на берегах р. Джикумур?»².

¹ Там же, стр. 45.

² Там же, стр. 50–51.

Длительная и оседлая жизнь на Очамчирском селище была возможна только при наличии прочной базы воспроизводящего хозяйства. Такой базой являлись земледелие и скотоводство.

О значительной роли земледелия в быту очамчирских насельников говорят найденные здесь многочисленные зернотерки, ремневые вкладыши для серпов, а также мотыги, которые, правда, были обнаружены только в двух экземплярах.

По мнению Л. Н. Соловьева, в данном случае можно говорить лишь о мотыжном земледелии на лесных полянах и прибрежных песках.

Вопрос о том, где находились пашни селища, решить не удалось. Л. Н. Соловьев предполагает, что в ту эпоху, отличавшуюся сухим и теплым климатом, по берегам моря уже начинают развиваться пески, на которых могли быть открытые пространства, служившие пастбищем для скота, а также пашней.

Вместе с тем, благодаря совершенству своих каменных орудий, а может быть, используя уже и металлические, человек той эпохи мог уже бороться с зарослями девственного леса, расчищая топором более удобные места для посева хлебов.

Сравнительно высокий уровень развития скотоводства подтверждается находками в культурном слое стоянки многочисленных костей, которые оказались, за редким исключением, принадлежавшими домашним животным, в основном корове, меньше – свинье и совсем немного – козе и овце. Поголовье скота в конце существования поселения увеличилось, поскольку органические остатки помета домашних животных были найдены главным образом в верхнем горизонте культурного слоя.

Определенную роль в жизни обитателей энеолитического селища играла охота, но она занимала лишь подчиненное место. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что костей диких животных здесь оказалось очень мало.

Объектом охоты были преимущественно дикая коза и олень. Оружием для охотников служили лук, дротики и копья. находка каменных шаров указывает на возможное употребление метательного оружия.

Не легко решить вопрос, почему при наличии девственных лесов охота у обитателей селища была мало развита. Очевидно, это объясняется тем, что сравнительно широкое развитие земледелия, скотоводства и рыболовства в достаточной степени удовлетворяли первейшие жизненные потребности населения.

Следов собирательства в селище не обнаружено, но вряд ли можно сомневаться, что дикорастущие плоды широко использовались. Каменные песты, найденные в культурном слое, могли употребляться для растирания съедобных корней и орехов.

Важное место в хозяйстве обитателей Очамчирского селища занимало рыболовство. Л. Н. Соловьев полагает, что в переходе к оседлости данного общества оно должно было сыграть определенную роль. Можно допустить, что при выборе места поселения на болотистой приморской низине, на берегу лимана, интересы рыболовства играли даже решающую роль. Не случайно, что в культурном слое селища тяжелые грузила для сетей встречались очень часто. В одном месте несколько галек лежало на ограниченном пространстве, и это позволяет предположить, что здесь, возможно, лежала сеть. Был найден также просверленный рог козы, который мог представлять собой иглу для вязания сетей.

Из морских промыслов можно отметить также охоту на дельфинов, что доказывается присутствием их костных остатков. Из крупных рыб объектом ловли была камбала.

В рассматриваемый период, возможно, были уже в употреблении лодки, на которых обитатели селища плавали в мелководном заливе и на небольших глубинах у морского берега. В распоряжении населения имелись достаточные средства для этого: целые серии долотообразных и стамескообразных орудий и примитивные топоры могли употребляться в качестве орудий для постройки лодок¹.

Обитатели селища занимались ткачеством, на что указывают небольшие грузильца из гальки, которые, надо полагать, употреблялись для этой цели. Об этом же свидетельствует и найденное здесь одно каменное пряслице с отверстием. Прямым указанием на наличие ткачества или плетения являются соответствующие отпечатки на днище одного из глиняных сосудов.

Л. Н. Соловьев отмечает, что население стоянки было озабочено вопросом хранения запасов. Были найдены обломки довольно крупных сосудов, в которых могли храниться жидкости, зерно, мука, дикорастущие плоды и др.

Сосуды хорошей выделки и разнообразной формы служили для приготовления пищи и питья. Все это говорит о развитом и хорошо обслуженном домашнем обиходе.

К сожалению, раскопки на селище дали очень мало материалов для реконструкции жилых помещений и хозяйственных

¹ Там же, стр. 52–54.

сооружений. Этому не благоприятствовали условия залегания культурного слоя на уровне моря и связанная с этим близость почвенной воды. Единственно, что было обнаружено, это слегка обожженные уплотненные глиняные площадки и связанные с ними присыпки галек. Эти площадки диаметром около 3 м могли быть полом небольших шалашей. Под древнейшим курганом, насыпанным из синей глины, также были найдены, по-видимому, следы шалаша – заостренные колышки, забитые почти вертикально; неоднократно встречались обожженные кусочки глины, вероятно, следы обмазки шалашей. Л. Н. Соловьев подкрепляет эти свои соображения указанием на то, что еще до недавнего времени жилищем многих абхазов являлась «пацха», представлявшая подобие шалаша. Это объясняется мягким климатом Абхазии, который, в то время был, по всей вероятности, еще мягче.

Домашняя жизнь очамчирских аборигенов проходила, вероятно, на открытом воздухе, вокруг больших костров, следы которых в виде значительного количества угля и золы приурочены главным образом к нижней части культурного слоя. Позднее, как видно, лес был истреблен на большом расстоянии вокруг поселения и постоянные костры сделались роскошью. Для ночного освещения в помещениях могли употребляться глиняные светильники, которые также были найдены в культурных слоях селища.

Можно предполагать, что жилища распределялись по территории поселения неравномерно и возводились отдельными группами. Культурный слой местами прерывается и лежит, как бы отдельными большими пятнами, причем эти пятна в некоторых случаях были довольно резко ограничены.

Определенного развития, надо полагать, достигает в тот период и межобщинный обмен. Жизнь на берегу моря, как отмечалось выше, открывала в этом направлении большие перспективы. Выйдя на берег моря, человек получил возможность легкого сообщения вдоль морского побережья, по морскому пляжу или по береговому валу. С тех пор береговой вал сделался не только излюбленным местом поселения в продолжение ряда эпох, но и местом, где были проложены первые дороги.

Между тем, по мнению Л. Н. Соловьева, в рассматриваемую эпоху межплеменной обмен не был значительным. На селище почти не найдено предметов, которые бесспорно можно было бы признать за привозные. В повседневном обиходе очамчирских на-

сельников потребности удовлетворялись почти исключительно местными орудиями. Предметом обмена могли быть некоторые группы керамических изделий.

Такова в общих чертах хозяйственная жизнь населения Абхазии в энеолитическую эпоху. К сожалению, ограниченность материала не позволяет более подробно осветить этот важный вопрос.

Социальные отношения

Еще более недостаточны наши данные для характеристики социальных отношений, господствовавших в очамчирской энеолитической общине. С большой долей вероятности можно сказать, что это было родовое поселение, состоявшее, по-видимому, из ряда семейных жилищ. На основании того факта, что жилища в поселке распределялись не равномерно, а были расположены отдельными группами, можно допустить, что подобная группировка соответствовала каким-то внутривидовым делениям, возможно парным семьям.

Общий строй социальных отношений оставался по-прежнему матриархальным, хотя и вплотную подошедшим к завершающей стадии своего развития. На это указывают следующие обстоятельства: с одной стороны, определенно выраженный архаический облик Очамчирского селища, который свидетельствует, что его обитатели в своем социальном развитии вряд ли могли далеко уйти от предшествующей эпохи. В кремневом инвентаре стоянки еще чувствуются глубоко архаические верхнемезолитические традиции, а изделия из кости дают типы раннего неолита. Ясно, что в таких условиях не приходится ожидать существенных социальных изменений. Однако, с другой стороны, определенный прогресс в хозяйственной жизни общества все же наблюдается. Выше уже отмечались факты дальнейшего развития земледелия и особенно скотоводства. Как известно, скотоводство возникло из охоты, и поэтому его изобретателем явился мужчина-охотник, что, несомненно, должно было значительно поднять его общественную роль. Это обстоятельство не могло не поколебать господствующего положения женщины.

Но тем не менее во главе земледелия, представлявшего основную отрасль хозяйства, по-прежнему оставалась женщина, и поэтому она сохраняла пока за собой руководящее место в родовой организации¹. Как замечает Г. Ф. Гобеджишвили, в эпоху энеолита «матриархат не был еще окончательно изжит. Нужно

¹ Джапаридзе, Ранний этап, стр. 46, 51.

думать, что этот строй получил лишь первую трещину, которая с течением времени становилась все более и более заметной»¹. В целом же родовой строй на данном этапе прочно сохранял свои позиции.

Религия и искусство

Судить о религии и искусстве обитателей Очамчирского энеолитического селища также довольно трудно ввиду крайней фрагментарности соответствующих материалов. Можно лишь предположить, что религиозные представления эпохи развитого матриархата полностью сохраняли свою силу. Во всяком случае, по-прежнему широкой популярностью пользовался культ богини-матери, с которым связывают характерные женские статуэтки, в значительном количестве обнаруживаемые в энеолитических селищах. В связи с развитием скотоводства, несомненно, должен был возникнуть культ домашних животных. Возможно, культовое назначение имела найденная в Очамчирском селище стилизованная глиняная скульптура головы какого-то животного, вероятно, барана. В этот период, как отмечалось, была уже одомашнена и коза. Культ этого животного, очевидно, появляется в ту же эпоху. Как видно из этнографических данных, культ козла занимал очень важное место в древнейших зооморфных представлениях абхазов.

Об эстетических вкусах обитателей Очамчирского селища некоторое представление дает орнамент, встречающийся на некоторых глиняных сосудах, хотя он применялся здесь сравнительно редко. По степени употребления мотивы орнамента распределяются следующим образом: выпуклые рантики с нарезками, имеющими вид зубчатых поясков, расположенных ниже края сосуда в один или два ряда; заштрихованные треугольники, образующие на стенках сосуда узор неясной композиции; ступенчатый орнамент из ряда наклепленных друг на друга валиков глины. Этот орнамент тесно связан с «жгутовой» техникой лепки сосудов.

На обнаруженных в селище обломках лощеной посуды сохранился линейный орнамент, который наносился на высыхающую поверхность сосуда. По большей части этот орнамент представлял собой заштрихованные треугольники или зигзагообразную линию.

Можно полагать также, что конкретными эстетическими ображениями объясняется в известной степени и разнообразие внешнего облика сосудов, употреблявшихся в энеолитическую

¹ Гобеджишвили, Археологические раскопки, стр. 48.

эпоху. В этом отношении керамика того периода заметно отличается от глиняной посуды предшествующего неолитического времени.

Энеолитическая эпоха представляла собой определенный этап не только в социально-экономическом развитии общества, но и в области культурного творчества. Единичные орудия из меди, применявшиеся в ту эпоху, несмотря на свою важную техническую значимость, не могли еще существенно изменить хозяйственно-культурную и общественную структуру населения, но они в то же время знаменовали собой начало новой эпохи в развитии человечества, в которой ведущую роль играли уже не каменные, а металлические орудия.

ГЛАВА II

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ (ПАТРИАРХАЛЬНО-РОДОВАЯ ОБЩИНА)

Возникновение патриархально-родовых отношений

Во второй половине III тысячелетия до н.э. в Закавказье начинают входить в употребление орудия из бронзы, представляющей собой сплав меди с оловом. Иногда в бронзовом сплаве основным компонентом наряду с медью выступали другие металлы, например, сурьма, мышьяк и др.

Бронзовые орудия были значительно тверже и острее медных; кроме того, бронза плавится при более низкой температуре (700–900°), чем медь (1083°), а это существенно облегчало литье бронзовых изделий.

Следует, однако, отметить, что бронзовые орудия не могли полностью вытеснить каменные. В ряде случаев рабочие свойства камня оказывались выше, чем бронзы, а главное – камень, пригодный для изготовления орудий, был почти всюду, между тем как источники сырья для бронзы, в особенности олово, встречаются редко.

Тем не менее, ведущими орудиями отныне становятся все же бронзовые, и поэтому в истории человечества наступает новая археологическая эра – бронзовый век, пришедший на смену каменному.

Ранний бронзовый век

Бронзовый век делится на три периода – ранний, средний и поздний. Ранняя ступень бронзовой культуры непосредственно следует за энеолитическим временем и начинается, как отмечалось, с момента изобретения горячего литья металлов, т. е. с появления металлургии.

На территории Закавказья, и в частности Грузии, имелись благоприятные условия для возникновения и развития металлургии

ческой техники. Этому способствовали, с одной стороны, наличие залежей цветных металлов на Кавказе, а с другой – оживленные связи со странами Ближнего Востока, на что указывают формы и стилистические особенности некоторых наиболее ранних медных и бронзовых изделий¹.

Памятники раннего бронзового века на территориях Абхазии были обнаружены в дольменах. Дольмены – своеобразные погребальные сооружения, состоящие обычно из нескольких огромных каменных глыб, поставленных вертикально и перекрытых массивной горизонтальной плитой.

В период бронзового и раннежелезного веков дольмены были широко распространены в Азии, Африке и Европе. Весьма характерно тяготение всех районов распространения дольменов к приморским областям. Они обычно отсутствуют во внутренних частях материка, безразлично горных, предгорных или равнинных.

Не касаясь весьма сложного и еще не решенного в науке вопроса о происхождении дольменов вообще, перейдем к характеристике дольменов Кавказа и главным образом Абхазии.

До начала XX в. дольмены были известны лишь на территории Северного Кавказа². О наличии их в Западной Грузии большинство ученых высказывалось отрицательно на том основании, что местное население не имело о дольменах никакого представления³. Однако было высказано и другое предположение, что дольмены в Абхазии могут быть обнаружены⁴, что впоследствии и подтвердилось.

Первые дольмены в Абхазии были найдены в Сухумском районе, близ с. Азанта⁵. Затем они были обнаружены в селениях Эшера, Ачандара и Отхара, а позднее – на Псху, у перевала Доу, в с. Кульперхва, Шрома (Михайловское), Хоби и в других местах. Есть также сведения о наличии их и в Очамчирском районе – близ Бедиа и Отара⁶.

¹ Джапаридзе, Ранний этап, стр. 55–56; Куфтин, Материалы, стр. 264.

² Фелицын, Западно-Кавказские дольмены.

³ Уварова, Несколько дополнительных сведений, стр. 175.

⁴ Миллер, Разведки, стр. 83.

⁵ Стражев, К Азантскому дольмену.

⁶ Соловьев, Погребения, стр. 71–72; см. также карту распространения дольменов на Северо-Западном Кавказе, составленную Л. И. Лавровым и дополненную Л. Н. Соловьевым (Труды АИЯЛИ, т. XXXI, стр. 110–111).

Не все известные абхазские дольмены были подвергнуты систематическому исследованию. Более или менее обстоятельно изучена только эшерская группа, состоящая из 15 сооружений.

По своей конструкции, исследованные абхазские дольмены принадлежат к наиболее распространенному на Западном Кавказе типу, представляющему собой четырехугольный каменный ящик трапециевидной формы, каждая сторона которого, а также крыша и часто дно составляют отдельную монолитную плиту, передняя вертикальная плита имеет небольшое круглое или овальное отверстие¹.

Самым высоким в Абхазии является азантский дольмен № 1, достигающий 2,6 м высоты, а самым вытянутым – эшерский дольмен № 1, имеющий длину 3,64 м.

О массивности дольменных плит можно судить по тому, что некоторые из них достигали весьма значительного веса, превышающего 50 т. По своим размерам абхазские дольмены являются самыми крупными на Кавказе.

При общем типе эшерских дольменов, в них, тем не менее, замечаются некоторые различия как в величине, так и в тщательности постройки. Кроме того, одно сооружение отличается от остальных по своей ориентировке. Оно обращено передней стороной, т. е. плитой с отверстием, на юго-запад, в то время как другие направлены фасадом почти точно на юго-восток.

По вопросу о времени постройки абхазских дольменов, большинство исследователей сходится на том, что они возводились с конца III и в течение первой половины II тысячелетия до н. э. После этого, такие погребальные сооружения больше не сооружались, но старые еще долго, вплоть до античного времени, употребляли для захоронения покойников.

По мнению О. М. Джапаридзе, время постройки дольменов было более продолжительным и, по-видимому, целиком охватывало периоды ранней и средней бронзы.

Обследованные им два эшерских дольмена отличались более архаическим инвентарем, чем ранее известные. Эти дольмены О. Джапаридзе относит к начальной ступени раннебронзового периода и датирует 2400–2200 гг. до н. э. Дольмены, содержащие следующий слой, он относит к 2200–1800 гг. до н. э. – к поздней ступени раннебронзового периода. Наконец, третий строительный слой дольменов Абхазии – к среднебронзовому периоду, доходя хронологически до середины II тысячелетия до н. э.²

¹ Лавров, Дольмены, стр. 102.

² Джапаридзе, К истории грузинских племен, стр. 238–239.

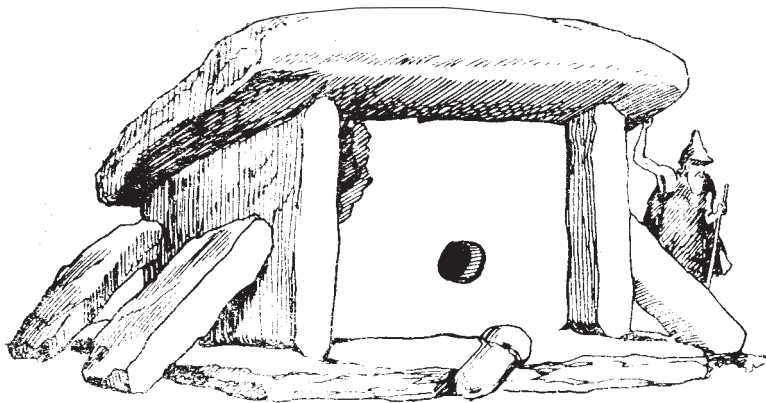

Рис. VII. Дольмен

Вопрос о происхождении абхазских, как и вообще западно-кавказских дольменов не может считаться окончательно решенным. На этот счет в научной литературе высказывались различные предположения. А. С. Уваров считал, что дольмены были возведены на Западном Кавказе пришлым из Азии народом¹. Л. Н. Соловьев полагает, что идея постройки их проникла на Северо-Западный Кавказ из Сирии и Палестины, минуя области, расположенные южнее, т. е. морским путем². По мнению Л.И. Лаврова, «появление дольменов на Кавказе нельзя объяснить иначе, как следствием дальних морских экспедиций кавказских народов на рубеже неолита и раннеметаллической эпохи»³. Некоторые авторы настаивают на местном происхождении кавказских дольменов. Так, чешский ученый Б. Грозный считал, что они возникли в Закавказье и отсюда распространились в Сирию и Палестину⁴. Б. Б. Пиотровский, наоборот, допускает возможность заимствования дольменов как погребальных сооружений из соседних стран, но отвергает миграцию «культуры дольменов» на том основании, что «предметы, найденные в кавказских дольменах, отражают хорошо известную аборигенную культуру медного века Кавказа»⁵. Такой же, в основном, точки

¹ Уваров, Мегалитические памятники, стр. 274.

² Соловьев, Новый памятник, стр. 157.

³ Лавров. Дольмены, стр. 107.

⁴ Грозный, Доисторические судьбы, стр. 29.

⁵ Пиотровский, Поселения, стр. 182.

зрения придерживается О. М. Джапаридзе, который вместе с тем считает возможным, что родиной дольменов, имеющих в передней части отверстие, был именно Кавказ¹.

Таким образом, взгляды исследователей по вопросу о происхождении этих погребальных сооружений различны, и лишь дальнейшее изучение может пролить на него определенный свет.

Эшерские дольмены начала раннебронзовой эпохи по технике строительства и погребальному инвентарю довольно близки друг к другу. Они отличаются от более поздних своими меньшими размерами, более примитивным характером построек и содержащихся в них предметов. Несмотря на то, что в этих дольменах было похоронено довольно большое число покойников, погребальный инвентарь в них весьма беден и состоит в основном из глиняной посуды. Металлических изделий оказалось очень мало – кинжальный клинок, наконечник стрелы, овальные височные кольца и др. Интерес представляет также редкая находка кремневых наконечников стрел с выемчатым основанием².

Металлические изделия из ранних дольменов сделаны преимущественно из меди. Б. А. Куфтин по этому поводу пишет: «Строители дольменов находились еще в самом начале бронзового периода и не только не знали железа, но и бронзовый сплав им не был еще знаком; так, по данным химического анализа, орудия, найденные в дольменах, сделаны из чистой меди и содержат олова лишь около полпроцента, что может объясниться скорее всего не сознательной присадкой, а просто составом медной руды»³.

Дольмены последующего периода крупнее, более тщательно построены, их погребальный инвентарь значительно богаче, чем в ранних дольменах.

В составе инвентаря обращают на себя внимание медные вислообушные топоры характерной формы, медные втульчатые крюки, один из которых трехзубый, треугольное копьевидное лезвие ножа, медный вислообушный топор, бронзовые бусы и др., но керамический инвентарь почти не меняется.

**Социально-
экономические
отношения**

Социально-экономическая характеристика населения Абхазии раннебронзового периода не может быть всесторонней и детальной из-за отсутствия достаточного количества мате-

¹ Джапаридзе, К истории грузинских племен, стр. 216.

² Там же, стр. 221–224, 229.

³ Куфтин, Материалы, стр. 312.

риалов, которые представлены главным образом небогатым погребальным инвентарем ранних дольменных захоронений.

О развитии земледелия и скотоводства в период ранней бронзы можно получить представление лишь на основе некоторых косвенных данных, позволяющих считать, что эти отрасли хозяйства в ту эпоху несомненно поднимаются на более высокую ступень¹.

Возможно, что значительное распространение получила тогда подсечная система земледелия, практиковавшаяся на расчищенных от леса пашнях. При рубке леса главную роль играл труд мужчин, что способствовало выдвиганию его на руководящее место в земледельческом труде, в котором раньше безраздельно хозяйничала женщина. В тот период, по-видимому, уже стали применять примитивную соху. Была заложена основа плужного земледелия, в котором ведущая роль полностью перешла к мужчине.

Выдвиганию мужчины в общественной жизни способствовало и дальнейшее развитие скотоводства. Скот использовался теперь не только в качестве источника мясной и молочной пищи, но и в качестве тягловой силы в земледелии. Можно допустить, что в тот период уже практиковали унавоживание пашен с целью повышения плодородия. Таким образом, скотоводство тесно связывается с земледелием.

В эту эпоху значительно повышается роль мелкого рогатого скота – развивается овцеводство и козоводство. Скотоводческое хозяйство постепенно начинает принимать отгонный характер, и в связи с этим начинают осваиваться высокогорные альпийские пастбища.

Можно полагать, что именно в тот период определенная часть населения отделилась от земледелия и стала заниматься преимущественно скотоводством, хотя пока полностью не оторвалась от земледельческой базы.

Дальнейшему повышению общественной роли мужчины содействовало также развитие металлургии. Техника обработки металлов достигла достаточно высокого уровня. Анализ обнаруженных в Абхазии изделий того периода показывает, что они изготовлялись из чистой меди, в которой содержалось от 2 до 5% мышьяка. Была создана довольно сложная техника литья. Вполне допустимо, что изготовление металлических изделий уже выделилось в самостоятельную ремесленную отрасль внутри общины.

¹ Джапаридзе, К. истории грузинских племен, стр. 106.

По мнению О. Джапаридзе и др., в Западной Грузии в период ранней бронзы особого развития достигает металлургия. Надо полагать, что именно в это время складывается в верховьях р. Квирилы мощный очаг металлургического производства¹. Строители абхазских дольменов, несомненно, были связаны с этим очагом, о чем свидетельствует, во-первых, большое сходство металлического инвентаря дольменов с изделиями из других раскопок этого района (Сачхерский курган и др.).

Отмеченные выше экономические моменты (появление плужного земледелия, развитие скотоводства, возникновение металлургии) окончательно привели к установлению руководящей роли мужчины в общественной жизни, обусловили переход к патриархальной стадии в развитии первобытнообщинного строя. Энгельс писал: «...«более кроткий» пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе»².

Основной общественно-хозяйственной единицей становится большая патриархальная семейная община, пришедшая на смену матриархальной парной семье. Во главе новой общественной организации становится родоначальник-патриарх.

Развитие первобытной техники привело к возникновению «парцеллярного труда как источника частного присвоения»³. Поэтому с установлением патриархальных отношений в первобытнообщинном строе появляется первая брешь в виде элементов индивидуальной собственности и накопления богатств в руках верха патриархальной общины. Энгельс пишет по этому поводу: «...богатства, поскольку они однажды перешли в частное владение отдельных семей и быстро возростали, нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде»⁴. В результате «материнское право уступило место отцовскому; возникающее частное богатство пробило этим свою первую брешь в родовом строе»⁵. Следовательно, патриархальная родовая община в целом явилась социальной формой разложения первобытнообщинного строя.

На Кавказе эпоха патриархата начинается с конца III тысячелетия до н. э.⁶ Установление этих отношений в Абхазии совпадает с

¹ Там же, стр. 262–266.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 162.

³ К. Маркс, Черновые наброски, стр. 695.

⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 100.

⁶ Крупнов, Древняя история и культура Кабарды, стр. 74.

периодом постройки ранних дольменов, о чем, в частности, свидетельствует наличие в их инвентаре чисто мужских орудий – топоров, наконечников копий и стрел, кинжальных клинков и др. Вместе с тем в социальных отношениях и в быту сохранялись еще сильные пережитки матриархата.

Характер дольменных погребений и их инвентаря позволяет в известной степени определить уровень развития социальных отношений того периода. По мнению первого исследователя эшерских дольменов М. М. Иващенко, «погребения в дольменах были коллективными, причем в дольмен погребались члены одного рода»¹. Б. А. Куфтин считал, что «каждый дольмен надо рассматривать как семейно-родовую гробницу, воздвигаемую представителями отдельных родовых единиц, входящих в состав более крупного объединения». Вместе с тем он подчеркивал, что «крупный размер и совершенство работы отдельных дольменов придется отнести за счет более богатого и влиятельного рода, может быть выделившегося уже в особую родовую аристократию»². Л. И. Лавров, исходя из того факта, что подавляющее большинство раскопанных дольменов содержало не более трех погребений, приходит к выводу, что «дольмены были не родовыми, а семейными усыпальницами»³. Он высказывает предположение, что в эпоху строительства дольменов на Западном Кавказе, род как хозяйственная единица уже уступил первенство семье, имевшей свой собственный дольмен. Однако связи между отдельными семьями, принадлежавшими к одному роду, оставались еще весьма крепкими. На это прежде всего указывают частые случаи преднамеренного расположения нескольких дольменов в одну ровную линию. Именно подобные группы дольменов (как это, например, имеет место в Эшера), а не отдельные сооружения следует рассматривать как родовые кладбища⁴.

Несмотря на явно намечавшиеся зачатки имущественного расчленения, раннепатриархальное общество представляло собой пока еще сплоченную родовую организацию. Б. А. Куфтин справедливо указывал на то, что «количество труда для установки одного такого дольмена требовалось огромное, и поскольку общество в ту пору дольменных могил могло быть только бесклассовым, надо пред-

¹ Иващенко, Исследование, стр. 49.

² Куфтин, Материалы, стр. 267.

³ Лавров, Дольмены, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 105.

полагать существование крепкой коллективной сплоченности, несколько еще не поколебленной»¹. Л. И. Лавров также отмечает, что «постройка дольмена вряд ли была под силу отдельной семье. Для этого нужны были усилия большого коллектива, каким для того времени мог быть именно род»².

В рассматриваемый период значительно более широкий характер, чем в предшествующую эпоху, принимают межплеменные и межобщинные связи обитателей Абхазии. Памятники дольменной культуры Абхазии носят отпечаток несомненной общности с культурой соседних районов Закавказья и Северного Кавказа. «Весь наличный материал говорит о какой-то общности культурного развития древнейших насельников центральной зоны Северного Кавказа и племен Предкавказья, Южного Кавказа и особенно Западной Грузии. Причем эта общность проявлялась еще с энеолита и эпохи ранней бронзы»³.

В этой связи укажем в первую очередь на факт широкого распространения погребений дольменного типа на территории всего Северо-Западного Кавказа, причем из всех известных на Кавказе дольменов самыми древними считаются абхазские⁴. Отсюда делается вывод, что «обнаружение древнейшего слоя в дольменах Абхазии указывает не только на раннюю дату их сооружения, но и на основной район, из которого, очевидно, получила распространение дольменная культура на Кубани»⁵. Много общего наблюдается и в погребальном инвентаре дольменов Абхазии и соседних областей Северного Кавказа.

Конкретные связи строителей абхазских дольменов развиваются и в юго-восточном направлении, в частности с культурными очагами ближайших районов Западной Грузии. В этом отношении большой интерес представляют синхронные раннему слою абхазских дольменов курганные погребения Сачхерского района. Памятники, обнаруженные в этих курганах, близко соответствуют дольменному инвентарю, хотя само строительство дольменов туда не заходит⁶. Характерными в этом отношении являются серповидные вислообушные топоры с круглым отверстием для рукоятки.

¹ Куфтин, Материалы, стр. 267.

² Лавров, Дольмены, стр. 105.

³ Крупнов, Материалы, стр. 70.

⁴ Джапаридзе, К истории грузинских племен, стр. 239.

⁵ Крупнов, Древняя история и культура Кабарды, стр. 74.

⁶ Куфтин, Материалы, стр. 316.

По типу они вполне совпадают с топорами из Сачхере. Характерно и полное совпадение копьевидных кованых клинков с плоским, слегка расширяющимся к концу стержнем для рукоятки. Укажем также на сходство таких предметов, как трапециевидное и плоское тесло, полукруглое долото и др. Все это явно указывает на определенное культурное единство между населением Абхазии и Сачхерского района в раннебронзовую эпоху.

Такое же совпадение можно констатировать и с синхронными материалами некоторых центральных районов Северного Кавказа. Так, упомянутые выше серповидные вислообушные топоры находят значительную аналогию среди топоров Северной Осетии из могильников Фаскау и Кумбулты¹.

Указанное выше сходство культурных форм свидетельствует, возможно, и об этническом родстве населения этих районов Кавказа.

Культура

Переходя к вопросу о культуре раннепатриархального общества на территории Абхазии, остановимся прежде всего на способе постройки и архитектуре местных дольменов. Как указывает Л. Н. Соловьев, «в строительстве дольменов, в выработке их формы и деталей должны были найти свое отражение и общая идея культа, и содержание похоронного обряда, и уровень производительных сил, в какой-то мере и социальная культура исчезнувшего общества»².

Выбрав подходящий исходный материал, древние каменотесы наносили на нем контур будущей плиты и по этой линии зубилом делали ряд ямок, в которые забивали деревянные клинья. Затем мастер брал молот и по очереди наносил быстрые удары по всем клинью, добываясь этим отделения плиты. Далее, пользуясь долотами и другими инструментами, плите придавали нужную форму и, наконец, стачивали при помощи крупнозернистых брусков из песчаника. Таким же образом выбивались и обрабатывались отверстия в передней стенке. Не отличался от этого и способ выделывания больших тяжелых пробок для затыкания отверстий. К сожалению, орудия постройки дольменов, медные или каменные, до сих пор не обнаружены.

К месту постройки, вырубленные плиты доставлялись волоком большим числом людей с помощью рабочего скота, а также примитивных технических приспособлений – катков, рычагов и т. п.

¹ Там же, стр. 279.

² Соловьев, Погребения, стр. 72.

Дольмены обычно устанавливались на склонах горы, причем фасадная часть с круглым отверстием была обращена вниз по склону к реке или морю. Одной из причин этого, возможно, было стремление оградить отверстие дольмена от делювиальных наносов, наступавших с поверхности горы. На расчищенной земляной площадке вырывали канавки, а в других случаях на поверхности специально положенной большой плиты, иногда составной, вырубали плоские желоба – пазы для установки стенок дольмена, представлявших собой всегда цельные плиты. Сначала ставили боковые стенки, которые временно укрепляли каменными подпорками или земляной насыпью. После этого переднюю и заднюю стенки вставляли в пазы, сделанные в нижней полевой плите и в боковых стенках. Затем у задней части дольмена делали насыпь, по которой втаскивали на место тяжелую крышу. Заранее вырубленные на крыше пазы позволяли ей плотно сесть на тщательно обработанные верхние ребра плит-стенок. Это была труднейшая операция, так как покровная плита была самой тяжелой.

Крыша дольмена всегда поката от фасада вниз. Боковые стены и крыша выступают вперед, образуя как бы козырек над фасадной стенкой. Возможно, это вызывалось соображениями культа, но не исключено, что такая деталь также имела целью оградить отверстие дольмена от наносов с горы. Боковые стенки некоторых дольменов для большей устойчивости сооружения подпирались каменными монолитами.

Переходя к характеристике инвентаря дольменов, остановимся, прежде всего, на металлических изделиях. Два топора, извлеченных из IV эшерского дольмена, принадлежат к одному типу узких вислобушных топоров, имеющих вытянутую, несколько серповидно изогнутую форму с узким поперечным лезвием и сильно опущенной вниз обушной частью с круглым отверстием для рукоятки; длина одного топора 18 см, ширина лезвия 4,5 см, длина другого топора 16 см и ширина лезвия 4 см¹.

Здесь же найдены медные кинжальные клинки. Самый крупный из них имеет длину 20 см (со стержнем) и наибольшую ширину 6 см. Клинок имеет плоское листовидное лезвие с характерным утолщением по средней оси, подчеркнутым двумя продольными легкими желобами по его сторонам. Последняя особенность заметно выражена на двух других клинках меньшего размера, возможно наконечниках копий, в 13,5 см и 12,5 см длины, где ясно видно, что эти желобки являются результатом специальной проковки.

¹ Куфтин, Материалы, стр. 278.

Наиболее характерными предметами погребального инвентаря ранних дольменов можно считать медные крючья с полыми втулками для насадки их на древко. Назначение их не вполне ясно. По мнению Б. А. Куфтина, эти крючья по своей форме напоминают до сих пор бытующие у абхазов железные крючки для вынимания горячего мяса из котла, употребляемые особенно во время общественных праздников¹.

Наиболее простым из этих крючков является найденный в дольмене II. Он имеет кованый четырехгранный заостренный стержень и прокованную, свернутую в трубку втулку, в которой пробиты два отверстия для закрепления втулки на рукоятке. Длина всего крюка в выпрямленном виде – около 18 см, а в согнутом – 13 см. Близок к нему по форме крюк из IV дольмена, но отличается совершенно иным изготовлением втулки, которая сделана не ковкой, а путем отливки по утрачиваемой восковой модели в глиняной форме. Поверхность втулки по краю и вдоль четырех ее сторон украшена шнурованными рельефными кантами, между которыми размещены зигзаги в форме змеек. Длина крюка в изогнутом виде 18 см, в выпрямленном – около 23 см, длина втулки – 10 см. Наиболее интересен третий блок. Он представляет собой большую трехзубую крючкообразную вилку на полый втулке, украшенной шнуровым орнаментом, который наложен сплошными продольными рядами. Отливка и здесь, как видно, осуществлялась по утрачиваемой форме. Восковая модель с обеих сторон украшалась, по-видимому, натуральным плетеным шнурком, который сторал при первом обжиге глиняной формы.

Определенного интереса заслуживает дольменная керамическая посуда. Она представлена в основном миниатюрными сосудиками, имевшими, как полагает Б. А. Куфтин, погребально-культовое назначение. По-видимому, эта керамика должна была имитировать образцы крупных сосудов, которые по каким-то соображениям избегали класть в дольмены².

Поэтому на основании погребальных сосудиков трудно судить о характере бытовой керамики того периода. Как показывает анализ дольменной посуды, она изготовлялась примитивным ручным способом налепки глиняных жгутов на первоначально вылепленное донышко, в виде диска. После этого стенки слегка выровнились и зачищались горизонтально и вкось деревянной лопатой

¹ Там же, стр. 280.

² Там же, стр. 295.

с рубчиками на конце. Видимо, ребром этой лопатки наносился примитивный орнамент в форме косых зубчиков, по самому краю сосуда. Б. А. Куфтин, несомненно, прав, когда он считает возможным «выделить эту керамику в особый тип, являющийся не столько архаическим по существу, сколько технически примитивным, что отчасти может объясниться особым – не бытовым, а погребальным характером этой посуды»¹.

Из употреблявшихся в ту эпоху украшений следует отметить бусы, найденные в дольменах ранней группы. В дольмене II оказались бусы очень небольших размеров, обычно укороченной, реже удлиненной, цилиндрической формы, принадлежащие трем различным видам: короткоцилиндрические бусы из глиняной, желтовато-кирпичной пасты, узкоцилиндрические бусы из голубоватой пасты и цилиндрические, наиболее крупные, из голубовато-серого, твердого минерала. Сердоликовых и бронзовых бус в этом дольмене не найдено, но в дольмене IV было обнаружено несколько металлических бусинок. В одном из дольменов той эпохи найдены медные височные кольца овальной формы².

Археологические материалы дают нам ценные сведения о религиозных верованиях той эпохи. Укажем прежде всего на широкое распространение культа мертвых, в основе которого лежали те же анимистические представления. Сами дольменные сооружения представляли собой, по мысли строителей, жилище умершего. Материал и размеры были рассчитаны на вечность. «Тщательная выработка пазов для пригонки стенок дольмена, притертые пробки, употребление для стенок целых плит, все это обеспечивало герметичность сооружения. Едва ли можно сомневаться, что летучим, трудно уловимым содержимым дольменов, по понятиям их строителей, были души погребенных в них покойников. Огромные затраты физического труда, изобретательности и накопление технических знаний в глазах современников этого строительства получали свое оправдание, если цель была достигнута: души умерших членов семьи и ее прародителей оставались под опекой живущих и в свою очередь должны были оказывать покровительство этим живущим во всех предприятиях. В этом суть первобытной религии анимизма, которая и породила на высоких стадиях своего развития эти удивительные памятники»³.

¹ Там же, стр. 296.

² Джапаридзе, К истории грузинских племен, стр. 229.

³ Соловьев, Погребения, стр. 74.

Однако не совсем ясен вопрос об обряде захоронения покойников и о способе их помещения в дольмен. Так, М. М. Иващенко предполагал, что покойников помещали по углам дольмена в сидячем или полулежащем положении, с ногами, вытянутыми по диагонали к середине дольмена¹. Такого же мнения придерживается и Л. И. Лавров. Он считает, что покойников протаскивали через отверстие и прислоняли спиной к стене, придавая им сидячее положение². Б. А. Куфтин предложил два варианта: или дольмены представляли собой так называемые оссуарии, куда помещались только декарнированные (освобожденные от мяса) кости покойников (для вторичных погребений), или «при постройке дольмена могли быть захороненными один или несколько покойников в сидячем положении. В дальнейшем же новыми вкладами разрушалось расположение костей первых погребений». Однако Б. Куфтин констатирует, что подтвердить это предположение раскопками не удалось. «Единственное, что можно было видеть, – это сосредоточение погребального инвентаря главным образом по углам дольменов, хотя отдельные предметы заходили и в центральные части камеры»³.

Некоторые исследователи (Л. Соловьев, О. Джапаридзе) обратили внимание на то обстоятельство, что в дольмен попадали не все кости человеческого скелета. В них находят обычно, лишь черепа и длинные кости конечностей. Отсюда Л. Н. Соловьев делает вывод, что «предположения о наличии в абхазских дольменах погребений в сидячем положении ничем не обосновывается... Через круглые отверстия эшерских дольменов вносился не труп покойника, а лишь разрозненные его кости, только в редких случаях, сохранившие анатомическую связь по причине неполного разложения трупа. Первичные погребения совершались где-то в другом месте и являлись только подготовкой к окончательному захоронению. Таким образом, из двух вариантов, предложенных Б. А. Куфтиным, надо принять второй, признающий в абхазских дольменах подобие оссуария»⁴.

Однако захоронения в дольменах не были единственным погребальным обрядом на территории Абхазии того периода. В 1933 г. в Гагре была обнаружена небольшая карстовая пещера, в кото-

¹ Иващенко, Исследование, стр. 29.

² Лавров, Дольмены, стр. 106–107.

³ Куфтин, Материалы, стр. 274–275.

⁴ Соловьев, Погребения, стр. 79–90.

рой были найдены стоявшие на полу горшки баночной формы, содержащие отдельные человеческие кости, причем каждый горшок был прикрыт человеческим черепом. По характеру изготовления сосудов их можно отнести к началу бронзовой эпохи. К этому же периоду относятся захоронения в некоторых других пещерах. Так, в Каманском гроте, в слое Д, обнаружено вторичное захоронение костей, с которыми найдены также различные мелкие предметы – медные, бронзовые, сердоликовые бусинки и пр., типичные для эпохи ранней бронзы Абхазии.

Таким образом, в погребальных обрядах, применявшихся на территории Абхазии с конца III тысячелетия до н. э., полного тождества не было; здесь различаются три основных варианта погребения: дольменные, пещерные и кувшинные. Но все эти способы захоронения были вариантами одного погребального обряда, обусловленного единым религиозным мировоззрением этого общества. Наиболее важной, общей чертой этого обряда было применение вторичного, окончательного захоронения, которому подвергались очищенные от мяса кости умершего.

Особый интерес представляет вопрос о причинах повторных захоронений после декарнации костей. Такой обычай был известен у многих народов. Например, по понятиям древнеиранской религии (маздеизма) земля считалась священной и захоронение в ней покойника должно было вызвать ее «осквернение». Возможно, какое-либо аналогичное представление лежало и в основе заупокойного культа строителей дольменов. Однако, по более поздним данным, относящимся к античному времени, вторичному погребению подвергали только мужчин, в то время как женщин хоронили в грунтовых ямах. Так, очевидно, обстояло дело и в дольменную эпоху, когда, судя по инвентарю, в дольмены помещали только мужчин (остеологические остатки в этом аспекте, к сожалению, не изучены). Надо полагать, что подобный обычай возникает в патриархальную эпоху, как одно из проявлений особого положения в обществе мужчины-родоначальника. Более точный ответ на поставленный вопрос могут дать лишь дальнейшие изыскания.

Важной составной частью погребального обряда было помещение рядом с костями покойника погребального инвентаря. Л. И. Лавров полагает, что покойников хоронили в дольмене в одежде, от которой сохранились только металлические и каменные украшения. Вместе с ними погребали их оружие (стрелы, копья, ножи, топоры и др.), некоторые орудия труда и глиняные сосуды с пи-

щей¹. Однако если признать правильным, что в дольменах, как и оссуариях, хоронили лишь кости умерших, то одежда, украшения, предметы вооружения, составлявшие принадлежность одежды, помещались туда в качестве сопроводительного погребального инвентаря. Этот инвентарь дополнялся позднейшими приношениями, которые просовывали через отверстие.

Помимо обычных бытовых предметов, которые, по представлениям того времени, должны были служить умершему в «потусторонней жизни», в дольмен помещались предметы, имевшие специально культовое назначение. К таковым, в частности, относится дольменная керамика, которая имитировала подлинные предметы. Б. А. Куфтин считает возможным связать это явление со вторичным обрядом погребения, «когда в дольмены клались только освобожденные от мяса кости покойника, уже настолько оторванные от окружающей жизни, что для них казалось достаточным оставлять питание в этой полусимволической форме, особенно при нередко наблюдаемом у первобытных племен представлении об очень малых размерах главной души»².

К числу культовых предметов Б. А. Куфтин относит и обнаруженные в дольменах втульчатые крючья. Возможно, пишет он, что помещение их в могилу связано с каким-либо представлением о странствовании души покойника, которая, нуждаясь в пище, могла достать ее только при помощи подобной вилки³.

Культовое назначение, по-видимому, имели и миниатюрные клиночки в виде совершенно тонких и плоских медных пластинок, которые имитировали ножи.

Таким образом, раннебронзовая эпоха представляет собой важную веху в истории первобытного общества. Вместе с нею, первобытнообщинный строй вступает в заключительную стадию своего развития. В этот период были заложены основы тех социально-экономических явлений, которые затем привели к окончательному разложению общественного строя, основанного на общинной собственности на орудия и средства производства. Данный процесс происходил на следующем этапе развития патриархально-родового строя.

¹ Лавров, *Дольмены*, стр. 106.

² Куфтин, *Материалы*, стр. 295.

³ Там же, стр. 281.

Расцвет патриархально-родовых отношений

Средняя бронза Период средней бронзы на территории Грузии падает приблизительно на XVII–XIII вв. до н. э. Он характеризуется сравнительно быстрым развитием общества и многими новыми явлениями в технике, хозяйстве и социальных отношениях.

Именно в этот период на территории Кавказа отчетливо начинают намечаться отдельные локальные варианты культурных общностей. В частности, на территории Грузии складываются два родственных друг другу культурных очага – западногрузинский и восточногрузинский¹.

Территория современной Абхазии по культурному облику памятников той эпохи полностью должна быть включена в западногрузинский культурный очаг, к которому примыкают также некоторые смежные районы Северного Кавказа.

Следует отметить, что материальная культура Западной Грузии, в частности Абхазии, эпохи средней бронзы изучена пока недостаточно. Одним из основных памятников данной эпохи в Абхазии является тот погребальный инвентарь эшерских дольменов, который относится к среднебронзовому веку. Этот инвентарь во многом перекликается с памятниками могильника той же эпохи, обнаруженного близ с. Брили в Раче. Таковыми, например, являются листовидные кинжальные клинки, некоторые трубчатообушные топоры, ряд скульптурных произведений (бараньи головки, «рогаты» птички) и пр.².

Поздняя бронза Гораздо богаче представлен в Абхазии следующий этап развития бронзовой металлургии – памятники поздней бронзы. Эта своеобразная и яркая археологическая культура известна в научной литературе под названием «колхидской», или, в более широком смысле, «колхидско-кобанской» культуры. Эта культура была распространена, в основном, на территории Западной Грузии и на горных районах центральной части Северного Кавказа. Датируется она концом II тысячелетия – VII в. до н. э.

По побережью Черного моря памятники этой культуры (в частности бронзовые топоры) распространены от Сочи на севере, до г.

¹ Археология Грузии, стр. 107–108, 156.

² Там же, стр. 116.

Орду (Турция) на Юге¹. Отдельные памятники колхидской культуры обнаружены и в Восточной Грузии, вплоть до Мцхета, а также в районе Военно-Грузинской дороги (Казбеги и др.).

Впервые памятники этой культуры, в частности оригинальные секирообразные топоры, были обнаружены в 1869 г. в Северной Осетии, близ аула Кобан. Поэтому данная культура в течение длительного времени именовалась «кобанской» культурой. Однако впоследствии, когда большое количество ее памятников и, что особенно важно, формы для изготовления ее важнейших предметов (например, топоры) были найдены в различных пунктах Западной Грузии, то многие ученые (М. М. Иващенко, С. Н. Джанашиа, И. И. Мещанинов, Б. А. Куфтин, А. Л. Лукин и др.) стали придерживаться того взгляда, что эта культура, как по месту своего первоначального возникновения, так и по основному территориальному распространению является западногрузинской, или колхидской (от географического названия Колхида, как именовали Западную Грузию древние авторы).

Однако дальнейшее изучение памятников этой культуры, как на территории Западной Грузии, так и на Северном Кавказе показало, что, при наличии ряда общих черт кобанская и колхидская культуры все-таки отличаются друг от друга. В частности, среди памятников колхидской культуры встречаются и такие предметы, которые совершенно чужды кобанской культуре. К таковым, в первую очередь, относятся земледельческие орудия: мотыги, серпы, топоры-цалди и др. Специфические орудия встречаются и среди памятников кобанской культуры, которые не характерны для Колхиды. Различия отмечаются в керамике, в некоторых украшениях, способах погребения покойников и пр.²

В силу указанных обстоятельств ряд современных исследователей (Е. И. Крупнов, О. М. Джапаридзе и др.) полагает, что несмотря на общие черты и несомненное родство колхидских и кобанских памятников, они тем не менее представляют собой две самостоятельные культуры, хотя и тесно связанные друг с другом. В то же время сторонники культурного единства колхидского и кобанского комплексов считают, что имеющееся несходство между ними может указывать лишь «на крупные территориальные расхождения хозяйственных типов в разных географических районах»³.

¹ Там же, стр. 133.

² Там же, стр. 130; Крупнов, Древняя история Сев. Кавказа, стр. 80.

³ Куфтин, Материалы, стр. 212.

Однако, по мнению некоторых исследователей, этот важный вопрос пока не может быть решен окончательно. Так, Г. Ф. Гобеджишвили пишет: «Вопрос о взаимоотношении колхидской и кобанской культур еще подлежит исследованию, и сказать что-либо определенное пока что не удастся. Но совершенно ясно, что в позднебронзовую эпоху между культурами, распространенными в Западном Закавказье и Центральном Кавказе, с самого начала существовали очень тесные взаимоотношения, которые сыграли весьма важную роль в их становлении»¹.

Следует отметить, что в тот период на территории Северо-Западного Кавказа была распространена, так называемая прикубанская культура, очень близкая смежным колхидской и кобанской культурам.

Весьма важным моментом является то обстоятельство, что рассматриваемые культурные очаги на обоих склонах Кавказа в известной степени генетически восходят к местным культурам среднебронзовой эпохи. В частности, прототипами некоторых колхидско-кобанских топоров могут быть признаны архаичные топоры, обнаруженные в 1935 г. в с. Пиленково (ныне Гантиади) в Абхазии².

После первоначального открытия памятников кобанской культуры многие исследователи полагали, что подобные памятники не имели распространения на Черно-морском побережье Кавказа и, в частности, в Абхазии. Так, в 1889 г. В. Сизов утверждал, что «характерные формы бронзовой культуры Осетии кобанского типа не проникли в приморскую область»³. Однако уже в дореволюционное время в научной литературе (Н. Альбов, П. Уварова) появились сообщения о находках на территории Абхазии отдельных бронзовых предметов, а этнограф А. Миллер, побывавший здесь в 1907 г., опубликовал в своем отчете снимок бронзового топорика, виденного им в сел. Ачандара (Гудаутский район), который, по определению М. Иващенко, несомненно принадлежал к кобанскому типу.

Начиная с конца 20-х годов, раскопки памятников бронзового века на территории Абхазии стали принимать систематический характер. Первым, важным открытием такого рода явились материалы, обнаруженные в с. Приморское (ныне Санапиро) в

¹ Археология Грузии, стр. 130.

² Куфтин, Материалы, стр. 220.

³ Сизов, Восточное побережье, стр. 173.

1925 г. и опубликованные В. И. Стражевым¹. Эти предметы имели большое сходство с памятниками кобанского могильника и являлись «первым несомненным свидетельством широкого распространения и развития этой культуры по Восточному Причерноморью»².

В 1929 г. в пос. Аагста (Гудаутский район) во время земляных работ было обнаружено погребение бронзовой эпохи, которое явилось «первым случаем нахождения в Абхазии комплекса могильного инвентаря, свидетельствовавшего бесспорно о наличии древних могильников в крае»³. Аагстинское погребение было обследовано А. Л. Лукиным и опубликовано в одной из его работ⁴.

В 1930 г. М. М. Иващенко обследовал несколько погребений, случайно обнаруженных в с. Нижняя Эшера⁵.

В 1935 г. были обнаружены ценные клады с инвентарем колхидско-кобанского типа в Пицунде и Гагре. Богатый клад был обнаружен также в с. Бомборы Гудаутского района⁶.

Весьма ценные находки памятников бронзовой культуры колхидского типа в Абхазии сделаны в 40–50-х годах в с. Куланурхва Гудаутского района (М. М. Трапш) и в окрестностях Сухуми (М. М. Трапш, А. Н. Каландадзе) – на горе Гуадику, пос. Красный Маяк, на Сухумской горе. Планомерные археологические раскопки, проведенные в этих районах, значительно обогатили наши представления о развитии бронзовом веке на территории Абхазии.

Памятники колхидской культуры, обнаруженные в Абхазии, представлены главным образом кладами и могильниками. Следов поселений той эпохи пока не обнаружено. Из абхазских кладов наиболее крупными являются: гагрский, пицундский, сухумский и лыхнинский. Во всех этих кладах представлены почти одни топоры, преимущественно хозяйственного назначения. Могильники бронзового периода обнаружены в селениях Эшера, Санапиро, Мгудзырхва, Бомбора, Куланурхва и т. д. В этих могильниках раскопано большое количество разнообразных бронзовых изделий – преимущественно оружия и украшений⁷.

¹ Стражев, Бронзовая культура.

² Куфтин, Материалы, стр. 133.

³ Трапш, Памятники, стр. 8.

⁴ Лукин, Материалы.

⁵ Иващенко, Исследования.

⁶ Лукин, Материалы.

⁷ Очерки, стр. 12–13.

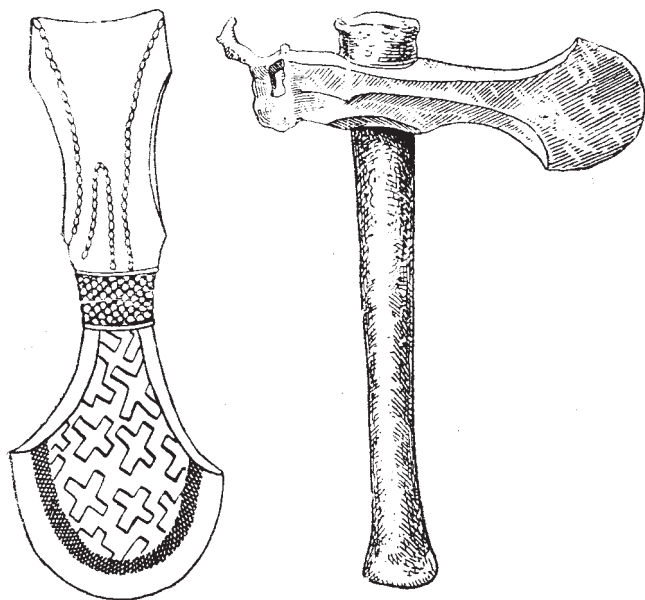

Рис. VIII. Топоры Колхидского типа (Гудаутский район)

Наиболее характерными памятниками колхидско-кобанского культурного круга являются продолговатый секирообразный боевой и рабочий топоры (рис. VIII). Древнейшие прототипы этого топора обнаружены в Западной Грузии, главным образом в Абхазии – в Пицунде, Гагре, Гантиади и т. д.¹ Здесь же, в с. Тагелони, были найдены древние формы для изготовления их. Это говорит о том, что территория Абхазии является одним из районов, в которых, несомненно, происходило формирование рассматриваемой культуры.

Колхидские топоры, при всем своем единообразии, подразделяются на отдельные типовые варианты. П. Уварова различала шесть типов. В последнее время О. М. Джапаридзе предложил новую классификацию, положив в ее основу богатейшие коллекции бронзовых топоров как Северного Кавказа, так и Закавказья. Вместо ранее принятых шести типов О. Джапаридзе выделил три и два подтипа. Он же попытался определить районы наибольшего распространения каждого типа.

¹ Археология Грузии, стр. 133.

Касаясь вопроса о назначении колхидско-кобанских топоров, О. М. Джапаридзе пишет: «В основном колхидский топор являлся боевым оружием, хотя встречаются и такие экземпляры, у которых лезвие не отточено и вообще нет следов употребления. Возможно, они употреблялись не для практических целей. Примечательно, что эти экземпляры особенно богато орнаментированы, и, быть может, мы не ошибемся, если сочтем их парадными или ритуальными предметами. Обязательно надо отметить, что во всех типах колхидского топора, кроме III типа, встречаются более грубые массивные экземпляры, на которых особенно заметны следы употребления. Такие топоры, очевидно, употреблялись в домашнем обиходе, а не в качестве боевых»¹.

Рукоятки топоров делались обычно из дерева, но в Абхазии обнаружены отдельные топоры, которые были насажены на бронзовую ручку (например, в Эшера). Некоторые экземпляры имели деревянные ручки, но они были обвиты бронзовой спиралью (с. Куланурхва). Большинство топоров, обнаруженных в Абхазии, относятся к типу «б» и «г» уваровской классификации (например, в Куланурхвинском могильнике). По классификации О. Джапаридзе эти топоры относятся к типам I и II².

Одним из характерных предметов колхидского инвентаря являются бронзовые кинжальчики разнообразных типов. В Абхазии чаще всего встречаются узкоушковые, равномернооточенные, желобистые клинки³. Весьма характерен бронзовый кинжал с «антенной» рукоятью⁴. К предметам вооружения следует отнести также наконечники копий. Из них в Абхазии наибольшее распространение получили копьа с коротким и широкоперым наконечником и длинными втулками⁵.

Из других бронзовых предметов, относящихся к колхидской культуре, следует указать на пояса, пряжки, фибулы (дугообразные булавки), прямые булавки, различные браслеты, кольца и др.

В большом количестве в погребальном инвентаре колхидско-кобанского периода представлены также фрагменты керамической посуды.

¹ Джапаридзе, Бронзовые топоры, стр. 289.

² Трапш, Памятники, стр. 29 и сл.

³ Археология Грузии, стр. 134.

⁴ Куфтин, Материалы, стр. 148, 158.

⁵ Археология Грузии, стр. 135.

В колхидской культуре рассматриваемого периода намечается несколько локальных вариантов. Наиболее характерными являются чорохский, рача-лечхумский и абхазский. Каждый из них имел, по-видимому, свой производственный очаг¹.

Из перечисленных вариантов сравнительно лучше исследован пока абхазский. В результате его изучения устанавливается, что в Абхазии эпохи поздней бронзы «существовал своеобразный локальный вариант колхидской культуры. Наряду с общими характерными чертами колхидской культуры здесь выделяется также целый ряд специфических форм как в оружии, так и, преимущественно, в украшениях»².

Одной из характерных особенностей бронзовой культуры в Абхазии является полное отсутствие здесь таких сельскохозяйственных орудий, как мотыги, серпы, цалди³ и др., которые в большом количестве встречаются на территории Мегрелии и особенно в Чорохском районе. Почти не встречаются в Абхазии бронзовые топоры III типа. Характерны для края некоторые типы наконечников копий. Большими особенностями отличаются найденные в Абхазии различные предметы украшения – узкие пояса с изображением животных на пряжках, биконические бусы, полые налокотные кольца, конические колоколообразные бляхи и др.⁴.

Начало железного века

В период расцвета колхидской бронзы в Западной Грузии происходит быстрое проникновение в местное хозяйство разного рода изделий из железа. Колхидская культура, так же как и кобанская, «характеризует собой закат бронзового века... и зарю новой великой эпохи железа»⁵.

Первыми памятниками этой эпохи в Абхазии и на Северном Кавказе являются некоторые бронзовые изделия (в частности, поясные бляхи), инкрустированные железом, которое, следовательно, появляется вначале в качестве драгоценного металла. Эти изделия хронологически относятся к рубежу XIV–XIII вв. до н. э.

Однако начало непрерывного развития железной металлургии, которое знаменует собой зарю железного века на данной террито-

¹ Там же, стр. 142.

² Там же, стр. 144.

³ Удлиненный топор с крюком в конце лезвия.

⁴ Археология Грузии, стр. 144–146.

⁵ Крупнов, Древняя история и культура Кабарды, стр. 112.

рии, относится к XI столетию до н. э.¹ Это происходит после того, как становится известным способ получения губчатого железа в открытых горнах из железной руды, добытой в залежах.

Эпоха широкого освоения железа на территории Грузии хронологически подразделяется на три ступени: первая ступень датируется концом II тысячелетия – IX в. до н. э. К этому времени, в частности, относятся железные изделия (наконечники копий и др.), обнаруженные в одном из кувшинных погребений в Эшера. На этой ступени уже широко известна термическая обработка железа и его закалка. На данном этапе железные орудия часто повторяли формы предшествующих бронзовых орудий. Вторая ступень относится к VIII–первой половине VII в. до н. э. На этой ступени значительно улучшается качество железных изделий, и повторение форм бронзовых прототипов имеет место уже редко. Этим периодом датируются различные железные изделия из ряда погребений позднекохридского времени в Абхазии (Куланурхва, Красный Маяк, Сухумская гора, Гуад-иху и др.). Третья ступень датируется VII–VI вв. до н. э. На этой ступени железо уже окончательно вытесняет из употребления бронзу. В VI в. до н. э. в Грузии происходит полное освоение железа².

Металлургия железа на Кавказе, и в частности в Абхазии, имеет глубокие местные корни, о чем в первую очередь свидетельствует воспроизводство в железе ряда бронзовых орудий предшествующего времени. А. Л. Лукин по этому поводу пишет: «Преемственность металлургических производственных традиций III этапа (позднекохридского. – З. Л.), сказывающегося в ранних железных изделиях Абхазии, свидетельствует об автохтонности освоения железа мастерами местных общин, носителями названных традиций, непрерывно вырабатывавшихся в течение длительного предшествующего времени»³.

Указывая на местные корни металлургии железа, нельзя вместе с тем отрицать проникновение на Кавказ железных изделий и соответствующих производственных навыков из культурных центров Передней Азии, «более правильно будет допустить существование обоих явлений: занос некоторых типов железных

¹ Абрамишвили, К вопросу об освоении железа, стр. 375.

² Там же, стр. 378–379. Следует, однако, отметить, что в Западной Грузии, как видно, культура железа утвердилась несколько позднее, чем в Восточной Грузии (см. Археология Грузии, стр. 212–213).

³ Лукин, Эшерская находка, стр. 94.

изделий извне и воспроизводство в железе местных типов бронзовых изделий предшествующей эпохи»¹. Однако превалировал, по-видимому, автохтонный процесс, как это видно хотя бы по материалам брильского могильника².

В VIII–VII вв. железные изделия получают в Абхазии широкое применение (рис. IX). Уже в куланурхвинском могильнике позднеколхидского времени было обнаружено немало железных предметов. Среди них железные топоры, типа секиры-молотка с проушиной овальной формы, которые по некоторым характерным чертам могут быть отнесены к кол-хидскому типу «б» по уваровской классификации. Такого же типа железный топор был обнаружен при раскопках красномаякского могильника в Сухуми³. Топоры типа цалди, которые также берут начало от бронзовых прообразов, были найдены при раскопках на Сухумской горе⁴. Ножи различных форм (серповидные, с прямой или изогнутой спинкой) в значительном количестве были обнаружены и в некрополях Сухуми. Кинжал с заостренным концом, наконечники копий с листовидным пером и другие предметы встречаются при раскопках как в Абхазии, так и в других районах Западной Грузии⁵ (рис. X).

Таким образом, к концу первой половины I тысячелетия до н. э. железная металлургия прочно входит в материальный быт оби-

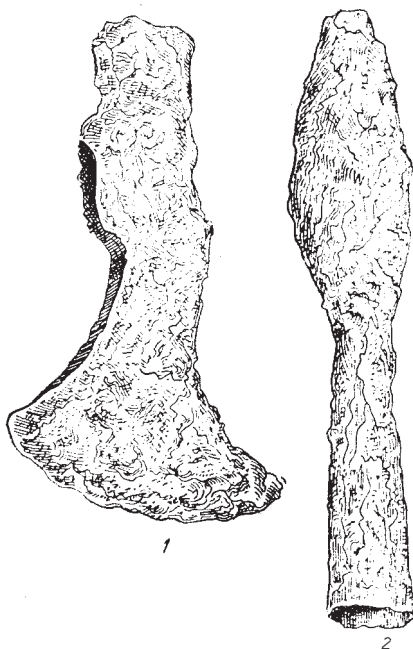

Рис. IX. Железный инвентарь из погребения на горе Гуд-иху (Сухум):

1 – топор-молоток; 2 – втульчатый наконечник копья

¹ Крупнов, Древняя история Сев. Кавказа, стр. 325.

² Археология Грузии, стр. 192.

³ Трапш, Памятники, стр. 40–41.

⁴ Каландадзе, Археологические памятники, стр. 42–44.

⁵ Трапш, Памятники, стр. 43–47.

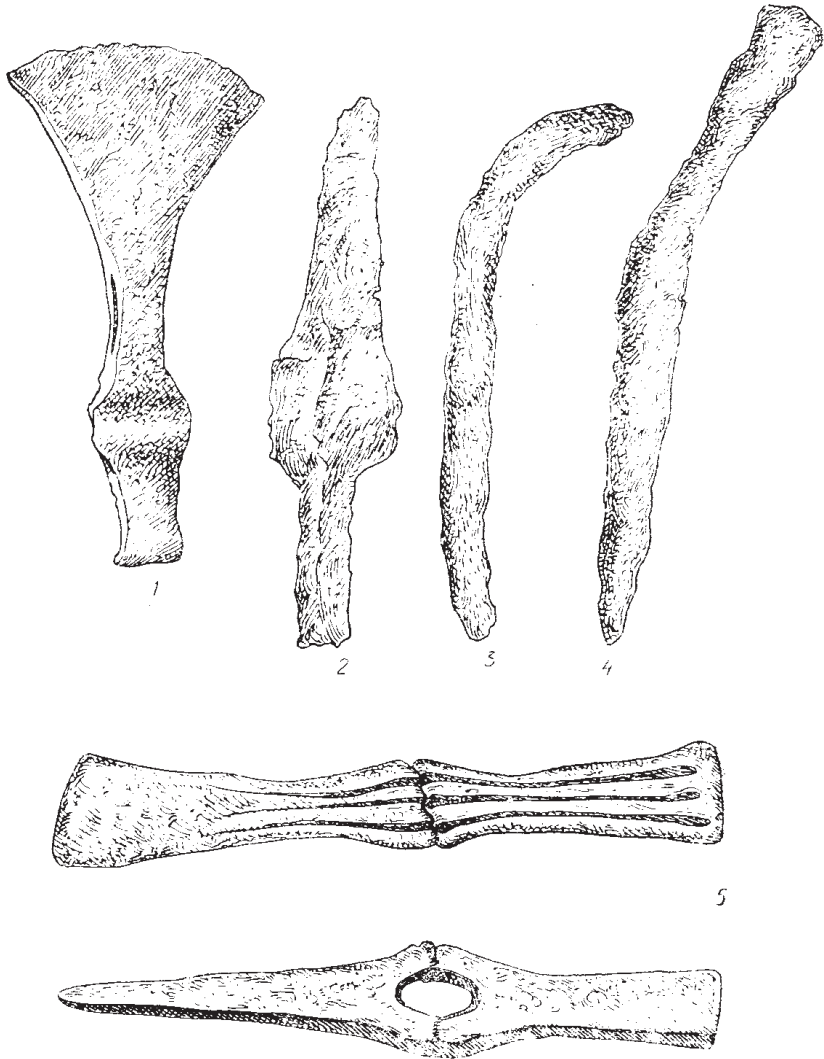

Рис. X. Железный инвентарь из раскопок в окрестностях Сухума:
 1 – топор; 2 – наконечник копья; 3 – серповидный нож; 4 – нож-«кинжал»;
 5 – топор с четырехгранным молотковидным обухом

тателей Абхазии. Это обстоятельство имело огромное значение для дальнейшего исторического развития местного населения. Как указывал Ф. Энгельс, железо – «важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории... Железо сделало

возможным полеводство на более крупных площадях... Дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других, известных тогда металлов»¹.

Хозяйство

В рассматриваемый период ведущую роль в хозяйственной жизни населения Абхазии играло скотоводство. Среди абхазских бронзовых памятников совершенно не встречаются земледельческие орудия (мотыга, серп и др.), которые были характерны для центральных и южных районов Колхиды. «Трудно пока сказать, чем было вызвано это обстоятельство, но возможно, что одну из причин составляла известная особенность хозяйства. Как видно, в этом районе основной отраслью хозяйства было пока еще скотоводство. Основанием для этого может послужить и то обстоятельство, что здесь сравнительно часто встречаются изображения животных и порой преимущественно на таких вещах, которые характерны для собственно абхазского варианта колхидской культуры (например, конусовидные украшения)»².

Вместе с тем, обнаруженные в некоторых поселениях Абхазии, времени колхидской бронзы, (Красный Маяк, древние слои Гуади-ху и др.) каменные мотыги указывают на наличие земледелия. Но примитивный характер этих орудий, сам по себе свидетельствует о второстепенной его роли на данной территории.

Уже во II тысячелетии до н. э. на Кавказе постепенно складывается тот тип скотоводства, который известен под названием отгонного, «кошевого» или «яйлажного», в основных чертах сохранившегося до наших дней³. Он возник из простого пастушеского занятия скотоводством, в результате значительного увеличения количества мелкого рогатого скота (в основном овец), для которого уже не хватало пастбищ вблизи основных поселений.

Характеризуя систему яйлажного скотоводства, Е. И. Крупнов пишет: «Отгон стад на пастбищные участки (летом в горы на альпийские луга, а зимой в степи) носит исключительно сезонный характер, осуществляется сравнительно небольшим числом пастухов (чабанов) и совершенно не вовлекает всю массу населения, которое живет оседло в горах или на равнине в определенных и постоянных пунктах»⁴.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 163.

² Археология Грузии, стр. 145.

³ Крупнов, Древняя история Сев. Кавказа, стр. 307.

⁴ Там же, стр. 304.

Этнографические данные свидетельствуют, что такой же характер издревле носило отгонное скотоводство и в Абхазии. Перегон скота с равнины на горные пастбища начинался тогда, когда весенние травы уже достаточно были потравлены или уже высохли, а в горах, на альпийских лугах, освобожденных от снежного покрова, появлялась трава. По прибытии на место пастухи объединялись и составляли один коллектив под названием «агуп», во главе которого ставили самого опытного и авторитетного пастуха. После этого возводили хозяйственные постройки (шалаша, загоны для скота, хранилища молочной продукции и др.). Коллектив распался с наступлением холодной поры, когда пастухи направляли свои стада к зимникам¹.

Агуп обычно составлялся из близких родственников или односельчан, что несомненно являлось пережитком родового строя. Таким образом, агуп носил «некоторые черты общинных отношений..., которые в старое время еще более рельефно были выражены»².

В системе яйлажного скотоводства большую роль играла собака. Об этом свидетельствуют многочисленные ее изображения на бронзовых предметах. Этнографические данные, также указывают на исключительную роль собаки в этом деле. Абхазы издревле вывели особую породу, которая известна под названием Ахчала («пастушеская собака»).

Первые три века I тысячелетия до н. э. – один из важнейших периодов в истории Закавказья. «Это был период интенсивного развития территориально ограниченных культур горных племен, использовавших рудные богатства и горные пастбища»³. В этот период на базе пастбищного скотоводства и металлургии горные районы значительно опережают в своем развитии равнинные и приморские области.

Однако во второй четверти I тысячелетия до н. э. яйлажное скотоводство становится недостаточным. Для дальнейшего развития скотоводства необходимо было вновь перебазировать его на земледельческую базу равнины. Горные районы затухают и перестают быть ведущими. Наступает период вторичного подъема земледелия, которое постепенно вновь оттесняет скотоводство на второе место. Однако в тех районах Закавказья, где не было больших

¹ Бжания, Скотоводческое хозяйство, стр. 113–116

² Там же, стр. 119.

³ Пиотровский, Развитие скотоводства, стр. 8.

равнин и степей (например, в Абхазии), отгонное скотоводство сохраняет значительное место в хозяйственном быту местного населения¹.

С увеличением роли земледелия, в рассматриваемый период возрастает значение лошади и быка, как тягловой силы. Лошадь в Закавказье была приручена в конце II тысячелетия до н. э., а в I тысячелетии уже использовалась в качестве тягловой силы². В Абхазии в этот период лошадь получает широкое распространение, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь в значительном количестве бронзовые скульптурки этого животного. В это же время, надо полагать, вырабатывается древнеабхазский деревянный плуг с металлическим лемехом, вначале, очевидно, бронзовым, а затем железным³.

В хозяйственной жизни обитателей Абхазии рассматриваемого периода определенное место занимала охота. Об этом свидетельствуют, в частности, скульптурки различных диких зверей, также нередко встречающиеся среди бронзовых изделий. Но охота уже далеко не играла такой роли, как в предшествующую эпоху.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди бронзовых находок того времени чрезвычайно редко встречаются металлические наконечники стрел. Б. А. Куфтин по этому поводу пишет: «Мы встречаемся здесь... с чрезвычайно малым употреблением боевого лука, даже в горных частях центрального хребта при развитом охотничьем хозяйстве, очевидно осуществляемом путем ловчих приспособлений, организованных облав, собачьей травли»⁴.

В прибрежных районах Абхазии рассматриваемой эпохи, определенное место продолжало занимать и рыболовство. На это указывает, например, факт обнаружения каменных грузил для сетей, а также скульптурные и графические изображения рыбы на некоторых бронзовых изделиях.

В эпоху колхидской бронзы важное значение в хозяйстве местного приморского населения имела добыча соли из морской воды. В ряде пунктов абхазского побережья (Очамчире, Сухуми, Нижняя Эшера, Новый Афон и др.) были обнаружены своеобразные следы соляного промысла⁵.

¹ Там же, стр. 15.

² Крупнов, Древняя история Сев. Кавказа, стр. 309–310.

³ Читая, К вопросу о происхождении.

⁴ Куфтин, Материалы, стр. 136.

⁵ Соловьев, Селища.

Способ добывания соли заключался в следующем. Рассол морской воды наливался в небольшие четырехугольные глиняные сосуды, которые лепились в какой-то жесткой форме, а оттуда вынимались при помощи предварительно положенной туда ткани. Формой могла служить яма в земле или углубление в дереве. Соль вываривалась в этих сосудах сначала естественным путем, на солнце, а затем и искусственно (на огне). В последнем случае сосуды ставились на специально приготовленные столбики около 0,5 м длиной и до 3 см в диаметре. Несомненным отражением древнего способа добывания соли из морской воды является сохранившаяся в абхазском фольклоре старинная загадка – «рожденная водой, воспитанная солнцем; увидя свою мать, умирает» (соль).

Огромную роль в хозяйственной жизни населения играла металлургия, сначала бронзы, а затем железа.

Как отмечалось выше, металлургия меди и бронзы в Абхазии имеет, несомненно, местные корни. На территории Абхазии отмечено около 40 местонахождений медной руды и медного колчедана¹.

В этой связи большой интерес представляют, обнаруженные на Сухумской горе остатки медеплавильного производства. Здесь во время раскопок были найдены прожженные комки глины и другие материалы, дающие возможность предполагать, что эти комки представляют собой остатки глиняной обмазки, покрывавшей небольшое сооружение в виде каменной выкладки, внутри которой постоянно горел сильный огонь. Обнаруженные же здесь крупные молоты, употреблявшиеся для раздробления руды, ступки и терки для размельчения руды или толчения приплавов, а также клады бронзовых вещей навели на мысль о существовании в данном месте медеплавильни уже на рубеже II–I тысячелетия до н. э.²

По вопросу о характере медеплавильного производства на Сухумской горе А. Н. Каландадзе высказывает предположение, что здесь сначала изготавливали медь в слитках, а затем отливали из нее отдельные предметы (топоры, долота, заступообразный инструмент и др.)³.

Интересно отметить, что в народной памяти сохранились предания о существовании в этих местах, в далеком прошлом, кузнеч-

¹ Семенов, Полезные ископаемые.

² Каландадзе, Археологические памятники, стр. 58–67, 89–90.

³ Там же, стр. 64–91.

ного и вообще металлургического производства. Предание отмечает, что недалеко от Сухумской горы, на правом берегу р. Баслы, была расположена священная кузня – «аныха-паара».

Несомненный интерес представляет техника изготовления бронзовых изделий в специальных формах. Е. И. Крупнов следующим образом описывает этот способ: «Формы были глиняные. Сама модель отливаемого предмета делалась из воска. Модели не только украшений, но иногда даже топоров украшали рельефным орнаментом из провощенных нитей или шнура; затем их обмазывали толстым слоем глины и обжигали. Воск вытекал через оставленные отверстия, а шнурки, наложенные на восковые модели, сгорали. Образовавшуюся в формах пустоту заполняли расплавленным в глиняных же тиглях металлом, который и принимал форму восковых изделий. По изготовлении вещь отделявали дополнительно»¹.

В рассматриваемое время металлургия бронзы принимает столь сложный характер, что это не могло не вызвать широкую производственную специализацию металлургов. Добыча руды, ее обработка, изготовление форм, разнообразных топоров, мечей, кинжалов, наконечников копий, литье скульптурок и украшений и т. д. было, несомненно, делом различных ремесленников-специалистов.

Значительный путь развития в период поздней бронзы прошло и керамическое производство.

Если в период средней бронзы глиняные изделия во многом носят еще черты, унаследованные от неолитического времени (в частности, згутовой способ изготовления), то в дальнейшем, особенно в течение первой половины I тысячелетия, они становятся совершеннее, лучше сглажены, четче, к тесту иногда примешивается песок, изредка слюда. Сосуды приобретают более разнообразные формы – большие кувшины, миски, горшки для хранения пищи и т. д.

Характерная черта развития местной керамики заключалась в том, что она не знает резких смен керамических типов и дает пример последовательного местного развития, принимающего извне лишь отдельные детали и технические приемы².

Керамика, найденная в могильных комплексах позднеколхидской бронзы, относится в основном к местному производству. Все обломки принадлежат сосудам, изготовленным из теста гли-

¹ Крупнов, Древняя история и культура Кабарды, стр. 85.

² Трапш, Памятники, стр. 272.

ны темновато-серого цвета, с большой примесью песка. Обжиг их средний; как видно, он производился на открытых кострах и очагах. Слабый обжиг и небрежная отделка этой посуды объясняется, по-видимому, ее ритуальным назначением.

К концу рассматриваемого периода, приблизительно в VII–VI вв. до н. э., формовка посуды широко производилась уже на гончарном круге, что приводит к резкому повышению ее качества и увеличению разнообразия ее форм.

Описанные выше селища со своеобразной «текстильной» керамикой знакомят нас и с другим промыслом – ткачеством, игравшим большую роль в жизни местного населения. Отпечатки тканей хорошо видны на стенках сосудов, так как ее употребляли для формовки.

Наиболее древним селищем, в котором обнаружены остатки тканевой керамики, является Маджарское (близ Сухуми); оно относится к X–IX вв. до н. э. Более поздние селища (Очамчирское, Моквское и др.), датируемые VIII–VI вв., могут быть охарактеризованы как явные «промысловые» селища.

Л. Н. Соловьев, специально изучавший эти селища, приходит к следующему заключению: «Можно сказать, что ткачество у племен побережья достигло высокого совершенства еще ранее появления здесь эллинов, а также перешагнуло домашние рамки промысла. Судя по отпечаткам, в богатом ассортименте гениохских тканей были изделия из шерсти и из льняной пряжи от грубого рядна до самого тонкого льняного полотна»¹.

Систематический характер в рассматриваемую эпоху получил обмен, особенно между населением горных районов, с одной стороны, и равнинных и приморских районов – с другой. Это приводит к тому, что грани между локальными культурными областями все более и более стираются, постепенно происходит их нивелировка и уже более или менее однородная культура распространяется на достаточно широкой территории.

В этой связи надо напомнить, что памятники культуры на территории Абхазии, несмотря на своеобразие, входят в сферу колхидской (западногрузинской) культуры. Еще в 1934 г. М. Иващенко указывал, что абхазские бронзовые изделия стоят ближе к Западной Грузии, чем к Кобану². Последующие открытия подтвердили данное положение. Это обстоятельство, несомненно указывает также на главное направление исторических связей обитателей Абхазии.

¹ Соловьев, Селища, стр. 284–285.

² Иващенко, Исследование, стр. 5.

Можно полагать, что Абхазия являлась одним из очагов, откуда бронзовые изделия вывозились в другие районы Западной Грузии. В частности, известное распространение получила, как видно, металлическая продукция, изготовлявшаяся в районе Сухуми¹.

Вместе с тем, памятники материальной культуры свидетельствуют об интенсивных связях Абхазии с центральной и северо-западной частями Северного Кавказа. А. Л. Лукин указывал, что «насыщенность территории Абхазии остатками материальной культуры говорит о длительном положении северо-западного клина Закавказья в роли непосредственного звена между Северным Кавказом и Западным Закавказьем»².

На основании инвентаря скифского типа, представленного в некоторых погребениях куланурхвинского могильника, устанавливается, что население Абхазии имело реальные связи со скифами Кубани и Приднепровья³.

Обитатели Абхазии той эпохи поддерживали торговые связи и с более отдаленными странами, особенно со странами Передней Азии. Обнаружение янтарных и сердоликовых бус в с. Куланурхва, оригинального бронзового щита-нагрудника в пос. Красный Маяк и пр. является красноречивым тому свидетельством.

Следует отметить, что обмен между отдельными племенами и общинами не всегда носил мирный характер. Нередко имело место насильственное изъятие ценностей в результате разбойничьих нападений. Как указывал Ф. Энгельс, «у варварского народа-завоевателя сама война еще является... формой сношений, которую занимаются тем усерднее, чем более прирост населения, при единственно возможном для них традиционном способе производства»⁴.

К концу рассматриваемого периода торговля на территории Западной Грузии настолько усиливается, что, по мнению некоторых исследователей, здесь начинают входить в употребление отдельные предметы, которые играли роль всеобщего эквивалента при обмене. К таковым, возможно, относятся бронзовые сегментовидные орудия, приблизительно одинакового размера и веса, находимые в виде кладов в разных местах Западной Грузии. Подобный предмет был обнаружен и в районе Сухуми.

¹ Инадзе, К вопросу о торговле, стр. 86.

² Лукин, Эшерская находка, стр. 92.

³ Трапш, Памятники, стр. 80–81.

⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 247.

Позднее ту же функцию выполняли, по-видимому, стандартизированные слитки из золота и серебра. Эти слитки найдены, например, в Южной Абхазии (с. Чубурихинджи)¹.

Таким образом, в позднебронзовую эпоху развитие внутренней и внешней торговли Западной Грузии достигло достаточно высокого для того времени уровня. Возникают даже условия для постепенного утверждения монетной системы и товарного производства². В этом отношении не составляла исключения и Абхазия.

Социальные отношения

Как было отмечено выше, со вступлением родового общества в патриархальную стадию начинается процесс разложения первобытнообщинного строя. Прогресс хозяйственной техники (плужное земледелие, успехи металлургии и пр.) приводит к тому, что совместный труд всех членов родового коллектива перестает быть необходимостью и постепенно создаются условия для перехода к индивидуальному хозяйству. Тем самым возникают условия для утверждения частной собственности на орудия и средства труда. Решающее значение в этом процессе имело превращение в объект частного владения земли, этого основного средства производства. «Частная земельная собственность уже вторгалась в нее (в родовую общину. – З. А.) в виде дома с его сельским двором, который может превратиться в крепость, откуда подготавливается наступление на общую землю»³.

С течением времени отдельные патриархальные семьи, сохраняя пока еще немало социальных уз родового единства, все более и более объединяются не по родственному признаку, а по принципу территориального соседства. Поэтому такое объединение называют территориальной, или соседской, общиной. Она, по словам К. Маркса, «будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой к вторичной формации, то есть переходной от общества, основанного на общей собственности к обществу, основанному на частной собственности»⁴.

Соседская община состоит преимущественно из отдельных семей и групп ближайших родственных семей, считающих себя представителями общего рода, но свою основную хозяйственную

¹ Инадзе, К вопросу о торговле, стр. 87.

² Там же, стр. 91.

³ Маркс, Черновые наброски, стр. 695.

⁴ Там же.

деятельность каждая семья осуществляет самостоятельно. Она же является собственником не только своей усадьбы, но и определенной части пахотных земель. В общинной собственности остаются пастбищные, сенокосные и лесные угодья. Поэтому соседская община носит двойственный характер; она как бы покоится на двух формах собственности: старой – общинной и новой – частной. В этом и выражается ее переходный характер от доклассового к классовому обществу, на который указывает К. Маркс.

В эпоху патриархата структура рода в значительной степени усложняется. Из монолитного нерасчлененного коллектива, каким был род при матриархате, он превращается в сложный организм, состоящий прежде всего из различных родственных групп и ячеек.

Основной социальной единицей общества, как указывалось, становится патриархальная семейная община, в которой частно-собственническое начало все более и более растет и укрепляется. Родственные семейные общины по-прежнему сохраняют между собой связи, образуя так называемую патронимию¹. Родственные патронимии объединяются в более крупные единицы, среди которых важнейшей является патриархальный род. Объединения родов составляют племя. Подобная структура патриархального рода хорошо отражена в этнографических пережитках абхазов, сохранявшихся до недавнего прошлого. Элементарную клетку общества составляла отдельная семья («атаацшва»); ближайшие родственные семьи объединялись в своеобразные патронимии, которые назывались «абипара» (досл. «сыновство по отцу»); объединение патронимии составляло «братство» («аешьара»). Совокупность последних составляла патриархальный род в собственном смысле, именовавшийся «ажьвла» (букв. семья)². «Как общественная единица, ажьвла характеризовалась предполагаемым или реальным единством происхождения, экзогамностью, известной общностью территории, некоторых хозяйственных интересов и религиозной жизни, иногда наличием общесемейной тамги для клеймения своих животных, законом родовой мести, гостеприимства и взаимопомощи. Все члены ажьвла считались братьями»³. Совокупность родственных и соседних патриархальных родов – ажьвла составляла племя, «народ» – «ажьвлар» (множ. число от «ажьвла» – букв. семена)⁴.

¹ Косвен, Очерки, стр. 188.

² Инал-ипа, Абхазы, стр. 267.

³ Там же, стр. 268.

⁴ Там же, стр. 265.

При сохранении на рассматриваемом этапе социального развития пережитков матриархата, общество в целом, носит ярко выраженные патриархальные черты: поселение супругов строго патрилокально, т. е. жена поселяется в доме мужа; устанавливается патрилинейный счет родства – дети принимают имя своих отцов. Изменяет форму и аталычество; теперь детей отдают на воспитание не в род матери, как это было на начальной стадии патриархата, а в чужие семьи.

Сложность социальной структуры патриархального общества на высшей стадии его развития находит свое выражение в том, что в нем постепенно складываются самостоятельные социальные группы, которые являются зародышами будущих общественных классов.

Прежде всего, общество начинает распадаться на свободных и несвободных. Рабов, преимущественно из пленных, вначале немного, их труд и условия жизни носят пока патриархальный характер, являясь как бы дополнением к труду семьи. Но с течением времени рабовладельческий уклад растет и развивается, занимая все большее и большее место в общественном производстве.

Постепенно имущественное и социальное расслоение происходит и среди свободного населения. Из него выделяется родоплеменная верхушка в лице племенных старейшин, военных вождей и жрецов, которые подчиняют себе родовых общинников.

Обнаруженные во время раскопок в Абхазии богато орнаментированные бронзовые топоры, как полагают, представляли собой «регалии, символизирующие власть старейшин (племенного вождя)»¹.

В этой связи, представляет интерес одно погребение, раскопанное в Эшера. Судя по богатому и своеобразному инвентарю, «мы имеем дело с останками почетного старика, причем наличный состав символически осмысленных украшений, наряду с (парадным) кинжалом, позволяет считать погребенного лицом жречествующим»².

В отдельную производственную группу постепенно складываются и ремесленники, в первую очередь металлурги. Сложный процесс металлургического производства и большое разнообразие изготавливаемых предметов, обусловили далеко зашедший процесс специализации в среде производителей-ремесленников³.

¹ Фадеев, К вопросу о генезисе, стр. 73.

² Лукин, Эшерская находка, стр. 159.

³ Археология Грузии, стр. 221.

Весь облик позднебронзового и раннежелезного инвентаря, обнаруженного на территории Абхазии, свидетельствует о далеко зашедшем процессе разложения патриархального рода. Так, например, Б. А. Куфтин следующим образом характеризует социальную значимость бомборского клада: «Самый состав предметов Бомборского клада, включающего в себя изображение мужского божества плодоносящей силы (которое оказывается здесь в сочетании с богиней-матерью), ритуальные фигурные подвески и золотые изделия, дает указание на определенные социальные черты: на господствующий в это время институт патриархальной семьи, жречество с богатым ритуальным инвентарем, на имущественное расслоение при возрастающей роли золота, на основе широких торговых сношений прибрежного населения»¹.

К аналогичным выводам пришел исследователь куланурхвинского могильника М. М. Трапш. Он пишет: «...Этот некрополь принадлежал сравнительно небольшому поселку, где скорее всего могли проживать представители одного рода. Вскрытые погребения в могильнике говорят о том, что в интересующее нас время среди древнейшего населения этого района уже наблюдается заметное имущественное расслоение. Отдельные погребения отличаются значительным богатством своего инвентаря, говорящим о той ступени общественного развития, когда в родовом строе давали себя знать зародыши будущего социального неравенства (выделение родовой или племенной знати). Об этом свидетельствуют главным образом изящные бронзовые орнаментированные топоры и ряд других уникальных вещей из первого погребения куланурхвинского могильника, которые, по всей вероятности, были своего рода знаками отличия и символизировали власть старейшины рода или достойного жреца.

Возможно, что эти представители, так сказать, родовой «аристократии» хоронились вместе с их женами. Это наше предположение основывается на втором (женском) погребении, которое обнаружено непосредственно по соседству с первым.

О процессе выделения экономически господствующего слоя населения говорит, по-видимому, также и синхронное, по нашему мнению, с первым погребением куланурхвинского могильника аагстинское погребение из того же Гудаутского района»².

¹ Куфтин, Материалы, стр. 253.

² Трапш, Памятники, стр. 80.

Если экономическим базисом первобытного общества рассматриваемого периода были разлагающиеся патриархально-общинные отношения, то его основной политической надстройкой являлась так называемая «военная демократия». Это была наиболее развитая «организация управления» (Энгельс), на которую был способен патриархально-общинный строй. Характеризуя институт военной демократии, Ф. Энгельс пишет: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»¹.

Именно в этот период стали принимать систематический характер военные столкновения между отдельными родами и племенами, а позднее и между большими союзами племен. Причиной этих войн явились богатства, накапливаемые отдельными племенами, вернее их верхушкой, на которые зарились соседние племена.

Нередко рост производительных сил отставал от прироста населения. «Излишнее» население либо изгонялось, либо само становилось на путь захватов и насилий.

В новых условиях быстрое развитие боевого оружия и вооружения всех боеспособных мужчин становится характерной чертой общественной жизни. Не случайно, что почти во всех мужских погребениях, раскопанных на территории Абхазии, находят боевое оружие – бронзовое или железное.

Пережитки типичной военной демократии сохранялись в общественном быту абхазов долгое время, вплоть до позднего средневековья. Важнейшие дела племени разрешались на общем «народном собрании» (ажьвлар реизара – букв. собрание родов), в котором принимали участие все взрослые мужчины². На время военных походов община или племя выбирали себе военных вожаков – «апыза»; все мужчины были вооружены и обучались владению боевым оружием с отроческих лет; военная повинность лежала на каждом взрослом мужчине.

Приведенный материал свидетельствует, что на позднем этапе развития колхидской бронзовой культуры в условиях утверждения металлургии железа, значительная часть населения Абхазии

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 164.

² Инал-ипа, Абхазы, стр. 271–275. Следует отметить, что в условиях классового общества институты «военно-демократического строя», разумеется, существенно меняют свое социальное содержание.

стояла на той ступени общественного развития, которая явилась кануном образования классового общества. Вместе с тем, необходимо отметить, что этот процесс развивался, главным образом, в приморской и предгорной частях страны, откуда и происходят в основном археологические материалы, рисующие нам описанную выше картину. Что касается горных районов края, то здесь родовые отношения еще в значительной степени сохраняли свою силу.

Культура населения Абхазии в эпоху бронзового века достигла весьма высокого, для того времени уровня. Об этом свидетельствуют разнообразные предметы украшения и одежда, в большом количестве обнаруженные во время археологических раскопок и разведок. В состав этого инвентаря входят скульптурные фигурки животных, браслеты, пронизи, бусы, фибулы, цепочки, серьги, привески, поясные пряжки, булавки и др.

Весьма интересные памятники искусства были обнаружены в кладе бронзовых изделий, найденном в Бомборах (Гудаутский район)¹ Преобладающая часть бомборского комплекса состоит из разнообразных фигурок людей и животных (лошадей, собак, барана, козленка и пеликана).

Прежде всего обращает на себя внимание фигурка «винопийцы». Она представляет собой скульптурное изображение нагого мужчины, сидящего, спустив ноги в особом кресле и обнявшего руками огромный ритон (питьевой рог), приложенный верхним краем к лицу. Тело человека трактовано примитивно: ноги беспомощно висают с кресла, голова конусообразная, лицо вытянутое без дальнейшей моделировки носа, глаз и рта. Высота фигурки около 5,5 см² (рис. XI).

Большой интерес представляет также «фигурка матери» – грубое изображение обнаженной женщины в стоячей позе, с расставленными ногами и держащей на левой руке ребенка. Лицо совсем не вылеплено. Высота фигурки около 9 см³.

Оригинальные скульптурные произведения были обнаружены во время раскопок куланурхвинского могильника. В одном из погребений найдена фигурка фантастического животного с открытой пастью и вытянутым языком. Животное изображено в сидячем положении с упором на левый бок и с поворотом головы вправо.

¹ Лукин, Материалы.

² Куфтин, Материалы, стр. 238.

³ Там же, стр. 237, 240.

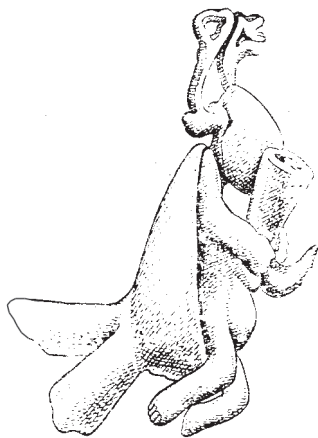

Рис. XI. Статуэтка
«винопийцы» из Бомбор
(первая половина I
тысячелетия до н.э.)

Одна сторона фигурки плоская, а другая – кругло-моделированная. Животное имеет длинный хвост, изображенный в три изгиба. Изделие покрыто гравированным орнаментом (треугольный, елочный, насечки и пр.)¹.

О большом мастерстве говорит фигурка собаки, выполненная на обухе легкого бронзового топора. Животное изображено с опущенным хвостом, открытой пастью и направленными немного вперед стоячими ушами. Все части фигурки отличаются тщательным исполнением².

Классическим образчиком ювелирного искусства того времени, является найденное в Эшера наверхие, в виде пластической протомы, с изображением фантастического животного, олицетворявшего грозное божество. По словам А. Л. Лукина, «если бы потребовалось изобразить в форме животного грозную, громоподобно рычащую и беспощадную силу, то в данной скульптуре, являющейся в то же время ювелирным изделием, эта задача осуществлена»³.

Яркое представление о художественном вкусе и мастерстве обитателей Абхазии рассматриваемого периода могут дать образцы орнаментовки на некоторых бронзовых предметах.

В этой связи, прежде всего, обращает на себя внимание упомянутая выше скульптурная фигура фантастического животного, обнаруженная в куланурхвинском могильнике. В нижней части туловища, у основания хвоста, тонкой иглой изображен неправильной формы маленький круг, от которого отходят косые штрихи, ограниченные окружностью. Посередине туловища нанесены три пояска, из которых два украшены треугольниками, заполненными косой штриховкой, а третий – елочной дорожкой. Хвост, задняя нога и нижняя часть шеи также покрыты елочным орнаментом. На правом бедре парой врезных линий, помещенных вокруг выпуклости бедра, хорошо выражены мышцы. Вокруг носа сделаны насечки⁴.

¹ Трапш, Памятники, стр. 58–59.

² Там же, стр. 29–30.

³ Лукин, Эшерская находка, стр. 157.

⁴ Трапш, Памятники, стр. 58–59.

Интересен один топор колхидского типа, найденный в кувшинном погребении из Эшера¹. Он украшен гравированным орнаментом из широкого пояска, охватывающего наиболее суженную часть топора. Поясок состоит из двух пар сетчато заштрихованных лент, идущих по его краям, и средней полосы, заполненной кружковым узором. На каждой стороне лопасти топора дано изображение фантастического собаковидного существа, а на двух боковых гранях обуха изображены рыбы.

Об искусстве орнаментации, распространенном в ту эпоху, дают представление украшения глиняных сосудов. При раскопках куланурхвинского могильника установлено три вида орнаментации керамических изделий: геометрический, состоящий из ломаных врезных линий, ямочный – с коническим углублением и врезной – в виде елочки². Употреблялся в то время способ украшения сосудов штамповкой ряда треугольников³.

Уникальным памятником искусства является оригинальный предмет, обнаруженный в виде фрагментов в кувшинном погребении из Эшера. Данный предмет представлял собой, по-видимому, часть культового облачения в виде нагрудника, воротника или наплечника, выкроенного из бронзового листа в форме соединенных вместе двух змеиных протомов, как бы вырастающих из общего тела. Эти симметрично расположенные змеевидные выступы ограничивают полукруглое пространство около 19 см в диаметре. Края предмета орнаментированы со всех сторон пунктирной линией из выбитых точек. В средней части его размещены три крупные выпуклости, выдавленные четырьмя концентрическими уступами. Вдоль каждого змеевидного выступа выбито с изнанки толстой пунктирной линией и очерчено с лица тонким пунктиром извиляющееся тело змеи, с типичной стреловидной или копьевидной головкой⁴.

Замечательной находкой является металлический щит-нагрудник иноземного происхождения, обнаруженный в одном из погребений пос. Красный Маяк на западной окраине Сухуми⁵. Щит представляет собой бронзовую пластину тончайшей работы, на которой изображен гриф с распростертыми крыльями и рас-

¹ Куфтин, Материалы, стр. 192–193.

² Трапш, Памятники, стр. 28–29.

³ Соловьев, Селища, стр. 272.

⁴ Куфтин, Материалы, стр. 164–166.

⁵ Трапш, Археологические раскопки, стр. 198–199.

пушечным хвостом. Художественный стиль, в котором выполнен гриф, относится к древнеассирийскому искусству, что, очевидно, указывает на его происхождение.

К произведениям искусства следует отнести также своеобразные бронзовые пряжки, обнаруженные в разных пунктах Абхазии (Куланурхва, Эшера, Мгудзырхва). Они изготовлены из литой бронзы и украшены скульптурной головкой животного (овцы, быка и др.) с острыми поднятыми кверху ушами и на длинной крючковидной шее. Эти головки имеют большое сходство с головками животных на ручках лечхумских бронзовых сосудов из Западной Грузии¹.

Интерес представляют также литые поясные пряжки, принадлежащие узкому бронзовому поясу, который вставлялся концом в продольный расщеп пряжки и прочно заклепывался к ней. Подобные пряжки, представляющие собой местную особенность абхазской бронзы, были найдены в Эшера (в могильнике и дольменах) и в Аагстинском погребении².

Следует отметить и оригинальные очкообразные поясные пряжки, обнаруженные в Приморском, Яштухе и Эшера³.

Весьма распространенным и разнообразным по своему типу украшением были браслеты. Например, в куланурхвинском могильнике они найдены семи различных типов⁴: широкие пластинчатые браслеты цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами. По мнению М. Трапша, их можно рассматривать не только как украшения, но и как оборонительное оружие, служившее для защиты рук от удара боевого топора. Браслет аналогичной формы имеется и среди бронзовых предметов эшерского могильника, но в других пунктах Кавказа они до сих пор неизвестны. Поэтому данные браслеты можно отнести к местной особенности позднейшего периода колхидской бронзы на территории Абхазии⁵; короткие желобчатые браслеты с двухскатной наружной поверхностью; фигурный браслет, состоящий из центральной двухлопастной широкой пластинки, от средней части которой в противоположные стороны отходят два желобчатых ребра, которые, сходясь между собой, образуют расширенные концы. Аналогии этому типу в собраниях колхидско-

¹ Трапш, Памятники, стр. 74–75.

² Куфтин, Материалы, стр. 229.

³ Там же, стр. 75.

⁴ Трапш, Памятники, стр. 62–65.

⁵ Там же, стр. 62.

кобанской бронзы неизвестны; массивный бронзовый браслет с глубокими наружными разрезами, концы браслета у переднего разреза заканчиваются маленькими выступами, сходящимися своими концами. Такие браслеты обнаружены в различных пунктах Закавказья и в кобанском могильнике на Северном Кавказе; замкнутый браслет с восьмью наружными выступами. Аналогии ему имеются в некоторых могильниках Армении; браслет, состоящий из круглого прута, с широко разведенными, овально расплюснутыми концами; пластинчатый браслет с суженными и свернутыми в спираль концами, типичный для кобанского варианта колхидско-кобанской бронзы. Сильно суживаясь с обоих концов, пластинка переходит в спиральные линейные насечки. Слегка выделяющиеся ребра браслета делят пластинку по длине на два равных продольных желобка. Внутренняя поверхность браслета гладкая, с очень легкой общей выпуклостью, предотвращающей врезание его краев при ношении. Такие же браслеты были найдены в Бомборах и в могильнике Брили (Западная Грузия).

Другую группу предметов украшения из куланурхвинского могильника составляли бронзовые конические пронизи¹ (высотой от 1,2 до 2,4 см и в диаметре от 1,9 до 2,4 см у основания) с крепкой дугообразной петлей внутри. Подобные пронизи были обнаружены и в других местах Абхазии (Мгудзырхва, Эшера), а также в Армении, близ горы Арарат.

Фибулы (застежки) в куланурхвинском могильнике представлены бронзовыми и железными экземплярами². Бронзовые дугообразные фибулы, с цепочками из того же металла, однотипны, без орнамента, с пластинчатой крытой дужкой. Аналогичные по форме дуги фибулы известны в других пунктах Абхазии (Абгархук) и на Северном Кавказе. Дугообразные фибулы весьма характерны для северной части Колхиды³.

Железные фибулы – круглопроволочные; одна из них миниатюрная, с плавно опускающейся дужкой, имеет бронзовую цепочку. Вторая – с уширенным пластинчатым концом. Эта фибула по сравнению с предыдущими отличается менее крутой дужкой.

Бронзовые цепочки из Куланурхвы сделаны из круглой и желобчатой кантованной проволоки⁴. Одна из них состоит из оваль-

¹ Там же, стр. 65–66.

² Там же, стр. 66–67.

³ Куфтин, Материалы, стр. 136.

⁴ Трапш, Памятники, стр. 67–68.

ных звеньев, сделанных из круглой проволоки диаметром 1 мм. Другая цепочка с овальными звеньями из желобчатой пластинки имеет на обоих концах характерные очкообразные привески, получившие широкое распространение на Кавказе.

Весьма многочисленную часть инвентаря погребений той эпохи составляют бусы. Так, в куланурхвинском могильнике обнаружены в большом количестве бусы из бронзы, стекла и пасты. Найдены также сердоликовые бусы и в небольшом числе бусы из янтаря¹.

Сердоликовые бусы имеют обычно шаровидную форму с двухсторонне сверленным цилиндрическим каналом. Все они краснобурого цвета и хорошо отполированы.

Стеклянные бусы также имеют шаровидную форму и характеризуются двумя цветами – золотистым и мутно-зеленоватым. Следует отметить, что на территории Грузии стеклянные бусы в погребальном инвентаре колхидско-кобанской бронзы встречаются редко. В Абхазии они найдены лишь в Бомборах.

Пастовые бусы имеют биконическую форму, изготовлены на основе желтой или сероватой глины. На территории Закавказья эти бусы характерны для эпохи интенсивного освоения железа (VII–VI вв. до н. э.).

Бронзовые бусы, найденные в куланурхвинском могильнике, по своей форме принадлежат к двум типам – биконическому и в виде колечек. Биконические бусы типологически близки к крупным бронзовым биконическим бусам, обнаруженным в аагстинском погребении и эшерском могильнике.

Б. А. Куфтин отмечает, что биконические бронзовые бусы чаще всего встречаются в Абхазии, где они «достигают особенно развитых форм и имеют глубокую местную традицию»².

Большой интерес представляют также колоколообразные конические украшения с петлей внутри и фигуркой животного на вершине (в одном случае баран, в другом – собака, птица и т. д.). Иногда на верхушку украшения насажена не целая фигурка животного, а отдельные головки, причем парные, как бы вырастающие из вершины конусов.

Условно такие украшения называют поясными бляхами, но подлинная функция их пока не установлена³. Возможно, что они тоже представляли собой ритуальные принадлежности. Встречаются только в Абхазии (Аагста, Эшера).

¹ Там же, стр. 69–74.

² Куфтин, Урартский «колумбарий», стр. 49.

³ Эшерская находка, стр. 144.

Характерным украшением были нашейные гривны, представляющие собой литую, круглую в сечении, бронзовую дугу 12-13 мм в диаметре. Концы гривны расплющены путемковки и симметрично закручены наружу в двойные цилиндрические завитки¹. Кроме Абхазии (Приморское, Эшера и др.) они известны также на Северном Кавказе.

Оригинальны массивные бронзовые кольца – полые, литые, гладкие, без рисунка. Это женские ножные браслеты, которые надевались попарно на каждую ногу; они также являются местной особенностью абхазской бронзы².

Следует отметить также, найденное в Эшера, весьма своеобразное украшение, представленное двумя сложными четырехъярусными привесками, состоящими из девяти звеньев. Одна привеска заканчивалась перевернутыми головчатыми конусами, другая – миниатюрными птичками с распростертыми крыльями³.

В эпоху разложения первобытнообщинного строя на новую ступень поднимается также духовная культура и идеология общества. В частности, в этот период возникают своеобразные героические сказания и легенды, в которых получает яркое отражение борьба народных масс за дальнейшее покорение сил природы, против внешних врагов, зарождающегося социального неравенства и т. д.

В этой связи исключительный интерес представляет собой легенда о великом герое Абрскиле (абхазском Прометее), распространенная в народе в нескольких вариантах. В них Абрскил фигурирует как борец за родную Абхазию, носитель добра и справедливости, непримиримый богоборец⁴.

Абрскил не ладил с угнетателями и злыми людьми, не хотел покоряться даже богу. За это он навлек на себя его гнев и был заточен в глубокую Члоускую пещеру, где его приковали к железному столбу. Как повествует легенда, Абрскил непрерывно раскачивает столб и уже готов вытащить его, но в этот момент какая-то неведомая птичка садится на столб; Абрскил гневно замахивается на нее тяжелым молотом, но птичка улетает, а от удара молотом столб еще глубже входит в землю. И это повторяется всякий раз... Тем не менее Абрскил не сдавался и навсегда сохранил неприязнь к богам, ненависть к угнетателям и великую любовь к народу.

¹ Лукин, Материалы, стр. 51.

² Куфтин, Материалы, стр. 151.

³ Лукин, Эшерская находка, стр. 154–155, 175–176.

⁴ Бгажба, Об абхазском героическом эпосе, стр. 234–236.

Легенды о прикованном к скале или заключенном в пещеру герою в различных вариантах широко распространены на Кавказе. У грузин – это Амиран, у армян – Мхер, у абхазов – Насрен, прикованный к вершине горы Ошхомахо (Эльбрус).

Академик Н. Я. Марр относил легенду об Амиране-Абрскиле к древнейшим кавказским сказаниям о «солнце-герое» и считал возможным сопоставить имя Амирани с абхазским словом «амра», или «амыр», – «солнце»¹. Имя Абрскил, может быть, означает «сын солнца» (от абх. «амра» и мегр. «скили-скуа» – «сын»). Несомненно, однако, что эта легенда отражает упорную борьбу людей с мощными силами природы, а в своих более поздних наслоениях – и борьбу против социального неравенства².

Выдающееся место в абхазском фольклоре занимают предания о нартах – богатырях-героях. Эти сказания бытуют среди многих народов Кавказа, но особенно широко распространены у адыгейцев, абхазов, осетин и абхазов. При наличии ряда общих мотивов и персонажей, нартский эпос каждой кавказской народности имеет свои, порой весьма существенные особенности. В частности, абхазский вариант, являясь органической частью общекавказского эпоса о нартах, отличается вместе с тем большим своеобразием и имеет, поэтому вполне самостоятельное значение³.

Исторический анализ нартских сказаний приводит к несомненному заключению, что в нём наиболее полно и ярко отражена эпоха разложения патриархально-общинных отношений и расцвета «военной демократии», т. е. период, который в культурном отношении характеризуется завершением бронзового века и утверждением металлургии железа⁴.

На Кавказе, и в частности в Абхазии, этот период датируется приблизительно VIII–VI вв. до н. э. Образ Сатаней-Гуаши, одной из главных героинь эпоса, наделенный яркими матриархальными чертами, отражает лишь пережиточные явления, бытовавшие в позднепатриархальном обществе. Наслоения более поздних времен, которых, кстати, в абхазских сказаниях, отличающихся особенной архаичностью, не так уж много, не могут поколебать вывода о появлении основной части эпоса в эпоху «военной демократии». Не случайно, что война играет огромную роль в жизни нарттов.

¹ Лукин, Материалы, стр. 51.

² Инал-ипа, Абхазы, стр. 269.

³ Инал-ипа, Доклад, стр. 91.

⁴ Крупнов, Древняя история Сев. Кавказа, стр. 373.

В абхазском нартском эпосе весьма примечательны рассказы о Сатаней-Гуаше – родоначальнице нартов, ее сыне Сасрыкве, Гунде Прекрасной – сестре нартов, Цвицве – младшем брате нартов, Уахсиге – сыне Нарт-Сита и др.

Особенно много преданий о победоносном богатыре Сасрыкве, который борется с чудовищами и совершает ряд других подвигов. Сасрыква наделен чертами так называемого «культурного героя»: согласно эпосу, он дал людям огонь, полезные растения, приручил животных и т. п.¹

Большое место в эпосе занимают легенды о чудесном кузнеце Айнар-Ижий.

Интерес представляет также героическая песня о Пшкяч-ипа Манче и Баалоу-пха Мадине, которая рисует борьбу народов с иноземными завоевателями, называемыми в песне «апстыр»². В основе ее лежит какое-то историческое событие, глубоко запечатлевшееся в народной памяти, хотя и затушеванное с течением времени позднейшими наслоениями.

Сражаясь с напавшими на его страну врагами, Манча, не жалея жизни, самоотверженно защищает родину. После того как он героически погибает в этой борьбе, его возлюбленная – красавица Мадина, переодевшись в мужское платье, появляется на поле битвы. Появление Мадины вливает новые силы в ее соотечественников, и разбитый враг отступает.

Абхазские героические сказания, как и легенда об Абрскиле, бытуют в народе в прозаической форме, но некоторые сказания встречаются и в виде эпических песен.

О религиозных верованиях рассматриваемой эпохи конкретное представление дают разнообразные бронзовые предметы ритуального назначения и графические изображения культового характера. Весь этот материал «до известной степени позволяет проникнуть в древнее мировоззрение, отголоски которого сохраняются в сказочных мотивах и обрядовых пережитках у мегрелов, сванов и абхазов»³.

Прежде всего, обращает на себя внимание описанная выше женская скульптурка с ребенком на левой руке, обнаруженная среди предметов бомборского клада. Как видно, статуэтка символизирует великую богиню-мать, олицетворяющую плодородие. Культ

¹ Инал-ипа, Абхазы, стр. 379.

² Бгажба, Об абхазском героическом эпосе, стр. 241–242.

³ Куфтин, Материалы, стр. 192.

богини-матери сохранился в патриархальном обществе, в виде пережитка религиозных верований эпохи матриархата. По словам Б. А. Куфтина, «мотив богини-матери вовсе не был чужд родовым обществам горного Кавказа даже в эпоху их значительного разложения, хотя мужской аспект божества плодородия и кажется здесь более обычным»¹. Фигурка нагого «винопийцы», обнаруженная в том же кладе, представляет собой, как полагают, символическое изображение божества луны, покровителя мужчин².

По-прежнему широкое распространение имели тотемические воззрения, выражавшиеся в поклонении различным домашним и диким животным. В этой связи следует вспомнить бронзовую скульптурную фигуру фантастического животного из куланурхвинского могильника. По некоторым характерным деталям (открытая пасть, голова с толстой мордой, длинный хвост, ноги и т. д.) эта фигура имеет близкое сходство с образом описанного выше фантастического хищника, часто встречающегося в орнаментах и рисунках на топорах, пряжках и других предметах колхидско-кобанской бронзы. По мнению М. М. Трапша, данная фигура имела не чисто декоративное, а тотемическое значение³.

Интерес представляет собой также зооморфное изображение на пластической протоме эшерского навершия. А. Л. Лукин считает, что это «изображение зооморфного божества грома, могущественнейшего и виднейшего божества в пантеоне племен, населявших центральный и юго-западный Кавказ в медно-бронзовый период, в том числе и у абхазов, у которых это божество не забыто и поныне»⁴.

Религиозные мотивы отражены и на ритуальных бронзовых топорах. Например, изображение собаковидного фантастического существа («драконо-волк») и рыбы на топоре из эшерского кувшинного оссуария. Это изображение, как видно, олицетворяет «нижнее небо», преисподнюю, увязываемую, по религиозным представлениям того времени, с водной стихией. В данном случае принадлежность изображенного существа к нижнему небу подчеркивается помещенными на обушной части топора изображениями рыб, являющимися показателем природной стихии, к которой относится главное изображение. При этом, последнее приобретает

¹ Там же, стр. 253.

² Лукин, Материалы, стр. 68.

³ Трапш, Памятники, стр. 59.

⁴ Лукин, Эшерская находка, стр. 156.

черты, подчеркивающие его водную природу: лапки трактованы как плавники, совершенно подобные хвосту изображенных здесь рыб¹.

Обнаружение большого количества бронзовых фигурок овцы и козы в виде привесок свидетельствует о существовании в то время культа барана. Такая связь барана с культом обычно наблюдается у народов, занимающихся исключительно или по преимуществу овцеводством². Большой интерес в этой связи представляет найденный в Абгархуке особый предмет ритуального назначения, представляющий собой длинную (ок. 11 см), слегка изогнутую, с крючком для подвешивания бронзовую фигурную лопаточку, состоящую на ней фигуркой всадника (размером 6х3 см), украшенную по боковым краям шестью бараньими головками с кольцевыми ошейниками, к которым подвешены на петлях бронзовые колокольчики³. Этот уникальный предмет, несомненно, имеет прямую связь с культом барана.

С овцеводческим культом связан и комплекс предметов знаменитого бомборского клада. По мнению Б. А. Куфтина, «своим составом (собака, вероятно, пастушеская и мелкий рогатый скот) этот комплекс имеет отношение к овцеводческому хозяйству и к соответствующему производственному культу, пережиточно живущему и до сих пор у абхазов в почитании Алышкинтра – собачьего божества и Джабран – богини (прародительницы) коз и овец, главнейших домашних представителей «великого бога обновления природы, размножения и, особенно, скотоводства», именно Айтара»⁴.

Культовое назначение, по всей вероятности, имели и скульптурные изображения лошади, которые также встречаются в значительном количестве. Характерно, что среди бронзовых фигурок бомборского клада, общее число которых превышает 25, изображение лошади составляет более половины (15 фигурок)⁵.

Религиозную значимость имели, также часто встречающиеся изображения птиц. Эти изображения в изделиях колхидско-кобанской культуры символизируют спутников божеств, порученцев, крылатых существ, которые осуществляют связь богов с

¹ Куфтин, Материалы, стр. 193.

² Крупнов, Древняя история и культура Кабарды, стр. 103.

³ Куфтин, Материалы, стр. 243–245.

⁴ Там же, стр. 237–238.

⁵ Лукин, Материалы, стр. 62–63.

людьми¹. Характерна в этом отношении упомянутая выше четырехъярусная привеска с миниатюрными птичками, найденная в Эшера.

Широкое распространение в ту эпоху имел культ змеи, изображение которой часто встречается на ритуальных предметах. Так, примечательны две змеи на описанном выше бронзовом культовом облачении из Эшера. В данной связи следует отметить, что еще в недавнем прошлом змея занимала важное место в системе пережитков древних языческих культов в религиозных воззрениях абхазов².

Большое значение обитатели Абхазии той эпохи придавали всевозможным амулетам и талисманам, которые, по их представлениям, должны были обеспечить успех в жизни и оградить от всяких несчастий. Именно таковую роль, надо полагать, играли многочисленные ритуальные привески и некоторые другие предметы, обнаруживаемые среди памятников той эпохи. Обычай использования различных талисманов пережиточно сохранялся у абхазов вплоть до недавнего времени³.

Наличие сложной системы высокоразвитого для того времени религиозного культа обусловило появление особой касты отправителей этого культа – жрецов. О наличии этой прослойки свидетельствует раскопанное в Эшера погребение жреца, относящееся к той эпохе. Среди богатого культового инвентаря могилы обращает на себя внимание наверхие булавы из литой бронзы, служившее, по-видимому, символическим знаком общественного положения погребенного⁴.

Основы патриархальных религиозных воззрений местного общества, заложенные в рассматриваемую эпоху, пережиточно бытовали у абхазского народа в течение длительного времени.

Происхождение древнеабхазских племен

Проблема этногенеза является одним из самых сложных вопросов исторической науки. К решению этой проблемы должны быть привлечены разнообразные материалы, добытые специалистами ряда научных дисциплин – историками, языковедами, этнографами, археологами, антропологами, фольклористами и др.

¹ Лукин, Эшерская находка, стр. 160.

² Чурсин, Материалы, стр. 146–147.

³ Там же, стр. 117–118.

⁴ Лукин, Эшерская находка, стр. 152.

Вопрос о раннем этногенезе абхазского народа не раз ставился в специальной литературе. Одной из распространенных в прошлом теорий, происхождения абхазов, являлась так называемая эфиопско-египетская теория, по которой древние колхи и вместе с ними предки абхазов переселились на Кавказ из Северо-Восточной Африки (Нибур, П. Услар, Д. Гулиа и др.).

Другая теория выводит абхазов с Северного Кавказа. Причем, по мнению одних авторов, это якобы произошло еще в античную эпоху (А. Сванидзе и др.), а по мнению других – лишь в период позднего средневековья (А. Дьячков-Тарасов, П. Ингороква и др.).

Третья миграционная теория происхождения абхазов выводит их предков из Малой Азии и непосредственно прилегающих к ней районов Юго-Западного Закавказья (А. Глейе, Н. Я. Марр и др.).

Своеобразную гипотезу о происхождении абхазов выдвинул И. А. Джавахишвили. Он считал, что в далеком прошлом абхазы вместе с адыгами пришли с юга (в частности из Малой Азии) в Западное Закавказье, а оттуда переселились на Северный Кавказ. Лишь в первых веках н. э. предки абхазов снова вернулись в Закавказье и заняли территорию современной Абхазии.

В изложенных выше теориях конкретно-исторический вопрос о происхождении абхазского народа по сути дела подменялся поисками его прародины и почти не ставился вопрос о причинах его выселения оттуда. Не решался также вопрос об этническом слиянии пришельцев с аборигенным населением Западного Закавказья. Однако следует отметить, что малоазийская теория происхождения абхазов, как будет показано ниже, имеет определенные рациональные элементы¹.

Против теории миграции высказался ряд ученых, которые настаивали на автохтонности абхазского народа (А. В. Фадеев, Б. А. Куфтин, Л. И. Лавров и др.). Однако, правильно выступая против преувеличения миграционного фактора, эти исследователи сами допустили недооценку данного фактора в вопросе происхождения абхазов.

Касаясь конкретно вопроса о происхождении древне-абхазских племен, надо с самого же начала подчеркнуть, что пока мы еще не располагаем источниками, необходимыми для всестороннего

¹ В последнее время Л. Н. Соловьев попытался подкрепить теорию малоазийского происхождения основного компонента абхазо-адыгского этнического массива археологическим материалом (Соловьев, Новый памятник).

и окончательного разрешения этой сложной проблемы. Тем не менее, уже собранные на сегодняшний день материалы позволяют, как нам кажется, наметить основные направления, которые в дальнейшем должны будут привести к его разрешению.

Главные положения изложенной ниже гипотезы о происхождении древнеабхазской этнической общности сводятся к следующему.

Абхазский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа, (в том числе и на территории нынешней Абхазии) в результате длительного процесса этнической консолидации древнего аборигенного населения края с пришлыми из северо-восточных районов Малой Азии племенами, явившимися носителями «языка-победителя». Ведущая роль пришлых элементов в процессе этногенеза древних абхазов была обусловлена их большей этнической устойчивостью и, в частности, более высокой культурой.

По времени начало этого процесса следует отнести не позднее конца III тысячелетия до н. э., а завершение – к векам, непосредственно предшествующим античной эпохе. В это время складываются, в основном, устойчивые древнеабхазские племена, последующая консолидация которых привела (уже в раннефеодальную эпоху) к образованию единой абхазской народности.

Критикуя зарубежные буржуазные теории происхождения кавказских народов, Г. С. Читая справедливо указывал, что эти теории «подмывают вопрос о происхождении вопросом о прародине, причем, если найдено место переселения, вопрос считается исчерпанным, а вопрос об автохтонности любого из этих народов заранее исключается»¹.

В противовес таким теориям, рассматривающим этнос как исторически неизменяемую категорию, советская этногенетическая наука при решении вопроса о происхождении того или иного народа строго придерживается принципов научного историзма. Исходя из этих принципов, мы должны, в первую очередь, искать этнические корни данного народа именно на той территории, которую он занимает (не упуская при этом и возможность наличия миграционных процессов).

В этом отношении археологические изыскания на территории Абхазии дали уже значительные результаты. Как известно, Абхазия принадлежит к тем частям нашей страны, где ранее всего появляется человеческое общество.

¹ Читая, О задачах, стр. 376–377.

Приведенные в предшествующих главах сведения об археологических памятниках Абхазии, начиная от нижнего палеолита до энеолита включительно (т. е. до того времени, когда вероятнее всего могло произойти переселение на Западный Кавказ иной этнической массы из Малой Азии), со всей очевидностью свидетельствуют, что Абхазия была непрерывно заселена человеком в течение всего этого времени. Потомки аборигенного населения, создавшего эти памятники на протяжении длительных исторических эпох, являлись одним из составных этнических компонентов, впоследствии сложившегося абхазского этноса, в силу чего они также должны быть отнесены к числу далеких предков абхазского народа. Этническая принадлежность древних аборигенов не поддается определению, но не исключено, что они были родственны пришельцам.

Другое важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при решении вопроса о происхождении абхазов, является их генетическое родство с иберо-кавказской («яфетической») этнической семьей, подразделяющейся на четыре ветви – картвелы, или грузины (народ, состоящий из трех этнических групп: карты, мегрело-чаны и сваны), вейнахи (чеченцы, ингуши, кистины, бацбийцы), дагестанцы (аварцы, лезгины, даргинцы, лаки, та-басаранцы и др.) и абхазо-адыги (абхазы, абазины, кабардинцы, адыгейцы, черкесы, убыхи). Представители этой этнической семьи являются древнейшими обитателями Кавказа и связаны друг с другом общностью происхождения. Поэтому этногенез абхазского народа нельзя рассматривать вне связи с общей проблемой происхождения иберо-кавказского этнического мира, как это до сих пор делали многие исследователи.

С одной стороны, ученые давно уже установили факт генетического родства кавказских языков («кавказские языки – это понятие генеалогическое». – Арн. Чикобава), что указывает на несомненные этнические связи их носителей. И. А. Джавахишвили в работе «Первоначальный строй и родство грузинского и кавказского языков» показал, что чем в более древние периоды истории коренных языков Кавказа нам удастся заглянуть, тем более явственно выступает родство между ними как в лексике, так и в грамматическом строе. Он подчеркивает, что взаимное родство кавказских языков свидетельствует о родстве племен и народностей, которые говорят на этих языках, причем это родство подтверждается не только лингвистическими, но и разнообразными историческими материалами¹.

¹ Джавахишвили, Первоначальный строй, стр. 622.

С другой стороны, в науке установлены также несомненные черты родства кавказских языков с некоторыми ныне мертвыми языками Передней Азии, в частности с протохеттским языком. Этот последний, как выясняется, особенно близок к абхазо-адыгским языкам, в частности к убыхскому¹. Говоря о родстве протохеттского языка с абхазо-адыгскими языками, Г. А. Меликишвили пишет: «Употребление префиксов в качестве морфологических элементов, а также многие другие явления морфологической структуры языка на самом деле сближают его (протохеттский язык. – **З.А.**)...с горскими кавказскими языками (убыхским, черкесским, абхазским и др.)»².

Таким образом, лингвистические данные ставят нас перед необходимостью искать один из генетических компонентов абхазо-адыгского этнического массива в протохеттской среде, которая с древнейших времен бытовала в центральных и северо-восточных районах Малой Азии.

По мнению ряда ученых, к протохеттам следует отнести, в частности, и малоазийских кашков³, название которых, как уже отмечалось, увязывается с одним из наименований адыгов – «кашаги». Другим названием кашков, по данным ассирийских источников, было «абешла», которое Г. А. Меликишвили увязывает с именем древнеабхазского племени «апсиллов» и заключает: «Анализ племенного названия дает нам как будто основание утверждать, что народ кашков (или во всяком случае какая-то часть его) этнически должен быть северокавказского (абхазо-черкесского) происхождения»⁴. С. Т. Еремян также причисляет древние абхазо-адыгские племена к протохеттскому этническому миру⁵.

Факт бытования определенной части этнических предков абхазо-адыгских народов в северо-восточной части Малой Азии и в юго-западной части Закавказья подтверждается прежде всего топонимическими материалами, на которые указывали многие авторы (П. Услар, А. Глейе, Н. Марр, А. Грен, П. Ушаков, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Д. Гулиа и др.). Укажем лишь на некоторые (древние и современные) топонимические реалии на данной территории – Синопэ, Акампис, Арипса, Апсареа, Дуабзу, Супса,

¹ Мессарош, Язык пёкхи.

² Меликишвили, Наири-Урарту, стр. 400.

³ Там же, стр. 401.

⁴ Меликишвили, К, вопросу об этнической принадлежности, стр. 204.

⁵ Народы Кавказа, стр. 443.

Фазис и др. Все эти названия, встречающиеся главным образом в приморских частях указанной выше территории, с несомненной очевидностью свидетельствуют, что данная область в далеком прошлом была населена предками абхазо-адыгов¹.

Об этнических связях абхазо-адыгов с среднеазиатским миром свидетельствуют и этнографические параллели, в частности, древнейшие религиозные верования. Интересные данные о несомненных связях абхазского-пантеона с хетто-митанийским религиозным миром приводит Д. И. Гулиа². Это подтверждают также и абхазо-адыгские этногонические предания, по которым далекие предки народов Западного Кавказа переселились из Малой Азии.

К такому же выводу приводят и антропологические материалы. Б. В. Бунак считает, что древнейшее население Западного Кавказа и Малой Азии принадлежало к одному антропологическому типу, который он называет «понтийской расой». По его мнению, представители ее появились на Кавказе вследствие передвижения малоазийских племен по Черноморскому побережью³. Эта раса сформировалась, по Бунаку, в междуречье Чороха и Аракса⁴.

О продвижении малоазийских племен (по всей вероятности, «кашкков») на Кавказ свидетельствуют также и данные археологии. По этому поводу Л. Н. Соловьев пишет: «Около рубежа III и II тысячелетий в Колхидской низменности происходит смена населения, о чем свидетельствует появление совершенно иных керамических форм, обнаруживающих, с одной стороны, равно как и в сопутствующем инвентаре, близость в общих чертах с Очамчирским населением, с другой стороны, носящих следы тесной связи с культурными центрами Малой Азии... С большой долей вероятности можно рассматривать эту смену населения в Колхидской низменности, как первый этап продвижения на Кавказ малоазийских кашкков, принесших сюда не только своеобразный малоазийский тип глиняной посуды, но и собственную металлургию»⁵.

Как замечает Е. И. Крупнов, «вывод о тесных древнейших взаимосвязях Кавказа и Малой Азии и даже о прошлом культурном единстве этих областей популярен и в СССР, и среди зарубежных ученых (Гюбер, Мелларт, К. Шеффер, М. Дюнан и др.). Для этого

¹ Джавахишвили, История грузинского народа, стр. 428 – 429.

² Гулиа, История Абхазии, стр. 223–228.

³ Бунак, Антропологический состав.

⁴ Читая, Акад. С. Н. Джанашиа, стр. 9.

⁵ Соловьев, Новый памятник, стр. 163.

имеются серьезные основания; они заключаются как в общих чертах «энеолитической» культуры Кавказа и анатолийского «халколита» (энеолита. – З. А.), так и в фактах широкого обмена между Кавказом и странами Ближнего Востока»¹.

Что касается причин, вызвавших переселение определенной части малоазийских племен на Кавказ, то Л. Н. Соловьев правильно указывает на то обстоятельство, что на рубеже III–II тысячелетий в Малой Азии происходило сложение классового общества, которое вызвало относительное перенаселение, создавшее предпосылки для передвижения части населения в другие области. Толчок к этому движению на северо-восток могли дать происходившие в конце III тысячелетия вторжения с запада хеттов-неситов².

Возможно, что именно с переселением «кашковых» на территорию Западного Кавказа следует увязать появление здесь памятников дольменной культуры.

Эпоху процветания дольменной культуры в Абхазии, т. е. период с начала ранней бронзы и вплоть до конца средней бронзы, следует рассматривать как начальную стадию формирования древнеабхазского этноса, когда происходил интенсивный процесс этнического слияния пришлых малоазийских племен с местным энеолитическим населением края. В этом процессе ассимиляторскую роль сыграли, несомненно, пришлые элементы, поскольку их язык оказался победителем, на что указывает отмеченное выше родство абхазо-адыгских языков с древнейшими языками Малой Азии, в частности с протохеттским. Переселенцы на территории Абхазии утверждали не только свой язык, но и специфические формы материальной и духовной культуры, которые постепенно органически сливались с аборигенными формами культурного творчества. Результатом процесса этнической консолидации пришлых и местных элементов и явился древнеабхазский этнос – непосредственный предок единой абхазской народности. В данном аспекте мы и рассматриваем процесс автохтонности в формировании древнеабхазского этноса, поскольку он не в готовом уже виде явился на территорию Абхазии откуда-то извне, а исторически сформировался именно на данной территории.

¹ Крупнов, Древнейшее культурное единство Кавказа, стр.5.

² Соловьев, Новый памятник, стр. 161. (Переселились, разумеется, не все кашки. Какая-то их часть бытовала на территории Малой Азии и значительно позднее).

Установленная тесная историческая преемственность культурных форм начиная от дольменной эпохи до последующих времен, в частности до периода позднеколхидской бронзы, со всей очевидностью указывает на непрерывные этнические связи между создателями разновременных культурных памятников.

Отметим, к примеру, следующий факт. Как известно, дольмены использовались в качестве могильных склепов не только в период их строительства, но и в последующие эпохи, вплоть до первых веков н. э., когда на территории распространения дольменов обитали уже, бесспорно, абхазо-адыгские племена¹. Не случайно поэтому, что вплоть до недавнего времени абхазы и адыги с благоговением относились к дольменам, считая их «могилами предков», и не разрешали их раскапывать. Совершенно иным было отношение к дольменам со стороны поздних пришельцев, которые, в частности, использовали дольменные камни в качестве строительного материала².

В этой связи можно привести следующее заключение Л. Н. Соловьева: «Анализ погребального обряда дольменной культуры и сравнение с существовавшими еще недавно религиозными представлениями и обычаями абхазского народа привели нас к выводу о том, что между ними нет существенных, принципиальных различий. На протяжении около 4000 лет прослеживаются с чрезвычайной стойкостью одни традиции погребального культа...

Отсюда можно сделать вывод, что в этническом составе населения, занимающего эту территорию с конца III тысячелетия, когда здесь появился данный культ, и до современной эпохи не происходило коренных изменений... С этим придется считаться при выдвигании различных гипотез о каких-то сравнительно недавних значительных изменениях в составе населения территории Абхазии»³.

Таким образом, начиная приблизительно с рубежа III–II тысячелетия до н. э., когда, по-видимому, имело место переселение на Западный Кавказ малоазийских «кашков», в составе древнего населения Абхазии не произошло больше существенных изменений. На это указывает, в частности, анализ памятников культуры более поздних эпох.

Последующая стадия культурного развития общества на побережье Абхазии, тесно связанная с предшествующей, представлена

¹ Смирнов, К вопросу о формировании, стр. 66–67.

² См. Сысоев, Археологические экскурсии, стр. 139.

³ Соловьев, Погребения, стр. 94.

значительным комплексом памятников, известных под названием «колхидской культуры».

Б. А. Куфтин, говоря об инвентаре абхазских дольменов, пишет: «Все эти предметы, являясь прототипом кобанских (колхидских. – З. А.), указывают на несомненную тесную преемственную связь между строителями дольменов и тем населением, которое позднее развивало кобанскую культуру»¹.

Колхидская культура развивалась в тесном культурно-экономическом контакте с соседними синхронными ей кобанской и прикубанской культурами. Между носителями этих культур существовали, несомненно, и этнические связи. «Следует иметь в виду, – пишет Е. И. Крупнов, – что некоторая общность, материальной культуры на всей территории соответствовала в прошлом и языковой общности, так как все древние племена по Тереку, Кубани и Риону до середины I тысячелетия до н. э. составляли одну иберокавказскую семью»². Эту языковую общность разумеется, следует понимать в том смысле, что на всей этой большой территории господствовал не один язык, а группа родственных языков, причем не только в зоне распространения» трех близких друг другу культур, но и на территории каждой из них в отдельности. Нельзя поэтому приписывать, скажем, колхидскую культуру какому-либо одному народу. В создании этой культуры участвовали предки картвелов, абхазов, а также, возможно, и некоторых других народов.

В этой связи необходимо напомнить, что в системе единой колхидской (западногрузинской) культуры исторические памятники на территории Абхазии отмечались своими особенностями. Б. А. Куфтин выделил ряд культурных форм, которые являлись «местной особенностью, присущей абхазской бронзе»³. О. М. Джапаридзе также высказывается за наличие на территории Абхазии эпохи поздней бронзы «своеобразного, локального варианта» колхидской культуры⁴. Выше приводилось и мнение Г. Ф. Гобеджишвили, который говорит о «весьма своеобразном, локальном варианте колхидской культуры» на территории Абхазии⁵.

Вполне возможно, что это своеобразие отличалось не только особенностями хозяйственной жизни местного населения, но и

¹ Куфтин, Материалы, стр. 271.

² Крупнов, О происхождении, стр. 62.

³ Куфтин, Материалы, стр. 214.

⁴ Джапаридзе, Дольменная культура, стр. 88.

⁵ Археология Грузии, стр. 146.

его этническими особенностями. В частности, оно являлось, надо полагать, одним из показателей этнической индивидуальности (в целом) населения Абхазии рассматриваемой эпохи.

Однако в условиях еще существовавшего первобытнообщинного строя на территории Абхазии должны были проживать племена, которые отличались друг от друга как по языку, так и по элементам культуры, представляя по сути дела самостоятельные этнические единицы. На это обстоятельство указывают, в частности, весьма конкретные различия в способах захоронения покойников.

Погребальные обряды принадлежат к числу важнейших этнографических признаков, отличавшихся в древности особенной устойчивостью, и поэтому имеют большое значение для решения этногенетических проблем. Наличие сходства или преемственности в погребальных обычаях может свидетельствовать об этническом единстве, и, наоборот, отсутствие такого сходства нередко указывает на этнические различия¹.

Говоря о погребальных обрядах куланурхвинского могильника, М. М. Трапш пишет следующее: «Захоронение покойников в простом грунте в вытянутом положении на спине с инвентарем колхидского и скифского типов... в Абхазии впервые обнаружено в сел. Куланурхва. Принимая во внимание, с другой стороны, способ погребения покойников в глиняных сосудах с инвентарем колхидской бронзы, известный ранее из селений Эшера (Сухумского района) и Приморского (Гудаутского района), а также погребения в скорченном положении на боку и захоронения через кремацию, выявленные в некрополях Сухуми за последние годы, следует признать, что в Абхазии в эпоху куланурхвинского могильника существовали четыре типа погребального обряда: через простое захоронение покойников в вытянутом положении на спине или в скорченном положении на боку, через кремацию и, наконец, в глиняных урнах.

Это обстоятельство указывает, по-видимому, на некоторые различия этнического состава населения, жившего на территории Абхазии в интересующее нас время, в VIII–VI вв. до н. э. В этот период весь Кавказ, в том числе и современная Абхазия, был ареной бурных исторических событий и передвижений древних этнических групп, от которых могли сохраниться следы в традиции и культуре»².

¹ Крупнов, Древняя история Сев. Кавказа, стр. 91.

² Трапш, Памятники, стр. 81.

Вместе с тем, М. М. Трапш делает заключение, что «основная часть населения современной Абхазии, несомненно, принадлежала к одной этнической группе»¹. Подобное заключение может быть принято с той оговоркой, что данная «этническая группа» представляла собой не единую народность, а родственные между собой племена, связанные общностью происхождения. Тем не менее, между ними порой могли быть существенные различия в культуре и быту, что, очевидно, и находило свое выражение в различии погребальных обрядов.

В период расцвета колхидской культуры, как было показано выше, на побережье Кавказа происходило интенсивное разложение первобытнообщинных отношений и зарождение классовой организации общества. Именно в этих условиях, как известно, складываются более или менее устойчивые союзы соседних (и в значительной части родственных) племен. Одним из таких крупных племенных объединений на территории Северо-Западного Кавказа был киммерийский союз.

Несколько позднее на территорию Абхазии проникают «скифо-сарматские» этнические элементы, о чем свидетельствуют памятники «скифского типа», обнаруженные здесь во время археологических раскопок².

Однако эти северные элементы не оказали существенного влияния на этнический облик древних абхазов, которые в дальнейшем все теснее и теснее связывались со своими южными соседями – родственными западнокартвельскими племенами.

¹ Там же, стр. 82.

² Трапш, Грунтовые погребения.

ГЛАВА III

АБХАЗИЯ В ЭПОХУ КОЛХИДСКОГО ЦАРСТВА (VI–II вв. до н. э.)

Этнический состав населения раннеантичной Абхазии

О терминах «Колхида» и «колхи» Исследование вопроса об этнической принадлежности и расселении отдельных племен на территории Абхазии в античную эпоху представляет собой весьма сложную задачу. Многие этнические названия, зафиксированные в сочинениях античных (греческих и римских) писателей, исчезают уже в древности или в раннефеодальный период, в силу чего порой совершенно не представляется возможным установить этнический облик их носителей и, в частности, более или менее убедительно обосновать их генетическую связь с какой-либо конкретной современной кавказской народностью¹.

Территория Абхазии в античную эпоху входила в состав большой политико-географической единицы, которую античные авторы называли «Колхидой», а всё её население обозначали нередко общим именем «колхи». В научной литературе давно уже установлено, что термины «Колхида» и «колхи» употреблялись античными авторами в двух смыслах – в широком (собирательном) и узком (этническом).

«Колхида» в широком смысле охватывала территорию всей современной Западной Грузии и северо-восточные районы Малой

¹ В подобных случаях гораздо разумнее воздерживаться от каких-либо категорических утверждений и, следовательно, надо отказаться от попыток, во что бы то ни стало увязать такие «племена» с теми или иными этническими общностями, как это делают некоторые авторы в отношении кораксов, гениохов, санигов и ряда других этнических образований, локализуемых античными авторами на территории исторической Абхазии. В этих случаях следует ограничиться более или менее правдоподобной гипотезой об этнической принадлежности того или иного «племени».

Азии, не исключая г. Трапезунта¹. Это обстоятельство, как отмечает Г. Меликишвили, «вовсе не значит, что мы здесь имеем дело с распространением одной и той же этнической группы (в данном случае колхов. – З. А.). В частности, – продолжает он, – в том случае, когда в качестве северной границы Колхиды указывается Главный Кавказский хребет или район Питиунта-Диоскурии, термин «Колхида» употребляется, несомненно, в его широком (географическом), а не в узком (этническом) значении»².

Что касается узкого, этнического значения термина «колхи», то под ним в античных источниках подразумевались эгры (или эгрисцы) – предки современных мегрелов, которые, начиная с позднеантичной эпохи, выступают под именем «лазов». Анонимный автор V в. н. э. (Псевдо-Арриан) под собственно «колхами» («лазами») подразумевал коренное население области, расположенной к югу от Диоскурии (совр. Сухуми) до р. Апсара [совр. Чорохи). Он пишет: «От Диоскуриады... до р. Апсара прежде жил народ, называемый колхами и переименованный в лазов»³.

Хотя некоторые античные авторы крайним северным пунктом расселения колхов (в этническом смысле) считают Диоскурию, но тем не менее «рассматривают ее как пункт, находящийся на территории неколхских племен (гениохов, санигов). Так как в более позднюю эпоху название «колхи» органически связалось с названием «лазы», то следует припомнить, что византийские источники северный предел распространения лазов видели где-то между Фазисом (совр. Поти) и Диоскурией»⁴.

В качестве одного из примеров употребления термина «колхи» в узкоэтническом смысле приведем весьма интересное в этом отношении сообщение Дионисия Египетского (II в. н. э.). Перечисляя обитателей Кавказского Причерноморья, Дионисий целую группу «племен», а именно: синдов, киммерийцев, керкетов, торетов, ахейцев, гениохов и зихов – называет «чадами земли Пеласгийской» (τέπελασγίδος ἡχουνοί) в то время как совершенно четко отделяет их от колхов, живущих «за страной тиндаридов» и являющихся якобы «выходцами из Египта» (Μετήλνεδες Αἰγύπτιοι)⁵.

¹ Джавахишвили, Историко-этнологические проблемы, стр. 13; Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 62–63.

² Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 62–63

³ SC, т. I, стр. 275.

⁴ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 64.

⁵ SC, т. I, стр. 184–185.

Приведенные выписки из научной литературы и источников свидетельствуют, что при выяснении этнической принадлежности того или иного «племени» никогда не следует упускать из виду двоякого смысла термина «колхи» и безоговорочно зачислять в ряд собственно колхов всякую этническую единицу, о которой какой-либо античный писатель сказал, что она является «колхским племенем».

Перейдем теперь к анализу сведений древних авторов об отдельных «племенах», локализуемых на территории исторической Абхазии в раннеантичную эпоху.

Кораксы, колы

Эти «племена» впервые упоминаются в сочинении Гекатея Милетского (VI в. до н. э.). О кораксах Гекатей сообщает следующее: «Кораксы, племя колхов (Κορξοί, ἔθνος Κολχῶν), вблизи колов... Кораксийская крепость (τεῦχος) и Кораксийская страна (Κορξίς³/₄ χώρα)»¹.

По соседству с кораксами (к югу от них) Гекатей помещает «племя» (ἄσπον) колов. Он пишет: «Колы (Κίλοι), народ у Кавказа... Предгорья Кавказа называются Колскими горами (Κωίξ| Ὄρη)»².

Исходя из сведений Гекатея, нельзя сказать ничего определенного об этнической принадлежности кораксов и колов, или дать их точную локализацию. Единственное, в чем можно не сомневаться, так это, во-первых, в том, что они жили на территории исторической Колхиды, и, во-вторых, что племя колов занимало, по видимому, не прибрежную, а нагорную часть страны.

Более определенные сведения о кораксах и колах дает анонимный автор IV в. до н. э. (Псевдо-Скилак Кариандский). Перечисляя «племена» кавказского Причерноморья с севера на юг, он называет их в следующей последовательности: синды, керкеты, тореты, ахеи, гениохи, кораксы, колы, меланхлены, гелоны и колхи. С последними (т. е. с колхами) Псевдо-Скилак увязывает города Диоскурию и Гюэнос³. Из этого можно сделать вывод, что кораксы и колы локализируются к северу от Диоскурии и в этническом отношении они не колхи, поскольку Псевдо-Скилак называет их отдельно от колхов.

Далее, римский автор I в. н. э. Плиний Секунд помещает кораксов вблизи «колхского города Диоскуриады» (...Goraxi urbe Colchorum Dioscuriadae), а затем дает следующую картину расселения племен близ Диоскурии: «...Племя апсиллов, крепость

¹ Там же, стр. 2.

² Там же.

³ Там же, стр. 84–85.

Себастополис (Диоскурия. – 3. А.), ...племя саников»¹. Таким образом, близ Себастополиса, по Плинию, живут, с одной стороны, апсилы, с другой – саниги. По-видимому, кораксы могут быть отождествлены с одним из этих племен. В частности, Томашев считал допустимым увязать кораксов с апсилами, полагая, что у древних авторов эти названия выступают как синонимы². Во всяком случае, на основании данных Гекатея и Псевдо-Скилака считать кораксов и колхов мегрело-лазскими племенами нет достаточных оснований.

Гениохи

Вопрос о гениохах является одним из самых сложных в этнонимике Кавказского Причерноморья античной эпохи. В научной литературе высказывались самые различные точки зрения по этому вопросу. Одни считали их сванами (И. Орбели и др.), другие принимали гениохов за прямых предков абхазов (Д. Гулиа), третьи объявляют их мегрело-лазами (С. Джанашиа, М. Инадзе и др.), четвертые же считают невозможным отождествить гениохов с какой-либо определенной народностью Кавказа и полагают, что это собирательный термин, объединяющий группу мелких народов и племен Черноморского побережья Кавказа (Л. Лавров др.); высказывалось, наконец, и такое предположение, что «гениохи» – это вовсе не этнический термин, а название профессиональных возчиков, обслуживавших торговлю на перевальных дорогах между Северным Кавказом и Причерноморьем (Н. Квезерели-Копадзе).

Что же в действительности подразумевали древние авторы под термином «гениохи», применительно к северо-западному побережью Кавказа³.

Прежде всего следует подчеркнуть, что источники совершенно четко отличают гениохов от собственно колхских племен. Ряд античных авторов, говоря о гениохах, упоминают их отдельно от колхов. Так, Псевдо-Скилак в перечислении «племен» помещает

¹ Там же, т. II, стр. 179.

² Цит. по Джавахишвили, Историко-этнологические проблемы, стр. 120.

³ В данном случае мы не касаемся тех «гениохов», которые локализируются некоторыми античными авторами в северо-восточном секторе Малой Азии. Г. Меликишвили считает возможным, что «в этом случае мы имеем дело с проникшим с севера элементом. Или же... название гениохи всплыло здесь вследствие ассоциации с названием живших в этом районе с древнейшего времени племени Иганиехи» (Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 93).

между гениохами и колхами кораксов, колов, меланхленов и гелон¹. Страбон указывает, что колхи обитают за гениохами (Μκίτξ' τοῦ Ἰ Νηϊὸς οὐνί Κολκίς)². Географ Птолемей (II в. н. э.) пишет: «Вдоль Понта [обитают] ахеи, керкеты, инииохи и свано-колхи»³. Интересно в этом отношении и указание Псевдо-Орфея (IV в. н. э.) о том, что вдоль побережья Кавказа живут «славные племена колхов, гениохов и абасков»⁴.

Таким образом, по данным античных источников, «гениохи» представляли собой «племя» (или группу племен), которые этнически не были колхами. Вместе с тем гениохи, как видно по тем же материалам, этнически отличались и от сванов, абазгов, апсиллов, зихов и ахейцев. В частности, из приведенного выше сообщения Псевдо-Орфея можно заключить, что гениохи не тождественны не только колхам, но и абазгам; Страбон отделяет гениохов от ахейцев и зихов, а Псевдо-Скилак говорит, что ахеи и гениохи были соседями.

Подобного рода показания источников можно было бы умножить, но и приведенных достаточно для обоснования вывода о том, что под названием «гениохи» античные авторы подразумевали определенную этническую общность, отличающуюся в той или иной мере от ее соседей – зихов, абазгов, колхов и др.

Вместе с тем, ряд античных авторов определенно указывает на то, что термин «гениохи» представлял собой собирательное понятие для обозначения группы племен. Так, например, Плиний Секунд говорит о «многоименных племенах гениохов» (*multis nominibus Heniochorum gentes*)⁵, а Псевдо-Скилак называет гениохов народом «разнородным» (*Mixogenēs*)⁶.

Однако, следует отметить, что даже в широком собирательном смысле термин «гениохи» обычно не охватывал племена, проживавшие южнее Питуунта (Пицунда)⁷. Плиний Секунд, описывая абхазское побережье с юга на север, отмечает сначала племя апсиллов, затем город Себастополис, город Кигн, реку и город Пе-

¹ SC, т. I, стр. 84–85.

² Там же, стр. 130.

³ Там же, стр. 239.

⁴ См. ВДИ, 1948, № 3, стр. 268.

⁵ SC, т. II, стр. 179.

⁶ SC, т. I, стр. 276

⁷ Исключение составляет указание Помпония Мела, по которому «Диоскурия основана на земле гениохов», а также сообщение Гераклида Понтийского о гениохах в районе Фазиса (Риони).

нии (очевидно Питиунт, от лат. pinus – «сосна» – З. А.) и, наконец, «многоименные» племена гениохов. Страбон, ссылаясь на Артемидора, помещает «побережье гениохов в 1000 стадий» к северу от «великого Питиунта».

Следовательно, гениохи занимали в основном ту же территорию, на которой впоследствии локализуются саниги, о расселении которых Псевдо Арриан писал: «От реки Ахэунта (Шахэ?) до реки Абаска (Бзыбь?) живут санихи»¹. Арриан также включает этот район в область расселения санигов.

На возможность отождествления санигов и гениохов указывает еще одно обстоятельство: Плиний Секунд помещает «племя саников» в районе Себастополиса², а Арриан прямо заявляет, что Себастополис лежит «на земле санигов»³. В то же время Помпоний Мела (I в. н.э.) утверждает, что «Диоскуриада основана на земле гениохов» (in Heniochorum finbus Dioskurias)⁴.

Все это дает основание признать правильным положение, выдвинутое И. А. Орбели, что в названии санигов «мы имеем... точную параллель названия гениохов»⁵. Поддерживая это положение, Г.А. Меликишвили указывает, что «название санигов, возможно, является вариантом названия «гениох». По своему звуковому составу эти названия довольно близко стоят друг к другу. Чередуемость «S» и «H» мы имеем и в других племенных названиях (напр., Sper и Hiber)»⁶.

Итак, античные источники позволяют допустить отождествление гениохов с санигами. Поскольку существование санигов относится и к позднеантичному времени, поэтому вопрос об этнической принадлежности их будет рассмотрен в следующей главе.

¹ Там же, стр. 278.

² SC, т. II, стр. 179.

³ SC, т. I, стр. 222.

⁴ SC, т. II, стр. 218. В данном случае, несомненно, имеется в виду одна и та же этническая среда: «гениохи» Помпония и «санихи» Арриана – это одно и то же. Однако здесь, нам кажется, термин «гениохи» и его синоним «санихи» употреблены не в этническом смысле, а в широком собирательном значении (см. ниже).

⁵ Орбели, Город близнецов, стр. 214.

⁶ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 91.

Социально-экономическое развитие местного населения

Хозяйство В раннеантичный период (VI –IV вв.) в хозяйственной и общественной жизни обитателей Абхазии происходят коренные изменения, которые были обусловлены, в первую очередь, дальнейшим развитием производительных сил и экономики в целом.

В этой связи прежде всего надо указать на дальнейшее развитие здесь металлургии железа. Изделия из железа уже в начале античной эпохи получили широкое распространение. Из него в основном изготавливали боевое оружие и орудия труда.

Железные предметы того периода богато представлены в могильном инвентаре и входят в состав даже самых бедных могил, что, по заключению А. Л. Лукина, «является показателем вполне завершившегося перехода к железу, уже широко и повсеместно используемого»¹.

Весьма характерен в этом отношении инвентарь некоторых могил, раскопанных М. Трапшем на Сухумской горе. Здесь были обнаружены мечи с прямыми поперечными перекладинами и сердцевидными перекрестиями, топоры-секиры с широкими лопастями, топоры-молотки, наконечники копий и дротиков и т. д.² (рис. XII). Следует отметить, что в некрополях на Сухумской горе, а также на горе Гуад-иху совершенно отсутствует бронзовое оружие. Этот факт также определенно говорит об окончательном переходе от бронзы к железу³. Произошло это примерно в VI–V вв. до н. э.

В хозяйственной жизни населения Абхазии того периода заметно возросла роль земледелия, которое процветало главным образом на склонах гор, в плодородных долинах и низменностях. В прибрежной полосе земледелие приобрело ведущую роль.

Для обработки земли пользовались обычно деревянной сохой, в которую впрягали рабочий скот. Во время раскопок на горе Гуад-иху были найдены железные сошники от такой сохи⁴.

Сеяли, по-видимому, пшеницу, ячмень и особенно просо. Широкое развитие в Абхазии, как и по всей Колхиде, получила культура льна, о чем говорят многие античные авторы (Геродот и др.).

¹ Лукин, Материалы, стр. 78.

² Трапш, Некоторые итоги, стр. 207.

³ Трапш, Краткий отчет, стр. 224.

⁴ Очерки, стр. 28.

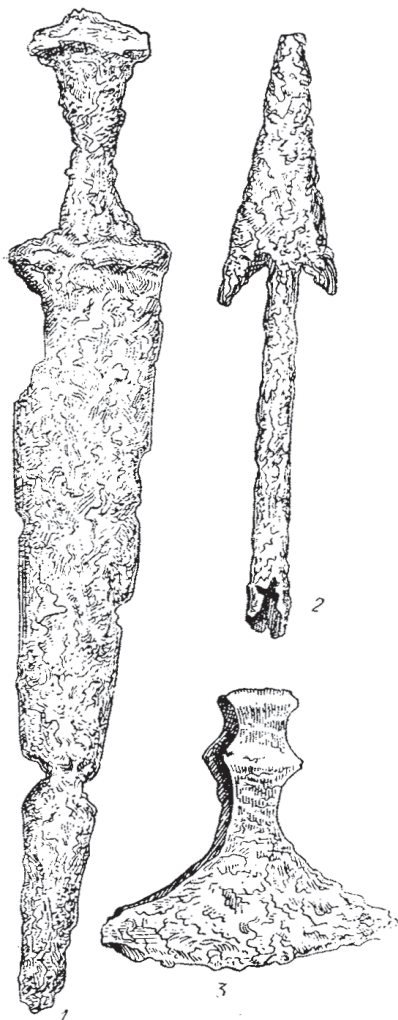

Рис. XII. Сухумская гора.
Железный инвентарь погребения:
1 – меч; 2 – втульчатый дротик;
3 – топор.

Высокого уровня достигают виноградарство и виноделие, плодоводство и другие земледельческие культуры.

Наряду с земледелием значительное место продолжало занимать скотоводство. В горных районах оно, по-прежнему, играло ведущую роль. Скотоводческое хозяйство, как и в предшествующую эпоху, имело в целом яллагный характер, с сезонными перекочевками скота с побережья в горы и обратно.

Как свидетельствует костный материал, обнаруженный при раскопках в различных пунктах Абхазии, основными видами домашних животных были: корова, бык, овца, коза, свинья и др. Широкое распространение имела лошадь, которой пользовались, как для перевозки тяжестей, так и для верховой езды¹.

Из других отраслей сельского хозяйства развиваются рыболовство, птицеводство, лесоразработки и т. д. Из источников видно, что продукты пчеловодства (мед, воск) и корабельный лес фигурируют в числе предметов, экспортировавшихся из Абхазии и всей Колхиды.

Значительно возросла в рассматриваемую эпоху роль различных ремесел и промыслов, особенно гончарного производства. Яркое представление о керамических изделиях местных мастеров

¹ Там же.

дают обнаруженные на Сухумской горе материалы, которые относятся к античному времени. Найденные здесь сосуды (пифосы, амфоры, амфориски, канфары, килики, различные горшки, кувшины, кружки, миски, тарелочки, отвесы для ткацкого станка, кровельная черепица и др.) связаны с домашним хозяйством, а также с погребальными обычаями. Причем вся керамика (за исключением чернолаковой) носит яркие следы местного гончарного производства¹.

В IV–III вв. до н. э. близ Сухуми (совр. пос. Красный Маяк) существовал важный центр керамического производства. Здесь были вскрыты остатки гончарной печи, выложенной известковыми камнями². В трех местах рядом с гончарной печью обнаружены глубокие ямки конической формы, по-видимому для столбов. Это указывает на то, что печь была под крышей. Вокруг и вблизи разрушенной печи обнаружено большое количество фрагментов пифосов, амфор, горшков, обломков кровельной черепицы, строительные кирпичи квадратной формы, пирамидальные глиняные грузила, комки глиняного теста и т. д.

Видимо, здесь существовали специальные гончарные мастерские, производившие в большом количестве разнообразные керамические изделия. Можно предполагать, что эта продукция изготовлялась специально для сбыта и предназначалась главным образом для соседней Диоскурии³.

Об одной особенности местного гончарного производства той эпохи Л. Н. Соловьев пишет: «Характерная черта развития местной керамики заключалась в том, что она не знает резких смен керамических типов и дает пример последовательного местного развития, принимающего извне лишь отдельные детали и технические приемы. Даже воздействие античной колонизации не нарушило этой внутренней закономерности развития»⁴.

Значительного для того времени развития достигло ткачество. Помимо остатков текстильной керамики, на это указывают пирамидальные глиняные грузила – отвесы для вертикального ткацкого станка, пряслица и другие предметы, обнаруженные во время раскопок в районе Сухуми и других пунктов абхазского побережья⁵.

¹ Каландадзе, Археологические памятники, стр. 88.

² Трапш, Археологические раскопки, стр. 190 и сл.

³ Там же, стр. 201.

⁴ Соловьев, Селища, стр. 272.

⁵ Трапш, Археологические раскопки, стр. 192–193, 203.

Определенная часть ткацкой продукции, как видно, шла на продажу. Это подтверждается косвенно сообщением Геродота о том, что «они (колхи. – З. А.) и египтяне одни обрабатывают лен и притом одинаковым способом... Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического»¹.

Известное распространение должен был получить, разумеется, и кожевенный промысел, тесно связанный со скотоводством. Найденные во время раскопок на Гуад-иху металлические сечки с округлым лезвием служили, как предполагает М. М. Трапш, для резания кожи², хотя, возможно, они выполняли и другие функции.

На начальном этапе античной эпохи (приблизительно VI–V вв.) на побережье Абхазии бытовал старый промысел добычи соли, путем выпаривания ее из морской воды. Об этом свидетельствуют четырехугольные сосуды с тканевыми отпечатками и огнеупорные глиняные рогатки, обнаруженные в пос. Красный Маяк и относящиеся к раннеантичному времени³.

Однако около IV в. до н. э. в Абхазию, в частности в Диоскурию, стали завозить таврическую соль (из Крыма) и с этого времени солеварные промысловые поселения на побережье стали быстро исчезать⁴. Во всяком случае, в культурных слоях в районе Очамчирского порта, относящихся к IV–II вв. до н. э., никаких следов текстильной керамики, характерных для солеварных промыслов, уже не обнаружено⁵.

Развитие сельского хозяйства и различных ремесел привело к значительному росту разделения труда и специализации производства, что со своей стороны обусловило заметное увеличение избыточных продуктов, поступающих в торговый оборот как внутри страны, так и за ее пределы.

Внутренняя торговля по-прежнему выражалась в обмене между населением горных районов, с одной стороны, и прибрежной полосы – с другой. На побережье Абхазии возникают торгово-ремесленные пункты, куда горные жители поставляли продукты своего хозяйства (предметы скотоводства и охоты, мед, воск и др.) и обменивали их на нужные им товары – ремесленные изделия, соль и др.

¹ Гулиа, Приложение второе, стр. 244.

² Трапш, Некоторые итоги, стр. 215.

³ Трапш, Археологические раскопки, стр. 187.

⁴ Соловьев, Селища, стр. 284.

⁵ Там же, стр. 279.

Но особенно широкого размаха достигает в ту эпоху внешняя торговля, рост и развитие которой были тесно связаны с древнегреческой колонизацией Колхидского побережья.

Уже в VI в. до н. э. торговая жизнь Колхиды, а вместе с ней и Абхазии принимает регулярный характер¹. В этом столетии, а также в V–IV вв. до н. э. население Абхазии, как и всей Колхиды, развивает экономические связи, в основном, с собственно Грецией (с Афинами), а также с городами западной части Малой Азии (главным образом с Милетом) и островами Ионического моря, с греческими городами Северного Причерноморья, а также с странами Ближнего Востока – Персией, Сирией и Египтом.

Следует также отметить, что через Закавказье проходил важный торговый путь из Индии в Европу. Одним из участков его была рионо-квирильская магистраль, с которой были связаны и города Абхазии².

На основе сведений античных авторов и археологического материала устанавливается, что из торговых центров Средиземноморья в Колхиду завозили, главным образом, художественную керамику, оливковое масло, вино, соль и др., из восточных стран – украшения, благовония и пряности. Взамен этих товаров Колхида поставляла лен и льняные изделия, корабельный лес, мед, воск, смолу, железо и т. д.³.

Однако после завоеваний Александра Македонского (30–20-е годы IV в. до н. э.) в торговой жизни (как и в других сферах) Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока происходят существенные изменения. Афины и города ионического бассейна потеряли значение, но зато важную роль стали играть города Черноморского побережья Малой Азии – Трапезунт и главным образом Синопа. Как показывает анализ привозной керамики эллинистического времени (конец IV–I в. до н. э.), обнаруженной в различных пунктах Абхазии, большая ее часть поступала сюда из Синопы.

В эллинистическую эпоху не только усиливаются существовавшие ранее торговые связи Колхиды с Северным Причерноморьем и Ближним Востоком, но и устанавливаются новые экономические связи с рядом малоазийских и восточносредиземноморских

¹ Инадзе, К вопросу о торговле, стр. 95 и сл.

² Лордкипанидзе, О транзитно-торговом пути, стр. 382.

³ Инадзе, К вопросу о торговле, стр. 123.

центров – Пергам, Мегара и особенно Родос¹. Об этом свидетельствуют, в частности, и материалы, обнаруженные при раскопках в Сухуми, Эшера и в других пунктах Абхазии.

**Возникновение
классового
общества и
государства**

В VI–V вв. до н. э. население, жившее на территории современной Абхазии, переживает значительный сдвиг и в своем социальном развитии. В этот период, в прибрежной части Абхазии родовой строй под воздействием коренных хозяйственных изменений и глубокого имущественного расслоения среди общинников сменяется классовыми (рабовладельческими) отношениями. Однако в горных районах страны устои первобытно-общинного строя сохранялись во всей полноте еще в течение длительного времени.

Около VI в. до н. э. образовалось Колхидское рабовладельческое царство, в котором органы родового строя «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»². В состав Колхидского государства входила и значительная часть Абхазии.

Археологические находки в приморской зоне Абхазии свидетельствуют о далеко зашедшем процессе классового расслоения местного общества в V–III вв. до н. э. Весьма показательны в этом отношении материалы, добытые на горе Гуад-иху, близ Сухуми³. Изучение инвентаря раскопанных здесь могил свидетельствует о том, что часть погребений не содержала никаких вещей, а если они имелись, то состояли обычно из одного или двух-трех простых предметов (сосуды и пр.). Зато другая часть погребений включала значительное количество вещей, в состав которых, в частности, входили художественные изделия, сделанные с большим техническим мастерством (перстни, браслеты, бусы и др.), а также различного боевого оружия – мечи, кинжалы, дротики и пр.

Наличие предметов вооружения в одних могилах («богатых») и полное их отсутствие в других («бедных») представляет собой конкретный показатель резкой социальной дифференциации населения. Оно свидетельствует о том, что здесь вооруженная сила уже отделена от основной массы народа, а это является важным признаком классовой организации общества.

¹ Там же, стр. 110–114.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 165.

³ Трапш, Краткий отчет, стр. 224–226.

На развитый институт частной собственности указывают находки в некоторых могилах Гуад-иху особых перстней-печатей. Их применяли для скрепления как частных, так и официальных документов, а также для охраны и закрепления имущества их собственников¹. Поэтому, есть все основания считать, что владельцы этих перстней-печатей принадлежали к богатой торгово-аристократической части населения².

В VI–V вв. вследствие интенсивного развития внешней и внутренней торговли на территории Колхиды, в частности в Абхазии, получают широкое распространение местные серебряные монеты «колхидки», считающиеся одними из древнейших монет в мире. Они, видимо, чеканились колхидскими царскими властями³.

Разнообразие типов и вариантов «колхидок», встречающихся в различных районах исторической Колхиды (в основном между Трапезунтом и Сухуми)⁴, позволяет выделить их в совершенно самостоятельную группу античных монет. Наиболее распространенными среди них являются мелкие «триболы» с изображением человеческой головы на одной стороне и головы быка на другой. Из других местных монет, распространенных в Абхазии того периода, укажем на монету колхского царя Савлака, ранее приписываемую вождю восставших рабов Боспора скифу Савмаку. По поводу ее происхождения Капанадзе пишет: «Что же заставляет относить эту монету к нумизматическим памятникам Колхиды? Первое, что обращает на себя внимание, – это твердо зафиксированные случаи находок этих монет в районе Сухуми, причем в обоих случаях совместно с «колхидками». Затем следует отметить поразительное типологическое сходство оборотной стороны этих монет, с изображением быка на «колхидках», а с лицевой – с изображением, помещенным на драхме Аристарха Колхского. И, на-

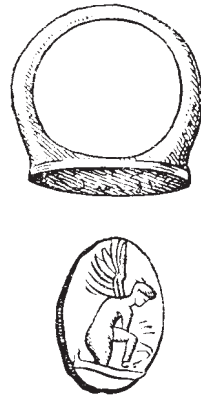

Рис. XIII. Бронзовый перстень-печать из погребения на горе Гуад-иху (Сухуми)

¹ Максимова, Античные печати, стр. 251.

² Трапш, Краткий отчет, стр. 225.

³ Капанадзе и Голенко, К вопросу о происхождении колхидок.

⁴ Капанадзе, Грузинская нумизматика, стр. 31.

конец, надо принять во внимание вполне определенное указание Плиния о существовании в древней Колхиде басилевса с именем Савлак, которое, как выясняется, сохранилось среди жителей нынешней Абхазии в форме Саулах. На основании этих признаков, не оставляющих места для сомнений, монеты Савлака теперь признаны колхидскими и датированы II в. до н. э.»¹.

Широкое распространение «колхидок» и других монет указывает на высокий для того времени уровень развития в Колхиде денежного хозяйства, которое, как известно, абсолютно несовместимо с родовым строем.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в V–III вв. до н. э. население ведущих районов Абхазии по своему хозяйственному положению и социальному составу было неоднородным и отличалось классовой дифференциацией, которая в тех исторических условиях по своему типу могла носить лишь рабовладельческий характер. Следует вместе с тем подчеркнуть, что в рассматриваемый период в Колхиде господствовала не развитая рабовладельческая формация, а раннерабовладельческий строй, при котором ведущий рабовладельческий уклад сочетается с сильными пережитками патриархально-общинных отношений, а в ряде горных районов страны, как выше отмечалось, по-прежнему сохранялся родовой быт.

О социальной природе Колхиды VI–III вв. Г. А. Меликишвили пишет следующее: «Колхидское царство... являлось раннеклассовым, раннерабовладельческим государством. Это было сравнительно неразвитое классовое общество, в котором еще весьма сильны были пережитки первобытнообщинных отношений, количество рабов и ареал их использования были очень ограничены и основными производителями материальных ценностей являлись все еще объединенные в сельские (территориальные) общины свободные и полусвободные общинники». Вместе с тем Колхидское царство «являлось сравнительно небольшим островом среди окружающего населения, стоявшего на более низкой ступени общественного развития и все еще жившего в условиях родового строя»².

Следует, однако, отметить, что социально-экономическая характеристика античной Колхиды не может быть ограничена приведенными выше сведениями. По-видимому, в приморских городских центрах Колхиды той эпохи (Фазис, Диоскурия) суще-

¹ Там же, стр. 41.

² Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 251.

ствовала другая форма рабовладельческих отношений. Здесь, надо полагать, рабовладельческие отношения были более развиты, чем во внутренних районах страны. Можно допустить, что рабовладельческий строй этих городов по уровню своего развития приближался к ступени, так называемого античного рабства, значительно более высокой, чем ступень восточного рабовладельческого общества, на которой стояли в целом местные государственные образования древней Грузии.

Греческая колонизация и образование греко-местных городских поселений

Возникновение греческих колоний

Колонизация древними греками восточного Причерноморья, в том числе и побережья современной Абхазии, явилась одним из этапов широкого колониационного движения, охватившего древнегреческий мир на протяжении VIII–VI вв. до н. э., т. е. в период интенсивного утверждения в нем рабовладельческого способа производства.

Внедрение рабского труда во все отрасли хозяйства наиболее развитых древнегреческих городов при неуклонном росте числа их жителей и отсутствии достаточного фонда земель внутри страны создавало так называемое «избыточное население», в состав которого входили разорившиеся земледельцы и мелкие городские ремесленники. Именно они составляли основной контингент колонистов, вынужденных вместе со своими семьями отправляться в далекие страны, в поисках лучшей жизни¹.

Греческие колонии никогда не возникали в безлюдных, ненаселенных пунктах. Они могли существовать лишь там, где открывались возможности использования природных ресурсов для развития сельского хозяйства и различных ремесел, а главное, где имелось наличие человеческих контингентов, которых можно было бы заставить работать в качестве рабов и зависимых полусвободных производителей². Поэтому греческие колонии возникали обычно в районе местных населенных пунктов. Например, Диоскурия была основана на базе местного ремесленно-земледельческого поселения³.

¹ Гайдукевич, История античных городов, стр. 23–24.

² Там же, стр. 24.

³ Инадзе, К вопросу о характере развития городов, стр. 769.

Однако, еще до того, как греки стали основывать на побережье свои населенные пункты (сначала небольшие торговые фактории, а затем и города-колонии), между местным населением и греческим миром развивались весьма тесные для того времени экономические взаимоотношения, выразившиеся в систематическом нарастании торговых связей, о которых говорилось выше.

Одним из самых ранних памятников этих связей является классический миф об аргонавтах – греческих моряках, которые во главе со своим предводителем Язоном отправились на корабле «Арго» в Колхиду за «золотым руном» – шкурой легендарного барана. В этом мифе нашли свое отражение первые торгово-грабительские экспедиции древних греков к берегам далекой Колхиды.

При возникновении греческих колоний на территории Колхиды важное значение имело то обстоятельство, что данный процесс совпал с существованием здесь обширного племенного объединения, которое вскоре (не позднее VI в. до н. э.) сформировалось в самостоятельное государственное образование (Колхидское царство). В силу этого факта, греки-колонисты сталкивались в Колхиде с определенными ограничениями; им приходилось серьезно считаться с требованиями и интересами местных сил (вожди союзов племен, достаточно сильная родовая аристократия), а затем и с местной государственной властью.

В такой обстановке основание греческих колоний на побережье Колхиды становилось возможным, лишь на основе глубоких традиций доколониционных взаимоотношений, в которых, в первую очередь, было бы заинтересовано местное население, особенно его социально-политическая верхушка¹.

Археологические материалы раскопок, проведенных за последнее время на абхазском побережье, и сведения античных авторов дают основание утверждать, что при образовании и развитии причерноморских городов Колхиды ведущую роль играло местное население, которое ко времени прихода греков прошло длительный путь общественного развития и вполне было подготовлено для городской жизни. По словам М. П. Инадзе, «преобладание местного элемента в причерноморских городах Колхиды определило главным образом своеобразие развития этих городов»².

Колонизация, в целом, представляла собой длительный процесс постепенного внедрения греков в колонизируемые области, но при утверждении их на побережье Колхиды, как видно, дело не

¹ Ломоури, Греческая колонизация, стр. 54.

² Инадзе, К вопросу о самоуправлении, стр. 241–242.

обходилось без борьбы с местным населением. Это нашло яркое отражение уже в мифе об аргонавтах¹. Да и впоследствии колонизация греков на восточном побережье Черного моря «протекала далеко не в мирных условиях. Напротив, она имела насильственный характер и происходила за счет притеснения местных жителей. Греческая колонизация имела целью не только установление торговых сношений; греки стремились захватить также территорию и покорить местных жителей, сделать их рабами»².

Несомненный интерес в этом отношении представляют, обнаруженные при раскопках Гюэноса и в других городах остатки оборонительных сооружений, свидетельствующих, что взаимоотношения местных жителей с греками не всегда были дружелюбными. Как это видно на примере открытого близ Очамчирского порта «городища» древнего города Гюэноса, греки, торгуя с местными жителями, не забывали, на случай «осложнений», укрыться за широким водяным рвом, на холме, укрепленном частоколом³.

Самое древнее сообщение о городах на побережье Колхиды принадлежит анонимному автору середины IV в. до н. э. Псевдо-Скилаку Кариандскому. Из абхазских поселений городского типа, он называет только Диоскурию и Гюэнос⁴.

Что касается Питиунта, то ни один из античных авторов не называет этот город греческой колонией. Поэтому считать его колонией нет пока что достаточных оснований⁵. Возможно, что Питиунт образовался позднее, в результате внутренней колонизации из какого-либо местного города, скорее всего из Диоскурии.

Вопрос о времени основания первых греческих факторий на побережье Колхиды, и в частности Абхазии, тоже не может еще считаться полностью разрешенным. Некоторые авторы считают возможным допустить возникновение Фазиса и Диоскурии на рубеже VII–VI вв. до н. э.⁶ Однако, по мнению других авторов, это должно было произойти позднее. Так, В. Ф. Гайдукевич утверждает, что основание колонии Диоскуриады и Фазиса вряд ли произошло ранее второй половины VI в.⁷

¹ Микеладзе, К генезису взаимоотношений, стр. 195–197.

² Месхиа, Города и городской строй, стр. 12–13.

³ Соловьев, Диоскурия – Севастополис – Цхум, стр. 125.

⁴ Гулиа. Приложение второе, стр. 249.

⁵ Ломоури, Греческая колонизация, стр. 34; Инадзе, К вопросу о характере развития городов, стр. 69.

⁶ Ломоури, Греческая колонизация, стр. 47–51.

⁷ Гайдукевич, История античных городов, стр. 29.

Так или иначе можно считать, что основание первых древнегреческих факторий в Северной Колхиде, в частности в районе Поты, происходило не позднее VI в., хотя, правда, наличный археологический материал не дает пока что конкретных данных, относящихся ко времени более раннему, чем V в. до н. э.

Не решен также вопрос о том, откуда происходили основатели первых греческих колоний в Колхиде. Как известно, значительная часть колоний на Черноморском побережье была основана выходцами из Милета – крупного города-порта в западной части Малой Азии. Но, по мнению В. Гайдукевича, колонизация Колхиды «осуществлялась, может быть, выходцами не из самого Милета, а из одной из милетских колоний на южном берегу Черного моря, с которыми Фазис и Диоскурия были в течение всего их существования в тесных сношениях»¹.

И действительно, Колхидские города поддерживали наиболее оживленные связи именно с греческими колониями южного побережья Черного моря. Это подтверждается достаточно многочисленным археологическим материалом, обнаруженным в Сухуми, Эшера, Даблагоми и др. Именно отсюда, надо полагать, и происходила колонизация колхидского побережья².

Наиболее значительным портом и торгово-ремесленным центром античной Абхазии являлась Диоскурия, которая в то же время принадлежала к числу крупнейших городов Черноморского побережья Кавказа.

Вопрос о местонахождении колонии долгое время оставался спорным. Одни исследователи (Ф. Дюбуа де Монпере, П. К. Услар, Д. И. Гулиа, А. В. Фадеев и др.) полагали, что Диоскурия находилась в устье р. Кодора. В числе выдвигаемых ими доводов, было то обстоятельство, что в этом районе находится местность под названием Скурча, а в эпоху позднего средневековья здесь была расположена торговая фактория Истаур. Однако другие авторы (В. И. Чернявский, И. А. Орбели, М. М. Иващенко, Б. А. Куфтин, Л. Н. Соловьев и др.) помещали древнюю Диоскурию на берегу Сухумской бухты, опираясь на скудные сведения античных авторов и некоторые материалы раскопок.

Этот вопрос удалось окончательно разрешить лишь в послевоенные годы, когда на территории Сухуми и его ближайших окрест-

¹ Там же.

² Ломоури, Греческая колонизация, стр. 73.

ностей были проведены крупные археологические работы (в районе крепости, на Сухумской горе, г. Гуад-иху, в пос. Красный Маяк и др.), а также подводные разведки на дне Сухумской бухты. В результате сделанных открытий можно считать твердо установленным, что древняя Диоскурия была расположена именно в районе Сухуми. Причем, результаты раскопок и подводных исследований говорят о том, что остатки основной части древнего города находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухуми располагались лишь его окраины¹.

Следует отметить, что очертание и площадь Сухумской бухты в древнюю эпоху существенно отличались от ее современного вида. В раннеантичное время р. Гумиста впадала в море в районе нынешнего Сухуми. Дельта ее вместе с дельтой Келасури образовывала выступ, вдававшийся в море на 2 км дальше, чем современный берег. При впадении в море, р. Гумиста имела лиманообразный залив, представлявший собой удобную гавань. На указанном выступе и была в основном расположена Диоскурия.

Постепенно русло Гумисты переместилось на 6 км к западу, море затопило указанный выступ, а вместе с ним и основные жизненные центры Диоскурии (крепость, порт и др.). Это событие произошло в период, непосредственно предшествующий нашей эре².

Вопрос о времени основания Диоскурии пока еще окончательно не разрешен. По сообщению Флавия Арриана (II в. н. э.), Диоскурия была основана колонистами из Милета³. Если это сообщение соответствует действительности, то Диоскурия могла возникнуть не позже самого начала V в. до н. э., поскольку в 494 г. до н. э. Милет был разрушен персами и после этого его колонизационная деятельность прекратилась.

Однако, как отмечалось выше, колхидские колонии, в том числе и Диоскурия, были основаны, вероятнее всего, не самими милетянами, а милетскими колониями на южном берегу Черного моря, что могло произойти около VI–V вв. до н. э.

Вместе с тем надо отметить, что главное в вопросе об основании Диоскурии, как города состоит в том, что на территории Сухуми, еще задолго до возникновения античного поселения находился

¹ Трапш, Древняя Диоскурия.

² См. Тезисы докладов, стр. 45–46. (Доклад Л. Н. Соловьева и Л. А. Шервашидзе).

³ Гулиа, Приложение второе, стр. 262.

местный населенный пункт, история которого восходит к глубокой древности¹. Предпосылки для возникновения здесь города складываются уже в начале I тысячелетия до н. э., в частности, на базе тех поселений, которые были исследованы в районе Сухумской горы, Гуад-иху, Красный Маяк, Лечкоп и др.². Тем не менее конкретные материалы, относящиеся к античному времени, пока что не позволяют датировать появления в данном месте древнегреческой колонии ранее чем V в.³. Хотя не исключено, что город возник несколько раньше появления здесь греков.

Не может на сегодняшний день считаться решенным и вопрос о происхождении названия «Диоскурия».

Древние авторы полагали, что город назван так, в честь участников мифического похода аргонавтов, братьев-близнецов («диоскуров») Кастора и Полидевка, которые, якобы являлись его основателями⁴. Однако, многие исследователи считают, что в основе этого названия лежит местный корень, впоследствии по-своему осмысленный греками. Так, И. А. Орбели сводил слово Диоскурия к средневековому названию города – Цхуми, в основе которого он усматривал грузинское слово «ткूपи» («близнец»), переведенное, по его мнению, в античную эпоху на греческий язык. Другие авторы (С. Джанашиа, Л. Соловьев, Т. Микеладзе) считают, что это сложное слово, состоящее из двух картвельских слов «диа» («мать») и «скури» («источник»), и в переводе означает «мать рек», «мать вод». Однако ни одна из этих гипотез не идет далее более или менее правдоподобного предположения.

В самом начале своего возникновения Диоскурия, возможно, представляла собой небольшую факторию и лишь впоследствии превратилась в типичную древнегреческую колонию. Во всяком случае, образование здесь крупного торгово-ремесленного центра связано с колонизацией края древними греками⁵.

Следует, впрочем, отметить, что Псевдо-Скилак Кариандский при перечислении «эллинических городов» восточного побережья

¹ Трапш, Некоторые итоги, стр. 207; Соловьев, Диоскурия – Севастополис – Цхуми, стр.104–105.

² Хахутайшвили, Возникновение грузинского рабовладельческого города, стр. 192–193; Инадзе, Города Колхиды в античную эпоху, стр. 187 и сл.

³ Ломоури, Греческая колонизация, стр. 46–47.

⁴ Гулиа, Приложение второе, стр. 271.

⁵ Инадзе, Города Колхиды в античную эпоху, стр. 201.

Черного моря не называет Диоскурию городом «эллинским»¹. Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что Диоскурия в тот период не была еще греческой колонией², но другие авторы, возражая первым, считают, что этому обстоятельству нельзя придавать особенного значения, и Диоскурия с самого начала формируется как греческая колония³.

В V–III вв. до н. э. в результате роста торговли с прибрежными городами Черного и Средиземного морей Диоскурия достигла значительного расцвета. Исходя из огромного археологического материала, добытого в различных пунктах Сухуми многолетними раскопками, можно считать установленным, что Диоскурия в тот период была сравнительно крупным городом. Об этом, прежде всего, свидетельствует многочисленная чернолаковая посуда V–IV вв., обнаруженная в Сухумской крепости, в районе гостиницы «Рица», сквера Руставели, замка Баграта, железнодорожного вокзала, на Сухумской горе и т. д. Следует отметить, что большая концентрация черно-лаковой посуды, как установлено раскопками, связана только с крупными античными поселениями городского типа⁴.

Развитие торговых отношений с местным населением и внешними странами обусловило превращение Диоскурии в важный центр посреднической торговли; проживавшее вокруг него население поддерживало экономические связи не только между собой, но и с внешним рынком⁵. Историк III в. до н. э. Тимосфен Родосский в труде «Относительно гаваней» сообщал, что «в Диоскурии сходилось (с торговой целью) триста племен, говоривших на разных языках»⁶.

По словам историка и географа Страбона (I в. до н. э. – I в. н. э.), «Диоскуриада служит общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи. Сюда, сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, которые менее правдивы, даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно... Сходятся же они главным образом для покупки соли»⁷.

¹ Гулиа, Приложение второе, стр. 249.

² Микеладзе, К генезису взаимоотношений, стр. 194–195.

³ Инадзе, Города Колхиды в античную эпоху, стр. 197; Ломоури, Греческая колонизация, стр. 35.

⁴ Трапш, Древняя Диоскурия.

⁵ Инадзе, Города Колхиды в античную эпоху, стр. 202.

⁶ Гулиа, Приложение второе, стр. 274.

⁷ Там же, стр. 253 и 255.

Сколь ни казались приведенные сведения преувеличенными, из них с несомненной очевидностью явствует, что в эллинистическую эпоху Диоскурия представляла собой весьма крупный экономический центр¹.

Гюэнос и другие поселения Другой греческой факторией на побережье Абхазии был Гюэнос, расположенный скорее всего в районе нынешнего Очамчире, на территории приморского порта у устья р. Мокви². Единственное упоминание о Гюэносе содержится в сочинении Псевдо-Скилака, который называет его «городом эллинским»³. По-видимому, Гюэнос был сравнительно небольшим поселением второстепенного значения и рано утратил свое значение⁴.

Как свидетельствуют раскопки городища, Гюэнос возник не ранее второй половины V в. до н. э. Он был расположен на небольшом холме, огражденном деревянной стеной и широким рвом. Здесь проживало население, которое состояло главным образом из греков, о чем красноречиво говорят многочисленные створки раковин устриц и мидий, которые не употреблялись в пищу местными жителями, но весьма характерны для культурных слоев греческих колоний⁵.

За пределами холма располагалось небольшое, видимо местное, поселение, в культурных остатках которого раковины устриц не встречались и устройство жилищ было иным: люди здесь жили не в деревянных домах, а в полуземлянках. Холм и поселение прижимались к небольшому лиману, образовавшемуся в устье Джикумура – рукава Мокви. По мнению Л. Н. Соловьева, Гюэнос представлял собой «типичную торговую факторию, приспособленную к условиям сезонной торговли, оживавшей летом во время прихода торговых судов и пустевшей зимой»⁶. Античное поселение в районе Очамчирского порта уже в III в. до н. э. прекращает свое существование, очевидно, в связи с обострившейся в крае к этому времени политической обстановкой⁷.

¹ Каухчишвили, Один из древнейших городов мира.

² Куфтин, Материалы, т. II, стр. 264.

³ См. Гулиа, Приложение второе, стр. 249.

⁴ Ломоури, Греческая колонизация, стр. 36.

⁵ Соловьев, Диоскурия–Севастополис–Цхум, стр. 111.

⁶ Там же.

⁷ Соловьев, Энеолитическое селище, стр. 23.

В IV–II вв. античное поселение (возможно, городского типа) существовало и в районе Нового Афона, на склонах Иверской горы. Проведенные здесь археологические раскопки показывают, что население этого пункта поддерживало экономические связи с различными центрами древней Греции и Малой Азии. Об этом, в частности, говорят обнаруженные в культурном слое городища многочисленные черепки привозной (особенно синопской) керамики – амфорной и чернолаковой посуды¹.

Такое же небольшое поселение было расположено и в районе Гагра; оно, по-видимому, называлось Триглит (затем Нитика).

**Историческое
значение
греческой
колонизации**

Греческая колонизация имела исключительно большое значение для социально-экономического и культурного развития Колхиды², прежде всего она дала большой толчок к росту внешней торговли. С утверждением в Колхиде греческих колонистов в Западную Грузию, в большом количестве стали поступать греческие товары. Особенно много привозили сюда керамических изделий (пифосы, амфоры, канфары и др.). Их остатки в виде целых сосудов и обломков были обнаружены в Сухуми, Эшера, Очамчире и в других пунктах Абхазии. В значительном количестве ввозили и предметы украшения (браслеты, кольца и пр.).

В результате развития внешних торговых связей на территории Абхазии получают распространение иноземные денежные знаки. Так, в районе Сухуми были обнаружены монеты малоазийских городов Синопа, Амиса и др.

Города кавказского побережья имели большое значение в торговле приморских экономических центров Малой Азии и Северного Причерноморья. В VI–V вв. мореплаватели на небольших судах не отваживались пересекать Черное море по прямому направлению, а совершали плавание вдоль берегов, от порта к порту. Они заходили в кавказские гавани, тем самым способствуя увеличению их торгового оборота³.

Лишь с IV в. до н. э., как видно, был освоен краткий морской путь через Черное море, от Пафлогонского выступа до Таврического (Крымского) полуострова, – непосредственно соединивший

¹ Трапш, Археологические раскопки в Анакопии, стр. 155.

² Ломоури, Греческая колонизация, стр. 69 и сл.

³ Очерки, стр. 24.

южный и северный берега Черного моря¹. Однако каботажные маршруты вдоль кавказского побережья и после этого сохранили в известной степени свое значение, особенно для городов северо-восточной части Малой Азии (Трапезунт и др.).

Приморские города Колхиды сыграли значительную роль и в социальном развитии края. Они, несомненно, способствовали ускорению роста производительных сил, втягивали местных жителей в экономические связи, способствовали развитию городской жизни, ускоряли процесс классовообразования в колхидском обществе и т. д.²

В социально-экономическом отношении население колоний было смешанным и принадлежало к различным слоям: имущественная и родовая аристократия, свободные и полусвободные производители, рабы, воины и др. Следует подчеркнуть, что рабы и полусвободные, несомненно, происходили в основном из местной среды.

Вместе с тем, местное население играло немалую роль в развитии древнегреческих колоний, причем с течением времени эта роль все более возрастала. Своей самобытной культурой оно оказывало большое влияние на бытовой уклад греческих поселений, расположенных на территории Абхазии.

Политическая обстановка

Как указывалось выше, значительная часть территории Абхазии входила в состав Колхидского государственного объединения, возникшего не позднее VI в. до н.э.

Следует отметить, что, по мнению некоторых исследователей, Колхидское государство как единое политическое целое вовсе не существовало. Однако с этим нельзя согласиться. Довольно определенные указания ряда античных писателей (Страбон, Плиний, Аппиан и др.) а также археологические (в частности нумизматические) данные не оставляют сомнений в его существовании.

Приведем для примера одно сообщение Плиния Секунда: «В Колхиде царствовал Аэтов потомок Савлак, который, получив во владение непочатую землю, добыл, говорят, огромное количество золота и серебра в земле племени суанов и вообще в своем государстве, славном золотыми рудниками»³.

¹ Максимова, Античные города, стр. 168.

² История Грузии, стр. 43–44.

³ Гулиа, Приложение второе, стр. 276.

В данной цитате речь идет о Савлаке, монеты которого (относятся ко II в. до н. э.) были обнаружены в районе Сухуми. Здесь, в частности, обращает на себя внимание то обстоятельство, что «земля племени сванов» мыслится как часть Колхидского царства. Факт обнаружения монет Савлака в районе Сухуми вместе с другими данными дает основание считать, что этот район входил в состав владений, подвластных царю Савлаку. Таким образом, можно утверждать, что во II в. до н. э., когда Колхидское государство уже значительно ослабло, оно все-таки занимало если не всю, то во всяком случае большую часть исторической Колхиды.

О территориальных границах Колхидского царства можно сказать следующее: южная граница его проходила по р. Чороху. В частности, Псевдо-Скилак указывает на эту реку, как (крайний южный сектор «страны колхов»). Что касается северной границы, то первый населенный пункт в северных пределах Колхиды, который он называет, – это Диоскурия. Таким образом, по Псевдо-Скилаку, территория Колхидского царства в его время (IV в. до н. э.) была расположена между нынешним Сухуми и Чорохи¹.

Однако по другим данным античного времени, северная граница государства проходила по Кораксу. Так, Птолемей (II в. н. э.) в своем географическом трактате указывает, что Коракс отделяет Колхиду от Сарматии. Как замечает Н. Ю. Ломоури, ошибочно отождествлять Коракс с Кодором, ибо Птолемей помещает ее севернее Диоскурии, а не южнее. Поэтому под Кораксом следует подразумевать либо Бзызь, либо какую-нибудь другую реку в этом секторе². Надо также отметить, что и Псевдо-Скилак помещает «народ кораксов» к северу от Диоскурии³. К северу от Себастополса локализует кораксов и Плиний (I в. н. э.)⁴.

Хотя Птолемей писал в эпоху, когда Колхидского царства уже не существовало, но он пользовался, как видно, более древними сведениями. Если вспомнить, что по ряду сообщений древних авторов г. Питиунт (Пицунда) входил в состав Колхидского государства, то можно допустить, что северная граница его доходила до р. Бзызь (во всяком случае в эпоху наибольшего могущества царства в IV–III вв. до н. э.).

¹ Там же, стр. 249.

² Ломоури, Клавдий Птолемей, стр. 43, 45, 53.

³ Гулиа, Приложение второе, стр. 129.

⁴ Там же, стр. 274.

Поэтому следует считать несомненным, что территория современной Абхазии (если не полностью, то в большей части) входила в состав Колхидского государственного объединения, составляя его северную периферию, а все основные центры его находились на р. Фазис (Риони)¹.

Степень подчиненности населения Абхазии колхидским царским властям была, по-видимому, несколько слабее, чем в центральных районах страны. На это, возможно, указывает и тот факт, что «колхидки», широко распространенные в Колхиде, как правило, не обнаруживаются выше Сухуми, да и на территории, собственно, Сухуми они крайне редки, а самый северный пункт, в котором был обнаружен клад «колхидок», – это Анаклия, расположенная на границе между Абхазией и Мегрелией.

Такое заключение тем более правомерно, что само Колхидское царство было децентрализованным государственным образованием. М. П. Инадзе, специально изучавшая его внутренний политический строй, приходит к выводу, что оно «не являлось прочным централизованным государственным объединением; оно по своему характеру близко стояло к некоторым рабовладельческим странам Ближнего Востока (например, Парфии), объединявшим многочисленные мелкие «племена», слабо связанные между собой»². К такому же выводу пришли и многие другие исследователи (С. Н. Джанашиа, Г. А. Меликишвили, Н. В. Хоштария и др.).

Говоря о внутренней политической структуре Колхидского царства, Страбон указывал, что оно было подразделено на отдельные «скептухии», во главе которых стояли «скептухи» («скиптродержцы»). Описывая Колхиду и некоторые соседние с ней области, он отмечает, что народы их «находятся под властью так называемых скиптродержцев («скептухов»), которые в свою очередь подчинены тиранам и царям»³. Если это указание сопоставить с другим сообщением Страбона о том, что колхидские «цари, владея страной, разделенной на провинции, не имели особенной силы»⁴, то станет очевидным, насколько местные властители чувствовали себя самостоятельными в своих владениях.

В этой связи представляет интерес анализ содержания понятия «скептух». В различные периоды и в разных странах мира в этот

¹ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 237.

² Инадзе, К вопросу о скептухиях, стр. 789.

³ Гулиа, Приложение второе, стр. 252.

⁴ Там же, стр. 254.

термин вкладывали неодинаковое содержание. В одних случаях так называли мелких царьков раннеклассового периода, в других – племенных вождей позднепатриархального общества, в третьих случаях – территориально-административных чиновников крупных восточных царств¹.

Что касается Колхиды, то исторический анализ термина «скептух» позволяет заключить, что здесь они являлись «предводителями племен, которым царская власть поручала административные функции»². Следовательно, скептухии, из которых состояло Колхидское царство, возникли на основе этнического разделения страны. М. Инадзе пишет: «На всем протяжении существования Колхидского царства в нем сохранялись сильные территориально-этнические группы («племена»), которые при административном разделении страны не были органически слиты и смешаны между собой. Царской власти лишь временно удалось их объединить»³.

Следует подчеркнуть, что термин «племена» в каждом конкретном случае должен употребляться в строго определенном смысле. В одном случае это были обычные племена, т.е. этнические организации разлагавшегося первобытнообщинного строя, в другом – «племена», которые, как уже указывалось, преимущественно должны быть квалифицированы как этнические общности, стоявшие на уровне раннеклассовых (примитивно-рабо-владельческих) отношений, т. е. как небольшие народности.

С развитием и укреплением классового строя среди этих «племен» их партикуляристские тенденции должны были систематически возрастать. М. Инадзе отмечает, что скептухии «всегда имели тенденцию к превращению из административных единиц в самостоятельные княжества, и поэтому, они не могли выступать в качестве прочной опоры царской власти»⁴.

Резюмируя приведенные выше материалы, следует сказать, что административная и политическая децентрализация Колхидского царства (первичной основой которой следует считать, конечно, экономическую раздробленность страны) была в значительной степени обусловлена этнической раздробленностью края. Если соседняя Иберия (Картли) по своему этническому составу была в основном однородной страной, то в Колхиде наряду с ведущей на-

¹ Инадзе, К вопросу о скептухиях, стр. 787–788.

² Там же, стр. 788.

³ Там же, стр. 786.

⁴ Там же, стр. 789.

родностью – колхами проживало немало других мелких племен и народностей, каждое из которых отличалось, своей индивидуальностью. В частности, определенная этническая пестрота была характерна и для территории Абхазии, составлявшей в тот период, всего лишь, северную часть Колхидского государства.

Известный интерес представляет также вопрос о политических взаимоотношениях колхидской царской власти с греко-местными городскими поселениями (Фазис, Диоскурия, Гюэнос и др.), возникшими на побережье Западной Грузии одновременно с Колхидским царством.

Некоторые авторы считают, что в административном отношении греческие колонии, в том числе и те, которые были основаны на абхазском побережье, были полностью подчинены колхидской царской власти. Так, Н. Ю. Ломоури пишет: «Мы думаем, что приморские города Колхиды, в образовании которых греческие колонии приняли участие, сразу же подпали под влияние местного племенного объединения, а затем экономически и политически подчинились Колхидскому царству, в силу чего они представляли собой не греческие полисы, а колхидские городские центры с определенным греческим оттенком и исполняли роль торговых городов, связывавших Колхиду с греческим миром»¹. «...По нашему мнению, Диоскурия, «как и другие приморские города Колхиды, непосредственно входила в состав Колхидского государства. В частности, организация обороны этого города должна была быть делом колхидского царя и там должны были находиться царские войска»².

Другого взгляда придерживается М. Инадзе. Не отрицая известной зависимости колхидских греческих колоний от местной царской власти, она вместе с тем считает, что колонии пользовались правом политического самоуправления, ссылаясь при этом на то обстоятельство, что Псевдо-Скилак называет Фазис и Гюэнос «эллинскими полисами». Это, по ее мнению, должно свидетельствовать о том, что в представлении данного автора упомянутые города проявляли определенное сходство с современными ему греческими городами-государствами, одной из характерных черт которых было внутреннее самоуправление»³.

Кроме того, М. Инадзе считает, что античные монеты – «колхидки» чеканились не колхидскими властями, а местными поли-

¹ Ломоури, Греческая колонизация, стр. 61.

² Там же, стр. 63–64.

³ Инадзе, К вопросу о самоуправлении, стр. 241.

сами, что, по ее мнению, также свидетельствует о наличии в них городского самоуправления. Буквенные знаки, высеченные на некоторых «колхидках», она трактует как инициалы городских магистратов¹.

Однако, вряд ли эти соображения могут послужить достаточным основанием для вывода о наличии самоуправления в колхидских приморских городах. Возьмем, к примеру, Диоскурию. Во-первых, Псевдо-Скилак ее не называет «эллинским полисом»; кроме того, этот город не имел никакого отношения к чеканке «колхидок», поскольку в районе Сухуми обнаружено весьма незначительное число этих монет. Да и вообще, как известно, большинство находок «колхидок» приходится на внутренние районы Грузии, восточнее прибрежных греческих полисов. Если бы «колхидки» чеканились самими колониями, то, естественно, находки их должны были падать, главным образом, на район местонахождения этих колоний². Следовательно, вопрос о самоуправлении приморских колхидских городов, пока не может быть полностью решен.

Вместе с тем, наличие каких-то автономных прав у этих городов нельзя исключить. Весьма сомнительно, чтобы они находились в такой же зависимости от царской власти, как и города внутренней Колхиды. М. Инадзе права, когда говорит, что «своеобразный характер приморских городов Колхиды определялся и тем, что в отличие от греческих полисов, являвшихся в классическую эпоху независимыми политическими организациями, города Колхиды с самого же начала развивались в условиях существования в стране царской власти»³. Однако, в чем конкретно выразилось это своеобразие, мы пока не знаем. Можно лишь допустить, что в условиях слабости царской власти в Колхиде такие крупные приморские городские поселения, как Фазис и Диоскурия, могли обладать определенными атрибутами автономии, рамки которой в разные периоды могли то расширяться, то сужаться, в зависимости от конкретных обстоятельств.

О внешнеполитическом положении Колхидского царства мы располагаем крайне скудными сведениями. Известно, например, что в V в. до н. э. оно находилось в политической зависимости от ахеменидской Персии. Геродот определенно указывает, что влады-

¹ Там же, стр. 243.

² Капанадзе, Грузинская нумизматика, стр. 32.

³ Инадзе, К вопросу о самоуправлении, стр. 242.

чество Персии распространялось на все Закавказье, не исключая, и его горных районов. Он пишет, что дань персам кроме колхов платили и соседи последних, вплоть до Кавказского хребта. Лишь «страны к северу от Кавказа и не думают о персах».

Что касается самой дани, выплачиваемой персам населением Колхиды, Геродот сообщает: «Они (колхи. – З. А.) еще до нашего времени через каждые четыре года доставляли дары, которыми себя обложили, именно 109 мальчиков и 100 девочек», известная часть этой дани падала, конечно, и на Абхазию. Причем Геродот отмечает, что указанной данью колхи якобы обложили себя «добровольно»¹.

В действительности, ни о каком добровольном обложении не могло быть речи, но тот факт, что формально, дань Ахеменидам носила такой характер, указывает, очевидно, на неполную зависимость Колхиды от Персии. Ограничение этой зависимости явилось, несомненно, результатом активного сопротивления жителей Колхиды персидским захватчикам.

Кроме этих «добровольных» приношений Ахеменидам, колхи были обязаны выставлять по их требованию и воинские отряды. На это указывает сообщение Геродота о том, что в составе персидских войск, вторгшихся в 480 г. в Грецию, были и колхи, которые «носили на головах деревянные шлемы, имели небольшие сыромятные щиты и короткие копья, а кроме того ножи»².

Однако в IV в. Ахеменидская держава представляла уже менее могущественное государство и едва удерживала свои владения даже в Малой Азии. Поэтому вполне вероятно, что зависимость Колхиды от Персии сильно ослабла или даже полностью была ликвидирована³.

Во II в. до н. э. (очевидно, в конце этого столетия) единое Колхидское государство прекратило свое существование. Важную роль в этом сыграли, надо полагать, местные этнополитические образования, которые, несомненно, тяготились верховной властью колхидского царя. Кроме того, известную роль сыграли некоторые горские (в частности северокавказские) племена, которые в тот период совершали систематические вторжения в Колхиду, особенно на территорию Абхазии⁴.

¹ Гулиа, Приложение второе, стр. 245.

² Там же, стр. 245.

³ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 238.

⁴ Там же, стр. 307 и сл.

Все эти обстоятельства облегчили понтийскому царю Митридату VI Евпатору (111–63 гг. до н. э.) уже в начале своего царствования присоединить к своим владениям Колхиду, как и некоторые другие области на Кавказе и в Крыму.

Культура

Материальная и духовная культура населения Абхазии в античную эпоху поднимается в своем развитии на новую, еще более высокую ступень. С одной стороны, это было следствием дальнейшего роста местных производительных сил, а с другой – результатом резко усилившихся культурно-экономических связей с внешним миром, в первую очередь со странами древнегреческой культуры, а затем и с эллинизированным Востоком.

Искусство и художественное творчество населения Абхазии рассматриваемого периода нашло отражение в большом и разнообразном археологическом материале, обнаруженном в ряде пунктов Абхазии.

В первую очередь, отметим искусство гравировки на металлических изделиях. На них изображались искусно выполненные геометрический и растительный орнаменты, фантастические или реально существовавшие животные и пр.

К замечательным произведениям местного прикладного искусства относятся бронзовые ножны железного кинжала, найденные в с. Колхида Гагрского района. Они украшены рельефно выделенными спиралями, канатами в виде витого шнура, рельефной полусферой со змеиной головкой, треугольными углублениями, которые были заполнены различными цветными массами¹.

О художественной сноровке местных мастеров свидетельствуют также отлитые из металла изделия: фигурки людей, лошадей, оленей, собак и т. д. Внимание привлекает бронзовый предмет ритуального назначения, найденный в с. Абгархук Гудатского района. Этот предмет, не имеющий аналогии, представляет собой длинную (ок. 11 см) слегка изогнутую, с крючком на конце для подвешивания, бронзовую лопаточку, со стоящей на ней фигуркой всадника и украшенную по боковым краям шестью бараньими головками в кольцевых ошейниках, к которым подвешены на петлях довольно крупные бронзовые колоколь-

¹ Очерки, стр. 38–39.

чики. Предмет изготовлен путем комбинированной обработки – литьем, ковкой и спайкой. Некоторые данные позволяют датировать его V в. до н. э.¹

Весьма значительный интерес представляет группа памятников из некрополя на горе Гуад-иху, которая состоит из разнообразных бронзовых, серебряных, стеклянных и фаянсовых украшений, причем преобладающими являются бронзовые предметы: перстни, браслеты, фибулы, булавки и бусы².

Из них особенно отличаются литые перстни, являющиеся высокохудожественными ювелирными изделиями. На их щитках помещены различные врезные изображения, сделанные с тончайшим техническим мастерством. Таковы, например, изображения человеческих фигур, сфинксов, грифонов и пр., которые по своему стилю и технике исполнения могут быть отнесены к античному художественному искусству.

Такие перстни-печати были найдены и в Эшера³.

Обращают на себя внимание проволочные и пластинчатые браслеты с винтообразными нарезками, елочным, кружковым, линейным и другими видами орнамента. Встречаются также браслеты, украшенные птицеобразными и змеевидными головками, на двух экземплярах имеются изящные головки драконов.

В Эшера были обнаружены незамкнутые браслеты, овал которых имеет особый выгиб внутрь. Возможно, что эта форма имитирует очертания сложного лука со спущенной тетивой⁴.

Из других видов украшений прекрасно исполнены орнаментированные бронзовые и серебряные фибулы, колокольчики с цепочками, булавками и др.⁵

Бронзовые предметы и другие вещи свидетельствуют о высоком уровне культуры и искусства местного населения Абхазии второй половины I тысячелетия до н. э.

Среди господствующих слоев общества в рассматриваемую эпоху получают все большее распространение изделия из благородных металлов – золота, серебра и др. Из этих металлов изготавливались, прежде всего различные украшения, а также некоторые предметы туалета.

¹ Куфтин, Материалы, т. I, стр. 243–245.

² Трапш, Краткий отчет, стр. 224–226.

³ Куфтин, Материалы, стр. 55.

⁴ Там же, стр. 34.

⁵ Очерки, стр. 39.

Дальнейшие успехи были достигнуты в области керамического производства. Расширилось разнообразие типов изделий, но древние традиции местного гончарного мастерства продолжали сохраняться¹. В то же время, в результате развития экономических и культурных связей с древней Грецией, здесь организуется производство сосудов античного типа – амфоры, пифосы и др.

Высокого уровня достигает орнаментация керамических сосудов. Говоря о керамике, обнаруженной при раскопках на Сухумской горе, А. Н. Каландадзе пишет: «Среди приемов украшения следует упомянуть о нарезном, налепном, штампованном, желобчатом и др. приемах, применения которых на поверхности сосудов различны: веревочный, елочный, ямочный, «ногтевой», зубчатый, штриховой, кружковый и др. орнаментальные мотивы... С целью придать сосуду более красочного и выразительного орнаментального рисунка здешние гончары нередко прибегали к различным сочетаниям нескольких приемов одновременно»². Многие из этих видов орнамента представляли собой продолжение или дальнейшее развитие доантичных способов украшения глиняных сосудов.

Наряду с памятниками местного художественного творчества, на территории Абхазии широко представлены и произведения иноземного искусства. Из них, прежде всего, надо отметить замечательный мраморный барельеф-надгробие, найденный в Сухуми в августе 1953 г. на дне моря у устья р. Беслетки. Эта массивная плита прямоугольной формы (длина 157 см, ширина – 92 см, толщина – 11–12 см). Нижний левый угол плиты обломан. Мрамор, из которого сделан памятник, сероватого цвета, в Абхазии подобный мрамор не встречается.

Лицевая сторона плиты содержит сложную рельефную композицию из трех изваянных человеческих фигур. Справа изображена сидящая в кресле женщина; она обнимает правой рукой прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика, на которого смотрит с глубокой печалью. Мальчик, подняв голову, смотрит на нее, слегка касаясь ее бессильно опущенной левой руки. За мальчиком стоит девушка, которая также грустно смотрит на «сидящую в кресле женщину»; в левой руке девушка держит на уровне плеча шкатулку, по-видимому с драгоценностями. С кресла свисает часть шкуры какого-то животного.

¹ Каландадзе, Археологические памятники, стр. 50.

² Там же, стр. 88.

С высоким художественным мастерством переданы чувства изображенных людей. По выполненным фигурам, живописной трактовке форм, изяществу драпировки, стройности композиции и изумительной обработке мрамора, памятник является замечательным произведением античного искусства.

По аналогии изображенной на нем композиции, встречающейся в античных надгробиях конца V и особенно в IV вв. до н. э., рассматриваемый барельеф можно отнести к этому же времени¹.

Большой интерес представляет, обнаруженная в Гудаута серебряная чаша полусферической формы, с изображением головы Горгоны². Чаши, подобные гудаутской, имели распространение в Малой Азии, Крыму и других местах. По мнению К. В. Тревер, они являются образцом греко-бактрийского искусства и датируются III в. до н. э.³ В таком случае, возможно, данная вещь может служить памятником взаимоотношений Колхиды с населением Средней Азии того периода⁴. ... Среди привозных изделий хозяйственного назначения, особенно много, встречается керамической посуды, из которой отметим в первую очередь большие остродонные амфоры, служившие тарой для вина и масла, ввозимых из Греции и Малой Азии. Эти амфоры обычно имели широкий корпус, который резко суживается книзу, придавая сосуду вытянутую коническую форму.

К другой категории привозных сосудов принадлежат амфориски – мелкие сосуды, в которых обычно содержались жидкие румяна из растительного сока.

Встречаются также пифосы (большие сосуды без ручек или с небольшими ручками, с широким горлом и сужающиеся книзу), шаровидные кувшинчики с небольшим плоским днищем, одной ручкой и длинным расширяющимся у венчика горлом, котилы – небольшие сосуды с широким горлом и узким основанием, с ручками или без них, канфары – двухручные кубки (ручки порой в виде рогаобразных выступов) и др.

Дальнейшее развитие получила в античную эпоху языческая религия абхазов. Именно тогда (во всяком случае не позднее), надо полагать, окончательно сложилось представление об едином и главном божестве – Анцшва, который, по народным поверьям, являлся творцом и покровителем всей вселенной.

¹ Трапш, Мраморный барельеф, стр. 164.

² Лукин, Материалы, стр. 82–84.

³ Тревер, Памятники, стр. 59–61.

⁴ Инадзе, К вопросу о торговле, стр. 116.

Рис. XIV. Мраморный барельеф-надгробие, найденный в Сухуми

Четкое оформление получил весь дохристианский языческий пантеон абхазов¹: Аиргъ и Ажвейпшаа – божества лесов, дичи и охоты; Айтар – бог обновления природы, размножения и скотоводства; Афы – божество грозных явлений природы; Ашьха инуаху – духи гор; Дзыдзлан – божество воды; Джаджа – богиня плодородия, покровительница полей и растительности; Ерыш – божество ткацкого ремесла и некоторых других женских работ; Анана-Гунда – покровительница пчел и пчеловодства; Шашвы – покровитель кузнечного ремесла и др.

* * *

Рассмотренный выше период истории Абхазии является весьма важным этапом в жизни местного общества, принципиально отличающимся от всех предшествующих этапов его развития. Это был начальный период в истории классового (раннерабовладельческого) общества на территории края и вместе с тем период превращения его в органическую (хотя и периферийную) часть античного культурного мира, наряду с другими южными областями нашей страны.

¹ См. Инал-ипа, Абхазы, стр. 336 и сл.

ГЛАВА IV

АБХАЗИЯ в I в. до н. э. – V в. н. э.

Этнический состав населения позднеантичной Абхазии

Саниги По вопросу об этнической принадлежности санигов в научной литературе высказаны различные мнения. Санигов объявляли сванами (И. Оробели, Д. Гулиа и др.), мегрело-лазами (Н. Марр, С. Джанашиа и др.), наконец, садзами (А. Дьячков-Тарасов и др.).

Сторонники сванской теории происхождения санигов ссылаются на следующие положения: а) в древности территория, занятая сванами, была значительно шире, чем в последующее время; б) по указанию Страбона, сваны «господствовали над Диоскурией»; в) Птолемей среди племен, проживающих «вдоль Понта», называет также и «свано-колхов», а это якобы дает основание предполагать, что сваны во II в. н. э. жили на побережье.

Однако ни один из этих доводов не может быть признан состоятельным для обоснования положения об идентичности сванов и санигов. Во-первых, сваны, в древности занимали территорию нынешней Рача-Лечхуми и ряда северо-восточных районов Мегрелии, как об этом свидетельствуют топонимические данные. Возможно также, что они занимали и юго-восточную (нагорную) часть нынешней Абхазии. Однако нет никаких данных, свидетельствующих о том, что сваны когда-либо обитали на территории нынешних Гагрского и Сочинского районов, в которых именно и локализуются саниги в позднеантичное и раннесредневековое время. Во-вторых, указание Страбона, что сваны «господствовали над Диоскурией», никак не может служить доводом для локализации сванов на побережье, в районе Диоскурии. И, в-третьих, приведенное сообщение Птолемея, при всей своей неопределенности («свано-колхи»), также не может служить аргументом в пользу

того, что сваны занимали береговую полосу. Выражение «вдоль Понта» имеет в виду Черное море вообще, а не обязательно его побережье. Кроме того, ни один из современников Птолемея не упоминает сванов среди прибрежных племен¹.

Таким образом, сванская теория этнической принадлежности санигов не подтверждается объективными данными источников.

Теорию мегрело-лазского происхождения санигов наиболее обстоятельно попытался обосновать С. Н. Джанашиа².

По его мнению, абхазам на большей части современной территории Абхазии предшествовало население мегрельского происхождения и поэтому «можно было бы думать, что «саниги» – это происшедшее от корня «сан» вариантное название того племени мегрельского корня, существование которого на территории современной Абхазии, до расселения здесь абхазов, с несомненной достоверностью подразумевается»³.

Для подтверждения своего тезиса о мегрело-лазском происхождении санигов, С. Джанашиа опирался прежде всего на Ипполита Портского (III в. н. э.), по которому якобы следует, что понятия «санны» (т. е. «заны», «чаны») и «саниги» являются идентичными. Ипполит Портский писал: «Санны (Запш), которые называются саниками (Заптсез) и простираются до Понта, где есть проход Апсар и Себастополис и Исулимин (это гавань) и река Фасид. Эти племена простираются до Трапезунта»⁴. Как нетрудно заметить,

¹ Следует, кстати, обратить внимание на то обстоятельство, что Птолемей наряду со свано-колхами называет и гениохов, которые, по мнению сторонников сванской теории (И. Орбели, Г. Меликишвили), являлись теми же санигами. Не стал бы ведь Птолемей два раза называть одно и то же «племя» под разными наименованиями. Здесь же надо отметить, что ни Артемидор, ни историки митридатских войн, на которых ссылается Страбон, при перечислении обитателей Черноморского побережья Кавказа, не называют сванов в числе приморских племен. Наоборот, историки митридатских войн, по Страбону, считают сванов и фтирофагов «живущими над» приморскими племенами (см. Гулия, Приложение второе, стр. 253).

² Мегрело-лазской теории происхождения санигов придерживается также М. Инадзе (см. ее статью «К вопросу об этническом составе», стр. 145–163), но она по сути дела повторяет аргументы С. Н. Джанашиа, который сам считал, что его аргументация недостаточна для окончательного разрешения вопроса об этнической принадлежности санигов.

³ Джанашиа, Тубал-Табал.

⁴ SC, т. II, стр. 447. Следует отметить, что Ипполита Портского почти

очерченная Ипполитом территория охватывает область к югу от Себастополиса вплоть до самого Трапезунта. Здесь, в частности, отмечены следующие пункты: Себастополис, Фазис, Апсар (устье Чороха), гавань Хисус (к востоку от Трапезунта) и Трапезунт, т. е. очерчена территория, занимаемая колхским (мегрело-лазским) населением, в то время как саниги обитали к северу от Себастополиса и главным образом в нынешних Гагрском и Сочинском районах, т. е. на территории, которую Ипполит вовсе не имел в виду, когда писал о своих «саниках-саннах». Следовательно, Ипполит говорит не о санигах Арриана и других авторов, а о лазах и чанах. Этого обстоятельства С. Джанашиа, к сожалению, не учел.

Что касается указания Ипполита о том, что санны называются также санниками (*Sanni qui appellantur Sannices*), то оно, скорее всего, возникло под влиянием созвучия этих названий. Г. Меликишвили пишет по этому поводу: «Отождествление санигов с саннами могло возникнуть на основании внешнего сходства этих названий. Поэтому нельзя считать несомненной принадлежность санигов-гениохов к западногрузинским (имеются в виду мегрело-лазы, или мегрело-чаны. – З. А.) племенам»¹. Такое заключение тем более правомерно, что ни один из античных авторов, кроме Ипполита, не отождествляет санников с саннами (лазо-чанами), а наоборот, они четко отличают их друг от друга (Плиний, Арриан, Мемнон, Псевдо-Арриан и др.).

Ясно, таким образом, что этот довод (показания Ипполита) не может служить подтверждением принадлежности санигов к племенам мегрело-лазского происхождения и поэтому должен быть признан несостоятельным.

Второй довод, на который ссылается С. Джанашиа, это абхазское народное предание о «цанах» – карликах. По преданию, цаны предшествовали абхазам в горных районах Абхазии. С. Джанашиа считает возможным связать термин «цан» с названием санигов, а отсюда уже термин «саниги» увязывает с корнем этнических на-

дословно повторяет автор IV в. Евсевий Кесарийский. Приводим для сравнения соответствующее место из Евсевия: «Санны же, которые называются Санигии, которые и до Понта простираются, где соединение Апсара и Севастополя и Кавсолимин и Фазис река. Вплоть до Трапезунта простираются те племена» (SC, т. II, стр. 668). Так что указание Евсевия об идентичности саннов и санигов заимствовано у Ипполита и не может иметь самостоятельного значения.

¹ Меликишвили, К вопросу об этнической принадлежности, стр. 91.

званий мегрельского происхождения «зан» и «чан» и делает вывод, – что «собственно абхазам на большей части их нынешней территории предшествовало картвельское население сванской ветви, с одной стороны, с другой – чано-мегрельской. В приведенном предании (т. е. предании о цанах. – З. А.), по нашему мнению, мы имеем отражение именно этого факта. «Цан» в данном случае подразумевает чано-мегрельский слой. Мы думаем, что это было одно из племен чано-мегрельского ответвления, а не собственно заны (нынешние мегрелы) или, тем более, чаны. В этом нас убеждает название «цан», которое нельзя признать за факт абхазского произношения «зан» и «чан», их абхазским вариантом. Мы не видим основания такого фонетического перехода в абхазском языке, потому что абхазский язык свободно мог усвоить формы как «зан», так и «чан»¹.

Приведенная выдержка вызывает ряд замечаний... Прежде всего: почему автору казалось, что «цаны» абхазского предания – это обязательно племя мегрело-чанского происхождения? По сути дела только на том основании, что «цан» можно увязать фонетически с «чан» и «зан». Но это отнюдь не может быть убедительным доказательством этнической идентичности санигов с каким-либо мегрело-чанским племенем, а тем более служить основанием для такого далеко идущего вывода, как существование на территории Северной Абхазии (ведь саниги обитали именно там) в позднеантичный и раннесредневековый периоды какого-то особого племени мегрельского корня, отличающегося как от мегрелов, так и от чанов. Совершенно очевидно, что на основании такого формального признака нельзя положительно решить вопрос о мегрело-чанском происхождении санигов².

Затем возникает и другой вопрос: какую конкретно часть современной Абхазии мог иметь в виду С. Джанашиа, на которой, по его мнению, мегрело-чаны и сваны предшествовали абхазам в древности? Надо думать, что он подразумевал Южную Абхазию, где действительно в феодальную эпоху (да и ранее) ясно прослеживается мегрело-сванское население. Вряд ли С. Джанашиа имел в виду территорию к северу от Сухуми и в особенности гагра-сочинский

¹ Джанашиа, Тубал-Табал, стр. 15.

² Сам С. Н. Джанашиа, как уже отмечалось, отнюдь не считал, что вопрос о санигах решен им окончательно. Он писал, что вопрос этот «сложный и для его разрешения потребуется, дополнительный материал» (Тубал-Табал, стр. 11).

сектор, так как он, разумеется, хорошо знал, что в топонимике этого края совершенно отсутствует мегрело-сванский элемент, что, конечно, не могло бы иметь места, если бы в прошлом здесь длительное время бытовала компактная масса мегрело-сванского населения.

Таким образом, и мегрело-чанская теория происхождения санигов по сути дела не имеет под собой реальной почвы.

Наиболее приемлемой гипотезой об этнической принадлежности санигов является, на наш взгляд, предположение об их этнической связи с позднейшими джигетами-садзами, высказанное вскользь еще А. Дьячковым-Тарасовым¹.

На такой вывод нас наводит прежде всего то обстоятельство, что саниги Арриана и Псевдо-Арриана локализируются там же, где в период позднего средневековья фигурируют садзы (садзен), или «джики» грузинских источников. Говоря о расселении садзов (до их выселения в Турцию около 100 лет назад), Л. Люлье указывал, что «племя садзен занимало пространство по берегу Черного моря от реки Хамыш до Гагра»². О языке садзов нам известно мало, но те отдельные слова и фразы, которые сообщает турецкий путешественник I половины XVII в. Евлия Челеби³, позволяют заключить, что это был самостоятельный язык. Вот что писал о садзах Г. И. Филипсон в середине прошлого столетия: «Этот народ (садзы – 3. А.), говорящий чистым абхазским языком, имеет еще особенное наречие – асадзипсуа, не похожее ни на абхазский, ни на адэгейский язык. Мало-помалу оно приходит к забвению; им иногда говорит чернь, и то, как бы украдкой от чужих людей»⁴.

Это позволяет заключить, что асадзипсуа (букв. садзско-абхазский) – это один из языков абхазо-адыгской группы иберийско-кавказской семьи.

Важным моментом, свидетельствующим о принадлежности санигов к абхазо-адыгскому этническому массиву, являются данные топонимики гагрско-сочинской зоны. Все названия этого района принадлежат к абхазо-адыгскому языковому миру (абхазские, садзские, убыхские, адыгские), и каких-либо следов топонимики

¹ Дьячков-Тарасов, Гагры, стр. 43. С. Н. Джанашиа отметил это обстоятельство (Тубал-Табал, стр. 17), но не подверг его критическому разбору.

² Люлье, Черкесия, стр. 9.

³ Сообщения Евлия Челеби об Абхазии и абхазах (см. ЗООИД, т. 9).

⁴ Цит. по Бгажба, Некоторые вопросы топонимики, стр. 289.

иногo происхождения здесь не прослеживается. Важно отметить, в частности, такое название, как Цандрипш, – владение садзских феодалов Цанба, то же, что и «Чандлар» Евлия Челеби¹.

В древние времена, как видно, предки садзов занимали значительно более широкую область, распространяясь, в частности, и в южном направлении. На это указывает ряд фактов, прежде всего топонимического характера: название речки Садзау, близ села Дурипш (Гудаутский район)², географические названия с формой «рипш» (Цандрипш, Гагрипш, Михлрипш и др.), которые более всего встречаются именно в районе расселения садзов.

Важно отметить и то обстоятельство, что известное абхазское святилище Дидрипш (близ селения Ачандара) в древности являлось, по всей вероятности, святилищем садзов. На это намекает абхазское предание, по которому первыми жрецами Дидрипшского святилища были Садзба³, т. е. садзы по происхождению, на что указывает их фамилия.

В свете этих данных указание Арриана, что на земле санигов «лежит город Себастиополис»⁴, получает реальное содержание. Как видно, в тот период (первая половина II в. н. э.) ареал расселения санигов в южном секторе доходил до района нынешнего Сухуми.

Владения садзов охватывали в прошлом более широкую территорию и в северном направлении. Это вытекает хотя бы из того факта, что в районах приморской Убыхии (до урочища Вордане) оставались следы садзского населения даже в середине XIX в.: «По всей земле убыхов, – пишет Г. Филипсон, – чернь знает асадзипсуа»⁵. Это свидетельствует о постепенной ассимиляции садзов – жителей побережья – спустившимися с гор убыхами.

Этническую обособленность санигов и их идентичность с позднейшими джиками-садзами подтверждают также грузинские исторические источники. В данной связи определенное значение приобретает факт упоминания санигов в анонимном сочинении начала XIII в. «История и восхваление венценосцев». Рассказывая о борьбе Юрия Боголюбского с царицей Тамарой,

¹ По мнению Л. И. Лаврова, в термине «Чандлар» следует видеть отражение названия санигов (см. его «О происхождении народов», стр. 195).

² См. Инал-ипа, Дурипш, стр. 77.

³ Чурсин, Материалы, стр. 39.

⁴ SC, т. I, стр. 222.

⁵ Филипсон, Черкесы.

историк сообщает, что к феодальным ополчениям Западной Грузии, выступавшим на стороне Юрия, были присоединены «саниги» и «кашаги»¹.

Это сообщение грузинского средневекового историка С. Н. Джанашиа считал «весьма достойным внимания», хотя и высказал следующее сомнение: не повлиял ли в данном случае на автора какой-либо античный источник. Поэтому он отметил, что «потребуется дополнительный материал для выяснения того, насколько живым было название «саниги» в XII в.»².

Нам кажется, что сомнение С. Н. Джанашиа имело под собой определенное основание, поскольку в других средневековых источниках термин «саниги» нигде не встречается. Зато рядом с термином «кашаги» (адыги) в ряде источников того времени употребляется термин «джики», который в этих случаях всегда обозначал джигетов-саздов. Так, в списке кавказских народностей, составленном анонимным грузинским историком, жившим не позднее XIII в., джики поставлены рядом с кашагами, абхазами, сванами, мегрелами и др.³.

Грузинский историк первой половины XVIII в. Бери Эгнаташвили также упоминает джиков наряду с мегрелами, абхазами и сванами⁴. В другом произведении того же времени («Новая история Грузии») джики упоминаются вместе с черкесами⁵.

Приведенные из грузинских источников сведения позволяют сделать следующие выводы: 1) джики (сазды) являются этнической общностью, отличающейся от абхазов, черкесов, мегрелов и сванов; 2) поскольку в грузинских источниках наряду с абхазами, сванами, мегрелами и адыгами везде упоминаются джики, то автор «Истории и восхваления венценосцев» вместо термина «джики» (этот термин он нигде не приводит) употребил название «саниги». Это дает основание считать, что термин «саниги» попал в его сочинение не случайно и автор считал санигов идентичными джикам.

Что касается названия «джики», то в грузинских источниках оно употребляется в различных смыслах. В ранних источниках оно обозначало все племена адыгского корня (например, в сочине-

¹ «История и восхваление венценосцев», стр. 48.

² Джанашиа, Тубал-Табал, стр. 192.

³ Кекелидзе, Вопросы классификации, стр. 12.

⁴ Картлис цховреба, т. II, стр. 342.

⁵ Там же, стр. 503.

нии автора XI в. Джужаншера¹). Однако с течением времени значение его суживается, и оно стало употребляться только для обозначения абхазо-адыгского племени садзов. В таком понимании оно фигурирует в сочинении анонимного хронографа XIII в.², в произведениях упомянутых выше Бери Эгнаташвили, авторов «Новой истории Грузии» и др.

Наиболее конкретное описание джиков и их страны мы находим у Вахушти Багратиони. У него оно полностью соответствует садзам и области их расселения³.

Таким образом, приведенные выше материалы дают основание считать, что садзская теория происхождения античных санигов гораздо ближе к истине, чем гипотезы об их этнической принадлежности к мегрело-чанским или сванским племенам.

Апсилы и абазги

Из этнических групп, локализуемых древними авторами на территории античной Абхазии, наиболее важное для нас значение имеют апсилы и абазги – непосредственные предки абхазской народности. Апсилы (как и саниги) впервые упоминаются в сочинении римского писателя I в. н. э. Плиния Секунда. В «Естественной истории» он пишет: «Племя апсилы (*gens Absilae*), и крепость Себастополь, на расстоянии 100 тысяч шагов от Фазиса; племя санигов (*gens Sannigae*), город Кигн и город Пеней и, наконец, племена гениохов, различающихся многими названиями» (*multis nominibus Heniochorum gentes*)⁴. Это ценное описание целиком можно отнести к территории современной Абхазии. Как не трудно заметить, здесь перечисление этнических единиц и городских населенных пунктов дается по направлению с юга на север. В начале он называет апсилы, к северу от них помещает город Себастополь, затем следуют «города» – сначала Кигн, а далее Пеней; под последним, очевидно, имеется в виду город Питиунт, а под Кигном какой-то населенный пункт, расположенный между Себастополем и Питиунтом. К северу от Питиунта простирается земля гениохов.

Первое упоминание об абазгах содержится в сочинении («Перипле») греческого автора первой половины II в. н. э. Флавия Арриана, который сообщает весьма важные сведения по этногеографии позднеантичной Абхазии. Эти сведения приобретают особую

¹ Картлис цховреба, т. I, стр. 157.

² Там же, т. II, стр. 182.

³ Багратиони, Описание, стр. 172.

⁴ SC, т. II, стр. 179.

ценность потому, что в отличие от многих других авторов Арриан лично побывал на Кавказе, и в частности в Абхазии, куда ездил по специальному поручению римского императора Адриана, с целью подробного ознакомления с положением дел на местах.

О племенах, проживавших на территории Абхазии, Арриан пишет следующее: «За лазами живут апсилы (*`Absilai*)... с апсилами граничат абасги (*`Abasxoi*). Рядом с абасгами – саниги (*Sanigai*), в земле которых лежит город Севастополь»¹. Однако, к сожалению, Арриан не указывает точных границ отмеченных им племенных объединений. В некотором отношении исключение составляют саниги, о которых сообщается, что на их земле был расположен Севастополис. Определенно лишь указание, что апсилы и абазги жили между лазами (с юга) и санигами (с севера).

Вопрос о локализации этнических общностей, бытовавших на восточном побережье Черного моря в начале нашей эры, специально рассмотрен в диссертации М. П. Инадзе, посвященной монографическому исследованию сведений Ф. Арриана о Грузии. О местожительстве лазов М. Инадзе пишет: «Они в начале I в., в основном, занимали территорию южнее реки Фазис (Риони. – **З.А.**). В последующее время они распространяются и севернее реки Фазиса. В частности, нужно предполагать, что во II в. территория лазского княжества простиралась до реки Хобоса. т. е. современного Ингура (Арриан, Птолемей)»². Что касается расселения абазгов и апсилов, то по этому поводу М. Инадзе говорит: «Судя по данным «Перипла», территория княжеств апсилов и абазгов во II в. распространялась от реки Ингура примерно до Сухума (т. е. Севастополя Арриана), который находился на территории санигов»³.

В дальнейшем, как видно, на территории Абхазии происходит существенное перемещение этнических общностей. М. Инадзе пишет: «Со II в., в связи с продвижением лазов к северу и занятием ими территории княжеств апсилов и абазгов, к северу же должны были переместиться и основные группы апсилов и абазгов. Так, например, если прежде (во II в.) северная граница княжества абаз-

¹ Там же. т. I, стр. 222.

² Инадзе, К истории Грузии, стр. 17.

³ Там же, стр. 18. Следует отметить, что впоследствии М. Инадзе без каких-либо убедительных оснований «оттеснила» абазгов и апсилов в горы, а на побережье Абхазии разместила санигов, которых она считает мегрело-чанским племенем, и лазов (см. Инадзе, К вопросу об этническом составе).

гов проходила южнее г. Севастополя (Сухуми), позднее (в V в.) таковой уже являлась река Абаск (нынешняя Псоу?), сам же Севастополь, находящийся до того на территории санигов, теперь находился на территории апсилов.

Таким образом, апсилы и абазги в продолжение II–V вв. заняли территорию от Севастополя до реки Абаска. Эта территория во II в. входила в княжество санигов, которое, согласно Арриану, простиралось в это время от Севастополя до реки Ахэунта (Шахе?).

К VI в. апсилы и абазги захватили и остальную территорию санигов, подчинили их своему политическому влиянию и распространили на них свое этническое название¹.

Г. Меликишвили также высказывает предположение, что уже во II в. лазы оттеснили апсилов и абазгов на север и довели свою этнографическую границу почти до района Диоскурии-Севастополиса².

По вопросу об этнической принадлежности античных апсилов и абазгов, подавляющее большинство ученых (Н. Марр, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, А. Фадеев, Г. Меликишвили, Л. Лавров и др.) придерживаются того взгляда, что они были племенами абхазского происхождения, непосредственными предками нынешних абхазов.

Но высказано и другое положение. Например, П. Ингорква считает, что абазги и апсилы являлись «картвельскими племенами». В этом с ним соглашаются Н. Ломоури³, Н. Кечакмадзе⁴ и некоторые другие авторы.

Однако для признания абазгов и апсилов картвельскими племенами нет никаких реальных оснований. Как свидетельствует их последующая этническая история, они находились в прямой генетической связи именно с абхазским народом, а не с каким-либо другим этническим образованием⁵. Эти этнонимы доньше сохранились в форме «апсуа», в качестве самоназвания абхазов и «абазза» – самоназвания абазин.

Племена абазов и апсилов были ближайше родственными этническими образованиями, как на это, в частности, указывают их

¹ Инадзе, К истории Грузии, стр. 18.

² Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 383.

³ Ломоури, Сведения, стр. 25–26.

⁴ Кечакмадзе, Флавий Арриан, стр. 12 и др.

⁵ См. З. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, главы I, III, VI и IX.

наименования, восходящие к одному корню – «пс»-«бз». Еще П. Услар подчеркивал, что термины «абаза» и «апсуа» суть простые видоизменения одного и того же названия¹.

Что касается форм «абхазы» (апхазы) и «апсил» (апшил), то они, как видно, грузинского образования. Во всяком случае грузинский облик первого термина не оставляет сомнения, а конечное «ил» второго термина восходит, возможно, к грузинскому суффиксу этнических наименований «ел» (типа «мегр-ел-и, имер-ел-и, картл-ел-и» и т. п.). На это указывает, в частности, армянская форма этнических терминов, которая, несомненно, была воспринята через грузинскую среду: «апхазк» и «апшелк»².

* * *

В заключение следует привести некоторые неоспоримые свидетельства автохтонности абхазов на занимаемой ими территории и, в частности, несомненного обитания здесь их предков в античную эпоху. В первую очередь имеем в виду весьма оригинальный похоронный обряд, известный в научной литературе под названием «воздушного» погребения.

Нимфодор Сиракузский (IV в. до н. э.) говорит, что «у колхов не принято ни сжигать, ни хоронить трупы мужчин. Трупы эти они кладут в свежие кожи животных и вешают на деревья. Трупы же женщин они предают земле»³. Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) сообщает, что у колхов считалось бесчестием предавать труп мужчины земле; покойника зашивали в бычачьи шкуры и вешали на деревья»⁴. Ник. Дамасский (I в. до н. э.) также свидетельствует, что «колхи покойников не погребают, а вешают на деревьях»⁵. Аналогичное сообщение имеется и у Клавдия Элиана (II в. н. э.): «колхи кладут мертвых в кожи, зашивают их и вешают на деревья»⁶.

Такой же обычай был зафиксирован в Абхазии и в эпоху позднего средневековья. Так, автор первой половины XVII в. И. Лукка, наблюдавший этот способ захоронения в Пицунде, следующим

¹ Услар, Абхазский язык, стр. 79.

² Патканов, Армянская география, стр. 36.

³ Гулиа, История Абхазии, стр. 107.

⁴ Гулиа, Приложение второе, стр. 290.

⁵ ВДИ, 1947, № 2, стр. 176.

⁶ Гулиа, Приложение второе, стр. 282.

образом описывает его: «Покойников кладут в выдолбленные пни деревьев, служащие для них гробом, и потом, привязав их к четырем столбам, для предохранения от шакалов, держат их как бы висящими в воздухе»¹. Он же рассказывает, что покойников иногда подвешивали на деревьях.

О подобном же обычае сообщает и турецкий путешественник XVII в. Евлия Челеби, который пишет: «Этот абхазский народ странным образом хоронит беков; тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева»².

Аналогичные сведения мы встречаем и у А. Ламберти (XVII в.). Он пишет: «У абхазов есть замечательный обычай, который нельзя найти ни у одного народа в мире, а именно: покойников не хоронят, но вешают на дереве следующим образом: выдалбливают ствол дерева наподобие гроба, кладут туда покойников и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне»³.

Наконец, Вахушти Багратиони (первая половина XVIII в.) сообщает, что абхазы «не хоронят своих покойников, а кладут их в гроб вместе с их оружием и украшениями, которые (затем) подвешивают на дереве»⁴.

Характерно, что подобным образом в Абхазии хоронили людей, сраженных ударом молнии, вплоть до начала XX в.⁵ Описанный обряд «воздушного» погребения не был единственным способом захоронения покойников в античной и средневековой Абхазии. Как свидетельствуют археологические данные и письменные источники, в Абхазии в разные времена практиковались различные погребальные обряды, в том числе и грунтовые захоронения. Что касается «воздушных» погребений, не встречающихся у других народов Кавказа (кроме некоторых адыгейских племен), то они требуют, конечно, специального изучения. Для нас же в данном случае важно отметить лишь, что локализация этого обычая на кавказском побережье Черного моря на протяжении тысячелетий свидетельствует, что он восходит к предкам

¹ См. ЗООИД, т. XI, 1879, стр. 492.

² Там же, т. IX, 1875, стр. 179.

³ Ламберти, Описание Колхиды, стр. 189–190.

⁴ Багратиони, Описание, стр. 172.

⁵ Чурсин, Материалы, стр. 310.

абхазского народа, проживавшим в античную эпоху на той же территории. Это обстоятельство подчеркивали также Д. И. Гулиа¹, Г. Ф. Чурсин² и др.

Далее считаем нужным отметить, что выдвинутый некоторыми авторами тезис о появлении абазгов и апсилов на территории нынешней Абхазии, лишь в первые века нашей эры полностью опровергается новейшими археологическими открытиями. В частности, раскопки в Цебельде показали, что население данного района, проживавшее здесь в I–VI вв.,³ генетически было теснейшим образом связано с местной культурой I тысячелетия до н. э. Именно к такому выводу пришел М. М. Трапш, исследовавший археологические памятники в Цебельде⁴.

Основные аргументы, обосновывающие этот вывод, следующие:

1. Разнотипные железные втульчатые наконечники копий, встреченные в большом количестве в цебельдинских некрополях, тождественны с ранним подобным видом бронзового и железного оружия, хорошо представленным в погребениях сухумских некрополей и других могильниках Абхазии VIII–II вв. до н. э.

2. Многочисленные круглопроволочные бронзовые фибулы из погребений цебельдинских некрополей по форме дужек и некоторым другим деталям имеют аналогию с ранними колхидско-кобанскими бронзовыми фибулами.

3. Цебельдинские тонкопроволочные, спирально-концентрические, очкообразные подвески совершенно схожи с подобными бронзовыми подвесками, имевшими широкое распространение в Западном Закавказье и центральной части Северного Кавказа еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

4. Витые круглопроволочные бронзовые шейные гривны ряда погребений цебельдинских некрополей являются замечательным вещественным источником, указывающим на генетическую связь памятников Цебельды с предшествовавшими им колхидской и кобанской культурами.

5. Многие цебельдинские круглопроволочные бронзовые браслеты с разомкнутыми концами тождественны подобным бронзо-

¹ Гулиа, Приложение второе, стр. 106–109.

² Чурсин, Материалы, стр. 202–204.

³ То есть апсилы, как это вытекает из сочинений Прокопия, Агафия и других ранневизантийских авторов (см. З. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, стр. 6 и сл.).

⁴ Трапш, Некоторые итоги раскопок, стр. 274–275.

вым браслетам, которые на территории Абхазии и в других пунктах Кавказа появляются примерно в VIII–VII вв. до н. э.

6. Определенная часть цебельдинской керамической посуды, в частности горшки и некоторые другие сосуды, по своему происхождению, несомненно, связаны с ранней подобной керамикой, найденной в могильниках Абхазии эпохи поздней бронзы и раннего железа.

7. Многие орнаментальные мотивы погребального инвентаря цебельдинских некрополей, как, например, рельефные очкообразные и витые шнуровидные изображения, спиральные завитки, наlepные бараньи и козлиные головки, врезанные волнообразные линии, елочные дорожки, ромбики и другие, поражают своим совпадением с подобными видами орнаментации, встречающимися на многочисленных колхидско-кобанских вещевых находках. Это обстоятельство позволяет сделать определенный вывод о генетической связи цебельдинской культуры с предшествовавшими ей памятниками колхидской и кобанской культур.

Таким образом, основную часть населения античной Абхазии составляли этнические общности абхазо-адыгского происхождения, в том числе непосредственные предки абхазского народа – апсилы, абазги и др. В позднеантичную эпоху (по-видимому, не ранее II в. н. э.) в Южную Абхазию проникают племена мегрело-чанского происхождения (лазы), которые оттесняют абхазов к северу. Не исключено также, что горные районы нынешней Юго-Восточной Абхазии занимали сванские этнические элементы, к которым, возможно, относились и проживавшие здесь мисимияне (первые письменные сведения о них относятся к VI в.)¹.

По вопросу о ступени развития абхазских этнических общностей античного периода необходимо сказать, что признание факта раннеклассовой структуры абхазского общества античного времени позволяет сделать вывод, что в этническом отношении данные общества не являлись уже племенами в строгом смысле слова, поскольку племя – это этническая категория доклассового общества. Что касается классового общества и его политической организации, то оно предполагает уже наличие более высокой и устойчивой этнической общности, нежели племя. Такой общностью может быть только народность. Поэтому следует считать, что абазги, апсилы и саниги в первые века нашей эры являлись небольшими народностями, тем более устойчивыми, чем боль-

¹ Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, стр. 12.

ше развивались у них классовые отношения, хотя в тех условиях этническая устойчивость малых народностей была весьма относительной.

Однако дальнейшее развитие социально-экономической и политической жизни страны, в частности рост классовых отношений вглубь и вширь, неминуемо должно было обусловить этническую консолидацию небольших родственных и соседствующих народностей в более крупную этническую единицу – в единую народность. Это произошло в Абхазии, в раннефеодальную эпоху¹.

Борьба населения Абхазии против понтийских и римских захватчиков

Колхида и Понтийское царство

В последней четверти II в. до н.э. в северо-восточной части Малой Азии существовало могущественное Понтийское государство, возглавлявшееся царем Митридатом VI Евпатором (III–63 гг. до н.э.).

В начале своего царствования Митридат VI присоединил к своим владениям Боспорское царство, значительную часть Черноморского побережья Кавказа, в том числе и Колхиду.

По поводу присоединения Колхиды Страбон сообщает следующее: «Когда же особенно усилился Митридат Евпатор, страна (т. е. Колхида – З.А.) перешла под его власть; в качестве наместника и правителя страны всегда посылался кто-нибудь из его друзей. В числе их был и Маоферн, дядя нашей матери с отцовской стороны»².

Присоединение Колхиды значительно усилило позиции Понтийского царства. По свидетельству того же автора, «отсюда шла царю главнейшая помощь для организации его морских сил»³.

Однако население Колхиды не хотело мириться с создавшимся положением. В 83 г. до н. э. колхи, а также жители Боспора подняли восстание и отложились от Понтийского царства. Аппиан (II в. н. э.) рассказывает, что Митридат начал войну против непокорных колхов и боспоритов. По его словам, колхи потребовали у Митридата, чтобы он назначил им царем своего сына, и когда Митридат удовлетворил их требование – они покорились⁴.

¹ Там же, стр. 62–70.

² Гулиа, Приложение второе, стр. 254.

³ Там же.

⁴ Аппиан, Митридадовы войны, стр. 22–23, 135.

Заключение мира между понтийским царем и колхами выражало собой своеобразный компромисс: Митридат VI был вынужден восстановить в Колхиде царскую власть, но царем был поставлен не представитель местной династии, а сын самого Митридата, тоже носивший имя Митридат¹.

Однако Митридата Евпатора не устраивало это. Как только ему удалось усилить свои позиции, он лишил своего сына престола, арестовал его и вскоре приказал казнить, заподозрив в связях с колхидскими повстанцами.

После этого в Колхиде был восстановлен прежний порядок управления, который оставался без изменения вплоть до утверждения здесь римского владычества².

Все это свидетельствует о непрочных позициях понтийского господства в Колхиде, что заставляло Митридата VI искать себе местную политическую опору. По мнению М. Инадзе, такую опору он, по-видимому, создал в лице населения приморских городов Колхиды (в том числе и Диоскурии), которое было заинтересовано в том, чтобы поддерживать торговые связи с городскими центрами Понтийского царства, в особенности с Синопой, сосредоточившей в тот период транзитную торговлю колхидских городов со странами средиземно-морского бассейна³.

С целью привлечения на свою сторону городов Причерноморья Митридат предоставил им ряд привилегии. В частности, Диоскурии он разрешил чеканить собственную медную монету, на которой была изображена эмблема понтийского царя – жезл Дионисия⁴. В результате таких мероприятий Митридату удалось заручиться поддержкой городов приморской Колхиды. По сообщению Аппиана, когда Митридат под натиском римлян в 66 г. отступил из Малой Азии, то он закрепился в Диоскурии, где провел целую зиму⁵.

¹ Там же, стр. 135.

² Инадзе, Города Колхиды в античную эпоху, стр. 136.

³ Там же.

⁴ На лицевой стороне монеты были изображены две шапки Диоскуров с шести или восьмилучевыми звездами над ними, а на оборотной стороне – жезл, по сторонам которого помещалась греческая надпись в три строки ΔΙΟΣΚΟΓΡΙΑ ΔΟΣ (см. Д. Капанадзе, Грузинская нумизматика, стр. 40–41).

⁵ Аппиан, Митридатовы войны, стр. 195–196. Находясь в Диоскурии, Митридат, по свидетельству Аппиана, составил план дальнейшей борьбы против римлян, по которому он сначала намеревался захватить Боспорское царство, где правил изменивший ему его сын Махара, а оттуда вторгнуться непосредственно в Европу. Однако, этому замыслу не суждено было осуществиться. Убедившись в тщетности дальнейшего сопротивления, Митридат покончил жизнь самоубийством в Пантикапее.

Тем временем политическое положение Понтийского царства резко ухудшилось. Римское рабовладельческое государство, стремившееся полностью завоевать Малую Азию и побережье Черного моря, одержало окончательную победу в упорной борьбе против Митридата и его союзников – армянского, иберского и албанского¹ царей.

После бегства Митридата из Малой Азии римские легионы, под командованием Гнея Помпея захватили Армению, Иберию и вторглись в Колхиду. Говоря о причинах вторжения римлян в Закавказье, Г. А. Меликишвили пишет: «Нельзя думать, что причиной данного похода было лишь преследование Митридата или, идя в поход против этих закавказских областей, Помпеи стремился лишь к увеличению своей славы, простому расширению пределов римских завоеваний, захвату добычи, пленных и т. д. Несомненно, римляне должны были иметь также и другие, особые интересы в Закавказье. Для них должно было стать ясным исключительно большое стратегическое значение Закавказья, как барьера против северных кочевников. К этому следует добавить и то, что Закавказье представляло важную артерию для связи с Северным Причерноморьем, особенно влекущим римлян как богатейший источник добывания рабов. Закавказье привлекало римлян также и с точки зрения его использования в качестве торгово-транзитной дороги, связывающей Средиземноморье со странами Средней Азии, Индии и далекого Китая»².

О походе римлян в Западную Грузию римский историк Дион Кассий рассказывает следующее: Помпей «прошел через земли колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом». Так он дошел до Фазиса, где его встретил Публий Сервий с римской эскадрой. Однако двигаться дальше Помпей не решился, опасаясь сопротивления местного населения. По словам Диона Кассия, Помпей, «узнавши здесь, что путь по материке идет через земли многих неизвестных и воинственных племен, а морской путь еще затруднительнее вследствие отсутствия гаваней в этой стране и суровости ее обитателей, приказав флоту сторожить Митридата..., сам отправился против албанцев»³.

¹ Албанией называлось государство, расположенное на территории нынешнего Азербайджана.

² Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 324.

³ SC, т. II, вып. 1, стр. 615.

По сообщению Аппиана, Помпей поставил во главе колхов некоего Аристарха¹. До нас дошла монета (драхма), чеканенная именем Аристарха и датированная 52/51 г. до н. э.²

Аристарх был правителем только центральной части Колхиды, и резиденцией его был один из прибрежных городов Восточного Причерноморья, может быть Фазис, а «воинственные племена Северной Колхиды вряд ли подчинялись кому-либо»³.

Однако римляне считали покоренной их власти всю Колхиду. Когда в Риме был устроен триумф по случаю возвращения Помпея, то, как сообщает Аппиан, «впереди самого Помпея шли все те, которые были сановниками, детьми или военачальниками побежденных царей, одни будучи пленниками, другие данные в заложники», и среди них – «скептух колхов Олтак»⁴.

Во второй половине I в. до н. э. в Риме, в результате внутренних социально-политических противоречий произошло падение республики и установление монархического строя во главе с императором.

Воспользовавшись этим, сын Митридата VI Евпатора Фарнак, который стоял во главе Боспорского царства и был союзником римлян, поднял восстание и отложился от них. Дион Кассий сообщает по этому поводу следующее: «Фарнак... начал стремиться к возвращению себе отцовского царства... и захватил много местностей... Он без труда подчинил себе Колхиду и всю Армению, некоторые города Каппадокии и Понта».

Таким образом, Колхида перешла под власть Фарнака, на короткий срок превратившегося в царя не только Боспора, но и Колхиды, Понта и Малой Армении⁵. Однако в борьбе с Римом Фарнак потерпел в конечном итоге поражение и вскоре погиб.

После его смерти развернулась ожесточенная борьба между новым правителем Боспора Асандром и ставленником Рима в Понтийском царстве Митридатом Пергамским. Колхида стала ареной военных действий⁶, в результате которых она была сильно разорена.

Ослаблением Колхиды воспользовались соседние воинственные племена и стали подвергать ее, и в частности территорию Аб-

¹ Аппиан, Митридатовы войны, стр. 221.

² Капанадзе, Грузинская нумизматика, стр. 42.

³ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 332.

⁴ Аппиан, Митридатовы войны, стр. 224.

⁵ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 332.

⁶ Там же, стр. 333.

хазии, систематическим вторжениям. Плиний Секунд относительно Диоскурии сообщает, что «город этот теперь опустошен». По его же словам, «в высшей степени богатый город Питиус, лежащий внутри этой страны, был ограблен гениохами»¹.

Подробные сведения о набегах гениохов и других племен сообщает Страбон. Он пишет: «За Синдикой и Горгиипией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов... Обитатели его живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать; эллины называют их камарами... Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют в море. Случается, что им содействуют и владельцы Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступит время плавания, они снова сносят камары на берег. Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть самостоятельные правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны своих вождей»².

По мнению Г. А. Меликишвили, после Аристарха Колхида больше уже не представляла отдельной единицы в качестве римской провинции³.

В конце I в. до н. э. Колхида входила в состав владений понтийского царя Полемона. Страбон сообщает: «С падением Митридата рушилось все подвластное ему царство и было разделено между многими лицами. В последнее время Колхидой владел Полемон, а после его смерти правит супруга его Пифодорида, царствующая и над колхами, Трапезунтом, Фарнакией и живущими выше ее варварами»⁴. Таким образом, в начале нашей эры под властью Пифодориды находилось все Юго-Восточное Причерноморье, а сама она являлась вассалом Римской империи.

¹ Гулиа, Приложение второе, стр. 274.

² Там же, стр. 251–252.

³ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 333.

⁴ Гулиа, Приложение второе, стр. 254.

Однако в 63 г. н. э. римляне превратили Понт в свою провинцию и утвердились в районе Восточного Причерноморья и в Крыму. В этом отношении интерес представляет следующее сообщение античного автора того времени Иосифа Флавия, который пишет: «Гениохи, и колхи, и племя тавров, и босфораны, и народы, живущие вокруг Понта и Меотийского озера, которые прежде не знали даже и собственного повелителя, повинуются теперь трем тысячам голпитов (тяжеловооруженных), а сорок военных кораблей создали спокойствие и мир на диком море (Понте), по которому прежде нельзя было плавать»¹.

Однако положение в Колхиде на самом деле не было столь мирным и спокойным, как об этом заявляет И. Флавий. По сообщению Страбона, набеги соседних племен (гениохов и др.) на римские владения продолжались. От них, по его словам, «области, подчиненные римлянам, более беспомощны вследствие нерадения посылаемых ими правителей»². Он же свидетельствует, что всё побережье Черного моря подчинено римлянам, «если не брать в расчет земель ахейцев, зихов и гениохов, ведущих разбойническую и кочевую жизнь в тесных и скудных местностях»³.

Вполне естественно, что в такой обстановке население Колхиды все больше и больше проявлявшее недовольство римским господством, подняло в 69 г. н. э. массовое восстание против римлян во главе с представителем местных племен Аникетом⁴. Хотя основным очагом восстания была Южная Колхида, но, по-видимому, и Северная Колхида не оставалась в стороне от этой борьбы. Во всяком случае одно из североколхидских племен (седохезы), жившее вблизи Ингури, на определенном этапе восстания принимало в нем активное участие. Не случайно, что после поражения восстания Аникет и многие его сторонники бежали именно сюда, но впоследствии были выданы римским властям «царем» седохезов.

Восстание Аникета показало Риму несбыточность замысла полного подчинения Колхиды. Для Рима становится очевидным, что в Колхиде, как ранее в Иберии, ему фактически придется довольствоваться установлением союзнических отношений. Не случайно поэтому, что уже при императоре Траяне (98–117) Колхида начи-

¹ Там же, стр. 276.

² Там же, стр. 252.

³ Там же, стр. 257.

⁴ Болтунова, Восстание Аникета; см. Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 365–367.

нает фигурировать наравне с Иберией. По сообщению римского историка Европия, Траян «принял колхов в подданство», так же как иберов и некоторые другие народы¹.

Уже при Траяне (если не раньше) между Римом и политическими образованиями, возникшими на территории Колхиды, складываются отношения вассально-политической зависимости. В «Перипле» Флавий Арриан отметил на территории, соответствующей нынешней Абхазии, три политические единицы. В своем отчете императору Адриану он сообщает: «За лазами следуют апсилы; у них, царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абасги; у абасгов царь Рисмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасгами – саниги, в земле которых лежит Себастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя»². Из сведений Арриана выясняется, что в первой половине II в. римский гарнизон стоял только в Диоскурии, которую римляне переименовали в Себастополис в честь императора Августа, имевшего прозвище «Себастос» («величественный»).

Касаясь вопроса о характере взаимоотношений между Римом и политическими образованиями Абхазии Г. А. Меликишвили пишет: «Наиболее слабое (?) из существовавших тогда на восточном побережье Черного моря объединений «Царство апшилов» в силу создавшейся обстановки, возможно, раньше других старалось заручиться поддержкой Рима. То, что царь апшилов «получил власть» от Траяна, в то время как «цари» лазов, абасгов и санигов лишь – от Адриана, конечно, нельзя понять обязательно в том смысле, что подобная практика – («получение власти», т. е., очевидно, утверждение) в отношении правителя апшилов установилась при Траяне, а в отношении остальных – при Адриане. Можно допустить что и предшественники Малассы (царя лазов), Рисмага (царя абасгов) и Спадага (царя санигов) также «получали власть» от Траяна или от какого-либо другого императора. Однако следует обратить внимание также и на то, что в отличие от «царей» лазов, абасгов и санигов носящих местные имена, царь апшилов носит римское имя (Юлиан). Поэтому нам кажется небезосновательным предположение о наличии у апшилов сравнительно ранее наметившейся римской ориентации, в связи с чем вышеотмеченный факт «получения власти» то от Траяна то от Адриана можно понять в том смысле, что он указывает на установление такой практики в

¹ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 369.

² Гулиа, Приложение второе, стр. 263.

отношении апшилов при Траяне, а в отношении лазов, абасгов и санигов при Адриане. Конечно, это вовсе не означает отсутствия той или иной зависимости населения прибрежной полосы Западной Грузии от Рима в предшествующую эпоху. Наоборот, это является свидетельством признания Римом сложившихся здесь новых политических образований и укрепления последних»¹.

Таким образом, Риму не удалось превратить Колхиду в свою провинцию. На ее территории возникает ряд местных политических образований, и Рим был вынужден ограничиться лишь признанием их правителями верховной власти римского императора. Правители эти были, несомненно, местного происхождения, о чем свидетельствуют хотя бы их имена, а «получение власти» от того или иного императора предполагает, вероятно, лишь формальное утверждение Римом их прав. В чем остальном выражалась эта зависимость от Рима, сказать трудно; по-видимому, она не выходила за рамки дипломатических или военных сфер. Нет оснований полагать также, что в обязательства этих правителей входила и выплата дани².

Однако с течением времени, как видно, римляне несколько укрепили свое положение на территории Абхазии. Если во времена Арриана римский гарнизон стоял только в Севастополисе, то в конце II в. Или, во всяком случае, в начале III в. римские войска разместились также и в Питиунте. Одним из подтверждений этого факта может служить находка в Пицунде, в культурном слое конца II – первой половины III в., керамической плитки с сохранившейся частью латинской надписи *leg*, что, надо полагать, является клеймом размещенного здесь легиона, как это обычно было принято у римлян³.

Между тем в III в. политическая обстановка существенно изменилась. В результате нараставших социально-политических противоречий, внутреннее положение Римской империи заметно ухудшилось, а на внешние границы ее все активнее стали насаждать многочисленные племена варваров. Не избежали этого натиска и колхидские владения Рима, в первую очередь территории Абхазии.

В силу этих обстоятельств, по мнению Г. А. Меликишвили, римские легионы, размещенные в Колхиде, превратились из орудия

¹ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 372-373.

² Там же, стр. 373.

³ Лордкипанидзе, Предварительный отчет, стр. 105–106.

давления на соседние местные объединения в средство для борьбы с опасностью вторжения северных племен. Военный союз между Римом и колхидскими политическими образованиями становится необходимым для обеих сторон¹. У римских войск в Колхиде наряду с поддержанием господства над местным населением теперь появляется дополнительная функция, выражавшаяся в необходимости противостоять внешним вторжениям. В этом, конечно, они могли в известных случаях рассчитывать и на поддержку местного населения.

Интересные сведения о набегах готов (скифов) на побережье Колхиды в середине III в. сообщает историк Зосим (вторая половина V в.). В своей «Новой истории» он пишет: «Скифы опустошили области до Каппадокии, Пителиунта и Эфеса». В 252 г. правители Боспора «предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и возвратились домой. Когда скифы стали опустошать все, [что было] на пути, жители побережья Понта удалились вглубь страны в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Пителиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань. Когда Суксесиан, стоявший во главе местного (римского. – З. А.) гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров, то скифы, опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав [об этом] и соединившись с пителиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв под Пителиунтом многих из своих. Жители [побережья] Эвксинского Понта, спасенные, как мы рассказали, искусными действиями Суксесиана, надеялись, что скифы, отбитые сказанным способом, никогда больше не [осмелятся] переправляться. Но когда Валериан отозвал Суксесиана, дал ему должность при дворе и вместе с ним занялся делами Антиохии и ее заселением, скифы снова взяли у боспорцев суда и переправились в [Азию]. Удержав суда и не позволив боспорцам, как прежде, возвратиться с ними домой, они пристали вблизи Фазиса, где, как говорят, было построено святилище Фасианской Артемиды во дворце Ээта. Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Пителиунт; без малейшего затруднения взяв [это] укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше»².

¹ Цит. по Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 379.

² Там же, стр. 379–380.

В условиях систематических внешних вторжений зависимость Колхиды от Римской империи заметно ослабла. Если, с одной стороны, местные племена вынуждены были поддерживать римские гарнизоны в моменты нашествий северных варваров, то когда непосредственной угрозы таких нашествий не было, они должны были использовать ослабление римских войск в своих политических интересах, конечной целью которых было достижение полной независимости.

Одной из причин ослабления римского господства в Колхиде, и в частности на территории Абхазии, было то, что отношения Рима с кавказским побережьем не приобрели характера прочных экономических и культурных связей¹. Римские правители преследовали в Абхазии главным образом свои военно-стратегические и политические цели. Восстановленные и укрепленные ими города являлись, прежде всего, военными форпостами на дальних подступах к империи, опираясь на которые, они не раз пытались подчинить себе весь край. Однако все их попытки проникнуть в глубь страны неизменно наталкивались на активное сопротивление местного населения. Археологические раскопки, проведенные в последние годы во внутренних районах Абхазии, в частности в Цебельде, показывают, что местное население в рассматриваемую эпоху было весьма хорошо вооружено. «Наличие большого количества оружия в цебельдинских некрополях свидетельствует об исключительно воинственном характере местного населения, которое во II–IV вв. вело упорную борьбу с римскими захватчиками»².

В конце III в. центр Римской империи постепенно перемещается на Восток, а в 330 г. столицей ее становится Константинополь. В связи с этим наблюдается некоторое укрепление римского влияния в восточных провинциях. Возможно, что в первой половине IV в. римские гарнизоны вновь стояли в прибрежных городах Центральной и Северной Колхиды. Историк Зосим, сообщая о разделении императором Константином (306–337) единого государства на четыре области, в составе одной из них (префектура «Восток») упоминает «все Поморье от Памфилии до Трапезунта и укреплений на Фазисе»³. Под последними, надо полагать, имеются в виду все укрепления на территории Колхиды, не исключая и тех, которые были расположены в Абхазии.

¹ Очерки, стр. 33.

² Трапш, О некоторых итогах археологических исследований, стр. 187.

³ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 381.

Во второй половине IV в. у кавказских границ империи появляется противник еще более грозный, чем готы, – гунны, воинственный кочевой народ, вторгшийся в Европу из Центральной Азии. Охрана путей через Кавказский хребет (Клухорский и Марухский перевалы) теперь приобрела для Рима особо важное значение и составляла одну из главнейших обязанностей римского гарнизона в Абхазии. В таких условиях, разумеется, римские власти должны были всячески стремиться поддерживать лояльные отношения с местными политическими образованиями, что постепенно приводило к дальнейшему ослаблению зависимости последних от Римского государства.

Археологические раскопки на территории Сухумской крепости показывают, что в конце IV – начале V в. жизнь здесь постепенно замирает. Вокруг и даже внутри крепостных стен совершаются погребения; это, возможно, говорит о том, что укрепление в какой-то мере потеряло свое значение¹. То же самое можно сказать и в отношении Питунта.

После образования Восточноримской (Византийской) империи ее взаимоотношения с политическими образованиями Западной Грузии принимают новый характер, рассмотрение которого выходит за рамки настоящей работы.

Города Абхазии и социально-экономическое развитие местного населения

В рассматриваемую эпоху в развитии городских центров Абхазии произошли существенные изменения. Если в раннеэллинистический период они переживали расцвет социально-экономической жизни, то с конца II в. до н. э. начинается их постепенный упадок. Это обстоятельство объясняется не только внешнеполитическими условиями, но и важными сдвигами во внутренней жизни местного общества, в частности дальнейшим развитием социальной дифференциации населения, приводившей к концентрации земельной собственности в руках немногих и разорению основной массы непосредственных производителей. В результате, значительная часть населения вынуждена была покидать насиженные места и уходить в другие районы. Как показывают археологические материалы, ряд пунктов, населенных в предшествующий период, в этот период прекратил свое существование.

¹ Шервашидзе, Соловьев, Исследования, стр. 177.

Другим фактором, вызвавшим резкий упадок городской жизни в Абхазии того времени, было установление понтийского господства в Колхиде и длительные войны между Митридатом и Римом, в которые были втянуты Колхида и вместе с ней Абхазия¹.

Сложившаяся обстановка привела к тому, что происходит коренное изменение во взаимоотношениях между населением городов Абхазии и соседними племенами. Если в предшествующую эпоху эти отношения носили в основном мирный характер, то теперь, пользуясь ослаблением городов, соседние племена начинают осуществлять по отношению к ним ярко выраженную агрессивную политику. В этой связи большой интерес представляет цитированное выше сообщение Плиния, что «богатый город Питиунт... разграблен гениохами», а Себастополис «теперь (середина I в. н. э.) находится в запустении»².

Письменные сообщения Плиния наглядно подтверждаются материалами археологических раскопок в районе древних городов Абхазии. Так, культурный слой I в. до н.э. – начала I в. н. э. на территории Сухумской крепости оказался очень слабо выраженным и дал лишь единичные находки, что явно свидетельствует об упадке и кризисе в жизни древней Диоскурии³.

Себастополис Римские власти вскоре после утверждения своего владычества стали рассматривать Себастополис только как город-крепость. Результаты археологического изучения Сухумской крепости в I–II вв. н. э. свидетельствуют, что здесь производились значительные строительные работы, в частности были возведены новые укрепления⁴.

В первой трети II в. Себастополис представлял собой крепость с небольшим римским гарнизоном. Побывавший здесь в это время Арриан за полдня «успел выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, прыгание всадников на коней, больных и хлебные запасы, обойти стену и ров»⁵. Из этого сообщения видно, что Диоскурия – Себастополис утратил свое прежнее экономическое значение и превратился в обычное военное поселение. Не случайно Арриан ничего не пишет о хозяйственной жизни города. Однако

¹ Инадзе, Города Колхиды в античную эпоху, стр. 135–138.

² Гулиа, Приложение второе, стр. 274.

³ Апакидзе, Лордкипанидзе, Отчет, стр. 41.

⁴ Шервашидзе, Соловьев, Исследования, стр. 177.

⁵ Гулиа, Приложение второе, стр. 262.

в последующее время, примерно со второй половины II в., Севастополис постепенно растет и к III в. становится сравнительно крупным торгово-ремесленным центром. Культурный слой, относящийся к тому периоду, в отличие от предшествующего времени богат разнообразными находками, свидетельствующими о расцвете городской жизни¹.

Обитатели города занимались различными видами хозяйственной деятельности, удовлетворявшими не только их главные потребности, но и позволявшими иметь торгово-экономические связи, как с внешним миром, так и с местным населением². Таким образом, «крепость, возникшая как оплот римской агрессии на Кавказе, с течением времени сделалась крупным экономическим центром. Она скоро обросла предместьями. От нее шли торговые пути в глубь страны, в частности на Клухорский перевал»³.

Археологические находки раскрывают яркую картину хозяйственной жизни города. Культурные слои, относящиеся к тому времени, насыщены многочисленными предметами (фрагменты кирпичей, черепицы, водопроводных труб, черепков различной глиняной посуды – привозной и местной, обломки стеклянных сосудов). Найдены также остатки жерновов ручной мельницы, железные долота и четырехгранные гвозди, рыболовные крючки, металлические шлаки, кости животных, скорлупа грецкого ореха, косточки персиков и т. д. Из перечисленных находок преобладающим и массовым материалом является посуда⁴.

Многие из перечисленных ремесленных изделий производились на месте. Особенно это относится к керамической продукции. Севастополис, как видно, становится в тот период одним из центров керамического производства на Черноморском побережье Кавказа. Изготовленные здесь сосуды вывозились на продажу за пределы края. На это, в частности, указывает находка в районе Сухумской крепости большой гончарной печи⁵. Кроме того, горожане занимались кузнечно-слесарным и ткацким ремеслом, строительным делом, земледелием, садоводством, рыболовством и т. д.

В Сухумской крепости обнаружено также немало монет. Все они являются провинциальными римскими монетами, в основном

¹ Апакидзе, Лордкипанидзе, Отчет, стр. 41.

² Трапш, Раскопки древнего Севастополиса, стр. 253.

³ Шервашидзе, Соловьев, Исследования, стр. 178.

⁴ Трапш, Раскопки древнего Севастополиса, стр. 243.

⁵ Там же, стр. 247 и сл.

трапезунтского происхождения. Большинство из них относится к периоду с конца II по IV в. н. э. На некоторых монетах сохранились изображения римских императоров¹. Отмеченные нумизматические находки свидетельствуют об оживленных внешнеэкономических связях Себастополиса преимущественно с городами Южного Причерноморья.

Со второй половины IV в. Себастополис постепенно начинает приходить в упадок. Как свидетельствуют археологические материалы, в течение этого столетия жизнь в Себастополисе постепенно замирает, а в начале V в. «укрепление в какой-то мере потеряло свое значение»². Раскопками определенно устанавливается, что «в конце V в. город Себастополис утратил свое прежнее значение. На обследованных участках Сухумской крепости нет соответствующего культурного слоя, который мог бы говорить об обратном»³.

Аналогичный путь развития в рассматриваемую эпоху прошел и Пителинт. Если еще Страбон называл его «великим Пителинтом»⁴, то в начале нашей эры, как уже отмечалось, он находился в запустении, а Арриан в своем «Перипле» называет его простой стоянкой. Однако во второй половине того же столетия город начинает переживать подъем. Очевидно, именно в этот период здесь была построена крепость и размещен римский гарнизон. Экономическая жизнь здесь достигает расцвета в первой половине III в. К этому времени относятся обнаруженные в Пителинте значительные денежные клады, которые свидетельствуют о концентрации богатств в руках отдельных лиц.

Находки монет на территории пителинтского городища прекрасно иллюстрируют его экономическое развитие. В этом отношении весьма характерен анализ нумизматического материала из

¹ Там же, стр. 247.

² Шервашидзе, Соловьев, Исследования, стр. 177.

³ Трапш, Раскопки древнего Севастополиса..., стр. 253. Следует отметить, что этому выводу цитированных выше авторов противоречит заявление А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе которые, утверждая, что культурный слой IV–V вв. на территории Сухумской крепости «дал материал, свидетельствующий об интенсивной экономической жизни в городах Северо-восточного Причерноморья в период возникновения и расцвета Лазского (Эгрисского) царства» (см. Труды АИЯЛИ, т. XXXIII–XXXIV, 1963, стр. 222).

⁴ Гулиа, Приложение второе, стр. 252.

раскопок городища, сделанный Г. Ф. Дундуа¹. Если I в. представлен только двумя монетами, то от II в. до нас дошло уже 29 монет. Несравненно больше монет относится к III в. (312). Это наглядно свидетельствует о том, что III век тоже был временем расцвета городской жизни в Питуинте.

Следует вместе с тем отметить, что около половины общего количества найденных монет (149) было обнаружено в виде клада, причем самая поздняя его монета датируется 244–245 годами. Происхождение этого клада, возможно, связано с нападением на Питуинт готов в середине III в.

Однако Питуинт, видимо, быстро оправился от вражеского нашествия, ибо вторая половина III в. характеризуется значительным количеством нумизматических находок. Еще богаче представлен монетами IV в. На это столетие приходится 500 монет из общего числа 1050 I–IV вв., обнаруженных в районе древнего Питуинта. Из них 311 монет составили отдельный клад.

По месту чеканки найденных монет можно ясно представить основное направление внешнеэкономических связей города. Так же как и в Себастополисе, подавляющее большинство этих монет происходит из Малой Азии, главным образом из Трапезунта. В рассматриваемый период города Абхазии поддерживали с ним очень тесные связи. На это указывает то обстоятельство, что из общего числа ныне известных трапезунтских городских монет (278) подавляющее большинство найдено в районе Пицунды и Сухуми. В этой связи надо отметить тот факт, что на побережье Абхазии заканчивался важный торговый путь, связывавший Западную Грузию с восточными провинциями Римской империи, в частности с Малой Азией².

Так же как и Себастополис, Питуинт во второй половине VI в. начинает утрачивать свое значение. Судя по нумизматическим находкам, в 60–70-х годах этого столетия город пережил большое разорение. Число находимых монет, в сравнении с предшествующим временем резко уменьшается: V в. представлен только 11 медными монетами византийского времени³.

¹ См. Аннотации, стр. 62–68.

² Ломоури, К вопросу о торговых путях, стр. 117.

³ Аннотации, стр. 67.

* * *

Говоря о расцвете хозяйственной жизни Себастополиса и Питунта рассматриваемого периода, надо подчеркнуть, что их экономическое значение существенно отличается от той роли, которую они играли в эллинистическую эпоху (IV–II вв. до н. э.), когда города Абхазии являлись преимущественно экономическими центрами Колхиды. Теперь же они главным образом обслуживают экономические и политические интересы Рима¹. Однако это не исключало их важной роли в экономической жизни местного населения.

Причину же упадка значения этих городов следует видеть в общем социально-экономическом и политическом кризисе, который переживало тогда рабовладельческое общество и весь античный мир, органической частью которого была историческая Колхида, и в частности города Абхазии того периода. Положение ухудшалось и в результате участвовавших вторжений варварских племен, чего не сумели избежать и позднеантичные абхазские города, как мы это видим на примере Питунта.

**Социально-
экономическая
жизнь сельского
населения**

О социально-экономической жизни сельского населения Абхазии рассматриваемого периода наиболее ценный материал дали археологические раскопки в районе Цебельды². Раскопанные здесь могильники, относящиеся к I – V вв., расположены по склонам холмов на расстоянии от 600 м до 1 км друг от друга. Этот факт свидетельствует о том, что в рассматриваемую эпоху Цебельда была густо населена. Она лежала на древнем торговом пути из Себастополиса на Северный Кавказ через Клухорский перевал³.

Количество и качество выявленного могильного инвентаря в погребениях цебельдинских некрополей указывают на увеличение имущественного и социального неравенства сельского населения, на выделение слоя сравнительно богатых людей, принадлежащего к социально-господствующей верхушке общества. Эти факты свидетельствуют о распаде цебельдинской родовой общины и формировании здесь классовой общественно-экономической формации⁴. На это указывают также обнаруженные здесь монеты и памятники

¹ Инадзе, Города Колхиды в античную эпоху, стр. 144.

² Трапш, Некоторые итоги раскопок, стр. 258–277.

³ Там же, стр. 259.

⁴ Там же, стр. 262.

христианской культуры. Вместе с тем наличие в инвентаре могильников римских монет и таких изделий, как стеклянные сосуды, янтарные бусы, а также раковины каури, говорит о широких связях местного населения¹.

Об имущественном неравенстве среди сельского населения свидетельствуют материалы и из других районов Абхазии. Большой интерес в этом отношении представляет случайная находка в низовьях Ингури, близ с. Тагелони². Там обнаружено богатое погребение. Инвентарь его состоял из ружья, серебряных бронзовых сосудов, драгоценных украшений, конской сбруи и т. д. По некоторым данным, этот материал можно датировать концом I – началом II в. н. э.³.

Другая важная находка была сделана в 1926 г. в с. Герзеули Очамчирского района⁴. Здесь обнаружен денежный клад, в котором подавляющее большинство составили римские монеты I и особенно II вв., чеканенные для города Кесарии в Каппадокии. Самая поздняя монета клада датируется концом II в. К этому времени и относится захоронение клада.

Приведенные материалы не оставляют сомнения в том, что в позднеантичное время классовые общественные отношения существовали не только в городских центрах Абхазии, но и в ряде сельских районов края.

Характер социально-экономического строя абхазских княжеств позднеантичного времени. Абхазия в составе Лазского (Эгрисского) царства

Ввиду крайней скудости соответствующих исторических источников разрешение вопроса о типе и уровне социально-экономического развития абхазских «племенных» княжеств (княжества апсилов, абазгов и санигов) связано со значительными трудностями.

Этот вопрос впервые специально разбирался в работе С. Н. Джанашиа «Происхождение Эгрисского царства», опубликован-

¹ Трапш, О некоторых итогах археологических исследований, стр. 190.

² Амиранашвили, Новая находка.

³ Там же, стр. 71.

⁴ Иващенко, Герзеульский клад.

ной в 1936 г.¹. Прежде всего С. Н. Джанашиа обратил внимание на свидетельство Арриана о том, что правители лазов, санигов, абазгов и апсилов получают власть от римских императоров. Это обстоятельство, по его мнению, ясно указывает, что названные правители не могут считаться вождями родоплеменного общества. В то же время он считал, что их власть должна была опираться на какие-то местные общественные силы, а это уже указывает на наличие определенной социальной дифференциации.

Образование этих княжеств произошло, как полагал С. Н. Джанашиа, в результате дальнейшего развития древних скептухий, представлявших собой «племенные организации», на которые некогда было разделено Колхское царство. Причем последующая децентрализация Колхиды и создание отдельных, независимых друг от друга княжеств явились плодом собственного, внутреннего развития западнотурецкого общества, а не результатом римской политики «разделяй и властвуй», как это думали некоторые исследователи². В этом легко убедиться, если рассмотреть крайне сложную социально-экономическую структуру названных владений. Прежде всего здесь еще оставались сильные пережитки родового строя; кроме того, определенный вес имели уже элементы «первоначального» (патриархального) рабства. Наконец, наряду с перечисленными укладами здесь существуют уже зародыши феодальных отношений. Говоря о последних, С. Н. Джанашиа пишет: «Само собой разумеется, что этот феодальный уклад имел в то время примитивную форму, и до окончательной победы в данной стране ему предстояло еще пройти длинный и сложный путь. Лишь в сравнении с другими элементами феодальный уклад проявляет большие жизненные способности и растет значительно быстрее»³. По мнению С. Н. Джанашиа, именно на почве раннефеодальной дифференциации и возникает власть князей в эпоху Арриана.

Если, таким образом, княжества лазов, апсилов, абазгов и санигов, упоминаемых в «Перипле» Арриана, С. Н. Джанашиа рассматривает в качестве раннефеодальных политических образований, то Г. А. Меликишвили придерживается другой точки зрения. Он

¹ Джанашиа, Труды, т. II.

² Так, И. А. Джавахишвили считал, что образование этих княжеств явилось результатом римской политики (см. История грузинского народа, стр. 174).

³ Джанашиа, Труды, т. II.

пишет: «Мы не можем согласиться с распространенным в нашей научной литературе мнением, рассматривающим возникновение этих политических образований как результат распада единого Колхидского государства на отдельные «скептухии», переросшие затем в названные «царства» – «княжества». Это предположение... не учитывает тех больших сдвигов, которые произошли в Колхиде на протяжении I в. до н. э. и в первые века н. э. У нас нет также оснований связывать возникновение этих «княжеств», в частности Лазского (Эгрисского) царства, непосредственно с процессом феодализации, считать их возникшими «на основе раннефеодальной дифференциации»¹.

Что же касается политических образований на территории современной Абхазии, то они, по мнению Г. А. Меликишвили (в отличие от Лазского княжества, которое он рассматривает как раннерабовладельческое), являлись скорее всего лишь «военно-демократическими» объединениями с зачатками государственности. По этому поводу он пишет следующее: «Трудно сказать, являлись ли образовавшиеся севернее лазского объединения «царства» апшилов, абазгов, санигов также раннерабовладельческими государственными образованиями или это были находящиеся на стадии «военной демократии» – союзы племен. В этих местах (район Диоскурии – Сухуми и дальше по побережью на север с «лежащими выше их» горными областями) мы не можем предполагать столь сильного взаимодействия горцев и развитого в социальном отношении населения равнины, как это имело место в центральных и южных областях Колхиды. Здесь преобладание горцев было полным. Местное население сравнительно мало соприкасалось с развитыми государствами того времени. Внутреннее развитие в этих скудных горных областях не могло идти быстрыми темпами. Поэтому мы более склонны к тому, чтобы считать эти объединения Северной Колхиды союзами племен с сильными зачатками государственности, а стоявших во главе их «царей» – вождями этих племенных объединений»².

Однако с такими выводами вряд ли можно согласиться. Во-первых, абазги и апсилы в действительности имели постоянное «соприкасание» с развитыми приморскими городами Абхазии и внешним миром. Во-вторых, нет никаких оснований считать, что абазги, апсилы и др. жили только в «скудных горных областях».

¹ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 375.

² Там же, стр. 374–375.

Западная часть их владений упиралась, несомненно, в морское побережье. На это указывает Арриан, перечисляя именно эти княжества, вдоль побережья которых ему пришлось проехать. Кроме того, анализ сообщений Арриана не дает оснований для того, чтобы усмотреть какие-либо существенные различия между социальным строем лазов и, скажем, апсилов. Разница в этом отношении, конечно, была, но она носила количественный, а не качественный характер. Самое же главное в том, что археологические материалы, как было показано выше, свидетельствуют о наличии классового общества во внутренних районах Абхазии рассматриваемого периода. Что касается типа этого классового общества, то, нам кажется, в исторических условиях I–V вв. н.э. в абхазских княжествах господствовали раннерабовладельческие отношения, а не раннефеодальные, которые утверждаются здесь лишь в VI в.¹ Это, конечно, не исключает того, что в высокогорных районах страны, по-прежнему, оставался в силе патриархально-общинный социальный быт.

Среди политических образований Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, упомянутых в «Перипле» Арриана, впоследствии особое место заняло Лазское (Эгрисское) княжество. По словам С. Н. Джанашиа, «Лазика и предшествующие ей образования являются тем мостом, через который западногрузинское общество окончательно переходит от древнего мира к феодальному»². Он отмечает, что Эгрисское княжество (затем царство) представляло собой наиболее могущественную политическую единицу Западной Грузии, которая сумела с течением времени покорить соседние мелкие племенные княжества, в том числе княжества абазгов, апсилов и др. Путем критического анализа косвенных указаний ряда византийских авторов (Прокопий, Менандр и др.) С. Н. Джанашиа устанавливает, что абазги, апсилы, саниги и другие «племена» попали в вассальную зависимость от лазов в 80–90-е годы IV в. С. Н. Джанашиа считает, что Рим ввиду тех серьезных внутренних и внешних осложнений, которые он переживал во второй половине IV в., не мог помешать усилению Лазского царства и был вынужден согласиться на подчинение им соседних 110 княжеств³.

На этом же вопросе подробно остановился в своей книге «К истории древней Грузии» Г. А. Меликишвили. Возникновение и

¹ См. З. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, стр. 21.

² Джанашиа, Труды, т. II, стр. 307

³ Там же, стр. 315–317.

усиление Лазского княжества он рассматривает следующим образом: племя лазов, обитавшее ранее в горных районах Юго-Восточного Причерноморья, захватывает гегемонию в Центральной Колхиде и становится во главе нового крупного объединения – Лазского царства. И здесь, по его словам, происходит слияние лазов с почти однородными с ними этнически «эграми» (мегрелами) – древнейшим населением этой области, давно уже жившим в условиях классового общества. В результате «сложного процесса «варваризации» – взаимодействия «военно-демократического» строя лазов и раннерабовладельческого строя эгрского населения лазское общество, несомненно... представляло собой раннеклассовое, раннерабовладельческое общество, хотя означенный процесс в тех исторических условиях в конечном счете способствовал быстрому продвижению вперед на путях феодализации»¹.

Усиление Лазского царства и распространение его власти на всей территории Западной Грузии Г. А. Меликишвили рассматривает как длительный процесс. В частности, первым шагом на пути усиления лазов и должно было быть включение в состав лазского объединения мегрельского населения, жившего во внутренних районах Колхиды. Это произошло, вероятно, на протяжении I–II вв. н. э. «Путем слияния лазов с древнейшим населением Колхиды – эгрисцами (мегрелами) и сложилось раннерабовладельческое государство лазов, обнимающее обширные плодородные районы Колхиды с имевшим богатые традиции земледельческим населением. Это обусловило быстрое выдвигание Лазского царства среди других политических образований Западной Грузии. Вероятно, уже во II в. лазы оттеснили на север выдвинувшихся на юг горцев (апшилов, абасгов, возможно также и некоторые сванские племена). У более поздних авторов северная этнографическая граница лазов доходит почти до района Диоскурии – Себастополиса»².

Дальнейшее усиление лазов, вероятно, было тесно связано не только с ослаблением Рима, но и ослаблением Иберии (Восточно-грузинского царства), оказавшейся под ударами сасанидского Ирана. Поскольку раньше Картлийское царство (Иберия) стремилось к подчинению Лазики, то в такой обстановке правители лазов и римляне становились естественными союзниками. Рим нуждался в сильном Лазском царстве не только в качестве союзника в борь-

¹ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 374.

² Там же, стр. 382–383.

бе против Ирана и его вассала Картли, но и для борьбы против северных кочевников, которые уже с III в. н. э. представляли исключительно большую угрозу для империи¹.

Таким образом, взаимоотношения с Восточноримской империей (Византией) опирались на добровольный союз. «Распространение политического влияния Лазики на соседние племена апшилов, абасгов, сванов, на территории которых находились проходы с севера, могло существенно облегчить защиту этих проходов. Поэтому Рим, очевидно, ничего не имел против такого распространения власти ласских царей, ввиду чего нет необходимости рассматривать этот процесс как направленный против Рима и считать его происшедшим в период внутренних или внешних осложнений Римской Империи»².

Далее Г. А. Меликишвили указывает, что не известно, когда конкретно произошло подчинение апсилов и абазгов Лазике. Согласно Прокопию Кесарийскому, они являются «давнишними подданными лазов»³. Однако зависимость абазгов, во всяком случае в VI в., была несколько иной чем форма подчинения апсилов. Абазги имели двух князей: одного в западной, другого – в восточной части их страны. Территория же Апсилии, как предполагает Г. Меликишвили, была включена в состав Лазского царства; здесь, по видимому, стояли лазские гарнизоны, и она была наиболее тесно связана с Лазикой⁴. С одной стороны, это объяснялось их непосредственным соседством, что, несомненно, облегчало правящим кругам лазского общества поддерживать свое господство в этой стране. С другой стороны, Апсилия, в силу своего географического положения, занимала ключевые позиции на важнейших путях, соединяющих Западную Грузию с Северным Кавказом, – на Клухорском и Марухском перевалах, а это, естественно, заставляло лазского царя принимать активные меры, направленные на укрепление вассальной зависимости апсилов.

Однако Апсилия даже в VI в. вряд ли была полностью подчинена Лазскому царству. Как и другие этнополитические области, включенные в это государство, Апсилия, надо полагать, пользовалась некоторыми автономными правами, хотя и меньшими, чем Абазгия. Византийские историки того времени четко различают

¹ Там же, стр. 383.

² Там же, стр. 384.

³ Прокопий, Война с готами, стр. 382.

⁴ Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 384

друг от друга Апсилий и Лазикю. Так, например, Прокопий Кесарийский, повествуя о замысле персов овладеть Апсолией пишет: «Мидяне стали подумывать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсолии»¹. Такое разграничение позволяет думать, что Лазика и Апсолия не составляли, строго говоря, единого государственного целого. На это же в известной степени указывает и то обстоятельство, что в Апсолии во главе местных крепостей стояли апсилы по национальности; в частности, как свидетельствует Прокопий, начальник «в высшей степени укрепленной крепости» Тзибил (Цебельда) был апсилом.

Видимо, зависимость Апсолии от Лазики выливалась в форму сюзеренно-вассальных отношений, вряд ли существенно отличавшихся от тех отношений, которые сложились между Лазикой и Сванетией. По сообщению Менандра (VI в.), сваны выплачивали лазскому царю определенные натуральные подати (мед, шерсть, кожи и др.), должны были нести военную повинность и, кроме того, правители Сванетии получали регалии своей власти от лазского царя².

Что касается санигов, то они, как видно, в еще меньшей степени зависели от лазского царя, а затем и вовсе освободились от этой зависимости. Во всяком случае в VI в., как свидетельствует Прокопий, саниги «не являлись подданными ни римского императора, ни царя лазов». Одной из причин этого, надо полагать, явилась сравнительная отдаленность территории Санигии от центральных районов Лазского царства.

Таким образом, к концу античной эпохи на территории Западной Грузии под гегемонией Лазского княжества сложилось новое крупное политическое образование – Лазское царство, которое объявило себя наследником древнего Колхидского царства. Однако, если Колхидское царство возникло на заре раннерабовладельческого строя и представляло собой политическую форму его первоначального развития, то Лазское царство образовалось в условиях заката этого строя. Оно было закономерным этапом в развитии местного общества, эпохи вызревания в его недрах новых общественных отношений. Этот этап завершился позднее (к VI в.) полной победой феодализма.

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 403.

² См. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 314–315.

Культура позднеантичной Абхазии (II–V вв. н. э.)

Культура городского населения

Ценный материал по истории городской культуры античной Абхазии дали археологические материалы из района Сухумской крепости и Пицундского городища.

Раскопки в Сухуми позволили наметить здесь четыре культурных слоя, отражающих непрерывную жизнь городского населения на протяжении почти восьми столетий. Нижний, наиболее ранний слой на основании наличия в нем чернолаковых черепков и обломков амфор относится к III–I вв. до н. э. Следующий слой, по найденным здесь римским медным монетам и фрагментам художественно выполненных краснолаковых блюд, а также по отдельным черепкам краснолаковых сосудов и обломкам светлоглиняных амфор I в. датируется в целом I–II вв. н. э. Третий снизу культурный слой по римским медным монетам, обломкам краснолаковых чашек и мисок, черепкам узкогорлых амфор и др. определяется III–IV вв. н. э. И, наконец, самый верхний слой, на основании находок черепков амфор с цилиндрическим горлом и ребристыми ручками, амфорных фрагментов с глубоким и частым рифлением, датируется примерно концом IV–V вв. н. э.¹

Раскопки крепости дали интересные сведения о строительном искусстве первых четырех столетий нашей эры. На протяжении всего этого периода Сухумская крепость была одним из крупнейших фортификационных сооружений на Черноморском побережье Кавказа. Правда, она неоднократно переделывалась и дополнялась новыми постройками, что вызывалось не только военными соображениями, но и необходимостью бороться с неблагоприятными стихийными процессами: опусканием берега, наступлением моря и оползневыми явлениями².

Основная часть крепости вместе с приморской стеной давно уже поглощена морем.

Стены восточного укрепления построены без фундамента, они были сложены из камней среднего размера на известковом растворе, кладка булыжным камнем перемежалась двумя прослойками из трех и четырех рядов кирпича³. Изнутри вдоль стен сооружено подобие тротуара и дренажные канавки.

¹ Трапш, Раскопки древнего Севастополиса, стр. 240–241.

² Шервашидзе, Соловьев, Исследования, стр. 179.

³ Там же, стр. 172.

Судя по приему строительной техники, найденным керамическим обломкам это укрепление может быть по предварительным соображениям отнесено ко II – началу III в. н. э. Наклонившиеся стены крепости были укреплены башнями, нужно полагать в III в. н. э., и контрфорсами в IV в.

Западное укрепление сооружалось теми же техническими приемами, но в кладке применялись перекрещивающиеся деревянные, лежни. Стены своим основанием лежат на илистой глине, предварительно уплотненной деревянными сваями¹.

Раскопками на территории крепости, также выявлены остатки разного рода общественных и частных сооружений: следы бани, водопровод, фонтан, жилые помещения и пр. Так, внутри крепости, близ восточного укрепления, был обнаружен пол, выложенный крупными керамическими плитами, а наличие тут же крупных кирпичей позволило предполагать здесь остатки разрушенной бани².

Большой интерес представляют остатки жилого комплекса. Были раскопаны: часть комнаты, стены которой возведены из булыжника на известковом растворе, двор с хозяйственным помещением (здесь выявлены, в частности, остатки пифосов) и колодец круглой формы с булыжной облицовкой внутри. Данный жилой комплекс был воздвигнут не позднее II в. н. э.³

Важное научное значение имело открытие обжигательной гончарной печи⁴. Она представляет собой прямоугольное сооружение, выложенное из обожженного огнестойкого кирпича на глиняном растворе, одетое с трех сторон – восточной, северной и западной – в массивный булыжный кожух, толщиной более метра. Лицевая южная сторона печи вместе с топочным отверстием каменного кожуха не имеет.

Печь являлась довольно крупным сооружением общей площадью более 30 кв. м и отличалась весьма сложным устройством. Она была предназначена, в основном, для производства кирпичей и черепицы. В нее загружали на один обжиг, по всей вероятности, не менее тысячи изделий.

Рассматриваемая печь является пока единственным в своем роде памятником на Черноморском побережье Кавказа. Страти-

¹ Соловьев, Шервашидзе, Предварительное сообщение, стр. 46.

² Шервашидзе, Соловьев, Исследования, стр. 172–173.

³ Апакидзе, Лордкипанидзе, Отчет, стр. 39–40.

⁴ Трапш, Раскопки древнего Севастополиса, стр. 247–248.

графические и фактические данные, полученные при исследовании печи, позволяют ограничить время постройки и период ее существования концом III–IV в. н. э.

Наличие такой крупной по своим размерам обжигательной печи в районе древнего Сухуми свидетельствует о больших строительных работах, производившихся здесь в позднеантичное время.

Культурный слой II–III вв. н. э. богат представлен керамикой, обломками стеклянных изделий, бронзовыми костяными предметами и пр.¹.

Особенно многочисленны и разнообразны керамические материалы. В частности, в большом количестве найдены обломки светлоглиняных (с примесью черных частиц) узкогорлых амфор южнопонтийского происхождения. Интересно отметить также находки аналогичных амфор из красной глины, которые являются местными изделиями, имитирующими привозные.

Характерны для этого слоя амфоры из коричневой (с примесью черных частиц) и красной глины, с небольшим горлом, имеющим на уровне верхней части ручек резко выделяющееся утолщение. На внутренних частях этих амфор обнаруживается налет черного цвета, похожий на смолу.

Встречаются также фрагменты местных красноглиняных амфор с дугообразными ручками.

Внимания заслуживают обломки горлышек, ручек, доньшек амфор (по-видимому, небольших размеров) из красной глины со светлой облицовкой (ангобом), обильно насыщенной слюдой. Гофрированные стенки этих амфор указывают, что они не могут быть датированы ранее конца II–III в. н. э.

В этом же слое попадались также небольшие обломки синопских амфор (из характерной сиреневого цвета глины с примесью черных частиц).

Краснолаковая керамика также обильно представлена в основном предметами, характерными для II–III вв. н. э. Это фрагменты мисок, чашек, блюд, тарелок, кубков, кувшинов (как с одной, так и с двумя ручками). Особенно многочисленны фрагменты блюд овальной формы с округленными стенками, горизонтально отогнутым краем и плоскими ручками. Края и ручки украшены рельефными (несколько расплывчатыми) изображениями (сцены охоты, цапля, дельфин, рак, рыбы, капфар, растительный орнамент). В качестве украшений бортиков встречаются также бугорки и рубчики.

¹ Апакидзе, Лордкипанидзе, Новые материалы, стр. 219–220.

Большой интерес представляет группа блюд, мисок и кувшинов из светлой (желтовато-красной) глины, являющаяся, по-видимому, продукцией одного и того же, пока неизвестного нам производственного центра. Привлекают внимание два типа этой группы: а) глубокие миски с высоким гофрированным вертикальным бортиком и горизонтально наклепанными ручками, б) миски на маленькой кольцеобразной подставке, с округленными стенками, венчиком с острыми углами. Встречаются также двуручные горшки с округленными стенками на маленькой круглой подставке.

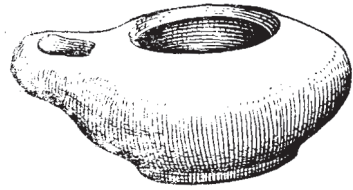

Рис. XV. Светильник (Сухумская крепость, находка из третьего культурного слоя)

Наряду с вышеперечисленными находками обнаружены светильники из красной глины (на некоторых из них сохранились следы красного лака), а также лютерии¹ привозные (синопские) и местного производства. Последние имеют одну характерную деталь: у них слив возвышается над краем. Аналогичные лютерии найдены в Пицунде.

В культурном слое, относящемся к IV–V вв. н. э., преимущественно представлена краснолаковая керамика. Это больших размеров миски со слегка расходящимися кверху стенками, с плоским дном и совсем низким и узеньким ободком. Большие тарелки с горизонтально отогнутым краем; чашечки полушаровидной формы с горизонтально отогнутым краем на маленькой кольцеобразной подставке. Следует отметить также два фрагмента дна, которые были украшены многолинейным рифленным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом, характерным для первой половины IV в. н. э.

Совершенно очевидно полное сходство и даже идентичность с краснолаковой керамикой того же времени, в большом количестве найденной при раскопках в Пицунде, что дает основание предположить их происхождение из одного производственного центра.

В этом слое найдены также обломки стеклянных изделий: донышки сосудов рюмкообразной формы (аналогичных в большом количестве, встречающимся в позднеантичных и особенно ран-

¹ Лютерий – сравнительно крупная чаша со сливом, употреблявшаяся для омовения рук или мытья посуды.

несредневековых слоях как в Пицунде, так и в Северном Причерноморье) и фрагменты стеклянных сосудов с темно-синими пятнами («бородавками»)¹.

Огромный материал по истории культуры и быта позднеантичного времени дали раскопки Пицундского городища². Раскопана значительная часть древнего города: фортификационные сооружения, городские ворота, жилые хозяйственные комплексы, храмы, баня, канализационный коллектор и др.

Культурный слой конца II–III в. н. э. здесь также представлен краснолаковой керамикой, которая состоит в основном из следующих предметов: чашки с суживающимися вниз стенками, с вертикальным, немного скошенным внутрь бортиком на маленькой кольцеобразной подставке, вытянутых пропорций; миски с округленными стенками и загнутым внутрь краем на маленькой кольцеобразной подставке; блюда овальной формы; глубокие миски с высоким гофрированным, вертикальным бортиком с горизонтально наклепанными ручками; двуручные кувшинчики; светильники, амфоры местные и привозные, кухонная посуда, обломки лютериев и др.

Культурный слой IV–V вв. н. э. содержит также краснолаковую керамику, но совершенно иных форм. Особенно распространены миски больших размеров с слегка расходящимися кверху стенками и с плоским дном и круглые тарелки, горизонтальные края которых часто украшены рифленным волнистым орнаментом; миски с округленными стенками и скошенным кнаружи бортиком, украшенным насечками; дно сосудов часто украшено изображением крестиков или вдавленными изображениями фантастических животных; амфоры разных типов (особенно характерны амфоры красноглиняные с бороздчатыми стенками, с высоким, слегка суживающимся кверху горлом и распластанным венчиком), обломки кухонной посуды и др.

Особо следует отметить находку стеклянного шлака. Остатки стеклянных изделий, шлак и стеклянные капельки, найденные вместе с углем и золой, дают основание предполагать здесь наличие стекловудной мастерской, по-видимому, небольшого масштаба.

Раскопками в западной части городища удалось выявить культуры грандиозного здания. Выяснилось, что комплекс сооружений опоясывается довольно мощной стеной, которая, возможно, пред-

¹ Апакидзе, Лордкипанидзе, Новые материалы, стр. 217–21.

² Апакидзе, Лордкипанидзе, Отчет, стр. 34–36.

ставляла собой внутреннюю систему укрепления. Здесь открыты постройки различных видов и назначений: в западной части раскопано трехкомнатное помещение типа казармы; в восточной части – контуры дома, пол которого выложен кирпичом и каменными плитами.

Описанные выше памятники свидетельствуют о том, что культура городов античной Абхазии стояла на весьма высоком для того времени уровне. В ней ярко выступает традиционная генетическая связь с более ранней местной культурой. Данное обстоятельство, как и другие элементы общепантичной культуры, указывает на то, что в рассматриваемый период определенная часть городского населения представляла собой эллинизированных выходцев из коренных жителей края¹.

Культура сельского населения

Яркое представление о быте сельского населения внутренних районов Абхазии дают результаты археологических раскопок цебельдинских могильников². Вскрытый погребальный инвентарь состоит из посуды, оружия, бытовых вещей, предметов украшения и одежды, скульптурных фигурок, монет и т. д.

Посуда представлена глиняными и стеклянными сосудами и одним бронзовым кувшином. Глиняная посуда, в основном гончарная, состоит из кувшинов, горшков, амфор, мисок и тарелок (рис. XVI).

Красноглиняные кувшины украшены различными видами орнамента.

Типы кувшинов не имеют аналогии с посудой, известной в археологической литературе. Они характерны пока только для культуры цебельдинских некрополей³.

Горшки буро-красного обжига, приближающиеся к баночной форме, имеют слегка отогнутый наружу бортик и плоское дно. Сделаны они из грубой, плохо промешанной глины, с примесью песка. Амфоры – красноглиняные, остродонные, с узким перехватом в средней части тулова, двумя двужгутовыми ручками, низким горлом, они часто украшены орнаментом. Миски – красноглиняные, преимущественно с легким кольцеобразным поддоном, косями и вогнутыми стенками, широким верхним открытым краем. Тарелки кремового обжига, с легким кольцеобразным поддоном,

¹ Трапш, Раскопки древнего Севастополиса, стр. 246–247.

² Трапш, Некоторые итоги раскопок, стр. 262–272.

³ Бердзенишвили, Позднеантичная керамика, стр. 108.

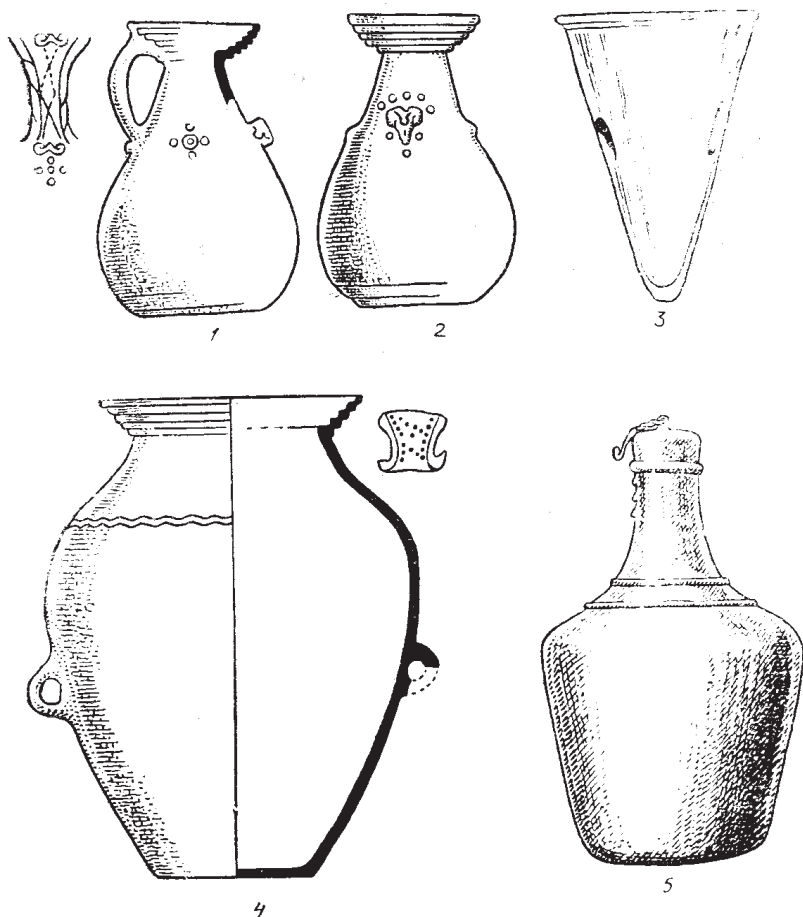

Рис. XVI. Посуда из цебельдинских погребений:

- 1, 2, 4 – красноглиняные кувшины; 3 – стеклянный конический кубок;
5 – бронзовый кувшин

изогнутой стенкой и с косо отходящей в сторону закраиной; сделаны из хорошо отмоченной тонкой глины без примеси песка, с мелкими блестками слюды.

Рассмотренная выше керамическая посуда, за исключением тарелок, является продуктом местного производства. Тарелки, судя по глине, надо полагать, привозные. Центр производства их пока не установлен.

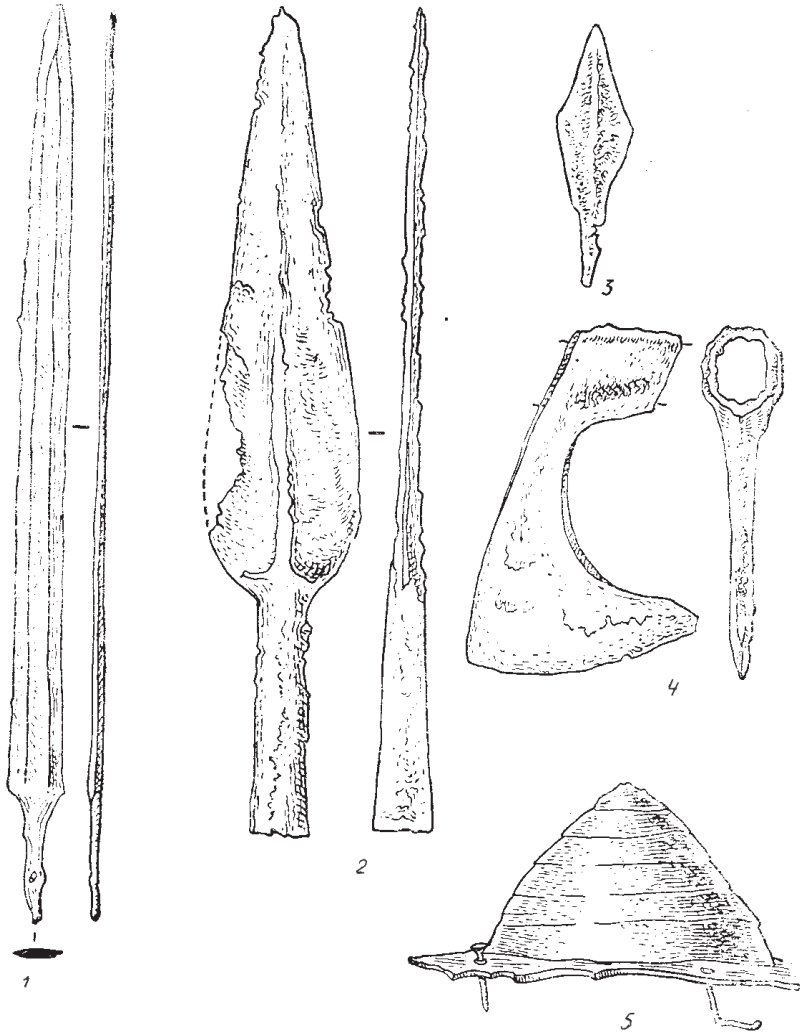

Рис. XVII. Железное оружие из цебельдинских погребений:
 1 – двулезвийный меч; 2 – втульчатый наконечник копья; 3 – наконечник
 стрелы; 4 – топор; 5 – умбон для щита

Стеклянная посуда в основном желто-зеленого цвета. Она представлена флаконами, стаканами и кубками. Флаконы имеют шарообразное тулово; стаканы цилиндрической формы (среди них несколько экземпляров с синими глазками). Кубки конической и

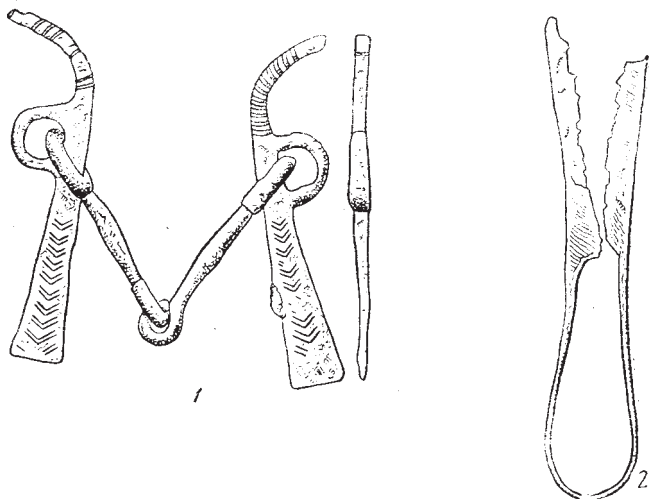

Рис. XVIII. Бытовые предметы из цебельдинских погребений:

1 – Г-образные железные псалии; 2 – пружинные ножницы

полусферической форм, часть из них со шлифованным орнаментом, состоящим из крестиков, овалов, спиралей, елочных поясков и т. д.

Посуда эта происходит, как видно, из Восточного Средиземноморья и характерна для позднеантичной эпохи III–IV вв.

Упомянутые выше бронзовые кувшины имеют высокую узкую горловину, вытянутое, расширяющееся кверху тулово и слегка выпуклое дно. Горловина сосуда снабжена колпачком с петлей на бронзовой цепочке.

Оружие, представленное в большом количестве в цебельдинских некрополях, состоит из двулезвийных и однолезвийных мечей, кинжалов, своеобразных топоров, разнотипных втульчатых наконечников копий, черешковых наконечников стрел и умбонов от щитов (один с позолотой). Последние на территории Абхазии найдены впервые (рис. XVII).

Из перечисленных видов оружия характерными для культуры цебельдинских некрополей являются пока топоры с довольно длинной, трубчатой проушиной, со свисающей бородкой. Они изготовлялись в Абхазии, видимо, в первые века нашей эры на местной основе. Значительно позднее эти топоры становятся более легкими и применяются в качестве плотничных орудий. Вызывает интерес тот факт, что такие топоры употреблялись в Абхазии вплоть до XIX в.

Бытовые предметы представлены удилами, пружинными ножницами, двузубой вилой, ножами, оселками (рис. XVIII). Двузубые вилы с петельчатым основанием сделаны из раскрученного круглого в сечении прута, длиной 54 см, диаметром сечения 8–10 мм. Зубы вилы – четырехгранные, с заостренными концами. Основное назначение этих вил, по-видимому, хозяйственное.

Предметы украшения и одежды составляют значительную часть погребального инвентаря цебельдинских некрополей и встречаются, главным образом, в женских погребениях. Пряжки сделаны из бронзы, серебра, сердолика, горного хрусталя, янтаря, гишера, стекла. Это шейные гривны, фибулы, браслеты, серьги, бусы и т. д.

Шейные гривны из закрученной бронзовой проволоки с петлей и крючководной застежкой на концах имеют глубокую местную традицию.

Фибулы – односоставные и двусоставные. Односоставные фибулы принадлежат к двум различным типам. К первому относятся фибулы колхидско-кобанской формы, с крутой дужкой, приемником, одним витком у зарождения дуги. Ко второму типу принадлежат фибулы с подвесным приемником, с четырехвитковой пружиной и сравнительно крутой дужкой. Односоставные фибулы относятся, видимо, к концу I в. до н. э.

Двусоставные фибулы – бронзовые и серебряные, состоят из дужки с подвесным приемником и иглы (тетивы) с четырехвитковой пружиной, соединенных между собой шарниром. Фибулы украшались иногда разноцветными, геометрической формы стекляшками и сердоликами в оправках, припаянных к средней части дуги. Фибулы эти имеют преимущественно лучковую форму и принадлежат к двум различным группам. Двусоставные фибулы первой группы имеют сходство с аналогичными крымскими фибулами, датируемыми I–III вв. н. э.

Фибулы второй группы в основном пластинчатые, с крестовидной по середине дужкой. Эта группа фибул, видимо, характерна для раннехристианского времени – IV–V вв. н. э.

Браслеты, найденные только в женских погребениях цебельдинских некрополей, изготовлены в основном из круглой в сечении бронзовой проволоки. Аналогичные украшения встречаются на территории Восточной Европы (Северный Кавказ, Крым, Украина и др.). Они характерны для I–V вв. н. э.

Серьги – серебряные, круглопроволочные, в основном однотипны, в виде колец овальной формы, с петлей и крючковидной застежкой на концах.

Бусы многочисленны, довольно разнообразны по материалу, величине и форме. По материалу они относятся к сердоликовым, хрустальным, янтарным, гишеровым и стеклянным. Бусы из всех погребений цебельдинских некрополей характерны для позднеантичной эпохи – II-V вв. н. э. Стеклянные бусы, видимо, восточного происхождения: из Египта, Сирии, Финикии. Проникали они в Абхазию в результате торгово-экономических связей местного населения с античными городами Черноморского побережья Кавказа и Северного Причерноморья, а также со Средиземноморьем. Янтарные бусы указывают, по всей вероятности, на древние связи с территорией нынешней Украины, где за последние годы в ряде мест бассейна р. Днепра обнаружены месторождения янтаря. Что касается бус из горного хрусталя, гишера и части сердоликовых бус, то все они местного происхождения.

Пряжки в цебельдинских некрополях представлены в большом количестве как в мужских, так и женских погребениях; они различных форм и размеров, делались преимущественно из бронзы, реже из серебра, а в отдельных случаях из железа.

Таким образом, материалы цебельдинских раскопок свидетельствуют о высоком уровне развития культуры сельского населения Абхазии той эпохи. Вместе с тем, она имела глубокие местные корни. В территориальном отношении памятники этой культуры не являются изолированными и встречаются в других районах края. Так, керамическая посуда и предметы вооружения типа цебельдинских в последние годы были обнаружены в с. Мерхеули и в ряде пунктов Очамчирского района.

В заключение следует подчеркнуть, что материалы раскопок в Цебельде отличаются рядом своеобразных черт как в области материальной, так и духовной культуры, что, по мнению М. М. Трапша, позволяет ставить вопрос о выделении в Западном Закавказье особой археологической культуры под названием «цебельдинской»¹.

Памятники искусства

В процессе археологических раскопок в различных районах Абхазии были обнаружены всевозможные предметы искусства, кото-

¹ Трапш, О некоторых итогах археологических исследований, стр. 273–274.

рые также наглядно свидетельствуют о высоком художественном вкусе и культурном уровне местного населения позднеантичной эпохи. К их числу относятся произведения скульптуры, предметы украшения, ювелирные изделия, мозаика, орнаментация керамических сосудов и пр.

Интересны бронзовые фигурки, обнаруженные в Пицунде¹. Одна скульптурка представляет собой изображение древнегреческого божества Дионисия в сидячей позе, нагого. Как видно, она составляла часть композиционной группы. Еще более интересна другая небольшая фигурка стоящего босого человека. Условно ее называли «рыбак». Человек одет в короткое, выше колен, платье; в правой руке он держит круглую корзину, а левая лежит на каком-то предмете, перекинута через плечо. Голову фигурки венчает длинный рог. Эта скульптурка имеет, несомненно, большую художественную ценность и представляет собой редкий образец искусства малых форм.

Культурный слой, в котором были обнаружены описанные произведения, датируется II–III вв. н. э.

К тому же времени относится, найденная в Сухуми терракотовая человеческая статуэтка с лентовидной налепной полоской через правое плечо и круглым предметом на правой руке². Из сухумских памятников интересны также глиняные скульптурные изображения головок утки и барана, которые, должно быть, являлись украшениями ручек сосудов. Следует отметить также обломок стенки красноглиняного кувшинчика с рельефным изображением виноградных листьев и гроздьев (в центре), птицы и человеческих фигур с птичьей маской и со щитом (гладиаторы?), а также фрагменты блюд овальной формы с рельефными изображениями сцен охоты, цапли, рака, дельфина, рыбы и др.³ Кроме того, среди обломков посуды встречаются художественно выполненные закраины с рельефной орнаментацией, изображающей других животных и растения – козы, кабаны, кипарисы, пальмы и пр. На одном из светильников имеется рельефное изображение трех граций⁴.

Большой интерес представляют памятники искусства, обнаруженные в Цебельде⁵. Из них, в первую очередь, укажем на керами-

¹ Рамишвили, Две бронзовые скульптурки, стр. 133–135.

² Трапш, Раскопки древнего Севастополиса, стр. 247.

³ Апакидзе, Лордкипанидзе, Новые материалы, стр. 220.

⁴ Трапш, Раскопки древнего Севастополиса, стр. 245.

⁵ Трапш, Некоторые итоги раскопок, стр. 272–273.

ческую скульптурную фигуру быка. Фигура полая, длиной 22 см и высотой с рогами 17 см. Между рогами имеется маленькое отверстие в виде горловины сосуда. Скульптура отличается весьма высоким качеством исполнения.

Среди других цебельдинских находок следует отметить также кулон из листового золота с витыми подвесками из тонкой проволоки, с нанизанными на нее мелкими светлыми бусами шаровидной формы. Кулон украшен вставным стеклом синего цвета и рельефным орнаментом, состоящим из великолепно исполненных виноградных гроздей и мелкой зерни сферической формы. Он принадлежит к замечательным памятникам искусства, в котором проявилось высокое мастерство художника.

Уникальной находкой из Цебельды является полый нательный крестик, сделанный из тонкого листового золота. Крестик имеет прямоугольные очертания; к нему прикреплена пластинчатая петля для подвешивания на шею, со вставленным посередине полупрозрачным стеклом.

Другую уникальную находку представляет литой круглый медальон, сделанный из низкопробного пластинчатого серебра. На нем рельефно изображена женская голова; вокруг лица до висков расположена мелкая зернь. На медальоне имеется греческая надпись религиозного содержания.

Из памятников искусства того времени, обнаруженных в других районах Абхазии, следует указать на замечательный медальон, изготовленный, как видно, из латуни (найден в Гудаута)¹. На лицевой стороне его – рельефное изображение человеческой фигуры с поднятыми в уровень головы растопыренными ладонями. На груди фигуры выбит знак креста. Тот же знак в сложной выпукло-орнаментальной форме занимает и оборотную сторону медальона.

Исключительный интерес представляет собой мозаичный пол из пицундского раннехристианского храма². Общая площадь мозаики достигает несколько десятков квадратных метров. Она выполнена в IV–V вв. н.э.

Среди мозаик вокруг центрального помоста храма наибольший интерес представляет большая картина, на которой изображен так называемый «фонтан жизни» и по сторонам его жаждущий олень и оленья самка с детенышем.

¹ Лукин, Материалы, стр. 81.

² Мацулевич, Открытие, стр. 146–153.

В юго-западной части храма находится прямоугольная крещальня с мозаичным полом, на котором изображен фонтан с птицами. На белом поле прямоугольника выделяется чаша на высокой ножке. Она наполнена водой, поверхность которой передана голубыми камешками. Из нее поднимается высокий, красный с синим контуром ствол, увенчанный еловой шишкой желтого цвета. На бортах чаши друг против друга изображено по одному голубю и еще два голубя размещены рядом с чашей, у ее основания. Фонтан и птицы художественно объединены. На чаше имеется изображение человеческих фигур. Сохранившаяся крайняя фигура (эта часть мозаики сильно повреждена) в левой руке, согнутой в локте и отведенной в сторону, держит какой-то не вполне ясно изображенный предмет. В пицундской мозаике встречаются и другие мотивы, в частности различные виды геометрического орнамента.

Наряду с элементами, связывающими пицундскую мозаику с восточноэллинистическим искусством, она носит яркие черты самобытного творчества. Поэтому Л. А. Мацулевич ставит вопрос о существовании местной школы мастеров мозаики¹.

В заключение рассмотрим некоторые памятники культовой архитектуры, строительство которых связано с первоначальным распространением христианства в позднеантичной Абхазии.

Раскопанный на территории городища Пицунды храм с мозаикой, как отмечалось, является памятником раннехристианских² сооружений. Он расположен непосредственно у городской стены, представлял собой большую трехнефную базилику с выступающей пятигранной абсидой. Выявленные в процессе раскопок фундаменты десяти мраморных колонн и другие интересные детали указывают на его былое великолепие.

Анализ сохранившихся остатков храма позволяет установить как его ранние формы, так и следы неоднократных переделок и реставраций. От древнейшего сооружения остались лишь отдельные фрагменты основания алтарной части, южной и северной стен, которые дают возможность точно определить направление и план разрушенной до основания первичной постройки. Архитектурные формы базилики, строительная техника и мотивы декоративного убранства позволяют отнести его к концу V – середине VI в. н. э.

¹ Там же, стр. 149.

² Апакидзе, Археологические раскопки; Цицишвили, Бичвинтский храм.

В пицундской сосновой роще, у берега моря, была раскопана другая церковь, весьма оригинальной архитектуры¹. В плане она представляет собой прямоугольное сооружение с двумя совершенно равными, выдвинутыми абсидами. Церковь имеет шесть входов – по два в южной, западной и северной сторон. Стены в средней части снабжены пилястрами, которые вместе с угловыми опорами образовывали широкие ниши по две в каждой стене. В центре церкви на одной линии с пилястрами стоит прямоугольный мощный столб.

Абсиды церкви правильной круглой формы и имеют снаружи пять фасадных граней. Полы храма представляют обмазку, так называемой гидравлической смесью специальной забутовки на затрамбованном грунте. Полы абсид несколько возвышаются над уровнем залов церкви. Стены сложены из известняка, морского конгломерата и из прямого и фасонного кирпича. Они воздвигнуты распространенным в то время способом: пространство между внутренней и внешней кладкой заполнялось забутовкой из известкового раствора.

Описанная церковь отличается не совсем обычной для памятников Грузии и Закавказья архитектурой, но среди памятников Ближнего Востока она имеет близкие параллели с некоторыми раннехристианскими церквями Малой Азии, относящимися к IV–VI вв. н. э.

Рассмотренные памятники искусства представляют значительный научный интерес. В них проявляется отмеченная выше характерная черта культуры населения Абхазии того периода, которая выражается в органическом сочетании элементов общеантичной культуры с лучшими культурными традициями коренных жителей края.

Памятники письменности

В античную эпоху на территории Абхазии сравнительно широкое распространение получил греческий язык. Надо полагать, что местные грамотные люди употребляли греческий, в качестве письменного языка. Кроме того, не только местные греки, но и известная часть коренного населения (преимущественно представители знати, купечества) владели в той или иной степени греческим языком и в качестве разговорного. После распространения здесь христианства греческий язык, как видно, становится также языком церковного богослужения.

¹ Микеладзе, Бичвинтская двухабсидная церковь, стр. 125–131

Одним из веских показателей распространенности греческого языка в Абхазии является то обстоятельство, что в I в. до н.э. на монетах Диоскурии надпись (легенда) чеканилась на греческом языке. Греческий язык оставался в употреблении и в период римского владычества на побережье Абхазии.

Во время раскопок древней сторожевой башни в северной части Сухуми были найдены бытовые предметы и римские монеты II в. н.э. На одном из глиняных светильников оказалась греческая надпись: «Давай поклоняйся владыке Гермесу-Меркурию ради спасения»¹. Наличие такой надписи на бытовом предмете местного производства, несомненно, указывает на то, что известная часть городского населения продолжала в тот период пользоваться греческим языком и письменностью.

Греческие надписи сохранились и на пицундской позднеантичной мозаике. Так, на мозаике, покрывающей площадку помоста в храме, изображен крупный медальон, который содержит монограмму, сочетающую в себе греческие начальные буквы имени Христа: «X» и «P», а затем надпись: «Я есьме альфа и омега, начало и конец, говорит господь». Это известное место из «Апокалипсиса Иоанна» встречается на стенах храмов и предметах церковной утвари еще с первых веков нашей эры в связи с распространением христианства².

На той же мозаике сохранилась другая весьма интересная греческая надпись. Эта надпись является ктиторской (посвятительной). Содержание ее таково: «В молении за Орела и за весь его дом». Надо полагать, что поминаемый здесь Орел настлал мозаичный пол или, возможно, построил самый храм. Т.С. Каухчишвили датирует надпись VI-VII вв.³ но Л.А. Мацулевич считает возможным отнести ее, как и соответствующую часть мозаики, даже к IV в.⁴

Греческую надпись религиозного содержания имеет и упомянутый выше серебряный медальон из Цебелды. Надпись эта гласит: «Единый бог, помогающий приносящим»⁵.

После утверждения римского господства некоторое распространение, видимо, получил в Абхазии и латинский язык. До нас дошли некоторые его памятники из Себастополиса и Питиунта.

¹ Каухчишвили, Греческая надпись, стр. 228.

² Каухчишвили, Греческая надпись бичвинтской мозаики, стр. 73.

³ Каухчишвили, Тезисы, стр. 35.

⁴ Мацулевич, Открытие, стр. 149.

⁵ Трапш, Некоторые итоги раскопок, стр. 273.

В 1896 г. при постройке сухумской набережной был обнаружен фрагмент каменной плиты с латинской надписью, сохранившаяся часть которой имеет следующий вид:

1 строка Hadr...
2 строка per Fl.A...
3 строка leg...

Содержание надписи не трудно понять, в связи с упомянутой выше командировкой Флавия Арриана, направленного императором Адрианом для осмотра гарнизонов по южному и восточному побережью Черного моря. Согласно докладу Арриана, им были осмотрены римские крепости в Трапезунте, Апсаре, Фазисе и Себастополисе, причем кроме осмотра местами делался ремонт укреплений и производилась установка надписей, как, например, в Трапезунте. Найденная в Сухуми надпись содержит в верхней строке часть имени императора Адриана, во второй – указание на акт, произведенный через Флавия Арриана, и, наконец, в последней строке – или титул (leg[atus]-легат), или принадлежность упомянутого в средней строке лица какому-нибудь легиону (leg[ionis])¹.

Другой фрагмент латинской надписи на обломке керамической плиты был обнаружен в Пицунде. Сохранившиеся буквы leg, как отмечалось выше, представляют, возможно, клеймо римского легиона².

Однако латинский язык, как видно, не получил широкого распространения среди населения Абхазии. Во всяком случае, масштабы его применения не могут сравниться с распространенностью греческого языка. Основная же масса населения оставалась неграмотной.

Религиозные верования

В позднеантичную эпоху среди коренного населения Абхазии по-прежнему бытовали языческие религиозные верования. Определенное указание на это сохранилось в ряде археологических памятников. В этой связи, представляет интерес найденная в Сухуми терракотовая статуэтка человека, которая, по-видимому, была связана с каким-то местным божеством³. Культовое назначение, несомненно, имела и скульптурная фигурка быка из Цебельды. Владелец ее, видимо, выполнял особую общественную функцию, связанную с совершением определенного религиозного обряда⁴.

¹ Куфтин, Материалы, стр. 124–126.

² Лордкипанидзе. Предварительный отчет, стр. 105–106.

³ Трапш, Раскопки древнего Севастополиса, стр. 247.

⁴ Трапш, Некоторые итоги раскопок, стр. 272.

Заслуживает внимания тот факт, что языческая религиозная символика нашла свое отражение в отдельных элементах орнамента керамических изделий. Так, например, спиральные мотивы или кружки из точек отражали культ луны. Религиозное назначение имел также и волнистый орнамент¹.

Интересно отметить, что даже в мотивах знаменитой пицундской мозаики (в которых ведущее место занимала христианская символика) нашли место элементы дохристианских верований местного населения. Так, на одном из участков мозаики имеется изображение коровы с теленком, совершенно неизвестное в аналогичных памятниках. В то же время почитание коров в живом быту Грузии, в частности в Абхазии, общеизвестно. «Изображение коровы с теленком в питиунтской мозаике не единственный и не ограниченный пример в грузинском искусстве»².

Вместе с тем, надо отметить, что в рассматриваемую эпоху на территории Абхазии получили известное распространение и религиозные верования греко-римского происхождения, причем некоторые из них, надо полагать, проникли в какой-то мере и в местную среду. На это указывает, например, оригинальная скульптурка божества виноделия Дионисия-Вакха, обнаруженная в Пицундском городище. Об этом же говорит, с одной стороны, семантика скульптурной фигурки «рыбака», которая имеет некоторые признаки местного культа, характерного для древнекавказского языческого пантеона, а с другой – отдельные элементы римских религиозных воззрений. В данном памятнике, возможно, отразилось слияние определенных черт как иноземных, так и местных религиозных представлений³.

К концу античной эпохи на Черноморское побережье Кавказа, в том числе и на территорию Абхазии, сравнительно быстро проникает христианская религия. Уже к первой четверти IV в. одним из главных центров христианства на Кавказе становится Питиунт. Здесь учреждается епископская кафедра. Возглавлявший ее епископ Стратофил был участником первого вселенского собора в Никее (325 г.). Как замечает Л. А. Мацулевич, «христианство не ограничивалось в нем (Питиунте. – З. А.) замкнутой средой гарнизона. Оно не могло не получить более широкого распространения среди местного населения города и тяготевшей к нему округи. В противном случае здесь не была бы учреждена епархия»⁴.

¹ Бердзенишвили, Позднеантичная керамика, стр. 97, 102–105.

² Мацулевич, Открытие, стр. 149.

³ Рамишвили, Две бронзовые скульптурки, стр. 135.

⁴ Мацулевич, Открытие, стр. 146–147.

Действительно, определенные элементы местного населения уже тогда исповедовали христианство. Не случайно, что позднейшие церковные легенды, первоначальное распространение христианства на Западном Кавказе, в том числе и в Абхазии, приписывали «апостолам Андрею Первозванному и Симону Кананиту. Эти легенды также свидетельствуют о раннем проникновении христианства на побережье Кавказа.

Не позднее IV в. христианство проникает и во внутренние районы Абхазии. Представляет интерес тот факт, что на определенной части инвентаря цебельдинских некрополей изображены прямоугольные раннехристианские крестики¹. Так, на некоторых керамических сосудах встречаются крестообразно расположенные кружочки под прямым углом в раннехристианском стиле. Некоторые стеклянные кубки имеют шлифованный орнамент, на котором изображены раннехристианские крестики.

О времени распространения христианства в данном районе в некоторой степени говорит надпись на цебельдинском медальоне («Единый бог, помогающий приносящим»). Она имеет ближайшие аналогии в христианских памятниках Сирии (в Антиохии), относящихся к IV в.: «Единый бог, помогающий боящимся его» и «Единый бог, помогающий всем любящим его». Первая из приведенных надписей датируется 347 г., а вторая – 398 г.² По-видимому, к этому же времени относится и цебельдинский медальон. Приблизительно IV в. н. э. датируется и золотой нашейный крестик из Цебельды³.

О широком к тому времени распространении христианства свидетельствуют погребальные обряды цебельдинских некрополей. Эти обряды принадлежат к двум различным типам. К первому типу относятся могильные ямы удлиненной четырехугольной формы, в которые покойника клали на спине в вытянутом положении с ориентацией головы на северо-запад или юго-запад, со сложенными на груди руками. Такое трупоположение вполне отвечает христианскому обряду погребения⁴. Первый тип захоронения составлял в количественном отношении примерно 85–95 общего числа погребений. Ко второму типу захоронения относится обряд трупосожжения, совершавшегося вместе с предметами украшения

¹ Трапш, Некоторые итоги, стр. 272.

² Там же, стр. 273.

³ Там же, стр. 272.

⁴ Трапш, О некоторых итогах археологических исследований, стр. 187.

за пределами могильников. Прах покойников помещали в урнах, которыми служили большие красноглиняные пифосы и кувшины с двумя петлевидными ручками.

Поскольку определенной закономерности в размещении разнотипных погребений не прослеживается и они располагаются вперемежку, то это позволяет говорить об их сосуществовании в один и тот же исторический отрезок времени. Это обстоятельство наряду с однотипностью погребального инвентаря дает основание полагать, что в то время древнее население, оставившее цебельдинские некрополи, принадлежало в основном к одной этнической группе¹.

Следовательно, мы можем в данном случае говорить не об этнических различиях, а о различии в вероисповедании. Как вытекает из соотношения типов захоронения, христиане составляли подавляющее большинство.

В свете изложенных выше материалов становится понятным указание Прокопия Кесарийского о том, что христианство проникло в Абхазию задолго до того, как оно было объявлено здесь официальной религией. Говоря об апсилах, он сообщает, что они «с давних времен уже христиане».

Тем не менее масштабы распространения христианства в Абхазии того периода нельзя преувеличивать. Тот же Прокопий, касаясь религиозных верований абазгов, отмечает наличие у них дохристианских воззрений. Он пишет: «Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами»². Это свидетельствует о том, что, несмотря на проникновение христианства в среду коренного населения Абхазии, пережитки дохристианских верований сохранялись в ней в значительной степени. Данная черта являлась отличительной особенностью религиозного мировоззрения абхазов и в последующую эпоху.

Однако самый факт распространения христианства в Абхазии (как на побережье, так и в особенности во внутренних районах края) имел важное историческое значение. Он свидетельствует, что в тот период (IV–V вв.) господствующие классы уже нуждались в новых, более сильных средствах идеологического воздействия на народные массы. Христианство, несомненно, способствовало утверждению феодальных отношений, которые в тех исторических условиях играли прогрессивную роль.

¹ Трапш, Некоторые итоги раскопок, стр. 259–262.

² Прокопий, Война с готами, стр. 380.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I.
К Маркс, Черновые наброски, – К. Маркс, Черновые наброски письма Маркса В. И. Засулич 8 марта 1881 г., – К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII.
Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, – Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, – К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20.
Ф. Энгельс, Диалектика природы, – Ф. Энгельс, Диалектика природы, – К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20.
Ф. Энгельс, Происхождение семьи. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, – К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.

* * *

- Абрамишвили, К. вопросу об освоении железа. Р. Абрамишвили, К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. – ВГМГ, т. XXII – В, 1961.
Амиранашвили, Новая находка. А. И. Амиранашвили (Болтунова), Новая находка в низовьях р. Ингура, Тбилиси, 1935.
Аннотации. – «Аннотации докладов научной сессии ИИД, посвященной итогам полевых археологических исследований 1962 г.». Тбилиси, 1963.
Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии. З. В. Анчабадзе, Из истории средневековой Абхазии, Сухуми, 1959.
Апакидзе, Археологические раскопки. А. М. Апакидзе, Археологические раскопки в Бичвинта, – «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1953.
Апакидзе, Лордкипанидзе, Новые материалы. А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, Новые материалы к археологии Диоскурии – Себастополиса. ТАИЯЛИ, т. XXXIII–XXXIV, 1963.
Апакидзе, Лордкипанидзе, Отчет. А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, Отчет о работах Причерноморской археологической экспедиции в 1959 г., – «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1960.
Аппиан, Митридатовы войны. Аппиан, Митридатовы войны, изд. и пер. на груз. яз. Т. С. Каухчишвили, Тбилиси, 1959.
Археология Грузии. А. М. Апакидзе, Н. З. Бердзенишвили, О. М. Джапаридзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Н. В. Хоштариа, Археология Грузии, Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).

- Багратиони, Описание. Вахушти Багратиони, Описание Грузинского царства, под ред. Н. Бердзенишвили и Т. Ломоури, Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Бгажба, Бзыбский диалект. Х. С. Бгажба, Бзыбский диалект абхазского языка, – ТАИЯЛИ, т. XXVIII, 1957.
- Бгажба, Некоторые вопросы топонимики. Х. С. Бгажба, Некоторые вопросы топонимики и этнонимики Абхазии, – ТАИЯЛИ, т. XXVII, 1956.
- Бгажба, Об абхазском героическом эпосе. Х. С. Бгажба, Об абхазском героическом эпосе, – ТАИЯЛИ, т. XXVI, 1955.
- Бердзенишвили, Новые данные. Н. З. Бердзенишвили, Новые данные о палеолите Абхазии. – ТАИЯЛИ, т. XXX, 1959.
- Бердзенишвили, Палеолитические памятники. Н. З. Бердзенишвили, Палеолитические памятники Черноморского побережья Грузии, – «Тезисы докладов научной сессии ИИД, посвященной итогам полевых археологических исследований 1959 г.», Тбилиси, 1960.
- Бердзенишвили, Первобытное земледелие. Н. З. Бердзенишвили, Первобытное земледелие в Грузии, – ТИИД, т. II, 1956 (на груз. яз.).
- Бердзенишвили, Позднеантичная керамика. К. Бердзенишвили, Позднеантичная керамика из Цебельды, – МАГК, т. II, 1961 (на груз. яз.).
- Бжания, Скотоводческое хозяйство. Ц. Н. Бжания, Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии (этнографический очерк) – ТАИЯЛИ, т. XXVIII, 1957.
- Болтунова, Восстание Аникета. А. И. Болтунова (Амиранашвили), Восстание Аникета, – ВДИ, 1939, № 2.
- Борисковский, Древнейшее прошлое. П. И. Борисковский, Древнейшее прошлое человечества, М.–Л., 1957.
- Бунак, Антропологический состав. Б. Б. Бунак, Антропологический состав населения Кавказа, – ВГМГ, т. XIII – А, 1947.
- Бурчак-Абрамович, Габашвили, Высшая человекообразная обезьяна. Н. О. Бурчак-Абрамович, Е. Г. Габашвили, Высшая человекообразная обезьяна из верхнетретичных отложений Восточной Грузии, – САНГ, 1954, № 6.
- Всемирная история, – «Всемирная история», т. I, М., 1955.
- Гайдукевич, История античных городов. В. Ф. Гайдукевич, История античных городов Северного Причерноморья, – сб. «Античные города Северного Причерноморья», т. I, М. – Л., 1955.
- Гобеджишвили, Археологические раскопки. Г. Ф. Гобеджишвили, Археологические раскопки в Советской Грузии, Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
- Грозный, Доисторические судьбы. Б. Грозный, Доисторические судьбы Передней Азии, – ВДИ. 1940, №3–4.
- Гулиа, История Абхазии. Д. И. Гулиа, История Абхазии, т. 1, Сухуми 1925.
- Гулиа, Приложение второе. Д. И. Гулиа, История Абхазии, т. I., Приложение второе. Древнейшие сведения о Колхиде и колхах (Извлечение из древнегреческих и римских описаний Кавказа).

- Джавахишвили, Историко-этнологические проблемы. И. А. Джавахишвилл, Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).
- Джавахишвили, История грузинского народа. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. I, Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).
- Джавахишвили, Первоначальный строй. И. А. Джавахишвили, Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков, Тбилиси. 1937 (на груз. яз.).
- Джанашиа, Статьи по этнографии. Н. С. Джанашиа, Статьи по этнографии Абхазии, Сухуми, 1960.
- Джанашиа, Труды. С. Н. Джанашиа, Труды, т. II, Тбилиси, 1953, т. III, Тбилиси, 1959.
- Джанашиа, Тубал-Табал. С. Н. Джанашиа, Тубал-Табал, Тибарен, Ибер, – «Труды», т. III, Тбилиси, 1959.
- Джапаридзе, Бронзовые топоры. О. М. Джапаридзе, Бронзовые топоры Западной Грузии, – СА, т. XVIII, 1953.
- Джапаридзе, Дольменная культура. О. М. Джапаридзе, Дольменная культура в Грузии, – ТТГУ, т. 77, 1959.
- Джапаридзе, К истории грузинских племен. О. М. Джапаридзе, К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры, Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
- Джапаридзе, Ранний этап. О. М. Джапаридзе, Ранний этап древней металлургии Грузии, Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
- Дьячков-Тарасов, Гагры. А. И. Дьячков-Тарасов, Гагры и их окрестности, 1903.
- Замятнин, Некоторые вопросы. С. Н. Замятнин, Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита, – ПИПО.
- Замятнин, О локальных различиях. С. Н. Замятнин, О локальных различиях в культуре палеолитического периода, – ПИПО.
- Замятии, Очерки. С. Н. Замятнин, Очерки по палеолиту, М.–Л., 1961.
- Замятнин, Палеолит Абхазии. С. Н. Замятнин, Палеолит Абхазии, Сухуми, 1937.
- Зыбковец, Дорелигиозная эпоха. В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, М., 1959.
- Иващенко, Герзеульский клад. М. М. Иващенко, Герзеульский клад монет Касарии Каппадокийской, – ИГАИМК. т. VII, 1931, вып. 10.
- Иващенко, Исследование. М. М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, Тбилиси, 1935.
- Инадзе, Города Колхиды в античную эпоху. М. П. Инадзе, Города Колхиды в античную эпоху (Диоскурия), – ТИИД, т. VI, 1962, вып. 2.
- Инадзе, К вопросу об этническом составе. М. П. Инадзе, К вопросу об этническом составе населения Северо-Восточного Причерноморья, – ВООН, 1960, № 2 (на груз. яз.).
- Инадзе, К вопросу о самоуправлении. М. П. Инадзе, К вопросу о самоуправлении приморских городов Колхиды античной эпохи. – САНГ, 1959, №2.

- Инадзе, К вопросу о скептухиях. М. П. Инадзе, К вопросу о скептухиях Колхидского царства, – САНГ, т. XXVI, 1961, № 6.
- Инадзе, К вопросу о торговле. М. П. Инадзе, К вопросу о торговле в древней Колхиде, – КБС, т. II, 1962 (на груз. яз.).
- Инадзе, К вопросу о характере развития городов. М. П. Инадзе, К вопросу о характере развития городов Северной Колхиды, – САНГ, 1959, № 6.
- Инадзе, К истории Грузии. М. П. Инадзе, К истории Грузии античного периода (Фл. Арриан и его сведения о Грузии), (Автореф. канд. дисс.), Тбилиси, 1953.
- Инал-ипа, Абхазы. Ш. Д. Инал-ипа, Абхазы, Сухуми, 1960.
- Инал-ипа, Дурипш. Ш. Д. Инал-ипа, Дурипш (Опыт историко-этнографического изучения колхозного быта абхазской деревни), – ТАИЯЛИ, т. XXIX, 1958.
- Инал-ипа, К вопросу о матриархально-родовом строе. Ш. Д. Инал-Ипа, К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии (по пережиточным этнографическим данным), –ТАИЯЛИ, т. XXV. 1954.
- Инал-ипа, Нартский эпос. Ш. Д. Инал-ипа, Нартский эпос абхазцев, – сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957.
- История Грузии, – «История Грузии», под. ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1958.
- История и восхваление венценосцев, – «История и восхваление венценосцев», пер. К. Кекелидзе, Тбилиси, 1954.
- Каландадзе, Археологические памятники. А. Н. Каландадзе, Археологические памятники Сухумской горы, Сухуми, 1954 (на груз. яз. с русским резюме).
- Каландадзе, К истории формирования. А. Н. Каландадзе, К истории формирования дородового общества на территории Грузии, – ТИИД, т. II, 1956 (на груз. яз.)
- Капанадзе, Грузинская нумизматика. Д. Г. Капанадзе, Грузинская нумизматика, М., 1955.
- Капанадзе и Голенко, К вопросу о происхождении колхидок. Д. Г. Капанадзе и К.В. Голенко, К вопросу о происхождении колхидок. – ВДИ, 1957, № 4.
- «Картлис цховреба», – «Картлис цховреба» («Жизнь Грузии»), под ред. С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, т. I – 1954, т. II – 1959 (на древнегруз. яз.).
- Каухчишвили, Один из древнейших городов мира. С. Г. Каухчишвили, Один из древнейших городов мира, – «Заря Востока», 31.X. 1.959.
- Каухчишвили, Греческая надпись. Т. С. Каухчишвили, Греческая надпись на сухумском светильнике. – ТАИЯЛИ, т. XXVIII, 1957.
- Каухчишвили, Греческая надпись бичвинтской мозаики. Т. С. Каухчишвили, Греческая надпись бичвинтской мозаики, – САНГ, 1955, № 1.
- Каухчишвили, Тезисы. Т. С. Каухчишвили, Тезисы доклада о Бичвинтской мозаике, – «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1953.

- Кекелидзе, Вопросы классификации. К. С. Кекелидзе, Вопросы классификации народов и их географического расселения в древнегрузинской письменности, – ТГГУ, т. VII, 1947.
- Кечакмадзе. Флавий Арриан. Н. Кечакмадзе, Флавий Арриан. Путешествие по берегам Черного моря, Тбилиси, 1961.
- Клевакин, Гарпуны. Г. Клевакин, Гарпуны Холодного грота, – «Вечерний Тбилиси», 4.XI.1960.
- Косвен, Очерки. М. О. Косвен, Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.
- Крупнов, Древнейшее культурное единство Кавказа. Е. И. Крупнов, Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа), – «XXVI Международный конгресс востоковедов», М., 1963.
- Крупнов, Древняя история и культура Кабарды. Е. И. Крупнов, Древняя история и культура Кабарды, М., 1957.
- Крупнов, Древняя история Сев. Кавказа. Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.
- Крупнов, Материалы. Е. И. Крупнов, Материалы по археологии Северной Осетии, – МИА, вып. 23, 1951.
- Крупнов, О происхождении. Е. И. Крупнов, О происхождении и датировке кобанской культуры, – СА, т. I, 1957.
- Куфтин, Материалы. Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949.
- Куфтин, Урартский «колумбарий». Б. А. Куфтин, Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит, – ВГМГ, т. XIII – В, 1944.
- Лавров, Дольмены. Л. И. Лавров, Дольмены Северо-Западного Кавказа, – ТАИЯЛИ, т. XXXI, 1960.
- Лавров, О происхождении народов. Л. И. Лавров, О происхождении народов Северо-Западного Кавказа, – ССИК, вып. 3, 1954.
- Ламберти, Описание Колхиды. А. Ламберти, Описание Колхиды, ныне называемой Мингрелия, – СМОМПК, вып. 49, отд. 1, 1913.
- Ломоури, Греческая колонизация. Н. Ю. Ломоури, Греческая колонизация побережья Колхиды, Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
- Ломоури, К вопросу о торговых путях. Н. Ю. Ломоури, К вопросу о торговых путях Грузии, – ТИИД, т. IV, 1958, вып. 1.
- Ломоури, Клавдий Птоломей. Н. Ю. Ломоури, Клавдий Птоломей, «Географическое руководство». Известия о Грузии, – МИГК, № 82, 1955.
- Ломоури. Сведения. Н. Ю. Ломоури, Сведения греческих логографов о грузинских племенах, – МИГК, вып. 35, 1963 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе, О транзитно-торговом пути. О. Д. Лордкипанидзе, О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху, – САНГ, 1957, № 3.
- Лордкипанидзе, Предварительный отчет. О. Д. Лордкипанидзе, Предварительный отчет о разведочных археологических работах, проведенных в окрестностях озера Инкит, – МАГК, т. III, 1963 (на груз. яз.).

- Лукин, Материалы. А. Л. Лукин, Материалы по археологии Бзыбской Абхазии, – ТОИПКГЭ, т. I, 1941.
- Лукин, Неолитическое селище Кистрик. А. Л. Лукин, Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут, – СА, 1950, № XII.
- Лукин, Эшерская находка. А. Л. Лукин, Эшерская находка, – ТАИЯЛИ, т. XXVII, 1956.
- Любин, Кударо I. В. П. Любин, Кударо I, – «Советский Союз», 1959, № 8.
- Люлье, Черкесия. Л. Люлье, Черкесия, Краснодар, 1927.
- Максимова, Античные города. М. И. Максимова, Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М., 1956.
- Максимова, Античные печати. М. И. Максимова, Античные печати Северного Причерноморья, – ВДИ, 1937, № 1.
- Марр, Кавказоведение. Н. Я. Марр, Кавказоведение и абхазский язык, Пг, 1917.
- Мацулевич, Открытие. Л. А. Мацулевич, Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте, – ВДИ, 1956, № 4.
- Меликишвили, К вопросу об этнической принадлежности. Г. А. Меликишвили, К вопросу об этнической принадлежности кашков, – М(О), т. III, 1953 (на груз. яз.).
- Меликишвили, К истории древней Грузии. Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
- Меликишвили, Наири-Урарту. Г. А. Меликишвили, Наири-Урарту, Тбилиси, 1954.
- Мессарош, Язык пёкхи. Ю. Мессарош, Язык пёкхи, Чикаго, 1936 (на нем. яз.).
- Месхиа, Города и городской строй. Ш. А. Месхиа, Города и городской строй феодальной Грузии, Тбилиси, 1959.
- Микеладзе, Бичвинтская двухабсидная церковь. Т. К. Микеладзе, Бичвинтская двухабсидная церковь, – МАГК, т. III, 1963.
- Микеладзе, К генезису взаимоотношений. Т. К. Микеладзе, К генезису взаимоотношений между грузинскими племенами и греческим миром, – ВООН, 1960, № 2 (на груз. яз.).
- Миллер, Разведки. А. А. Миллер, Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г., – ИАК, вып. 35, 1909.
- Народы Кавказа, – «Народы Кавказа», ч. 2, М., 1962 (серия «Народы мира»).
- Орбели, Город близнецов. И. А. Орбели, Город близнецов «Диоскуриас» и племя возниц «Һениохой», – ЖМНП, № XXXIII, 1911.
- Очерки, – «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, Сухуми, 1960.
- Паничкина, Палеолит Армении. М. З. Паничкина, Палеолит Армении, Л., 1950.
- Патканов, Армянская география. К. П. Патканов, Армянская география VII в. по р. Хр. (приписываемая Моисею Хоренскому), СПб. 1877.
- Пиотровский, Поселения. Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века Армении, – СА, т. XI, 1949.
- Пиотровский, Развитие скотоводства. Б. Б. Пиотровский, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, – СА, т. XXIII, 1955.

- Прокопий, Война с готами. Прокопий из Кесарии, Война с готами, М., 1950.
- Рамишвили, Две бронзовые скульптурки. Р. М. Рамишвили, Две бронзовые скульптурки из Бичвинта, – МАГК, т. III, 1963 (на груз. яз.).
- Семёнов, Полезные ископаемые. В. Семенов, Полезные ископаемые и минеральные воды Абхазии, – ТАИЯЛИ, т. IV, 1934.
- Сизов, Восточное побережье. В. Сизов, Восточное побережье Черного моря, – МАК, вып. II, 1889.
- Смирнов, К вопросу о формировании. А. П. Смирнов, К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным, – КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948.
- Соловьев, Диоскурия – Севастополis – Цхум. Л. Н. Соловьев, Диоскурия – Севастополis – Цхум, – ТАГМ, вып. I, 1947.
- Соловьев, Новый памятник. Л. Н. Соловьев, Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита – стоянки Воронцовской пещеры, – ТАИЯЛИ, т. XXIX, 1959.
- Соловьев, Об итогах. Л. Н. Соловьев, Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г., – ТАИЯЛИ, т. XXXII, 1961.
- Соловьев, Погребения. Л. Н. Соловьев, Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей к ней части Адлерского района, – ТАИЯЛИ, т. XXXI, 1960.
- Соловьев, Селища. Л. Н. Соловьев, Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии, – СА, т. XIV, 1950.
- Соловьев, Следы нижнего палеолита. Л. Н. Соловьев, Следы нижнего палеолита на карангатской террасе между р. Адлер и с. Гантиади. – ТАИЯЛИ, т. XXX, 1959.
- Соловьев, Энеолитическое селище. Л. Н. Соловьев, Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, – СМИА, т. I, 1939.
- Соловьев, Шервашидзе, Предварительное сообщение. Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе, Предварительное сообщение о расчистке комплекса сооружений на набережной у Сухумской крепости в конце 1958 г. и первой половине 1959 г., – «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1960.
- Стражев, Бронзовая культура. В. И. Стражев, Бронзовая культура в Абхазии, – ИАНО, вып. IV, 1926.
- Сысоев, Археологические экскурсии. В. М. Сысоев, Археологические экскурсии по Закубанью, – МАК, т. IX, 1904.
- Тезисы докладов, – «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам археологических исследований 1959 г., ИИД», Тбилиси, 1960.
- Трапш, Археологические раскопки в Анакопии. М. М. Трапш, Археологические раскопки в Анакопии в 1957–1958 гг., – ТАИЯЛИ, т. XXX, 1959.
- Трапш, Археологические раскопки. М. М. Трапш, Археологические раскопки в окрестностях Сухуми, – ТАИЯЛИ, т. XXIX, 1958.
- Трапш, Грунтовые погребения. М. М. Трапш, Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в сел. Куланурхва, – ТАИЯЛИ, т. XXIV, 1951.

- Трапш, Древняя Диоскурия. М. М. Трапш, Древняя Диоскурия, – «Советская Абхазия», 4. X. 1963.
- Трапш, Краткий отчет. М. М. Трапш, Краткий отчет о результатах археологических исследований в Сухуми в 1952 г., – ТАИЯЛИ, т. XXVI, 1955.
- Трапш, Мраморный барельеф. М. М. Трапш, Мраморный барельеф из Сухуми, – ВДИ, 1954, № 4.
- Трапш, Некоторые итоги. М. М. Трапш, Некоторые итоги археологического исследования Сухуми в 1951–1953 гг., – СА, т. XXIII, 1955.
- Трапш, Некоторые итоги раскопок. М. М. Трапш, Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960–1962 гг., – ТАИЯЛИ, т. XXXIII–XXXIV, 1963.
- Трапш, О некоторых итогах археологических исследований. М. М. Трапш. О некоторых итогах археологических исследований в с. Цебельда Сухумского района, – ТАИЯЛИ, т. XXXII, 1961.
- Трапш, Памятники. М. М. Трапш, Памятники колхидской и скифской культур в сел. Куланурхва Абхазской АССР, Сухуми, 1962.
- Трапш, Раскопки древнего Севастополиса. М. М. Трапш, Раскопки древнего Севастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г., – ТАИЯЛИ, т. XXXIII–XXXIV, 1963.
- Тревер, Памятники. К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.–Л., 1940.
- Уваров, Мегалитические памятники. А. С. Уваров, Мегалитические памятники России, – в кн.: «Древности», т. VII, М., 1878.
- Уварова, Несколько дополнительных сведений. П. С. Уварова, Несколько дополнительных сведений по вопросу о Кавказских дольменах, – МАК, т. IX, 1904.
- Услар, Абхазский язык. П. К. Услар, Абхазский язык, Тифлис, 1887.
- Фадеев, К вопросу о генезисе. А. В. Фадеев, К вопросу о генезисе Кобанской культуры в Абхазии, – ТАИЯЛИ, т. II, 1934.
- Фелицын, Западно-Кавказские дольмены. Е. Д. Фелицын, Западно-Кавказские дольмены, – МАК, т. IX, 1904.
- Филипсон, Черкесы. Г. Филипсон, Черкесы, абезы и адыхе (рукопись составлена в 1854 г., хранится в библиотеке им. В. И. Ленина в Москве).
- Формозов, Этнокультурные области. А. А. Формозов, Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.
- Хахутайшвили, Возникновение грузинского рабовладельческого города. Д. А. Хахутайшвили, Возникновение грузинского рабовладельческого города в свете новых археологических открытий. – ТИИД, т. V, 1960, вып. 1.
- Цицишвили, Бичвинтский храм. И. Н. Цицишвили, Бичвинтский храм, – «Тезисы докладов научной сессии Института истории АН ГрССР», Тбилиси, 1953.
- Читая, Акад. С. Н. Джанашиа. Г. С. Читая. Академик С. Н. Джанашиа и проблема происхождения грузинского народа, – М(О), т. 1, 1939.

- Читая, К вопросу о происхождении. Г. С. Читая, К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий, – САНГ, 1941, № 3–4.
- Читая, О задачах. Г. С. Читая, О задачах кавказской советской этнографии, – ГИИД, т. II, 1955.
- Чурсин, Материалы. И. Ф. Чурсин, Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957.
- Шервашидзе, Соловьев, Исследования. Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Исследования древнего Севастополиса, – СА, 1960, № 3.
- Шервашидзе, Соловьев, Предварительное сообщение. Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, Предварительное сообщение о раскопках в Сухумской крепости в 1939 г., – «Тезисы докладов научной сессии ИИД», Тбилиси, 1960.
- SC – Scythica et Saucasica. – В. В. Латышев, Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I и II (публ. с 1893 г.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГМГ – «Вестник Государственного музея Грузии им С. Н. Джанашиа», Тбилиси.
- ВДИ – «Вестник древней истории», М.
- ВООН – «Вестник отделения общественных наук АН Грузинской ССР», Тбилиси.
- ЖМНП – «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
- ЗООИД – «Записки Одесского общества истории и древностей», Одесса.
- ИАК – «Известия Археологической комиссии», СПб.
- ИАНО – «Известия Абхазского научного общества», Сухуми.
- ИГАИМК – «Известия Государственной Академии истории материальной культуры».
- ИИД – Институт истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР.
- ИИЯИМК – «Известия Института языка, истории и материальной культуры АН Грузинской ССР», Тбилиси.
- КБС – «Кавказско-Ближневосточный сборник», Тбилиси.
- КНИИ – Кабардинский научно-исследовательский институт.
- М(О) – «Мимомхилвели» («Обозреватель»), Орган ИИД. Тбилиси.
- МАГК – «Материалы по археологии Грузии и Кавказа».
- МАК – «Материалы по археологии Кавказа», М.
- МИА – «Материалы и исследования по археологии СССР». М.
- МИГК – «Материалы по истории Грузии и Кавказа», Тбилиси.
- ПИПО – «Проблемы истории первобытного общества», М., 1956.
- СА – «Советская археология», М.
- САНГ – «Сообщения АН Грузинской ССР».
- СМИА – «Сборник материалов по истории Абхазии», Сухуми.
- СМОМПК – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа».
- ССИК – «Сборник статей по истории Кабарды», Нальчик.
- ТАГМ – «Труды Абхазского государственного музея», Сухуми
- ТАИЯЛИ – «Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР», Сухуми.
- ТИИД – «Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили», Тбилиси.
- ТКНИИ – «Труды Кабардинского научно-исследовательского института», Нальчик.
- ТОИПКГЭ – «Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа», Л.
- ТТУУ – «Труды Тбилисского Государственного университета», Тбилиси.
- SC – Scythica et Caucasica

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	8
Глава I. Возникновение и расцвет первобытнообщинного строя.....	9
Становление первобытнообщинного строя (дородовая община).....	9
Формирование матриархально-родовой общины.....	27
Расцвет матриархально-родового строя.....	37
Начало упадка матриархально-родового строя.....	54
Глава II. Разложение первобытнообщинного строя (патриархально-родовая община).....	65
Возникновение патриархально-родовых отношений.....	65
Расцвет патриархально-родовых отношений.....	81
Происхождение древнеабхазских племен.....	114
Глава III. Абхазия в эпоху Колхидского царства (VI–II вв. до н. э.).....	125
Этнический состав населения раннеантичной Абхазии...	125
Социально-экономическое развитие местного населения...	131
Греческая колонизация и образование греко-местных городских поселений.....	139
Политическая обстановка.....	148
Культура.....	155
Глава IV. Абхазия в I в. до н. э. – V в. н. э.....	161
Этнический состав населения позднеантичной Абхазии...	161
Борьба населения Абхазии против понтийских и римских захватчиков.....	171
Города Абхазии и социально-экономическое развитие местного населения.....	185
Характер социально-экономического строя абхазских княжеств позднеантичного времени. Абхазия в составе Лазского (Эгрисского) царства.....	191
Культура позднеантичной Абхазии (II–V вв. н. э.).....	198
Использованная литература.....	218
Список сокращений.....	227

З. В. АНЧАБАДЗЕ

**ИЗ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АБХАЗИИ
(VI-XVII вв.)**

АБХАЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Сухум – 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем труде преимущественное внимание уделено рассмотрению следующих важных вопросов истории средневековой Абхазии – этнического развития абхазского народа и его взаимоотношений с грузинским народом. Затронутые в труде другие вопросы истории Абхазии освещаются лишь постольку, поскольку они находятся в связи с отмеченными выше основными проблемами данного исследования.

Народность является исторической категорией, которая следует за родом и племенем и предшествует нации. Если возникновение и развитие наций связаны с капиталистической эпохой, то история народностей относится к предшествующим общественно-экономическим формациям – рабовладельческой и феодальной, в то время как род и племя являются категориями первобытно-общинного строя¹.

С переходом к феодализму процесс формирования народности получает дальнейшее развитие. Такая этническая общность, как феодальная народность, представляет собой исторически сложившуюся сравнительно устойчивую общность, возникшую на базе относительной общности языка, территории, хозяйственного уклада и культуры.

В социальном отношении феодальная народность состоит из двух основных общественных классов – крестьян и феодалов, – ведущих между собой систематическую классовую борьбу, но связанных друг с другом производственными отношениями и этническим единством.

В соответствии с различиями конкретно-исторических условий формирование народностей происходило различными путями. В частности, абхазская феодальная народность сформировалась в раннефеодальную эпоху в результате слияния нескольких родственных этнических общностей, бытовавших в тот период на территории современной Абхазии и к северу от нее. Естественно-

¹ Всемирная история, т. III, Москва, 1957, стр. 17.

но поэтому, что изучение этнической истории абхазского народа предполагает, в первую очередь, исследование этих этнических компонентов, из которых сложилась на определенном историческом этапе единая абхазская народность. Последующая этническая история абхазской народности в средние века также должна быть изучена в тесной связи с теми историческими условиями, в которых она развивалась.

Одной из важнейших особенностей этнической истории абхазского народа являлась его неразрывная связь с историческим развитием братского грузинского народа. Известно, что ни один народ не развивается изолированно. На протяжении всей исторической жизни он поддерживает разносторонние связи с другими народами, которые налагают заметный отпечаток и на его этнические судьбы. В частности, в этнической истории абхазов грузинскому народу принадлежит весьма важное место. Общность происхождения обоих народов, их ближайшее территориальное соседство и единство исторических судеб имели сильное влияние на этническое развитие абхазского народа. Поэтому проблема истории грузино-абхазских взаимоотношений, имея актуальное научное значение, сама по себе занимает определенное место и при изучении истории этнического развития абхазов. Именно поэтому эти два вопроса рассматриваются в данной работе совместно, в тесной связи друг с другом.

Однако, несмотря на большую научную значимость этих вопросов, они до сих пор не были предметом специального исследования. Отдельные стороны этих проблем лишь вскользь затрагивались в общих трудах по истории Грузии и Абхазии. Особо должна быть отмечена большая заслуга академика С. Н. Джанашиа в деле изучения некоторых вопросов истории средневековой Абхазии и, в частности, истории грузино-абхазских взаимоотношений¹.

Отсутствие специальных работ, посвященных этнической истории абхазского народа, создавало в известной степени почву для высказывания в печати самых произвольных положений по истории абхазского народа; зачастую такие положения выдвигались по мотивам, не имеющим никакого отношения к науке.

Эти неверные теории были подвергнуты принципиальной критике в нашей партийной печати.

¹ См. нашу статью «Вопросы истории Абхазии в трудах акад. С. Н. Джанашиа». «Труды Абх. инст. яз., лит. и истории АН Грузинской ССР», т. XXV, 1953.

Хронологические рамки данной работы (VI–XVII вв.) обусловлены конкретными особенностями этнической истории абхазов. Процесс формирования абхазской феодальной народности начинается в основном с VI столетия, когда в ведущих районах Абхазии побеждают феодальные отношения. К концу же XVII в. абхазы замыкаются в рамках той территории, которую они занимали в последующее время.

Трудность разрешения поставленных в работе проблем объясняется не только отсутствием посвященных им специальных работ, но и крайней скудностью исторических источников по средневековой Абхазии. Это обстоятельство ставит историка перед необходимостью порой несколько раз обращаться к одному и тому же показанию источника для уяснения различных сторон некоторых исследуемых вопросов.

От специального историографического и источниковедческого введения автор решил отказаться, так как в необходимых случаях в тексте критически рассмотрены взгляды отдельных авторов по исследуемым вопросам. Вместе с тем книга снабжена подробным научным аппаратом.

ГЛАВА I

АБХАЗИЯ В СОСТАВЕ ЛАЗСКОГО ЦАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI ВЕКА

I. Этно-политические образования Абхазии в первой половине VI века

К началу VI века на территории современной Абхазии существовало несколько этно-политических образований, находившихся в различных степенях зависимости от лазского царя¹. Это – Абазгия, Апсилия, Мисиминия и Южная часть Санигии. Приморская территория современных Гальского и Очамчирского районов была в значительной части населена собственно лазами (эгрисцами) и непосредственно входила в состав Лазского царства².

Местоположение каждой из этих этно-политических областей представляется приблизительно следующим образом.

Южную часть территории, населенной в VI веке предками абхазского народа, занимало племя апсиллов, в наименовании которого, как это неоднократно отмечалось в научной литературе, следует видеть самоназвание абхазов – «апсуа». О местоположении Апсилии у византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского имеется такое указание: «Река Фазис... впадает в конечную часть Эвксинского Понта на краях залива-полумесяца; на одной стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащего уже Европе, находится

¹ Вопрос о происхождении абхазов и их этнической истории в древний период, а также критический разбор теорий, существующих по этому вопросу, подробно излагается автором в работе «Древняя история и культура Абхазии», которая близка к завершению. Там же освещается история образования Лазского царства и включения в его состав абхазских племен.

² Местечко Гудава, близ Илори, считалось в тот период расположенным на территории Эгриси (см. «Георгика», Свед. визан. писателей о Грузии, под ред. С. Г. Каухчишвили, т. IV, ч. 2, стр. 415).

область апс依иел»¹. В данном случае Прокопий имеет в виду южную приморскую границу Апс依иел. Для определения этого пограничного пункта следует установить, что разумеет Прокопий под «заливом-полумесяцем» «конечной части Эвксинского Понта». Как правильно указал еще М. М. Иващенко, «под луновидностью Прокопий понимает изгиб берега моря в 550 стадий (около 100 км.) от города Петры к северу. Если город Петра – Цихисдзири, то другой конец этой «луновидности» придется приблизительно около Илори... (поскольку, по Прокопию, Фазис делит этот изгиб берега пополам)»².

Таким образом, южная этническая граница Апс依иел проходила, по-видимому, по реке Галидзга (Эгрис-цкали по грузинским источникам). Неслучайно, надо полагать когда впоследствии образовалось единое Абхазское княжество, то его южная граница проходила по реке Галидзга (Эгрис-цкали), которая отделяла Абхазию от Лазского княжества.

Одним из пограничных пунктов Апс依иел в юго-восточном секторе было укрепление Тусумэ, расположенное к северу от Моквы. В житии Максима Исповедника (сост. в конце VII в.) говорится, что Тусумэ находится «выше села Мокви (Мохоис) на границе апс依иельского края, к востоку от Понтийского моря, у подножья кавказских гор»³.

В северо-восточной части Апс依иел, вблизи ее границы с Мисиминией, находилось укрепление Тзибил (ныне Цебельда). О том, что это укрепление было расположено на территории Апс依иел, имеется прямое свидетельство Прокопия который сообщает: «В Апс依иел... есть крепость в высшей степени укрепленная; местные жители называют ее Тзибиллой»⁴. Источники указывают также и на то, что в районе Тзибила проходила граница между Апс依иел и Мисиминией. Так, византийский историк Агафий (2-я пол. VI в.) говорит об «укреплении Тибелия (Тзибила – З. А.), отделяющем страну мисимиян от апс依иельцев»⁵.

В северо-западной части Апс依иел, на берегу моря, находился город Сухуми (Цхуми, по грузинским источникам). В сочинении

¹ Прокопий из Кесари, и Война с готами, Москва, 1950 г., стр. 380.

² М.М. Иващенко, Великая Абхазская стена, Изв. АБНО, 1925 г., стр. 83..

³ См. К.С. Кекелидзе, Этюды из истории древнегрузинской литературы, т. III, 1955 г., стр. 280 (на груз.яз.).

⁴ Прокопий, там же, стр. 403.

⁵ Агафий, О царствовании Юстиниана, М–Л., 1953 г., стр. 118.

грузинского историка XI в. Джуаншера Сухуми прямо именуется «городом Апсилии» (“qalaqi afSileTisa sxumi”)¹. Под таким определением Сухуми фигурирует почти во всех сводах «Жизни Грузии» (“qarTlis sxovreba”) – Теймураза (I четв. XVIII в.), царицы Марии (XVII в.), Мачабели (1736 г.), Чалашвили (2 пол. XVI в.) и др. Лишь в наиболее раннем из известных сводов «Жизни Грузии» – в своде царицы Анны (XV в.) – говорится о Сухуми как о «городе Абхазии и Апсилии» (“qalaqi afxazeTisa da afSileTisa sxumi”). В данном случае, несомненно, под названием «Абхазия» подразумевается не Абазгия в узком смысле, которая являлась в VI–VII вв. одной из этнических областей на территории Абхазии, наряду с Апсилией, Мисиминией и др., а «Абхазия» в ином смысле, понимаемом более широкое географическо-политическое образование, включавшее в себя и Абазгию и Апсилию, равно как и другие этнические области Абхазии. Следовательно, выражение «город Абхазии и Апсилии Цхуми» надо понимать так: «город Апсилии, которая находится на территории Абхазии». Отсюда следует, что фраза «город Апсилии Цхуми», содержащаяся в более поздних сводах «Жизни Грузии», чем свод царицы Анны, представляет собой первоначальную редакцию данного места из сочинения Джуаншера.

Крайняя северо-западная (приморская) граница Апсилии проходила вблизи нынешнего Нов. Афона, район которого входил уже в состав Абазгии (см. ниже). Возможно, что эта граница пролегла по реке Гумисте или несколько западнее ее.

Таким образом, территория Апсилии в VI веке занимала значительную часть современной Абхазии: от р. Галидзга на юге до р. Гумисты (приблизительно) на севере. С запада она омывалась Черным морем, а на востоке проходила по линии Тусумэ (к северу от Мокви) – Цебельда. В состав Апсилии, следовательно, входили территории ведущих провинций феодальной Абхазии – Гума и значительной части Абжуа.

Переходя к определению границ Абазгии, следует прежде всего отметить, что Абазгия непосредственно соседила с Апсилией. Прокопий Кесарийский пишет: «За апсилиями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абазги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта»².

¹ «Жизнь Грузии». Под ред. С.Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1953 г., стр. 235 (на древнегруз. яз.).

² Прокопий, цит.соч., стр. 382.

Более конкретное определение границ Абазгии содержится в труде Вахушти Багратиони «Описание Грузинского царства», который опирается, как видно, на древние источники. Вахушти пишет: «Границей Абхазии являются: на востоке – Малая гора (к западу от Анакопии), которая тянется от Кавказского хребта до моря; на западе же – море и река Капоэти [Бзыбь – З. А.]... В длину она (Абхазия) тянется от Анакопии до р. Капоэти, или до моря; в ширину – от моря до Кавказского хребта»¹. В другом месте названного сочинения Вахушти также подчеркивает, что «к западу от Анакопии расположена Абхазия»². Что касается Анакопии, то она, по Вахушти, находилась на месте нынешнего Нового Афона³. Вахушти в данном случае имеет в виду не границы современной ему Абхазии, а именно территорию древней Абазгии. Это видно из того, что в своем «Описании» он отмечает: «Ныне же страной до реки Эгриси владеют абхазцы»⁴.

Таким образом, в свете сказанного выше становится очевидным, что утверждение М. М. Иващенко, будто граница между Апсолией и Абазгией проходила по р. Келасури, не соответствует действительности. Сообщение «Жизни Грузии» о том, что к концу V в. граница Лазики на северо-западе доходила до р. Келасури, на которое ссылается М. М. Иващенко, имеет в виду, надо полагать, политические границы Лазского царства, с которыми не следует смешивать этнические границы между Абазгией и Апсолией⁵.

Эта граница, как отмечалось, пролегла вблизи Анакопии, которая в течение длительного времени была столицей Абазгии, а затем объединенного Абхазского княжества. Нам кажется, что Анакопия – это именно тот пункт, который Прокопий в VI веке назвал «Трахеей».

Решение вопроса о местонахождении Трахеи представляет интерес не только в том отношении, что позволит, наконец, уточнить, где именно была расположена крепость, ставшая основным

¹ Вахушти, Описание Грузинского царства, Тбилиси, 1941 г., стр. 171 (на груз. яз.).

² Там же, стр. 170.

³ Там же, стр. 169, (См. также его подробную карту Грузии)

⁴ Там же, стр. 170.

Анакопию Вахушти представляет вне пределов Абазгии, потому, надо полагать, что в XI–XIII вв. она не входила в состав эриставства «Абхазия».

⁵ М.М. Иващенко, цит. соч., стр. 85-86.

очагом сопротивления восставших абазгов византийским захватчикам в 550 г., – этот вопрос имеет также весьма важное значение и для определения южных границ расселения абазгов.

Еще Д. Бакрадзе полагал, что Трахея находилась на месте позднейшей Анакопии (т. е. в районе нынешнего Нового Афона). В своей работе «Кавказ в древних памятниках христианства» он писал: « В Анакопии, на самом берегу моря, сначала перед вами встает массивная круглая башня, вся обросшая плющем, и местами вдоль берега тянется обширная ограда, столь же роскошно увитая ползучими растениями; затем позади нее углубляется в горы знаменитое трахейское ущелье и на гребне утеса видны остатки замка Трахеи»¹.

Однако позднее все чаще стал высказываться взгляд, что Трахея была расположена в районе нынешнего Гагра. Этой точки зрения придерживался, в частности, акад. С. Н. Джанашиа, который считал, что описание Трахеи, содержащееся в труде Прокопия Кесарийского. «Война с готами», соответствует лишь Гагра². По этому поводу он пишет: «Кто знаком с побережьем Абхазии, тот согласится с нами, что данное описание подходит только к Гагра – в другом месте такого пункта нет»³.

Однако тщательное сравнение описания Трахеи Прокопия с районом Старые Гагры приводит к заключению, что между ними имеется немало существенных отличий. К такому выводу пришла историко-археологическая экспедиция Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, работавшая в Абхазии в 1951 г. под руководством академика АН Грузинской ССР Н. А. Бердзенишвили. Приблизительно такой же вывод она сделала и в отношении Анакопии. Третьего же пункта, на который в данном случае можно было обратить внимание, на побережье Абхазии нет. А это говорит о том, что при определении местоположения Трахеи нельзя придавать описанию Прокопия решающего значения. Сам Прокопий, как известно, в Абхазии никогда не был и при описании Трахеи целиком зависел от показаний своих информаторов, которые не всегда могли абсолютно точно описать местность.

Однако даже если исходить из рассказа Прокопия, то придется признать, что его описание все-таки более соответствует Анако-

¹ Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, Тифлис, 875 г., стр. 25 (Разрядка наша – З.А.).

² С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, Труды, т. 1, Тбилиси, 1949 г., стр. 73 (на груз. яз.).

³ Там же, стр. 74.

пии, нежели Гагра. Так, Прокопий пишет, что-укрепленный лагерь абазгов был построен на верхушке скалы, которую он характеризует как «очень отвесную и грозную в своей суровости скалу, идущую от лагеря до самого моря»¹. Недаром греческое название этого пункта – «Трахея» означало в переводе «сурово-кремнистая». Такое определение смело можно отнести к Иверской горе, на которой была расположена цитадель Анакопии, поскольку эта гора, по сути дела, представляет собой огромную скалу, покрытую лишь очень тонким почвенным слоем.

Следующий момент, который также следует учитывать, это указание Прокопия, что Трахея «по величине наиболее значительное укрепление» абазгов. Таковой могла быть только Анакопия, которая в последующие два столетия являлась столицей Абазгского княжества².

Наконец, очень важное значение имеет свидетельство Прокопия о том, что Трахея была расположена вблизи границы между Абазгией и Апсилией – «за пределами Апсилии при входе в пределы абазгов»³. Он сообщает, далее что когда византийское войско приблизилось на кораблях к побережью Абхазии, то оно «пристало к берегу между пределами абазгов и апсилиев»⁴.

Между тем хорошо известно, что территория, населенная апсилами, никогда не доходила до Гагра. Если это допустить, то получится, что не только Анакопия, но и Питиунт находился на территории Апсилии, чего в действительности не было. По всем данным, следовательно, Трахея была расположена не в районе Гагра, а на месте Нового Афона.

Следует подчеркнуть, что окончательное решение вопроса о возможности местонахождения Трахеи в районе нынешнего Нового Афона может быть получено в результате археологических раскопок на территории Анакопийского городища. Еще К. Кудрявцев справедливо указывал, что без археологических изысканий ответ на этот вопрос получить нельзя⁵.

Если южная граница Абазгии пролегла в районе Анакопийского сектора, то северная ее граница, как это видно из приведенного выше сообщения Вахушти, проходила по реке Бзыбь (Капоэ-

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 401.

² Там же.

³ Там же (разрядка наша – З.А.).

⁴ Там же (разрядка везде наша – З.А.).

⁵ К. Кудрявцев, Сб. материалов по истор. Абхазии, Сухум, 1992 г., стр. 82.

ти); восточные районы Абазгии упирались в Главный Кавказский хребет (Прокопий, Вахушти). Таким образом, Абазгия занимала в основном территорию Бзыбской Абхазии феодальной эпохи. Крупнейшими прибрежными пунктами Абазгии были Анакопия и Питиунт (Бичвинта).

По своей этнической принадлежности абазги, как и апсилы, были племенами абхазского происхождения и явились этническими предками впоследствии сложившейся абхазской феодальной народности. Однако в VI в. процесс консолидации этих племен (точнее небольших родственных народностей) в единый народ (в который с течением времени включились и другие этнические компоненты, бытовавшие на территории исторической Абхазии) наводился лишь на начальных стадиях своего развития.

Третьей сравнительно крупной областью на территории Абхазии VI столетия была М и с и м и н и я .

Византийский историк Агафий, говоря о местопребывании мисимиян, указывает, что «живут они севернее народа апсильев и несколько восточнее»¹. Граница между Апсильей и Мисиминией проходила, как уже отмечалось, в цебельдинском секторе. С востока, по сообщению другого византийского историка Менандра, Мисиминия граничила со Сванетией². Южный отрезок восточной границы мисимиян упирался непосредственно в Лазику. В этом секторе мисимияне владели укреплением Бухлоон³. С севера территория Мисиминии упиралась в Главный Кавказский хребет, по-видимому, в районе Клухорского и Марухского перевалов, поскольку ближайшими соседями мисимиян на севере были аланы, жившие уже за Кавказским хребтом⁴. На северо-западе Мисиминия должна была граничить с нагорной Абхазией. Возможно, что эта граница проходила по верховьям р. Келасури.

Территория Мисиминии, таким образом, охватывала полностью провинцию феодальной Абхазии Дал и некоторую часть Цабала (Цебельды).

Через Мисиминию проходил основной путь (на территории Абхазии) на северный Кавказ, к аланам, через Клухорский и, по-видимому, Марухский перевалы (во всяком случае, начальная часть пути на Марухский перевал, по р. Ацгара (Чхалта), проле-

¹ Агафий, цит. соч., стр. 87.

² «Георгика», т. III, стр. 236.

³ Агафий, цит. соч., стр. 87.

⁴ С. Г. Каухчишвили, Племя мисимиян, 1936 г., стр. 279 (на груз яз)

гала по территории Мисиминии). Путь через Клухорский перевал вначале был известен под названием «Мисимийского пути»¹, а впоследствии, с образованием единого Абхазского раннефеодального княжества, в состав которого вошла и Мисиминия, он получил название «Абхазского пути» (“gza afxazeTisa”).

Наиболее укрепленным пунктом в Мисиминии, по сообщению Агафия, была крепость Тсахар. «Утесы и обрывистые скалы, простираясь в длину, делали чрезвычайно трудным всякий доступ к нему»². Описание Агафия дает основание предполагать, что крепость Тсахар, являвшаяся, по-видимому, административным центром Мисиминии, была расположена в районе Багадских скал на правом обрывистом берегу Кодори. На территории Мисиминии, на границе с Аланией, находился укрепленный пункт Собгиси, по всей вероятности, вблизи Марухского перевала (“romel ars gardasavalsa ovseTisasa”)³.

Вопрос об этнической принадлежности мисимиян не может считаться окончательно решенным. Историк Агафий, который дает наиболее ценные сведения о мисимиянах, сообщает, что этнически они отличаются от апсилов. «Язык у них разный, так же как и нравы»⁴. Проф. С. Г. Каухчишвили считает, что «мисимияне – это одно из сванских племен, но настолько отличающееся по своему быту от прочих сванов, что греки наделили его отдельным именем»⁵.

Для подтверждения этого положения С. Каухчишвили указывает на факт разделения Сванетии на «Верхнюю» и «Нижнюю» и в феодальную эпоху – на «Вольную» и «Княжескую».

Однако эти доводы не могут быть признаны убедительными. В основе разделения Сванетии на «Верхнюю» и «Нижнюю» лежит чисто географический момент, наличествующий в топонимике и других этнографических областей Грузии (ср. Верхняя и Нижняя Картли, Верхняя и Нижняя Имерети и т. д.). В разделении Сванетии на «Княжескую» и «Вольную» подчеркивается лишь различие в социально-политическом строе обеих Областей Сванетии. Но этнически обитатели обеих Сванетии являются сванами, и никто не наделял их отдельными именами.

¹ «Георгика», т. III, стр. 237.

² Агафий, цит. соч., стр. 119-120.

³ «Жизнь Грузии», под. ред. С. Каухчишвили, стр. 235.

⁴ Агафий, цит. соч., стр. 87.

⁵ С. Каухчишвили, Племя мисимиян, стр. 280; см. также «Георгика», т. IV, кн. 2, стр. 32.

Что касается увязки этнического имени мисимиян с самоназванием сванов, то и это обстоятельство не может иметь решающего значения. Слово «мисимияне» можно увязать и с собственным именем marSAan (Маршания) – фамилией абхазского феодального рода, занимавшего в средние века господствующее положение в Цабале и Дале, т. е. в тех местах, где обитали мисимияне.

Этническая принадлежность мисимиян к сванскому племени опровергается уже тем обстоятельством, что ни у одного из историков раннего средневековья нет и намека на это. Агафий, например, сообщая подробные сведения о мисимиянах, в частности об их антивизантийском восстании 555 г., ни словом не обмолвился о каком-либо родстве мисимиян со сванами. Наоборот, он четко отличает их друг от друга, особо отмечая «племя сванов, живущее по ту сторону Кавказского хребта»¹. Зато Агафий находит у мисимиян общие черты с апсилами. Он считает их не только ближайшими соседями, но и «близкими им по образу жизни»². Именно здесь мы можем усмотреть намек на этническое родство, хотя, к сожалению, Агафий ничего не говорит о взаимоотношении апсильского и мисимийского языков, считая, возможно, их диалектами одного и того же языка.

Вопроса об этнической принадлежности мисимийцев коснулся в своем труде «Георгий Мерчуле» Павле Ингороква, который считает, что мисимияне образовались в результате слияния «двух грузинских племен – мегрело-лазов и сванов»³. Говоря, в частности о языке мисимиян, он пишет: «Языком населения мисимийского края был или сванский, или местный мисимийский диалект, который произошел в результате смешения (Serevis niadagze) сванского и мегрельского языков»⁴.

Утверждения П. Ингороква о том, что мисимияне якобы говорили на сванском языке, приводится им совершенно бездоказательно и поэтому остается неизвестным, на чем он основывает свое предположение. Сомнительность же такого предположения была нами отмечена выше. Что же касается положения о «смешанном свано-мегрельском диалекте», то как известно, таких «смешанных» диалектов или языков не существует. Сообщение армянского писателя V века Фауста Византийского об «эгер-сванах»,

¹ Агафий, цит. соч., стр. III–112.

² Там же, стр. 119.

³ П. Ингороква, Георгий Мерчуле, Тбилиси, 1956 г., стр. 130.

⁴ Там же, стр. 145.

на которое ссылается П. Ингороква, не может быть признано как доказательство существования какого-то «смешанного» племени, а, скорее всего, оно разумеет «эгрисских сванов», т. е. сванов, подчиненных лазскому (эгрисскому) царю¹.

Однако для нас самое важное в этнических судьбах мисимиян это то, что впоследствии они слились с абхазской феодальной народностью. К какой бы этнической группе они ни принадлежали – картвельской или абхазской (что более вероятно), мисимияне явились непосредственными предками цабало-дальской этнической ветви абхазского народа, представители которой обитали на родине мисимиян вплоть до начала второй половины XIX века.

Следующая этническая общность, которая также локализуется на территории современной Абхазии или вблизи нее, это саниги (сагиды, или сагины Прокопия Кесарийского). О местопребывании санигов Прокопий не дает определенных указаний. Комментируя его сообщения о санигах, проф. С. Каухчишвили пишет: «Сагидов, или санигов Прокопий упоминает четыре раза («Война с готами»). Из этих мест ясно видно, что данные сведения относятся к положению предшествующих веков, а не к обстановке, современной автору». Так проф. Каухчишвили считает, что Прокопий лишь повторяет данные Флавия Арриана (II в.) и Псевдо-Арриана (V в.) о санигах². Действительно, соответствующий текст одного из мест сочинения Прокопия почти дословно повторяет сведения Фл. Арриана³. Прокопий пишет: «По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи... За ними живут сагины; приморской частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления Севастополь и Питиунт..., и с самого начала держали здесь военный гарнизон⁴. Здесь, в сравнении с Аррианом, саниги (сагины) лишь обменялись местами с зихами (или зехами): у Арриана северными соседями абазгов являются саниги, за которыми уже следуют зихи, у Прокопия же – наоборот. Однако то обстоятельство, что крепости Питиунт и Севастополь, по Прокопию, были

¹ Ср. выражение Прокопия «персо-армяне» (т. е. армяне, подданные персов в отличие от армян, подданных римлян). Война с готами, стр. 379.

² «Георгика», т. II, примеч. на стр. 106.

³ В. Латышев, Известия греч. и лат. писателей о Скифии и Кавказе, ч. I, стр. 343.

⁴ Прокопий, Война с готами, стр. 383.

построены «для устрашения санигов» указывает, нам кажется, на то, что здесь у автора произошла путаница при пользовании своим первоисточником.

Несмотря на это, Прокопий, можно полагать, имеет в виду определенную этническую общность, реально существовавшую в его время по соседству с Абазгией. Так, говоря об обитателях страны санигов, он пишет: «Живущие здесь люди не являются подданными ни римского императора, ни царя лазов... Только в силу того, что они являются христианами, епископы лазов назначают им священников»¹.

М. Иващенко высказал предположение, что «зихов надо отнести севернее, за пределы современной Абхазии, там, где обитали зихи Страбона (Джикетия). Что же касается сагидов, то это или другое наименование тех же абазгов, или одно из племен, на которые они подразделялись»².

Соглашаясь с мнением М. Иващенко, что «зихов надо отнести севернее, за пределы Современной Абхазии», нельзя все-таки признать правильным, что саниги являлись подразделением абазгов, проживавших на территории Абхазии, или, тем более, другим наименованием тех же абазгов. Ведь северная граница Абазгии, как выше было отмечено, проходила по реке Бзыбь. Здесь же кончались официальные владения Византии. Еще в V веке церковный писатель Феодорит Киррский указывал, что город Питиунт находился на самой границе Восточно-Римской империи, «в конце римских владений, по соседству с дикими племенами»³. Значит, тогда Абазгия, как вассальное владение Лазики, в свою очередь являвшейся вассалом Византии, мыслилась как область, находящаяся внутри римских владений. Между тем Прокопий Кесарийский определенно помещает санигов (сагинов) за этой территорией и не считает их подданными ни лазского царя, ни византийского императора (см. выше). Следовательно, саниги обитали в VI веке за р. Бзыбь, на территории современного Гагрского и Адлерского районов, и, может быть, далее к северу, т. е. занимали территорию, которую впоследствии населяло абхазское племя садзов, явившееся затем одним из этнических компонентов абхазской феодальной народности.

Приведенные выше материалы позволяют представить себе этнографическую карту Абхазии VI века примерно в следую-

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 383.

² М. Иващенко, цит. соч., стр. 84.

³ «Георгика», т. IV, ч. II, стр. 321.

щем виде: юго-западную, приморскую часть современной Абхазии (приблизительно до р. Галидзги) населяли л а з ы . К северу и северо-востоку от них (до Цебельды) проживали а п с и л ы . Юго-восточную, нагорную часть Абхазии занимали м и с и м и я н е . К северо-западу от Апсилии, от побережья до Кавказского хребта, вплоть до р. Бзыбь жили а б а з г и . К северо-западу от последних, на территории нынешнего Гагрского района – с а н и г и .

2. К вопросу о социально-экономическом строе населения Абхазии в VI в.

Выяснение вопроса о внутренней общественной и хозяйственной структуре политических образований Абхазии рассматриваемого периода имеет важное значение для определения уровня их этнического развития. Как известно, характер и устойчивость этнической общности находятся в прямой зависимости от степени и характера социально-экономического развития данной общности.

Акад. С. Н. Джанашиа, который специально занимался изучением истории общественных отношений в Абхазии раннефеодальной эпохи, считал, что в VI в. здесь в основном господствовали феодальные отношения. Касаясь, в частности, вопроса о социальной структуре абазгского общества, он писал: «Раннефеодальная общественная сословность (fenianTa), с одной стороны, различные феодальные, или, вообще, господствующие группы, с другой стороны, – эта социальная картина в Абазгии, в взятое время, является примечательной»¹. Указание Прокопия о том, что иранский военачальник Набед, отступая из области абазгов, «взял себе от них в качестве заложников шестьдесят мальчиков из числа самых знатных»², С. Н. Джанашиа считает свидетельством наличия у абазгов родовой феодальной знати³. И действительно, замечание Прокопия – «из числа с а м ы х з н а т н ы х» несомненно указывает на то, что речь идет о в е р х у ш е ч н о й части господствующего сословия абазгов, наряду с которой должна была существовать и рядовая знать, подчиненная, надо полагать, «самым знатным».

Как и во всяком раннеклассовом обществе, в социальной структуре абазгского общества определенное место должен был занимать

¹ С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, стр. 67.

² Прокопий, Война с готами, стр. 400.

³ С. Джанашиа, цит. соч., стр. 68.

и примитивно-рабовладельческий уклад. Сообщение Прокопия о широко практикуемой абазгскими правителями («басилевсами») работорговле¹ является, несомненно, косвенным свидетельством того, что в какой-то степени господствующие слои абазгов использовали в своих владениях и подневольный труд рабов (в частности, пленников). Однако, как справедливо отмечает акад. С. Джанашиа, «В Абхазии того времени это рабовладельческое хозяйство было весьма слабым, и, возможно, что оно выражалось преимущественно лишь в «производстве» рабов, в качестве рыночного продукта»².

Практика работорговли, процветавшая в Абхазии, разумеется, отрицательно воздействовала на общественную жизнь и, в частности, должна была наносить большой вред интересам этнического развития абхазов. Об этой работорговле Прокопий сообщает следующее: «Со стороны своих властителей из-за их корыстолюбия эти племена испытывали неслыханные вещи. Дело в том, что оба эти цари замеченных ими красивых и лицом, и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков тотчас же убивали для того, чтобы кто-нибудь из них не попытался в будущем отомстить за несправедливость по отношению к их детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных, для него подозрительных. Таким образом, красота их сыновей осуждала их на гибель; эти несчастные погибали, имея несчастье родить детей, обладавших роковой для них и смертоносной красотой. Потому-то большинство евнухов у римлян и главным образом в царском дворце родом абасги»³.

Как это явно вытекает из показаний Прокопия, вдохновителями описанной им позорной работорговли была правящая верхушка византийского общества (не исключая и царского двора), которая являлась главным потребителем поставляемого из Абхазии «живого товара». Причина этого явления, следовательно, не только в «корыстолюбии» абазгских правителей. С другой стороны, сообщение Прокопия наводит на мысль, что «абазгская верхушка» продавала на чужбину не только своих единоплеменников, но и, тем более, представителей соседних племен, которых брали в плен во время междоусобиц⁴.

¹ Прокопий, цит. соч., стр. 382–383.

² С. Джанашиа, цит. соч., стр. 71.

³ Прокопий, цит. стр. 382–383.

⁴ С. Джанашиа, цит. соч., стр. 67.

В цитированной выше работе акад. С. Джанашиа отмечал, что рассказ Прокопия о произволе абазгских правителей по отношению к своим подданным свидетельствует о деспотическом характере их правления, а «это предполагает наличие достаточно развитой общественной дифференциации»¹.

В условиях развивающихся феодальных отношений «деспотия абазгских правителей не могла соответствовать... феодальным элементам, переживавшим процесс своего роста»².

Рано или поздно окрепшие феодальные элементы должны были открыто выступить против деспотизма своих правителей.

Само собой разумеется, что внутренние противоречия абазгского общества стремилась использовать в своих политических интересах византийская держава, особенно активизировавшая в тот период свою экспансию на Кавказе (подробнее об этом ниже). В частности, она воспользовалась и недовольством широких слоев Абазгии уродливыми формами работорговли.

Прокопий Кесарийский, объясняя непосредственные причины обострения социальной борьбы в Абазгии, пишет: «При ныне царствующем императоре Юстиниане все отношения у абасгов вылились в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру, и император Юстиниан, послав к ним одного из императорских евнухов, родом абасга, Ефрата именем, решительно запретил их царям на будущее время лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насилуя природу. С удовольствием услышали абасги этот приказ императора. Получив смелость в силу такого приказанья императора, они уже решительно воспротивились таким действиям своих властителей. А до этого времени каждый из них боялся, как бы не стать отцом красивого сына...

В скором времени абасги, низложив своих царей, решили жить свободно»³.

Совершенно очевидно, что забота Юстиниана о «смягчении нравов» абазгов была продиктована отнюдь не бескорыстными соображениями. Здесь, несомненно, имела место инспирация определенных абазгских кругов, ориентировавшихся на Византию, на борьбу против правителей Абазгии. Акад. С. Джанашиа не без основания предполагал, что после того, как абазги низложили

¹ Там же, стр. 66–67.

² Там же, стр. 71.

³ Прокопий, цит. соч., стр. 383.

своих царей, то места изгнанных тиранов заняли византийские агенты¹. Но в данном случае для нас представляет интерес социальная подоплёка происшедших в Абазгии событий. Нам кажется, прав был акад. С. Джанашиа, когда он утверждал, что переворот в Абазгии произвел «молодой феодальный класс», а внешняя сила (Византия) сыграла лишь роль катализатора в развязке событий².

Когда, спустя некоторое время, абазги отложились от Византии и избрали себе новых правителей, то эти последние были уже выразителями интересов феодального класса³.

Однако вряд ли к этому имеет отношение то обстоятельство, что последующих правителей Абазгии византийские источники называют лишь «владельческими князьями» («архонтами») или просто «предводителями» («егуменами»), в то время как старых правителей называли обычно «царями» («басилевсами») ⁴. На самом деле новое титулование правителей Абазгии объяснялось, вероятнее всего, непосредственной вассальной зависимостью от Византии, в которую была поставлена Абазгия с середины VI века. Ношение царского титула, как известно, вовсе не противоречит феодальному государственному строю.

Таким образом, Абазгия в VI веке, тогда же, когда и в Картли и Лазике, пережила «феодальную революцию», с тем отличием, что если в Картли этот процесс растянулся на два с лишним столетия (IV–VI вв.), то в Абазгии он протекал в основном в рамках VI века⁵, хотя зачатки его возникли значительно раньше. Однако, разумеется, до полной победы феодализма в Абазгии было еще далеко. В частности, пережитки патриархально-общинных отношений еще долгое время должны были играть значительную роль в общественной жизни, а в нагорной Абазгии они, конечно, продолжали занимать ведущее место.

Феодальные отношения постепенно пробивали себе дорогу в Апсилии, Мисиминии и в других областях Абхазии. По уровню социально-экономического развития Апсилия, по-видимому, не уступала Абазгии, а, может быть, и превосходила ее, в чем немалую роль должно было играть непосредственное влияние соседней Лазики, где феодальные отношения были более развитыми. Нали-

¹ С. Джанашиа, цит. соч., стр. 72.

² Там же, стр. 126.

³ Там же, стр. 73.

⁴ С. Джанашиа, цит. соч., стр. 112.

⁵ Там же, стр. 183.

чие на территории Апсилии многих укрепленных мест, о которых сообщают византийские писатели, свидетельствовало о возрасставшем социально-политическом влиянии опиравшейся на них феодализирующей знати. Одним из таких феодалов представляется нам начальник апсильской крепости Тзибил, о котором рассказывает Прокопий (см. ниже).

Близкими апсилам по «образу жизни» были мисимияне¹, хотя здесь, в горных условиях, должны были устойчивее сохраняться патриархально-общинные пережитки. Правящая мисимийская знать пользовалась политической властью в своем обществе, о чем свидетельствует, в частности, характер ее взаимоотношений с византийцами. Когда мисимияне решили восстать против Византии и заручиться поддержкой иранцев, то они направили в Иберию к иранскому военачальнику Нахогарану «людей, имеющих на и - б о л ь ш у ю в л а с т ь у м и с и м и я н»².

Таким образом, абазги, апсилы и мисимияне представляли собой в VI в. далеко не родоплеменные общества, а раннеклассовые (раннефеодальные) социальные организации, в которых, наряду с ведущим феодальным укладом, продолжали еще играть значительную роль пережитки дофеодальных общественных отношений – рабовладельческих и патриархально-общинных. Тенденция последующего социально-экономического развития этих обществ проявлялась в направлении дальнейшей их феодализации и постепенного изживания элементов дофеодальных укладов. Этот процесс, разумеется, особенно быстро развивался в приморской и предгорной зонах, в нагорной же полосе патриархально-общинный строй продолжал занимать господствующее место.

Признание факта наличия социально-классовой структуры абхазских обществ VI столетия позволяет сделать вывод, что в этническом отношении эти общества не являлись уже племенами в строгом смысле этого слова. Ведь племя – это этническая категория доклассового общества со своими характерными ей этническими чертами. Что касается феодального общества и его политической организации, то оно требует уже наличия более устойчивой этнической общности, нежели племя. Такой общностью может быть только народность.

Поэтому мы и считаем, что абазги, апсилы, мисимияне и саниги в начальный период раннефеодальной эпохи являлись уже не-

¹ Агафий, цит. соч., стр. 119.

² Там же, стр. 115.

большими народностями, тем более устойчивыми, чем более развивались в них феодальные отношения, дающие для народности более прочную социально-экономическую базу, чем отношения рабовладельческие.

Однако, с другой стороны, в тех условиях этническая устойчивость малых феодальных народностей должна была быть весьма относительной. На это указывает, в частности, отсутствие даже внутри этих народностей прочного единства. Возьмем, к примеру, абазгов. Прокопий сообщает, что абазги «искони веков» имели двух правителей, один из которых «властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную»¹. Характерно, что вскоре после социального переворота в Абазгии, который привел к установлению феодальной политической власти, абазгская знать так же избирает не одного, а двух правителей – для западной и восточной частей страны. Не подлежит сомнению, что такое внутреннее расчленение Абазгии в политическом отношении на две области выражало в известной степени и относительную неустойчивость этнической базы абазгского общества.

В условиях дальнейшего развития социально-экономической и политической жизни страны, в частности, в результате роста феодальных отношений вглубь и вширь, неминуемо должна была произойти этническая консолидация небольших народностей в более крупную и более устойчивую этническую общность – в единую феодальную народность. Этому процессу значительно способствовало этническое родство консолидирующихся народностей.

3. Введение христианства в Абхазии

Рассказывая о религиозных верованиях древних абхазов, Прокопий Кесарийский указывает на широкое распространение среди них дохристианских культов, в частности, культа деревьев. Он пишет: «Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами»².

Однако у того же Прокопия мы находим указания, что христианство проникло в Абхазию задолго до того, как оно было объявлено здесь официальной религией. Об апсилах, например, он со-

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 383.

² Прокопий, Война с готами, стр. 380.

общает, что они «с давних времен уже христиане». О мисимиянах Агафий рассказывает, что во время переговоров мисимийских послов с римскими военачальниками послы называли себя представителями «народа, уже с древних времен подчиненного римлянам и, одной с ними религии»¹.

Что касается абазгов, то на их территории, в городе Питиунте, уже в первой половине IV века существовала епископская кафедра. Ясно, что определенные элементы местного населения уже тогда исповедовали христианство. Неслучайно, что позднейшие церковные легенды первоначальное распространение христианства на Западном Кавказе, в том числе и в Абхазии, приписывали «апостолам» Андрею Первозванному и Симону Кананиту. Это свидетельствует о том, что христианство рано стало проникать на побережье Кавказа².

К концу первой четверти VI в., в связи с активизацией византийской экспансии на Кавказе, христианство объявляется государственной религией в Лазике (523 г.). С этого времени оно считается таковым во всех вассальных владениях Лазского царства, в том числе в Апсилии и Мисиминии. Видимо, поэтому византийские источники ничего не сообщают об официальном признании христианства в этих областях.

Что касается Абазгии, то она в этот период уже достигла (не без помощи Византии) в некоторой степени освобождения от лазской зависимости и вначале не признавала христианства в качестве государственной религии. Оно было официально принято здесь по инициативе императора Юстиниана (527–565 гг.) несколько позднее. Прокопий свидетельствует, что абазги приняли христианскую веру «при ныне царствующем императоре Юстиниане»³. Он сообщает далее, что «тогда же император Юстиниан воздвиг у абасгов храм богородицы и, назначив к ним священников, добился того, что они приняли весь христианский образ жизни»⁴.

Старания византийских правящих кругов внедрить в Абхазии христианство могли увенчаться успехом лишь при наличии соответствующей социальной базы внутри местного общества. Таковой в Абхазии и Лазике (так же, как и в свое время в Картли)

¹ Агафий, цит. соч., стр. 124.

² См. также, Ив. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. I, Тбилиси, изд. 3, стр. 231 (на груз. яз.).

³ Прокопий, Война с готами, стр. 383.

⁴ Там же.

была феодализирующая знать и возглавляемый ею социальный уклад. Акад. С. Джанашиа правильно указывал, что христианство в Абазгии явилось религией господствующего класса феодалов («азнауров»)¹.

Поэтому христианство, несмотря на свою эксплуататорско-классовую сущность, в тех исторических условиях сыграло значительную положительную роль, способствуя утверждению новых, прогрессивных в ту эпоху производственных отношений. По справедливому замечанию С. Джанашиа, христианство имело большое значение в развитии «абхазского феодализма»².

Содействуя укреплению феодального уклада, христианство тем самым косвенно способствовало упрочению этнической общности абхазов, поскольку феодальная социально-экономическая база народности гораздо основательнее, чем дофеодальные уклады.

С другой стороны, христианская религия с этнической точки зрения играла в то время и прямую положительную роль. Монотеистическая по своему характеру, христианская религия представляла собой более высокую форму религиозного мировоззрения, чем политеистические дохристианские верования абхазов. Поэтому она в значительно большей степени способствовала развитию общности культуры народа, как одного из обязательных этнических признаков. Развитие образованности и письменности, ускоренное христианством, способствует также дальнейшему росту общности языка, хотя в условиях Абхазии этот момент должен был играть незначительную роль, поскольку богослужение здесь длительное время велось на непонятном народу греческом языке.

Вместе с тем распространение в Абхазии христианства имело большое положительное следствие в деле дальнейшего укрепления абхазо-грузинских связей, поскольку та же религия господствовала и в Грузии. Общеизвестно, насколько значительна была в этом отношении роль христианства в условиях средневековья. Это положение ниже будет иллюстрировано на большом конкретном материале.

Определенный интерес представляет вопрос о месте, в котором по приказанию Юстиниана был воздвигнут храм для абазгов, поскольку он позволит уточнить местонахождение центрального (или одного из центральных) населенного пункта Абазгии, ибо

¹ С. Джанашиа, цит. соч., стр. 75.

² Там же.

Юстиниан вряд ли занялся бы строительством соборной церкви где-либо в другом месте. В свое время этот вопрос не раз дебатировался в научной литературе.

Прокопий Кесарийский, сообщая о построении Юстинианом «храма богородицы у абазгов», не указывает конкретно место, в котором он был воздвигнут. Однако уже в средние века сложилось мнение, что этот храм был сооружен в Пицунде. Так, грузинский ученый второй половины XI в. Ефрем Мцире писал: «Внутри Абхазии, в Бичвинта, Юстиниан построил храм святой божьей матери и назначил туда священников»¹. Позднее и царевич Вахушти также указывал на Бичвинту, как на место построения Юстинианом храма для абазгов². Во второй половине XIX в. это повторяют П. Уварова³ и проф. Кондаков⁴.

Однако в 1897 г. проф. Ю. Кулаковский выступил со специальной статьей «Где был построен императором Юстинианом храм для абазгов?», в которой выдвинул утверждение, что император Юстиниан не сооружал храма в Пицунде⁵. В названной статье Ю. Кулаковский приходит к выводу, что храм для абазгов Юстиниан приказал воздвигнуть в Севастополе (Сухуми). Ю. Кулаковский исходит из того, что, во-первых, Юстиниан восстановил и благоустроил Севастополь, а не Питиунт (см. сочинение Прокопия «О постройках»), так что их храм он должен был соорудить здесь, а не где-либо в другом месте. Во-вторых, в списке епархий Константинопольского патриархата, относящемся к первой половине IX в., указывается, что «кафедра архиепископа Абазгии есть город Севастополь»⁶.

Однако приведенные Ю. Кулаковским доводы не могут быть признаны состоятельными. Прежде всего, Юстиниан воздвиг храм в Абазгии и направил туда священников, как сообщает Прокопий в «Войне с готами», «тогда же», когда он ввел там христианство, т. е. не позднее 40-х годов VI в.⁷ Уже в 547 г. («на 21-м году царствования Юстиниана» – Прокопий) послы готов-тетракситов просили у Юстиниана утвердить у них христианство так же, как и у абазгов.

¹ Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 53 (на груз. яз.).

² Вахушти, Описание, стр. 171 (на груз. яз.).

³ Материалы по археологии Кавказа, т. IV, Москва, 1894 г., стр. 67.

⁴ «Русские ведомости», вып. 4, СПб, 1891 г., стр. 36.

⁵ Археологические известия и заметки, № 2, Москва, 1897 г., стр. 34.

⁶ Археологические известия и заметки, № 2, Москва, 1897 г., стр. 36.

⁷ Сам Ю. Кулаковский считает, что храм для абазгов был построен в 548 г.

Что же касается благоустроительных мероприятий Юстиниана в Севастополе, то они могли быть осуществлены только после окончания 13-летней (542–555 гг.) упорной борьбы между Ираном и Византией на территории Лазики и Абхазии. Кроме того, нет никаких оснований обязательно увязывать друг с другом два разных факта – строительство храма для абазгов и благоустройство города Севастополя.

Что касается ссылки Ю. Кулаковского на список епархий Константинопольского патриархата, то и этот довод нельзя признать убедительным, поскольку обстановка в Абхазии в IX в. существенно изменилась в сравнении с VI столетием. Наличие резиденции абхазского архиепископа в Севастополе в начале IX в. никак не может служить аргументом в пользу положения о постройке Юстинианом храма для абазгов там же.

Решающим обстоятельством для опровержения мнения Ю. Кулаковского является то, что Севастополь, как выше было сказано, вопреки утверждению Ю. Кулаковского¹, находился не на территории Абазгии, а являлся «городом Апсолии»². Уже по одному этому Юстиниан не стал бы строить здесь храма для абазгов.

Однако доказательство того, что Юстиниан не строил храма в Севастополе, отнюдь не является признанием факта сооружения такого храма в Пицунде³.

Дело в том, что Пицунда, как отмечалось выше, была одним из наиболее ранних центров распространения христианства на Кавказе. Здесь помещалась епископская кафедра, а поэтому был, конечно, и свой храм, и, может быть, не один. Бичвинтская (пицундская) археологическая экспедиция. Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР обнаружила внутри пицундской цитадели остатки древнейшего храма, относящегося к еще доюстиниановскому времени. К середине VI в. может быть отнесен лишь второй, раскопанный экспедицией храм, сооружение которого, возможно, и связано со строительной деятельностью Юстиниана⁴.

¹ Там же. стр. 35.

² «Жизнь Грузии», под ред. С. Каухчишвили, стр. 235.

³ Против возможности построения Юстинианом храма в Пицунде выступил Л. М. Меликсет-Бек (см. его «Древнейшая Пицунда у Понта Эвксинского», Одесса, 1914 г.). Мнения, что этот храм был сооружен именно в Пицунде, а не в Севастополе, придерживается акад. К. Кекелидзе (см. его «Этюды из истории древнегруз. литературы», т. IV, стр. 302).

⁴ А. М. Апакидзе, Бичвинта, Результаты археолог. раскопок, 1952 г., Тезисы докладов, Тбилиси, 1952 г., стр. 33.

Не отрицая установленного археологами факта построения храма в Пицунде в период правления Юстиниана, мы тем не менее не можем утверждать, что это именно тот храм, о котором писал Прокопий. Более того, небезосновательно будет выдвинуть предположение – стал бы Юстиниан строить «для абазгов» там, где такие храмы уже издавна существовали? Думается, что нет. Юстиниан, надо полагать, повелел воздвигнуть храм там, где его еще не было и где для осуществления поставленной им цели он был наиболее необходим.

Таким местом, нам кажется, могла быть в VI в. только Анакопия – «наиболее значительное укрепление» абазгов¹.

Подтверждением этого положения может, в частности, служить следующее обстоятельство.

Как указывает Прокопий, построенный Юстинианом храм был посвящен богородице. В специальной литературе уже не раз отмечалось, что в Пицунде такого храма не было, зато в Анакопии издревле пользовалась известностью «святая» икона божьей матери. Еще грузинский историк XI в. Джуаншер подчеркивал, что в Анакопии есть «чудотворная... икона пресвятой богородицы»². Название города «Анакопия» увязывается также с абхазским словом «аныха» – «икона». Неслучайно, что соседнее с Новым Афоном абхазское село носит название «Анхуа» (Анухва). Возможно, что первый христианский храм в Анакопии был воздвигнут на месте древнего языческого капища, которое пользовалось популярностью среди абазгов.

Анакопия, как известно, в последующее время была столицей Абазгии (и Абхазии в целом) и вместе с тем одним из религиозных центров страны. Для нас, в частности, это обстоятельство имеет и то значение, что сектор Анакопия входил в состав того территориального ядра, вокруг которого происходил процесс формирования единой абхазской феодальной народности.

4. Взаимоотношения политических образований Абхазии с Лазским царством

Лазы, или эгрисцы (колхи античной эпохи), – непосредственные предки мегрело-чанской (занской) ветви грузинского народа, – издревле были ближайшими соседями абхазских племён – абазгов, апсиллов и других. Абхазы всегда поддерживали с лазами мно-

¹ Прокопий, *Война с готами*, стр. 401.

² «Жизнь Грузии», стр. 235.

госторонние связи, которые с течением времени систематически ширились и крепились. Связанные с лазами, как и с другими картвельскими племенами, узам этнического родства, предки абхазского народа жили с ними общей исторической жизнью, которая обуславливалась не только этническими связями и территориальным соседством, но и сходством форм общественно-экономической жизни, духовной и материальной культуры, совпадением внешне-политических интересов.

Как известно, в силу определенных исторических обстоятельств, еще за несколько столетий до нашей эры лазы (колхи) оказались наиболее развитыми в социальном и политическом отношении в сравнении с другими этническими образованиями Западной Грузии, как картвельского, так и некартвельского происхождения. Это привело вначале, в античную эпоху, к политическому объединению всей Западной Грузии под гегемонией эгрисцев-колхов на базе раннерабовладельческих отношений, а впоследствии, с IV в. н. э., – к новому объединению края под главенством потомков тех же колхов, которых теперь иностранцы именовали «лазами». Прокопий Кесарийский свидетельствует, что лазы – это те же колхи, «они только имя колхов переменили на имя лазов»¹.

Высокую характеристику современных ему лазов дал византийский историк второй половины VI в. Агафий. «Лазы, – пишет он, – народ очень многочисленный и воинственный, Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью (имеется в виду вассальная зависимость Лазики от Византии – З. А.), я не видел никакого другого столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благоприятностью и прямою нравов... В настоящее время колхи совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоды из торговли. Их, наконец, никак нельзя назвать варварами, и не так они живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку»².

Агафий, конечно, допускает явную натяжку, объясняя достоинства лазов результатом «общения с римлянами», однако в целом

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 376.

² Агафий, О царствовании Юстиниана, М.–Л., 1953 г., стр. 73.

такая характеристика лазов, данная византийским писателем, несомненно свидетельствует о высоком представлении, которое сложилось о лазском государстве у византийской общественности того времени.

Правильную оценку исторической роли Лазики в истории Западной Грузии и, в частности, в истории предков абхазского народа дал акад. С. Н. Джанашиа. В своей работе, «Происхождение Эгрисского царства» он пишет: «Эгриси и предшествующие ей политические образования представляли собой мост через который эта страна уже окончательно перешла от древнего мира к феодальному»¹. И действительно, в недрах Лазского (Эгрисского) царства и его ведущих составных частей полностью вызрели феодальные отношения и к VI веку стали господствующими общественными отношениями. Рабовладельческий и патриархально-общинный уклады отныне сравнительно быстро уступали свои позиции наступающему феодализму.

Однако утверждение феодализма в Лазике закономерно приводило к возникновению и развитию тенденции политической децентрализации страны, которая уже явно стала проявляться к V столетию. В первую очередь, разумеется, такую тенденцию проявляют самостоятельные этнические области, входившие в состав Лазского царства, в частности, – Абазгия, Апсилия и Мисиминия. Даже к VI веку, когда перед лицом возросшей иноземной опасности в Западной Грузии вновь проявляется стремление к укреплению единства, то это единство уже не являлось таким прочным, каким оно было в начальный период существования Лазского царства. Характеризуя внутреннее политическое положение Лазики в начале VI в акад. С. Джанашиа в своей работе «Феодальная революция в Грузии» писал: «В Западной Грузии... стремление к восстановлению единства, как видно, опять возобновилось и частично одержало победу. В этот период только апсилы и абазги имеют своих, зависимых от Византии, царей. В каких правовых отношениях находились эти цари от лазского царя, не совсем ясно. Сванетия же принадлежала к владениям лазского царя, но имела особого, назначенного лазским царем правителя (мтавара)... Ввиду отсутствия источников, остается невыясненным, мирным или немирным путем была осуществлена идея политического единства Западной Грузии»².

¹ С. Джанашиа, Труды, т. II, Тбилиси, 1952 г., стр 307.

² С. Джанашиа, Труды, т. 1, стр. 275.

Отдельные политические образования Абхазии находились в различных степенях зависимости от лазского царя. В VI в. наиболее тесно с Лазикой была связана Апсилия. С одной стороны, это объяснялось непосредственным соседством Лазики с Апсилией, что, несомненно, облегчало правящим кругам лазского общества поддерживать свое господство в этой стране. С другой стороны, Апсилия, в силу своего географического положения, занимала ключевые позиции на важнейших путях, соединяющих Западную Грузию с Северным Кавказом, – на Клухорском и Марухском, а это естественно, заставляло лазского царя принимать активные меры, направленные на укрепление вассальной зависимости апсильов.

В своей работе «Великая Абхазская стена» М. М. Иващенко высказал даже предположение, что Апсилия составляла с Лазикой одно «государственное целое»¹. Такое предположение вряд ли может быть подтверждено. Византийские историки того времени четко различают друг от друга Апсилию и Лазику. Повествуя о замыслах иранцев овладеть Апсилией, Прокопий Кесарийский пишет: «Мидяне стали подумывать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсилии»². Такое разграничение позволяет думать, что Лазика и Апсилия не составляли, строго говоря, единого государственного целого.

Однако, с другой стороны, тот же Прокопий сообщает, что «апсилы издревле являются подданными лазов»³. Апсилия, как и другие этнополитические области, входившие в состав Лазского царства, пользовалась, надо полагать, определенными автономными правами. На это в известной степени указывает то обстоятельство, что во главе местных крепостей стояли апсилы; в частности, апсильом по национальности был, как свидетельствует Прокопий, начальник «в высшей степени укрепленной крепости» Тзибил (Цебельда).

Зависимость Апсилии от Лазики выливалась в форму сюзеренно-вассальных отношений, вряд ли существенно отличавшихся от тех отношений, которые сложились между Лазикой и Сванетией. По сообщению Менандра (VI в.) сваны выплачивали лазскому царю определенные натуральные подати (мед, шерсть, кожи и др.), должны были нести военную повинность и, кроме того, правители Сванетии получали регалии своей власти от лаз-

¹ Иващенко, цит. соч., стр. 85.

² Прокопий, цит. соч., стр. 403.

³ Там же, стр. 382.

ского царя¹. Еще раньше Прокопий Кесарийский писал: «За Лазикой лежат области Скимния и Свания. Живущие здесь племена являются подчиненными лазам. Они управляются начальниками из числа местных жителей. После смерти этих начальников, по обычаю, раз навсегда установленному, царь лазов ставит над ними другого, взамен умершего»².

Лазский царь, в свою очередь, должен был оказывать, в случае необходимости, военную помощь своим вассалам. Невыполнение этого важного пункта могло послужить поводом к официальному отпадению вассала. Во время восстания апсиллов против персидских захватчиков (середина VI в.), как сообщает Прокопий, «апсиллы отпали от колхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подверглись насилию со стороны персов»³. Только лишь с помощью византийцев, отнюдь не заинтересованных во внутренних распрях в Лазике в разгар военных действий против персов, удалось успокоить апсиллов и «вновь сделать подданными лазов»⁴.

Однако действительную причину отпадения апсиллов от Лазики, в данном случае, следует усматривать не в том, что в трудный момент лазы не оказали им помощи. Лазы не могли этого сделать при всем желании, так как именно в это время объединенные византийско-лазские войска осаждали Петру, испытывая большие трудности⁵, чего, конечно, не могли не знать правящие круги Аписилии.

Основную причину отпадения апсиллов надо видеть в феодально-партикуляристских тенденциях нарождающейся апсильской феодальной знати. В этом отношении небезынтересны обстоятельства, при которых персам удалось овладеть Аписилией и, в частности, захватить Тзибил. Прокопий рассказывает, что один из высших государственных чиновников «магистр» Лазики, по имени Тердет, поссорившись с царем Губазом, перешел на сторону иранцев и решил передать им Аписилию. Усыпив, якобы, бдительность апсильских старшин, он прошел вглубь Аписилии, занял Тзибил и ввел туда иранский гарнизон⁶.

¹ См. С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 314–315.

² Прокопий, Война с готами, стр. 379.

³ Там же, стр. 403.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Сомнительно, однако, чтобы Тердету удалось так легко провести через всю Апсилию вражеские войска, если бы он не пользовался поддержкой со стороны отдельных кругов апсилийской знати. Вернее предположить, что Тердет уже заранее имел договоренность с этими кругами, придерживавшимися сепаратистской политики. На это указывает и последующее отпадение апсильов от Лазики, хотя в целом в период ирано-византийских войн Апсилия продолжала оставаться вассальным владением Лазики.

Несколько иначе сложились взаимоотношения между Лазикой и Абазгией. Стремление выделиться из Лазики в самостоятельное политическое образование в Абазгии проявляется значительно раньше и в большей степени. Еще в период вхождения в состав Лазского царства абазги, как видно, пользовались большими автономными правами, нежели другие этнические области Абхазии. По свидетельству историков, абазги всегда имели внутреннее самоуправление.

Прокопий сообщает: «Абазги издревле были подданными лазов, начальниками же искони веков они имели двух из своих соплеменников; один из них властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную»¹. Надо думать, что подобное административное разделение Абазгии на две части, помимо внутренних причин, отвечало интересам лазских правящих кругов с точки зрения укрепления их господства в Абазгии.

Однако с конца V в. абазги начинают проявлять активное стремление к независимости от лазов². Это объяснялось, прежде всего, успехами феодализации страны, закономерно стимулирующей рост тенденций к политической децентрализации. Но, кроме этого, большую подстрекательную роль в этом сыграла Византия, заинтересованная в том, чтобы поставить Абазгию в непосредственную зависимость от себя. Это ей было необходимо с целью укрепления своих политических позиций на Кавказе и, в частности, для оказания дополнительного давления на Лазику, позиция которой в назревшей политической ситуации (обострение отношений с Ираном) получила весьма важное значение. Акад. С. Джанашиа считал, что уже в начале 20-х гг. VI в. византийцы сумели «в известном отношении добиться выключения Абазгского района из политической системы Эгрисского царства»³.

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 382.

² С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, т. I, стр. 66.

³ Там же, стр. 68.

Тем не менее какая-то доля зависимости Абазгии от Лазики, в значительной степени формальной, еще до некоторого времени оставалась. Неслучайно, нам кажется, Прокопий Кесарийский среди городов и крепостей Лазики называет не только Севастополь, приморский город Апсилии, но и крепость Питиунт, расположенную уже на абазгском побережье¹. Полной независимости от Лазики абазги, надо полагать, добились уже после того, как они изгнали своих прежних правителей («басилевсов») и «стали жить свободно»².

После подавления антивизантийского восстания абазгов в 550 г. уже прочно утверждается их непосредственная зависимость от Византийской империи, и господство Лазики на территории нынешней Абхазии ограничивается на севере районом Апсилии, границы которой на побережье доходили, как было показано, приблизительно до Анакопийского сектора.

В вассальной зависимости от лазов находились также и мисимияне. Агафий свидетельствует, что «они были подданными царя колхов, так же как и апсильицы»³. Несомненно, что и мисимияне пользовались определенным самоуправлением. Подобно апсилам, мисимияне считали себя вправе порвать с лазским царем, если его политика противоречила интересам верхушечных слоев мисимийского общества. Когда, например, представитель византийского императора Соттерих замыслил передать мисимийскую крепость Бухлоон аланам (надо полагать, не без ведома лазского царя Цате), то мисимияне направили к Соттериху послов с требованием отказать от своего намерения. Возмущенный Соттерих приказал избить послов, заявив при этом, что «нельзя позволять подданным колхов, которые повинуются римлянам, так неистовствовать против римлян»⁴.

Эти события в конечном итоге послужили поводом к массовому восстанию мисимийцев против византийских захватчиков, несмотря на то, что Лазика – союзерен Мисиминии – находилась в тот момент в военном союзе с Византией, и даже привели к отпадению Мисиминии от Лазики.

Что касается санигов, то они, по свидетельству Прокопия «не являлись подданными ни римского императора, ни царя лазов»⁵.

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 72.

² Там же, стр. 383.

³ Агафий, О царствовании Юстиниана, стр. 87.

⁴ Там же.

⁵ Прокопий, цит. соч., стр. 383.

Но то обстоятельство, что санигам, как христианам, лазские епископы назначили священников, указывает на определенную зависимость известной части санигов (очевидно, тех, которые обитали в непосредственном соседстве с абазгами) от Лазского государства.

5. Северо-кавказские соседи абхазов

Перечисляя народности и племена, обитавшие по соседству с Абхазией, Прокопий Кесарийский пишет: «За пределами абасгов, у самого Кавказа, живут брухи, находясь между абасгами и аланами. По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи... За ними живут саниги»¹.

Что касается последних (сагинов, или санигов), то о них речь шла выше (см. § 1). По нашему мнению, это – этническая единица, родственная абазгам, апсилам и другим абхазским племенам. Впоследствии они выступают под именем «садзов», а позднее, как видно, часть их была ассимилирована убыхами.

Этническая принадлежность приморских «зехов» не может пока еще поддаться точному определению. Есть основание считать, что под этим именем в раннефеодальную эпоху выступают не только адыгские (черкесские) племена, но и этническая группа, состоящая в ближайшем родстве с абхазами. Здесь уместно отметить, что адыги и до сих пор называют абхазов именем «а-зеха». В этой связи следует указать также, что так называемые готы-тетракситы считали абазгов «своими ближайшими» соседями². В частности, населенный пункт Анапа, бывший в VI в. резиденцией одного из готских князей, «именем своим, вероятно, обязан абхазам»³. Но известно, что готские владения не имели непосредственной границы с Абазгией, территория которой на северо-западе доходила, как выше было показано, только до р. Бзыбь. Поэтому положение о «ближайшем» соседстве готов с абазгами может понято как соседство с населением, родственным абазгам.

Еще более неясен этнический облик упомянутых Прокопием брухов. По-видимому, это племя проживало в верховьях большой Лабы и Мзымты в соответствующей полосе Главного Кавказского

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 383.

² Ф. Брун, Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южн. России, Сб. «Черноморье», т. 2, 1883 г., стр. 209.

³ Там же.

хребта. Возможно, что брухи имели какое-то отношение к предкам убыхов, впоследствии спустившимся по р. Мзымте к Черноморскому побережью в районе Хоста – Сочи. Неслучайно, нам кажется, одно из убыхских племен впоследствии носило название «аланов», с которыми брухи соседнили в раннесредневековую эпоху.

Одной из крупнейших этнических общностей, соседствующих с Абхазией (с северо-востока), было аланское племенное объединение. Аланами была заселена, в частности, территория нынешней Карачаево-Черкесской автономной области, о чем свидетельствуют как древнейшие топонимические данные этого района, так и вся история алано-абхазских взаимоотношений в раннефеодальную эпоху (да и позднее). Уже в VI–VII вв, как свидетельствуют различные источники той эпохи, Клухорский и Марухский перевальные пути связывали Абхазию именно с аланской территорией. По этим путям осуществлялись оживленные связи экономического и политического характера, о чем речь будет вестись ниже.

В VI столетии на территории Северного Кавказа значительную роль играли племенные союзы тюркского происхождения, которые в византийских источниках того времени фигурируют под названием гуннов-утигуров и гуннов-савиров. Прокопий сообщает, что «за сагинами осели многие племена гуннов»¹. Они занимали, по-видимому, северо-западную часть степей нынешнего Краснодарского края и бассейн среднего и нижнего течения Кубани, непосредственно соседствуя с адыгскими племенами. Местом расселения гуннов-утигуров Прокопий считает область между Кубанью, Меотидой (Азовское море) и Танаисом (р. Дон)². Возможно, что гунны-утигуры это те же прикубанские болгары, под каковым именем они фигурируют в некоторых источниках VII века.

Гунны-савиры, по Прокопию, обитали «у Кавказского хребта». «Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на множество самостоятельных колен»³.

В качестве военных наемников в период ирано-византийской войны гунны-савиры не раз бывали на территории Абхазии. Агафий дает им следующую, далеко нелестную характеристику: «Этот народ, и величайший, и многочисленный весьма жаден и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу,

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 384.

² Там же.

³ Там же, стр. 117.

присоединяясь в качестве участника войны и опасности то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим»¹. Это сообщение Агафия свидетельствует, что гунны-савиры находились еще на стадии «варварского строя», для которого военное наемничество и война с целью грабежа являются весьма характерным явлением.

О связях абазгов с гуннами свидетельствует хотя бы тот факт, что после подавления восстания абазгов против Византии в 550 г. правитель Восточной Абазгии Опсит «удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта»².

Определенные связи, надо полагать, поддерживали абазги и с упомянутыми выше готами-тетракситами, которые проживали в районе Керченского пролива³. Небезынтересно отметить, что готы принимают христианство под влиянием распространения этой религии среди абазгов. В 547 году готы направили к императору Юстиниану четырех послов с просьбой прислать им епископа. «Они узнали, по их словам, что и абазгам император прислал священника»⁴.

Следует, однако, отметить, что перечисленные выше «народности», за исключением причерноморских зехов и, возможно, некоторой части алан, не сыграли сколько-нибудь заметной роли в этнических судьбах абхазского народа. Что касается брухов, если они действительно являлись предками позднейших убыхов, то можно сказать, что впоследствии они ассимилировали определенную часть абхазов Причерноморья (в частности, некоторое число садзов). Не исключено также, что некоторые брухские элементы, в свою очередь, были ассимилированы абхазами.

¹ Агафий, стр. 402.

² Прокопий, Война с готами, стр. 400.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 384.

ГЛАВА II

СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА ГРУЗИН И АБХАЗОВ ПРОТИВ ИРАНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В VI ВЕКЕ

I. Ирано-византийские противоречия и Лазское царство

Почти в течение всего VI века сасанидский Иран и Византия вели между собой упорные войны, стремясь пробиться к Средиземному и Черному морям, полностью подчинить себе караванные пути и транзитную торговлю стран Средиземноморья с Китаем и Индией. Борьба между обеими державами шла также и за обладание стратегически важным Армянским нагорьем¹.

Одним из главных плацдармов, на котором велись военные действия, было Западное Закавказье и, в частности, Лазское царство, не исключая входившей в ее состав территории Абхазии. Борьба за обладание этим районом приняла особенно ожесточенный характер и имела весьма отрицательные последствия для местного населения.

VI век являлся одним из бурных периодов в истории Византии. В это столетие завершился в основном сложный процесс превращения византийского общества из рабовладельческого в раннефеодальное. Однако старая рабовладельческая знать, заправлявшая судьбами Восточно-Римской империи, не сдавала своих позиций и стремилась во что бы то ни стало отстоять их.

«Реакционная роль рабовладельческого государства, пытавшегося сохранить систему рабовладельческих отношений, наиболее ярко проявилась в правление императора Юстиниана (527–565 гг.), выдающегося государственного деятеля и умного политика, сочетавшего в себе неутомимую энергию, образованность и широту взглядов с беспощадной жестокостью и коварством»².

Одним из проявлений реакционной политики византийской рабовладельческой аристократии являлось ее стремление до-

¹ Всемирная история, т. 3, Москва, 1957 г., стр. 99.

² Там же, стр. 87.

стичь мирового господства, подчинить своей власти возможно больше стран и народов. В этом ей помогли и представители нарождающейся феодальной знати, стремившейся заполучить новые земли в завоеванных странах. Широкие завоевания, следовательно, должны были до известной степени смягчить остроту противоречий между отжившим свой век рабовладельческим строем и новыми феодальными отношениями. В результате всего этого «византинизм в VI в. стремится к универсальной империи и задается целью восстановить римскую империю в ее прежних границах»¹.

Совершенно естественно, что в агрессивных замыслах юстиниановской Византии Кавказ и, в первую очередь, Грузия должны были занять важное место. Проф. Ф. И. Успенский справедливо отмечал, что в правящих кругах Византии «Обладание этой страной [Лазикой – З. А.] рассматривалось как средство политического и экономического влияния на Кавказе и по Черноморскому побережью. Кроме того, как лазы, так и иверы были естественными стражами проходов через Кавказский хребет и с этой точки зрения ценными союзниками для той империи, политическое влияние которой в данное время имело перевес»².

В целях осуществления своих планов Византийская империя активизирует свою экспансию на Кавказе, используя для этого все средства – дипломатию, религию, экономическое воздействие и прямую вооруженную интервенцию.

Однако эта экспансия вызывает энергичную реакцию со стороны сасанидского Ирана, представлявшего собой крупнейшее государство Передней Азии. «Обеспокоенная политической и экономической активностью на международном поприще, а в особенности на Востоке, Иранская империя мобилизует свои физические и моральные средства для оказания эффективного сопротивления стремлениям Византии, глубоко затрагивающим жизненные интересы Ирана. С другой стороны, Иранская империя предъявляет известные претензии в качестве соперницы Византии в деле установления всемирного господства»³.

¹ Ф. Успенский, История Византийской империи, т. 1, Спб., 1914 г., стр. 425.

² Там же, стр. 492.

³ Г. Гозалишвили, Борьба между Византией и Ираном из-за Иверии-Лазики VI в., «Труды Тбил. гос. универс. им. Сталина», т. XXVI, серия В, 1944 г., стр. 152 (на груз. яз.).

Одной из непосредственных причин, побудивших персов начать борьбу за овладение Западной Грузией, было стремление добиться возможности напускать, при желании, многочисленные «варварские» племена Предкавказья и степей юго-восточной Европы на крымские и мало-азийские владения Византии. Кроме того, по сообщению Прокопия, иранский царь Хосров I Аношарван (531–579) говорил, якобы, что «и персам, если они завладеют Лазикой, возможно будет без большого труда, всякий раз, как они это пожелают, идти прямо на Византию, нигде не переправляясь через море, как это постоянно делают и другие варварские племена, которые живут там»¹. Один из важных путей, по которому можно было осуществлять намерение персов организовывать нападения «варваров» на Византию, проходил через территорию Абхазии, как по ее побережью, так и через Клухорский и Марухский перевалы.

На первом этапе борьбы воюющие стороны стали укреплять свое положение в Закавказье. Сасанидский Иран, который к началу VI века упрочил свои позиции в Восточной Грузии (Иберии), осуществляет ряд действенных мероприятий, чтобы обосноваться здесь еще основательнее. В частности, в 523 г. персы официально упраздняют в Иберии царскую власть и изгоняют из страны царя Гургена.

С другой стороны, не дремала и Византия, которая также предпринимает меры с целью укрепить свое положение в Лазике. Нельзя считать случайным совпадением, что в том же 523 г., по настоянию Византии, лазский царь Цате объявляет христианство государственной религией в своих владениях.

Что касается местных народов – грузин, армян, абхазов и др., то им были одинаково чужды захватнические цели обеих мировых империй, и в разгоравшейся между ними борьбе они стремились защищать лишь свои собственные национальные интересы, отстаивать свободу и независимость своей родины... Характерно в этом отношении заявление лазов византийским военачальникам перед началом одного из решающих боев с персами. Как рассказывает Прокопий, «лазы не пожелали стоять с римлянами в одних рядах, выставляя на вид, что римляне вступают в сражение и подвергаются такой опасности не во имя спасения своей родины или своих близких; для них же, лазов, этот бой – защита от опасности их детей, жен и отчих земель»².

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 395.

² Прокопий, там же.

2. Ирано-византийская война на территории Западной Грузии и борьба лазов за свою независимость

Рост противоречий между Византией и Ираном, в которые все более втягивалась Грузия, ставил Лазику и ее вассальные владения перед необходимостью выбора политической ориентации. Поскольку Лазика непосредственно граничила с Византией и издавна поддерживала с нею разносторонние связи (помимо того, что находилась в вассальной зависимости от этого государства), то, естественно, имелось гораздо больше факторов, толкавших ее к сближению с Византией, а не с Ираном. Важное значение имело то обстоятельство, что и в Византии и в Грузии, в частности, в Лазике, в VI в. побеждали феодальные отношения. Между этими двумя «социально-родственными силами должен был установиться контакт и соглашение было заключено»¹.

В 523 г., как было отмечено, лазский царь Цате принимает христианство. Этот акт выражал заключение военно-политического союза между Византией и Лазикой в предстоящей ирано-византийской войне. Неслучайно он вызвал энергичные протесты персов.

В том же году персы, под предлогом преследования бежавшего в Западную Грузию картлийского царя Гургена, вступили в Лазику и захватили ее пограничные крепости Сканду и Шоропани. Свою интервенцию они мотивировали тем, что лазы якобы «издревле были подданными персов».

Военные действия между персами и византийцами на первых порах развивались вяло, но в 528 г. персидские войска вторглись вглубь Лазики. Тогда Юстиниан направил в Лазику вспомогательные войска под командованием известного византийского полководца Велизария. Византийцы в союзе с лазами нанесли персам поражение, и те были вынуждены отступить. В 532 г. воюющие стороны заключили между собой «вечный мир», по которому была восстановлена «независимость» Лазики под сюзеренитетом Византии, а Восточная Грузия осталась за Ираном.

Однако «вечный мир» несколько не разрешил ирано-византийских противоречий. Наоборот, обе стороны рассматривали этот «мир» как временную передышку и энергично готовились к продолжению борьбы. Византия за это время осуществила на территории Лазики ряд важных стратегических мероприятий.

¹ С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, стр. 82.

На черноморском берегу была воздвигнута мощная крепость Петра (ныне Цихидзири), а на территории Абхазии началось строительство грандиозного оборонительного сооружения от устья Келасури до устья Ингури, остатки которого известны ныне под названием Келасурской, или Великой Абхазской стены (“klisuris zRude”, по древнегрузинским источникам)¹. Иранцы в свою очередь никак не хотели примириться с упрочением византийской власти в Лазике, продолжали накапливать военные силы на территории Восточной Грузии.

Отныне главным объектом предстоящей борьбы между обеими великими державами становилась непосредственно Лазика. Проф. Г. Гозалишвили справедливо указывает, что «после 532 г. война между Ираном и Византией должна считаться периодом борьбы за Лазик»². И действительно, как отметил впоследствии историк Агафий, лазы «явились предметом спора в наше время, и большая часть борьбы произошла именно из-за их страны»³.

Война между Ираном и Византией возобновилась спустя десять лет. В 542 г. лазский царь Губаз, под давлением местной общности, возмущенной хозяйничаньем византийцев в Лазике, отказался от союза с Византией, вступил с ней в борьбу и призвал на поддержку персов. Иранский шах Хосров лично возглавил новую экспедицию персов в Лазик. После длительной осады персы захватили крепость Петру.

Однако иранские захватчики оказались ничуть не лучше византийских. Вскоре же стало проявляться их стремление полностью поработить Лазик. Когда же персы столкнулись с систематически возрастающим сопротивлением лазов, то они стали подвергать их жестоким репрессиям, а в 548 г. организовали заговор с целью уничтожить царя Губаза. Когда об этом стало известно правящим кругам Лазики, то они принимают решение порвать с персами и вновь заключить союз с Византией, что и было осуществлено в 549 г. В Лазик вступило семитысячное соединение византийцев, подкрепленное тысячным отрядом чанов (родственное лазам племя, обитало в северо-вост. районах М. Азии). Вскоре Лазика⁴ была в

¹ История Грузии, ч. I., под ред. Н. А. Бердзенишвили, Тбилиси, 1958 г., стр. 100 (на груз. яз.).

² Г. Гозалишвили, там же, стр. 122.

³ «Георгика», т. III, стр. 28.

⁴ Прокопий, Война римлян с персами, СПб., кн. II, 1880 г., стр. 219–220.

основном очищена от иранских войск. Лишь в Петре укрепился персидский отряд, который был осажден византийцами, чанами и лазами.

Переход лазов на сторону то одной, то другой из воюющих держав, систематическое лавирование между обеими противниками были продиктованы той специфической обстановкой, в которой они оказались в период ирано-византийской войны. Не будучи в силах полностью изгнать могущественных противников из своей страны, как лазы, так и другие народности, входившие в состав Лазики (в том числе и абхазы), стремились, как отмечалось выше, использовать все возможности, чтобы максимально отстоять свою родину. Примечательно в этой связи объяснение Прокопия мотива перехода лазов на сторону персов: «Большинство их склонялось на сторону мидян не потому, что они были восхищены персами, но потому, что они стремились при их содействии избавиться от власти римлян»¹.

Касаясь причин этого явления, проф. Г. Гозалишвили в цитированной выше работе пишет: «В целях пресечения участвовавших восстаний и беспрекословного подчинения имперской власти, каждая империя стремится ликвидировать все признаки самостоятельности подвассальной ей страны и превратить ее в простую провинцию. Эта тенденция к замене дружбы и вассальных отношений между великими и малыми странами полным подчинением последних ярко сказывается в эту эпоху в действиях обеих империй, что не сразу разгадывается малыми странами, и, в поисках прежних союзных или вассальных отношений, они бросаются в объятия то одного, то другого врага. Этим и объясняются те колебания во внешней ориентации, которые так характерны в VI в. для Лазики»².

В 550 г. Хосров направил в Лазику «большое полчище персидского войска» под командованием опытного военачальника Хориана. «За ним в качестве союзников следовало много варваров из племени аланов»³. В области Мохерисис (между р. Цхенис-цкали и Риони) между персами, с одной стороны, и византийцами и лазами, во главе которых стояли византийский полководец Дагисфей и царь Губаз, с другой стороны, произошло решительное сражение. Персы были разбиты, а сам Хориан погиб в этом бою. Иранское

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 427.

² Г. Гозалишвили, цит. соч., стр. 158.

³ Прокопий, там же, стр. 375.

войско, подкрепив гарнизон, занимавший Петру, людьми и продовольствием, удалилось в Восточную Грузию¹. Но вскоре византийцы захватили Петру и разрушили ее до основания. В этот же период персы предпринимали попытки утвердиться в Абазгии и Апсилии, но неудачно (см. ниже).

Спустя два года, в Лазику вторглось новое персидское войско под командованием Мермероеса. Вначале персы вновь попытались прорваться в Абхазию, обойдя объединенное лазско-византийское войско, которое расположилось у устья р. Фазис (у слияния Квирилы с Риони). Однако это им не удалось осуществить, поскольку они были задержаны в районе Цебельды и оказались вынужденными возвратиться во внутренние области Лазики². Здесь Мермероес осадил столицу Лазики Археополис, но, не сумев захватить его, укрепился в Кутаиси, отрезав от лазов Сванетию³.

Относительные успехи иранских войск объяснялись бездеятельностью, а то и прямой изменой римских военачальников, в частности Бесса. Царь Губаз вёл против них посильную борьбу и докладывал обо всем Юстиниану. В отместку за это византийские агенты организовали в 553 г. убийство Губаза, которое вызвало массовое возмущение в Лазики. Значительная часть лазов высказалась за то, чтобы снова отложиться от Византии и перейти на сторону Ирана, однако большинство лазов не согласилось с этим предложением.

Весьма разумно обосновал мнение большинства один из его представителей по имени Фартаз, пользовавшийся большим авторитетом среди лазов. Как сообщает Агафий, в своем выступлении на народном собрании, на котором решался вопрос о политической ориентации, Фартаз заявил, что византийцы уже тем ближе к лазам, что они христиане, а персы могут попытаться заставить лазов склониться принять их религию, «ибо никогда не может быть прочного товарищества между теми, которые придерживаются разных религиозных вероисповеданий». В ту эпоху данное обстоятельство действительно имело существенное значение.

Вместе с тем Фартаз указал и на то обстоятельство, что «персы находятся вдали, в Иверии», а византийцы «занимают всю нашу страну, обитают в наших городах... и притом настолько многочисленные и сильные, имеющие виднейших вождей»⁴.

¹ Там же, стр. 399.

² Прокопий, Война с готами, стр. 433.

³ Там же.

⁴ Агафий, цит. соч., стр. 81–85.

Смысл речи Фартаза, трезво разбирающегося в сложной политической обстановке, сводился к тому, что из двух зол надо выбирать наименьшее. И действительно, в тех исторических условиях ни Лазика, ни тем более Абазгия, Апсилия или Мисиминия не могли рассчитывать на полную независимость и должны были обязательно опереться на одно из соперничавших государств – Византию или Иран. Из них же, как отмечалось, гораздо ближе к народам Западной Грузии по культуре, религии, политическим и экономическим связям и т. д. стояла Византия, которая, вместе с тем, обладала в тот момент явным военным преимуществом, в силу чего переход лазов на сторону персов мог повлечь за собой весьма опасные для нее последствия.

Лазы потребовали у византийского правительства наказать виновников гибели Губаза и утвердить царем Лазики его брата Цате. Византийцы, опасаясь окончательно восстановить против себя население Лазики, были вынуждены не медля согласиться на эти условия¹.

После этого положение иранских войск в Лазике стало резко ухудшаться. Потерпев в 554 г. ряд поражений от объединенных византийско-лазских войск, персы были вынуждены окончательно покинуть Лазику.

Мирный договор между Византией и Ираном был заключен лишь в 562 г. Хосрову пришлось отказаться от своих притязаний на Лазику и ограничиться получением большой денежной субсидии. Иранские войска закрепились лишь в Сванетии, но в 575 г. они были изгнаны и оттуда.

Что касается Абхазии, то для нее эта война «имела те же результаты, что и для Эгриси»². По-видимому, персы безоговорочно признали ее за Византией. Во всяком случае при заключении мирного договора они много спорили из-за Сванетии, но ни словом не обмолвились об Абхазии.

Однако эта «нескончаемая война из-за Лазики и преобладания на Кавказе поглотила у империи массу сил и средств»³. Вследствие, главным образом, сопротивления местных народов Византия так и не сумела осуществить свою конечную цель – превратить Западное Закавказье в рядовую имперскую провинцию.

¹ История Грузии, 1958 г., стр. 102.

² С. Джанашиа, цит. соч., стр. 216.

³ Левченко, История Византии, Краткий очерк, Москва, 1940 г., стр., 83.

Решающую роль в этом сыграли лазы, принявшие на себя основную тяжесть борьбы против ирано-византийских захватчиков. Но не малый вклад в общее дело борьбы с иноземными оккупантами внесли и предки абхазского народа – абазги, апсилы и мисимийцы.

3. Борьба населения Абхазии против византийских захватчиков

В условиях нарастания ирано-византийских противоречий политические интересы византийцев в Абхазии, в частности в Абазгии, приобретали особенное значение. По мере того, как византийские правящие круги настойчиво осуществляли отпадение Абазгии от Лазского царства, они в то же время стремились максимально притеснить внутреннее самоуправление абазгов вплоть до его полного упразднения¹.

Этой же цели основательного утверждения византийцев в Абазгии служило, как уже отмечалось выше, и введение там христианства в качестве официальной религии. Причем, как видно, христианство вводилось в Абазгии не только мирными средствами. Антиохийский патриарх Макарий (XVII в.) передает следующее, заслуживающее внимания, сообщение историка Евагрия: «До принятия абхазами христианства римские императоры убивали всех преступников у них, но после этого события Юстиниан дал им слово, что никого у них не будет подвергать смертному наказанию»². Это сообщение наводит на мысль, что византийцы подвергали суровым репрессиям тех абазгов, которые были против них настроены.

Вместе с тем Юстиниан прибегал и к более «мирным» средствам привлечения на свою сторону абазгов. По свидетельству того же Евагрия, «при дворе этого императора жил какой-то абхазец по имени Ефрата, которого Юстиниан послал в Абхазию собрать несколько детей и привезти их в Константинополь, где названный император устроил школу для обучения их грамоте и разным наукам. Из этих же абхазов состояла и внутренняя стража Юстиниана»³. Разумеется, что в названной школе, по замыслу Юстиниана, учеников-абазгов должны были воспитывать в духе

¹ С. Джанашиа, цит. соч., стр. 70.

² Г. Жузе, Грузия XVII стол. в изображении антиох. Патриарха Макария, Баку, 1927 г., стр. 110–111.

³ Там же.

преданности византийскому престолу с целью превращения их затем в проводников византийской политики в Абхазии. Одним из таких агентов Византии был и упомянутый Ефрата, которого, как это явствует из сообщения Прокопия Кесарийского, Юстиниан направил в Абхазию с целью восстановить оппозиционные круги абазгов против их «царей» под предлогом борьбы с практикуемым последними кастрированием юношей¹.

Выше уже отмечалось также, что византийцы активно вмешивались во внутреннюю социальную борьбу в Абазгии и помогли недовольным (феодалным) элементам свергнуть деспотическое правление абазгских «царей». Это, разумеется, было сделано не для того, чтобы поставить во главе Абазгии новую социальную силу из местного общества, а преследовало все ту же цель утверждения византийского господства.

Византийское правительство наводняло Абазгию своими агентами. Прокопий сообщает, что в Абазгии появились «римские воины, посланные императором и уже давно расселившиеся среди них во многих пунктах». Эти «воины» стали вводить в Абазгии «новые порядки» и «вскоре сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи»².

Как и следовало ожидать, «в виду такого насильственного проявления власти абасги пришли в негодование». Недовольство, разумеется, охватило и местные феодальные круги, которые вначале использовали Византию в своих классовых интересах, но теперь уже не желали уступить ей добытые ими политические привилегии.

Народные массы, чтобы «не стать рабами римлян», решились на вооруженное восстание против Византии, в результате которого захватчики были изгнаны из страны (550 г.).

Антивизантийскую борьбу народа возглавили феодальные элементы, которые выдвинули из своей среды двух новых правителей – Скепарну в Западной Абазгии и Опсита в Восточной Абазгии³.

Восставшие абазги, не сомневаясь, что Византия предпримет все меры, дабы восстановить свое влияние в стране, решили призвать на помощь персов. С этой целью правитель Западной Абазгии Скепарна отправился к персидскому шаху Хосрову, но прибывшее в Абхазию персидское войско никакой реальной помощи абазгам оказать не смогло и покинуло страну (см. ниже).

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 383.

² Прокопий, Война с готами, стр. 400.

³ Там же.

Когда Юстиниан узнал о переходе абазгов на сторону персов, он приказал командующему вооруженными силами Византии в Лазике Бессу направить карательные войска в Абазгию. Во исполнение этого приказа, как сообщает Прокопий, «отобрав из римского войска очень многих и поставив над ними начальниками Улигага и Иоанна..., Бесс тотчас отправил их на кораблях в область абасгов»¹.

Поскольку Скепарна в это время находился у шаха, то руководство борьбой абазгов против византийских захватчиков взял на себя Опсит, который, «узнав о походе римлян, собрал всех абасгов и со всем рвением стал готовиться к войне с ними»².

Основным опорным пунктом своего сопротивления абазги избрали Трахею, считавшуюся у них наиболее укрепленным местом, где им «всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могли преодолеть неприступность этого места»³.

Направившееся на кораблях в Абазгию византийское войско «пристало к берегу между пределами абасгов и апсиллов; высадив войско на сушу, Иоанн и Улигаг двинулись пешим строем, а моряки на легких судах всем флотом следовали за воинами вдоль берега»⁴. По сообщению Прокопия, имелся только один узкий проход, ведущий в Трахею, по которому «людям нельзя идти даже по двое в ряд».

Когда же византийцы «подошли очень близко к Трахее и увидели над собой вооруженных и в боевом порядке абасгов стоявших над этой тропой... вдоль всего обрыва, они остановились в большом недоумении, не зная, как им выйти из настоящего положения. Наконец, Иоанн, глубоко поразмыслив, нашел средство выйти из этого бедственного положения следующим образом. Оставив тут Улигага с половиной войска, он сам с остальными вновь сел на корабли. На веслах они обогнули то место, где Трахея подходит к берегу и тем самым оказались в тылу у неприятелей. Подняв знамена, они пошли на врагов.

Абасги, увидя врагов, наседающих на них с двух сторон, уже не стали смотреть на возможность защищаться и не сохраняли своего боевого строя, но в полном беспорядке обратились в бегство и стали отступать от этого места все дальше и дальше. Страх, а поэтому и растерянность так сковали их, что они не могли сообразить

¹ Там же, стр. 400-401.

² Там же, стр. 404.

³ Там же.

⁴ Прокопий, Война с готами стр. 404.

ни о выгоде для них их родных гористых местностей, ни того, что они могли здесь легко пройти. Преследуя их с двух сторон, римляне захватили и убили очень многих из них. Вместе с бегущими они бегом дошли до их укрепления и нашли ворота еще открытыми. Сторожа не решались заложить ворота, принимая еще своих убежавших сюда. И вот, преследующие смешались с бегущими, ворвались в ворота, одни, гонимые жаждой спасения, другие, стремясь захватить укрепление. Найдя ворота открытыми, они все вместе устремились в них. Сторожа у ворот не могли ни отделить абасгов от неприятеля, ни закрыть ворота, так как толпа давила на них. Таким образом, абасги, с радостью очутившиеся внутри своих стен, оказались взятыми в плен вместе со своим укреплением.

Но и римляне, полагавшие, что они победили врагов, оказались здесь перед еще большей трудностью. Так как дома абасгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеной, то абасги, взойдя на них, защищались изо всех сил, поражая врагов в голову, охваченные, с одной стороны, опасением и страхом перед римлянами, а с другой – жалостью к своим женам и детям и чувством безвыходности своего положения, пока римляне не додумались поджечь дома. И вот, положив огонь со всех сторон, они, наконец, одержали победу.

Правитель абасгов Опсит сумел бежать с небольшим отрядом отделившихся к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта. Остальным выпало на долю или вместе с горевшими домами обратиться в пепел, или попасть в руки неприятелей. Римляне взяли в плен жён начальников вместе со всем их потомством; стены укрепления они разрушили до основания и всю страну жестоко опустошили. Так окончилась попытка абасгов отпасть»¹.

Приведенный выше подробный рассказ Прокопия Кесарийского о взятии византийцами Трахеи и жестокой расправе над отделившимися от них абазгами от начала до конца проникнут великодержавным духом и пренебрежительным отношением к противникам Византии – абазгам. Превознося тактические способности византийских военачальников и храбрость византийского войска, он, с другой стороны, обвиняет абазгов в нерешительности и отсутствии смелости. Однако, противореча себе, Прокопий сам повествует о том, с каким самоотверженным героизмом защищали абазги каждый дом своего города.

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 404.

Из-за отсутствия других источников мы не можем проверить показания Прокопия по поводу описанных им событий, но, надо полагать, что основной причиной поражения абазгов явилось превосходство византийской армии в численности и в военной организации. Иначе трудно себе представить, как они могли овладеть таким мощным, по свидетельству Прокопия, укреплением, каким являлась Трахея. В целом же, независимо от исхода Трахейской битвы, абазги в этой борьбе были обречены на неминуемое поражение, так как, оказавшись в тот момент одинокими перед великой державой, маленькая Абазгия никак не могла рассчитывать на победу.

Спустя некоторое время имело место антивизантийское выступление в Апсилии. Вначале Апсилией сумели овладеть персы (см. ниже). В тот период, как сообщает Прокопий, «ни римляне, ни лазы, занятые войной вокруг Петры, не могли посылать помощи апсильцам»¹. Однако апсилы сумели без помощи со стороны избавиться от персидских захватчиков, и затем, сославшись на то обстоятельство, что византийцы и лазы не оказали им поддержку в борьбе с персами, отложились от них.

Выше уже говорилось, что одной из причин отпадения апсиров явилось, по-видимому, стремление апсильской феодализирующейся знати добиться политической самостоятельности. Но вместе с тем немалую роль в этом должны были играть и антивизантийские настроения широких слоев апсильского общества, которое, несомненно, ненавидело не только персидских, но и византийских захватчиков.

Однако и маленькая Апсилия, так же как и Абазгия не могла надеяться на успех в борьбе с могущественной Византией и вынуждена была покориться. Об этих событиях Прокопий Кесарийский рассказывает следующее: «Апсилы отпали от колхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подверглись насилию со стороны персов. Но Губаз послал к ним тысячу римлян под начальством Иоанна. Многими дружескими речами и обещаниями ему удалось привлечь их на свою сторону без всякого сражения и вновь сделать подданными лазов»².

Помимо «дружеских речей», надо полагать, дело не обошлось и без угроз со стороны византийцев. Недаром во главе отряда, направленного в Апсилию, был поставлен Иоанн который незадолго до этого «прославился жестоким опустошением» Абазгии. Именно поэтому, очевидно, апсилы так быстро дали себя уговорить.

¹ Там же, стр. 403.

² Прокопий, Война с готами, стр. 403.

Кроме того, следует отметить, что в тот момент основная задача состояла в изгнании из Западной Грузии персидских захватчиков и в этих условиях апсилам не было смысла вести активную борьбу против Византии.

Последним крупным выступлением против византийских захватчиков на территории Абхазии в период Большой войны в Лазике было массовое восстание мисимиян в 555 г., о котором подробно рассказывает византийский историк Агафий. Поводом к этому восстанию послужили следующие события.

В 554 г. в Мисиминию прибыл византийский государственный чиновник Соттерих, который привез деньги «для раздачи соседним варварам в качестве императорской субсидии. Эта раздача производилась ежегодно с древних времен»¹.

Вскоре после приезда Соттериха мисимиянам стало известно, как отмечалось выше, что он собирается передать аланам мисимийскую крепость Бухлоон, чтобы «послы более отдаленных народов, собираясь там, получали субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним»².

Не желая допустить этого, мисимияне направили к Соттериху «двух наиболее знатных людей», которые потребовали, чтобы он покинул их страну. Соттерих, возмущенный подобным требованием «подданных колхов, которые повинуются римлянам», приказал своим людям избить мисимийских послов палками, что и было сделано.

Такое оскорбление вызвало негодование мисимийцев. В ту же ночь они напали на лагерь Соттериха, убили его и всех его приближенных, «расправившись с Соттерихом и его свитой как с настоящими врагами, а не друзьями и господами», а также захватили с собой все имущество убитых, «и сверх того императорскую казну»³.

После этого, разумеется, мисимиянам ничего другого не оставалось, как обратиться за помощью к персам. С этой целью они направили в Восточную Грузию к иранскому военачальнику Нахогарану послов из числа «людей, имеющих наибольшую власть у мисимиян»⁴, которые просили незамедлительно направить в Мисиминию персидские войска.

¹ Агафий, цит. соч., стр. 87.

² Агафий, цит. соч., стр. 87.

³ Там же, стр. 88.

⁴ Там же, стр. 119.

Византийцы не имели возможности сразу же взяться за подавление мисимийского восстания, поскольку вскоре в Лазику вторглась 60-тысячная иранская армия под командованием Нахогарана. Но после того, как Нахогаран потерпел поражение и вынужден был вернуться в Восточную Грузию, византийское командование поздней весной 555 г. направило в Мисимию 4 тысячи пехоты и конницы»¹.

С наступлением лета это войско вступило в Апсилию, но его дальнейшее продвижение было приостановлено известием, что в Мисимии оказались персидские войска, прибывшие, как выяснилось, из Мухериси, занятой тогда персами, и Восточной Грузии. Вместе с персами в Мисимию явился большой отряд наемников из гуннов-савиров².

Поэтому, рассказывает Агафий, «римляне, находясь в укреплениях апсильцев, старались протянуть время... Идти же боевым строем против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опасным»³. Оба войска в течение нескольких месяцев выжидали, протупывали друг друга и не решались начать открытые военные действия.

С наступлением зимы, сообщает Агафий, персидские войска, избегавшие воевать при зимнем холоде, покинули Мисимию. «Римляне же, освободившись от преграждавших путь персов, продолжали поход в страну мисимиян и дошли до укрепления Тибелия (Тзибил – З. А.), отделяющего страну мисимиян от апсильцев»⁴.

Чтобы избежать кровопролития, византийцы решили вначале склонить мисимиян к миру. Они отправили к ним в качестве послов «самых разумных людей из апсильцев». Однако мисимияне не желали заключить мира с византийскими захватчиками. Хотя они и сомневались в том, что персидские войска вернутся к ним на помощь, но «полагались на трудно проходимые места» своей страны. Направленных к ним апсильцев они подвергли смертной казни.

Тогда византийское командование приняло решение начать активное наступление на мисимиян, и византийское войско продвинулось вглубь территории Мисимии, направилось к «наиболее укрепленному пункту страны – к крепости Тсахар, которую,

¹ Там же, стр. 116.

² Там же, стр. 118.

³ Там же.

⁴ Агафий, цит. соч., стр. 119.

по словам Агафия, называли «железной» за неприступность»¹. Эту крепость мисимияне превратили в основной опорный пункт борьбы против византийских захватчиков.

Как сообщает Агафий, вокруг крепости Тсахар было расположено поселение мисимиян, в котором «большинство жилищ не было окружено стеной, но находилось в скалистой местности, расположенной вблизи. Утесы и обрывистые скалы, простираясь в длину, делали чрезвычайно трудным всякий доступ к нему»².

Как отмечалось выше, описанные крепость и поселение были, по-видимому, расположены в районе Багатских скал.

Поскольку борьба против восставших мисимиян обещала быть весьма упорной, то византийское командование в Лазике поставило во главе действующих в Мисиминии войск опытного военачальника Иоанна Дакику, который по прибытии на место приступил к планомерной осаде Тсахара.

Осада долгое время не давала никаких результатов, пока, наконец, византийским воинам не удалось выследить тропу, по которой осажденные мисимияне спускались к реке за водой. Ночью византийцы, осторожно пробравшись к крепости по этой тропе, перебили стражу и ворвались в поселение, где, по словам Агафия, «произвели страшное избиение»³. Поселение было предано огню; захватчики не щадили ни женщин, ни детей. Агафий свидетельствует, что византийские воины убивали малолетних детей, ударяя их головами о камни, или, подбрасывая в воздух, ловили их на пики. Даже сам Агафий, описывающий события в свете византийских интересов, вынужден был упрекнуть византийских воинов за такую жестокость. «Не следовало, – пишет он, – по отношению к детям, которые отнюдь не являлись участниками злодеяния их отцов, свирепствовать так жестоко»⁴.

Однако византийскому отряду пришлось самому жестоко заплатить за свои бесчинства. Ночью мисимийские воины сделали вылазку из крепости и напали на византийцев, подвергнув их полному разгрому. Многих из них мисимияне уничтожили, а остатки византийского отряда поспешно бежали из поселения. После этого византийцы продолжали осаду Тсахара более осторожно.

¹ Там же.

² Там же, стр. 120–121.

³ Агафий, цит. соч., стр. 122.

⁴ Там же, стр. 123.

Упорная война изнурила мисимиян. Оставшись одни перед византийскими войсками, они в конечном итоге были вынуждены капитулировать. Агафий пишет, что мисимияне «изнемогли от тягостей и желанья вернуться к дружбе с римлянами, в особенности потому, что к ним не пришла, как было условлено, помощь от персов»¹. Командующий византийскими войсками Иоанн Даклика согласился заключить мир с мисимиянами, потребовав у них заложников и возвращения казны (28 тыс. золотых монет), захваченных при убийстве Соттериха. Мисимияне выполнили эти условия, и мирное соглашение было заключено².

Византийская карательная экспедиция дорого обошлась мисимиянам. Как заявили мисимийские парламентары, при переговорах с Иоанном, за время военных действий со стороны мисимиян было убито «не менее 5 тысяч мужчин, еще больше женщин и еще больше детей»³. Парламентары вполне резонно добавили: «Так что не много недостает, чтобы весь мисимийский народ был уничтожен»⁴.

Сколь бы не преувеличивали мисимияне свои потери, не остается сомнения в том, что они для такой небольшой народности, как мисимийская, были весьма велики. Из этого факта видно, какой вред наносили иноземные захватчики, в данном случае византийские, местному населению, в частности его этническому развитию. Совершенно очевидно, что византийцы не остановились бы и перед полным уничтожением целых народностей, если от этого зависело бы укрепление их господства на Кавказе, для достижения чего Византия не жалела ни средств, ни людей.

В целях дальнейшего укрепления своих стратегических и политических позиций на Кавказе, в частности в Западной Грузии, византийское правительство, как уже отмечалось, в VI в. начало возводить на территории современной Южной Абхазии грандиозное оборонительное сооружение, известное под названием Келасурской, или великой Абхазской стены.

Данная «стена» представляет собою сложную фортификационную систему, в которой удачно сочетаются естественные и искусственные оборонительные рубежи, непрерывно тянущиеся от устья р. Келасури до устья р. Ингури на протяжении около 160 км.

¹ Там же, стр. 124.

² Там же, стр. 124.

³ Там же.

⁴ Там же.

«Стена» имеет форму вытянутой дуги и тянется приблизительно в следующем направлении: от р. Келасури она сворачивает на северо-восток и через села Багбарани, Мерхеули, Наа (близ р. Кодори), Джгерда, Члоу, Гуп, Бедиа и Окуми выходит к р. Ингури, приблизительно в 20 км. от ее устья, а затем отдельными крепостями тянется вдоль правого берега реки к морю. «Стена» эта до сих пор не изучена. М. М. Иващенко, собравший литературный материал об Абхазской стене, писал: «Вообще определенных данных о существовании сплошной стены нет; возможно, что существовала только цепь укреплений, идущая в направлении, указываемом для этой стены»¹.

Сообщение о строительстве этой оборонительной системы имеется в известном труде Прокопия Кесарийского «О постройках», посвященном строительной деятельности Юстиниана. Прокопий пишет, что Юстиниан «укрепил теснины, которые обычно называют клисурами», с целью прикрыть доступ в Лазику ее противникам у входа в страну»².

Комментируя это сообщение Прокопия, М. Иващенко в цитированной статье отмечает: «Думается, что свидетельство Прокопия дает достаточно оснований утверждать, что Юстинианом в Лазике была построена стена..., которая известна под именем Келасурской, или Великой Абхазской стены»³.

Акад. С. Джанашиа также предполагал, что сообщение Прокопия об укреплении «клизур» в Лазике имеет в виду именно Келасурскую стену, хотя и считал это сообщение не совсем ясным⁴. В новом учебном пособии по истории Грузии начало строительства Келасурской стены тоже увязывается с политическими и стратегическими планами Византии в VI в.⁵

Характерно, что и народное предание также строительство Келасурской стены приписывает Юстиниану. Так П. Уварова пишет о «гигантской Абхазской стене, возведенной, по преданию, Юстинианом для защиты, якобы, Абхазии от набегов соседних горских племен»⁶.

¹ М. Иващенко, Великая Абхазская стена, стр. 65.

² «Георгика», т. II, стр. 189.

³ М. Иващенко, цит. соч., стр. 87.

⁴ Джанашиа, Феод., револ. в Грузии, стр. 76.

⁵ История Грузии, 1958 г., стр. 100.

⁶ П. Уварова, «Христианские памятники Кавказа», МАК, IV, 1894 г., Москва, стр. 33.

Однако византийское правительство, разумеется, осуществило возведение такого грандиозного сооружения отнюдь не для защиты Абхазии, а преследовало, как отмечалось, свои, далеко идущие цели. Прежде всего, византийское правительство создавало этим мощный опорный пункт, чтобы преграждать вторжение на территорию империи «варварских» племен со стороны Северного Кавказа, поскольку, как свидетельствует Прокопий, «область лазов была римлянам... оградой со стороны Кавказских гор»¹.

Вместе с тем Византия, создавая такую грандиозную оборонительную систему, на которую она истратила колоссальные средства, преследовала не только оборонительную цель – защиту от нашествий «варваров», но и ставила перед собой более важную задачу: создать на территории Западной Грузии постоянный стратегический плацдарм, опираясь на который она укрепляла бы свое положение на Кавказе и обеспечивала дальнейшее развитие своей экспансии. Действительно, эта мощная крепость значительно способствовала Византии укреплять ее политическое влияние на Кавказе (в частности, в Абхазии) на протяжении более чем двух столетий.

В заключение следует, однако, подчеркнуть, что хотя эта грандиозная фортификационная система была возведена по инициативе и под руководством Византии, но создавалась она, по существу, местным населением, из местных строительных материалов и с учетом местного опыта возведения оборонительных сооружений в горных условиях. В силу этого обстоятельства, такой выдающийся памятник материальной культуры, как Великая Абхазская стена, должен быть признан творением местных народностей, в первую очередь абхазов и грузин. Всестороннее изучение этой стены должно стать ближайшей целью соответствующих научно-исследовательских учреждений.

По приказанию Юстиниана на побережье Абхазии были укреплены и другие места, в частности Севастополь и Питиунт. В сочинении «О постройках» Прокопий сообщает, что «император Юстиниан сей самый Севастополь возобновил, стенами и другими оборонительными сооружениями сделал неприступным, украсил его дорогами и другими постройками, в результате чего этот город по красоте и величию превратился в самый замечательный»².

¹ Прокопий, Войны римлян с персами, т. 11, стр. 113.

² Прокопий, «О постройках».

В районе Келасурской стены, в Севастополе и Питиунте Византия держала постоянные военные гарнизоны. Касаясь вопроса об укреплении Келасурской стены, М. Иващенко совершенно справедливо отметил, что здесь «должно было быть постоянное войско, которое все время охраняло бы стену, иначе терялось бы всякое разумное основание существования этой стены»¹.

Что касается Севастополя и Питиунта, то в XXXI новелле Юстиниана они упоминаются в числе важнейших «крепостей» Византии на Малоазийском и Кавказском побережье Черного моря². Прокопий также свидетельствует, что в Севастополе и Питиунте «еще в мое время стояли гарнизоны»³.

В результате подобных мероприятий, а также описанных выше карательных экспедиций Византия добилась того, что превратила население Западной Грузии и Абхазии в «дружественные племена». В той же новелле, написанной после 555 г., читаем: «Суаны, скимны, аспилы и другие, божьей благодатью, дружественные нам племена»⁴.

О том, что уже в 555 г. византийцы чувствовали себя в Абазгии более или менее спокойно, свидетельствует, в частности, тот факт, что туда был сослан отстраненный от командования в Лазике военачальник Бесс, про которого Агафий сообщает, что «имущество его было конфисковано; он был выслан в страну абасгов и там должен был оставаться, выжидая дальнейших о нем распоряжений»⁵. Совершенно очевидно, что византийское правительство такого крупного военного чиновника, каким был попавший в опалу Бесс, могло сослать лишь в край, в котором оно считало свои позиции прочными.

Однако, несмотря на большое влияние, которое Византия в течение длительного времени оказывала на дальнейшие судьбы населения Абхазии, опираясь на завоеванные ею стратегические позиции, она не сумела приостановить его внутреннего развития, в частности процесса этнической консолидации абхазского народа, а также развития и укрепления его многосторонних связей с грузинским народом.

¹ М. Иващенко, Великая Абхазская стена, стр. 73.

² «Георгика», т. II, стр. 198.

³ Прокопий, Война с готами, стр. 383–384.

⁴ «Георгика», там же.

⁵ Агафий, цит. соч., стр. 70–71.

4. Борьба населения Абхазии против персидских захватчиков

Ведя борьбу против Византии, иранские правящие круги хорошо сознавали, какое важное значение для них может иметь овладение территорией Абхазии. Сразу же после того, как был прерван «вечный мир» и военные действия между Византией и Ираном возобновились, персидский шах Хосров задумал овладеть Абхазией. Прокопий сообщает об этом следующее: «Когда персидский царь Хосров был призван лазами в Петру, он очень хотел прислать сюда (в Абхазию – З. А.) персидское войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления (Севастополь и Питиунт – З. А.) и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то они, предупреждая врагов, сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противоположный материк, ушли в город Трапезунт»¹. В другом месте Прокопий (см. его труд «О постройках») также свидетельствует, что «Севастополь и Питиунт римляне разрушили, когда узнали, что Хосров решил послать сюда свои войска с целью захватить эти крепости»².

Однако предпринятый персами поход в Абхазию не привел к желательным для них результатам. Им не удалось здесь укрепиться. Объясняя неудачу персидского похода в Абхазию, Прокопий видит причину этого в том, что византийцы разрушили укрепления Севастополя и Питиунта. Он пишет: «Правда, они (византийцы – З. А.) причинили ущерб римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не сумели завладеть этой страной; не достигнув результата, вследствие разрушения крепостей, враги вернулись в Петру»³.

В действительности причину неудачи, постигшей персов в Абхазии, следует видеть не в тактических мероприятиях византийцев, а главным образом в том, что персы, как это предполагал акад. С. Джанашиа, не нашли тогда поддержки ни в одном социальном слое Абхазии⁴. Если абхазы не оказали бы сопротивления персидским захватчикам, а, наоборот, поддержали бы их, то тогда, несо-

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 384.

² «Георгика», т. II, стр. 191.

³ Прокопий, цит. соч., стр. 384.

⁴ С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, стр. 72.

мненно, персы сумели бы и восстановить разрушенные крепости, и прочно обосноваться в них. Но на самом деле, как мы видим, им пришлось удалиться из Абхазии.

Второй раз персидские захватчики оказались в Абхазии в 550 г., когда абазги отложились от Византии. В тех условиях вполне естественно было принятие со стороны абазгов необходимых мер обороны страны от неминуемого наступления византийских захватчиков. Одной из таких мер было вынужденное обращение за помощью к Ирану. «Боясь силы римлян, – пишет Прокопий, – они (абазги – З. А.) в полной тайне перешли на сторону персов»¹.

Когда иранский шах Хосров узнал об отложении абазгов от Византии и их желании пригласить на помощь персов, то он вызвал к себе для переговоров правителя Западной Абазгии Скепарну² (см. выше). В результате этих переговоров в Абхазию были направлены персидские войска под командованием видного военачальника Набеда.

Но и эта персидская экспедиция не привела к существенным результатам. Вскоре Набед был вынужден покинуть Абазгию, не оказав абазгам помощи против византийцев и по существу ничего не предприняв, чтобы закрепить страну за Ираном. Абазги, видимо, быстро разгадали захватнические устремления персов и сделали все от них зависящее, чтобы избавиться себя от пребывания персов.

На неприязненные отношения, возникшие, как видно, между абазгами и персами, указывает, в частности, тот факт, что, возвращаясь из Абазгии, Набед увез с собой в качестве заложников шестьдесят юношей из самых знатных семей абазгского общества. Прокопий сообщает об этом следующее: «Набед, вторгнувшись в Лазику с войском, не сделал ничего достойного внимания, но, находясь со своим войском в области абазгов, взял себе от них в качестве заложников шестьдесят мальчиков из числа самых знатных»³. Совершенно очевидно, что необходимость взять у абазгов заложников была продиктована Набеду сомнением в их преданности персам.

Возвращаясь из Абазгии, Набед вступил со своим войском на территорию Апсолии. В то время апсолии, в отличие от абазгов, сохранили союз с лазами и византийцами. Это видно, например, из

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 400.

² Там же, стр. 401.

³ Там же, стр. 400.

того, что в горах Апсилии находили себе убежище представители лазской знати и члены их семейств, опасавшихся попасть в руки персов. В числе них находилась и бывшая царица Лазики Феодора – вдова царя Опсита, дяди Губаза, которую Набед взял в плен. Прокопий рассказывает: «В числе того, что было сделано им (Набедом – З. А.) мимоходом, надо отметить следующее: встретив в Апсилии Феодору, жену Опсита, он взял ее в плен и увел в пределы персов»¹.

Однако на этом персы не оставили своих планов укрепиться в Абхазии. В первую очередь они намеревались завладеть Апсилией, учитывая ее весьма важное стратегическое положение. «Мидяне стали думать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсилии», – сообщает Прокопий².

Выше уже говорилось об обстоятельствах, при которых персам удалось в том же 550 г. овладеть укрепленным пунктом Апсилии Тзибиллом (см. стр. 31). Подробности этого события Прокопий излагает следующим образом: лазский сановник Тердет, поссорившись с Губазом, «тайно вошел в соглашение с персами о том, что передаст им укрепление (Тзибил-Цебельду – З. А.). Приведя с собой войско персов, он отправился в Апсилию для выполнения этого замысла. Когда они были близко от крепости, Тердет с сопровождавшими его лазами, проехав вперед, оказался в укреплении, так как те, которые сторожили эту крепость, не имели никакого основания не доверять начальнику лазов и поэтому не проявили к нему никакой подозрительности. Таким образом, подошедшее персидское войско Тердет принял в укреплении... Ни римляне, ни лазы, занятые войной вокруг Петры и теснимые войсками мидян, не могли послать помощь апсильцам»³.

Далее Прокопий рассказывает, что персидский военачальник влюбился в красивую жену командира гарнизона тзибильской крепости и, не добившись от нее взаимности, применил по отношению к ней насилие. «Приведенный этим в яростный гнев, муж этой женщины убил его самого и всех тех, которые вошли с ним в это укрепление... и сам завладел укреплением»⁴.

Приведенный факт послужил, надо полагать, лишь поводом к восстанию апсильцев против персидских захватчиков. Очевидно, и

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 400.

² Там же, стр. 403.

³ Там же.

⁴ Там же.

здесь персы, как и повсюду в захваченных ими областях, быстро восстановили против себя местное население, которое восстало против них и изгнало из своей страны. Таким образом, вследствие сопротивления апсилов, персам и на этот раз не удалось утвердиться в Абхазии.

Следующую, четвертую попытку овладеть Абхазией персы предприняли в 553 году. За год до этого в Лазику вторглось многочисленное персидское войско под командованием Мермеросса, совместно с которым действовали отряды наемников из гуннов-савиров. Византийцы и лазы, избегая больших сражений, были вынуждены укрепиться в отдельных крепостях.

Тогда, рассказывает Прокопий, «персы со всем своим рвением устремились на абасгов. Но римляне, занимавшие гарнизоном Тзибил, захватили проход, бывший очень узким и окруженный отвесными горами... и при таких обстоятельствах совершенно непроходимым, и остановили дальнейшее продвижение персов. Поэтому, не имея возможности заставить уйти стоявших против него врагов, Мермеросс повел войско назад»¹.

Таким образом, эта попытка окончилась так же неудачно, как и предыдущие. Причину этого следует видеть не только в стойкости византийцев, как это пишет Прокопий, но и, надо полагать, в борьбе против персов местного населения, уже хорошо знакомого с персидскими захватчиками и в данном случае выступившего в союзе с Византией.

В последний раз персидским захватчиком довелось побывать в Абхазии в 555 г. во время антивизантийского восстания мисимиян.

Как уже отмечалось, восставшие против византийцев мисимияне были вынуждены обратиться за помощью к Ирану и с этой целью направили послов в Восточную Грузию к Нахогарану. По сообщению Агафия, мисимийские послы, рассказав Нахогарану о расправе над Соттерихом и отпадении своей страны от Византии, заявили ему: «Поскольку за все это и в особенности за отпадение на сторону персов римляне не перестанут нас преследовать своим гневом и весьма скоро нападут, чтобы перебить нас всех, поскольку это от них зависит, то подобает тебе, военачальник, принять нас благосклонно, защищать нас и заботиться о сохранении страны, как своей собственной, подчиненной вам, не пренебрегать народом, которому угрожает смертельная опасность, не малым и не темным, но могущим принести величайшую пользу персидской

¹ Прокопий, Война с готами, стр. 433.

монархии. Ибо вы легко убедитесь, что в военном деле мы опытни и, по заключении с вами союза, будем сражаться внутри самой территории колхов, представляющей собой безопасный стратегический пункт, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов»¹.

Из этих слов видно, в какое критическое положение попадало обычно борющееся за свою независимость население Абхазии. Стремление освободиться от одного захватчика неминуемо толкало его к союзу с другим, не менее опасным, как это произошло в данном случае и с мисимиянами.

Нахогаран, разумеется, пообещал мисимийским послам всяческую поддержку и те, возвратившись в свою страну, «внушили народу величайшие надежды».

Иранское командование действительно направило в Мисиминию персидские войска и отряды из гуннов-савиров, Агафий рассказывает, что когда византийские карательные войска вступили в Апсилию, а оттуда собрались двигаться дальше, в Мисиминию, то «препятствием ему явился персидский отряд, там собранный. Ибо, узнав о приготовлениях римлян и о том, что они идут на мисимиян, персы, выступив из Иверии и из городков, расположенных вокруг Мухирисиса, двинулись на римлян, предупредив их занятием местности, чтобы оказать там помощь мисимиянам»².

Византийцы «старались протянуть время... Идти же в боевом строю против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опасным. Были у персов также вспомогательные войска из гуннов-савиров»³.

Однако персы вскоре покинули Абхазию, отказавшись от дальнейшей поддержки мисимиян. Агафий по этому поводу пишет: «Когда наступила зима, персы, тотчас же снявшись с лагерей, отступили снова в Котаисий и Иверию с целью там зимовать, отказавшись тем самым на длительное время от помощи мисимиянам»⁴.

Уход персов из Мисиминии Агафий объясняет тем, что они, мол, не любили воевать в зимних условиях. Но, по-видимому, между мисимиянами и персами произошла какая-то размолвка, которая и вынудила персидские войска уйти. Возможно, и в данном случае персидские захватчики проявили свое агрессивное лицо. Поэто-

¹ Агафий, цит. соч., стр. 115.

² Там же, стр. 116.

³ Там же.

⁴ Там же.

му на последнем этапе борьбы с византийцами мисимияне уже не рассчитывали на какую-либо поддержку со стороны персов. Как бы то ни было, но и мисимийская экспедиция, видимо, еще раз убедила персидских захватчиков, что их надежды на порабощение Абхазии остаются тщетными. Во всяком случае, отныне они уже не предпринимали больше попыток утвердиться в Абхазии.

Конечное поражение персидских захватчиков в борьбе за Абзгию, Апсилию и Мисимию объясняется, как уже отмечалось, не только действиями византийских войск, но и в значительной степени борьбой местных народов против них, в первую очередь лазов. Борьба лазов против иноземных захватчиков значительно способствовала успехам борьбы предков абхазского народа. С другой стороны, и абхазы своим немалым вкладом в эту борьбу эффективно способствовали достижению победы над персидскими захватчиками. Историческая дружба между предками грузинского и абхазского народов в этой совместной борьбе еще более крепла и получала свое дальнейшее развитие.

ГЛАВА III

КОНСОЛИДАЦИЯ АБХАЗСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ

ГРУЗИНСКО АБХАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В VII-VIII вв.

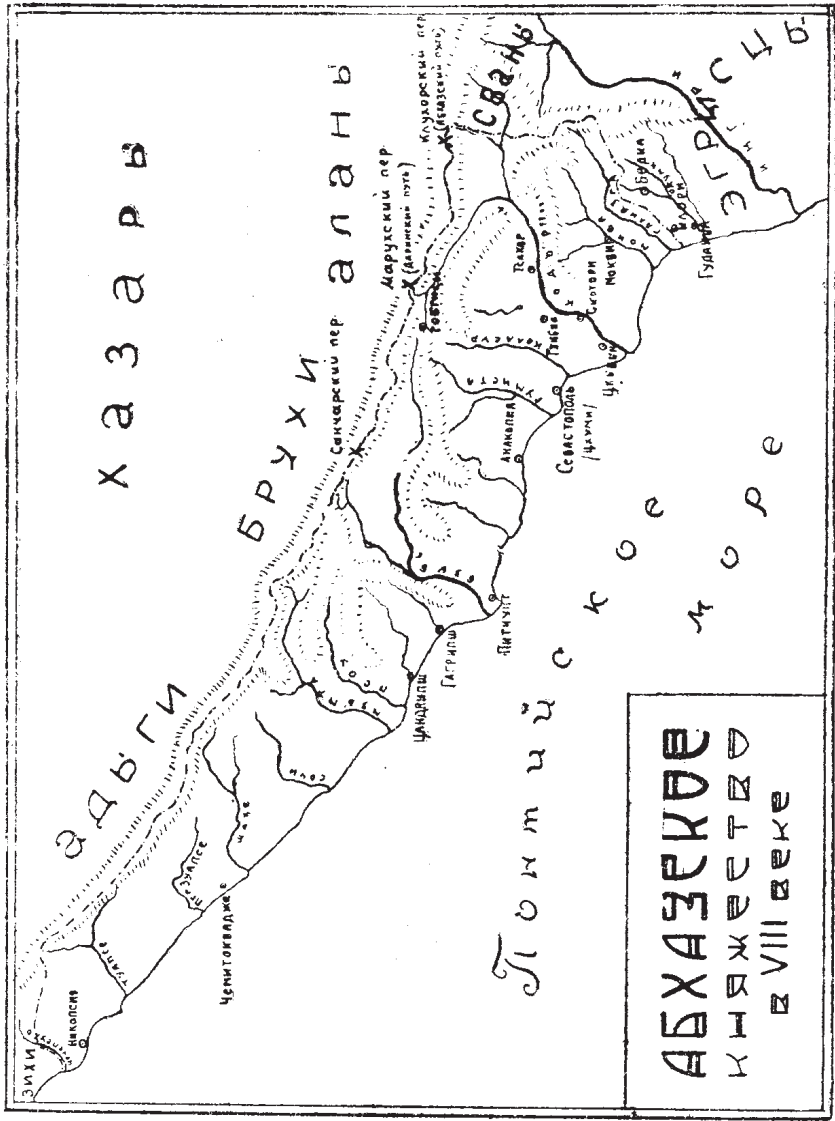
I. Консолидация абхазской народности

В течение второй половины VI века и всего VII столетия в политической жизни этнических образований Абхазии не произошло существенных изменений. Абазгия на протяжении этого периода существует как самостоятельная политическая единица, непосредственно зависящая от Византии, а Апсолия и Мисиминия по-прежнему входят на вассальных началах в состав Лазики с сохранением их внутреннего самоуправления.

Византийский историк второй половины VI века Менандр Протиктор дает определенные указания об Апсолии и Мисиминии, как реально существующих единицах того времени. Он рассказывает о поездке византийского чиновника Земарка из Алании в Византию через территорию Абхазии. Земарк не решался ехать через Мисиминию, поскольку по соседству с нею, в Сванетии, находились персидские войска, к которым он опасался попасть в плен. Поэтому Земарк отверг «Мисимийский путь» и отправился «Даринским путем» и «по нему попал в Апсолию», оставив «Мисимийский путь» слева¹.

Важные сведения по исторической географии Абхазии второй половины VII века содержатся в материалах Феодосия Гангрского, посвященных пребыванию в Лазике и Абхазии сосланных туда Византией церковных деятелей-диофизитов Максима Исповедни-

¹ «Георгика» т. III, стр. 236–237. Под «Даринским путем», очевидно, подразумевается путь через Марухский перевал и далее к югу параллельно р. Амткел, по которому можно было пробраться из Алании в Апсолию, минуя, в основном, Мисиминию.

Хазары

Адыгы

Брухи
Аланы

Тонийское море

АБХАЗЕТИ
в VIII веке

Эгрисца

Мухорский пер.
(Самарский пер.)

Даруский пер.

Самарский пер.

Цахур

Анакпа

Свань

Севастополь

Гаринь

Цахур

Свань

Свань

Свань

Свань

Свань

Свань

Свань

Свань

Свань

ка, его друга Анастасия и ученика (инока) тоже по имени Анастасия. Максим и первый Анастасий вскоре по прибытии в Лазику (662 г.) умерли, а второй Анастасий прожил там еще несколько лет и описал свои переживания в письме иерусалимскому пресвитеру и монаху Феодосию из Гангры (город в малой Азии), который впоследствии опубликовал это письмо с другими материалами о Максиме Исповеднике и его друзьях¹.

Феодосии Гангрский сообщает, что один из сосланных (Анастасий) был помещен в крепости Скотори, по соседству с Абазгией («близ Абазгии»), т. е. на территории Апсилии. Здесь, несомненно, имеется в виду пункт Кодори на одноименной реке. О местоположении этого пункта Вахушти сообщает, что он расположен на берегу реки Кодори «выше Дранда, в горах»². Поскольку высланные в Лазику церковники были оставлены под надзор правителей Лазики, то последние, разумеется, помещали их только в крепости, которые находились в их непосредственном подчинении. Следовательно, в 60-х годах VII века политические владения Лазики, бесспорно, доходили до р. Кодори.

Другой важный пункт, упоминаемый в материалах Феодосия, – это крепость Пустус (Пуста), в которую был водворен инок Анастасий весной 663 года. Этот пункт, по свидетельству Анастасия, находится «в краях Апсилии и Мисиминии», без точного указания, в каком из них конкретно³.

Проф. С. Г. Каухчишвили считает возможным допустить, что Пустус находился в Мисиминии, в частности в районе нынешнего села Александровка»⁴. Однако, нам кажется, вернее предположить, что Пустус являлся пунктом Апсилии, хотя и недалеко от юго-западной границы Мисиминии.

Дело в том, что термин Пустус в источниках фигурирует не только в виде наименования одного укрепленного пункта, но и в виде названия целого края, населенного «пустовцами». Такой народ упоминает в своем сочинении писатель второй половины VIII в. Епифан Константинопольский. Передавая легенду о проповеднической деятельности Андрея Первозванного в Абхазии, Епифан сообщает, что, покончив со своими делами среди пустовцев, Ан-

¹ А. Бриллиантов, О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника, «Христ. Восток», т. VI, в. I, 1917 г., стр. 7.

² Вахушти, Описание царства Грузинского, стр. 169.

³ «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 44.

⁴ Там же, стр. 54.

дрей уехал в Абазгию¹. Топонимический термин «Пуста» (afusta) может быть выведен из абхазского названия Апсилии – Апствыла (Апстѣыла), т. е. «страна апсиллов». Пуста в 60-х годах VII в. также входила в состав края, подчиненного лазскому правителю, поскольку он заключил в Пустскую крепость инок Анастасия.

Район города Сухуми (Севастополь-Цхуми) по-прежнему в VII веке входил в состав Апсилии, о чем свидетельствуют приведенные выше (гл. I, §1) сообщения различных сводов «Жизни Грузии»². Однако этот город, который Епифан Константинопольский называет «великим Севастополем»³, в течение большей части VII в. составлял, по-видимому, непосредственное владение Византии. В частности, в годы правления Ираклия (610–641) он представлял собой один из основных опорных пунктов господства византийцев на побережье Абхазии. Строительная деятельность византийцев в районе Сухумской крепости в раннефеодальную эпоху подтверждается характером кладки стен этой крепости в ее нижних строительных слоях. В Сухумской крепости византийцы содержали свой военный гарнизон. Византийские воины находились также и в Питуинте.

Однако с конца VII в. положение в Абхазии начинает изменяться. В связи с вторжением арабов в Западную Грузию и Абхазию (см. ниже) в отдельных частях Абхазии, зависимых от Лазики, усиливается тенденция к обособлению, поддержанная, как видно, арабскими захватчиками.

В труде анонимного армянского географа конца VII в. содержится интересное известие о населении Западного Кавказа того времени: «Между болгарами (Кубанскими) и Понтийским морем живут народы гарши, куты, сваны (чит. саниги – **З. А.**) до города Питуинта. На морском берегу – страна авазгов, где живут апшилы и авазги до приморского своего города Севастополиса и далее до реки Дракона, ... отделяющей Абхазию от страны Егер»⁴.

Данное сообщение представляет особенный интерес в том отношении, что в нем апсилы и абазги названы вместе как обитатели «страны авазгов», которая упоминается отдельно от «страны

¹ Там же, стр. 58.

² «Жизнь Грузии», под ред. С. Г. Каухчишвили, стр. 235; см. также Ив. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. 2, стр. 48

³ «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 58.

⁴ См. К. Кудрявцев, Сборник материалов по истории Абхазии, стр 91.

Егер», т. е. Лазики; Под р. Драконом, надо полагать, подразумевается р. Кодори, к которой, по-видимому, отодвинуты к концу VII в. границы Абазгии, включавшей, таким образом, в себя значительную часть территории приморской Апсилии вместе с городом Севастополем.

Но то обстоятельство, что армянский географ абазгов и апсилов именуется в отдельности, говорит, несомненно, о том, что они еще не слились полностью в одну народность, и Апсилия пользовалась еще какими-то сюзеренными правами, что подтверждается и последующими источниками. Так, у византийского писателя Феофана Хронографа Апсилия фигурирует, в связи с событиями начала VIII в., как внутренне самостоятельное владение во главе с Маринэ, которого Феофан называет «первейшим человеком среди апсилов»¹.

Однако после этого Апсилия как самостоятельная единица нигде не упоминается. Приблизительно с 30–40 гг. VIII в. Апсилия уже фигурирует в виде составной части «Абхазии», как более крупного этно-политического объединения. Выше мы уже имели случай указать на то обстоятельство, что содержащееся в своде «Жизни Грузии», принадлежащем царице Анне (XV в.), выражение «город Абхазии и Апсилии Цхуми» мыслится как признание Апсилии в виде составной части Абхазии. Прав поэтому акад. И. Джавахишвили, который пишет, что в 30-х годах VIII в. Апсилия уже входила в состав Абхазии².

Во главе нового политического объединения, включавшего в себя и Абазгию и Апсилию, стояли абазги, поэтому и их название распространилось на всю объединенную страну. Акад. С. Н. Джанашиа по этому поводу пишет: «Среди довольно большого количества племен, населявших территорию современной Абхазии, к VII в. явное преобладание получили абазги. Это этническое название вскоре приобретает более широкое, обобщающее значение. Грузинская форма его «апхазии», или «абхазии», которая получена из «абазг»-«абазх» путем внутреннего перераспределения согласных, в соответствии с фонетическими законами грузинского языка (стягивание согласных к началу слова), постепенно получает всеобщее распространение»³.

¹ «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 112.

² И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 45.

³ С. Джанашиа, Абхазия в I-X вв., рукопись, стр. 45. (Архив Абх. ин-стит. ЯЛИ АН ГССР).

Такое преобладание абазги получили в силу того обстоятельства, что политически их владение оказалось сильнее и развитее, чем владения других этнических образований на территории Абхазии – апсилов, мисимийцев и др. Если абазги уже с VI в. пользовались большей политической самостоятельностью и непосредственно зависели от Византии, то Апсилия и Мисиминия еще более полутора веков входили в состав Лазики. Кроме того, когда происходила упорная борьба за освобождение Абхазии от арабского владычества (первая половина VIII в.), ведущую роль в этой борьбе сыграла именно Абазгия (см. ниже). Эта страна испытала господство арабов в меньшей степени, чем Апсилия и Мисиминия на территории которых непосредственно размещались арабские гарнизоны, в частности по Кодорскому ущелью.

После изгнания арабов территория Абхазского владительства («Абхазское эриставство») охватывает уже значительную область от р. Келасури на юге до р. Нечепсухо на севере. В этих границах абхазского владителя («эристава») Леона I утверждает византийский император Лев Исавр (717–741 гг.). В письме правителю Западной Грузии Арчилу Леон I писал: «Дал мне кесарь эту страну в наследственное владение... и отныне она является моей вотчиной от Клиссури до малой реки Хазарии, куда достигают вершины кавказские»¹.

Но на вопросе о северной границе Абхазии, начиная с 30-х гг. VIII в., следует остановиться подробнее. Под названием «Малая река Хазарии» обычно подразумевали р. Кубань². Однако вряд ли граница Абхазии доходила когда-либо до Кубани. Во всех источниках последующего времени этой границей считается город Никопсия, расположенный на левом мысе небольшой бухты, в которую впадает р. Нечепсухо (развалины Никопсии сохранились до настоящего времени). Церковная легенда считала этот пункт местом погребения «апостола» Симона Кананита, рассматривая его как пограничный между Абхазией и адыгскими владениями. Первым высказал это положение автор X века Епифан Кипрский, который

¹ «Жизнь Грузии», стр. 242. В тексте ошибочно стоит «до большой реки Хазарии» (დობახრემელ ღიღად ხაზარეთად). Под этим названием в древнегруз. источниках была известна р. Волга.

² И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, 1913 г., Тбилиси, стр. 277 (на груз. языке).

П. Ингороква высказал мнение, что в данном случае имеется в виду р. Шапсухо, впадающая в Черное море несколько севернее Нечепсухо.

писал: «Могила Симона Кананита находится в городе Никопсия, [который расположен] на границе между Абхазией и Джикией»¹. Затем это же указание повторяют грузинские писатели XI в.

Так, Л. Мровели пишет: «Прибыли... Андрей и Симон Кананит в Абхазию и Эгриси. И там скончался Симон в городе Никопсии, на границе греков»². По поводу этого места из сочинения Л. Мровели проф. С. Каухчишвили замечает, что в данном случае Л. Мровели, надо полагать, опирался на источник того времени, когда Западная Грузия находилась под владычеством Византии³.

Для нас здесь важно то, что политическая (и, возможно, этническая) граница Абхазии, проходившая в секторе Никопсии, считалась в то же время крайним пределом владений «греков», т. е. Византии. В некоторых сводах «Жизни Грузии» прямо говорится, что «Никопсия... находится между Абхазией и Джигетией и является границей Греции»⁴. Поскольку Абхазское «эриставство» было вассальным владением Византии, то его северная граница, следовательно, считалась в то же время и границей Византии.

В источниках не сохранилось сведений о том, каким образом граница Абазгии (Абхазии) была доведена до р. Нечепсухо. Важную роль здесь, очевидно, сыграло то обстоятельство, что данная территория (от Бзыби до Нечепсухо) была заселена ближайше родственным абазгам населением – санигами и зехами. Общие интересы борьбы против иноземных захватчиков (в частности, против хазаров) также стимулировали, надо полагать, это объединение. Поскольку Абазгия являлась вассалом Византии, то помощь со стороны последней в этом акте вряд ли приходится отрицать, особенно если учесть активизацию византийской экспансии на Кавказе в последние годы правления Льва Исавра.

Что касается политической границы Абхазии на юге, то акад. И. Джавахишвили считал, что она в VIII в. проходила по Эгрисцкали⁵. Очевидно, он имел в виду одно место из сочинения Джуаншера, в котором говорится: «И потребовал кесарь границы Греции, приморскую страну, которая есть Абхазия, и сказал так: «От Эгрисцкали до реки малой Хазарии есть граница Греции со

¹ См. К. Кекелидзе, Этюды из истории древнегруз. лит., т. IV, стр. 258.

² «Жизнь Грузии», стр. 38.

³ «Георгика», т II, стр. 87.

⁴ «Георгика», стр. 43.

⁵ «Жизнь Грузии», стр. 177.

времен Александра»¹. Однако приведенное выше сообщение Джуаншера о содержании письма Леона I Арчилу прямо указывает на Класуру (Келасури) как на фактическую южную границу Абхазского владения.

Такое разноречие можно объяснить тем, что область между реками Келасури и Эгрис-цкали, в ее приморской части, после изгнания арабских захватчиков непосредственно овладели византийцы. Эта область представляла собой основную укрепленную часть района Великой Абхазской стены, которую византийцы, несомненно, должны были занять своими гарнизонами, отторгнув фактически от западно-грузинских владений Арчила. Интересно в этом отношении этимология названия географической области Западной Грузии «Одиши», которая бытовала в Мегрелии во времена Вахушти. Как он сообщает, о территории к западу от Эгрис-цкали мегрелы говорили: «Когда-то (“odeSi”) страна эта была нашей, ...до того времени, когда за рекой Эгриси живущие, отпав, присоединились к грекам»². В данной народной этимологии, несомненно, отражена память о том времени, когда политические владения Лазики на территории Абхазии простирались за р. Эгрис-цкали.

Таким образом, в состав Абхазского владения, помимо собственной Абазгии, вошли: Санигия на севере, значительная часть Апсилии (до р. Келасури и нагорные ее области), а также, по-видимому, и Мисиминия, поскольку Леон I владел крепостью Собгиси, которая вероятнее всего находилась у Марухского перевала, а бывший «мисимийский путь» на Северный Кавказ, как отмечалось выше, отныне стал именоваться «абхазским путем» (Клухорский перевал).

Этническую основу описанного выше политического объединения Абхазии составляла консолидация отдельных абхазских племен и небольших народностей в единую абхазскую народность. В этой связи следует указать на то обстоятельство, что с середины VIII в. ни апсилы, ни мисимийцы в источниках более не упоминаются. В частности, Джуаншер, описывая события 30-х годов VIII в. (борьбу против Мурвана Кру), говорит не об отдельных абхазских племенах, а только об «абхазах».

Таким образом, процесс образования абхазской феодальной народности завершился, в основном, в VIII в. Главную роль в формировании абхазской народности сыграли абазги и апсилы.

¹ И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. 2, стр. 48.

² И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. 2, стр. 48.

Слияние этих мелких народностей привело к созданию этнического ядра единой абхазской феодальной народности, с которым впоследствии слились и другие этнические компоненты, бытовавшие на территории исторической Абхазии – мисимияне, саниги и др. Обитатели горных районов Абхазии, по-видимому, в меньшей степени были втянуты в процесс этнической консолидации абхазского народа.

В основу образования единого языка абхазской народности ложится косвенно апсильский диалект; во всяком случае, он сыграл важную роль в этом. На это, возможно, указывает и то обстоятельство, что самоназвание апсильов было принято как самоназвание всей абхазской народности – «апсуа». Название а-баз-г(х) сохранилось в самоназвании одной из этнических ветвей абхазской феодальной народности, известной впоследствии под названием «абазины»¹.

Выдвижению апсильского диалекта на первое место должно было способствовать то обстоятельство, что в культурном отношении Апсилия занимала одно из ведущих мест на территории исторической Абхазии.

2. Грузино-абхазские отношения в VII–VIII вв.

Разносторонние связи между абхазами и грузинами в рассматриваемый период получили свое дальнейшее развитие. Имели место также и случаи, когда они выступали против внешних поработителей вместе с другими народами Кавказа. В этом отношении важно отметить такой факт, как помощь, оказанная в 572 г. лазами и абазгами восставшим против персидского гнета армянам. Византийский писатель Феофан сообщает, что когда армяне восстали против персов, то «на стороне армян сражались колхи, абазги и царь алан Сароэ»².

В 623 г. абазги и лазы, по настоянию византийского императора Ираклия (610–641 гг.), принимали участие в походах византийских войск против Ирана³, но при этом стремились отстаивать свои собственные политические интересы. Ниже будет подробно освещено

¹ В настоящее время обитают на Северном Кавказе. Состоят из двух этнических подразделений – «тапанга» и «ашхаруа». В XIX–XX вв. сформировались в самостоятельную народность.

² «Георгика», т. III, стр. 258.

³ Там же, т. IV, ч. I, стр. 95–97.

щена совместная борьба грузин и абхазов против византийских и арабских захватчиков, в которой еще более крепили их политические связи.

Как уже отмечалось, в течение всего VII столетия и в начале VIII абхазские области Апсилия и Мисиминия по-прежнему входили на вассальных началах в состав Лазики.

Лазика все время поддерживала теснейшие связи с соседней Абазгией. Как сообщает инок Анастасий в письме к Феодосию Гангрскому, когда мтаварам Лазики приходилось вследствие внутренних неурядиц, покидать свою страну то они обычно находили себе убежище в Абазгии. Так, в 663 г. лазский правитель был лишен власти и поселился в Абазгии.

Поскольку этот правитель плохо относился к Анастасию, то владетель Абазгии, который, наоборот, покровительствовал ему, просил его изменить свое отношение к сосланному иноку. Лазский правитель пообещал выполнить это в случае восстановления своей власти в Лазике. Но когда он сумел снова возвратиться в Лазику, то не сдержал своего обещания и по-прежнему стал подвергать Анастасия преследованиям. В частности, он поспешно перевел его из крепости Пуста, которая находилась близ границ Абазгии, во внутренние области Лазики, в крепость Схенери. Очевидно, он опасался того, как бы абазги не вызволили бы Анастасия из Пуста.

Анастасий не сообщает, каким образом лазскому правителю удалось восстановить свою власть в Лазике. Он пишет лишь, что тот «не знаю откуда, получил помощь и вернул себе управление страной»¹. Таковую помощь, можно полагать, лазский правитель получил из Абазгии, где находился во время своего изгнания. Когда же, спустя некоторое время, он вновь был изгнан из своей страны, то ему пришлось, как сообщает Анастасий, опять скрыться «туда, где он раньше находился», т. е. в Абазгию².

Эти сведения представляют собой значительный интерес еще и потому, что они проливают свет на внутреннее положение в Лазике во второй половине VII в. Отметим, прежде всего, то обстоятельство, что, по Анастасию, во главе Лазики стоит уже не царь, как это было прежде, а обычный правитель, который носил тот же титул, что и правитель Абазгии. Во всяком случае и того и другого Анастасий наделяет одним названием «принципса»³. Правители

¹ «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 45.

² Там же.

³ Византийские источники называют правителей Лазики «патрикиями».

Лазики, следовательно, были уже лишены царского титула. Акад. С. Джанашиа по этому поводу пишет: «В какой-то момент на протяжении VI–VII вв. в Эгриси была уничтожена, ясно по милости Византии, царская власть». По его мнению, это произошло или в конце VI в. или в 20-х годах VII в.¹ Весьма возможно, что упразднение царской власти в Лазике Византия осуществила после 623 г., когда император Ираклий имел основание быть недовольным Лазикой за ее отказ от участия в предпринятом Византией персидском походе².

Однако решающую роль в упразднении царской власти в Лазике сыграли местные окрепшие феодальные элементы. Акад. АН Грузинской ССР Н. Бердзенишвили пишет об этом следующее: «Ослаблению власти эгрисского царя способствовало, несомненно, углубление процесса феодализации внутри страны, появление «государей» – «мтаваров». Опираясь на них, византийцы сумели урезать права царской власти в Эгриси, а затем свести ее до власти эрисмтавара»³.

Вместе с тем сообщения Анастасия указывают и на то, что во второй половине VII в. в Лазике происходили серьезные феодальные междоусобицы, приводившие нередко к изгнанию правителей из страны. Так, например, Анастасий свидетельствует, что тот правитель Лазики, при котором он прибыл в эту страну, спустя 6-7 месяцев после его приезда был свергнут. Его преемника, как уже отмечалось, дважды отстраняли от власти, принуждая оба раза покидать Лазик⁴. Не вызывает сомнения, что эти междоусобицы также являлись, в конечном итоге, результатом дальнейшего развития феодальных отношений в Лазике и выражали стремление крупных феодальных элементов к политическому сепаратизму.

В таких условиях, разумеется, правителям Лазики становилось все труднее поддерживать свою власть в собственной стране и тем более в вассальных владениях, в частности, в Апсилии и Мисиминии, где местные феодалы проявляли не меньшее стремление к сепаратизму, получая, надо полагать, соответствующую поддержку из Абазгии.

В самом конце VII века правитель (патрикий) Лазики Сергей отложился от византийцев и подчинил свою страну арабам⁵. Такой

¹ С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, стр. 88–89.

² См. «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 97.

³ См. История Грузии, 1958, г., стр. 123.

⁴ См. История Грузии, 1958 г. стр. 45.

⁵ «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 105.

поступок, разумеется, Византия никогда не простила бы правящим кругам Лазики и, по восстановлении своего господства, должна была предпринять соответствующие политические санкции.

И действительно, когда арабы были изгнаны из Западной Грузии и влияние Византии восстановлено, византийское правительство полностью ликвидировало старую систему самоуправления Лазики. Акад. С. Джанашиа пишет: «Нужно думать, что теперь, когда вся страна находилась в руках византийцев, должность патрикия оказалась излишней и нежелательной, и в Эгриси было введено непосредственно имперское управление. Ни о патрикий, ни тем более о царе Лазики (Эгриси) в VIII в. ничего не слышно. Зато обстоятельства способствовали усилению Абазгийского княжества»¹.

Абазгия, разумеется, должна была воспользоваться этими обстоятельствами в целях расширения своих владений и уже к 30-м годам VIII в., как отмечалось, подчинила себе большую часть Аписилии и Мисиминии.

«Непосредственно имперское управление» во всей Лазике продержалось недолго. Из политических соображений, надо полагать, Византия восстановила самоуправление в Западной Грузии, но не под началом местной Лазской династии, а во главе с картлийским «царем» Арчилем. С. Н. Джанашиа пишет: «По Джуаншеру, в начале VIII в. в Эгриси местной династии совсем не видно, и вся страна вплоть до границ Абхазии принадлежит картлийским эрисмтаварам»².

Взаимоотношения между эриставом Абхазии Леоном I и правителем Западной Грузии Арчилем сложились следующим образом.

Прежде всего они заключили между собой военно-политический союз для борьбы с арабами с целью их изгнания из страны и заручились для осуществления этой задачи поддержкой Византии. Этот шаг был продиктован политической необходимостью. Арчил, брат его Мириан (Мир) и Леон I направили письменные послания императору Льву Исавру, в которых описывали бедствия, вызванные арабским господством и просили оказать помощь. Император в ответном письме Арчилу и Мириану признал их своими вассалами и санкционировал их управление Западной Грузией³.

¹ С. Джанашиа, Абх. с I по X вв., стр. 46–47.

² С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, стр. 89.

³ «Жизнь Грузии», стр. 239.

В специальном письме к Леону император утвердил его наследственные права на Абхазию, предлагал подчиняться во всем Арчилу, как своему сюзеру. В этом письме читаем: «Жалую звание эристава Абхазии тебе и сыновьям твоим и будущим потомкам навеки. Повелеваю тебе, хорошо относиться к царю картлийскому и его народу, ибо отныне ты не должен использовать свою власть в ущерб им и границам их эгрисским»¹.

Причина стремления императора подчинить Леона Арчилу сводилась к тому, что в своих дальнейших планах борьбы против арабов, в частности, с целью изгнания их из Восточной Грузии, Византия делала основную ставку на Арчила, и ей в данный момент было выгодно, чтобы остальные правители Западной Грузии, в частности, Леон I, выступал в союзе и дружбе с Арчилом.

Как мы видим ниже, такое стремление Византии объективно совпадало и с политическими планами правителя Абхазии. Пока же отметим, что борьба против арабских захватчиков, в частности, в момент нашествия Мурвана Кру (30-е годы VIII в.), требовала объединения усилий Леона и Арчила. После же того, как они совместными усилиями одержали верх над арабами, между ними был заключен договор о дружбе и вассальных отношениях.

При заключении договора Арчил заявил Леону: «Пусть благословит тебя господь за все, что ты сделал для нас, когда мы были твоими гостями, и обеспечил нас спокойствием в твоих пределах; но теперь уже, как известно, восстановлена наша страна за Келасури. Пойду я обоснуюсь в Цихе-Годжи и Кутаиси. Ты же теперь проси у меня, что хочешь, взамен твоей доброй службы»².

По сообщению Джуаншера, Леон ответил Арчилу следующее: «Дал мне кесарь страну эту в наследственное владение благодаря вашему доброму содействию. Отныне же эта страна от Келасури до Большой реки Хазарии, куда достигают вершины кавказские, является моим наследственным уделом. Включи меня в число рабов твоих, которые должны ныне быть сыновьями и братьями твоими. Не нужно мне доли от тебя и мое пусть будет твоим»³.

Как видно из приведенных документов, по договору, заключенному между двумя правителями, юридически граница их владений устанавливалась по реке Келасури, хотя, как выше отмечалось, фактически эта граница должна была проходить южнее, в районе

¹ Там же, стр. 240.

² «Жизнь Грузии», стр. 242.

³ Там же.

Эгрис-цкали. Далее, Леон I признавал себя вассалом Арчила и в удобной дипломатической форме обязывался не посягать на его владения, закрепляя за собой свои собственные.

Союз между Арчилом и Леоном был скреплен династическим браком: Арчил выдал за Леона свою племянницу. Джуаншер сообщает по этому поводу следующее: «И отдал тогда Арчил в жены Леону племянницу свою (дочь брата) Гурандухт и корону, которую царь греков прислал ему для Мира. И дали они друг другу клятву твердую в том, что не будет вражды между ними, и Леон будет послушен Арчилу всю жизнь свою»¹.

Основная причина признания сюзеренитета Арчила Леоном объясняется тем, что та форма феодальных отношений, которая сложилась к тому времени в Картли и Эгриси, более всего соответствовала социально-экономическим интересам абхазских феодалов. Неслучайно, что именно Арчилу приписывают проведение в Картли политической реформы, которая в тех условиях более всего отвечала задаче преодоления феодалами классового сопротивления крестьян и ограждения феодальных владений от захватнических устремлений соседних владетелей.

Арчил произвел в Картли следующее преобразование: половину земель в Картли он оставил за собой, а другую половину раздал эристам, но не во временное пользование, а в наследственное владение. «После этого эристав в своем эриставстве становился государем и его подчинение картлийскому эрисмтавару более походило на подчинение слабого мтавара сильному (или, как тогда говорили, на подчинение «сына» «отцу-господину»), чем на подчинение чиновника своему государю»².

Совершенно очевидно, что такая форма сюзеренно-вассальных отношений вполне устраивала Леона Абхазского (вспомним его формулу: «Включи меня в число рабов твоих, которые достойны быть сыновьями и братьями твоими»).

Подобная политическая организация в эпоху раннего феодализма, как отмечалось, более соответствовала общественным отношениям того времени, поскольку она обеспечивала максимальную концентрацию политической власти феодалов на местах, способную преодолеть локальное в тех условиях сопротивление закрепощаемых крестьянских масс, а в случае необходимости могла рассчитывать на поддержку сюзерена в борьбе против внутренних

¹ Там же, стр. 242–243.

² См. История Грузии, 1958 г., стр. 120.

и внешних противников. Поскольку Абхазия того времени представляла собой развивающуюся феодальную страну, но находящуюся еще на ранней стадии развития феодализма, то ее до поры вполне устраивала описанная выше форма общегрузинской политической организации, в состав которой она включилась. Как мы увидим ниже, характер социально-экономического развития Византии в VII–VIII вв., а также арабские общественные отношения, были, несомненно, абсолютно чужды господствующему феодальному сословию абхазского общества, и оно поэтому неминуемо должно было войти в сферу именно грузинского феодализма, а не византийского, арабского или, тем более, слабо развитого феодализма северо-кавказских политических образований.

Кроме того, дальнейшее сближение феодальной Абхазии с ведущими районами феодальной Грузии стимулировалось также и многовековыми традициями дружбы, исторического единства и этнического родства обеих народов, о чем уже говорилось выше. Однако, разумеется, решающую роль в этом играли социально-политические мотивы, которыми руководствовался восходящий и прогрессивный феодальный класс, представлявший собой господствующую социальную силу.

Общность интересов абхазских и грузинских феодалов на том этапе нашла свое отражение, в частности, в их активной совместной борьбе с византийскими и арабскими захватчиками, господство которых грозило утверждению чуждых им социально-политических систем. Эти антивизантийские и антиарабские настроения феодалов объективно совпадали в известной степени со стремлением широких народных масс отстоять свою родину от всяких иноземных паразитов, в том числе арабских и византийских.

Развитие связей между населением Абхазии и Грузии наблюдается в тот период и в сфере культуры. Немалую роль в этом отношении сыграло, как уже отмечалось выше, введение христианства. В этой связи интересно отметить что в VII или в VIII в. на территории Абхазии, в с. Дранда был возведен собор, который по целому ряду архитектурных форм сближается с мцхетским «Джвари», являющимся ведущим памятником грузинской культовой архитектуры той эпохи. В своей работе «Памятники типа Джвари» Г. Н. Чубинашвили указывает, что драндский собор и мцхетский «Джвари», несмотря на существенные отличия, являются «близкими по типу»¹. В частности, Г. Н. Чубинашвили отмечает, что в

¹ Г.Н. Чубинишвили. Памятники типа Джвари, 1948 г., Тбилиси, стр. 31.

драндском храме «три трехгранных выступа восточного фасада связаны между собой в глубине арками, чем достигается приближение к фасадным формам Джвари»¹.

Отмеченный факт, разумеется, не является случайным. Он свидетельствует о творческих связях зодчих, создававших замечательные творения в Восточной Грузии и Абхазии.

3. К вопросу о национальной принадлежности владетельных князей («архонтов») Абазгии и объединенной Абхазии

Единственным источником, в котором приводится список правителей Абазгии и Абхазии вплоть до Леона II, первого царя Абхазского царства, является так называемый «диван», представляющий собой последовательный перечень абхазских владетелей и царей, приведенный в одном из актов Баграта III. Этот интересный документ был обнаружен и впервые издан Е. Такайшвили².

Как установил С. Н. Джанашиа, «диван» составлен в 1008–1014 гг. и «представляет собой нечто вроде исторического меморандума, в котором Баграт III подчеркнул свою связь с абхазской династией и свои наследственные права»³.

Текст этого документа (в части, касающейся абхазских «архонтов») гласит: «Первым царем абхазов был Анос; вторым сын его Гозар; третьим сын его Иствине⁴; четвертым сын его Финиктиос⁵; пятым сын его Барук⁶; шестым сын его Дмитрий; седьмым сын его Феодосий; восьмым сын его Константин (I); девятым сын его Феодор; десятым сын его Константин (II)». Одиннадцатым в списке значится царь Леон II, который назван здесь братом Константина II⁷.

Исследователи (Е. Такайшвили и другие) не раз указывали на то обстоятельство, что список этот не является полным. И действи-

¹ Там же, стр. 72.

² Е. Такайшвили, Древняя Грузия, т. II, Тбилиси, 1911 г., стр. 28–54 (на груз. яз.) Список абхазских царей, приведенный в сочинении патриарха Досифея «История иерусалимских патриархов» (XVII в.) по справедливому утверждению Е. Такайшвили, восходит к обнаруженному им оригиналу.

³ С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 324–325.

⁴ Юстиниан в списке Досифея.

⁵ «Филиктос»

⁶ «Копоруки»

⁷ Е. Такайшвили, цит. соч., стр. 37.

тельно, из него, например, выпал такой видный деятель первой половины VIII в., как Леон I, который, по Джуаншеру, приходился дядей царю Леону II¹.

Касаясь вопроса о форме правления перечисленных «царей», Е. Такайшвили замечает: «Перечисленные в нашем списке первые цари должны были быть назначенными византийцами правителями, или эриставами Абхазии, а не царями»². Действительно, как это точно установлено в грузинской исторической науке, представители абхазской династии принимают царский титул (в лице Леона II) лишь в конце VIII в., а до этого в византийских источниках они именуется «архонтами», «егуменами», в латинских – «принципами», в грузинских – «эриставами».

О национальной принадлежности абхазской династии в источниках нет прямых указаний. Поэтому Д. Бакрадзе в своей «Истории Грузии» отметил, что «неизвестно, кто такие были абхазские эриставы греческих времен». Он указал лишь на то обстоятельство, что почти все они носили греческие имена³. П. Уварова более определенно называет их «греческими архонтами»⁴. Того же мнения придерживался и Д. И. Гулиа⁵. В. Латышев считал, что Леон II и его преемники были «из династии Багратидов»⁶. Однако ни один из названных авторов не приводит никаких аргументов, подтверждающих их предположение.

В последнее время на вопросе о национальной принадлежности представителей абхазской династии подробно остановился П. Ингороква в своем труде «Георгий Мерчуле».

П. Ингороква выдвинул положение, по которому эта династия была не абхазской, а лазской. Он пишет: «Так называемая абхазская династия это есть... та же династия лазских мтаваров», причем, вначале ее представители носили, якобы, титул «патрикиев Лазики», затем (начиная с Леона I) титул «эриставов Абхазии» и, наконец, (с Леона II), – «царей Абхазии»⁷.

Однако с положением П. Ингороква, что первые правители от Аноса до Константина I носили титул «лазских патрикиев», нельзя

¹ «Жизнь Грузии», стр. 251.

² Е. Такайшвили, цит. соч., стр. 54.

³ Д. Бакрадзе, История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1889 г., стр. 273–274 (на груз. яз.).

⁴ П. Уварова, цит. соч., стр. 8.

⁵ Д. Гулиа, История Абхазии, т. I, Сухум, 1925 г., стр. 208.

⁶ В. Латышев, К истории христианства на Кавказе, 1911 г., стр. 10–11.

⁷ П. Ингороква, Георгий Мерчуле, стр. 192.

согласиться, поскольку оно, по сути дела, ничем не обосновано. В генеалогическом списке Баграта III все они названы «абхазскими царями», а не правителями Лазики; других же источников, на основании которых их можно было бы считать лазами, не существует.

Совершенно бесосновательно также П. Ингороква включает в этот список упомянутых в сочинении Феодосия Гангрского патрикиев Лазики Лебарнука и Григория. Феодосий определенно говорит, что о судьбе инока Анастасия ему рассказал правитель Лазики Лебарнук¹, а вслед за этим он упоминает Григория, который назван им «истинно христоробивым патрикием и магистром лазской страны»².

Единственным доводом, на который мог бы сослаться П. Ингороква, является совпадение имени Лебарнука с именем пятого «царя» багратовского списка – Барнуком. Однако нет никаких оснований для отождествления этих личностей, поскольку вполне допустимо, что лазский и абазгский правители носили одно и то же имя. Что же касается Григория, то также остается совершенно непонятным, из каких соображений П. Ингороква помещает его между Финиктиосом и Дмитрием I багратовского списка абхазских «царей»³.

Единственное, с чем можно согласиться, так это с включением в названный список Леона I между Константином I и Феодором I⁴. Однако утверждение П. Ингороква, будто Леон I первоначально был правителем Лазики, выдвигается им так же бездоказательно, как и другие его положения, относящиеся к вопросу о национальном происхождении «абхазской династии». П. Ингороква пишет: «Леон I, после того, как он начал борьбу против арабов, покинул Внутреннюю Эгриси, где прочно укрепились арабы, перебрался в северную часть лазской страны – в Абхазию и там укрепился»⁵.

Откуда взято это сообщение, о котором ни в одном из источников нет никаких сведений?

¹ «Георгика», т. IV, ч. I., стр. 49.

² Там же, стр. 50.

³ П. Ингороква, цит. соч., стр. 193 (П. Ингороква повторяет, без ссылки на источник, ошибочное утверждение Ю. Кулаковского («Христианство у алан», стр. 4, сноска 3) о том, что Григорий, якобы, был правителем Абазгии, чему явно противоречит указание того же Феодосия Гангрского, на которого он ссылается).

⁴ Там же.

⁵ П. Ингороква, цит. соч., стр. 197.

О Леоне I повествуется только в сочинении Джуаншера, но в нем и намек нет на лазское происхождение Леона или о его переезде из Лазики в Абхазию, наоборот, Леона I Джуаншер неизменно именует «эриставом Абхазии».

Положение П. Ингороква о лазском происхождении абхазской династии неминуемо вызывает целый ряд вопросов: куда же девались правители Абазгии, которые, как это видно из письма инока Анастасия, носили тот же титул «принципов», что и лазские правители того времени («princes Abasgiae»); почему понадобилось византийскому императору Льву Исавру лишать абазгских «принципов» власти в их стране и ставить во главе ее лазского правителя; почему, наконец, Лев Исавр, после того, как Западная Грузия была очищена от арабов, не восстановил «законные» права Леона I в Лазике, а передал эту страну во владение картлийскому царю Арчилу? – Однако эти вопросы П. Ингороква даже не ставит в своем труде.

В свете сказанного становится очевидным, что положение о лазском происхождении абхазской династии не может быть признано состоятельным. Гораздо убедительнее приведенное выше положение акад. С. Н. Джанашиа, что византийцы после изгнания арабов вовсе упразднили должность патрикия в Лазике и на определенное время ввели там «непосредственно имперское управление», а затем передали Лазику на вассальских началах Арчилу Картлийскому. Во всяком случае, византийское правительство вряд ли стало бы благоволить лазским правителям, которые в конце VII в. первыми перешли на сторону арабов и передали им свою страну¹.

У нас нет никаких оснований для пересмотра давно признанного в грузинской историографии положения, что во главе абхазского объединенного княжества была поставлена династия прежних абазгских правителей в лице Леона I. Ее представители к своему имени прибавляли дополнительное имя «Абхазский» («Абазгский»), как это видно из вислой печати правителя Абхазии Константина (I или II), обнаруженной во время раскопок в Пицунде в 1954 году (KWNCTANTINOC ABACGIAC). Как правильно отмечает издатель этой печати В. Леквинадзе, «так мог называться только владетель Абхазии, пользовавшийся правом скреплять свои акты и послания вислыми печатями»².

¹ «Георгика» т. IV, ч. I, стр. 105.

² В. Леквинадзе, Вислая печать Константина Абхазского, «Сообщения АН ГССР», т. XVI, № 5, 1955 г., стр. 404.

Нельзя считать признанным и греческое происхождение абхазской династии. Совершенно не исключается, что византийское правительство могло утвердить «архонтом» Абазгии преданного ему человека из местной феодальной знати. Греческие же имена представителей этой династии могут быть объяснены их христианским вероисповеданием. Неслучайно инок Анастасий называл Абазгию «христолюбивой страной» («Christi amatorum regione Abasgorum»), а ее правителей – «друзьями Христа» („amici Christi principes Abasgiae«).

Но какой бы то ни была национальная принадлежность основателя абхазской династии, эта последняя была абхазской по социально-политическому направлению своей деятельности в первые два столетия своего существования. Когда же эта династия, в силу определенных исторических обстоятельств, становится во главе Западно-грузинского («Абхазского») царства, то она уже осуществляет обусловленную конкретными причинами общегрузинскую политику, о которой подробно будет рассказано в следующей главе.

4. Борьба грузин и абхазов против византийских захватчиков

Выше уже говорилось о том, что после изгнания персов из Западной Грузии политическое влияние Византийской империи в Лазике и Абхазии становится сравнительно прочным. П. Ингорква в книге «Георгий Мерчуле» правильно отмечает, что после окончания ирано-византийской войны «господство Византии в Западной Грузии, в Лазике и Абхазии, продлилось два столетия», причем, это господство подразделяется им на два периода: 1) с VI до конца VII вв. и 2) с 40-х годов до 80-х г. VIII столетия. Между ними лежит почти полувековой период владычества арабов¹. С такой периодизацией вполне можно согласиться.

Однако, как мы знаем, зависимость Лазики и Абхазии от Византии на протяжении этих периодов далеко не сводилась к их полной инкорпорации, а почти всегда носила характер сюзеренно-вассальных отношений, степень которых находилась в прямой зависимости от соотношения сил на том или ином этапе. Осуществляя свой суверенитет, в частности, над Абхазией, Византия опиралась непосредственно на свои военные гарнизоны в Питуунте, Севастополе и в районе Келасурской стены.

¹ П. Ингорква, Георгий Мерчуле, стр. 195.

Правители Лазики и Абазгии, согласно нормам своих взаимоотношений с Византией, были обязаны выполнять «приказания», получаемые от византийского правительства.

Характерны в этом отношении данные одного исторического документа, известного под названием «Мартиролог (мученичество) Орентия и его братьев», относящегося к VI в. и дошедшего до нас в грузинском переводе с греческого¹.

В этом мартирологе рассказывается, что Орентий и его «братья» за свои религиозные убеждения были сосланы византийским императором в Абазгию. Правитель Абазгии, который назван в источнике Ригвадином, получил от императора соответствующие инструкции, по которым он должен был взять на себя заботу о заключении и содержании сосланных лиц. Издатель мартиролога акад. АН ГССР К. С. Кекелидзе справедливо заключает, что тогда Абазгия «находилась еще под политическим господством империи»².

Хотя по мартирологу описанные события относятся как будто к IV веку, но характер описанных в них отношений, скорее, может быть датирован временем написания мартиролога (т. е. VI в.). В связи с приведенным фактом уместно напомнить историю ссылки в Лазикю Максима Исповедника и его приверженцев, из которой явствует полная зависимость лазских правителей от Византии.

В силу своего вассального положения правители Лазики и Абазгии должны оказывать византийскому правительству военную помощь. В случае необходимости они поставляли воинские контингенты и выступали в таких случаях в качестве «союзников» империи. Проф. С. Г. Каухчишвили пишет, что император Ираклий «создал в Малой Азии войско по новой системе и приобрел союзников; основными союзниками Ираклия становятся иберы, армяне, лазы, абхазы и хазары. Ираклий правильно учел значение закавказских народов для укрепления стойкости и усиления византийского войска. И действительно, Иберия, Лазика и Армения дали Ираклию значительно больше бойцов, чем могла дать уже обескровленная Малая Азия»³.

Однако систематическое участие в бесконечных войнах Византии, даже на положении «союзников», не могло не вызывать недо-

¹ К.С. Кекелидзе, Этюды из истории древнегруз. лит., т. IV.

² Там же, стр. 297.

³ С. Каухчишвили, Лекции по истории Византии, ч. I, Тбилиси, 1948 г., стр. 15 (на груз. яз.).

вольства со стороны народов Закавказья, в том числе грузин и абхазов. Закавказским народам были чужды захватнические устремления, которыми руководствовалось византийское правительство в своей военной политике. Поэтому всегда, когда этому благоприятствовали обстоятельства, они выступали против участия Византии в агрессивных войнах. Интересны в этом отношении события, связанные с персидским походом того же Ираклия в 623 г.

Византийский историк Феофан Хронограф рассказывает, что император Ираклий, не добившись существенных успехов в борьбе против персов в Восточном Закавказье, решил организовать вторжение в месопотамские владения Ирана. Но изнуренные войной боевые соединения закавказских народов отказались от дальнейшего участия в персидском походе, несмотря на настойчивые уговоры Ираклия. Феофан пишет: «Но войско не поддержало его (Ираклия) в этом, в особенности не соглашались его союзники из лазов, абазгов и иберов»¹. Ираклию, по-видимому, пришлось применить по отношению к непокорным «союзникам» репрессии, о чем свидетельствует сообщение Феофана о том, что лазы, иберы и абхазы за свое непослушание «попали в большую беду»².

Военные действия для византийских войск складывались неудачно. Под напором персов Ираклий был вынужден отступить на Северный Кавказ, однако лазы и абазги не последовали за Ираклием и возвратились на родину. Феофан рассказывает об этом следующее: «Лазы и вместе с ними абазги испугались; они вышли из союза с римлянами и вернулись в свои страны»³. Однако совершенно очевидно, что действительной причиной ухода абазгов и лазов от Ираклия являлось нежелание проливать кровь где-то на чужбине, за абсолютно чуждые им политические цели.

Приведенный факт свидетельствует о том, что абазги и лазы тяготились зависимостью от Византии и в благоприятных условиях оказывали ей посильное сопротивление. Это обстоятельство подтверждается и другими источниками (хотя в целом рассматриваемый период в исторических материалах отражен весьма скупо).

Определенный интерес в этом отношении представляют некоторые сведения из цитированного выше письма инок Анастасия Феодосию Гангрскому.

¹ С. Каухчишвили, Лекции по истории Византии, ч. I, стр. 46.

² Там же.

³ Там же, стр. 97.

Как повествует Анастасий, в Абазгию приехал, с целью оказать ему поддержку, один из видных приверженцев Максима Исповедника диофизит Степан. Характерно, что Степан прибыл не в Лазик, правители которой в то время (60-е годы VII в.), как видно, проявляли покорность Византии и держали у себя в заключении сосланного византийским правительством Анастасия, а направился в Абазгию, где, надо полагать, антивизантийские настроения были сильнее. Это видно из того, что правитель Абазгии дружелюбно принял Степана, являвшегося приверженцем религиозного направления, подвергавшегося в Византии гонению. Анастасий сообщает, что правящие круги Абазгии приняли Степана «с большой охотой и любовью»¹.

Впоследствии выяснилось, что не только в Абазгии, но и в соседней Апсилии и даже в собственно Лазике у Степана оказалось немало покровителей. Анастасий повествует далее, что Степан, «подобно духовному коню, обошел всю Лазик, Апсилию и Абазгию и смело проповедывал как истину, так и новое направление»². То обстоятельство, что проповеднику диофизитства позволяли свободно распространять свое учение в вассальных от Византии странах, красноречиво свидетельствует, насколько велико было в этих странах недовольство политикой Византии.

В заключение Анастасий рассказывает, что Степан до конца своих дней оставался в Абазгии. Он умер «в доме правителя Абазгии – христоролюбивого человека»³.

Как свидетельствуют различные источники VII–VIII вв., в течение этого периода политический конфликт между Лазикой и Абазгией, с одной стороны, и Византийской империей, с другой, – систематически обострялся. Это объяснялось не только возрастающим недовольством против византийского политического господства, но и в немалой степени все более увеличивающимся расхождением между византийской и общегрузинской формами утверждающихся феодальных отношений.

Хотя в VII столетии Византия в основном уже потеряла характер рабовладельческого государства и по мере развития крепостнических отношений все более превращалась в феодальное, однако форма сложившегося в тот период в Византии феодализма,

¹ «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 46.

² Там же.

³ Там же, стр. 47.

как это уже отмечалось выше, она никак не могла импонировать господствующим элементам грузинского и вместе с ним абхазского обществ.

Дело в том, что процесс феодализации Византии был, как известно, теснейшим образом связан с колонизацией на территории империи «варварских» племен, преимущественно славян. К середине VII века славяне расселились почти на всей территории Балканского полуострова и в значительном количестве проникли даже в Малую Азию. «Рабы и колоны, боровшиеся против рабовладельческих порядков, естественно видели в славянах своих союзников... Заселение территории Византии славянами, у которых господствовали общинные отношения, привело к широкому распространению в ней свободной крестьянской общины. Значительная часть земель была отнята у крупных землевладельцев и перешла в руки свободных крестьян»¹.

Таким образом, в Византии переход от рабовладельческих отношений к феодальным осуществлялся в значительной части через временное усиление и рост общинных отношений и мелкокрестьянского землевладения. К середине VIII в. свободные земледельцы, объединенные в соседскую общину, становятся основной социальной категорией сельского населения Византии².

В сравнении с Византией процесс утверждения феодальных отношений в Грузии отличался существенными особенностями. Здесь развитие феодализма осуществлялось не только путем феодализации элементов рабовладельческого уклада, пережиточно сохранившегося от прежних времен, но и преимущественно путем борьбы молодого, крепнущего феодального уклада с патриархально-общинными отношениями. Грузинские феодалы активно наступали на сельских общинников, закрепощали их, присваивали общинные владения. В течение VII–IX вв. этот процесс сделал значительные успехи. К началу X века в ведущих районах Грузии основная масса непосредственных производителей фактически была почти полностью закрепощена.

Таким образом, феодализация Грузии осуществлялась не через укрепление и развитие сельской общины под влиянием распространявшейся свободной «варварской» общины, как это происходило в Византии, а, наоборот, через постепенную ликвидацию сельской общины, за счет которой систематически возрастал феодальный уклад.

¹ Всемирная история, т. III, стр. 91.

² Там же, стр. 212.

Такая форма феодальных отношений, конечно, больше соответствовала интересам нарождающейся абхазской феодальной знати, которая, разумеется, не могла не быть в курсе социально-экономических явлений, происходивших в Византии. Неудивительно поэтому, что господствующие слои абхазского общества в лице местных феодалов должны были тяготеть не к Византии, а к Грузии, с которой абхазов связывали также этническое родство и традиции многовекового исторического единства.

В таких условиях, разумеется, абхазы должны были активно включиться и действительно включились в общую борьбу против византийских захватчиков, господствовавших в Западной Грузии и все время стремившихся установить свое господство и в Восточной Грузии.

Так, в 686 г. византийцы в борьбе с арабами достигли значительных успехов и сумели покорить Иберию и Армению¹. Однако им удалось удержаться здесь недолго. Спустя три года сюда вторглись хазары, которые к этому времени создали мощное «варварское» государство в степях Нижнего Поволжья и Предкавказья. Хазары сумели вытеснить византийцев из Иберии и подвергнуть опустошению как Картли, так и значительную часть Армении и Албании².

Вскоре положение Византии ухудшается еще больше. В конце VII – начале VIII вв. она переживает период политической анархии, вызванный острой борьбой различных группировок господствующего класса за престол³.

Создавшейся обстановкой более всех воспользовались арабы. К концу VII в. они сравнительно прочно укрепились в Картли. В то же время в Западной Грузии повторилась старая история. Эгрисцы против одного врага попытались использовать другого противника⁴. В 697 г. лазский правитель поднял восстание против византийцев и пригласил в свою страну арабов. Феофан Хронограф сообщает, что «в этом году (697 г.) восстал патрикий Лазики Сергей, сын Баранука и подчинил эту страну арабам»⁵.

К началу VIII века арабские войска разместились в столице Эгриси Цихе-Годжи и в некоторых крепостях Кодорского ущелья, т. е. непосредственно на территории Абхазии – в Апсилии и Мисимини.

¹ «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 105.

² История Грузии, 1958 г., стр. 116.

³ Всемирная история, т. III, стр. 216.

⁴ История Грузии, 1958 г., стр. 116.

⁵ «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 105.

Вместе с Лазикой от Византии отложились и абазги, как это видно из последующих событий. Чтобы отомстить абазгам и лазам за «измену», византийское правительство решило использовать для этой цели аланов. Оно направило к ним искусного дипломата Льва Исавра (будущего императора) с поручением инспирировать аланов на опустошительные вторжения в Лазику и, главным образом, в Абазгию. Феофан по этому поводу пишет: «Юстиниан послал (Льва Исавра) в Аланию; он дал ему огромную сумму денег и повелел натравить аланов на абазгов»¹.

Лев Исавр прибыл в Лазику и через Апсилию сумел пробраться к аланам. Однако взятые с собой деньги он, на всякий случай, припрятал в Фазисе (Пота). «Аланы, – рассказывает далее Феофан, – приняли его с большой почестью, послушались его, вторглись в Абазгию и опустошили эту страну»².

Правящие круги Абазгии решили заполучить Льва Исавра из Алании и направили туда с этой целью послов, которые заявили аланам, что Лев Исавр обманывает их и что византийский император направил его в Аланию с единственной целью погубить его, т. к. видел в нем своего соперника. Послы предложили аланам выдать им Исавра, пообещав за это три тысячи золотых монет. Но аланы не поверили им и ответили, что из-за денег они не изменят Византии. Тогда абазги вновь отправили послов к аланам и предложили за Льва Исавра уже 6 тыс. монет. Теперь аланские вожди не устояли перед таким искушением и ответили послам, что они принимают их предложение. В то же время аланы не решались порвать с Византией и сообщили Исавру, что они лишь притворно согласились на предложение абазгов, дабы получить возможность произвести разведку на территории Абазгии, пообещав ему по пути напасть на абазгов и отбить его. Это им удалось удачно осуществить.

Вслед за этим аланы (по-видимому, опять по наущению Исавра) совершили новое вторжение в абхазские «клизуры» и увели с собой много пленных³.

Спустя некоторое время византийский император прислал письмо правителю Абазгии, в котором просил спасти Исавра и доставить его невредимым в Византию. За исполнение этого при-

¹ «Георгика», т. IV, стр. 106--110.

² Там же, стр. 106.

³ Там же, стр. 107–109.

каза, писал он, «я прощу вам все ваши ошибки»¹. Под «ошибками» абазгов Юстиниан, надо полагать, имел в виду их отпадение от Византии и переход на сторону арабов.

Как сообщает Феофан, абазги «с радостью услышали это (предложение императора)»². Однако, несомненно, эта «радость» была вызвана не желанием восстановить прежнее господство Византии, а использовать ее в борьбе против арабских захватчиков, которые за весьма короткий срок показали, что они никак не могут сойти за силу, способную помочь народам Западной Грузии избавиться от иноземных захватчиков, а, наоборот, проявили себя намного хуже византийских поработителей.

Чтобы исполнить повеление императора, абазги снова отправляют послов к аланам с предложением выдать им Льва Исавра для отправки его в Византию³. Но Исавр не доверял абазгам и наотрез отказался возвращаться в Византию «Абхазским путем». Лишь спустя определенное время Льву Исавру с помощью апсиллов, составших против арабов, удалось выбраться из Абхазии.

В дальнейшем, в процессе борьбы против арабских захватчиков, правитель Абазгии Леон I был вынужден укрепить военно-политический союз с Византией. П. Ингорква по этому поводу пишет: «Для Леона I, как реального политика, разумеется, должно было быть ясно, что он не сумел бы удержать за собой ни абхазские края, ни продолжать борьбу за освобождение Западной Грузии от мировой арабской империи – против Омеядского халифата, если бы он не стал опираться на другую большую международную силу той эпохи, т. е. на Византийскую империю»⁴. Леон I, так же как и Арчил Картлийский, должен был пойти на компромисс с Византией, но в тех исторических условиях это было действительно наименьшим злом, в сравнении с утверждением арабского владычества⁵.

В силу этого компромисса, как отмечалось, вассальная зависимость образовавшегося в этот период объединенного Абхазского княжества все же сохранялась. Недаром грузинские источники называют Леона I «эриставом кесаря», т. е. византийского императора, а по византийским известиям «князь абазгов принадлежал к числу тех династов, которые получили от императора «приказ» («келевсис»)».

¹ Там же, стр. 109–110.

² Там же, стр. 110.

³ «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 110.

⁴ П. Ингорква, Георгий Мерчуле, стр. 197.

⁵ Там же, стр. 198.

Однако зависимость Леона I от Византии была относительно слабее, чем зависимость прежних правителей Абазгии. Поэтому нам кажется правильным предположение К. Кудрявцева, что «Леон являлся не чиновником, а полунезависимым владетелем, вассальным князем, а Абазгия – «полунезависимым владением», хотя и находившимся под политическим и экономическим влиянием Византии¹.

Наряду с этим следует подчеркнуть, что теперь объединенное Абхазское княжество представляло собой намного более крупную политическую единицу, нежели прежняя небольшая Абазгия. Поэтому оно могло рассчитывать на значительно большие успехи в дальнейшей борьбе против византийских захватчиков, которая действительно привела к концу VIII в. к полному освобождению Абхазии и всей Западной Грузии от владычества Византии.

5. Борьба грузин и абхазов за изгнание арабских захватчиков из Западной Грузии

В 30-х гг. VII в. на политическую арену Ближнего Востока выступает новая агрессивная сила в лице арабских захватчиков. Воспользовавшись тем обстоятельством, что прежние «мировые империи» – Византия и сасанидский Иран – значительно ослабли в результате бесконечных войн, которые они вели друг с другом, арабы в короткий срок сумели достичь больших успехов в своем завоевательном движении. Разгромив Иранское государство, арабы уже в 640 г. вторглись в Закавказье (в Армению), а спустя два-три года попытались утвердиться в Картли, но были оттуда изгнаны. Однако в 654 г. картлийский эрисмтавар был вынужден заключить с арабами соглашение, по которому Картли становилась данницей халифата.

Приблизительно к этому времени (к середине VII в.) относится и первое столкновение абхазов с арабами. В этот период, как мы знаем, абхазское княжество находилось в вассальной зависимости от Византии и должно было поддерживать ее в борьбе против арабов. Как сообщает арабский историк IX в. Баладзори, арабский военачальник Хабиб ибн Маслам (тот самый, который в 654 г. наложил дань на Картли) получил от халифа указание завоевать византийскую фему (административную область) Армениакос, и

¹ К. Кудрявцев, Сборник материалов по истории Абхазии, Сухуми, 1922, (1925 г.), стр. 87.

здесь, при осуществлении этого военного мероприятия, ему пришлось столкнуться с «союзниками» Византии – аланами, абазгами и хазарами.

Баладзори сообщает халифу по этому поводу следующее: «Осман, сделавшись халифом, послал... Хабибу приказ о вторжении в Армению; и тот поспешил туда с шестью тысячами, а по другой версии с восьмью тысячами сирийцев и жителей Джазиры. И прибыл он в Каликале (администр. центр фемы Армениакос – **З. А.**) и осадил ее; и выступили жители против него, и он сражался с ними и заставил возвратиться в город; тогда они попросили пощады и согласились покинуть страну и платить подушную подать. И он выселил многих из них, и они ушли в византийские области.

...И провел Хабиб со своими в Каликале несколько месяцев, но, узнав о том, что патрикий (фемы) Армениакос собирает против мусульман большие войска и что к нему присоединились вспомогательные отряды жителей Аллана, Апхазы, Самандра и Хазар, он обратился к Осману с просьбой о помощи и тот написал Моавии, чтобы он направил к нему (Хабибу) тех из сирийцев и жителей Джазиры, которые пожелают участвовать в священной войне и добыче.

... Получив донесение Хабиба, Осман (приказал) своему наместнику в Куфе выслать Хабибу подкрепление под командованием Сальмана аль-Хайля, (который) отправился к Хабибу во главе шести тысяч куфийцев. Тем временем успели появиться византийцы со своими (союзниками) и расположиться на Евфрате еще до прибытия подкрепления к Хабибу. Тем не менее, мусульманы напали на них ночью, разгромили их и убили предводителя»¹.

Так закончилась первая встреча абхазов с арабскими захватчиками. Тогда они выступили в защиту Армении, но в следующий раз, в самом конце VII в., им пришлось уже столкнуться с арабами на своей собственной территории.

На исходе VII столетия арабам, по-видимому, удалось утвердиться в Восточной Грузии прочнее. Об этом свидетельствует тот факт, что с данного времени они развивают активную политику по отношению к Западной Грузии. Успеха в этом направлении они могли достигнуть, лишь закрепившись в Восточном Закавказье, в том числе и в Картли².

¹ Баладзори, Книга завоевания стран, изд. П. Жузе, Баку, 1927 г., стр. 8.

² С. Джанашиа, Арабы в Грузии, Труды, т. II, стр. 368.

Как выше уже сообщалось, в 697 г. в Лазике началось восстание против византийского господства, и лазский патрикий Сергей Барнукович призвал на помощь арабов. Последние не замедлили явиться и вскоре овладели почти всей Западной Грузией. Византийцы сумели закрепиться в некоторых приморских крепостях. Феофан Хронограф свидетельствует, что в начале VIII в. «сарацины (арабы) владели Абазгией, Лазикой и Иберией»¹. Как видно из сообщения того же Феофана, арабские захватчики в целом ряде пунктов Абхазии разместили свои гарнизоны. В частности, он указывает, что сильный византийский гарнизон находился в «Железной крепости», которая была расположена в горах по Кодорскому ущелью. Здесь, очевидно, имеется в виду главное укрепление мисимиян Тсахар, которое, как это видно из приведенного выше свидетельства Агафия, еще в VI в. «называли железным за неприступность»². Учитывая большое стратегическое положение Тсахара, арабы обязательно должны были овладеть им.

Однако арабские захватчики сразу же проявили свое агрессивное лицо, о чем свидетельствует то обстоятельство, что вскоре после их утверждения в Лазике и Абхазии почти везде, как это видно по целому ряду прямых и косвенных показаний того времени, стали возникать очаги антиарабского движения. П. Ингорква справедливо отмечает, что Западная Грузия не только не добилась с помощью арабов свободы, но, наоборот, «византийское владычество сменилось еще более тяжелым ярмом арабов»³.

И действительно, арабское господство вызывало широкое недовольство как среди господствующего класса, так и среди народных масс. Дело в том, что по мусульманскому праву, которое арабы стремились утвердить повсюду в завоеванных странах, собственником земли могло быть только арабское государство. Среди арабов в VII–VIII в.в. преобладала государственная феодальная собственность на землю и воду. Такую же форму они стремились ввести в завоеванных странах, и в частности в Закавказье⁴. На территории нынешнего Азербайджана арабам довольно быстро удалось лишить местных феодалов земли и перевести ее в государственный фонд, но в Армении и, в особенности, в Грузии они натолкнулись на сильное сопротивление местных феодалов, не

¹ «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 106.

² Агафий, О царствовании Юстиниана, стр. 119.

³ П. Ингорква, Георгий Мерчуле, стр. 196.

⁴ Всемирная история, т. III, стр. 115.

желавшим уступать свою собственность захватчикам. По арабским законам, частные владельцы могли получить землю лишь на началах условного феодального держания («икта»), которое давалось лишь во временное или пожизненное пользование служилым людям, мусульманам по вероисповеданию.

Совершенно очевидно, что грузинские и абхазские феодалы не могли примириться с коренным перераспределением земель, при котором львиную долю ее прибирали к своим рукам захватчики.

Недовольство широких народных масс, и в первую очередь крестьянства, вызывалось не только установлением национального гнета, но и тем обстоятельством, что господство арабов влекло за собой значительное ухудшение их социального положения. Арабское завоевание способствовало сохранению наиболее грубых и тяжелых форм эксплуатации трудящихся; в частности, превращая многих пленников в рабов, арабы создавали условия для продления существования рабовладельческого уклада в феодальном обществе¹.

Ясно, что такое положение должно было вызвать со стороны народных масс завоеванных стран самое упорное сопротивление арабским захватчикам, которое и в данном случае возглавляли прогрессирующие в ту эпоху феодальные элементы.

Но поскольку население Западной Грузии не могло собственными силами справиться с арабами, то оно снова было вынуждено, как отмечалось выше, обратиться за поддержкой к Византии, которая, разумеется, с радостью воспользовалась этим в своих собственных политических интересах, сводившихся, в первую очередь, к восстановлению ее политического сюзеренитета над Лазикой и Абхазией. Правящим кругам этих стран ничего другого не оставалось, как примириться с этими притязаниями Византии.

Однако борьба народных масс Лазики и Абхазии началась еще задолго до того, как правящие круги этих стран восстановили политический контакт с Византией. Интересные сведения об этом содержатся в рассказе Феофана Хронографа о деятельности Льва Исавра в Алании и Абхазии.

Выше мы уже говорили о том, что Исавр отказался уехать через Абхазию и предпочел до поры отсиживаться в Алании. Там ему стало известно, что в горах Апсилии и Мисиминии появился византийский отряд, который попал туда следующим образом.

¹ Всемирная история, т. III, стр. 112.

Феофан Хронограф рассказывает, что в Лазике вторглись византийские войска, которые вместе с вспомогательным отрядом из Армении действовали против арабов. «Спустя немного времени, когда римляне и армяне вступили в Лазик и осадили Археополь, они узнали о приходе сарацинов и вернулись обратно»¹. В Лазике, сообщает далее Феофан, застрял лишь небольшой отряд в двести человек из византийцев и армян, которые скрываясь от преследований арабов, пробрались в абхазские горы и укрепились там, «добывая себе пропитание грабежом»².

Исавр принял этот отряд за византийское войско и пробрался к нему. Арабы в это время занимали «Железную крепость» (Тсахар?), и Лев Исавр решил овладеть ею, когда узнал, что комендантом ее был некто Фарсман, армянин по национальности. Он направил к нему для переговоров армян из своего отряда, но Фарсман не согласился уступить крепость византийцам. Однако Льву Исавру удалось перехитрить арабов, организовать истребление крепостной стражи и насильственно овладеть крепостью. В этом деле византийцам активно помогли апсилы.

Местное население, недовольное хозяйничаньем арабов в их стране, восстало против них и выступило на поддержку Льва Исавра. Феофан рассказывает, что на подмогу к нему прибыл отряд апсильов из трехсот человек во главе с «первейшим среди апсильов» Маринэ. Когда комендант крепости Фарсман узнал о переходе апсильов на сторону византийцев, то он запросил мира, пообещав Льву Исавру в заложники своего сына. Но Исавр отказался, и византийцы вместе с апсилами захватили крепость, жестоко расправились с арабами, а «стены крепости сравняли с землей»³.

Вскоре после этого Лев Исавр со своим отрядом в сопровождении Маринэ направился в Апсилию, где «апсилы приняли его с большим почетом». Затем Маринэ вывел его к берегу моря, откуда Исавр на корабле уехал в Византию»⁴.

Однако этот частичный успех не мог, разумеется, решить вопрос об освобождении Абхазии от арабского владычества. Арабам удалось продержаться здесь еще около тридцати лет. Территорию Абхазии арабы превратили в один из плацдармов борьбы против хазарского Хаканата. Армянский историк Моисей Каганкатва-

¹ «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 110.

² Там же.

³ «Георгика» т. IV, ч. 1, стр. 113.

⁴ Там же.

ци сообщает, что в конце 20-х годов VIII в. арабский полководец Джахар (Джахар ибн-Абдуллах) через Абхазию два раза вторгнулся в Хазарию (очевидно, через Клухорский перевал)¹.

Абхазы, несомненно, должны были использовать это обстоятельство в своих интересах и, борясь с арабами, установить военно-политические связи с хазарами, которые с VII в. стали играть значительную роль на Северном Кавказе и в середине того же столетия, как отмечалось, образовали сильное независимое государство. О политических связях абхазов с хазарами свидетельствует то обстоятельство, что брат Леона I Феодор был женат на дочери хазарского царя (хакана).

Критический момент в борьбе с арабами Абхазия пережила во второй половине 30-х г.г. VIII в. во время нашествия жестокого арабского полководца Мурвана ибн-Мухаммеда, прозванного за свою жестокость «Кру» (что означает «глухой»)².

Мурван вначале вторгся в Картли и овладел Восточной Грузией, подвергая страшному опустошению все на своем пути. Джуаншер рассказывает, что «цари картлийские и все их близкие бежали в Эгриси, а через нее скрылись в Абхазии»³ Преследуя их, Мурван Кру вторгся в Западную Грузию и захватил «все города и укрепления эгрисской страны и (среди них) опоясанную тремя стенами крепость Цихе-Годжи. Оттуда Мурван вступил в Абхазию; провал укрепления Келасурской стены, занял «город Апсолии Цхум» и осадил Анакопийскую крепость, в которой засели царь Картли Арчил и брат его Мир. Леон I находился в этот момент в крепости Собгиси у «осетинского перевала»⁴.

В Анакопии у Арчила и Мира были собраны сравнительно незначительные силы. По сообщению Джуаншера, «было с ними небольшое число тадрзулов (царские военные служители – З. А.) и людей эриставов и питиахшей до одной тысячи человек, да из абхазского войска две тысячи бойцов»⁵. Таким образом, войскам Мурвана Кру, «по численности равным темной туче саранчи и комаров», у стен анакопийской цитадели противостояли всего три тысячи грузин и абхазов, которые оказали захватчикам упорное сопротивление.

¹ Каганкатвази, История агр ан, СПб, 1861, стр. 261.

² «Жизнь Грузии», стр. 233.

³ «Жизнь Грузии», стр. 234.

⁴ Там же, стр. 235.

⁵ Там же, стр. 237.

Мурвану так и не удалось овладеть Анакопией. Летописец сообщает, что среди арабских войск началась эпидемическая болезнь желудка, которая истребила их в количестве до 35 тыс. человек, а в боях «мечем» было истреблено до трех тысяч арабов¹. Сколь не преувеличена по этим сведениям численность арабских потерь, они, видимо, действительно были велики, и Мурвану Кру пришлось очистить Абхазию, а затем и Эгриси.

Но если совместная борьба грузин и абхазов привела к изгнанию арабских захватчиков из Западной Грузии, зато после похода Мурвана арабам удалось прочно укрепиться в Картли².

Последний раз арабы сделали попытку овладеть Абхазией в 738г. Как сообщает Феофан Хронограф, арабские войска под руководством Сулеймана ибн-Исама вступили в Апсилию и Мисимилию. Здесь они на короткое время вновь овладели «Железной крепостью», где пленили Евстафия, сына блистательного патрикия» Маринэ, того самого, по-видимому, о котором рассказывалось выше. Арабы вскоре были изгнаны из Абхазии, но они увезли с собой Евстафия, которого насильно пытались обратить в ислам. Не добившись своего, они предали его смертной казни³.

Таким образом, неоднократные попытки арабских захватчиков утвердиться в Абхазии так и не увенчались успехом. Главную причину этой неудачи следует видеть в активной борьбе народных масс Лазики и Абхазии и их союзников из Восточной Грузии. Византийцы, к которым обращались за помощью Арчил, Мир и эристав Абхазии Леон накануне вторжения Мурвана Кру, в тот момент, как видно не оказали им существенной помощи. Изгнание арабских захватчиков из Абхазии избавило страну от утверждения в ней чуждых форм общественной жизни и культуры, которые, несомненно, нанесли бы значительный вред этническому развитию абхазского народа.

¹ Там же, стр. 237.

² С. Джанашиа, Арабы в Грузии. Труды, т. II, стр. 376.

³ «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 115–116.

ГЛАВА IV

АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО И АБХАЗЫ

1. Образование Абхазского царства

Вопрос об образовании Абхазского царства, т. е. вопрос о том, когда и каким образом произошло объединение Западной Грузии под гегемонией Абхазского княжества и оформление ее в независимое государство (царство), относился, ввиду скудности источников, к числу наиболее сложных проблем нашей историографии.

Важнейшее указание по этому вопросу содержится в анонимном историческом сочинении XI в. «Матианэ картлиса» («Летопись Грузии»). Автор этого произведения по поводу интересующего нас события пишет следующее: «Когда ослабели греки, отложился от них эристав абхазов, по имени Леон, племянник (сын брата) эристава Леона, которому была дана в наследственное владение Абхазия. Этот второй Леон был внуком (сыном дочери) хазарского царя, и, (воспользовавшись) силой их, отложился от греков, завладел (“*daipura*”) Абхазией и Эгриси до Лихи (до Лихского, или Сурамского хребта – **З. А.**), принял имя царя абхазов. Ибо мертв был эристав Иоанн и стар Джуаншер»¹.

Цитированный источник, как это явствует из приведенной выдержки, рассматривает процесс образования Западно-Грузинского («Абхазского») царства как единовременный акт, поскольку Леон с помощью хазар «отложился от греков и завладел Абхазией и Эгриси до Лихи». Значительная часть историков именно так и комментировала приведенное место из «Матианэ картлиса». Однако другие историки объясняли его иначе. Так, в изложении Вахушти, Леон II вначале использует помощь хазар в борьбе за превращение своего эриставства в наследственное владение, а затем повторно

¹ «Жизнь Грузии», стр. 251 (Иоанн и Джуаншер – сыновья Картлийского царя и правителя Эгриси Арчила).

использует их для того, чтобы добиться независимости и царской власти¹. Историк И. Калфоглы предложил другое понимание этого места. В своей работе «Элины на Кавказе» он пишет: «В 786 г. по р. Хр. Леон II очистил Анакопию от византийских войск и затем, получив подкрепление от князя хазарского, перешел в Мингрелию и Лазикю и присоединил их к своему царству»², т. е. Леон абхазский сначала, якобы, освобождается от византийской зависимости, принимает титул царя и лишь после этого присоединяет к своему «царству» Эгриси.

На самом деле, присоединение Эгриси к Абхазии и образование независимого Абхазского царства были два одновременных акта, как это показал акад. С. Н. Джанашиа в своей работе «О времени и условиях возникновения Абхазского царства» (1940 г.), и произошли они в последовательности как раз противоположной той, на которую указывает И. Калфоглы. С. Джанашиа обратил внимание на то обстоятельство, что, по данным грузинского писателя VIII в. Иоане Сабанисдзе, содержащимся в его сочинении «Мученичество Або Тбилели» (написано в 80-х гг. VIII в.), Абхазское владительство (пока еще «мтаварство», а не «царство») территориально охватывало уже всю Западную Грузию (подробнее речь о границах Абхазского царства будет вестись ниже), но политически оставалось еще в зависимости от византийского императора. В 80-х гг. VIII в. еще не сложились объективные условия для освобождения Абхазии от Византийской зависимости. Следовательно, вначале имело место объединение Западной Грузии под главенством абхазской династии, и лишь впоследствии произошло превращение этой новой политической единицы в самостоятельное царство.

Эти обстоятельства наводят на мысль, что автор «Матианэ картлиса» в цитированном выше месте имел в виду только один заключительный акт процесса образования Абхазского царства, а именно полное отложение Абхазии (объединенной Западной Грузии) от Византии и принятие Леоном II титула «царя абхазов». П. Ингорква правильно заметил, что, по указанию «Матианэ картлиса», «абхазский эристав не из Абхазии завладел Эгриси, а оба края, Абхазию и Эгриси до Лихи, захватил у византийцев и освободил от византийского господства»³.

¹ Вахушти, История, 1913 г., стр. 270–271.

² И. Калфоглы, Элины на Кавказе, 1908 г., стр. 51.

³ П. Ингорква, Георгий Мерчуле, стр. 116.

Что же касается вопроса о присоединении Эгриси к Абхазии, то по имеющимся материалам (правда, весьма скудным) можно привести следующие факты.

После изгнания из Западной Грузии арабов Арчил Картлийский правил в Эгриси еще в течение нескольких лет, после чего перебрался в Кахети¹. Затем, после его гибели, правителем Эгриси утвердился сын его Иоанн². В этот период «бывшее владение лазских царей было вконец расшатано и ослаблено большими войнами и враждебными действиями иностранных захватчиков, происходившими, главным образом, на территории ведущих плоскостных районов страны, а также бесконечными насилиями и поборами имперских чиновников»³. Абхазия, напротив, «сумела к этому времени накопить достаточное количество внутренних сил»⁴. И действительно, как отмечалось выше, Лазика взяла на себя основную тяжесть борьбы против персидских, византийских и арабских захватчиков, а кроме того, именно на территории Лазики происходили разорительные ирано-византийские и византийско-арабские войны. Все это, в конечном итоге, не могло не обессилить надолго Эгриси. Что же касается Абхазии, то она пострадала от этих войн значительно меньше и поэтому ее внутренние силы не только не слабели, а, наоборот, росли. Как мы знаем, после изгнания арабских захватчиков отдельные абхазские области объединились в одно крупное княжество, чему немало способствовало слияние нескольких небольших родственных этнических групп в единую абхазскую народность.

В этой связи важное значение имело, в частности, и то обстоятельство, что во второй половине VIII в. Абхазия была лучше ограждена от арабских захватчиков, которые к этому времени основательно укрепились в Восточной Грузии, т. е. в непосредственном соседстве с Эгриси. Постоянная угроза со стороны арабов ставила Эгриси перед необходимостью держаться прочного союза с Абхазией.

Все эти моменты должны были привести к тому, что Абхазия постепенно установила свое политическое влияние в Эгриси. Интересное указание на этот счет имеется у Вахушти. В своей «Истории» он пишет, что еще до смерти Иоанна «подчинялась ему (Лео-

¹ «Жизнь Грузии», стр. 243.

² Там же, стр. 249.

³ С. Джаншиа. Абхазия с I по X вв., стр. 46.

⁴ Там же, стр. 57.

ну) вся Эгриси и почитала его, ибо он был в родственных связях с их (эгрисским) царем»¹. Напомним, что Леон I, дядя Леона II, был женат на двоюродной сестре эгрисского царя Иоанна. В данном случае Вахушти, как видно, ссылается на какой-то древний, не дошедший до нас источник, сообщение которого вполне заслуживает доверия.

Присоединение Эгриси к Абхазии, надо полагать, произошло не сразу, а исподволь подготавливалось в течение определенного времени. Сомнительно, чтобы этот серьезный акт произошел бы в результате «одного удара, сокрушившего Эгрисское царство», как в одно время предполагал С. Н. Джанашиа². Что касается указания Вахушти на родство Леона Абхазского с эгрисским царем Иоанном как на причину подчинения Эгриси Абхазии еще при жизни Иоанна, то этот момент может быть учтен лишь в качестве династического аргумента, которым, как видно, воспользовался Леон II, чтобы канонизировать присвоение им царских прав потомков Арчила на Эгриси. Характерно, что и автор «Матианэ картлиса» присвоение Леоном титула царя Абхазии и Эгриси ставит в связь с кончиной Иоанна и старостью Джуаншера.

Переходя к вопросу о конкретных обстоятельствах, при которых произошло присоединение Эгриси к Абхазии, следует, прежде всего, подчеркнуть, что у авторов, писавших по этому вопросу, не существует единого мнения о характере этого присоединения. Большинство исследователей считало, что здесь имел место насильственный акт, выразившийся в завоевании Эгриси Абхазией. Такого взгляда, например, придерживался цитированный выше И. Калфоглы.

Против подобного понимания факта объединения Абхазии и Эгриси решительно выступил П. Ингорква, который в своей книге «Георгий Мерчуле» пишет по этому вопросу следующее: «В грузинской историографии относительно образования Западно-Грузинского («Абхазского») царства принят тот взгляд, по которому во второй половине VIII в. якобы имело место завоевание («даругова») Западной Грузии абхазами... и будто после этого в течение двух последующих столетий (IX–X века) была своего рода «абхазская эра» в истории Западной Грузии»³.

Что касается так называемой «абхазской эры» в истории Западной Грузии, то мы на этом вопросе специально остановимся ниже,

¹ Вахушти, История Грузии, 1913 г., стр. 270.

² С. Джанашиа, Труды, т. I, стр. 89.

³ См. П. Ингорква, «Георгий Мерчуле», стр. 115.

а пока отметим лишь, что, по нашему мнению, П. Ингороква прав, когда он возражает против тезиса о «завоевании» абхазами Эгрисского царства, хотя мы не можем согласиться с тем, что П. Ингороква ставит в упрек всей грузинской историографии и, в частности С. Джанашиа, категорическое утверждение о «завоевании».

Для подтверждения своего критического замечания П. Ингороква ссылается лишь на текст школьного учебника по истории Грузии (изд. 1944 г.), где действительно С. Джанашиа, очевидно под влиянием первоисточника, употребил выражение “daipuro”, которое в современном грузинском языке употребляется только в смысле «завоевал». Однако в русском издании того же учебника (1946 г.) С. Джанашиа переводит его словом «присоединил», так что цитированное П. Ингороква место в русском переводе школьного учебника выглядит так: «К тому времени древнее Лазское царство уже было обессилено и абхазский князь легко присоединил к своим владениям Эгриси и Аргвети»¹. Более конкретно по этому вопросу С. Н. Джанашиа высказался в упомянутой выше работе «О времени и условиях возникновения Абхазского царства», где он пишет о «захвате» (или мирном присоединении с санкции императора) Лазики абхазским владетелем»². Таким образом, акад. Джанашиа не настаивал именно на завоевании Эгриси абхазами, а допускал, как мы видим, возможность и «захвата» и «мирного присоединения». Более того, акад. С. Джанашиа не только не рассматривал факт объединения Абхазии и Эгриси как результат простого завоевания, а считал это явление исторически обусловленным. В одной из своих неопубликованных работ он писал по этому поводу: «Основное условие успешности политики Леона Абхазского нужно искать все же во внутреннем состоянии страны. Уже в течение довольно длительного времени перед тем в Западной Грузии постепенно развивались феодальные отношения. Интересы этого процесса и выдвигали вопрос о необходимости более обширной и более устойчивой политической формы, внутри которой феодальное общество и его хозяйство развивались бы свободнее, чем раньше. Задача заключалась, таким образом, в необходимости объединения Западной Грузии на феодальной основе»³. В другом месте той же работы акад. Джанашиа подчеркивал, что

¹ История Грузии, 1946 г., стр. 152.

² С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 339.

³ С. Джанашиа, Абх. с 1 по X вв., стр. 57 (Архив Абх. инст. ЯЛИ АН СССР).

«переход от алчной, продажной и бесчеловечной византийской администрации к феодальной зависимости от абхазского эристава населению Эгриси должен был казаться более желательным для себя состоянием»¹.

С другой стороны, неправильно настаивать на мирном присоединении Эгриси к Абхазии только на том основании, что, якобы, слово “dairyra”, употребленное автором «Матианэ картлиса», в древнегрузинском языке употреблялось лишь в смысле «овладел», а не «завоевал», как это делают П. Ингороква и некоторые другие исследователи. На самом деле слово “dairyra”, в зависимости от контекста, может быть переведено с древнегрузинского и как «завладел», и как «завоевал». Например, в той же летописи «Матианэ картлиса» рассказывается о борьбе тао-кларджетского правителя Ашота Куропалата против кахетинского мтавара Григола. В результате победы над Григолом Ашот «завоевал» (“dairyra”) территорию от Кларджети до Ксани»². Далее, сообщая о вторжении арабского военачальника Халила ибн-Изида в Грузию, автор летописи указывает, что Халил «завоевал Сомхети, Картли и Эрети»³. Или еще один пример из того же источника: в конце 80 гг. IX в. Баграт Абхазский с помощью византийского войска «завоевал Абхазию»⁴. Во всех приведенных случаях речь идет об овладении с помощью военной силы, а поэтому здесь слово “dairyra” может быть переведено как «завоевал».

Тем не менее, как уже отмечалось выше, П. Ингороква, (несмотря на неверную аргументацию), стоит на правильных позициях, когда он настаивает на мирном присоединении Эгриси к Абхазии. На такой вывод наводит, прежде всего, характер взаимоотношений между Абхазией и Лазикой (Эгриси) в 40–70 гг. VIII столетия, а также различия во внутреннем положении обеих стран. Этот акт мог произойти тем более безболезненно, что Леон Абхазский, как мы знаем, находился в родстве с царским домом Арчила, правившим в Эгриси. Вахушти, надо полагать, не случайно подчеркивает это обстоятельство и, кроме того, отмечает следующую, заслуживающую внимания, деталь. «Отложился сей второй Леон (от греков) и силами хазар, а также, (пользуясь) поддержкой эгрисцев, завладел всей «залихской» Эгриси до моря и до Хазарии; и назвался царем

¹ Там же, стр. 47.

² «Жизнь Грузии», стр. 253.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 261.

абхазов, а название своего эриставства перенес и на Эгриси»¹. В данной цитате для нас представляет интерес следующий момент, отсутствующий у автора «Матианэ картлиса», а именно, что в борьбе против Византии и в деле объединения Западной Грузии Леон Абхазский пользовался «поддержкой» эгрисцев. Весьма сомнительно, чтобы Вахушти, который хорошо известен как весьма добросовестный историк, добавил бы здесь что-нибудь от себя. И здесь, по-видимому, он опирается на какой-то неизвестный нам источник или историческую традицию, в которой присоединение Эгриси к Абхазии осмысливалось как мирный процесс.

Тем не менее, недостаток источников не позволяет нам категорически утверждать, что объединение Абхазии и Эгриси в одну политическую единицу было осуществлено только мирным путем при отсутствии какого бы то ни было насилия со стороны абхазского владетеля. Вполне допустимо, что какие-то элементы эгрисского общества, вероятнее всего из среды крупной феодальной знати, могли оказать сопротивление объединительной политике Леона II, однако общественные силы, поддерживавшие такую политику, были, по-видимому, значительно сильнее, поскольку это объединение диктовалось объективной необходимостью.

Вместе с тем не следует забывать, что присоединение Эгриси к Абхазии, в какой бы форме это не произошло, не было чисто внутренним явлением, а имело еще и внешнеполитическую сторону, поскольку Эгриси, как и Абхазия, являлись вассальными владениями Византийской империи. В том или ином виде византийское правительство должно было санкционировать этот важный политический акт.

Нам кажется, что присоединение Эгриси к Абхазии вероятнее всего могло произойти в годы правления византийского императора Льва Хазара (775–780 гг.), которому Леон Абхазский приходился двоюродным братом, поскольку оба они были со стороны матерей внуками хазарского хакана, и приблизительно ровесниками. С. Н. Джанашиа справедливо заметил, что столь близкие родственные отношения с византийским императором абхазский владетель мог использовать в своих интересах, хотя и «дело тут не могло выйти за пределы расширения объема эриставской власти и подчиненной ей территории»². Кроме родственных отношений Леона со своим тезкой – византийским императором, которые,

¹ Вахушти, История Грузии, 1913 г., стр. 271.

² С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 331.

конечно, могли сыграть определенную роль в развязке событий, следует прежде всего учитывать, что в годы правления Льва Хазара Византия чувствовала себя еще достаточно могущественной, чтобы не опасаться усиления Абхазского княжества. Наоборот, объединение Абхазии и Эгриси под властью Леона Абхазского, связанного с византийской царской династией родственными отношениями, могло в тот период даже соответствовать интересам правящей византийской верхушки, поскольку создавалось относительно мощное, зависимое от Византии, буферное государство между византийской империей, с одной стороны, и хазарским хаканатом и арабскими владениями в Восточной Грузии, – с другой. Разумеется, что в 70-х гг. VIII в. в Византии никто не мог предвидеть, как сложатся события в конце того же столетия.

Присоединение Эгриси к Абхазии скорее всего могло произойти около 778 г., когда византийские войска одержали большую победу над арабами при Германикии и чувствовали себя достаточно сильными, чтобы разрешить Леону Абхазскому расширить подвластную ему территорию за счет Эгриси. Во всяком случае это произошло не позднее начала 80-х гг. VIII в., когда, по свидетельству И. Сабанидзе, «Абхазия» – это уже вся Западная Грузия. Вместе с тем византийское правительство рассчитывало, по-видимому, освободиться от всех забот по непосредственному управлению Лазикой и возложить их на Леона Абхазского. Однако при всем этом главную причину объединения Абхазии и Эгриси в одно княжество следует видеть во внутренних обстоятельствах, с которыми Византия в той или иной степени должна была считаться, особенно если учесть ее непосредственное соседство с арабскими и хазарскими владениями, т. е. действительным и возможным противниками Византии.

Переходя к вопросу о заключительном этапе образования Абхазского царства, т. е. об отделении его от Византии и принятии Леоном Абхазским титула «царя абхазов», следует прежде всего отметить, что положение Абхазского княжества после включения в его состав всей Западной Грузии значительно улучшается. Уже в цитированном выше сочинении И. Сабанидзе дается яркая характеристика внутреннего состояния Абхазии (Западной Грузии) в 80-х гг. VIII в. В нем, в частности, рассказывается о переезде из Хазарии в Абхазию картлийского правителя Нерсе и его свиты, в которую входил и молодой араб Або, отвергший ислам и принявший христианскую веру. И. Сабанидзе пишет: «По прошествии

некоторого времени Нерсе стал просить северного (хазарского) царя отпустить его в страну Абхазскую, куда он с самого начала отправил мать, жену с детьми и всех своих домочадцев, а также и имущество свое, ибо страна та была защищена от страха перед сарацинами. Бог укротил сердце северного царя и он отпустил Нерсе со многими дарами... Когда они прибыли в Абхазскую страну, князь той страны принял Нерсе со всеми его приближенными. Нерсе увидел государыню – мать свою, жену и детей своих; все они с радостью возблагодарили бога, что собрались они вместе живыми и благополучно.

Когда князь Абхазский узнал, что блаженный Або новокрещенный, он очень обрадовался со всем народом своим. Князь, епископ и священники призвали Або и благословили его, возвещали ему слова спасения и благовествовали о Христе и вечной жизни. Он же от себя отвечал им словами истинной веры до того, что те удивились и благословляли бога. Больше всех благодарил бога блаженный Або потому, что нашел он ту страну полной верующих в Христа и никого неверующих не было среди коренных [жителей] в ее пределах. Ибо границей ее [Абхазии] является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии, в ней находится Трапезунт, поселение Апсареа и Напсайская гавань. И подвластны города те и места слуге христову, ионскому царю, который восседает на престоле в великом городе Константинополе»¹.

Комментируя это место из сочинения И. Сабанидзе, акад. С. Джанашиа справедливо пишет, что данное «описание внутреннего состояния Абхазии так и дышит благополучием и рисует силы, накопленные в результате предыдущего развития страны и позволившие абхазскому эриставу в скором времени освободиться от всякой иноземной зависимости»². С. Н. Джанашиа обращает внимание, в частности, на то обстоятельство, что, в противовес автору «Матианэ картлиса», И. Сабанидзе, который является современником изучаемой эпохи, наделяет абхазского владетеля титулом «мтавари» (владетельный князь), а не «эристави». Эти термины выражали в древнегрузинском различные понятия: «мтавари» – это наследственный князь, пользующийся определенными суверенными правами, а «эристави» означает преимущественно

¹ См. К. Кекелидзе, Раннефеодальная Грузинская литература, Тбилиси, 1935 г., стр. 65–66 (на груз. яз.).

² С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 336.

царского чиновника, правителя провинции, воеводу. «Таким образом, абхазский владетель уже стоит прочно на пути своего освобождения от какой бы то ни было иностранной зависимости, но конечной цели еще не достиг»¹.

Следует, однако, отметить, что еще Леон I, несмотря на то, что он именуется в источниках «эриставом» (Джуаншер и автор «Матианэ картлиса»), получил, как мы знаем, Абхазию в «наследственное владение»². Неслучайно, что одним из его ближайших преемников является родной племянник («сын брата»), который и фигурирует в сочинении И. Сабанисдзе в качестве «мтавара» Абхазии, хотя и без упоминания его имени. Поэтому вряд ли можно видеть существенное несоответствие между «Матианэ картлиса» и Сабанисдзе в вопросе о титуловании абхазского владетеля. В истории Грузии того периода (т. е. в условиях феодально-политической раздробленности) известны случаи, когда объем и характер власти того или иного эристава не уступали в этом отношении власти иного мтавара.

Несомненно, однако, что степень зависимости абхазского владетеля от Византии была в 80-х гг. VIII в. слабее, чем во времена Леона I.

Объективные условия для полного освобождения Абхазского княжества от византийской зависимости и превращения этого княжества в более развитую политическую единицу – в царство возникли лишь в самом конце VIII в. Этот сложный вопрос удачно разрешил акад. С. Джанашиа в упомянутой выше работе «О времени и условиях возникновения Абхазского царства»³.

Еще царевич Вахушти, первый из грузинских историков, считал, что воцарение абхазского эристава Леона произошло в 786 г.⁴ Но Вахушти, к сожалению, не указал, на чем он основывает эту дату. Акад. М. Броссе, находясь, по-видимому, под влиянием построения Вахушти в этом вопросе, также считал 786 год датой воцарения Леона⁵. Впоследствии Е. Такайшвили, опираясь на обнаруженный им грузинский подлинник генеалогического списка

¹ Там же, стр. 337.

² «Жизнь Грузии», стр. 251.

³ См. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 322–341.

⁴ Вахушти, История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1885 г., стр. 118 (на груз. яз.).

⁵ М. Броссе, Additions et éclaircissements a l'Historie de la Jeorgie p. 137–175.

абхазских царей, попытался, путем обратного от Баграта III вычисления, установить годы правления перечисленных в списке абхазских династов и для Леона получил годы 746–791¹. Эту датировку принял и акад. И. Джавахишвили².

В упомянутой работе акад. Джанашиа критически анализирует соображения Такайшвили, а также и других исследователей, и, исходя из указания «Матианэ картлиса» об обстоятельствах воцарения Леона II (ослабление греков и помощь Леону со стороны хазар), приходит к выводу, что наиболее благоприятные условия для отпадения Леона от Византии создаются лишь в конце VIII в. К этому времени, в частности в период правления императрицы Ирины (797–802 гг.), внутреннее и внешне-политическое положение Византии резко ухудшилось. «Нужно думать, – пишет акад. Джанашиа, – что именно в это смутное время, может быть, после 797 года, в единоличное правление Ирины, и совершил Леон Абхазский свой акт»³. В это же время абхазскому эриставу мог помочь и хазарский хакан, который должен был мстить Ирине, захватившей власть в результате свержения и ослепления своего сына Константина VI, приходившегося хакану близким родственником (по-видимому, племянником). Важно отметить, что как раз в этот период (90-е годы VIII в.) Хазария вела активную борьбу с Византией за господство на Крымском полуострове⁴.

Таким образом, к концу VIII в. процесс образования самостоятельного Абхазского царства завершился.

По своему этническому составу Абхазское царство не было однородным. В его состав вошли не только собственно Абхазия и Эгриси, но и Сванетия, а также все земли Западной Грузии вплоть до Лихского (Сурамского) хребта, как на это указывает автор «Матианэ картлиса». С. Н. Джанашиа правильно отмечал, что в деле объединения Западной Грузии Леон Абхазский пошел дальше лазских царей, поскольку он присоединил к своим владениям и Аргвети⁵, т. е. область, уже с античного времени населенную картами. При Леоне же, как свидетельствует Вахушти, началось

¹ Е. Такайшвили, «Дзвели Сакартвело», т. II, Тбилиси, 1911 г., стр. 28–54.

² И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, 1948 г., стр. 90 (на груз. яз.).

³ С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 333.

⁴ Там же.

⁵ С. Джанашиа, Абх. с I по X вв., стр. 58.

и массовое проникновение картов в юго-западную часть Эгриси, которая в течение долгого времени была мало заселена. Еще Прокопий в VI в. свидетельствовал, что по левобережью Фазиса (Риони) не было почти лазских поселений¹. Вахушти о заселении этой области картами (гурийцами) пишет следующее: «После того, как воцарился Леон Абхазский, они (гурийцы) не пожелали подчиняться эриставам Одзрхе [город-крепость в районе нынешнего курорта Абастумани – З. А.]... Отложились от них и присоединились к Леону»². После этого гурийские владения расположились между Чорохи и Риони³.

В значительном количестве переселились карты в Западную Грузию в тот период и из Картли, которую арабы подвергали систематическому опустошению. Современник эпохи И. Сабанисдзе пишет, что обитатели Картли были «порабощены насилием, скованы, как бы железом, бедностью и нищетой, мучились и изнывали под тяжестью их (арабов) дани, безжалостно истязались и были подавлены страхом»⁴. Очевидно, что такие условия принуждали картлийцев покидать родные края и переселяться, в первую очередь, в Западную Грузию («Абхазию»), «ибо та страна зазащищена была от страшных сарацин»⁵.

По поводу этих переселений И. А. Джавахишвили пишет следующее: «Достоинно особенного внимания то обстоятельство, куда переселялись и где находили пристанище грузины (имеются в виду восточные грузины – З. А.), когда невзгоды и насилия господствующего врага принуждали их оставлять свои собственные края. В своем месте уже отмечалось, что еще во времена господства сасанидов, изгнанные или бежавшие из Картли и Кахети переходили в Западную Грузию, в Лазику, и здесь, в Эгриси или в горах Абхазии, находили себе убежище. Бегство и переселения жителей значительно участились в период господства арабов, особенно после того, как религиозные притеснения стали обычным явлением, а дань, в сравнении с прежними временами, увеличилась вдвое и втрое. И в это время обычным убежищем и очагом для грузин

¹ Прокопий, Войны римлян с персами, т. I, стр. 85.

² Вахушти, Описание..., стр. 174.

³ Там же, стр. 176.

⁴ И. Сабанисдзе, Мученичество Або Тбилели (См. К. Кекелидзе, Памятники древнегрузинской агиографической литературы, Тбилиси, 1956 г., стр. 44).

⁵ Там же, стр. 49.

была Западная Грузия... Не все, разумеется, возвращались обратно; поскольку их родина долгое время не получала спокойствия, они были вынуждены оставаться и обосновываться там. Вот когда и откуда должны были появиться имеро-гурийские племена в Западной Грузии – в Имерети и Гурии»¹.

Мы специально остановились на этом вопросе, чтобы подчеркнуть то обстоятельство, что Абхазское царство уже на первом этапе своего возникновения, т. е. с момента присоединения Эгриси и Аргвети к Абхазскому княжеству, представляло собой многоэтническое государственное образование, в которое наряду с абхазами, сыгравшими вначале ведущую роль в образовании этого царства, оказались включенными представители других, этнически родственных им народностей и племен – на северо-западе адыги, а на востоке и в центральных областях картвелы в лице, прежде всего, эгрисцев и сванов, коренных обитателей Западной Грузии, и, затем, в лице переселившихся сюда из Восточной Грузии картов, говоривших на грузинском языке.

В Абхазском царстве картвельский элемент составлял значительное большинство населения, а также занимал большую и ведущую часть этого царства в территориальном отношении. Кроме того, картвельский элемент оказался более развитым в социально-экономическом и культурном отношении. Поэтому грузинский язык получает постепенно всеобщее распространение в качестве основного языка письменности и культуры во всем Абхазском царстве. Все это обусловило то обстоятельство, что вскоре после своего возникновения Абхазское царство, а вместе с ним и собственно абхазы активно включаются в общую систему политических образований феодальной Грузии.

Одним из проявлений общегрузинской политики абхазских царей, уже в лице Леона II, явилось перенесение столицы Абхазского царства из Анакопии в Кутаиси. Вахушти в своем «Описании грузинского царства» указывает, что Леон II построил Кутаиси и перенес сюда свой престол². Однако известно, что Кутаиси существовал, вначале как крепость, а затем город, значительно раньше. Следовательно, приведенное указание Вахушти следует понимать в том смысле, что после превращения Кутаиси в столицу Абхазского царства, в этом городе были проведены определенные благоустроительные работы.

¹ И. А. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 85.

² Вахушти, Описание..., стр. 157.

Об историческом значении этого факта акад. С. Джанашиа писал следующее: «Резиденцией абхазских царей стал г. Кутатиси (ныне Кутаиси), находившийся восточнее Фазиса, древней столицы Лазики, и ближе к центральным грузинским областям. Это указывало на главное направление политики Абхазского царства, с самого начала своего возникновения вступившего в общую систему новых феодальных образований Грузии... Абхазские цари... стали на путь объединения не одной лишь Западной Грузии, но и Грузии в целом... Кутаиси к этому времени уже был пунктом, по которому проходил важнейший путь страны, где скрещивались хозяйственные и культурные связи западногрузинских племен и где раньше, чем в остальных городах Западной Грузии, развилась грузинская национальная... культура, шедшая из Картли»¹.

Что касается территории собственно Абхазии, то она входила в состав Абхазского царства в виде трех административных единиц (эриставств) – Абхазского, Цхумского и Бедийского². Об административном делении Абхазского царства Вахушти сохранил нам следующие сведения: «Абхазо-имеретинский князь Леон разделил свое царство на восемь эриставств, посадил в них эриставов и отдал им: а) Абхазию и Джигетию до моря и до Хазарской реки; б) Цхоми, по ту сторону Ингура (должно быть, «Эгрис-цкали» – Галидзга – З. А.), Анакопию с Аланией (чит. «до границ Алании» – З. А.); в) Бедиа, от Ингура (должно быть «Эгрис-цкали» – З. А.) до Цхенис-цкали; г) Гурию; д) Рача-Лечхуми; е) Сванетию; ж) Шоропани, восточная часть Риони и Ханис-цкали до Лихской горы; всю Аргвети; з) Кутаиси, Ваке, Окриба, западную часть Ханис-цкали до Гурии и западную часть Риони до Цхенис-цкали»³.

Таким образом, территория современной Абхазии вошла в состав названных выше трех первых эриставств следующим образом: северная часть Абхазии – в состав Абхазского эриставства, которое тянулось до Никопсии; центральная часть целиком вошла в состав Цхумского эриставства, а южная часть составила северо-западный район (от Галидзги до Ингури) Ведийского эриставства, границы которого простирались до р. Цхенис-цкали.

Характер деления Абхазского царства на отдельные области (эриставства) показывает, что в основе этого деления лежал этно-

¹ БСЭ, изд. 2, т. I, стр. 47.

² Вахушти, Описание..., стр. 168.

³ Вахушти, Описание..., стр. 274.

племенной принцип (ср. «Сванетия», «Рача-Лечхуми», «Абхазия» и др.). В частности, не подлежит сомнению, что этого же принципа придерживались и при учреждении тех эриставств, в которые была включена территория Абхазии. Поэтому, нам кажется, Бедийское эриставство было населено в основном эгрисцами (мегрелами). Собственно абхазское население проживало в Цхумском эриставстве (исторические Апсилия и Мисиминия), а также в Абхазском эриставстве, которое обнимало часть территории исторической Абазгии и Санигии (Джигети), и частично в Бедийском Эриставстве.

2. К вопросу о границах Абхазского царства

Выше уже говорилось, что в Абхазское царство (вначале княжество) образовалось в результате объединения Абхазии и Эгриси, а также присоединения к ним и области Аргвети, непосредственно примыкающей к Сурамскому (Лихскому) хребту.

Прямое указание автора «Матианэ картлиса», что Леон Абхазский «завладел Абхазией и Эгриси до Лихи», свидетельствует, что Абхазское царство охватывало территорию всей исторической Западной Грузии, не исключая и Сванетии, поскольку эта последняя нигде в источниках не фигурирует в качестве независимой от Абхазского царства единицы. По более позднему свидетельству Вахушти, Сванетия входила в состав Абхазского царства в качестве отдельной административной единицы – эриставства¹.

Эти границы Абхазского царства оставались относительно устойчивыми в течение всего периода его существования. Однако, в зависимости от обстановки, политические границы Абхазского царства не раз отодвигались как в северо-западном направлении, так и, в особенности, в юго-восточном – в сторону Восточной Грузии, поскольку основная задача политической экспансии абхазских царей в период борьбы за объединение феодальной Грузии сводилась к стремлению овладеть Картли и другими областями Восточной Грузии.

На кавказском побережье Черного моря крайней северо-западной границей Абхазского царства, как и в свое время Абхазского княжества, была река Никопсия. Византийский писатель X в. Константин Багрянородный свидетельствует, что в его время границей между Зихией (территория адыгов) и Абхазией была «река Никопсис, на которой находится и город того же имени»².

¹ Вахушти, Описание..., стр. 274.

² Конст. Багрянородный, «О фемах» и «О народах», Москва 1899 г., стр. 34.

В научной литературе давно уже установлено, что река Никопсия соответствовала нынешней Ничепсухо (или Негопсухо), приблизительно в 20 км (по прямой) к северу от г. Туапсе. Еще в прошлом столетии крупный знаток истории Причерноморья Ф. Брун писал о р. Никопсии: «Всякий согласится, что река эта текла в долине Шапсухо, и что город Никопсис лежал в долине Нечепсухо, где и теперь видны его развалины»¹. Того же мнения придерживался и В. Латышев².

Действительно, развалины Никопсии и по сей день сохранились на левом мысу небольшой бухты, в которую впадает р. Ничепсухо (близ села Ново-Михайловского). В октябре 1951 года участники историко-археологической экспедиции Института истории АН СССР ознакомились с этим памятником и, на основе наземных его остатков и подземного материала, пришли к заключению, что памятник представляет собой остатки поселения городского типа позднеантичной и средневековой эпохи. Археологическое изучение этого замечательного памятника, несомненно, обогатило бы кавказоведение ценным материалом.

О том, что Никопсия входила в состав Абхазии, имеются прямые указания и в грузинских средневековых источниках.

Так, грузинский писатель XI в. Георгий Мтацминдели, указывая на Никопсию, как на место, в котором был похоронен «апостол» Симон Кананит, пишет: «Один из двенадцати святых апостолов – Симон Кананит похоронен в нашей стране, в Абхазии, (в городе), именуемом Никопсия»³.

Политические границы Абхазского царства, по-видимому, отодвигались порой и дальше к северо-западу, что, в частности, нашло свое отражение и в абхазских народных преданиях. Так, К. Кудрявцев сообщает, что в Абхазском селе Лдзаа (близ Пицунды) он записал предание о том, будто при царе Георгии II (929–957) границы Абхазии доходили до устья р. Кубани, неподалеку от которой Георгий, якобы, построил крепость и назвал ее «Анапа» – «словно в конце вытянутой руки» («ананы» по-абх. «рука»)⁴.

О том, что историческая Джигетия (Зихия) входила в период правления Георгия II в состав Абхазии есть косвенное указание и в

¹ Ф. Брун, Черноморье, т. II, стр. 259.

² В. Латышев, К истории христ. на Кавказе, стр. 11.

³ Георгий Мцире. Жизнь Георгия Святогорца, см. «Афонский сборник», Тбилиси, 1901 г., стр. 315 (на древнегруз. яз.).

⁴ К. Кудрявцев, Сборн. материалов по истории Абхазии, стр. 112.

летописи «Магианэ картлиса». В ней сообщается, что царь Георгий захваченного в плен в одной из кахетинских крепостей феодала Хахуа Аршис-дзе «отправил арестованного в Джикети»¹.

По вопросу о южной приморской границе Абхазского царства существуют различные мнения. Акад. АН ГССР Кекелидзе считал, что крайним южным пунктом владений Абхазского мтавара был город Трапезунт. Так, в своем исследовании о сочинении И. Сабанисдзе он пишет: «В пределы Абхазии, т. е. Западной Грузии, ранее называвшейся Лазикой и Фазидой (от реки Фазиса – Риона), тогда действительно входил Трапезунт»². К. Кекелидзе исходит, главным образом, из собственного толкования следующего места из «Жития Або Тбилели» (в русском переводе): «Границей этой страны [Абхазии] являются: море Понтийское, обиталище христиан до пределов Халдии; в ней [т. е., по Кекелидзе, в Абхазии – З. А.] находятся «Трапезунт, поселение Апсар и гавань Нафсай»³. Пункт Апсар К. С. Кекелидзе помещает в устье Чороха, а Напсай отождествляет с Никопсией⁴. Кроме того, К. Кекелидзе полагает, что вхождение Трапезунта в состав «Абхазии» подтверждается и актами вселенского собора 787 г., под которыми стоит такая подпись: «Христофор, епископ Фазиса или Трапезунта»⁵.

Такой же точки зрения о Трапезунте придерживается и П. Ингороква. Отождествляя Напсайскую гавань с Никопсией, П. Ингороква следующим образом интерпретирует приведенную выше цитату из «Мученичества Або»: «Граница их (т. е. абхазских владений Западной Грузии) есть Черное море («море Понтийское»), обиталище христиан, до тех мест, до которых доходят границы Халдии («до рубежей Халдии»).

Там (на Черноморском побережье Западной Грузии) расположены: Трапезунт (у южного рубежа), Апсар (посередине) и Напсайская гавань (у северного рубежа)»⁶.

Как мы видим, проф. К. Кекелидзе и вслед за ним П. Ингороква предлагают такую интерпретацию интересующего нас текста, по

¹ «Жизнь Грузии», стр. 268.

² К. Кекелидзе, Памятники древнегруз. агиографической литературы, 1956 г., стр. 34.

³ Там же, стр. 34 и 50.

⁴ Там же, стр. 34 (сноска).

⁵ Там же, стр. 34–35.

⁶ См. «Георгий Мерчуле», стр. 211 (пояснения в скобках принадлежат П. Ингороква).

которой Трапезунт, как и другие упомянутые здесь пункты (Апсар и Напсайская гавань), входили, якобы, в состав Абхазского княжества. На самом деле И. Сабанисдзе определенно указывает, что перечисленные пункты являлись владениями Византии, а поэтому отождествление Напсайской гавани с Никопсией неправильно. В этом можно убедиться, если полностью процитировать соответствующее место из сочинения Сабанисдзе:

<p>...”და ნეტარი ჰაბო უფროსლა ჰმადლობდა ღმერთსა, რამეთუ იხილა მან ქვეყანა იგი სასვე ქრისტეს სარწმუნოებითა და არავინ ურწმუნოთაგანი მკვიდრად იპოვების საზღვართა მათთა. რამეთუ საზღვარ მათდა არს ზღვა იგი პონტოსსად, სამკვიდრებელი ყო-ვლადვე ქრისტეანეთად, მისაზღვრადმდე ქალდიასა, ტრაპეზუნტიად მუნ არს. საყოფელი იგი აფსარეასად და ნაფსაძს ნავთსადგური. და არს ადგილები იგი საბრძანებლად ქრისტესმსახურისა იონთა მეფისა, რომელი მოსაყრდე არს დიდსა მას ქალაქსა კოსტანტინეპოლისსა”¹.</p>	<p>...«Больше всех благодарил бога блаженный Або, потому что нашел он страну полной верующих во Христа и никого неверующих не было среди коренных (жителей) в ее пределах. Ибо границей ее (Абхазии) является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии, в ней (т.е. в Халдии, а не в Абхазии – З.А.) находятся Трапезунт, поселение Апсареа и Напсайская гавань. И подвластны города те и места слуге христову, ионскому царю, который восседает на престоле в великом городе Константинополе»¹.</p>
---	---

Таким образом, в приведенной цитате прямо указывается, что Трапезунт, Апсар и Напсайская гавань являются городами Халдии, которая представляет собой владение «ионского царя» т.е. византийского императора. Совершенно очевидно, что в данном случае мысль Сабанисдзе сводится к следующему: Абхазия потому-де является, сплошь христианской страной, что по соседству с ней находятся христианские владения в частности города Трапезунт, Апсар и Напсайская гавань, которые подчинены «слуге Христа – ионскому царю».

Акад. С Джанашиа в свое время правильно отмечал, что такое толкование разбираемого текста из сочинения Сабанисдзе, какое

предлагает К. Кекелидзе (и, следовательно, П. Ингороква) «совершенно неприемлемо как текстуально, так и исторически: мы знаем хорошо, что Абхазия, в политическом смысле, не простиралась южнее реки Чорох и едва ли она ее когда-нибудь достигала»¹.

Что касается других источников, на которые ссылаются К. Кекелидзе и П. Ингороква для обоснования своей точки зрения, то и они не делают их вывод более убедительным. Так П. Ингороква опирается на сообщение Епифана Константинопольского о Трапезунте как о «городе Лазики», а также на свидетельство Еф. Мтацминдели о том, что Трапезунт находится «в стране мегрелов»². Однако указания этих источников имеют лишь гео-этнографическое значение и отнюдь не свидетельствуют о вхождении Трапезунта в состав политической единицы – Абхазского царства. Названные авторы хотят сказать, что Трапезунт географически расположен в стране лазов, или мегрелов. Характерно, что вплоть до XV в. правителей Трапезунтской «империи» Комненов авторы XIII–XV вв. называли то «правителями лазов», то «царями колхов»³.

Не может служить подтверждением этого положения и приводимый проф. К. Кекелидзе документ, в котором говорится о «епископе Фазиса или Трапезунта». В 787 г., когда Абхазия (Западная Грузия) считалась еще официальным владением Византии, трапезунтский епископ вполне мог считать себя и епископом фазисским. Известно также, что и после образования независимого Абхазского царства Абхазская церковь в течение нескольких десятилетий продолжала оставаться в подчинении у константинопольского патриархата.

Прямое указание на то, что Трапезунт являлся городом Халдин, а вся эта область входила в состав Византии имеется также и у Константина Багрянородного, который в своем труде «О фемах» под № 8 упоминает «Фему Халдия» и ее «митрополию» – Трапезунт⁴.

У К. Багрянородного имеется следующее указание о границах Абхазии: «От Таматархи⁵ на расстоянии 18 или 20 миль есть река, именуемая Укрух⁶, которая отделяет Зихию от Таматархи. Зихия

¹ С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 338.

² П. Ингороква, «Георгий Мерчуле», стр. 214–215.

³ См. «Сборн. мат. для описан. местн. и плем. Кавк.», в. 9, стр. 202–205.

⁴ К. Багрянородный, «О фемах» и «О народах», Москва, 1899 г., стр. 34.

⁵ Тмутаракань – город на Таманском полуострове.

⁶ Река Кубань.

простирается на расстоянии 300 миль до реки Никопсиса, на которой находится город того же имени... От Зихии, т. е. от реки Никопсиса, до города Сотириуполя по морскому берегу лежит Абазгия на пространстве 300 миль»¹.

Если местоположение Никопсии не вызывает разногласии среди историков, то по вопросу локализации Сотириуполя исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Проф. Ю. Кулаковский считал, что Сотириуполь – это другое название Питиунта². Свой вывод Ю. Кулаковский подкреплял тем обстоятельством, что в приложении к так называемому Иероклову Синекдому, где дается «список городов и крепостей, переименовавших свои имена», указывается «Сотириуполь – прежде Питиа»³. Того же мнения (предположительно) держался и Ф. Брун, который писал: «Если не ошибаемся, то Питиус иногда назывался Сотирополис»⁴.

Однако против такого взгляда возражал проф. В. Болотов, который настаивал на отождествлении Сотириуполя с Севастополем (Сухуми). В частном письме к Ю. Кулаковскому он «привел целый ряд аргументов в подтверждение того, что переименовалось только имя Севастополь на Сотириуполь», но этих аргументов⁵ Ю. Кулаковский не приводит.

Из новейших авторов за отождествление Сотириуполя с Пичундой высказался проф. С. Каухчишвили⁶, хотя он считает, что решение этого вопроса требует дополнительных изысканий⁷. П. Ингорква, напротив, в первой публикации своей работы «Георгий Мерчуле» утверждал, что Сотириуполь это нынешний Сухуми⁸. Однако в отдельном издании той же работы отказался от этого взгляда и выдвинул новое положение, по которому Сотириуполь отождествляется с пунктом Оф, близ Трапезунта (к востоку от него)⁹.

Свой отказ от прежнего взгляда, что Сотириуполь соответствует средневековому Севастополю, П. Ингорква убедительно под-

¹ К. Багрянородный, цит.соч., стр. 154.

² Ю. Кулаковский, Где был построен..., стр. 36.

³ Там же.

⁴ Ф. Брун, Черноморье, т. II, стр. 245.

⁵ Ю. Кулаковский, Христианство у алан, см. «Византийский временник», т. V, 1899.

⁶ «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 218.

⁷ Там же, стр. 235.

⁸ См. журнал «Мнатоби», № 3 за 1950 г., стр. 121.

⁹ П. Ингорква, «Георгий Мерчуле», стр. 252–253.

твердил указанием на некоторые нотации константинопольского патриархата (№№ 6, 14 и 19), в которых Сотириуполь упоминается наряду с Севастополем¹. Это значит, что Сотириуполь, вопреки мнению В. Болотова, не соответствовал нынешнему Сухуми.

Однако нельзя согласиться и с утверждением П. Ингороква, будто Сотириуполь, который упоминается в сочинении Константина Багрянородного в качестве южного приморского пограничного пункта Абхазии, был расположен вблизи Трапезунта. Выше мы имели уже случай привести компетентное заявление акад. С. Джанашиа, что «Абхазия в политическом смысле не простиралась южнее реки Чорох, и едва ли она ее когда-нибудь достигала»².

Вместе с тем локализация Сотириуполя в районе Трапезунта противоречит ясному указанию Багрянородного о том, что Абхазия (Абазгия) тянется «от реки Никопсиса до города Сотириуполя по морскому берегу на пространстве 300 миль»³, т. е. приблизительно столько же, сколько и между Укрухом (Кубанью) и Никопсией⁴. Расстояние между Никопсией и тем пунктом, в районе которого П. Ингороква локализует средневековый Сотириуполь, по морскому берегу составляет не менее 800 миль. Весьма сомнительно, чтобы Константин Багрянородный совершил бы такую грубую ошибку, если он имел в виду населенный пункт, соседний с Трапезунтом.

Указанное К. Багрянородным расстояние, с другой стороны, вполне соответствует расстоянию между Никопсией и Питиунтом, в котором мы и должны видеть отмеченный Багрянородным Сотириуполь, как это считали некоторые из упомянутых выше исследователей. Вполне возможно, что Питиунт мог получить такое дополнительное название (Сотириуполь) от наименования одного из главных своих храмов, посвященных Христу – Сотеру, либо же именовался так, как один из самых ранних христианских центров на побережье Кавказа.

Если допустить, что под Сотириуполем К. Багрянородный имел в виду Питиунт, то становится очевидным, что в данном случае он писал не о границах Абхазского царства, которые в то время (середина X в.) простирались до Сурамского хребта на востоке и до р. Чорох (или вблизи нее) на юге, а о границах исторической Абхазии (Абазгии) и, в частности эриставства Абхазии, которое

¹ Там же, стр. 251.

² С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 388.

³ К. Багрянородный, «О фемах» и «О народах», стр. 454.

⁴ Там же.

тогда составляло одну из административных областей Абхазского царства. В состав эриставства Абхазии входил Питиунт, но не входил Севастополь (Цхуми), который являлся административным центром другого эриставства – Цхумского.

Как уже сообщалось, царевич Вахушти в своем историко-географическом труде рассказывает, что уже первый абхазский царь Леон разделил свое царство на эриставства, которых на территории собственно Абхазии было три: Бедийское, Цхумское и Абхазское¹. По словам Вахушти, эриставство «Абхазия» включало в себя «Абхазию и Джикетию до моря и до Хазарской реки»². В данном случае под Джикетией Вахушти имеет в виду не Зихию в собственном смысле, а так называемую Абхазскую Джикетию, населенную в его время садзами, хотя и доводит ее границы до «Хазарской реки», т. е. до Кубани. Из сообщения Вахушти вытекает также, что в состав эриставства «Абхазия» не входил не только Цхуми (Сухуми), но и Анакопия, которая была включена в состав Цхумского эриставства. Определяя территорию этого эриставства, Вахушти пишет: «Цхоми, по ту сторону Ингура [должно быть, Эгрис-цкали – Галидзга – З. А.], Анакопия с Аланией (чит. «до границ Алании» – З. А.)»³.

Поэтому наиболее важным городским пунктом на юге Абхазского эриставства был Питиунт (Бичвинта), который, надо полагать, имел в виду Константин Багрянородный, когда он писал, что Абхазия тянется от Никописи на севере до Сотириуполя (Питиунта) на юге. Подобная интерпретация К. Багрянородного, нам кажется, является исторически наиболее достоверной.

Таким образом, Абхазское царство включало в себя территорию всей Западной Грузии и значительную часть Приморья Северо-Западного Кавказа. Ее устойчивыми политическими границами являлись: река Ничепсухо на севере, Главный Кавказский хребет на востоке, Лихский (Сурамский) хребет на юго-востоке, р. Чорох (или вблизи нее) на юге и Черное море – на западе. Как отмечалось выше, в зависимости от успехов политической экспансии абхазских царей, владения последних заходили порой (главным образом в X в.) далеко в область Восточной Грузии (Картли, части Кахетии Эрети и Тао-Кларджети) – на юге и доходили до Кубани («Хазарской реки») – на севере.

¹ Вахушти, Описание..., стр. 168.

² Там же.

³ Там же.

3. О значении терминов «Абхазия» и «абхазы» в IX–X вв.

Географический и этнический термины «Абазгия» и «абазги» в различные исторические периоды меняли свое значение, приобретая новые оттенки. Так, в VI–VII вв. Абазгией как было показано, называлась лишь часть современной Абхазии, а абазгами именовались ее обитатели. После же образования объединенного Абхазского княжества (эриставства) в 30–40 гг. VIII в. термин «Абазгия» (груз. «Абхазети») обозначал уже территорию всего княжества от р. Эгрис-цкали (Галидзга) до Никопсии, а население этой страны, слившееся в единую абхазскую народность, получило в грузинских и иностранных источниках единое название «абхазы» (греч. «абазги», грузинское «абхазни» и т. д.), поглотившее прежние этнические термины края – «абазги» в узком смысле, «апсилы», «мисимиане», «саниги» и др.

С 70-х годов VIII в., в связи с образованием Абхазского государства (сначала княжества, а затем царства), термины «Абхазия» и «абхазы» получают дополнительное значение. Вахушти повествует, что Леон II, после того, как он «завладел всей залихской Эгриси от моря до Хазарии..», «назвался царем абхазов, а название своего эриставства перенес и на Эгриси лета от рожд. Христа 786 хроникона 6»¹. Таким образом, распространение термина «Абхазия» на всю Западную Грузию Вахушти приписывает инициативе Леона II, что весьма вероятно, т.к. принятие официально титула царя абхазов должно было повлечь за собой и распространение термина «Абхазия» на всю территорию возникшего государства.

С этого времени территория всей Западной Грузии обычно именуется «Абхазия», хотя и прежде употреблявшийся в этом смысле термин «Эгриси» не вытесняется полностью, так же, как и впоследствии новый термин «Имерети», возникший приблизительно в XII в. для обозначения Западной Грузии, заменил затем два древних термина, хотя впоследствии употреблялись порой и старые термины. Так, например Вахушти свое описание Западной Грузии озаглавил так: «Описание страны Эгриси, или Абхазии или Имерети»². Здесь наименования приводятся в порядке исторической последовательности возникновения соответствующих терминов, обозначающих всю Западную Грузию – «Эгриси» (не позднее IV в н. э.). «Абхазия» (с 70-х гг. VIII в.) и «Имерети» (пример-

¹ Вахушти, Жизнь Грузии, 1913 г., стр. 271 (на груз. яз.).

² Вахушти, Описание.., стр. 144.

но с XII в.). Вахушти прямо указывает на это: «Названиями этой страны [Западной Грузии – З. А.] являются: вначале Эгриси, затем Абхазия и позднее Имерети»¹. Однако дату на которую указывает Вахушти – 786 г., принять нельзя поскольку уже И. Сабанисдзе, описавший, как уже указывалось, события начала 80-х гг. VIII в., Западную Грузию называет «Абхазией».

С этого времени новое значение приобретает и термин «абхазы». Если раньше он обозначал определенную этническую общность – вначале племя и небольшую народность абазгов, а затем единую абхазскую народность, то теперь он начинает выступать в качестве собирательного термина обозначающего все многоэтническое население Западной Грузии. Трудно, а порой и вовсе невозможно определить, в каком случае имеются в виду собственно абхазы и в каком абхазы в широком смысле – все население Абхазского царства.

В грузинских источниках, когда речь идет о «царях абхазов» периода Абхазского царства, имеется в виду все население Западной Грузии. Уже в первом случае, когда автор «Матианэ картлиса», рассказывая о воцарении Леона II, пишет, что он «принял имя царя абхазов»², то здесь надо понимать – не абхазов в узком смысле, а все население возникшего царства – картвелов (эгрисцев сванов, картов), собственно абхазов и др. Когда тот же источник называет, к примеру, Георгия II «царем абхазов», то здесь под «абхазами» подразумевается все население Западной Грузии.

Такое же положение встречается и в иностранных источниках. Начнем с армянских. В армянском агиографическом памятнике «Мученичество святых Григория, Рипсимэ и Гаянэ», составленном, как это видно из текста, не раньше IX в. сообщается о том, как «святой» Григорий, кроме армян, якобы, крестил абхазов, грузин и аланов³. В названном источнике читаем: «И начал он (Григорий) освещать церкви, ставить в них священников... Иного отправил в Грузию, иного в ст р а н у Абхазию и иного к аланам... И когда исполнилось 30 дней и клир был в сборе у него, то он взял весь народ и повел к реке Евфрат около церквей города, называемого Багаваном: число их было триста семьдесят тысяч, царь Тирдат, царь абхазов, царь аланов и все князья и главы народов и племен и все

¹ Там же.

² «Жизнь Грузии», стр. 251.

³ См. Н. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием, СПб, 1905, стр. 135.

их подвластные...»¹. В приведенной цитате под названием «страна Абхазия» подразумевается вся Западная Грузия, а под «Грузией» – Восточная Грузия.

Автор этого «Мученичества» допускает явный анахронизм. Пытаясь приписать «святому» Григорию крещение «абхазов» (население Западной Грузии), «грузин» (грузинское население Восточной Грузии) и аланов (осетин), он рассказывает о географической и политической обстановке не IV в., а описывает картину IX в. В этой связи упомянутый здесь «царь абхазов» (автор не случайно не называет его имени) – это не кто иной, как царь всей Западной Грузии («Абхазии»), современной автору эпохи. Другие сведения об «абхазах», приводимые в том же источнике², носят аналогичный характер.

В сочинении армянского историка X в. Фомы Арцруни «История Арцрунидов» сообщается о бегстве в «Абхазию» одного из васпураканских владетелей Григора Арцруни³. В данном случае под «Абхазией» также подразумевается не собственно Абхазия, а вся Западная Грузия. То же самое надо сказать и об упоминании Иоанном Драсханакертским (X в.) «правителя Абхазии» (Георгия II)⁴, или о рассказе Ухтанеса (X в.) о стране «Абхазии» и ее народе⁵, о сведениях Асохика (XI в.) о «царе апхазов Тевтасе» (Феодосии III)⁶ и т. д.

Представляет интерес сообщение историка Ухтанеса об «Абхазии» (Западной Грузии). Говоря о ее «многочисленном народе», Ухтанес пишет, что «поскольку первоначальную их страну называли Вернией [Иберией – **З. А.**], потому и здесь они назывались верийцы (веранцы – грузины)⁷, т. е. Ухтанес население этой страны в этническом смысле считает грузинами. Это и понятно, поскольку в обширном Абхазском царстве картвельский этнический элемент (эгрисцы, сваны, карты), как уже отмечалось, был преобладающим. Грузинское население царства механически выросло в X в., во времена Ухтанеса, в связи с завоеваниями абхазских царей в Восточной Грузии, значительная часть которой была присоединена к Абхазскому царству.

¹ Н. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и алан святым Григорием, стр. 135.

² Там же, стр. 117, 133, 137 и др.

³ Ф. Арцруни, История Арцрунидов, СПб, 1887 г., стр. 198–199.

⁴ И. Драсханакертский, История Армении, Тифлис, 1912 г., стр. 267–268.

⁵ Ухтанес, История Армении, 1871 г., ч. 11, стр. 35.

⁶ Асохик, Всеобщая история, 1864 г., стр. 180.

⁷ Ухтанес, цит. соч., стр. 267–268.

Западная Грузия фигурирует под именем «Абхазии» и в арабских источниках X века. Так, арабский ученый Аль-Мукаддаси упоминает страну «Абхаз», под которой разумеется все Абхазское царство¹. Все население этого царства имеет в виду арабский географ Массуди, когда он пишет: «Рядом со страной аланов живут абхазы, исповедующие христианскую религию. В наше время у них есть царь»².

Абхазия, как вся Западная Грузия, упоминается наряду с Иверией, т. е. Восточной Грузией, и в раннеславянских источниках. Так, в биографии «апостола» славян Кирилла (IX в.), составленной вскоре после его смерти читаем (в древнерусском переводе): «Яко же суть Армяне, Перси, А в а з ь г и, И в е р и и, Гутди, Готи, Обри, Турсии, Казари и проч.»³.

В отдельных источниках эпохи Абхазского царства термин «абхазы» имеет узкое, чисто этническое значение, а термин «Абхазия» разумеет не Абхазское царство в целом, а собственно Абхазию. Так, автор середины X в. Иосиф Генесий, перечисляя представителей народностей, принимавших участие в восстании под руководством Фомы Славянина в Византии (821–823 гг.), называет абазгов, лазов и иберов⁴. В данном случае под абазгами разумеется не все население Западной Грузии, а собственно абхазы, поскольку наряду с ними названы и эгрисцы (лазы).

Автор «Матианэ картлиса», неоднократно упоминая абхазов в смысле всего населения Абхазского царства, вместе с тем называет и Абхазию как узко этнографическую область. Так, например, в фразе «Леон... завладел Абхазией и Эгриси до Лихи»⁵ он имеет в виду собственно Абхазию в узком смысле, так как, наряду с Абхазией, здесь упоминается и Эгриси – эта основная в то время область Западной Грузии.

В некоторых же случаях не представляется возможность точно установить, имеется ли в данном источнике в виду собственно Абхазия или Абхазия в широком смысле. Например, указание летописи «Матианэ картлиса» о том, что во время нашествия Абуль-Касима царь Армении Сумбат, союзник абхазского царя Констан-

¹ Караулов, Свед. Арабск. писателей о Кавказе, СМОМПК т. XVIII, стр. 17.

² Там же, стр. 56.

³ Ф. Брун, Черноморье, т. II, стр. 129.

⁴ «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 307.

⁵ «Жизнь Грузии», стр. 251.

тина, скрылся «в горах абхазских»¹, не дает ясного ответа на вопрос, имеются ли здесь в виду собственно абхазские горы или вообще горы Абхазского царства. Таких примеров можно привести немало.

Таким образом, при указании источников эпохи Абхазского царства (да и позднее) об «Абхазии» и «абхазах» в каждом конкретном случае следует по возможности решать, когда имеется в виду «Абхазия» в широком смысле и когда собственно Абхазия.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, как правило, когда в источнике упоминаются «абхазы» вообще, то, поскольку речь идет тогда о всем населении Абхазского царства, наряду с другими его этническими компонентами всегда имеются в виду и собственно абхазы. Их активное участие во всех важных событиях политической и общественной жизни Абхазского царства не подлежит сомнению. Поэтому история собственно Абхазии того времени является неразрывной частью истории Абхазского царства.

4. Абхазское царство в борьбе за объединение феодальной Грузии

В начале IX в., т. е. вскоре после своего возникновения, Абхазское царство активно включается в длительную борьбу между образовавшимися на территории Грузии царствами и княжествами (Тао-Кларджети, Кахети, Картли и др.). Эта борьба объективно вела к объединению феодальной Грузии, и Абхазское царство сыграло в данном процессе значительную позитивную роль.

Необходимость объединения царств и княжеств Грузии в централизованное феодальное государство диктовалось различными причинами как социально-экономического, так и политического порядка. Прежде всего, политически раздробленная Грузия не могла обеспечить дальнейшего экономического развития страны. Для этого требовалось: установление единых и твердых государственных порядков, ликвидация междоусобиц, создание единой монетной системы, ликвидация внутренних таможенных границ и т. п. Кроме того, в условиях дальнейшей феодализации страны, грузинские феодалы, особенно мелкие и средние, нуждались в сильной центральной власти, способной преодолеть нарастающее классовое сопротивление крепостного и закрепощаемого кре-

¹ «Жизнь Грузии», стр. 262.

стьянства. Наконец, создание единого государства требовалось в целях обороны страны от внешних захватчиков – византийцев, хазаров, арабов и др.

Каждая из грузинских политических единиц упорно стремилась взять в свои руки ведущую роль в этой борьбе и подчинить себе своих противников. О характере этого процесса акад. И. А. Джавахишвили писал следующее: «Между этими мтаварями велась обостренная борьба за преимущество и господство; каждый из них изо всех своих сил стремился к тому, чтобы расширить свое владение, а чужое прибрать к своим рукам, объединить различные мтаварства и стать единственным господином; каждый думал о себе и всячески препятствовал действиям другого; кахетинские корепископы, «цари картвелов» и Тао-Кларджети, абхазские, а также и армянские цари, то в отдельности, то объединенные в группировки, постепенно, но упорно добивались осуществления своей цели. Эта непрерывная, то скрытая, то явная борьба за достижение господства и объединение страны заслуживает большого внимания»¹.

Первый шаг к развязыванию этой борьбы был сделан правителем Кахети Григолом, которому удалось захватить Картли. Стремление овладеть этим краем не является случайным. Борьба за Картли (“*brZola qarTlsa zeda*”) занимала центральное место во всей междоусобной борьбе грузинских царств и княжеств. Уделение «главного внимания» Картли со стороны грузинских правителей С. Н. Джанашиа объяснял следующим образом: «Стремление к гегемонии в общегрузинском масштабе справедливо придавало в глазах названных князей обладанию Картли, этой централь н о й , в е д у щ е й п р о в и н ц и и Г р у з и и , о с о б о в а ж н о е з н а ч е н и е»².

Захват Григолом Картли взбудоражил, разумеется, других грузинских правителей. Первым против него начал борьбу правитель Тао-Кларджети Ашот Куропалат (787–826 гг.), считавший, что он имеет больше прав на обладание этим краем. В союзе с ним действовал абхазский царь Феодосий II (умер в 825 г.), который был женат на дочери Ашота. Автор «Матианэ картлиса» сообщает, что, «когда Ашот Куропалат выступил в поход (против Григола), то ему помог сын Леона второго Феодосий, царь Абхазский, который был зятем Ашота». Далее он рассказывает, что «Григол прибыл из Кахети и помогали ему горцы и цанары (жители горной Кахетии – З. А.), а

¹ И. Джавахишвили, История грузинского народа, т. II, 1948 г., стр. 91.

² С. Джанашиа, Абх. I-X вв., стр. 59 (разрядка наша – З. А.).

также и тбилисский эмир. Ашот и Григол сразились на реке Ксани. Обратили кахетинского мтавара Григола в бегство и захватили страну, которую он занимал в Картли. И овладел (страной) Ашот от Кларджети до Ксани»¹.

Активное участие абхазского царя Феодосия в этой борьбе объясняется, разумеется, не столько стремлением оказать поддержку захватническим планам своего тестя, сколько желанием изгнать из Картли более опасного, на его взгляд, соперника – кахетинского мтавара. Самому же претендовать на овладение Картли у Феодосия, по-видимому, не было еще возможности. Однако его участие в первой же борьбе за Картли было весьма знаменательным; оно положило начало длительной борьбе его преемников за овладение этой ведущей областью феодальной Грузии.

Феодосий II умер бездетным и абхазский престол после него занял его младший брат Дмитрий II (825–861 гг.). По примеру Феодосия, Дмитрий также принимал активное участие в политической жизни Грузии. В частности, он боролся против арабского полководца Буга-турка, вторгшегося в Грузию в 853 г. с целью укрепить в Картли пошатнувшееся господство арабов (см. ниже). Хотя в борьбе с Буга-турком абхазский царь потерпел поражение, однако его притязания на Картли на этом не прекратились.

Дмитрию наследовал брат его Георгий I (861–868 гг.), который до восшествия на престол владел местностью Агцепи и поэтому вошел в историю под именем Георгия Агцепского (“aRwefeli”)².

По примеру своих предшественников, Георгий I также стремился овладеть Картли. Ему удалось даже осуществить это на некоторое время и посадить в Картли эриставом своего племянника. В «Матианэ картлиса» по этому поводу читаем: «Прибыл Георгий, царь абхазский, брат Феодосия и Димитрия, сын Леона; овладел он Картли и поставил здесь эриставом Чихской (области) сына Дмитрия» (имени его летописец не называет)³.

После смерти Георгия Агцепского в Абхазском царстве началась династическая борьба за престол. Наследниками бездетного Георгия были его племянники (сыновья Дмитрия), чихский эристав и малолетний Баграт. Однако жена Георгия I организовала заговор, в результате которого чихский эристав был убит, но Баграта спасли его приверженцы и отправили в Константинополь.

¹ «Жизнь Грузии», стр. 252–253.

² Там же, стр. 258.

³ Там же.

После этого, сообщает автор «Матианэ картлиса» абхазским престолом сумел завладеть мтавар Шавлиани Иоанн¹. Чтобы закрепить свое положение, Иоанн женил своего сына Адарнасе на дочери правителя Тао-Кларджети Гуарама. После смерти Иоанна Адарнасе воцарился в Западной Грузии. Иоанн и Адарнасе явились представителями так называемой шавлианской династии, которая правила в Абхазском царстве около двадцати лет.

В период правления шавлианской династии борьба Абхазского царства за гегемонию в Грузии продолжалась. Абхазия, в частности, вмешалась во внутреннюю борьбу, происходившую в Тао-Кларджети, между мампали Гуарамом и его племянником Давидом, сыном Баграта Куропалата.

Автор «Матианэ картлиса» рассказывает, что крупный аргветский феодал Липарит Багваши перешел в Восточную Грузию, занял Триалети и воздвиг здесь мощную крепость Клде-Кари². Своим сюзереном Липарит избрал Давида Багратовича, поскольку последний был противником Гуарама, который считался владельцем Триалети.

Сын Гуарама Наср повел борьбу против Давида Куропалата (876–881 гг.). В союзе с ним выступал другой крупный тао-кларджетский владетель Гурген, приходившийся Насру и Давиду двоюродным братом.

В эту междоусобную борьбу активно вмешался правитель Армении Ашот Багратуни, который, с целью расширения своих владений, организовал поход на север и решил захватить Картли, где в то время господствовал абхазский царь, а поэтому эристав эриставов армян должен был сначала нанести поражение абхамам.

Действия Ашота Багратуни, разумеется, не понравились ни мампали Гуараму, ни его сыну Насру, поскольку если бы ему удалось отобрать у абхазов Картли, он легко захватил бы тогда Абеци и Ташири; в силу этого, разумеется, отец и сын были настроены против эристава эриставов армян; именно поэтому «Наср, сын Гуарама, и Гурген были на стороне абхазов»³. Но поскольку армянский эристав эриставов Ашот выступил против царя абхазов, Давид Куропалат, сын Баграта, разумеется, должен был принять сторону противника царя абхазов и способствовать тому, чтобы

¹ «Жизнь Грузии», стр. 258.

² Там же.

³ Там же, стр. 259.

обессилить своего постоянного соперника, захватившего Картли, тем более, что Наср, сын Гуарама, помогал абхазскому царю. Именно поэтому «Давид и Липарит помогли армянам»¹.

Таким образом, дело еще более осложнилось; в число борющихся включился еще один участник. Если до сих пор борьбу вели между собой лишь грузинские мтавары, то отныне вмешательство армянского мтавара расширило рамки и арену борьбы; если раньше борьба должна была решить, кому из грузинских мтаваров пришлось бы главенствовать в Грузии, то теперь в результате борьбы должно было выясниться, в чьи руки перейдет главенство в Грузии, Армении и на всем Кавказе. Картли была сердцевиной страны и поэтому для будущего каждого из мтаваров овладение этой областью имело большое значение, и на этот раз «боролись армяне и абхазы из-за Картли»². Чем закончилась эта борьба, об этом ни в грузинских, ни в армянских источниках сведений нет. Но, по-видимому, победа осталась за армянским эриставом эриставов Ашотом; это видно из того, что Ашот принял имя «эристава эриставов армян и картвелов».

Вскоре после этого Наср потерпел поражение от своих противников и был вынужден бежать в Константинополь, где провел около семи лет. Его наследственные владения (Джавахети, Артаани и Ташири) после смерти отца его Гуарама (882 г.) перешли к наследникам Давида Куропалата³.

В конце 80-х гг. IX в. в Абхазию возвратился Баграт Дмитриевич и с помощью византийских войск отвоевал себе Абхазский престол. В «Матианэ картлиса» сообщается об этом следующее: «Баграт, сын абхазского царя Дмитрия, находился в Греции, в Константинополе; дал ему царь греков войско и отправил морем на кораблях в Абхазию. (По-прибытии туда) Баграт убил Адарнасе и овладел Абхазией. Он взял себе в жены супругу его (Адарнасе), дочь Гуарама»⁴. Абхазским царством Баграт правил до 893 г.

Тем временем борьба за объединение Грузии вступила в новую фазу. Временным ослаблением Абхазского царства воспользовалась Тао-Кларджети. Ее правитель Адарнасе в 888 г. объявил

¹ Там же.

² И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. 11, стр. 98-99.

³ «Жизнь Грузии», стр. 259.

⁴ Там же, стр. 261.

себя «царем картвелов» (888-923 гг.). Принятие этого титула выражало претензию на овладение Картли, всей Восточной Грузией и первенствующее положение в системе грузинских царств и княжеств.

Этому событию предшествовала острая борьба, в которой абхазский царь Баграт I принял самое деятельное участие. Еще в Константинополе Баграт заключил союз с сыном Гуарама Насром, своим будущим шурином. Когда же Баграт овладел абхазским престолом, то он сейчас же вызвал к себе Насра из Константинополя. Автор «Матианэ картлиса» пишет: «Вывез Баграт, царь абхазский, шурина своего («брата жены») из Греции и дал ему своё войско. И Наср захватил три крепости: Одзрхе, Джварисцихе и Ломсианта, построенные Гуарамом»¹.

Главным противником Насра был Адарнасе, сын убитого им Давида Куропалата. Адарнасе и его сторонники призвали на помощь армянского царя Ашота. По справедливому заключению И. А. Джавахишвили, «искусно организованная борьба между Насром и наследником Давида была в действительности борьбой между абхазами и армянами»².

На данном этапе эта борьба закончилась поражением абхазского царя и его союзника Насра, которые использовали также и аланских наемников. Цитированный выше летописец сообщает: «Прибыли Гурген и Адарнасе, сын Давида; помогали им армяне; сразились они на реке Куре и победили абхазов, убили Насра и правителя осетин Бакатара, а также эристава абхазского»³. Это произошло в 888 г. Борьба за Картли продолжалась также и при сыне и преемнике Баграта Константине III (893–929 гг.). В «Матианэ картлиса» рассказывается, что Константин овладел Картли, но вызвал этим недовольство армянского царя Сумбата Исповедника. Последний «выступил с большим войском и осадил Уплис-цихе»⁴.

Как сообщает армянский историк католикос Иоанн Драсханакертский, армянского царя Сумбата в этой борьбе поддерживал царь Тао-Кларджети Адарнасе. «Так обычно поступали правители Тао-Кларджети, теперь уже именуемые «царями картвелов», лишь бы как-нибудь воспрепятствовать усилению абхазских царей»⁵.

¹ «Жизнь Грузии», стр. 261.

² И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 99.

³ «Жизнь Грузии», стр. 261.

⁴ Там же, стр. 262.

⁵ И. Джавахишвили, там же, стр. 101.

Католикос Иоанн рассказывает далее, что абхазский царь Константин, узнав о приближении своих противников оставил Картли и скрылся в неприступных местах. Но поскольку враги разорили его владения, он предпочел заключить мир и с этой целью направил к Сумбату послов. Сумбат в свою очередь, отправил к Константину для мирных переговоров представителей высшей армянской знати. Во время переговоров армянские феодалы по сговору с Адарнасе и, по видимому, не без согласия Сумбата, пленили Константина и отправили его в Армению. Сумбат подержал его у себя некоторое время, но когда узнал, что правящие круги Абхазского царства собираются избрать нового, более энергичного царя, то он отпустил Константина¹. Они заключили мирный договор, по которому Сумбат уступил Константину Уплис-цихе и всю Картли². Союз между обоими царями был скреплен браком Константина с дочерью Сумбата.

Такая уступчивость Сумбата объясняется осложнившимися к тому времени его отношениями с арабами. Как сообщает армянский историк Асохик, в 907 г., по приказу халифа, против Сумбата выступил «с большим войском» арабский наместник Абу-Садж, которого поддерживали некоторые армянские правители. Узнав об этом, Сумбат «перешел в Абхазию». Характерно, что тао-кларджетский царь Адарнасе также поддержал противников Сумбата, потому, надо полагать, что Сумбат находился в союзе с абхазским царем Константином.

Грузинский летописец сообщает, что в период нашествия арабского полководца Абуль-Касима (914 г.) Сумбат снова нашел себе убежище «в горах абхазских»³. Впоследствии Сумбат погиб в борьбе с арабами.

Однако поражением Армянского царства сумел воспользоваться Константин, которому, спустя несколько лет, удалось прочно овладеть Картли. Это видно, в частности, из того, что Кахетинский корепископ Квирике I признал себя его вассалом, и они совместно начали борьбу против Эрети. Летописец сообщает, что Константин и Квирике «вступили в Эрети и осадили крепость Вежини. Абхазский царь осадил ее с верхней стороны, а Квирике – с нижней»⁴. После победы над эретцами Квирике досталась крепость Орчоби, а Константину – Ариши и Гавазни.

¹ Цит. по И. Джавахишвили, там же.

² «Жизнь Грузии», стр. 262.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 264.

Комментируя это событие, И. А. Джавахишвили пишет: «Правитель Кахети действовал разумно, не осмеливаясь один расширять свои владения, дабы не восстановить против себя абхазского царя; после победы он взял себе лишь одну часть уступленной им территории, а две части уступил царю абхазов»¹. Таким образом, царь абхазов утвердился теперь не только в Картли, но и в Эрети. Отныне преимущество и главенство в Грузии оказалось в руках «абхазских царей»².

Спустя немного времени после этой победы Константин умер, и в Абхазском царстве начались внутренние смуты. У Константина было два сына: от первого брака (с дочерью Адарнасе) Георгий и от второго брака (с армянской царевной) малолетний сын Баграт³. Каждого из братьев поддерживали соперничавшие друг с другом феодальные группировки, между которыми разыгралась ожесточенная борьба. В эту борьбу вмешался один из крупнейших феодалов Тао-Кларджети «эристав эриставов» Гурген, прозванный в источниках «великим». Летописец сообщает, что Гурген помогал Баграту, поскольку тот приходился ему зятем»⁴. По словам летописца, «пока не умер Баграт, страна не знала успокоения. И только после смерти его принял полностью царство абхазов царь Георгий»⁵.

Георгий II (929–957 гг.) был наиболее выдающейся фигурой среди абхазских царей. Период его правления является временем наибольшего политического могущества Абхазского царства. Автор «Матианэ картлиса» дает Георгию II весьма лестную оценку и, в частности, называет его «царем великим и богом возлюбленным»⁶.

Царь Георгий II пользовался большим влиянием и за пределами Грузии, в частности на Северном Кавказе. Непосредственным соседом Абхазского царства на Северном Кавказе было Аланское государство, являвшееся во второй половине X в. наиболее крупным политическим образованием на Северном Кавказе. Еще в начале своего царствования царь Георгий сыграл решающую роль в утверждении в Алании христианства в качестве государственной религии. Константинопольский патриарх Николай Мистик в

¹ И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 102.

² Там же.

³ «Жизнь Грузии», стр. 264.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 265, 269, 275.

одном из писем Георгию писал: «От разных лиц, которым известно о твоих подвигах, мы узнали, что ты приложил с божьей помощью большое старание в деле просвещения князя Алании и тех, которые вместе с ним удостоились святого крещения»¹. Превращение христианства в государственную религию в Абхазии способствовало еще большему сближению аланского (осетинского) народа с Грузией и, в частности с Абхазским царством.

Вскоре после своего воцарения Георгий назначил эриставом Картли своего старшего сына Константина². Однако спустя три года Константин «стал враждовать со своим отцом и домогаться царского престола». Он укрепился в крепости Уплис-цихе, где его поддерживали «тбетцы и многие другие азнауры»³. И. А. Джавахишвили особо подчеркивает это обстоятельство. Он пишет, что «крупные феодалы, во всяком случае их большая часть, были противниками объединения Грузии; азнауры каждой отдельной области поддерживали независимое существование своего царя или мтавара потому, что после объединения они потеряли бы прежнюю силу и влияние и не могли играть с царем по своей воле, как прежде. Если до этого времени главнейшим явлением государственной жизни Грузии были борьба между грузинскими царями за достижение господства и главенства, то отныне, когда победу одержали абхазские цари, в этой борьбе принимали активное участие и крупные азнауры, в особенности привыкшие к бесцарствию картлийские азнауры; в большинстве случаев они выступали против объединительной политики абхазских царей и ратовали за независимое существование местных царей.

В мятеже царевича Константина против своего отца многие азнауры картлийские приняли участие с той же целью и намерением»⁴.

Георгий направил против своего мятежного сына многочисленное войско, которое осадило Уплис-цихе. Георгия поддерживали «таоские цари» и кахетинский корепископ Фадла. Несколько месяцев длилась упорная борьба, но царевич Константин и его сторонники не сдавались. Тогда Георгий подкупил некоторых азнауров из

¹ См. Ю. Кулаковский, Христианство у алан, см. «Византийский временник», т. V, 1899 г., стр. 4.

² «Жизнь Грузии», стр. 266.

³ «Жизнь Грузии», стр. 267.

⁴ И. А. Джавахишвили, цит. соч., стр. 103.

приближенных Константина, которые предложили царевичу следующее: « Незаметно выйдем из города, проберемся в Абхазию и там провозгласим тебя царем. Отец же твой останется вне Абхазии». Константин согласился. Ночью они незаметно выбрались из крепости и когда уже собирались сесть на плот, чтобы перебраться на противоположный берег Куры, то заговорщики подали условный сигнал людям Георгия. Константин бежал и скрылся поблизости в расщелине скалы. К утру он был обнаружен и доставлен к отцу. По приказанию Георгия Константина ослепили и подвергли другим пыткам, после которых он умер. Поддерживавшим его азнаурам Георгий был вынужден предоставить свободный выход из крепости¹.

Вскоре после того в Кахети подняли восстание гардабанские азнауры, которые отложились от кахетинского корепископа Квирике II, наследовавшего Фадле, и вступили в переговоры с Георгием. Тогда Георгий вторгся в Кахети и подверг ее разорению. Правителем (эриставом) Картли был в то время второй сын Георгия Леон, которому царь предложил готовиться к новому походу на Кахети, с целью полностью овладеть этой страной и пленить также семью Квирике. Узнав об этом, Квирике явился к Георгию и Леону, чтобы добиться мира, но картлийские азнауры, и на этот раз изменившие абхазскому царю, сообщили Квирике об их замысле. Квирике бежал в Кахети и стал готовиться к обороне. Однако на сторону Георгия перешел брат Квирике Шурта, который передал царю крепость Уджарму – один из важнейших укрепленных пунктов в Кахети. Войска абхазского царя вторглись в Кахети и захватили другие кахетинские крепости, за исключением Нахчевани, Бочорма и Лоцобани².

Ведя активную борьбу против кахетинских корепископов, Георгий в то же время не забывал и другого своего соперника в борьбе за главенство в Грузии – Тао-Кларджетское царство. Последнее занимало очень важные экономические и стратегические позиции. По свидетельству византийского императора Константина Багрянородного, «область и земля города Артануджа велика и обильна «и является» ключом к Иберии, Абазгии и Месхетии». Сюда, в частности, стекались «товары из Трапезунта, Иберии, Абазгии, всей Армении и Сирии»³.

¹ «Жизнь Грузии», стр. 267–268.

² «Жизнь Грузии», стр. 268.

³ Константин Багрянородный, «О фемах» и «О народах», Москва, 1899г., стр. 169.

Большую роль в Тао-Кларджети того времени играл упомянутый выше эристав эриставов Гурген Великий (918–941 гг.), который был основным противником царя Георгия. Гургену Георгий противопоставил сына первого Тао-Кларджетского царя Адарнасе Ашота Куропалата (923–954 гг.), за которого он выдал замуж свою сестру. Как свидетельствует тот же Константин Багрянородный, Ашот Куропалат «имел женой сестру магистра Георгия, владетеля Авазгии»¹.

В борьбе с Ашотом Гургену Великому удалось овладеть Артануджем, но взамен он вынужден был уступить Ашоту другие владения. Однако, Георгию, конечно, отнюдь не улыбалось усиление Гургена, и он систематически подстрекал Ашота к борьбе с ним. В этой борьбе Гурген сумел одержать победу и изгнал Ашота, который был вынужден искать себе убежище в Абхазии. Константин Багрянородный сообщает об этом следующее: «Когда магистр Гурген и магистр и владетель Авазгии поссорились, то вследствие союза патрикия Ашота с владетелем Авазгии, Гурген, одолевши его, отнял и то, что дал в обмен на Артанудж, и прогнал его, и он (Ашот) ушел в Авазгию»².

Однако после смерти Гургена (941 г.) положение в Тао-Кларджети изменилось, и Георгий вновь сумел восстановить здесь свое влияние, а также захватить часть ее территории. Тот же источник свидетельствует, что владения Гургена «поделили между собой оружием Куропалат Ашот, владетель Авазгии и магистр Баграт, брат названного Куропалата; они вошли между собой в соглашение и взяли себе каждый ближайшую часть». Одну часть гургеновских владений захватил также Сумбат, сын мампали Давида, утвердившийся впоследствии в Артанудже³.

К концу царствования Георгия II борьба за Кахети вступила в новую фазу. Квирике II, потерпев поражение от войска абхазского царя, попал в плен и вынужден был запросить мира. Добившись гарантии неприкосновенности, он передал Кахети царю Георгию⁴. По приказу Георгия был освобожден Квирике, несмотря на возражения Леона, не доверявшего Квирике. Квирике передал абхазам в качестве заложника своего младшего сына Давида в залог того, что Квирике уступит абхазскому царю крепость Бочорму⁵.

¹ Там же, стр. 168.

² К. Багрянородный, *пит. соч.*, стр. 168–169.

³ Там же, стр. 169.

⁴ «Жизнь Грузии», стр. 268–269.

⁵ Там же, стр. 269.

Однако картлийские азнауры убедили кахетинцев не соглашаться с выполнением этих условий и принудили Квирике вновь начать борьбу против Георгия. Повстанцам удалось захватить целый ряд кахетинских укрепленных пунктов. По поводу этого события И. А. Джавахишвили пишет: «И в этом случае в качестве главарей и защитников возмущения в Кахети были картлийские азнауры, кахетинцы же присоединились к ним после. Разумеется, что лично картлийские азнауры не были заинтересованы в ликвидации независимой царской власти в Кахети, и если это было бы явлением лишь кахетинской жизни, то они сидели бы спокойно; но ликвидацию независимости Кахети они не желали допустить: это ведь вызвало бы усиление абхазского царя! Но поскольку абхазский царь в то же время был повелителем Картли, то расширение и укрепление его прав вызвало бы обуздание прежнего произвола и самовольных действий картлийских дидебулов; именно поэтому картлийские азнауры, вместо того, чтобы содействовать своему царю в деле присоединения Кахети, наоборот, снова сорвали организованное и законченное дело, подстрекали кахетинского правителя против абхазского царя и сами приняли активное участие в возникшем мятеже»¹.

Когда Георгий узнал о происшедших в Кахети событиях, он снова направил туда войско под командованием Леона, который стал подвергать Кахети опустошению. В разгар военных действий Леона известили, что отец его умер, и поэтому он был вынужден заключить с кахетинцами мир. Переговоры между Леоном и Квирике произошли близ озера Базалети. Квирике признал себя вассалом Леона и отдал ему своего сына в зятья. После установления мира Леон поспешил возвратиться в Абхазию, чтобы вступить на престол².

Таким образом, кахетинцам удалось, несмотря на признание верховенства абхазского царя, сохранить с помощью картлийских азнауров самостоятельное существование своего государства, и дело окончательного объединения Грузии на продолжительное время задержалось³.

Первое время после своего воцарения Леон III (957–967 гг.) был занят укреплением внутреннего положения своего царства и

¹ И. Джавахишвили, История груз. народа, т. II, стр. 104.

² «Жизнь Грузии», стр. 269.

³ И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 104.

широкой строительной деятельностью. Автор «Матианэ картли-са» дает весьма высокую оценку и его государственной деятельности¹.

Но когда умерла дочь его, бывшая замужем за сыном корепископа Квирике II, Леон использовал этот случай, чтобы возобновить борьбу за присоединение Кахети. Он «выступил с большим войском, вышел к берегу Арагви и подверг разорению Мухрани, Херки и Базалети»². Борьба с Кахети как видно, затянулась и носила упорный характер, но Леону до конца своего царствования так и не удалось осуществить свою цель. Во время этой борьбы, сообщает летописец, Леон заболел и умер³. После его смерти кахетинцы сумели закрепить за собой территорию до Арагви и, по видимому, захватили некоторые районы и к западу от нее⁴.

Леон III умер бездетным и ему наследовал брат его Дмитрий II (967-975 гг.)⁵. Второй брат Леона Феодосий еще в детстве был послан своим отцом Георгием II на учебу в Византию. Летописец сообщает, что Георгий отправил Феодосия и его брата за границу с целью не допустить после своей смерти неурядицы между братьями из-за престола. Однако после смерти Леона «какие-то люди» вызвали Феодосия, чтобы он начал борьбу против брата – Дмитрия⁶. Из Византии Феодосий приехал прямо в Самцхе, где к нему присоединились месхийские азнауры, собравшие значительное войско. Однако Дмитрий поспешно выступил в поход и неожиданно напал на лагерь Феодосия и его сторонников. Они были разбиты, и Феодосий бежал в Картли к одному из виднейших картлийских дидебулов Адарнасе, который приютил его в своей крепости Дзамис-цихе⁷. И. А. Джавахишвили по этому поводу пишет: «И здесь картлийские азнауры поддержали соперника и врага абхазского царя и предоставили ему убежище, стремясь тем самым ослабить своего господина или же добиться возведения на престол своего сторонника»⁸.

Царь Дмитрий послал в Картли свое войско, которое окружило дзамскую крепость, а также стало подвергать разорению

¹ «Жизнь Грузии», стр. 270.

² Там же.

³ Там же.

⁴ М. Лордкипанидзе, Из истор. борьбы за полит. объединение Грузии, Матер. по ист. Груз. и Кавк., в 31, 1954 г., стр. 47.

⁵ «Жизнь Грузии», стр. 270.

⁶ «Жизнь Грузии», стр. 270.

⁷ Там же.

⁸ И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. , стр.105.

ее окрестности. Осада крепости продолжалась три месяца Стесненный гарнизон запросил мира и права свободного прохода для Феодосия. Дмитрий согласился, и Феодосий отправился в Тао к Давиду Куропалату, у которого находился в течение одного года¹. Затем Феодосий покинул Тао и направился к кахетинскому корепископу Квирике. Узнав об этом, Дмитрий направил к Квирике послов и предложил отпустить к нему Феодосия, пообещав не только не причинить ему зла, но и сделать своим соправителем. Квирике уговорил Феодосия принять предложение брата и заверил, что в случае, если Дмитрий не сдержит своего слова и подвергнет его, Феодосия, репрессиям, то он станет мстить за него. Феодосий согласился лишь после того, как католикос, высшие иерархи и все дидебулы поклялись торжественно в Светицховели в том, что Феодосию не грозит никакая опасность².

Однако, заполучив брата в свои руки, Дмитрий не постеснялся нарушить все свои клятвы и заверения и приказал ослепить Феодосия. В ответ на это противники Дмитрия в Абхазском царстве подняли мятеж и выдвинули в качестве претендента на престол «брата их», как пишет летописец, Чала, но им не удалось это осуществить, поскольку, объясняет летописец, царь Дмитрий «был решителен и могуч»³. По-видимому, Дмитрий энергичными мерами пресекал выступления феодалов, оппозиционно настроенных по отношению к центральной власти.

Описанные выше события весьма интересны в том отношении, что они показывают наглядно весь фронт борьбы против объединительной политики абхазских царей. Месхийские феодалы, картлийские азнауры, Куропалат Давид, кахетинский корепископ Квирике – все они оказались открытыми сторонниками Феодосия и противниками абхазского царя. Таковые нашлись, как это показала история с Чала, и внутри Абхазского царства и, несмотря на то, что Дмитрию Абхазскому удалось одержать победу над всеми своими противниками и полностью восстановить политическую гегемонию Абхазского царства в феодальной Грузии, эта борьба показала какие трудности стояли перед абхазскими царями в деле осуществления задачи политического объединения Грузии.

Перечисленные выше противники абхазского царя, борясь против него, преследовали различные политические цели. Если

¹ «Жизнь Грузии», стр. 271.

² Там же.

³ «Жизнь Грузии», стр. 272.

картлийские или месхийские дидебулы, вкуче с некоторыми абхазскими дидебулами, были противниками всякой сильной центральной власти, тем более в масштабах всей Грузии, то кахетинский корепископ и Тао-Кларджетский куропалат боролись против абхазского царя лишь постольку, поскольку каждый из них сам желал возглавить дело объединения феодальной Грузии. Поэтому их политические задачи существенно отличаются от узко партикулярных целей крупных дидебулов любой феодальной области Грузии.

Когда объективные условия объединения всей феодальной Грузии полностью созрели, то победителем в борьбе за гегемонную роль в этом объединении должно было стать феодальное образование Грузии, которое к тому времени оказалось бы в наиболее благоприятном положении. До Дмитрия II включительно, как мы видели, Абхазское царство несмотря на частичные неудачи, прочно держало в своих руках гегемонию в борьбе за объединение Грузии. Наиболее активными и опасными противниками его были Тао-Кларджетские правители, которые после принятия титула «царя картвелов», как выше отмечалось, уже открыто противопоставили себя абхазским царям в качестве претендентов на роль объединителей Восточной Грузии, а затем и Грузии в целом.

Опасность Тао-Кларджетских куропалатов для абхазских царей возрастала тем более, что они считались вассалами византийских императоров и зачастую пользовались этим в своих политических интересах, используя стремления византийцев препятствовать объединительной политике абхазских царей. В этой связи нам кажется не случайным тот факт, что царевич Феодосий, вызванный своими сторонниками, чтобы отнять царский престол у Дмитрия, из Византии, направился прямо в Тао-Кларджетские владения.

Однако, как мы видим, несмотря на то, что правители Тао-Кларджети были основными конкурентами Абхазского царства в соперничестве за главенствующую роль в объединении Грузии, абхазские цари особенно упорно домогались ликвидации кахетинского княжества. Это, несомненно, объяснялось тем, что присоединение к Абхазскому царству Кахети сулило абхазским царям значительное упрочение их позиций в Картли в этой ведущей области феодальной Грузии, а это привело бы к такому усилению Абхазского царства, которое позволило бы ему окончательно закрепить за собой господство в Грузии и значительно легче осуществить свою конечную задачу – ликвидацию независимости

Тао-Кларджети и завершение под своей гегемонией объединения Грузии. Однако, несмотря на упорные усилия, у Абхазского царства не оказалось реальных сил для осуществления этой задачи. Завершение объединения Грузии, как мы увидим в следующей главе, приняло иную форму.

Тем не менее Абхазское царство приобрело большое значение не только в системе политических образований Грузии, но и было для своего времени одной из важнейших политических единиц всего Кавказа. Весьма характерна поэтому та высокая оценка, которую дает Абхазскому царству армянский деятель X века Ухтанес. В своей «Истории Армении» он пишет о населении Абхазского царства: «Развился народ этот и, увеличив свою численность, распространился по разным берегам Понтийского моря, дошел до границ Армении и Агвании, стал народом очень многочисленным. Название этой страны Абхазия»¹.

Активная роль Абхазского царства в борьбе за объединение Грузии, продолжавшейся в течение почти двух столетий, имела большое прогрессивное значение. Она, несомненно, способствовала ускорению развития исторически необходимого в тех условиях процесса объединения Грузии в единое государство, образование которого диктовалось интересами дальнейшего экономического, политического и культурного развития Грузии.

5. Население Абхазского царства в борьбе с византийско-арабскими захватчиками

Как мы видели, независимость Абхазского царства складывалась в борьбе с Византийской империей, завершившейся к концу VIII века полным освобождением страны от иноземного господства. Однако, разумеется, правящие круги Византии не могли так легко примириться с отпадением страны, занимавшей столь важные стратегические позиции на Кавказе. Для них это было тем более невыгодно, что в течение первой половины IX в. византийцы вели упорную и в основном безуспешную борьбу против арабов. Понятно поэтому, что в течение IX века Византия не раз предпринимала попытки восстановить свое владычество в Западной Грузии, но неизменно сталкивалась с сопротивлением местных народных масс, активно противодействовавшим захватчикам.

¹ Ухтанес, История Армении, 1871 г., ч. 2, стр. 35.

Одним из звеньев борьбы Абхазского царства против византийских поработителей было активное участие абхазов и лазов совместно с восточными грузинами (иберами) в крупном социальном и политическом движении в Византии, известном под названием восстания Фомы Славянина (821–823 гг.). Это восстание явилось результатом как внутренних, социально-классовых противоречий византийского общества, так и противоречий между господствующими классами Византии, с одной стороны, и поработенными ими народами, – с другой. Подчеркивая широкую и пеструю по своему составу социально-политическую базу восстания Фомы Славянина, исследователь этого восстания Е. Липшиц пишет: «Фома нашел широкие круги приверженцев в самых разнообразных слоях византийского общества. Угнетенные классы боролись в рядах армии Фомы, надеясь добиться при смене власти коренного изменения своего подневольного положения. Сервы восстали против своих господ, стратиоты против своих начальников, полупокоренные варварские племена – против византийского ига»¹.

Об активном участии в движении Фомы Славянина, наряду со славянами, армянами и другими не византийскими элементами, абхазов, лазов (эгрисцев) и картов (иберов) прямые указания имеются у византийского автора X в. Иосифа Генесия². Это подтверждается и более ранним источником, представляющим собой официальное письмо византийского правительства Михаилу Людовики, в котором среди представителей ряда племен и народностей, включившихся в повстанческую армию Фомы Славянина, названы арабы, персы, иберы, армяне и абазги³.

Хотя восстание Фомы Славянина, в силу стихийного характера движения и разнородности классового и этнического состава его участников, потерпело поражение, но оно надолго подорвало политическое могущество господствующих классов Византии.

В 40-х гг. IX в. византийцы предприняли две попытки силой оружия навязать свою политическую гегемонию Абхазскому царству, но безуспешно. Особенно энергично выступила Византия в 843–844 гг. По сообщению анонимного византийского историка, который в своем сочинении продолжает «Историю» Феофана Хро-

¹ Е. Липшиц, Восстание Фомы Славянина, ВДИ, № 1 за 1939 г., стр. 355.

² «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 307.

³ Е. Липшиц, там же, стр. 356.

нографа, правительство Византии направило в Абхазию морем многочисленное войско под командованием Феохристом. Еще до высадки на побережье Абхазии византийский флот был сильно потрепан бурей, а достигшие берега войска потерпели поражение и были отброшены. Как свидетельствует тот же источник, потери в этой экспедиции составили до 40 тыс. человек¹.

После этих событий Византия была вынуждена надолго отказать от попыток вооруженной рукой поработить Абхазское царство или какую-либо другую единицу феодальной Грузии. Отныне византийское правительство должно было довольствоваться лишь формальным суверенитетом над отдельными царствами и княжествами Грузии. И. А. Джавахишвили по этому поводу писал: «Византийский император был покровителем Грузии, а не господином. Он не мог завоевать грузинскую землю, и если он... пожелал бы осуществить это, тогда совместное сопротивление грузинских мтаваров стало бы на его пути непреодолимой преградой. Если вспомнить вместе с тем, что они без стеснения угрожали ему изменой, переходом на сторону его неусыпного врага и разорением его страны, то становится ясным, что в то время вассальная зависимость Грузии носила чисто внешний характер и походила более на союз между «старшими» и «младшими» царствами, нежели на действительную политическую зависимость»².

В своих дипломатических отношениях с Грузинскими царствами и княжествами византийские правители упорно стремились подчеркнуть свой верховный сюзеренитет над ними, в том числе и над Абхазским царством. Никого из грузинских феодальных правителей они не удостоивали звания «царя» («басилевса»), хотя, как мы знаем, абхазские правители уже с конца VIII в. приняли титул «царей», а Тао-Кларджетские – с 888 года. Они всех их именовали «орхонтами» («начальниками») и лишь главу Абхазского царства удостоивали звания «эксусиаста» (владельца), которое по византийской «табели о рангах» считалось выше звания архонта. Такое предпочтение объяснялось той гегемонной ролью, которую более полутора столетий играло Абхазское царство в системе грузинских феодальных образований.

Даже самую крупную фигуру на абхазском престоле – Георгия II византийские официальные лица титуловали «эксусиастом». Так, Николай Мистик в своих письмах к Георгию называет его

¹ «Георгика», там же, стр. 328–329.

² И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. 11, стр., 110.

«эксусиастом» и даже «блистательным эксусиастом», но ни разу «царем»¹, хотя в тексте одного из писем и говорит о его «царском достоинстве»².

По сообщению Константина Багрянородного, официальное обращение к царю Абхазии имело следующую форму: «Христолюбивому, божьей милостью блистательному эксусиасту Абазгии». Правитель Абхазии получал от византийского императора «золотую буллу (кольцо с изображением императора) весом в два солида»³.

Упорно отказываясь признать царское достоинство абхазских и тао-кларджетских правителей, византийское правительство стремилось тем самым подчеркнуть, что, в сравнении с Византией, грузинские и армянские царства занимали в международной жизни более низшие места⁴. Следует, однако, отметить, что византийское правительство называло архонтами не только феодальных правителей Грузии, но и крупных государей того времени – великого князя киевского, хазарского хакана, короля Франции и др.

Византийские дипломатические ноты, адресованные правителям Абазгии, Восточной Грузии, Алании, Армении и др. носили название «келевсиса» («приказа»). Этим также подчеркивалось мнимо подчиненное положение названных правителей от византийского правительства.

Для иллюстрации антивизантийских настроений закавказских правительств достаточно привести следующий факт, сообщенный Константином Багрянородным. Византийские войска осаждали Феодосиополь (Эрзерум) и для взятия этого города им нужно было опереться на Тао-Кларджетскую крепость, которую он называет Кецей. Сам Константин и его сын, и соправитель Роман обратились к тао-кларджетцам с просьбой передать им временно эту крепость, обещая возвратить ее после взятия Феодосиополя. Однако «иберы... ответили господину Роману и нашему величеству: если мы это сделаем, то будем в бесчестии у наших соседей, именно у магистра и владетеля Авазгии, владетеля Васпуракана и владетелей армян, так как те скажут, что император не доказывает доверия иберам»⁵.

¹ «Георгика», т. IV, ч. 11, стр. 212, 214, 215.

² Там же, стр. 217.

³ Там же, стр. 292.

⁴ И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 107.

⁵ К. Багрянородный, «О фемах» и «О народах», стр. 165.

Отказ тао-кларджетцев Константин Багрянородный объясняет их симпатиями феодосиополитам. На самом деле, как это недвусмысленно было подчеркнуто в ответе, для правителей Тао-Кларджети было важнее сохранить за собой поддержку соседних правителей, в том числе абхазского царя, на случай возможной борьбы против Византии, нежели снискать симпатии византийских императоров предоставлением им возможности закрепить свои стратегические позиции на подступах к Грузии.

Одной из причин, заставлявших византийское правительство считаться с стремлением Абхазского царства и других закавказских политических образований к независимости, были неудачи Византии в борьбе против арабов. Византия всегда стремилась использовать в своих интересах систематическое сопротивление арабским захватчикам со стороны грузинских царств и княжеств. Характерно в этом отношении письмо Константинопольского патриарха Николая Мистика армянскому католикосу Иоанну Драсханакертскому, изгнанному арабами из Армении и приютившемуся у тао-кларджетского куропалата Адарнасе.

В этом письме Николай призывал Иоанна содействовать установлению прочного союза закавказских владетелей для организации совместного отпора арабским захватчикам. Николай Мистик писал: «Об этом мы послали письмо также к куропалату, к правителю Абхазии, советовали слушаться поучений ваших, забыть нападения друг на друга, блюсти любовь, единство и мир между собой и со всеми князьями армянскими и агванскими и объединиться дружно и бороться против безбожных врагов – войск Абу-Саджа. Ибо пострадаете не только вы и те, которые с вами, но и постигнет разрушение также народов близких. Ваше святейшество должно действовать устно и посредством писем и советов, вместе с епископами, священниками и духовенством должны напрягать усилия и устранять злое упрямство их, чтобы они без лени следовали этим мероприятиям и желали вернуться к лучшему, к спасительным таинствам и деяниям. Ибо если вы будете так дружны и сплочены, тогда ничего губительного и злого не в силах будет действовать на вашу страну. И пока вы будете так организовываться, наш венценосный император пошлет вам в помощь много войск, соответственно с требованием времени, чтобы и куропалат и старший Абхазии, как и князья и знать Армении, вместе с нашими войсками и с великой помощью божьею, с великими служениями вашими воевали против врагов. И тогда найдут свою гибель эти сообщники сатаны...»¹

¹ И. Драсханакертский; История Армении, 1912 г., стр. 267–268.

Нетрудно видеть, что заботы Николая Мистика о безопасности стран Закавказья продиктованы главным образом опасением за «разрушение народов близких», т. е. Византийской империи. Он призывает закавказских правителей к активной борьбе против арабов, обещая военную помощь лишь «в соответствии с требованием времени». Вместе с тем из письма со всей очевидностью явствует, насколько в тот период (первая половина X в.). Византия нуждалась в поддержке народов Закавказья в борьбе против арабского Халифата.

Ясно, что в таких условиях Византия не могла осуществлять по отношению к Закавказью активную завоевательную политику и вынуждена была удовлетвориться лишь номинальным признанием ее сюзеренитета и наделять фактически независимых от нее закавказских правителей своими придворными титулами, вроде «эксусиаста», соответствующего рангу наместника византийского императора.

В своих взаимоотношениях с арабским халифатом и затем с тбилисским эмиром Абхазское царство также руководствовалось интересами борьбы за объединение Грузии под своей гегемонией. Уже вскоре после образования объединенной Западной Грузии под главенством абхазской династии политика ее правителей по отношению к арабам принимает резко выраженный антагонистический характер. В этой связи следует напомнить, что картлийский эрисмтавар Нерсе, поссорившись с арабами, отправляет свою семью в Абхазию, «защищенную от страха перед сарацинами». Такой шаг, несомненно, был продиктован убеждением во враждебном отношении Абхазского княжества к арабам. Если политические связи Нерсе с хазарами были обусловлены их взаимной ненавистью к арабам, на что прямо указывает И. Сабанисдзе, то и благосклонное отношение хакана к поездке Нерсе в Абхазию также объясняется, в известной степени общностью их антиарабских настроений. Однако с течением времени успехи арабов в борьбе с Византией должны были привести к усилению арабского давления на Абхазию. У византийского историка, продолжившего «Историю» Феофана, сохранилось указание о каком-то восстании в Абхазии против арабских захватчиков, происшедшем в начале 30-х гг. IX в. Историк рассказывает, что абхазы обратились за помощью к Византии, которая, якобы, направила в Абхазию «огромное войско». Но это войско потерпело поражение¹.

¹ «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 327.

Тем не менее халифату не удалось установить свое господство в Абхазском царстве. В течение всего IX столетия арабская держава переживала постепенный процесс политического распада. В таких условиях, разумеется, все труднее становилось поддерживать свое владычество на завоеванных территориях, а тем более думать о новых завоеваниях. Кроме того значительно поколебало господство арабов систематически нарастающая освободительная борьба народов Закавказья. Под влиянием этой борьбы тбилисский эмир Ибн-Сахак отложился от халифата и объявил себя независимым правителем¹.

С целью восстановления поколебавшегося арабского владычества халиф Мутаваккиль (846-861 гг.) послал в Закавказье большое войско под командованием Бугн-турка в течение трех лет (852-854 гг.) Буга подвергал разорению Армению, Азербайджан и Восточную Грузию.

Против Буги выступил абхазский царь (по «Матиане картлиса» – Феодосий), но потерпел поражение, поскольку арабов поддерживал его соперник – тао-кларджетский правитель Баграта. В «Матианэ картлиса» об этом событии сообщается следующее: «Царь абхазов Феодосий выступил против (Буги) и закрепился в Куерцхоба. Когда Буга узнал об этом, то послал против него Зирака, своего военачальника, и Баграта, сына куропалата Баграта. Сразились они, абхазы были обращены в бегство, и погибло их бесчисленное множество. Царь Феодосий бежал по двалетскому пути»². Это событие произошло после 5 августа 853 года, т.е. после взятия арабами Тбилиси и убийства ими эмира Сахака, как об этом повествуется в надписи на Атенском храме³. Автор «Матианэ картлиса» также свидетельствует, что поражение абхазского царя произошло после падения Тбилиси и убийства Сахака⁴.

Здесь следует отметить, что утверждение автора «Матианэ», будто абхазский царь, выступивший против Буги, носил имя Феодосия, противоречит указанию «Дивана абхазских царей», по которому Феодосий царствовал в 791-818 гг. т. е. умер за 35 лет до приписываемых ему деяний. По данным «Дивана», в годы нашествия Буги на Грузию в Абхазии должен был царствовать Дмитрий II (818-854 гг.). Тем не менее И. А. Джавахишвили оставляет без изменения со-

¹ «Жизнь Грузии», стр. 256.

² Там же.

³ См. И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 95-96.

⁴ «Жизнь Грузии», стр. 256.

общение «Матианэ картлиса», поскольку «продолжительное и всестороннее критическое изучение этого источника убедило его, что он достоин высокого доверия», в то время как «Диван абхазских царей» отличается существенными недостатками¹.

Вполне соглашаясь с выводом И. А. Джавахишвили в целом, приходится признать, что в данном конкретном случае вряд ли можно считать соответствующим действительности утверждение автора «Матианэ» о том, что в годы нашествия Буги в Абхазии царствовал Феодосий. Тот же автор, как бы противореча себе, в другом месте (в полном соответствии с «Диваном») говорит об абхазском царе Георгии, которого называет братом Феодосия и Дмитрием². Если учесть, что «Диван» был составлен раньше летописи «Матианэ картлиса» и составлен людьми, надо полагать, более осведомленными в генеалогии абхазских царей, чем автор «Матианэ», поскольку «Диван» публиковался непосредственно от имени царя Баграта III, то можно прийти к заключению, что в борьбе против Буги принял участие именно Дмитрий II, а не Феодосий.

Абхазское царство, после понесенного поражения, как об этом свидетельствуют некоторые источники, стало выплачивать дань халифату в лице тбилисского эмира. Арабский историк Масуди сообщает, что «абхазы и хазары платят дань (харадж-) владельцу пограничной области Тифлис со времен завоевания этого города мусульманами и утверждения их в этом городе в царствование халифа Мутаваккиля»³. Весьма сомнительно, чтобы абхазские цари платили дань тбилисским эмирам во времена Масуди (X в.), но вполне допустимо, что в IX в., в особенности после вторжения Буги, посланного в Закавказье, как отмечалось, Мутаваккилем, Абхазское царство было обложено данью на некоторый срок. Однако эта дань не соответствовала тому грабительскому «хараджу» (поземельный налог), которым облагалось население завоеванных арабами стран. Под «хараджем» Масуди следует разуметь систематически выплачиваемую арабам денежную (частично, возможно, и натуральную) компенсацию за поддержание мирных отношений. Неслучайно дань, выплачиваемую абхазами, Масуди упоминает наряду с хазарской данью.

Тем не менее Абхазское царство должно было тяготиться и подобной данью, а, главное, в своем стремлении утвердиться в Вос-

¹ И. Джавахишвили, цит. соч. стр. 95.

² «Жизнь Грузии», стр. 258.

³ См. СМОМПК, вып. XXVIII, стр. 56.

точной Грузии оно систематически сталкивалось с противодействием арабов, препятствовавших объединению Грузии. В начале X в. Абхазское царство вновь ведет борьбу с арабами. Армянский историк Асохик (XI в.) сообщает, что в 907 г. абхазский царь (Константин) в союзе с армянским правителем Сумбатом боролся против войск арабского наместника Юсуфа Ибн-Абу-Саджа.

Этой борьбе предшествовало следующее событие. Абу-Садж вначале отложился от халифа, и тогда Сумбат получил приказ халифа организовать преследование отложившегося наместника. Но Абу-Садж вскоре помирился с халифом и начал мстить Сумбату. Асохик рассказывает: «Юсуф (снова), изъявив свою покорность халифу, собрал большое войско и с величайшими угрозами пошел в Армению на Сембата в 356 г. (907 г.) К нему присоединились: царь Иверийский Атер-Нерсех, князь Васпураканский... Царь, узнав коварный их замысел, с армянскими владетелями в сопровождении всего войска отправился в Таширский округ в деревню Одцун, и отсюда перешел в Абхазию, Юсуф шел по его следам до крепости и, завязав бой с крепостью Куел, взял ее и пошел в Тпхис, а царь (между тем) возвратился в Ширак»¹.

Борьба против арабов продолжалась и дальше. В 914 г. арабский полководец Абуль-Касим (сын Абу-Саджа) совершил новое вторжение в Грузию и принудил абхазского царя Константина отступить из Картли.

Однако это вторжение было по сути дела последним крупным нашествием арабов на Грузию. Вскоре Константину удалось восстановить свое господство в Картли и продолжить борьбу за утверждение своего господства в Кахети и Эрети. Мало того, воспользовавшись поражением армянского царя Сумбата в борьбе с Абуль-Касимом, Константин упрочил политическую гегемонию Абхазского царства в Грузии.

Спустя некоторое время, халифат окончательно распался и не представлял больше опасности для феодальной Грузии, в том числе и для Абхазского царства. Что касается тбилисского эмира, то отныне он превратился в самостоятельного правителя, но подвластная ему территория под давлением Абхазии и Тао-Кларджети систематически уменьшалась и соответственно падало его политическое влияние.

Таким образом, в борьбе против византийских и арабских захватчиков Абхазское царство, как и феодальная Грузия в целом,

¹ Асохик, Всеобщая история, 1864 г., стр. 112.

вышли победителями. Иноземным поработителям не удалось воспрепятствовать осуществлению цели передовой части грузинского общества, направленной на объединение всей страны.

6. Политика Абхазского царства в области культуры и церкви

Абхазские цари, учитывая общественное и политическое значение церкви в ту эпоху, с самого же начала должны были обратить серьезное внимание на её положение и организацию.

Поскольку, как мы знаем, Лазику и Абхазия приняли в свое время христианство из Византии и сами долгое время находились в политической зависимости от нее, то, естественно, и западногрузинская церковь находилась в непосредственном подчинении у константинопольского патриархата.

Освобождение Абхазского царства от политического господства Византии должно было повлечь за собой и постепенное освобождение западногрузинской церкви от подчинения константинопольскому патриархату. Вахушти Багратиони предполагал даже, что отделение западногрузинской («абхазской») церкви от константинопольской произошло вскоре после образования Абхазского царства. В частности, он указывал, что, когда отпал Леон от Византии и провозгласил себя царем абхазов, то тогда же Леон (во всяком случае его ближайшие преемники) признал абхазского католикоса самостоятельным¹.

Однако, как свидетельствуют византийские церковные документы, в частности списки иерархов константинопольского патриархата (эктесисы, нотации), отделение западногрузинской церкви от византийской церковной организации произошло не сразу и несколько позднее того времени, на которое указывал Вахушти. И. А. Джавахишвили предполагал даже, что еще в XI в. севастопольский (сухумский) архиепископ мог находиться в подчинении у константинопольского патриархата. «Если списки епископов константинопольского патриархата правильно отражают положение того времени, – писал он, – то один абхазский архиепископский престол в Севастополе входил тогда в паству иерарха константинопольской церкви в качестве автокефального архиепископа»².

Однако в IX столетии один из крупнейших иерархов – цхумский епископ никак не мог находиться в подчинении у констан-

¹ Вахушти, Описание..., стр. 174.

² И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 120.

тинопольского патриархата, поскольку в этот период уже существовало единое Грузинское царство, независимое от Византии, и оно бы вряд ли допустило, чтобы на подвластной территории была создана епископская кафедра, подчиненная патриарху другого государства.

Факт, на который ссылается И. А. Джавахишвили, отражает, по-видимому, временное положение вещей.

В 1032–73 гг. значительную часть Абхазии, в частности Анакопию, занимали византийцы. Вполне допустимо, что в таких условиях сухумский (или севастопольский) епископ, выдвинутый Византией, мог перенести свою кафедру в Анакопию. О том, что Анакопия была одно время резиденцией сухумского епископа, в научной литературе уже отмечалось. Так, Д. Бакрадзе писал: «Анакопия служила в старину кафедрой епископа, именовавшегося цхумским¹.

В этой связи представляет интерес то обстоятельство, что в Новом Афоне, на Иверской горе, была обнаружена в 1866 г. греческая надпись на камне, которая гласит: «Храм Святого Феодора освящен при архиепископе Михаиле апреля 16». По предположению издателя надписи Т. С. Каухчишвили, здесь речь идет о константинопольском патриархе Михаиле Керуларие (1043–1069 гг.)², возглавлявшем византийскую церковь как раз в тот период, когда византийцы владели Анакопией. То обстоятельство, что при освящении анакопийской церкви упоминается имя византийского патриарха, косвенно указывает, несомненно, на подчиненность ему этой церкви. Важно отметить, что после изгнания византийцев из Анакопии (1073 г.) цхумский епископ (или архиепископ) никогда больше не упоминается в качестве зависимого от константинопольского патриархата. Таким образом, фактическое отделение западногрузинской церкви, в том числе и цхумского епископа, от Византии произошло раньше XI столетия.

По вопросу о времени происшествия этого события вскользь высказывались многие исследователи. Однако специально этого вопроса коснулся впервые акад. АН ГССР Н. А. Бердзенишвили в своей работе «Вазират в феодальной Грузии»³.

Критически анализируя нотации епископов константинопольского патриархата, Н. А. Бердзенишвили пришел к выводу, что не

¹ Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, стр. 25.

² Т. Каухчишвили, «Греческие надписи Грузии», 1951 г., стр. 22.

³ См. Изв. Инст. яз., истор. и матер. культ. им. Н. Я. Марра, т. X, 1941 г.

только во время образования Абхазского царства, но и в течение всей первой половины IX в. Западная Грузия в церковном отношении входила в состав епископий, подчиненных константинопольскому патриархату. Время отпадения западногрузинской церкви от византийской церковной организации совпадает с годами правления абхазского царя Баграта I (861–873 гг.)¹.

Опираясь на те же источники и аргументацию, П. Ингорква тем не менее допускает возможность отделения западногрузинской церкви от византийской несколько ранее – не позднее 30-х гг. IX в.² Проф. С. Г. Каухчишвили полагает, по данным тех же документов, что византийская церковная администрация в Абхазском царстве существовала в течение почти всего IX века³. Упоминание же севастопольской архиепископской кафедры в нотации № X б, относящейся к началу X в. (901–907 гг.), он считает чисто формальным явлением⁴.

Действительно, положение о подчиненности «архиепископа Абазгии» константинопольскому патриарху вплоть до начала X в. не может не вызвать сомнения. Характерно, что нотации X б хронологически предшествует лишь нотация, датированная 20-ми годами IX в., в которой упоминается абхазский архиепископ⁵. Это и дает основание предположить, что фактическое отделение западно-грузинской церкви от константинопольского патриархата произошло вскоре после этого, по-видимому, после 40-х годов IX в., когда Абхазское царство сорвало попытку византийского правительства силой оружия восстановить свое политическое господство в Западной Грузии.

Параллельно с освобождением западногрузинской церкви от византийской зависимости шел процесс объединения церковных центров Абхазского царства в единую церковную организацию.

После присоединения Эгриси и Абхазии и образования единого Абхазского княжества рано или поздно такое объединение должно было произойти. Поскольку объединение Западной Грузии произошло под гегемонией Абхазского княжества, то, понятно, руководящую роль в церковном объединении страны должен был

¹ См. Изв. Инст. яз., истор. и матер. культ. им. Н. Я. Марра, т. X, стр. 292–293.

² П. Ингорква, «Георгий Мерчуле», стр. 237.

³ См. «Георгика», ч. 2, стр. 7.

⁴ Там же, т. IV, ч. 2, стр. 201.

⁵ Там же, стр. 184–185.

сыграть епископ Абхазии (Абазгии), который вскоре возвышается в ранг архиепископа. О возвышении абхазского епископа акад. Н. А. Бердзенишвили пишет: «Объединение западногрузинских церквей должно было осуществиться под главенством автокефального архиепископа Абхазии. На такую мысль наводят следующие обстоятельства: 1. Политическое могущество Абхазии и ее руководящая роль в деле объединения Западной Грузии; 2. Абхазское происхождение царской династии; 3. Политическая слабость Лазики. Нужно думать, что с этого времени абхазский архиепископ стал именоваться католикосом»¹. Характерно, что и по мнению Вахушти, во главе западногрузинской церкви становится абхазский иерарх: «Ибо и титул его выражает о том же, так как его называли католикосом Абхазским, а не эгрисским или имеретинским»².

Несмотря на то, что никопсийский и фазисский епископы продолжали существовать еще долгое время после образования Абхазского царства, как это явствует из византийских церковных документов, абхазский епископ, как видно, сразу же после объединения Западной Грузии занял преимущественное место. Интересно в этой связи отметить, что И. Сабанидзе, который, говоря о духовенстве Абхазии, упоминает только одного епископа при абхазском князе, а не нескольких³.

В своей работе «Канонический строй древней Грузии» акад. АН ГССР К. Кекелидзе приходит к выводу, что «Западногрузинский католикосат фактически складывается во второй половине X в., когда были ликвидированы существовавшие здесь греческая метрополия Лазики и автокефальный архиепископ Абазгии»⁴.

Однако вряд ли объединение церквей в Западной Грузии в одну организацию произошло так поздно. Вернее предположить, что уже вскоре после отделения этой церкви от константинопольского патриарха оформилось и ее объединение в единую церковную организацию. Следует отметить, что с начала X в. никопсийский епископ не упоминается в качестве самостоятельного иерарха в константинопольских нотациях. Это, по-видимому, объясняется тем, что Никопсийская кафедра уже вошла в состав единой абхазской церковной организации, подчиненной севастопольскому (абхаз-

¹ Н. Бердзенишвили, Вазират в феод. Грузии, Изв. ИЯИМК, т. X, 1941 г., стр. 296.

² Вахушти, Описание..., стр. 174.

³ К. Кекелидзе, Памятники древнегруз. агиограф. литер., 1956 г., стр. 49.

⁴ К. Кекелидзе, Этюды..., т. IV, стр. 357.

скому) архиепископу¹. Затем, во всяком случае уже в первые годы правления Георгия II, к которым относится его переписка с константинопольским патриархом Николаем Мистиком, Абхазская (западногрузинская) церковная организация была уже единой и находилась в полном подчинении у центральной царской власти.

Не случайно, надо полагать, по всем важным церковным вопросам, которые относились к Абхазскому царству и к которым Византия проявляла определенный интерес, Николай Мистик обращается непосредственно к царю Георгию.

Третьей стороной рассматриваемого вопроса было постепенное сближение западногрузинской и восточногрузинской церквей, которое завершилось в конечном итоге объединением обеих церквей под главенством картлийского (мцхетского) католикосата. Конечной причиной этого сближения явились те же моменты социально-экономического и политического характера, которые обусловили сближение обеих частей феодальной Грузии вообще (см. выше).

Касаясь этого вопроса, И. А. Джавахишвили писал: «Сближение западной и восточной грузинских церквей могло произойти, возможно, в VIII–IX вв., когда главные церковные соборы в Греции заняли патриархи-иконоборцы и когда в Мцхета приезжали, чтобы получить рукоположение, из таких далеких стран, как Готия. Тем более следовало ожидать, что и митрополит Лазики получал рукоположение от мцхетского католикоса, а автокефальный архиепископ Абхазии установил с картлийским патриархом тесный союз»². Можно вполне согласиться с предложенной И. Джавахишвили датировкой времени, когда происходило сближение западной и восточной грузинской церквей (VIII–IX вв.); что же касается основной мотивировки такого сближения (временная победа иконоборческих идей в Византии), то это скорее был повод, ускоривший сближение, которое, как уже отмечалось, было обусловлено более основательными причинами.

Зачатки сближения обеих церквей относятся, по-видимому, к 40-м годам VIII в., когда во главе Лазики стоял бывший картлийский эрисмтавар Арчил, который, как мы знаем, никогда не отказывался от своих династических прав на Картли и даже в последние годы своей жизни сделал трагически для него окончившуюся попытку восстановить свою власть в Восточной Грузии. Стремясь

¹ См. «Георгика», стр. 185, 187, 197 и 232.

² И. Джавахишвили, Истор. груз. Народа, т. II, стр. 120.

к осуществлению своих политических целей, Арчил вряд ли не попытался бы привлечь на свою сторону такую мощную политическую силу, как мцхетский католикосат, еще будучи правителем Лазики. Арчил и поддерживавшие его феодальные круги должны были использовать для этого и западногрузинскую, в первую очередь эгрисскую, церковь. Если учесть, что Леон I Абхазский был вассалом Арчила, то кажется вполне основательным допустить, что Арчил должен был привлечь на свою сторону Леона, а также архиепископа Абхазии, как высшее духовное лицо в вассальном от него княжестве. Все это не могло не дать определенный толчок к сближению между церквями Западной и Восточной Грузии.

Эти связи, несомненно, усилились после образования объединенного Абхазского княжества. И. Сабанисдзе, как мы видим, свидетельствует, что многие люди, не исключая и семьи картлийского эрисмтавара, именно в Абхазии находили себе убежище от политических и религиозных преследований, которым они подвергались в Картли. Выше говорилось о том, что иммиграция восточногрузинского населения в Абхазию (Западную Грузию) с VIII в. приняла уже массовый характер.

Все это не могло осуществиться без определенного участия восточногрузинской церкви и, в частности патриарха этой церкви – мцхетского католикоса. Это неминуемо должно было приводить к укреплению связей между церквями обеих частей Грузии. Не случайно, надо полагать, И. Сабанисдзе, который написал свое сочинение по особому заказу Мцхетского католикоса Самуила, весьма лестно отзывается об абхазском духовенстве.

Дальнейший шаг к сближению обеих церквей был сделан уже после освобождения Западной Грузии от византийской зависимости и образования Абхазского царства. Акад. Н. А. Бердзенишвили обратил внимание на то обстоятельство, что включение в состав Абхазского царства Аргвети, которая была связана с Иберией еще с античного времени и где особенно сильно было влияние восточногрузинской церкви, ставило Леона II Абхазского и его преемников перед необходимостью считаться с этой церковью¹. Н. А. Бердзенишвили выражает свое согласие с акад. Н. Я. Марром, который полагал, что глава абхазской церкви был местным церковным администратором, находившимся в подчинении у картлийского католикоса².

¹ Н. Бердзенишвили, Вазират в феод. Грузии, стр. 296.

² Там же, стр. 295.

Однако в первое время после освобождения от византийской церковной зависимости католикосы Западной Грузии в административном отношении, видимо, не подчинялись мцхетскому католикосу. Нам кажется основательным предположение акад. К. С. Кекелидзе, что абхазский и мцхетский католикосы были «равноправными распорядителями в своих паствах, но во взаимоотношении друг с другом мцхетский католикос пользовался некоторым преимуществом в почтении»¹.

Определенную роль в этом должно было сыграть то обстоятельство, что мцхетский католикос был главой церкви, возникшей на два столетия раньше, чем западногрузинская церковь.

О времени подчинения западногрузинской церкви мцхетскому католикосату И. А. Джавахишвили писал следующее: «Мегрелия и Абхазия в церковно-административном отношении были объединены с общей грузинской церковью под главенством картлийского католикоса – патриарха. Когда произошло такое объединение, об этом пока что нет прямых сведений, но во всяком случае в первой половине XI в., как видно, абхазская церковь уже была присоединена. Это видно из того, что Георгий Мтацминдели, отстаивая перед антиохидским патриархом право грузинской церкви на автокефалию, приводил, между прочим, и такой аргумент: «Один из двенадцати святых апостолов – Симон Кананит похоронен в нашей стране, в Абхазии, (в городе), который называется Никопсией». Если бы в это время абхазская церковь не принадлежала бы общегрузинской церкви, Георгий Мтацминдели не привел бы такого аргумента, потому что ему бы тогда ответили, что подобным доводом нельзя подкрепить ваше право, поскольку Абхазия подчиняется греческой церкви, константинопольскому патриархату, а не мцхетскому католикосскому престолу»².

То, что в XI в. абхазская церковь уже находилась в подчинении у мцхетского католикоса – это не подлежит сомнению, так как в условиях единого Грузинского царства иначе и быть не могло. Но это объединение должно было произойти раньше. По нашему мнению, оно было осуществлено уже в X в., возможно не позднее середины этого столетия, когда абхазское царство особенно активно выступает за объединение феодальной Грузии.

В этих условиях, надо полагать, абхазские цари должны были всячески использовать такую крупную политическую силу, как

¹ К. Кекелидзе, Этюды..., т. IV, стр. 357.

² И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 119–120.

мцхетский католикосат. Поскольку последнему в религиозном отношении подчинялась вся Восточная Грузия, в том числе и церкви соперников абхазских царей – Кахети и Тао-Кларджети, а резиденция мцхетского католикоса территориально находилась в Картли, т. е. в области, подчиненной Абхазскому царству, то, естественно, абхазские цари могли подчинить тому же мцхетскому католикосу и абхазскую церковь.

Одним из ярких показателей влияния восточногрузинской церкви на Абхазию уже в IX веке является факт монастырского строительства на ее территории, осуществлявшегося таким видным церковным деятелем Восточной Грузии, каким являлся Григорий Хандзтийский (умер в 860 году). По сообщению автора его жизнеописания Георгия Мерчуле, Григорий и его сподвижники поехали в Абхазию с целью создания там монастырских обителей и были хорошо приняты абхазским царем Дмитрием II (825-861 гг.)¹. По свидетельству Георгия Мерчуле, Григорий Хандзтийский основал в Абхазии монастырь в местности Убе.

В прямой связи с распространением церковного влияния картлийского католикосата на Западную Грузию является утверждение грузинского языка в Абхазском царстве в качестве основного языка церковного богослужения.

Грузинский язык стал распространяться в Западной Грузии значительно раньше. Как мы знаем, уже с VIII в., в связи с появлением в восточных районах Западной Грузии постоянного грузинского (картского) населения, переселившегося из Восточной Грузии, грузинская речь должна была получить здесь значительное распространение. «Уже с начала IX в. (если не раньше) в Абхазском царстве языком книжной культуры царской канцелярии и церкви является грузинский язык, который распространяется и на Северный Кавказ (черкесы, алано-осы)»².

В X в. грузинский язык на территории Абхазского царства является уже господствующим, и он вытеснил отсюда греческий язык, употреблявшийся в западногрузинской церкви в предшествующий период. Георгия Мерчуле составивший жизнеописание Григория Хандзтийского в середине X в., выдвинул формулу, которая свидетельствовала о возникновении нового понимания термина «Картли», по которому он означал не только Восточную

¹ «Житие св Григория Хандзтийского», изд. Н. Я. Марра, Тексты и разыск. по армяно-груз. филологии, 1911 г., стр. 100 и след.

² С. Джанашиа, Из истории Абхазского царства, Труды, т. II, стр. 306.

Грузию, но и всю Грузию в целом. «Картли называется обширная страна – писал Георгий Мерчуге, – в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке»¹. В таком понимании могла быть представлена страна, которая находилась под церковной гегемонией картлийского (мцхетского) католикосата. т. е. не только Картли (Восточная Грузия), но и Грузия в целом, в том числе и территория современной Абхазии.

В связи с этим новое, расширительное значение получил термин «грузин» (qarTveli). В X в. «грузином» становится всякий, кто является халкедокитом (на Кавказе или по соседству с ним) и кто слушает богослужение на грузинском языке². Такое понимание термина «грузин» вовсе не исключало этническую индивидуальность того или иного «грузина халкедонита», негрузина по своей национальной принадлежности, скажем, – абхаза, адыга, осетина или двала. Здесь же следует отметить, что распространение грузинского языка в западной части Северного Кавказа было связано с проникновением христианства на Северный Кавказ из Абхазии (например, в начале X в. среди алан)³. Не случайно именно в X в. грузинский писатель Иоанн Зосиме составил замечательный панегирик под названием «Хвала и слава грузинскому языку».

Общегрузинское направление культурной и церковной политики Абхазского царства нашло свое выражение и в характере культовой строительной деятельности абхазских царей.

В начальный период существования Абхазского царства в церковном зодчестве на территории собственно Абхазии чувствовалось еще сильное влияние византийских архитектурных канонов. Характерным в этом отношении является храм Симона Кананита в Новом Афоне, построенный в IX или начале X вв. Д. Бакрадзе, видевший развалины этой церкви до ее позднейшей перестройки, пишет: «Она почти совершенно уцелела. Обвалился лишь один купол... Устройство ее греческое, с тройным разделением алтаря и полукружием горного места. Поразительно тонкие стены ее сложены из римского кирпича, и стройные своды покоятся на чрезвычайно легких столбах. Живопись стерлась, но на западной стене еще заметны успение богоматери и два мученика»⁴.

¹ «Житие св. Григория Хандзтийского», стр. 123.

² Н. Бердзенишвили, Об истор. знач. присоед. Грузии к России, журнал «Мнагоби», № 6 за 1954 г., стр. 121.

³ С. Джанашиа, цит. соч., стр. 306.

⁴ Д. Бакрадзе, Кавказ в древ. памятн, христианства, стр. 25.

Однако в целом памятники, возводящиеся в Абхазском царстве принимают облик, характерный для грузинского архитектурного стиля той эпохи. В этом стиле, например, был выдержан знаменитый в средние века кафедральный храм в Мартвили (ныне Гегечкори), построенный Георгием II¹. Вахушти пишет об этом храме: «Выше Бандзы и к западу от Цхенис-цкали, на высоком, с видом на реку, месте находится Чкондиди, церковь с куполом, грандиозная, Мартвильская. Ее воздвиг восьмой царь абхазский Георгий и украсил всякими церковными украшениями»².

Не уступал своему предшественнику в строительной деятельности и Леон III. По свидетельству «Матианэ картлиса», Леон «построил церковь в Мокви, превратил ее в кафедру епископа, освятил ее и украсил с особой тщательностью»³. Моквский храм представляет собой пятинефное однокупольное сооружение, сложенное из тесанных камней. По своему облику он сближается с памятниками Киевской Руси, в частности, имеет сходство с планом знаменитого Софийского собора в Киеве, построенного значительно позднее (1037 г.). Это сходство, по-видимому, объясняется наличием у обоих храмов общих прототипов в византийской архитектуре. Однако важно отметить, что примененное при строительстве Моквского храма «возведение стен типичным для грузинской архитектуры способом (толща стен из забутовки, каменная облицовка) свидетельствует о местной переработке древнерусского прототипа»⁴.

В период правления Леона III был построен также замечательный храм в Кумурдо, в 12 км от Ахалкалаки, который представляет собой шестиабсидное центрально-купольное сооружение. Обнаруженная в храме древнегрузинская ктиторская (строительная) надпись гласит: «Иоанн епископ положил основание этой церкви рукою грешного Сакоцари при царе Леоне в 964 г. в мае в день субботний первой луны в эриставстве Звиада». Над алтарной аркой храма помещены портреты его строителей, царя Леона и его сестры Гурандухт⁵.

Таким образом культурная и церковная политика Абхазского царства, так же, как и его социальная и государственная политика, диктовалась общегрузинскими интересами. Успехи этой политики

¹ Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 84; «Жизнь Грузии», стр. 265.

² Вахушти, Описание..., стр. 166.

³ «Жизнь Грузии», стр. 270.

⁴ Н. П. Северов, Памятники груз. зодчества, Москва, 1947 г., стр. 186.

⁵ Там же, стр. 186–187.

объяснялись тем, что правящие круги Абхазского царства при ее осуществлении пользовались поддержкой широких масс населения царства, заинтересованного в ликвидации политической раздробленности, прекращении феодальных междоусобиц, в укреплении военной мощи государства, способного противостоять внешним захватчикам. Народные массы были также более заинтересованы распространением грузинского языка и письменности во всех сферах, в том числе и в церковной, поскольку грузинский язык уже к IX в. стал общенародным языком для большей части населения царства и был более доступным родственным народностям, проживавшим на территории Абхазского царства, нежели греческий язык, абсолютно чуждый по своему строю и лексике кавказским языкам.

Это положение вместе с тем отнюдь не исключает того факта, что на заключительных этапах утверждения феодализма в Грузии, которые совпадают с периодом Абхазского царства, классовые противоречия между господствующим феодальным сословием, с одной стороны, и эксплуатируемыми массами крепостных крестьян, с другой, становились все острее. Как выше уже отмечалось, задача преодоления возраставшего массового сопротивления широких народных масс составляла один из важнейших мотивов, побуждавших феодальные элементы Грузии и Абхазии объединиться в рамках единого централизованного государства. Этой же цели в известном отношении служило и утверждение грузинского языка в западнотуркменской церкви в качестве основного языка богослужения, ибо в таком случае в значительной степени облегчалось осуществление классовой роли христианской церкви.

К сожалению, дошедшие до нас источники не сохранили сведений о развитии классовой борьбы на территории Абхазского царства, однако социальная борьба, происходившая в других областях феодальной Грузии, в частности в тао-кларджетском царстве, позволяет допустить, что аналогичные явления имели место и в Абхазии.

7. Абхазия и абхазы в составе Абхазского царства

Территория современной Абхазии, как отмечалось выше, была включена в Абхазское царство, в составе трех эриставств – Абхазского, Цхумского и Бедийского. По утверждению Вахушти, такое административное разделение, осуществленное Леоном II вско-

ре же после образования Абхазского царства, просуществовало вплоть до XIII века. Так, Вахушти пишет, что территория прежнего Абхазского княжества «абхазским царем Леоном была разделена. В Цхоми сел один эристав, в Бедиа – другой, в Абхазии – иной. Так было до царицы Тамары»¹.

В течение всего периода существования самостоятельного Абхазского царства абхазская народность являлась составной частью этнически неоднородного населения этого государства. Но, к сожалению, исторические источники того времени чрезвычайно редко выделяют собственно абхазов из общей массы населения Абхазского царства (так же, впрочем, как и другие его этнические компоненты).

Когда, например, в грузинском источнике идет речь о населении Абхазского царства, то оно, как правило, называется единым именем «абхазы», из которого не выделяются ни карты, ни сваны, ни эгрисцы (мегрелы), ни собственно абхазы. Таким же термином называют обычно обитателей Абхазского царства в целом и армянские источники. Поэтому мы вправе считать, что во всех важных политических событиях, связанных с Абхазским царством, в числе «абхазов» в широком смысле принимали участие и собственно абхазские элементы.

Вместе с тем важно отметить, что грузинские источники, употребляя термин «абхазы» для обозначения всего населения Западной Грузии, различают и отдельные области, входившие в состав Абхазского царства – Аргвета, Гурия, Рача-Лечхуми, Эгриси, Сванетия, Абхазия, Джигетия и др. Как указывают названия этих областей, они были населены представителями определенных этнических групп картвельского народа и отдельных народностей, входивших в состав Абхазского царства. Этим обстоятельством лишний раз подтверждается, что собирательный термин «абхазы», употребляемый в тех же источниках, включал в себя в одинаковой мере ряд реальных этнических общностей (народности, племена), составлявших все население Абхазского царства.

Но поскольку ведущее место в этническом составе Абхазского царства составляли картвелы (карты, эгрисцы и сваны), а политика этого царства, в силу исторически сложившихся обстоятельств, была общегрузинской, то и абхазы, которые обитали на своей исконной территории, составлявшей часть Абхазского царства, также являлись активными проводниками этой политики. Поэтому-

¹ Вахушти, Описание..., стр. 168.

то во всех важных политических событиях, в которых участвуют «абхазы» в широком смысле, наряду с другими, вполне основательно можно усматривать и собственно абхазов.

В отдельных случаях, когда в источниках собственно абхазы упоминаются в качестве самостоятельной этнической единицы, мы имеем указания на их выступления совместно с картвельскими племенами. Так, в сообщении Иосифа Генесия об участии картвельских народностей в восстании Фомы Славянина абхазы выступают совместно с лазами (эгрисцами) и иберами (картами)¹.

Одним из интересных явлений в истории грузино-абхазских отношений рассматриваемой эпохи является феодальная колонизация абхазов из собственно Абхазии на территорию Западной Грузии, а затем, в связи с расширением пределов Абхазского царства, и в Восточную Грузию. Акад. С. Н. Джанашиа специально занимался этим вопросом и обратил внимание на ряд интересных в этом отношении фактов. В частности, он установил, что известный в феодальной Грузии род Бараташвили происходит от фамилии Качибадзе, которая «несомненно абхазского происхождения»². Представители этой фамилии очень давно, возможно со времен Абхазского царства, переселились из Абхазии в Восточную Грузию. Более древняя вариантная форма этой фамилии – Качипадзе, которая, в свою очередь, восходит к Каджипадзе (qajifaZe) суффикс «па» – «ба» (fa-ba) соответствует абхазскому «а – па» (a-fa) – «сын»³. С. Джанашиа считает допустимым увязать фамилию Качибадзе с именем абхазского феодального рода Гечба (Гьяч-ба – Кач-ба)⁴.

Аналогичными фамилии Качибадзе (Качибая) являются встречающиеся ныне в Грузии Чачибая, Алшибая, Какубава, Эзугбая и т. п., которые также по своему происхождению принадлежат к абхазским фамилиям⁵. Это свидетельствует о том, что определенные абхазские элементы этнически сливались с картвелами.

В этой же работе С. Н. Джанашиа пишет: «Думается, что в те же времена (хотя категорически это сказать трудно, ввиду отсутствия соответствующих документов) на самом северном пункте дороги, соединяющей Западную Грузию с Восточной, обосновались Анча-

¹ «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 307.

² См. С. Джанашиа, К генеалогии Бараташвили, Труды, т. II, стр. 476.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 480–481.

⁵ Там же, стр. 476.

бадзе, фамилия которых по своему происхождению и последующей истории («ба» + «дзе») представляет собой полную аналогию фамилии Качибадзе»¹. От фамилии Анчабадзе (Ачба) произошло название местности Ачабети, от которой, в свою очередь, образовалась новая фамилия – Мачабели (aC(a)b-eT-i → m-aCab-el-i), представители которой впоследствии также составляли известный в феодальной Грузии тавадский род².

Число подобных примеров можно было бы значительно умножить (Гонглибаисдзе, Апхазы и др.); они свидетельствуют о том, что многие абхазы по происхождению, как в эпоху Абхазского царства, так и впоследствии, влились в грузинскую народность.

* * *

В заключение считаем необходимым, хотя бы кратко, остановиться на некоторых вопросах историографии Абхазского царства, поскольку вплоть до последнего времени в опубликованной литературе история этого политического образования нередко представляется в искаженном виде.

В ряде работ по истории Абхазии, опубликованных еще в первые годы Советской власти, история Абхазского царства представлена как целиком история абхазского народа, «завоевавшего» и подчинившего себе значительную часть Грузии. Так, например, К. Кудрявцев в своей книге «Сборник материалов по истории Абхазии» (1926 г.) бездоказательно утверждает, что Леон II завоевал Западную Грузию и дальнейшую историю Абхазского царства целиком квалифицирует как собственно абхазскую историю³.

IX–X вв. К. Кудрявцев характеризует как «эру вполне независимой, самостоятельной Абхазии»⁴.

Причины возвышения Абхазского царства К. Кудрявцев объясняет следующим образом: «Эти явления объясняются тем что благодаря торговым путям, пролежавшим с Запада на Восток, абхазское население было наиболее сильным в материальном и культурном отношении в Закавказье. Исключительно благодаря громадной духовной мощи (!) абхазцев той эпохи, как народа-нации (!) и громадных духовных и материальных сил, таившихся в них в

¹ Там же, стр. 478.

² Там же.

³ К. Кудрявцев, Сборник материалов по истор. Абхазии, стр. 96 и след.

⁴ Там же, стр. 93.

те времена, с одной стороны, и с другой – культурным, в особенности, по той эпохе владычеством (!) абхазцев и, наконец, западнической складкой жизни (!), которую они, восприняв в своих сношениях с Римом, Византией, Херсонисом, Боспором Киммерийским и т. д., несли на Восток»¹.

Абсолютная научная несостоятельность подобного идеалистического «объяснения» настолько очевидна, что не нуждается в особых комментариях. Полное несоответствие подобной трактовки одного из важнейших вопросов истории феодальной Грузии и Абхазии с исторической действительностью совершенно ясно в свете изложенных выше позитивных материалов по истории Абхазского царства.

Исторически неправильную трактовку роли абхазов в Абхазском царстве, в частности, чрезмерное преувеличение этой роли, а также игнорирование общегрузинского характера политики Абхазского царства, можно встретить и в некоторых других трудах по истории Абхазии.

Подобные взгляды, не соответствующие исторической истине, не менее антинаучны, чем попытки полностью игнорировать роль абхазов в Абхазском царстве, не говоря уже об отрицании этнической индивидуальности абхазов средневековья и их генетической связи с современными абхазами, как это имеет место, например, в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле».

В связи с историографией Абхазского царства считаем нужным остановиться также и на одном примере искажения истории Абхазского царства, допущенном в названном выше труде П. Ингороква. На стр. 115 этого труда П. Ингороква утверждает, что акад. С. Н. Джанашиа в школьном учебнике по истории Грузии (груз. изд. 1944 г., стр. 146–147; рус. изд. 1946 г., стр. 152) проводит такую мысль, будто после образования Абхазского царства «в течение двух последующих столетий (9–10 века) была своего рода «абхазская эра» в истории Западной Грузии». Причем, такого рода неправильный взгляд П. Ингороква ставит в упрек всей грузинской советской историографии².

Следует решительно подчеркнуть, что никто из современных грузинских советских историков, ни тем более акад. Джанашиа, ничего подобного никогда не утверждали. Наоборот, С. Н. Джанашиа неоднократно подчеркивал, что политика абхазской династии

¹ Там же, стр. 124.

² П. Ингороква, «Георгий Мерчуле», стр. 115.

была именно грузинской политикой, что Абхазское царство было по существу грузинским политическим образованием, в котором существенную роль играли и собственно абхазские элементы.

Акад. С. Н. Джанашиа не написал, к сожалению, детальную систематическую историю Абхазского царства, но в ряде своих работ по истории Грузии, как и в некоторых специальных работах по истории Абхазии, не раз имел случай высказать свою точку зрения по различным основным вопросам истории Абхазского царства и о его историческом значении. Свои исследования по вопросам истории Абхазии, а также по истории Абхазского царства акад. Джанашиа резюмировал в кратком очерке истории Абхазии (до XX в.), написанном им для второго издания Большой Советской Энциклопедии. В этом очерке С. Джанашиа свои взгляды на Абхазское царство подытожил в следующих словах: «В дальнейшем резиденцией абхазских царей стал город Кутатиси (ныне Кутаиси), находящийся ближе к центральным грузинским областям. Это указывало на главное направление политики Абхазского царства, с самого начала своего возникновения вступившего в общую систему феодальных образований Грузии... Абхазские цари... встали на путь объединения не одной лишь Западной Грузии, но и Грузии в целом... Кутаиси к этому времени уже был пунктом, по которому проходил важнейший путь страны, где скрещивались хозяйственные и культурные связи западногрузинских племен и где раньше, чем в остальных городах Западной Грузии, развилась грузинская национальная культура, шедшая из Картли. С конца VIII в. грузинский язык окончательно вытеснил греческий, о чем свидетельствуют сохранившиеся поныне лапидарные и иные надписи того времени. Развивается грузинская письменность. Новое западно-грузинское образование приняло название Абхазского царства»¹.

¹ 1 БСЭ, изд. 2, стр. 47.

ГЛАВА V

ФЕОДАЛЬНАЯ АБХАЗИЯ В СОСТАВЕ ЕДИНОГО ГРУЗИНСКОГО ЦАРСТВА (XI – 20-е гг. – XIII вв.)

1. Социально-экономические отношения в Абхазии в XI–XIII вв.

По своему географическому облику Абхазия, как известно, подразделяется на две основные зоны – приморскую (низменную) и горную. Это подразделение оказывало свое влияние на хозяйственный быт и социальные отношения в крае. Если в приморской части ведущей отраслью хозяйства было земледелие, то в горных районах превалировало скотоводство.

Обитатели побережья занимались главным образом разведением проса, винограда, льна, огородных и садовых культур. О значительном развитии земледелия в тот период свидетельствуют найденные на территории Абхазии (Очамчирский, Сухумский и Гагрский районы) лемеха, мотыги, цалды, серпы и другие сельскохозяйственные орудия. О ведущей роли земледелия в историческом прошлом абхазов свидетельствует древнеабхазский календарь, подразделявший хозяйственный год на циклы земледельческих работ. Например, апрель – цъаяъара-мза («месяц пахоты»), май – ла-7ара-мза («месяц сева»), сентябрь – райъыбара-мза («месяц сбора ореха»), ноябрь – жь0аара-мза («месяц сбора винограда») и т. д.¹ В горах население занималось производством мясо-молочных продуктов, охотой, бортничеством.

Внутренняя торговля в крае сводилась в основном к обмену между жителями горной и приморской частей. Торговые отношения распространялись и за пределы собственно Абхазии. Здесь, в первую очередь, необходимо указать на сравнительно интенсивные связи с другими частями Грузии. Об этом говорят обнаружен-

¹ Д. Гулиа, История Абхазии, 1925 г., стр. 310–311.

ные на территории Абхазии грузинские средневековые монеты XI – XII вв., помеченные именами Георгия II, Давида Строителя, Тамары и др. Византийские и западноевропейские монеты того времени свидетельствуют о сравнительно широких торговых связях со странами Запада. Торговые отношения, разумеется, должны были связывать Абхазию и с соседними странами Северного Кавказа, что подтверждается и существовавшими между ними интенсивными связями политического и культурного порядка.

Как известно, к концу XI в. общественный строй Грузии принял формы вполне сложившегося развитого феодализма. Население тогдашней Грузии состояло из двух основных классов – господствующего класса феодалов («азнаури») и эксплуатируемого феодально-зависимого крестьянства («гlexи») Антагонистические противоречия и борьба между этими классами составляла важнейшую черту внутренней истории Грузии той эпохи.

Господствующий класс феодалов («азнауров», как их называли в Грузии) состоял из крупных феодалов («дидебули азнаури») и мелких («цвили азнаури»). Феодалы Грузии объединялись в стройную иерархическую структуру. Основой сюзеренно-вассальных отношений («патронкмба») была феодальная земельная собственность.

Основную массу грузинского крестьянства того времени составляли крепостные крестьяне («кма-гlexи»), прикрепленные к земле феодала и являвшиеся объектом купли-продажи. Крепостные крестьяне подвергались жестокой феодально-крепостнической эксплуатации со стороны своих господ и несли в их пользу ряд феодальных повинностей (оброк, барщина, зачатки денежной ренты).

Отдельную сословную группу феодальной Грузии составляло купечество. Грузинские купцы делились на две категории – дидвачарни («крупные купцы») и цврилвачарни («мелкие купцы»). В многочисленных грузинских городах имелось большое число ремесленников. Труд ремесленных людей с трудом феодально-зависимого крестьянства составлял экономическую основу грузинского общества.

Аналогичными, в основном, чертами отличались и социальные отношения в Абхазии. В одном из важнейших грузинских источников начала XIII в. – «История и восхваление венценосцев» – прямо указывается, что в Абхазии того времени были «дидебулы», которые имели свои вооруженные отряды¹, причем эти абхаз-

¹ «История и восхваление венценосцев», изд. К. Кекелидзе, Тбилиси, 1941 г., стр. 91 (на груз. яз.).

ские «дидебулы» поставлены в один ряд с дидебулами Самокалако, Аргвети и других областей Западной Грузии, которые, как мы знаем, отличались уже развитыми феодальными отношениями. Упомянутый в той же летописи цхумский Эристав Дотагод Шервашидзе представляется нам крупным дидебулом, феодалом земли-душевладельцем.

Совершенно очевидно, что наличие в Абхазии высшей феодальной прослойки – дидебулов – предполагает наличие и других сословий феодального общества, как мелких феодалов, так и широких масс феодально-зависимого крестьянства.

Наряду со светскими феодалами, в Абхазии имелись и духовные феодальные владения – крупные церкви, монастыри. Грузинский летописец сообщает, что когда Баграт III построил Бедийский храм и создал там епископскую кафедру, то он пожаловал ему «многие села с ущельями и местами»¹.

Что касается высокогорных районов Абхазии, то здесь, как и в высокогорных районах Грузии, господствовали раннефеодальные и патриархальные отношения, но зависимость населения этих районов от развитого феодального приморья была значительно сильнее, чем позже, в период политической раздробленности Грузии.

2. Образование единого Грузинского царства

К концу X в. в феодальной Грузии уже полностью сложились все необходимые социально-экономические и политические предпосылки для объединения царств и княжеств в единое централизованное государство. Вопрос сводился лишь к тому, под чьей гегемонией должно было завершиться это политическое объединение, подготовленное предшествующим периодом. Как мы знаем, руководящую роль в борьбе за объединение Грузии на протяжении более чем полутора веков играло Абхазское царство, которое в этом отношении довольно успешно соперничало со своим главным конкурентом – Тао-Кларджетским царством. Однако к началу последней четверти X века Абхазское царство было значительно обессилено династической борьбой за престол между Дмитрием III и его младшим братом Феодосием.

Как мы видели, остальные грузинские политические единицы, и в первую очередь Тао-Кларджети, активно вмешивались в эту борьбу с целью добиться максимального ослабления Абхазского

¹ «Жизнь Грузии», стр. 281.

царства. От этих междоусобиц особенно тяжело страдали широкие народные массы, которые все более домогались установления в стране мира и по возможности твердых порядков. На одном древнем кресте, хранившемся в цагерской церкви, сохранилась надпись (датируется 973 т.), в которой сообщается о страдании народа («эри») в результате междоусобной борьбы «наших царей». Авторы надписи молятся за спасение «эри»¹. Этот факт свидетельствует о том, что в стране росли социальные силы, добивавшиеся прекращения внутренних усобиц и установления прочной центральной власти. Странники объединения Грузии и установления в ней твердого порядка находились не только в среде мелких азнауров и в народных массах, но и среди отдельных дидебулов, пользовавшихся большим политическим влиянием в стране.

В 975 г. скончался Дмитрий и поскольку, сообщает летописец, у него не осталось другого наследника ни в Абхазии, ни в Картли, то на абхазском престоле был утверждён царем слепой Феодосий². Воцарение Феодосия III, не пользовавшегося никаким авторитетом и лишённого возможности твердо взять в свои руки бразды правления, привело к резкому ухудшению дел в Абхазском царстве. Создавшимся положением воспользовались в первую очередь кахетинцы, которые объявили войну Абхазскому царству и осадили главный административный центр Картли – крепость Уплис-цихе.

В это время должность картлийского эристава занимал один из крупнейших феодалов Западной Грузии Иоанн Марушисдзе, которого автор «Матианэ картлиса» характеризует как «человека сильного и имеющего много людей»³. И. Марушисдзе принадлежал к числу активных сторонников объединения Грузии и развернул в этом направлении энергичную деятельность. Акад. И. А. Джавахишвили писал по этому поводу: «В эту эпоху неурядиц в Грузинском царстве, которые возникли в период правления слепого Феодосия, среди передовой части правящих кругов оказалась сознательная группа, которая добивалась укрепления положения в стране. Лучшим представителем этой группы, ее вдохновителем и упорным осуществителем ее чаяний был Иоанн Марушисдзе. Он хорошо представлял себе, насколько опасным было для Грузии царствование слепого, слабого человека»⁴.

¹ Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 91–92.

² «Жизнь Грузии», стр. 272.

³ Там же.

⁴ И. Джавахишвили, История груз. народа, т. II, стр. 121.

Иоанн Марушисдзе и возглавляемая им группа феодалов замыслили свергнуть с престола Феодосия III и воцарить в Абхазии Баграта Багратиони, сына одного из видных тао-кларджетских владельцев Гургена Багратиони. Мать Баграта – Гурандухт – была дочерью абхазского царя Георгия II и родной сестрой царствовавшего Феодосия¹.

К осуществлению своего плана И. Марушисдзе и его сторонники привлекли тао-кларджетского царя Давида Куропалата (966–1001 гг.), который являлся наиболее выдающейся политической фигурой феодальной Грузии того периода. И. Марушисдзе направил к Давиду посла, через которого предложил ему выступить с войском и либо самому овладеть Картли, либо поставить во главе ее Баграта Гургеновича, являвшегося «со стороны матери наследником Абхазии и Картли»². Получив приглашения И. Марушисдзе, Давид Куропалат «выступил со всеми своими силами и прибыл в Картли. Когда узнали о его приходе кахетинцы, то они ушли, как беглецы, и оставили Картли»³.

«...Давид Куропалат остановился в Куахарели; к нему явился туда И. Марушисдзе и сдал ему крепость Уплис-цихе, которую (Давид) пожаловал Баграту и его отцу Гургену, так как не было сына у Давида Куропалата и (поэтому) усыновил он Баграта, сына Гургена»⁴.

По поводу политической ориентации И. Марушисдзе и его группы на Тао-Кларджетское царство, в частности на Давида Куропалата, И. А. Джавахишвили писал следующее: «Иоанн Марушисдзе придерживался твердого и определенного стремления к объединению Грузии и для осуществления этого выбрал наилучший путь. Лучше Давида Великого Куропалата никто не мог осуществить это: он был известен везде как в самой Грузии, так и вне ее – Армении, Греции, среди арабов, – своим могуществом и высокими моральными качествами; вместе с тем он обладал твердым и сильным характером и никому не позволил бы подчинить себя. Поскольку у него не было сына, он усыновил и воспитал Баграта, сына Гургена, своего близкого родственника. Следовательно, он (Баграта) был наследником не только владений царя картвелов, но и Тао; если же Баграта действительно посадили бы на престол абхазских царей,

¹ «Жизнь Грузии», стр. 275.

² «Жизнь Грузии», стр. 272.

³ Там же.

⁴ Там же.

то тогда он стал бы государем почти всей объединенной Грузии, кроме Кахети и одной части Эрети. Именно поэтому Иоанн Марушидзе домогался воцарения Баграта»¹.

Однако в действительности завершению объединения Грузии способствовали не столько выдающиеся личные качества Давида Куропалата, сколько то обстоятельство, что объективные условия, которые диктовали необходимость такого объединения, уже полностью сложились. Что касается Давида Куропалата, то он так же, как и Иоанн Марушидзе, прекрасно учитывал это обстоятельство и сознавал, что Баграт Гургенович являлся наиболее подходящей кандидатурой на престол объединенной Грузии. Политический расчет Давида Куропалата и Иоанна Марушидзе сводился, таким образом, к тому, что Баграт по отцу и приемному отцу был наследником «грузинских царей», а по матери – единственным наследником своего слепого дяди, и, поскольку у Феодосия III детей не было, то объединение феодальной Грузии под властью Баграта получало законное оформление.

Автор «Матианэ картлиса» рассказывает далее, что, изгнав из Картли кахетинцев, Давид Куропалат, ввиду малолетия Баграта, назначил ему в соправители отца его Гургена. Затем он собрал картлийских азнауров и приказал им: «Это есть наследник Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, а я управитель (моурав) его и помощник; подчиняйтесь ему все». После этого Давид Куропалат возвратился в Тао².

Однако, спустя некоторое время, картлийские азнауры, «по присущему им обычаю», организовали заговор против правителей Картли, призвали на помощь кахетинцев и сдали им Уплис-цихе. Кахетинцы пленили Баграта и его родителей и увезли с собой в Кахети³.

Получив об этом известие, Давид Куропалат собрал большое войско и двинулся против кахетинцев. Когда он достиг Триалети и уже собрался вступить в пределы Кахети, к нему явились кахетинские послы, которые запросили мира. По условиям заключенного соглашения кахетинцы освободили Баграта, Гургена и Гурандухт, возвратили им Картли, а за собой оставили лишь крепости Цирквали и Груа⁴.

¹ И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 121.

² «Жизнь Грузии», стр. 274.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 274–275.

Таким образом, Баграт вместе со своим отцом и соправителем Гургеном, по милости Давида Куропалата и Иоанна Марушидзе, прочно утвердились в Картли.

Тем временем в Абхазии положение резко ухудшилось. Автор «Матианэ» по этому поводу пишет: «Прошло три года со времени воцарения в Абхазии Феодосия Слепого. Разорилась страна та и изменились порядок и система управления, учрежденные первыми царями»¹.

В течение этого времени, как видно, И. Марушидзе и его сторонники готовили почву для свержения Слепого Феодосия и воцарения Баграта. Летописец сообщает: «Этот Иоанн Марушидзе пожелал привести Баграта царем в Абхазию, и вместе с ним все дидебулы, эриставы и азнауры Абхазии и Картли просили Давида Куропалата воцарить Баграта. А тот лишь после долгих увещеваний с трудом выполнил просьбу их; как уже сказано было, Давид Куропалат был бездетным и (поэтому) взрастил он Баграта в качестве сына своего, чтобы сделать его властителем обеих частей Тао. Но поскольку оставалась без наследника страна Картлийская и Абхазская, он отдал им его после получения соответствующих гарантий и взяв заложников»².

«... Повезли его (Баграта) в Абхазию, воцарили и все подчинились власти его: был он уже в зрелом возрасте. По истечении двух лет стал он управлять и заботиться о всех делах своих, подобно деду своему, великому царю Георгию...; и своими поступками во всем походил он на воспитателя своего, великого царя Давида Куропалата, и решались при нем всякие дела по добру»³.

Из приведенных сообщений автора «Матианэ» со всей очевидностью явствует, что главным вдохновителем происшедших в Абхазском царстве событий явился Давид Куропалат. Совершенно очевидно, что его мнимые колебания в вопросе о разрешении Баграту воцариться в Абхазии были продиктованы лишь определенными политическими соображениями. Была создана лишь видимость уговоров с целью представить факт воцарения Баграта в Абхазии как результат исполнения настоятельных просьб самих абхазских феодалов. Это должно было, по замыслу Давида, способствовать укреплению в Абхазском царстве представителя новой династии.

¹ Там же, стр. 275.

² «Жизнь Грузии», стр. 275.

³ Там же.

После воцарения Баграта в Абхазском царстве фактическим правителем его становится Давид Куропалат. Хотя формально Абхазское царство продолжало существовать как самостоятельная политическая единица, но на деле оно полностью было подчинено идее единого Грузинского государства, которую Давид Куропалат стремился осуществить под гегемонией Тао-Кларджети. Не случайно свергнутый с абхазского престола Феодосий Слепой был отправлен в Тао к Давиду и водворен там на постоянное жительство¹.

После этого Баграт направился в Картли, чтобы «упорядочить расстроеныя дела картлийские» (980 г.). Тем временем картлийские азнауры, которые, как сообщает летописец, хотя и были в подчинении у матери абхазского царя Гурандухт, но «каждый в отдельности заправляя делами картлийскими»². Картлийцы не хотели впустить Баграта в Восточную Грузию и, руководимые крупным картлийским феодалом Кавтаром Тбели, преградили ему путь у крепости Могриси. Баграт двинул против картлийских азнауров крупные силы, разбил своих противников, овладел Уплис-цихе и, укрепив свою власть в Картли, вернулся вместе с матерью в Абхазию³.

За время его отсутствия в Западной Грузии, по-видимому, имело место выступление определенной части феодалов, недовольных воцарением в Абхазии Баграта. Летописец сообщает, что Баграт, «подобно искусному кормчему и пастырю уладил все дела абхазские... Всех непокорных сместил с их мест и заменил верными ему людьми»⁴.

Спустя несколько лет Баграту вновь пришлось взяться за упорядочение дел в Картли. Один из крупнейших местных феодальных владельцев Клдекарский эристав Рати Багваши «не покорился добром царю Баграту»⁵. В подчинении у эристава Рати находилась значительная территории Картли, к югу от Куры, Триалети, Атенская крепость, Манглиское ущелье и Сквирети⁶.

Баграт собрал все свое войско и направился в Картли с целью захватить эристава Рати. Тогда картлийские азнауры отправили

¹ Там же.

² Там же, стр. 276.

³ «Жизнь Грузии», стр. 276.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

послов к Давиду Куропалату, которые убедили его в том, что Баграг, якобы, выступает не против них, а замышляет организовать убийство Давида Куропалата. Последний поверил им и стал готовиться к борьбе. К Давиду присоединился и дед Баграта (отец Гургена) Баграг Регуени, который носил титул «царя картвелов». По словам летописца, Баграг Регуени опасался, что сын его Гурген замышляет лишить его царского титула и владений. На помощь Давиду Куропалату явились еще армянский царь Сумбат и другие армянские владельцы.

Объединенные войска под командованием Давида выступили против Гургена, разбили его ополчение и принудили его к бегству. Гурген скрылся в крепости Цепти.

Когда Баграг узнал об этом, то он «увидел, что силой не сможет противостоять Давиду Куропалату» и распустил свое войско, а сам один явился к Давиду. Он заявил ему, что единственной целью его выступления было приведение к покорности Рати Багваши. Давид поверил Баграту и разрешил ему подчинить Рати своей власти¹.

Армянский историк Асохик подтверждает в основном сообщения автора «Матианэ картлиса» и по поводу изложенных выше событий в своей «Всеобщей истории» пишет: «За несколько лет до этого, царя апхазов Тевтаса (Феодосия) ослепили вельможи страны, уничтожив и царскую власть его. Тайский (Таоский) куропалат Давид и царь армянский Сембат поставили царем апхазов Сембата [чит. «Баграта» – З. А.], сына Гургена, внука иверийского царя Багарата. По смерти бабки его (Сембата) дед его Багарат женился на другой жене, которая стала гнать Гургена, сына Багарата, из его вотчины. По этой причине царь апхазов, сын Гургена, во главе многочисленного войска из земли сарматов пошел на Куропалата Давида и деда своего Багарата и, перешед по ту сторону Кавказских гор, стал лагерем на берегу реки Кур. Тогда Куропалат Давид и царь иверийский Багарат послали к царю армянскому Сембату просить его идти им на помощь. Этот последний, взяв все армянские войска и брата своего Гагика, отправился к ним в Джавахский округ и стал лагерем в деревне, называемой Дливек. (Тут находился также) царь карсский, юный Абас, со своим отрядом. Все иверийские и васпураканские войска, Сюнийские и ахванские князья соединились против воинства апхазов, которые, приведенные этим в ужас, стали просить мира и заключили между собою дружественный союз. Куропалат Давид

¹ Там же, стр. 277.

потребовал от царя апхазов крепость Сакурат, получив которую он уступил армянскому царю Сембату в знак признательности за оказанную ему помощь, но по смерти Сембата крепость эта снова была отнята у армян. Тогда, утвердив между собой мир, (союзные государи), возвратились каждый в свое владение. Это случилось в 437 (988) году»¹.

В приведенном рассказе Асохика обращает на себя внимание, прежде всего, указание на то, что Давиду Куропалату помогал, якобы, в деле воцарения Баграта в Абхазии армянский царь Сумбат. Надо полагать, что данное сообщение соответствует действительности, поскольку Давид вряд ли решился бы на такой шаг, не заручившись поддержкой одного из крупнейших закавказских монархов, каким был Сумбат армянский. Конечно, усиление Давида Куропалата вряд ли входило в планы армянских правителей, но они вынуждены были согласиться с воцарением в Абхазии ставленника Давида, поскольку этот акт был искусно подготовлен Давидом, И. Марушидзе и их сторонниками.

Из сообщения Асохика явствует также, что Давид Куропалат не без основания выступил против Баграта и Гургена. По-видимому, отец и сын действительно замыслили лишить власти и владений Баграта Регуени, но Давид не хотел допустить чрезмерного усиления Баграта, так как опасался, что тот выйдет из-под его опеки.

Спустя немного времени после заключения мира с Давидом, Багра́т начал борьбу против Рати Багваши и подчинил его владения своей власти. Сам Рати был выслан из Триалети и поселился в своей вотчине в Аргвети, а клдекарским эриставом Багра́т утвердил сына его Липарита Багваши, который признал себя его вассалом².

После этих событий, вплоть до смерти Давида Куропалата, мир между ними не нарушался, и Багра́т, как видно, правил Абхазским царством, признавая политическое верховенство своего воспитателя.

В 1001 г., после смерти Давида Куропалата, царь Багра́т попытался вступить во владение Тао-Кларджети, но этому воспротивилась Византийская империя. Правитель последней Василий II с многочисленным войском вступил в Тао. Багра́т и отец его Гурген были вынуждены поехать к императору и добиваться от него уступок. Асохик по поводу этой встречи сообщает: «Направляя далее свой путь [император Василий – 3. А.], достиг горы Хав-тчитч и

¹ Асохик, Всеобщая история, стр. 180–181.

² Асохик, Всеобщая история, стр. 277–278.

города того же имени, где он был встречен Багаратом, царем Апхазским и отцом его Гургеном, царем иверийским. Василий, сделав великолепный прием апхазскому царю, пожаловал его в достоинство куропалата, а отца его – в магистра. И отпустил в их землю»¹. Однако большую часть владений Давида Куропалата император удержал за собой. Впоследствии из-за этого «давидовского наследства» велась длительная борьба между Византией и Грузией.

Как видно, внешнеполитическими затруднениями Баграта воспользовались западногрузинские феодалы и снова стали выступать против центральной власти. Баграту, сообщает летописец, и на этот раз пришлось принимать энергичные меры, чтобы «уладить все дела абхазские», смещать непокорных и утверждать на местах своих сторонников².

В 1008 г. скончался отец Баграта Гурген³, под непосредственным управлением которого находилась значительная территория, состоящая из Шавшети, Кларджети, Самцхе и Джавахети. После смерти отца Баграт присоединил эти области к своим владениям. Таким образом, Абхазское царство окончательно соединилось с бывшим Тао-Кларджетским государством (за исключением территории, отхваченной византийцами), и длительный процесс образования единого Грузинского царства в основном завершился. Баграт III явился первым царем этого объединенного государства.

Теперь на очереди стоял вопрос о воссоединении с Грузинским царством Кахети, Эрети и Тбилисского эмирата. В 1010 г. Баграт начал борьбу за овладение Кахети и Эрети. По сообщению летописца, его войско состояло из «абхазов и картвелов»⁴. В данном случае под «абхазами» имеются в виду представители населения Западной Грузии, включая и собственно абхазов.

Территория нынешней Абхазии занимала при Баграте III важное место в системе объединенной феодальной Грузии. Это видно хотя бы из того, что здесь, в селе Бедиа, Баграт создал одну из своих политических резиденций. Построив здесь великолепный храм, Баграт превратил Бедиа в один из духовных центров Грузии. Свой выбор на Бедиа Баграт остановил не случайно. Бедийское плато самой природой было защищено с трех сторон почти отвесными

¹ Асохик, цит. соч. стр. 200.

² «Картлис цховреба», стр. 276.

³ Там же, стр. 278.

⁴ «Картлис цховреба», стр. 279

скалистыми обрывами и легко могло быть превращено в неприступную крепость. Кроме того, этот пункт находился на близком расстоянии от моря.

Баграт III не жалел средств на укрепление и украшение своей бедийской резиденции. Историк с гордостью говорит о Баграте: «Если кто пожелает представить себе величие его, пусть тот, в первую очередь, ознакомится с украшениями бедийской церкви и тогда он убедится, что не было другого подобного ему царя в Картли и Абхазии»¹. Баграт III и похоронен был в Бедиа².

Лестная характеристика, которую дает Баграту летописец, объясняется его поклонением перед энергичным и активным поборником объединения Грузии в единую централизованную державу.

Территория собственно Абхазии после создания единого Грузинского царства оказалась в составе этого объединенного политического образования, поскольку она являлась органической частью Абхазского царства. Вхождение Абхазии в состав единого Грузинского царства не привело к каким-либо существенным изменениям в ее культурно-политической жизни, поскольку, как мы видели, уже Абхазское царство (Западная Грузия) являлось грузинским, по своему характеру, политическим образованием. Поэтому в корне неправильно следующее утверждение К. Кудрявцева: «Воцарение Баграта III на абхазском престоле не означало смену одного лица другим. Оно несло смену династии и даже больше того: с момента воцарения Баграта начинается царствование в Абхазии чуждой стране и ея интересам династии грузинских Багратидов, из рода которых по своему отцу Гургену происходил Баграт»³.

3. Расширение значения терминов «Абхазия» и «абхазы» после образования единого Грузинского царства

Если в период существования Абхазского царства термины «Абхазия» и «абхазы», как мы видели (гл. IV, параграф 3) имели два значения: во-первых, выражали понятие собственно Абхазии и абхазов и, во-вторых, обозначали все Абхазское царство и его население, – то после объединения Грузии в единое государство значение этих терминов расширяется, охватывая вначале боль-

¹ Там же, стр. 281.

² Там же, стр. 283.

³ К. Кудрявцев, Сборник материалов по истории Абхазии, стр. 120–121.

шую часть Грузии, а затем Грузию и ее население в целом, т. е. они становятся синонимами обычно употреблявшихся в этом смысле терминов «Сакартвело» и «картвели».

Вначале «Абхазией» начинает именоваться объединенное Грузинское царство без Кахети и Эрети. Это объясняется тем, что Кахети и Эрети были присоединены к Грузинскому царству в последние годы правления Баграта III, первого царя объединенной Грузии (в 1010 г.). В одной из Хроник, в которой сообщается о смерти Баграта III, «все царство его» названо так: «Абхазия, Эрети и Кахети»¹. Грузинский историк XII в. Сумбат Давитисдзе, рассказывая о путешествии Баграта III по своей стране, пишет: «После этого объехал Баграт все царство свое—Абхазию, Эрети и Кахети»². В обоих случаях под «Абхазией» подразумевается вся Грузия без Кахети и Эрети, т. е. территория бывшего Абхазского царства, Тао-Кларджети и Картли.

Однако в дальнейшем термины «Абхазия» и «абхазы», сохраняя свое прежнее значение, распространяются и на всю Грузию и ее население. Историк царя Давида Строителя (I половина XII в.), сравнивая владения Давида («Абхазское царство») с владениями Александра Македонского, под «Абхазским царством» разумеет все Грузинское государство³. Такое же понятие вкладывает в этот термин и грузинский летописец XIII в., современник царствования Георгия Лаша. Так, о Грузии времен царицы Тамары он замечает: «Древнее царство их, Абхазия, пребывало в спокойствии»⁴.

Вместе с этим расширяется и значение термина «абхазы», который постепенно начинает охватывать все многоэтническое население единого Грузинского царства. Историк Сумбат Давитисдзе говорит о Баграте III, как о «царе абхазов», который установил свою «самодержавную власть над всем Кавказом от Джигетии до Гурганского (Каспийского) моря»⁵. В «Матианэ картлиса» Георгий I и Баграт IV, цари объединенной Грузии, неоднократно названы «царями абхазов»⁶. В одной из грамот от 1058 г. Баграт IV назван «царем абхазов и новелисимусом всего Востока»⁷. Такой же титул

¹ Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 150.

² «Жизнь Грузии», стр. 382.

³ Там же, стр. 358.

⁴ Там же, стр. 369.

⁵ «Жизнь Грузии», стр. 382.

⁶ Там же, стр. 289, 292 и др.

⁷ Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 204–205.

приводится и в одной надписи на серебряной монете того времени: «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов и новелисимуса»¹. Во всех этих случаях под «абхазами» подразумевается все население Грузинского царства².

Такое же положение наблюдается и в иностранных источниках. Например, армянские авторы XI–XII вв. также неоднократно именуют царей объединенной Грузии «царями абхазов». Так, историк XI в. Аристакес Ластивертский называет «царем абхазов» Баграта III. По поводу его смерти он пишет: «В 464 г. нашего летоисчисления умер царь абхазов Баграт и воцарился сын его Георг»³. Рассказывая об усобице между сыновьями армянского царя Гагика Сумбатом и Ашотом, тот же автор сообщает, что «царь абхазов Георг [Георгий I – 3. А.] пришел, убедил и примирил их»⁴. Баграт IV так же назван у него «абхазским царем»⁵.

Армянский историк XII в. Матвей Эдесский в своей «Хронике» сообщает следующий факт: «Некий мужчина из князей Армении, который был человеком лукавым и которого звали Азат Саркис – армянин... похитил сокровищницу предыдущих царей Армении и увез в Абхазию»⁶. Далее, Матвей Эдесский рассказывает об одном «грузинском князе», которого в другом месте называет «князем из Абхазии», т. е. слова «абхазский» и «грузинский» употребляют как синонимы⁷. Историк XIII в. Сумбат Конетабль в своей «Летописи» упоминает Баграта IV и называет его «царем Абхазии»⁸. Интерес в этом отношении представляет также надпись, высеченная на стене Мармашенского монастыря (в сел. Мармашени, в Армении), принадлежащая матери Баграта IV Мариам, которая была дочерью армянского васпураканского царя Сенекерима⁹. В этой надписи Мариам называет себя «царицей абхазов и армян»¹⁰.

¹ Д. Капанадзе, Грузинская нумизматика, 1954 г., стр. 55.

² Следует отметить, что грузинские источники для обозначения всей Грузии и ее населения употребляли обычно термины «Сакартвело» и «картвели», которые в этом значении появляются уже с X в.

³ Арист. Ластпнертский, История, Тифлис, 1912 г., стр. 7.

⁴ Там же, стр. 9.

⁵ Там же, стр. 61.

⁶ Матв. Эдесский, Хроника, Вагаршапат, 1898 г., стр. 84.

⁷ Там же, стр. 9.

⁸ С. Конетабль, Летопись, Париж, 1859 г., стр. 55.

⁹ Г. В. Абгарян, Армянские источники об Абхазии и абхазах, 1957 г., Ереван, Рукопись, стр. 45 (Хранится в архиве Абх. инст. АН ГССР).

¹⁰ Там же, стр. 36.

Во всех приведенных примерах у армянских историков слова «Абхазия» и «абхазы» употребляются в смысле всей Грузии и ее населения. Как отмечалось (на примере Матвея Эдесского), слова «Грузия» и «Абхазия» (стсюда прилагательные – «грузинский» и «абхазский») армянские авторы употребляют порой в качестве синонимов. Один из армянских авторов XIII в. – Мхитар Айриванский попытался даже объяснить это явление. В своей «Истории» он рассказывает о том, что армянский царь Сумбат Завоеватель приказал, якобы, «выжечь руки многим иверцам, после чего те и стали называться апхазами»¹. «Апхаз» означает по-армянски «меченая ладонь» от «ап» – ладонь, «хаз» – штрих, знак². Такая курьезная этимология представляет для нас интерес в том отношении, что армянский историк пытался дать какое-либо осмысленное, на его взгляд, объяснение того факта, что «грузины» («враци») носят еще и второе наименование – «абхазы».

Отождествление терминов «Абхазия» и «Грузия» встречается и в персоязычных источниках. Так, азербайджанский поэт XII века Хакани пишет: «Врата Абхазии открыты предо мною, и я отправлюсь туда и у Багратионов найду приют»³. В данном случае под «Абхазией» подразумевается Грузинское царство и под Багратионами – цари объединенной Грузии. То же самое мы находим и у Низами Гянджеви. В поэме «Хосров и Ширин» (1180 г.) один из героев рассказывает о выдающейся «царице абхазской» по имени Шамир. По мнению исследователей, под именем Шамир подразумевается тетка царицы Тамары Русудана⁴. В поэме Низами «Искандернаме» упоминается один «абхазский мелик».

По поводу этих фактов проф. К. С. Кекелидзе пишет: «Именем «Абхазия» и «страна абхазов» Низами, в соответствии с традициями того времени, обозначает Грузинское царство. Дружба абхазского мелика с армянами и борьба его за Дербент и Бардав подразумевает политическое взаимоотношение грузин с их кавказскими соседями»⁵.

Термин «Абхазия» (в форме «обез») обозначал всю Грузию и в древнерусских источниках. «Объединенную Грузию русские ис-

¹ «История, составленная отцом Мхитаром, Вардапетом Айриванским», СПб-бург, 1869 г., стр. 404.

² Г. В. Абгарян, Там же, стр. 43.

³ К. Кекелидзе, Этюды, т. III, 1955 г., стр. 105.

⁴ К. Кекелидзе, Этюды, т. IV, стр. 84.

⁵ К. Кекелидзе, Этюды, т. IV, стр. 86.

точники XI в. называют «Обез». Как видно, слово «обез» было известно русским до этого, во всяком случае начиная с XI в., т. е. с того времени, когда царь объединенной Грузии назывался «царем абхазов». Можно также предположить, что в русские источники XI–XIII вв. через Византию проник и укоренился второй термин, обозначающий Грузию – Ивер («Авер»)¹. Один из древнерусских авторов разъяснял своим читателям: «Авер, иже суть Обези»². В так называемой Троицкой летописи сообщается, что киевский князь Изяслав в 1154 г. «повел жену себе из Обез, царевну дочь»³. По мнению исследователей, «дочерью царя», о которой говорится в летописи, была царевна Русудан, тетка Тамары⁴. Еще раньше, по сообщению Ипатьевской летописи, киевский князь Владимир Мономах «изгнавшю Отрока во Обезы за железные врата»⁵. Речь идет о половецком хане Отроке (Атрак, по грузинским источникам), которого царь Давид Строитель пригласил в 1118 г. в Грузию вместе с 40 тыс. половецких (кипчакских) воинов.

Несколько позднее в русских источниках возникает другая форма «обеза» – «обежанин», того же происхождения и значения. В так называемом «Сказании о Вавилонском царстве» (XV в.) в числе главных действующих лиц упоминаются русский, грек и «обежанин». Здесь «обежанин» выступает как синоним «грузина»⁶.

Термин «абхаз» в смысле «грузин» употребляется и в византийских источниках. Интерес представляет в этом отношении дошедшее до нас письмо известного византийского философа XI в. Иоанна Италла, направленное им одному своему другу и единомышленнику, которого он называет «абхазом». По основательному предположению акад. Н. Я. Марра, под этим «абхазом» следует разуметь известного грузинского философа Иоанна Петрици⁷.

В источниках XI в. есть указание, что грузинский язык именовался «абхазским языком». Как известно, Ефимий Мтацминдели в XI в. с грузинского варианта «Мудрости Балавара» сделал греческий перевод «Варлаама и Иосифа». В 1048 г. перевод Ефимия

¹ Ш. Месхиа и Я. Цинцадзе, Из истории русско-грузинских взаимоотношений, Тбилиси, 1958 г., стр. 12.

² Повесть временных лет, ч. II, 1950 г., стр. 213.

³ М. Приселков, Троицкая летопись, 1950 г., стр. 237.

⁴ Ш. Месхиа и Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 17.

⁵ Ипатьевская летопись, 1871 г., стр. 479.

⁶ Всемирная история, т. III, стр. 794.

⁷ С. Каухчишвили, По поводу «Георгия Мерчуле» журн «Мнатоби», № 2, 1957 г., стр. 122.

лег в основу латинского перевода этого произведения, который имеет следующую приписку: «А эту книгу с индийского языка на греческий перевел впервые один монах Ефимий по с р е д с т в о м а б х а з с к о г о я з ы к а (abasse genere stilo), т. е. грузинский язык, с которого переводил Ефимий, назван здесь абхазским языком»¹.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что объединенная Грузия с XI в. нередко называлась, как в грузинских, так и в иностранных источниках, «Абхазией», а обитатели Грузинского царства объединялись общим именем «абхазы», откуда и «абхазский» язык в смысле грузинского языка. Такое положение объясняется, прежде всего, следующим обстоятельством: после того, как «абхазский» царь Баграт III распространил свою власть почти на всю Грузию, то все возглавляемое им государство стало именоваться «Абхазией».

Наследники Баграта III по традиции именовались «царями абхазов» и с течением времени это выражение воспринималось как «цари грузин», а отсюда название «Абхазия» распространилось на всю Грузию. Постепенно выработалась официальная титулатура царей объединенной Грузии, которая вначале включала в себя лишь «абхазов» и «картвелов». Так, в «Матианэ картлиса» Баграт III и его ближайшие преемники неоднократно именуется «царями абхазов и картвелов»². Такой же титул носит и Георгий II в надписи на серебряной монете: «Христе, возвеличь Георгия, царя абхазов, картвелов и новелисимуса»³. В данном случае под «абхазами» подразумеваются жители Западной Грузии (бывшего Абхазского царства), а термин «картвелы» разумеет обитателей Тао-Кларджети и Картли.

Со временем, в связи с ростом территории Грузинского царства и включением в его состав как остальных грузинских земель, так и территорий, населенных негрузинами, титулатура грузинских царей возрастала и в конечном итоге приняла такой вид: «Царь абхазов, картвелов, кахов, эров, ранов, моваканцев, шаинша и шарваша и всего Востока и Запада от Никопсии до Дербента». Здесь под «абхазами» и «картвелами», как и в предыдущих примерах, имеются в виду обитатели Западной Грузии, в том числе собственно абхазы и население Картли и Тао-Кларджети («картвелы»), под «эрами» подразумевается огрузинившееся албанское племя, затем идут

¹ С. Каухчишвили, там же, стр. 121.

² «Жизнь Грузии», стр. 278 и др.

³ Д. Капанадзе, цит. соч., стр. 56.

обитатели северо-западного Азербайджана (ранцы и моваканцы) и, наконец, титулы ширван-шахов и шах-ин-ша-хов (правители Азербайджана и Армении). В случаях, когда титулатура грузинских царей употреблялась сокращенно, то она обычно принимала форму «царя абхазов».

Как уже отмечалось, наряду с новым, расширительным значением, термины «Абхазия» и «абхазы» продолжают оставаться в употреблении – и в грузинских и в иностранных источниках – и в прежних значениях. Историк Давида Строителя рассказывает, что царь Георгий I «перешел через лихскую гору и уехал в Абхазию»¹, разумея под «Абхазией» Западную Грузию. В том же смысле он употребляет этот термин и в других местах своего сочинения. Византийский историк XI в. Георгий Кедрен называет Баграта IV царем («архегон») Ибери (Восточной Грузии) и «Абхазии» (Западной Грузии)².

Вместе с этим термин «Абхазия» и «абхазы» употреблялись по-прежнему и в узком смысле, разумеющем собственно абхазов и Абхазию. Например, в словах летописца времен Георгия Лаши – при царе Георгии III «Абхазия, Сванетия и все Самокалако пребывали в спокойствии»³ – имеется в виду не вся Западная Грузия, а собственно Абхазия, поскольку наряду с нею здесь названы другие области Западной Грузии – Сванетия и Самокалако (позднейшая Нижняя Имерети). В словах автора летописи «История и восхваление венценосцев» (первая половина XII в.): «Собрал он всю Сванетию, Абхазию, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквели и Аргвети»⁴ – перечислены все области Западной Грузии того времени, в том числе названа и собственно Абхазия. Тот же автор, говоря о народностях и племенах, входивших в состав единого Грузинского царства, перечисляет обитателей Западной Грузии в следующем порядке: абхазы, сваны, мегрелы, гурийцы, рачинцы, такверцы и маргуетцы»⁵. Совершенно очевидно, что в данном случае летописец под термином «абхазы» подразумевает не население всей Западной Грузии или тем более, всего Грузинского царства, а обитателей собственно Абхазии, т. е. употребляет его в узко этническом смысле.

¹ «Жизнь Грузии», стр. 382.

² См. Ив. Джавахишвили, История груз. народа, т II стр. 147.

³ «Жизнь Грузии», стр. 367.

⁴ «История и восхваление венценосцев», перевод К. Кекелидзе, 1954, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 58.

Таким образом, приведенные выше материалы свидетельствуют, что термины «Абхазия» и «абхазы» в XI–XIII вв. употреблялись в трех смыслах, которые обозначали: 1) собственно Абхазию и абхазскую народность; 2) Западную Грузию и ее обитателей и 3) всю Грузию и ее население в целом.

Распространение терминов «Абхазия» и «абхазы» на всю Грузию и ее население являлось, в конечном итоге, отражением той выдающейся роли, которую сыграло Абхазское царство в борьбе за объединение феодальной Грузии.

4. Абхазия в составе Грузинского многонационального государства (XI – начало XIII вв.)

Территория современной Абхазии входила в состав единого Грузинского царства в виде трех отдельных административных единиц – эриставств (как и прежде – в период существования Абхазского царства). Южная часть Абхазии (примерно, часть Очамчирского и Гальский район) входила в состав Бедийского эриставства, простиравшегося и дальше на восток. Северная часть нынешнего Очамчирского района, а также территория Гульрипшского и Сухумского районов (частично и Гудаутского) составляли Цхумское эриставство. Дальше, к северо-западу, вплоть до Никопсии простиралось собственно Абхазское эриставство.

Однако при царице Тамаре (1184–1213 гг.) порядок разделения Западной Грузии («Имерети») на эриставства был, как видно, несколько изменен. Автор «Истории и восхваления венценосцев» свидетельствует, что «в Имерети, за Лихскими горами», в начале XII в. были следующие эриставства: Сванетия, Рача и Таквери, Цхумское, Аргвети и Одиши¹. По-видимому, имело место объединение некоторых эриставств в более крупные административные единицы. В частности, можно считать, что было упразднено так называемое эриставство Абхазия, а его территория присоединена к Цхумскому эриставству. Южная часть территории современной Абхазии была включена, по всем данным, в эриставство Одиши, так как во главе его стояли эриставы Бедиани², имевшие, как видно, резиденцию в Бедиа, на что указывает их фамильное наименование.

При объединении Цхумского и Абхазского эриставств в одну административную единицу исходили, надо полагать, из этниче-

¹ «История и восхваление венценосцев, 1954 г., стр. 38.

² Там же.

ского принципа, поскольку оба этих эриставства были в основном населены абхазами. Одним из косвенных подтверждений этого может служить то обстоятельство, что во главе Цхумского эриставства при царице Тамаре стоял феодальный род Шервашидзе (Чачба)¹, который впоследствии, как известно, возглавлял Абхазское феодальное княжество.

Эриставы в подчиненной им административной области являлись верховными правителями, осуществляя в ней гражданскую и юридическую власть². Хотя по своему положению они являлись царскими чиновниками, но всячески стремились превратить ее в наследственную в своем роду. Этого добивались, в частности, и цхумские эриставы Шервашидзе.

Главной обязанностью эриставов было поддерживать общественный «порядок» в своем эриставстве в интересах господствующего класса. Они обязаны были также следить за нормальным поступлением государственных доходов и по первому требованию царской власти поставлять военные ополчения. Эриставы принимали участие в решении всех важнейших государственных дел в царстве.

Эриставства западной части Грузинского царства, в том числе и Цхумское, как видно, не прямо подчинялись центральной царской власти, а находились в непосредственном ведении министра царского двора (мсахуртухуцеси), являвшегося в Западной Грузии царским наместником. Автор «Истории и восхваления» указывает, что при царице Тамаре министру двора Вардану Дадиани «принадлежали по ту сторону Лихских гор Орбети и Каэни, по эту же сторону – земли до самой Никопсии»³.

Единое Грузинское царство не было, как мы видели, строго централизованным государством, поскольку, в конечном итоге, экономическая база, на которой покоилось единство объединенной Грузии, не была настолько прочной, чтобы основательно скрепить это политическое единство. Сидевшие на местах эриставы и крупные дидебулы всегда стремились использовать любые обстоятельства, чтобы поколебать это единство и освободиться от центральной власти царя.

¹ «История и восхваление венценосцев», стр. 38.

² О правах и обязанностях грузинских эриставов в период существования единого царства см. И. А. Джавахишвили, История грузинского права, ч. 2, стр. 201–212.

³ «История и восхваление венценосцев», стр. 48.

Ближайшие преемники Баграта III (Георгий I, Баграт IV, Георгий II) в течение почти всего XI столетия вели упорную борьбу за сохранение внутреннего единства государства как против внутренних врагов (дидебулов), так и против внешних захватчиков. Сепаратистские тенденции беспрерывно проявляли все части феодальной Грузии. Характерна в этом отношении та династическая борьба, которую вел против царя Баграта IV (1027–1072 гг.) его младший брат Дмитрий.

Царевич Дмитрий был сыном Георгия I от его второго брака с осетинской царевной, которую, по свидетельству византийского историка Георгия Кедрена, звали Алдой¹. После смерти Георгия (1027 г.) Алда со своим малолетним сыном проживала в Абхазии, в городе Анакопии.

Вокруг Дмитрия стали группироваться оппозиционно настроенные по отношению к центральной власти феодальные элементы. Около 1032 г. ими был организован заговор, ставивший своей целью свергнуть Баграта IV с престола и воцарить юного Дмитрия. Поскольку центром заговора была Анакопия, то, можно полагать, что в антиправительственном заговоре приняли активное участие и отдельные абхазские феодалы.

Как сообщается в «Матианэ картлиса», «азнауры вели переговоры» с Алдой и Дмитрием, однако они «не сумели ни воцарить (Дмитрия), хотя очень этого желали, ни изгнать царя Баграта и его мать, ни главных дидебулов его царства»². Летописец рассказывает далее, что Дмитрий не рискнул после этого оставаться в Грузии и отправился «к царю греков», т. е. в Византию, и сдал Анакопию византийцам. «Отныне царь абхазов лишился Анакопии»³.

Заговор сторонников царевича Дмитрия против Баграта IV представлял собой типичное выступление партикулярно настроенных феодалов против центральной власти. Заговорщики ставили своей целью лишить власти такого энергичного царя, каким был Баграт IV, и воцарить несовершеннолетнего Дмитрия, которого они, несомненно, надеялись превратить в свое послушное орудие. Для достижения своей цели они не остановились и перед обращением за поддержкой к внешним захватчикам, в данном случае к византийцам. В силу этого заговор, направленный против централизованной политики Баграта IV, носил реакционный характер.

¹ См. И. Джавахишвили, История груз. народа, т. II, стр. 138

² «Жизнь Грузии», стр. 295.

³ Там же.

Неудача замысла феодальной оппозиции объясняется, надо полагать, тем, что она не нашла в стране достаточной социальной опоры, поскольку широкие общественные слои, в том числе и народные массы, не были заинтересованы в восстановлении внутренней политической раздробленности, а, наоборот, явились сторонниками укрепления центральной власти и установления в Грузии твердых государственных порядков. На это указывает, в частности, и бегство царевича Дмитрия в Византию.

«Эмиграция Дмитрия в Грецию оказалась выгодной для Баграта в том отношении, что этим он избавился от опасного соперника на территории Грузии»¹. Летописец замечает, что после бегства Дмитрия в Византию Баграт IV основательнее подчинил себе «верхнюю и нижнюю части своих владений»².

Однако Баграт не имел возможности сразу же приступить к освобождению Анакопии от византийских захватчиков, поскольку в тот период он был занят борьбой против тбилисского эмира, а впоследствии ему снова пришлось вести упорную борьбу с клдекарским эриставом Липаритом Багваши, который пользовался поддержкой внутренних реакционеров и византийских захватчиков. Все это оттягивало освобождение Анакопии.

Приблизительно в 1044–45 гг.³ Липарит «вывел из Греции Дмитрия, брата Баграта, с войсками греческого царя. К нему присоединились некие дидебулы и азнауры. Прошли они через верхнюю страну и вступили в Картли, где осадили Атени, разоряя картлийские земли»⁴. Однако повстанцам и интервентам не удалось захватить крепость Атени, ввиду стойкости ее защитников. Византийские войска были вынуждены в конечном итоге вернуться в свою страну и увезти с собой Дмитрия⁵. Мать Дмитрия, царица Алда, бежала со своим внуком Давидом (сыном Дмитрия) из Анакопии в Осетию⁶. Что же касается Липарита Багваши, то ему пришлось помириться с Багратом, и он был утвержден им эриставом Картли⁷.

¹ И. Джавахишвили, История груз. народа, т. II, стр. 138.

² «Жизнь Грузии», стр. 296.

³ И. Джавахишвили, История груз. народа, стр. 141.

⁴ «Жизнь Грузии», стр. 298.

⁵ Там же.

⁶ Давид Дмитриевич впоследствии женился на одной осетинской царевне и положил начало роду осетинских Багратионов, от которого происходил Давид Сослани, второй муж царицы Тамары. (См. К. Кекелидзе, Этюды, т. IV, стр. 2).

⁷ «Жизнь Грузии», стр. 298.

Только после этого Баграт IV получил возможность предпринять энергичную попытку изгнать византийцев из Анакопии. По мнению И. А. Джавахишвили, Баграт приступил к осаде Анакопии весной 1046 г.¹

Во время осады Анакопии, как сообщает автор «Матианэ картлиса», Баграту сообщили, что умер тбилисский эмир Джафар и старейшины города предложили ему овладеть Тбилиси. Тогда Баграт оставил для продолжения осады Анакопии «абхазские войска», как говорит летописец, во главе с эриставом Куабулели Отаго Чачасдзе (quabulel WaWas Ze oTaRo), а сам уехал в Кутаиси, где собрал местные ополчения и двинулся с ними в Картли².

Употребление автором «Матианэ» выражения «абхазские войска» (“afxazeTis laSqari”) свидетельствует о том, что главную роль в борьбе против византийских захватчиков, укрепившихся в Анакопии, играло местное абхазское ополчение.

Летописец, к сожалению, не сообщает, чем закончилась предпринятая Багратом осада Анакопии. По-видимому, грузино-абхазское ополчение не сумело овладеть крепостью, поскольку положение центральной власти в последующем значительно осложняется бесконечной внутренней и внешней борьбой.

Окончательно Анакопия была отвоевана у византийцев лишь позднее, в годы правления сына и преемника Баграта IV Георгия II (1072–1089 гг.). Автор «Матианэ картлиса», завершая свое повествование рассказом о царствовании Георгия II, пишет: «И после этого (были освобождены) захваченные греческими насильниками крепости. Была отобрана у греков Анакопия, главная среди крепостей Абхазии (“Tavadi cixeTa afxazeTisaTa”), и многие крепости Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артани»³.

Кроме византийских поработителей, феодальной Грузии приходилось вести упорную борьбу за свою независимость и против других иноземных захватчиков, стремившихся овладеть страной. Наибольшую опасность для Грузии и других народов Закавказья во второй половине XI в. представляли турки-сельджуки, которые осуществляли в Передней Азии, а также по отношению к Закавказью ярко выраженную агрессивную политику. Уже в 60-х годах XI в. по указанию турко-сельджукского хана Тогрул-бека, а затем его преемника Алпарслана совершались разорительные вторжения в

¹ И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 142.

² «Жизнь Грузии», стр. 299.

³ «Жизнь Грузии», стр. 317.

Закавказье, в частности в Грузию. «Опустошительные набеги простирались до Абхазии при подошве Главного Кавказского хребта и до Байбурта в истоках Чороха»¹. Хотя территория собственно Абхазии избежала непосредственных вторжений турок-сельджуков, но соседние с ней области Западной Грузии подверглись основательному разорению.

Особенно губительным по своим последствиям было вторжение турок в Грузию в 1080 г., которое вошло в историю под названием «большого нашествия турок» (“*didi Turqoba*”)². Историк Давида Строителя рассказывает, что царь Георгий II накануне турецкого нашествия «бежал через Аджарию в Абхазию», а турки, преследуя его, вторглись в Западную Грузию и подвергли опустошительному разорению Аджарию, Аргвети, Самокалако и Чкондиди, опустошив до этого ряд областей Восточной Грузии³.

Тем не менее турко-сельджукским захватчикам в Западной Грузии не удалось удержаться. С наступлением зимы они покинули ее и попытались закрепиться в Восточной Грузии. Они прочно овладели значительной частью Картли и городами Тбилиси, Рустави и Самшвилде. Поэтому царь Георгий «перевалился в Абхазию, где меньше приходилось испытывать страх перед турками и их крепостными гарнизонами»⁴.

Несмотря на то, что Абхазия, как уже отмечалось, не испытала непосредственного вторжения турок-сельджуков, но тяжкие последствия их хозяйничанья в Грузии отразились и на ее положении. Однако абхазы вместе со всем населением Западной Грузии вели, несомненно, активную борьбу против турко-сельджукских захватчиков, в результате которой им так и не удалось установить свое господство над западной частью Грузинского государства.

К началу XII в. в Грузии были достигнуты значительные успехи в деле укрепления централизованной государственности и борьбы против внешних захватчиков. Царь Давид Строитель 1089–1125 гг.), опираясь на социальные слои, заинтересованные в объединении страны, – мелких феодалов торгово-ремесленные элементы городов и свободное крестьянство, – провел ряд важных мероприятий по укреплению феодального общества. Эти мероприятия сводились к двум основным задачам – упрочение внутреннего

¹ Ф. Успенский, История Визант. империи, т. II, стр. 87.

² «Жизнь Грузии», стр. 320.

³ «Жизнь Грузии», стр. 319–320.

⁴ Там же, стр. 331.

ГРУЗИЯ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

кипчаки
(половцы)

Каспийское море

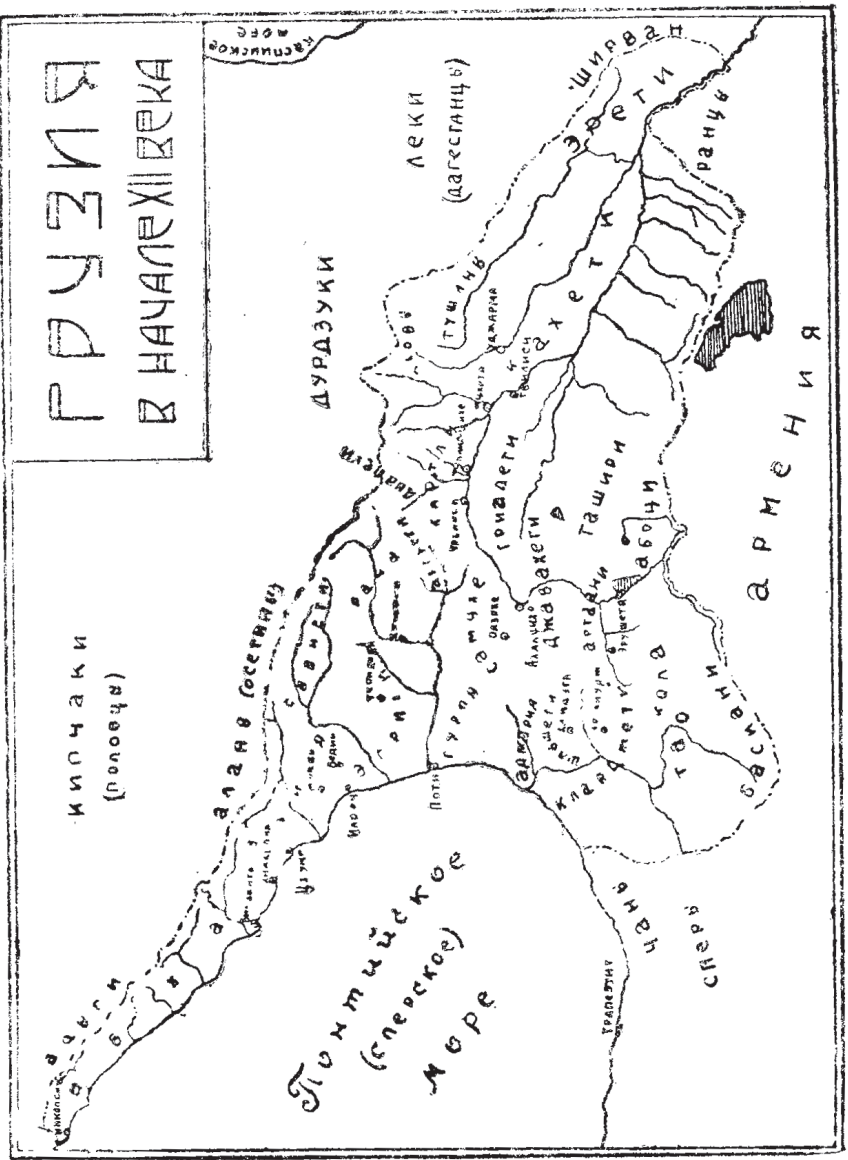
Леки
(Дагестань)

Дурдзуки

Ширван
Эфети
ранчу

Помтийское
(сперское)
море

Армения

единства государства и централизация управления. Давид жестоко расправлялся с крупными феодалами, не останавливаясь перед конфискацией их владений и изгнания из страны наиболее строптивых.

Однако крупные феодалы и при Давиде Строителе рисковали иной раз выступать в защиту своих сепаратистских интересов. Такое выступление имело место и в Абхазии в начале 1121 г., когда Давид готовился к решающим схваткам с турками-сельджуками. Историк Давида Строителя сообщает, что для подавления мятежа Давид направился в Абхазию, дошел до Пицунды и «управился с делами тамошними: достойных осыпал милостями, а провинившихся захватил и наказал»¹.

Далее он пишет: «Как только турки узнали, что Давид находится далеко», то они стали совершать набеги на населенные пункты, расположенные в бассейне Куры. Тогда Давид поспешно покинул Абхазию и несмотря на тяжелые условия зимы возвратился в Восточную Грузию, где развернул активную борьбу против турок².

15 августа 1121 г. в Дидгорских горах, близ Манглиси грузинское войско во главе с Давидом наголову разбило многотысячные полчища сельджукско-мусульманских владетелей, сделавших отчаянную попытку сокрушить грузинское государство. В дидгорской битве принимали участие ополчения со всех частей феодальной Грузии, в том числе и из Абхазии. Дидгорская победа сорвала эту попытку и обеспечила нормальное развитие грузинского общества на длительный период. В 1122 г. захватчики были изгнаны также из Тбилиси, который вскоре же был превращен в столицу царства.

Энергичные меры, принятые Давидом Строителем с целью обуздания непокорных дидебулов дали, как видно, положительные результаты. Долгое время после этого крупные феодалы Грузинского царства не решались на сколько-нибудь серьезное выступление против центральной власти. В частности, в период правления Георгия III (1156–1184 гг.), как сообщает летописец, «Абхазия, Сванетия и все Самокалако пребывали в спокойствии»³.

Однако феодалы Западной Грузии в первые же годы правления царицы Тамары (1184–1213 гг.) в союзе с некоторыми восточно-грузинскими дидебулами организовали самое крупное в тот период выступление против центральной власти.

¹ Там же, стр. 339.

² «Жизнь Грузии», стр. 339 и сл.

³ Там же, стр. 367.

Около 1186 г. по решению дарбази (государственного совета) Тамара вышла замуж за русского княжича Георгия (Юрия) Боголюбского. Но спустя два года она расходится с мужем и вторично вступает в брак с осетинским царевичем Давидом Сослани, а Юрий Боголюбский был отпущен в Византию¹.

Этим обстоятельством решила воспользоваться группа крупных феодалов, сторонников децентрализации страны, не без основания усмотревших в изгнании русского княжича возможность дальнейшего усиления царской власти. Руководящую роль в этой группе играл правитель Тао-Кларджети Гузан, эристав и спасалар (военачальник) Самцхе Боцо Джакели и сахуртухуцеси (министр двора) Вардан Дадиани, у которого в административном подчинении находилась, как отмечалось, вся Западная Грузия «до самой Никопсии».

Перечисленные дидебулы и их многочисленные сторонники поставили своей целью снова воцарить Юрия Боголюбского в надежде подчинить его затем своему влиянию. Эти цели были направлены против сильной центральной власти в стране и ничего общего не имели с интересами Грузии.

Вардану Дадиани, использовавшему свое должностное положение, а также партикуляристские настроения дидебулов, удалось привлечь на свою сторону значительное большинство феодалов Западной Грузии, в том числе и абхазских феодалов. Автор «Истории и восхваления венценосцев» свидетельствует, что Вардан Дадиани «собрал всю, Сванетию, Абхазию, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквери и Аргвети и присоединив санигов и кашагов, заставил дидебулов и военных этих земель присягнуть русскому князю в старании возвести его на трон»².

В 1191 г. заговорщики пригласили из Византии Юрия Боголюбского и тот явился в Самцхе, где его «встретил Боцо со своими единомышленниками. Перевалив через горы, они спустились в Гегути (близ Кутаиси)»³. Что касается Вардана Дадиани, то собранное им западногрузинское ополчение, в которое входили и отряды абхазских феодалов, он направил в Тао-Кларджети к Гузану.

Царица Тамара сделала попытку мирным путем ликвидировать реакционное выступление феодалов. Она направила в Кутаиси па-

¹ См. Ш. Месхия и Я. Цинцадзе, Из истории русско-груз. взаимоотношений, стр. 18–21.

² «История и восхваление венценосцев», стр. 48.

³ Там же.

триарха Феодора и других священников, а также привлекла к этому делу кутаисского епископа Антония Кутатели, который «не без пролития крови остался верным ей по ту сторону Лихских гор»¹. Но из этой миссии ничего не получилось.

О дальнейших событиях в «Истории и восхвалении венценосцев» рассказывается следующее: «Тем временем собралось сборище богопротивное, которое, взявшись за мечи и копья, направилось против богоносной царицы. Половина этого сборища со своим царем перешла через Лихские горы и, опустошая и разоряя Картли, дошла до Гори и Начармагеви. Другая половина, под предводительством Дадияни, перешла через «Железный Крест» и, спустившись в Цихис-Джвари, сожгла город Одзрхе. Там собрались Боцо и его приспешники из месхов. Затеявшие это дело, не спросясь бога, во имя благоденствия своих потомков, решили взять сперва Джавахети и Ахалкалаки, а потом Триалети и Сомхити. Ибо, начиная с Курд-Вачари, отложились вся Сомхити»².

После этого центральная власть предпринимает энергичные меры против восставших феодалов. Царица Тамара «приказала военному министру Гамрекели и четырем Мхаргрдзелам, равно и торельцам, верхним и нижним, отправиться и встретиться с ними в стране Джавахетской, чтобы узнать силу их, в особенности же силу божественного правосудия. Они приблизились к реке Куре, где находились и неприятели; там с ними соединились оставшиеся верными месхи. Противные стороны, подойдя к реке с той и с этой стороны, встретились на мосту, где завязался бой и началось метание стрел. В тот день они были разъединены наступлением сумерек и рекой посередине них. С наступлением ночи неприятели собрались и сказали: «Видим храбрость их войска; так как у нас нет силы и мощи сражаться с ними, отойдем к крепости и оттуда будем предпринимать вылазки, чтобы одолеть их». Бог, дарующий храбрость, вразумил войска Тамары без замедления сразиться с ними и преследовать их. Неприятели перешли мост и направилась к горе, называемой Торнадзия, предполагая там найти укрепление. Так как они там не нашли убежища, удалились оттуда и пришли в долину Ниальскую у реки Хенгри. Между Тмогви и Ерушети завязалось сражение, достойное избранных витязей имерских и амерских, напомилавшее бои древних голиафов и богатырей. Пехотинцы пустили в ход острые и отточенные стрелы, неустояющие мечи

¹ Там же.

² «История и восхваление венценосцев», стр. 49.

и поражающие копыя. Успех стал клониться на сторону богатырей и витязей Тамары. Обратив неприятелей в бегство, их убивали, ловили и забирали в плен. Среди них не было урона ни убитыми, ни ранеными, разве только ранили Ивана, сына Саргиса. После этого они возвратились веселые и радостные; пленным не причинили никакого вреда, напротив, дали им волю, вследствие их просьбы и обещания не наносить ущерба патронессе»¹.

После того, как главные силы повстанцев были разбиты, правительственным войскам легко удалось расправиться со сторонниками Юрия Боголюбского в других районах Грузии. В частности, царские войска под командованием Давида Сослани «напали на бывших в Картли неприятелей, к которым присоединились некоторые из картлийцев и множество кавказских горцев». Противники были рассеяны, а многие из них перешли на сторону Тамары, убедившись в безвыходности их положения².

После поражения явились с повинной к Тамаре и западногрузинские феодалы. Историк сообщает об этом: «Вельможи Залихской Грузии раскаялись в преступлении и умоляли о прощении. Они просили посредничества святых икон самой царицы Русуданы, католикоса, протомандатора и прочих епископов с придворными чинами»³. Несмотря на одержанную победу, центральная власть, как видно, не располагала достаточными силами, чтобы до конца расправиться с восставшими феодалами по заслугам. Поэтому царица Тамара «заверила их, что русского она отпустит без вреда и не будет вспоминать о бывшем преступлении»⁴. Определенную роль в этом сыграло, несомненно, и то обстоятельство, что Тамара все-таки принадлежала, как и восставшие дидебулы, к тому же классу грузинских феодалов.

Таким образом, реакционное восстание крупных феодалов, в котором активное участие приняли, как мы видели и абхазские «дидебулы», потерпело жестокое поражение. Одну из главных причин успешного подавления этого восстания центральной властью нужно видеть в том, что оно не получило поддержки широких народных масс, выступавших всегда против феодального партикуляризма.

В период расцвета Грузинской феодальной монархии на рубеже XII-XIII вв. абхазы играли значительную роль в многонациональ-

¹ Там же, стр. 49–50.

² Там же, стр. 50.

³ «История и восхваление венценосцев», стр. 50.

⁴ Там же, стр. 51.

ном Грузинском государстве. Ни одно более или менее важное государственное мероприятие в стране не проводилось без участия представителей Абхазии. В частности, абхазы играли активную роль во всех внешних войнах, которые вела в то время феодальная Грузия. В этой связи особо следует отметить участие абхазов в знаменитом басыанском сражении против объединенных войск мусульманских правителей Передней Азии под командованием румского султана Рукн-эд-дина (1205 г.). В этом сражении решился вопрос о независимости Грузинского государства; историческое значение басыанской битвы может идти в сравнение лишь с ролью дидгорского боя 1121 г. (см. выше).

Рассказывая об этой борьбе, автор «Истории и восхваления» сообщает, что, когда мусульманские коалиционеры двинулись из Малой Азии на Грузию, то тогда по приказу Тамары «войска имерские и амерские от Никопсии до Дербента собрались в Джавахети»¹. В составе «имерских войск» находились и абхазские воинские ополчения.

Грузинские войска под общим командованием Давида Сослани отправились навстречу наступающему противнику. По свидетельству современника, «Царь Давид хотел направиться выше, где стоял лагерь султан, в место Басыанское, известное под именем Болочерти. Приблизившись к стану султана, он увидел бесчисленное множество коней, мулов и верблюдов, палаток и украшенных коврами царских стоянок, поле не вмещало палаток и живших в них воинов, превосходящих числом грузин. Султан пребывал спокойно и безбоязненно. Давид и грузины приблизились к нему, выстроили отряды предводимые военным министром Захарию Мхаргрдзели, Шалвой и Иваном Ахалцихскими и торельцами – с одной стороны а б х а з ы и имеры, с другой-амеры-они шли тихо... Авангарды обоих войск приблизились друг к другу. Завязался жестокий и сильный бой, подобный которому имел место разв в древности. Он продолжается долго, падали с обеих сторон, но больше погибало среди султанского войска»².

Сражение закончилось полным разгромом войск мусульманской коалиции. Победа на басыанском поле спасла грузинское многонациональное государство от угрозы установления тяжело иноземного господства.

Военные ополчения из Абхазии участвовали и в борьбе грузинских войск с иноземными захватчиками, пытавшимися по-

¹ Там же, стр. 77.

² «История и восхваление венценосцев» сто 77–7.8

работать соседние народы Закавказья. В частности, в составе «имерских» войск абхазы приняли участие в борьбе против персидских поработителей, стремившихся овладеть Ширванским (азербайджанским) государством. Как рассказывает современник, царица Тамара, получив просьбу о подмоге от правителей Азербайджана, «подала им надежду на помощь и поддержку. Она издала приказ и отправила курьеров и скороходов собирать войска из Имерии и Америи. Собралось большое войско, которое расположилось отрядами; сильные и многочисленные, они заняли берега четырех рек: Куры, Алгети, Кции и Курд-Вачари, от Тбилиси до Карагаджи»¹.

Представители Абхазии находились при грузинском царском дворе и участвовали во всех важных придворных церемониях государственной важности. Например, они присутствовали при встрече иностранных государей и послов. Автор «Истории и восхваления венценосцев» следующим образом описывает прием при дворе Тамары правителей Северного Азербайджана Амир-Мирмана Пахлаванда и ширваншаха Агсартана: «Сели на золотом троне Тамара, Давид и Георгий, прославившие и высоко поднявшие величие и венценосность своего рода, виновники многих великих деяний...

Сперва, когда они выступили из города Тбилиси, направили на встречу им осов и новых кипчаков, после них – эров и кахов, затем – картлийцев, месхов и торельцев, шавшов, кларджов, таойцев, за ними – сомхитаров, а затем – а б х а з о в , сванов, гурийцев вместе с рачинцами, такверцами и маргуетцами. У дверей царской палатки, встретили их чиновники и придворные»².

В рассматриваемый период главный город Цхумского эриставства Цхуми (Сухуми) был одним из важнейших приморских центров Грузинского государства, а также, по-видимому, одной из летних резиденций царей. Автор «Истории и восхваления» сообщает, что царица Тамара летнее время проводила иногда в Цхуми. Он пишет: «Царица же Тамара зимой жила в Двине, летом в Коле и Цедис-Тба, иногда же переходила в Абхазию – в Гегути и Цхуми»³.

Основная часть территории средневекового Цхуми была расположена по левую сторону р. Беслети и на примыкающих с этой стороны к морю горах. Вахушти Багратиони о местоположении

¹ Там же, стр. 57.

² «История и восхваление венценосцев», стр. 58.

³ Там же, стр. 87.

средневекового Цхуми сообщает следующее: «К западу от Кодори течет Цхумская река (Беслети. – З. А.)... На этой реке, в горах, находится Цхуми, от которого и получила свое название река»¹.

Одной из важнейших оборонительных цитаделей Цхуми того времени был так называемый «Замок Баграта». Археолог В. Сизов, проводивший в этом районе археологические раскопки в 80-х гг. прошлого века, писал по поводу забеслетской части нынешнего Сухуми: «Историческое значение местности, где расположен замок Баграта, выясняется для меня в том смысле, что эта местность была до самого появления турок в Абхазии – центром грузинского владычества и резиденцией грузинских эриставов или наместников»².

В другом месте своего «Отчета» о произведенных им раскопках В. Сизов пишет: «Что же касается до местности, лежащей на юг от Сухума, по другую, левую сторону Беслеты и близко от ее устья, где произведены были мною раскопки у казарм, то местность эта, включая сюда и замок Баграта и ближайшие искусственно выровненные террасы гор, принадлежат средневековому христианскому Сухуму, бывшего культурным и административным центром Грузинского... владычества в том крае; оно соответствует Цхуму грузинских летописей и Акуа – абхазцев»³.

И действительно, материалы археологических раскопок, произведенных В. Сизовым, как будет показано ниже, наглядно подтверждают общий грузинский культурный облик обнаруженных памятников, что свидетельствует лишь о широком распространении грузинской феодальной культуры среди определенной части местного населения, а не о «грузинском владычестве», как это ошибочно утверждает В. Сизов.

Одним из показателей заметной роли абхазов в Грузинском многонациональном государстве является то обстоятельство, что наследник грузинского престола царевич Георгий при своем рождении (около 1193 г.) был наделен вторым именем «Лаша», которое, по словам летописца, «переводится с языка апсаров как «Просветитель» (вселенной)»⁴. Под «языком апсаров»

¹ Вахушти, Описание..., стр. 169.

² В. Сизов, Вост. побережье Черного моря, МАК, вып. II, Москва, 1889 г., стр. 45.

³ В. Сизов, цит. соч., стр. 49.

⁴ См. «Жизнь Грузии», Свод царя Вахтанга, изд. З. Чичинадзе, стр. 434.

летописец, несомненно, имеет в виду абхазский («апсуйский») язык. В данном случае к корню «а-пс» (основа самоназвания абхазов) прибавляется так называемый суффикс-детерминант «ар». Отсюда племенное название «апсар» в смысле «абхаз», употребленное древнегрузинским историком¹.

Приведенные выше данные с достаточной очевидностью свидетельствуют, что абхазы играли видную роль в политической жизни единого Грузинского царства XI–XIII вв.

5. К вопросу о происхождении феодального рода Шервашидзе (Чачба)

В рассматриваемую эпоху в Абхазии выдвигается феодальный род Шервашидзе (груз. SarvaSiZe, абх. Ачачба – Чачба), который уже в XII в. выступает как один из знатнейших дидебульских родов Грузии, представители которых занимают важную административную должность в феодальной Абхазии того времени – должность эриставов цхумских.

Первое упоминание о фамилии Шервашидзе содержится в цитированном выше анонимном историческом повествовании «История и восхваление венценосцев», написанном в 20-х гг. XIII в. Автор этого повествования, в котором излагается история царствования царицы Тамары, рассказывая о государственных мероприятиях после восшествия ее на престол (1184 г.), пишет: «Прежде всего она была озабочена избранием (достойных лиц) на должности везиров и военачальников» В числе высших государственных сановников, и в частности эриставов (правителей) отдельных грузинских областей утвержденных Тамарой в их должностях, упоминается и Д о т а г о д Ш е р в а ш и д з е (doTaRod SarvaSisZe) в качестве Цхумского эристава².

То обстоятельство, что Шервашидзе выдвигаются уже в 80-х гг. XII в. на такую высокую государственную должность, свидетельствует об их появлении на политическом поприще Грузинского феодального царства значительно раньше.

Древние фамильные документы рода Шервашидзе не сохранились и поэтому трудно установить истоки его происхождения, однако дошедшее до нас историческое предание выдвигает это

¹ Х. Бгажба, Бзыбский диалект абхазского языка, Труды Абх. инст. яз., лит. и истории, т. XXVIII, 1957 г., стр. 365.

² «История и восхваление венценосцев», стр. 38.

рода связывает с именем Давида Строителя. Это предание нашло довольно широкое отражение в опубликованной исторической литературе. Так, Д. И. Гулиа считал род Шервашидзе пришлым, «явившимся в Абхазию в эпоху Давида Возобновителя»¹, а еще раньше К. Кудрявцев в своей работе по истории Абхазии приводил «версию» о том, что «Давид Возобновитель в 1124 г. поставил в Абхазии эриставом Шервашидзе»².

Второй момент в предании о происхождении рода Шервашидзе сводится к тому, что данный род якобы происходит от правящей династии Ширванского княжества (на территории Сев. Азербайджана) – ширван-шахов. Исходя из этого предания, Д. И. Гулиа называет Шервашидзе «князьями из рода Ширван-Шаха»³.

Однако отдельные авторы стали высказывать полное недоверие приведенному выше историческому преданию. В частности К. Кудрявцев считал, что попытка феодалов Шервашидзе увязать происхождение своего рода с ширван-шахами представляет собой обычное в средневековом обществе стремление отдельных феодалов связать свой род с каким-либо знатным иностранным родом, чтобы повысить свое общественное значение⁴. И действительно, подобного рода примеры широко известны из генеалогии феодальных родов многих стран. Так, в феодальной Грузии тавады Орбелиани считали, что они происходят от китайских дворян, а тавады Цицишвили выводили свой род из Италии.

Однако, на наш взгляд, распространить это положение на вопрос о происхождении Шервашидзе вряд ли имеется достаточно оснований. Прежде всего, как выше уже отмечалось, Давид Строитель действительно проводил в Абхазии определенные мероприятия с целью более основательного подчинения ее центральной власти – «жаловал достойных и смещал провинившихся»⁵. Вполне допустимо, что Давид мог сместить прежнего эристава Абхазии, возможно, выступившего против него, и назначить новым эриставом кого-либо из рода ширван-шахов, с которыми Давид находился в родстве. Как известно, одна из его дочерей – Тамара – была замужем за правителем Ширвана. Новый эристав из рода ширван-шахов, не имея в Абхазии «местных корней», целиком должен был

¹ Д. И. Гулиа, История Абхазии, 1925 г., стр. 208.

² К. Кудрявцев, Сб. материалов по истории Абхазии, стр. 127.

³ Д. И. Гулиа, цит. соч., стр. 138.

⁴ К. Кудрявцев, цит. соч., стр. 128.

⁵ «Жизнь Грузии», стр. 339.

зависеть от царя. С другой стороны, привлекая к себе на службу ширванскую знать, Давид мог преследовать цель еще более укрепить этим вассальную зависимость Ширвана от Грузии. Подобного рода политические мероприятия Давида Строителя хорошо известны; достаточно вспомнить учрежденную им должность мцигнобартухуцеси (первого министра), которую он объединил с одним из высших духовных санов в стране – с саном Чкондидели.

На связь феодального рода Шервашидзе с ширван-шахами указывает и древнегрузинская форма их фамилии – Шарвашидзе, которое в дословном переводе означает «сын ширван-шаха» (от грузинских “SarvaSa” и “Ze” – SarvaSisZe).

Надо полагать, что именно так осмысливали эту фамилию в XII в., когда она впервые появляется в исторических источниках. В то время хорошо должны были знать генеалогию этого рода, и в таких условиях его представители не могли сфабриковать легенду о своих родственных связях с ширван-шахами, реально существовавшими в тот период и тесно связанными с Грузией, если бы этого не было в действительности.

Вместе с тем в специальной литературе высказывались также предположения о местном (абхазском или грузинском) происхождении рода Шервашидзе.

Еще акад. Н. Я. Марр допускал возможным выводить фамилию Шервашидзе от местности «Шаро», или «Шароэти», упоминаемой в «Житии Григория Хандзтийского», в котором рассказывается, в частности, о дочери «шаро-йского («шароели») государя Баграта» родом из «Абхазии» (Западной Грузии)¹. По мнению Н. Я. Марра, фамилия Шервашидзе этимологически может быть увязана с Шароели. Так, в имени «Шаро-ел-и» грузинский суффикс «ел» заменяется мегрельским суффиксом род. падежа «ши», образуя «шароши», где «о», закономерно раздваиваясь (как в абхазском), переходит в «ва» и дает в итоге «шарваши». К последнему прибавляется грузинское «дзе» (сын) и в результате образуется «Шарвашидзе»².

Можно дать и другое объяснение происхождению фамильного имени Шервашидзе в связи с названием местности Шаро. Дело в том, что мы не знаем его точного местонахождения. В частности, мы не можем сказать, была ли эта местность расположена в собственно Абхазии или в «Абхазии» в более широком смысле, т. е. на

¹ «Житие св. Григория Хандзтийского», изд. Н. Я. Марра, 1911 г., стр. 131.

² «Житие св. Григория Хандзтийского», стр. LVII

территории Абхазского царства вообще. Если Шаро (Шароэти) локализовать на территории Мегрелии, то, возможно, по-мегрельски эту местность называли «Шар-аши», откуда и могла образоваться фамилия Шарвашидзе, от мегрельской ее формы – Шарашиа. В таком виде фамилия Шарвашидзе может быть увязана с аналогичными ей по форме мегрело-лазскими фамилиями типа Багваши, Халваши и др.

В последнее время акад. АН ГССР Н. А. Бердзенишвили высказал предположение, что фамилию Шервашидзе (в частности, абхазскую ее форму – Чачба) можно увязать с именем военачальника Отаго Чачас-дзе (oTaRo WaWas-Ze), который упоминается в летописи «Матианэ картлиса» в связи с осадой Анакопии в 40-х гг. XI в.¹

Небезынтересно в этом отношении, что Чачасдзе носит имя Отагод, аналогичное, надо полагать, имени Дотагод (oTaRo → doTaRod), которое носил Цхумский эристав Шарвашиддзе, упоминаемый в «Истории и восхвалении венценосцев». В грузинской феодальной ономастике известны примеры, когда отдельные владетельные роды из поколения в поколение передавали «излюбленные» имена, характерные обычно для данного рода. Так, в роду Багратионов очень популярным было имя Георгий, у кахетинских правителей – Квирике, в роду мегрельских мтаваров Дадиани – Леван, в роду Гуриели – Маmia и т. д. Исходя из этого, можно допустить предположение, что имя Дотагод (Отаго) также считалось «родовым» у представителей фамилии Шервашидзе. Это обстоятельство, наряду с близостью фамилий (Чачасдзе – Чачба), может служить подспорьем в пользу предположения о связи Отаго Чачасдзе с абхазским феодальным родом Шервашидзе (Чачба). Тем не менее категорически утверждать о наличии такой связи нет достаточных оснований.

На чисто абхазском происхождении рода Шервашидзе настаивал, в частности К. Кудрявцев. Он писал, что «абхазская фамилия этого рода – Чачба – есть не что иное, как обабхазированная форма той джикской фамилии откуда произошел род Гечь: Че(а)-чь и «ба» – обычное окончание абхазских фамилий»². Такое положение

¹ Н. Бердзенишвили, см. «Литературули газети», 1957 г., № 6,8/11

² К. Кудрявцев, цит. соч., стр. 128. Что касается высказанного Кудрявцевым предположения, что грузинская форма «Шарашиа» могла произойти от мегрельских слов «шара» и «ваша» (там же), то оно абсолютно несостоятельно.

с лингвистической точки зрения вполне допустимо, поскольку фонема «г» в результате палатализации может преобразоваться в «ч» (г–дж; к–ч). Однако какими-либо достоверными историческими данными для увязки рода Чачба с джигетским княжеским родом Гечба (Гечьба) мы не располагаем, и подобное утверждение в лучшем случае может быть принято в виде одной из гипотез.

Тот же автор высказал и другое предположение о происхождении рода Шервашидзе. Так, он считал допустимым, что Шервашидзе могли происходить от правящей династии Абхазского царства Аносидов (или Леонидов, как их называет К. Кудрявцев). По этому поводу он писал: «Сейчас для нас совершенно темен вопрос о судьбе... представителей дома Леонидов. Вполне возможно, что от них произошли фамилии Ачба и Чачба (Шервашидзе), а, возможно, что и те и другие происходят от разных линий Леонидов. Но это положение мы можем высказать исключительно в виде предположения ни на минуту не настаивая на нем»¹.

Однако положение о чисто абхазском происхождении рода Шервашидзе, на наш взгляд, может быть подвергнуто сомнению по следующим соображениям. Грузинские формы абхазских дворянско-княжеских фамилий, как правило, непосредственно исходят из соответствующих абхазских фамилий. Примеры: Маршания – Амаршан, Иналишвили – Иналипа, Анчабадзе – Ачба, Дзяпшишвили – Дзяпшипа, Маргания – Маан и т. д. Что касается фамилии Шервашидзе, то она составляет исключение из этого правила. Абхазская форма этой фамилии (Ачачба– Чачба) ничего общего не имеет с грузинской ее формой – Шарвашидзе. Зато она кажется тесно связанной с фамильным наименованием Ачба: Ачба – Ачачба.

В этой связи интерес представляет и абхазское народное предание, подтверждающее связь этих двух фамильных именовании. В компетентной статье, анонимного автора, «Абхазы» (азега) по поводу сочинения Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» по этому вопросу читаем: «Абхазы утверждают, что Ачба на старом их языке значит князь, а Чачба (как называют по-абхазски Шервашидзе) – над князем князь»². Это предание увязывается с другим «абхазским преданием, которое гласит, что раньше Чачба (Шервашидзе) в Абхазии владычествовали Ачаа (Ачба)»³.

¹ Там же, стр. 121.

² Сб. сведений о кавказских горцах, т. VI, стр. 30.

³ Д. Гулиа, История Абхазии, стр. 208.

Исходя из этого, народное представление о «Чачба» как «князь над князем» может быть объяснено следующим образом. Родовое имя Ачба, поскольку представители этого рода (по народному преданию) главенствовали в Абхазии, могло со временем приобрести смысл титула, соответствующего званию «владельца». Такого рода примеры известны из истории феодальной Грузии: фамилия мегрельских мтаваров Дадиани осмысливалась как титул – «дадиан» (ср. выражение исторического источника: «Умер д а д и а н Манучар и вместо него дадианом стал сын его Леван»); то же самое произошло и с фамильным именем Г у р и е л и . Вполне допустимо, что и в Абхазии фамильное наименование Ачба могло подобным же образом осмысливаться как титул владельца («князя»). В конкретной форме это могло выразиться в дополнительном наращении именной основы фамильного названия «Ач», в результате чего образовалась форма Ач-ач-ба (Чач-ба), где «ба» является озвонченной формой слова «а-па» – «сын». (Подобная форма соответствует, к примеру, грузинскому слову «эриштв-эристави», т.е. «эристав над эристами»). Не исключено, что такое образование могло возникнуть при наличии нового эристава Абхазии другой (и, возможно, не абхазской) фамилии.

Однако по своему социальному облику, феодальный род Шервашидзе, как и некоторые другие абхазские дворянские роды того времени, принадлежал к феодальному классу Грузинского царства, и в этом отношении цхумский эристав Дотагод Шарвашидзе по существу мало чем отличается от названных рядом с ним Барама Варданисдзе, Кахабери, Аманелисдзе или Бедиани¹. Вместе с тем это положение отнюдь не исключает того обстоятельства, что вскоре же после своего утверждения в Абхазии Шервашидзе становятся такими же а б х а з с к и м и феодалами, какими Варданисдзе были сванскими или Бедиани мегрельскими феодалами.

6. Культура феодальной Абхазии в XI–XIII вв.

В рассматриваемый период культурное состояние Абхазии приобретает все более типичный феодальный облик, характерный для всей Грузии того времени. Это находит свое объяснение в том, что тогда Абхазия экономически и политически была связана с Грузией сильнее, чем когда-либо в предшествующую эпоху.

¹ «История и восхваление венценосцев», стр. 38.

Культурная близость Абхазии с Грузией находила свое выражение прежде всего в том, что в этот период на территории Абхазии грузинский язык является языком письменности, государственного делопроизводства и церковного богослужения. Почти все лапидарные и иные надписи из Абхазии, дошедшие до нас от того времени, высечены на грузинском языке. Приведем некоторые из них. Так, золотая чаша царя Баграта III (умер в 1014 г.) и его матери Гурандухт, которая хранилась в Бедийском храме, имеет следующую древнегрузинскую надпись: «Святая мать божия, будь ходатайницей перед сыном твоим за абхазского царя Баграта и мать его царицу Гурандухту, пожертвовавших сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию церковь». На ножке чаши написано: «Пресвятая Влахерийская богоматерь, будь помощницей мне, бедийскому митрополиту Герману Чхетидзе, удостоившему украсить ножку святой сей чаши, да будешь ходатайницей перед сыном твоим в день судный, аминь»¹. (Даты нет).

На одной из стен Лыхненского храма еще в прошлом веке была видна древнегрузинская надпись, сообщавшая о появлении кометы в 1066 г. Надпись гласила: «Христос, являешься ты блаженным богом и господином всего сущего. Это произошло от сотворения мира лета 6669, в хроникон 286 (1066 г.) в царствование Баграта, сына Георгия... В апреле месяце появилась звезда, из недра которой (исходили лучи), возвышаясь перед ней, подобно святому сиянию... Это произошло от вербной недели до воскресенья (Христово)»².

Большой интерес представляет строительная надпись, выполненная шрифтом «асомтаври», на беслетском мосте, которая гласит: «Христос, владыка, возвеличь всячески в обеих жизнях...» (конец надписи стерт). Данная надпись представляет собой замечательный образчик грузинской эпиграфики XI–XII вв.

Большое количество древнегрузинских надписей XI–XIII вв. обнаружено в районе Цебельды. Надписи высечены как «на каменных частях храмов, так и на различных предмета церковной утвари. П. Уварова в своей работе об исторических памятниках Абхазии приводит немало данных о грузинских надписях, обнаруженных ею в этом районе. Так, на одном серебряном с позолотой окладе из церкви в сел. Полтавском сохранилась «дефектная над-

¹ Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства 1875 г. стр. 3.

² Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 21-0. По вычислению астрономов, эта комета была видима 11–13 апреля 1066 г.

пись без имени создателя оной», выполненная шрифтом «асомтаврили». На остатках иконы св. Екатерины также сохранились различные надписи, в одной из которых «просят покровительства у великомученицы душе Мариамны». На обломке от металлического настила надгробья имелась такая надпись: «Оковал сию гробницу для души моей и братьев Елия...»; на другом обломке: – «О, святой Апостол господина Иисуса Христа, прими сие пожертвование от меня, эристава и сахлтухуца Абосалана, сына Иова»¹.

Таким образом, большинство обнаруженных на территории Абхазии надписей XI–XIII вв. выполнены на грузинском языке. Встречающиеся в тот период в отдельных храмах надписи на греческом языке представляют собой лишь пережиточное явление чисто культового характера.

Следует, однако, отметить, что грузинский язык получил распространение преимущественно среди абхазской феодальной знати и известной части торгово-ремесленного населения городов. Разговорным же языком коренного населения края оставался абхазский.

Большое количество христианских храмов, выстроенных в Абхазии в то время, свидетельствует о том, что феодальная культура в Абхазии носила тогда ярко выраженный христианский характер. Христианские памятники Абхазии не уступают по своему художественному значению памятникам христианской культуры других областей Грузии рассматриваемого периода.

Дошедшие до нас в различной степени сохранности памятники являются в основном культовыми сооружениями.

На рубеже X–XI вв. царь Баграт III воздвиг замечательный храм в с. Бедиа. Храм этот отличается прекрасными пропорциями; его планировка, архитектурный облик и оформление фасадов типичны для средневекового грузинского зодчества. Бедийский храм «должен быть причислен к ранним представителям того типа древнегрузинского культового сооружения, который в XI–XII вв. стал господствующим»².

Другим интересным памятником, датируемым тем же временем (рубеж X–XI вв.), является купольный продольно четырехугольный в плане трехнефный храм в Лыхнах. По своему типу этот храм напоминает некоторые храмы соседних районов Сев. Кавказа (Шоана, Зеленчук и др.), что является показателем культурных

¹ П. Уварова, «Христианские памятники Кавказа», МАК, IV, 1894 г. Москва, стр. 29, табл. X и XI.

² Н. Северов, Памятники грузинского зодчества, 1947 г., стр. 193.

связей Абхазии того периода с этими районами. В Лыхнинском и подобных ему храмах чувствуется еще заметное влияние византийской архитектуры.

Оригинальным памятником XII в. является Пицундский храм, представляющий собой трехнефную купольную церковь в форме вытянутого прямоугольника с тремя выступающими круглыми абсидами. Купол, воздвигнутый на высоком барабане, опирается на два столба и стены алтаря. Подпружные арки имеют стрельчатую форму. Стены сложены из перемежающихся рядов камня и кирпича, как в поздневизантийской архитектуре¹.

К числу типичных памятников грузинской культовой архитектуры той эпохи на территории Абхазии относится сравнительно небольшая Илорская церковь, сложенная из булыжника; «архитектурой она напоминает Хонскую церковь св. Георгия в Имерети»².

Некоторые черты грузинского архитектурного стиля наблюдаются в крепостном храме на реке Бзыбь (у шоссе моста). П. Уварова, обследовавшая этот храм, указывает: «По двум сохранившимся маленьким (начальным) сводикам в жертвеннике и в углу северной стены выносим заключение, что они, вероятно для легкости, были сложены из более легкого материала, чем остальные стены, то есть из ноздреватого известняка. То же самое замечаем в Кутаисском соборе, где сохранились подобные сводики в углу северной стороны и в дьяконнике»³.

П. Уварова обследовала развалины значительного количества маленьких церквей «вокруг Сухума и в Цебельде». Она датирует эти памятники XII–XIII вв.⁴ Опубликованные ею материалы свидетельствуют, что подавляющее большинство этих памятников носит характерные черты, присущие грузинскому зодчеству того времени.

Ряд интересных памятников грузинской культовой архитектуры обнаружил в районе Сухуми и вблизи него В. Сизов. В своей работе он писал: «На юг от казарм находится старинная кладбищенская церковь, по всему вероятно, грузинской постройки; немного далее, в ущелье, открыты недавно развалины древнего грузинского монастыря; вблизи монастыря; «Д а н д ы», в маленькой заброшенной церкви, на стенах её, находятся грузинские надписи на изображениях святых»⁵.

¹ Н. Северов, цит. соч., стр. 195.

² Д. Бакрадзе, цит. соч., стр. 74.

³ П. Уварова, цит. соч., стр. 12.

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ В. Сизов, цит. соч., стр. 38–39.

Из гражданских сооружений рассматриваемого периода необходимо, прежде всего, указать на развалины анакопийской цитадели, сохранившиеся на вершине Иверской горы в Новом Афоне. Значительная часть дошедшего до нас памятника датируется XI–XIII вв. Анакопия в тот период была одним из важнейших приморских городов Грузинского царства на территории Абхазии. Характерно, что абхазское народное предание приписывает постройку Анакопийской крепости царице Тамаре¹.

Характерным памятником данной эпохи является «Замок Баграта», расположенный в юго-восточной части Сухуми. Постройку замка народное предание связывает с именем царя Баграта III (или Баграта IV). Данная крепость представляла собой, как отмечалось, цитадель средневекового Цхуми и, в частности, охраняла порт, расположенный тогда у устья реки Беслетки. Замок был основательно укреплен как искусственными оборонительными сооружениями, так и умело использованными естественными условиями местности. По словам В. Сизова, «замок этот выдвинут вперед, как сторож, охранявший всю эту местность и зорко следивший за долиной реки Баслаты». Этот же автор пишет, что «В башне замка сохранилась дверь, вероятно, выходящая на балкон, как это случается встречать в замках Гурии»².

Из гражданских сооружений того времени следует отметить также одноарочный каменный мост через р. Беслетку, близ Сухуми. По палеографическому облику высеченной на мосте строительной надписи, его следует датировать XI–XII вв. Мост отличается исключительной прочностью и дошел до нас почти в нетронутом времени виде. Свод моста выложен крупными известняковыми плитами. Беслетский мост является замечательным образцом грузинского средневекового строительного искусства. Аналогичные мосты сохранились и в других районах Грузии – на р. Аджарисцкали, на р. Тедзамке и др.

Из других гражданских сооружений отметим возведенное не менее, чем в два приема сооружение дворцового типа в Бедиа, представлявшее собой большое каменное здание, служившее в то же время и укреплением. Это сооружение являлось, по-видимому, дворцом бедийского епископа, а возможно, и резиденцией царя или эристава. Дошедшие до нас нижние этажи дворца со сводами и колоннами являются характерными памятниками грузинской светской архитектуры того времени.

¹ ЦГИА, ф. 416, д. 1014., л. 16.

² В. Сизов, цит. соч., стр. 21.

О высоких эстетических вкусах передовой общественности того времени свидетельствуют классические образцы древнегрузинской декоративной скульптуры, сохранившиеся на некоторых архитектурных сооружениях. Таковыми являются, например, фасадные порталы и уцелевшие оконные наличники бедийского храма¹, барельефное изображение на камне фигур святого на лошади, епископа, диакона и ангела из средневекового храма близ с. Ольгинского, богатый резной орнамент на каменном иконостасе другой церкви из того же села² и др.

Из памятников ювелирного, в частности золотых дел, мастерства укажем на золотую чашу Баграта III, золотую икону св. Екатерины, церковный серебряный оклад из села Покровского, выполненных в чисто грузинском ювелирном стиле. Как отмечалось, на этих памятниках сохранились надписи, высеченные шрифтом «асомтаврули».

Ряд интересных памятников грузинского прикладного искусства обнаружил в районе Сухуми и В. Сизов. Так, например, он пишет: «К чисто грузинскому изделию, мне кажется можно отнести найденный мною здесь же круглый оловянный медальон, с изображениями на одной стороне рельефными линиями равноконечного креста, украшенного в углах перекрестия выпуклыми точками, на другой стороне же изображен всадник, по всему вероятию, св. Георгий. У края медальона вертикальная надпись из нескольких букв хуцури»³.

Из памятников живописи отметим дошедшие до нас остатки росписи внутренних стен Бедийского храма, фресковую роспись Лыхненской церкви, относящуюся к XIV в. Значительный интерес представляют цветные рисунки на керамических сосудах, обнаруженных В. Сизовым. Так на табл. II его «Отчета» воспроизведены остатки тарелки, сделанной из плотной красной глины. На тарелке изображена сцена борьбы человека с барсом. По этому поводу В. Сизов пишет: «Мотив изображения – борьба зверя с человеком – может относиться к области персидского искусства, но исполнение фигуры человека решительно удаляет Персию от этого произведения. Скорее, мне кажется, под влиянием Персии подобного рода произведения могли выходить из мастерских Тифлиса». На такую мысль его навели, в частности, сравнения этих изображений с миниатюрами древнегрузинских рукописей⁴, далее В. Сизов заключа-

¹ Н. Северов, цит. соч., стр. 193.

² П. Уварова, цит. соч., стр. 20–22.

³ В. Сизов, цит. соч., стр. 32–33.

⁴ В. Сизов, цит. соч., стр. 25.

ет, что «наивно грубый, но вместе с тем оригинальный стиль этого изображения является признаком чисто народного художественного творчества Грузии»¹.

Керамическое производство в феодальной Грузии XI–XIII вв. достигло высокого уровня. В своей монографии «Керамическое производство в Грузии XI–XIII вв.» В. Джапаридзе пишет, что грузинская керамика того времени «имеет свои собственные характерные черты, отличающие ее от керамики любой другой страны данного периода... Своеобразие грузинской керамики выявляется в формах некоторых сосудов, в орнаментальных мотивах, в распределении орнамента и красок на поверхности сосуда, в тонах и сочетании красок, и, главным образом, в том, как понимаются и трактуются мастерами художественные мотивы»².

В. Джапаридзе предполагает, что один из местных центров керамического производства находился в Сухуми. На такой вывод его навели обнаруженные в Абхазии «обломки глазурованной посуды с подглазурными грузинскими надписями»³. В связи с этим следует отметить, что, по мнению В. Сизова, обнаруженные им в Сухуми фрагменты керамических изделий XII–XIII вв. по своему стилю в общем производят впечатление «грузинского вкуса»⁴.

Приведенные выше материалы свидетельствуют, что феодальная культура достигла в XI–XIII вв. на территории Абхазии весьма высокого для того времени уровня. В этом отношении феодальная Абхазия не уступала другим областям Грузинского царства.

Здесь же необходимо указать, что в некоторых трудах по истории Абхазии содержатся неправильные установки о характере и уровне культурного развития Абхазии рассматриваемого периода. Так, например, К. Кудрявцев утверждал, что после включения в состав единого Грузинского государства Абхазия, якобы, «обращается в обыкновенную отдаленную и заброшенную провинцию вечно снедаемого раздорами Грузинского царства»⁵. В частности, по его словам, «великолепное зодчество, характеризующее Абхазию времен Леонидов, сходит почти на нет»⁶. По мнению того же автора, «падение Леонидов и воцарение Багратидов сразу же сказалось на

¹ Там же, стр. 26.

² В. Джапаридзе, цит. соч., стр. 73 (на груз. яз. с русск. резюме).

³ Там же, стр. 39.

⁴ В. Сизов, цит. соч., стр. 31.

⁵ К. Кудрявцев, Сб. материалов по истории Абхазии, стр. 122.

⁶ Там же, стр. 123.

проникновении византийского влияния на Кавказ... Уже этим показывается, как диаметрально противоположна, была политика этих династий»¹.

В свете рассмотренных нами материалов о культурном состоянии Абхазии XI–XIII вв. приведенные выше утверждения К. Кудрявцева не выдерживают никакой критики. Об этом свидетельствуют, в частности, сохранившиеся от того времени на территории Абхазии замечательные памятники зодчества и других видов искусства.

Что касается византийского влияния, то в действительности, после образования единого Грузинского царства, оно не только не растет, а заметно и быстро ослабевает. Так, в Абхазии того времени число памятников, носящих на себе черты византийского искусства, значительно уменьшается в сравнении с предшествующим периодом. Зато резко возрастает количество памятников грузинского стиля, относящихся к самым разнообразным отраслям искусства. Политика Багратионов, в частности в области культуры, ничем принципиально, не отличается от политики династии Аносидов, которая правила в Абхазском царстве (как это было показано в IV главе данной работы).

Вместе с этим следует подчеркнуть, что непосредственными создателями памятников культуры на территории Абхазии, как и во всей феодальной Грузии, являлись в основном широкие народные массы, которые выдвигали из своей среды замечательных зодчих, мастеров художественной чеканки, живописи и т. д. Единство стиля произведений культуры на территории многонационального Грузинского государства является в конечном итоге выражением содружества на культурном поприще населения всех частей этого государства, в том числе абхазов.

В заключение считаем нужным отметить, что изучению памятников феодальной культуры на территории Абхазии до сих пор, к сожалению, не уделялось достаточного внимания. Весьма желательно, чтобы соответствующие научно-исследовательские учреждения нашей республики приступили к планомерному и систематическому выявлению, фиксации и всестороннему исследованию исторических памятников Абхазии, в частности, относящихся к феодальному периоду. Это, несомненно, приведет к значительному обогащению материалами по истории средневековой Абхазии, что, при крайней скудности письменных источников, будет иметь особенно важное научное значение.

¹ К. Кудрявцев, цит. соч., стр. 121.

ГЛАВА VI

ЭТНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ АБХАЗСКОГО НАРОДА в IX–XIII вв.

1. К вопросу об этническом составе и расселении абхазов в средние века

Переходя к рассмотрению вопроса об этническом составе и расселении абхазов в рассматриваемый период, нам необходимо, прежде всего, привести некоторые сведения об историческом прошлом абазин, проживающих ныне на Северном Кавказе.

Проф. А. Генко, специально занимавшийся изучением абазинского языка, его истории и происхождения абазин, в своей работе «Абазинский язык» по поводу истории этнического термина «абазин» пишет: «Так называли представители черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая исчезнувшую ныне на Кавказе народность убыхов), объединявшиеся о б щ н о с т ь ю я з ы к а и к у л ь т у р ы и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья (нынешние Туапсинский и Сочинский районы, а также Абхазская АССР)»¹. В цитированной работе А. Генко приходит к выводу, что абхазско-абазинские наречия «в отдаленном прошлом составляли е д и н ы й в я з ы к о в о м о т н о ш е н и и к о л л е к т и в , взаимопонимание в пределах которого было значительно легче достижимо, чем в настоящее время»².

На языковое единство абазинских и абхазских диалектов указывает и проф. К. В. Ломтатидзе, которая пишет: «Тапантский диалект сохранил вместе с другими абхазо-абазинскими диалектами единый грамматический строй и основной словарный фонд. Ашхарский диалект проявляет еще большую близость к южно-абхазским диалектам»³.

¹ А. Генко, Абазинский язык, стр. 4.

² Там же, стр. 9.

³ К. Ломтатидзе, Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов, стр. 339.

Доц. Х. С. Бгажба в своей работе «Бзыбский диалект абхазского языка» на почве сравнительного анализа абхазских и абазинских диалектов также пришел к заключению, что «в более древние времена абхазы и абазины составляли одну этническую группу, представляющую единый в языковом отношении коллектив, говоривший на одном языке и имевший диалектные различия. Эти различия в диалектах, первоначально незначительные, впоследствии приобрели свои особенности. Однако и в наше время абхазо-абазинские наречия остаются весьма близкими, сохранившими общность грамматического строя и основного словарного фонда, при котором достигается взаимопонимание между представителями этих диалектов, не исключая в целом и далеко ушедшего в своем обособлении тапантского диалекта»¹.

В свете приведенных выше заключений лингвистов становится очевидной ошибочность утверждения исследователя истории абазин Л. И. Лаврова, будто «причину близкого сходства абазинского и абхазского языков следует видеть в том, что предки абазин в течение ряда столетий находились по соседству с обществом, объединявшимся в абхазскую народность, и в силу этого не могли не испытать влияния в ту пору более высокой культуры своих соседей»². Нельзя объяснять единство (а не «сходство») языка культурным влиянием, поскольку язык и культура представляют собой различные явления. Ведь речь идет не о «сходстве языков», пусть даже «близком», а именно об единстве грамматического строя и основного словарного фонда абхазских и абазинских диалектов, как это подчеркивается в приведенных выше высказываниях лингвистов.

Откуда и когда появились абазины на Северном Кавказе?

В цитированной выше статье Л. И. Лавров приводит ряд интересных материалов, подтверждающих расселение предков абазин в средневековую эпоху на побережье Северо-западного Кавказа, и приходит к следующему выводу: «Географическая номенклатура Адлерского, Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края носит абазинские следы, причем при параллельном существовании одинаковых терминов среди северокавказских

¹ Х. Бгажба, Бзыбский диалект абхазского языка, Труды Абх. инст. яз., лит. и истории, т. XXVIII, стр. 288.

² Л. И. Лавров, Обезы русских летописей, Журн. «Сов. этнография» №4 за 1946 г., стр. 164.

абазин и в упомянутых районах побережья более древними являются вторые. Данные топонимики, как и исторические предания, подтверждают, что северокавказские абазины некогда жили на Черноморском побережье, северо-западнее Абхазии. Но анализ топонимических терминов позволяет сделать еще одно предположение: предки шкаварцев (-ашхарцев) обитали примерно от Гагр до Адлера или Мацесты, а далее на северо-запад обитали предки тапантовцев»¹. В частности, Л. Лавров отмечает, что наименования абазинских феодальных родов Лоо, Кечь, Дадырквай являются производными от соответствующих топонимических терминов Черноморского побережья².

Народные предания абазин также свидетельствуют, что их первоначальным местообиталищем было побережье Черного моря, в частности и местность Вордане, северо-западнее Сочи³.

О времени и характере переселения абазин с Черноморского побережья на Северный Кавказ имеются следующие данные. Как свидетельствует Л. Лавров, «абазинские предания единодушно утверждают, что среди них тапантовцы первыми совершили переселение. Вслед за ними двинулись другие абазинские племена. Переселение, очевидно, не было стремительным и эпизодическим. Оно совершалось постепенно»⁴. А. Н. Генко также предполагал, что тапантовцев следует считать первыми переселенцами с северо-западного Кавказа. По его мнению, предки тапантовцев примерно в XII–XIII вв. спустились в северо-западные предгорья и отделились, таким образом, от основной массы абхазов, а первое положительное указание на наличие абхазо-абазинских поселений на Северном Кавказе относится к самому концу XIV в.⁵

Следовательно, поскольку предки абазин в средние века жили на Черноморском побережье Кавказа, в частности на территории нынешних Сочинского, Лазаревского и Туапсинского районов, то они занимали одну общую территорию с предками современных абхазов, которые непосредственно соседнили с областью расселения абазин.

Все это приводит к выводу, что в рассматриваемый период предки абазин и абхазов

¹ Л. И. Лавров, цит. соч., стр. 163–164.

² Там же, стр. 163.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 170.

⁵ А. Генко, цит. соч., стр. 8.

с о с т а в л я л и о д н у н а р о д н о с т ь , которая отличалась общностью (разумеется, относительной) языка и территории, а также общностью культуры и хозяйственного уклада¹. Поэтому мы не можем согласиться с Л. Лавровым в том, что абазины, якобы, «в древности являлись особым народом», а абхазами в средние века следует считать лишь обитателей позднейшей Абхазии². Для такого заключения нет никаких оснований.

Вместе с тем Л. И. Лавров правильно заметил, что в древнегрузинских источниках термином «джики» называются предки абазин³. В этой связи представляет интерес указание Вахушти на изменение значения термина «джики» в различные исторические периоды. В своем «Описании» он пишет: (Область) по ту сторону Абхазии, к западу от реки Капоэти, со времен Багратионов до нашего времени называли Джикети, но в жизнеописании Горгасала Джикетией именуется часть, расположенная к северу от нынешней Джикети, от Кавказской горы до моря⁴. Значит, в средние века, в понимании грузинских авторов, Джикия мыслилась далее к северу, за пределы Джикетии, современной царевичу Вахушти, т. е. охватывала в основном территорию, населенную предками абазин (а также садзами).

Как выше уже отмечалось (гл. III), основную роль в образовании средневековой абхазской народности сыграли абазги и апсилы. Поэтому следует признать правильным заключение Х. С. Бгажба, «что абхазцы и абазины сохранили этнические термины – «апсилы» и «абазги» – издревле до наших дней, и они идентичны их нынешним самоназваниям – апсуа и абазы»⁵.

Что касается санигов, то об их родстве с абхазами свидетельствует то обстоятельство, что в средневековых источниках они фигурируют на той территории, на которой впоследствии выступает ближайше родственное абхазам племя садзов. К названию санигов, надо полагать, восходит наименование одного из важ-

¹ Об общности культуры предков абхазов и абазин красноречиво свидетельствуют сравнительные этнографические данные, пережиточно сохранившиеся у их современных потомков. Общность хозяйственного уклада у населения приморских районов северо-западного Кавказа и побережья Абхазии в средневековую эпоху подтверждается различными источниками.

² Л. Лавров, цит. соч., стр. 162.

³ Там же, стр. 166.

⁴ Вахушти, Описание..., стр. 172.

⁵ Х. Бгажба, цит. соч., стр. 283

нейших географических пунктов на территории, населенной садзами, – «Сандрипш». Х. Бгажба по этому поводу пишет: «Мысль о принадлежности санигов к абхазским племенам, по-видимому, находит подкрепление из анализа этого аборигенного этнического термина, встречающегося у античных авторов. Несомненно, корнем этого слова является «сан», который сохранился в географическом названии Сан-дрипш или Цан-дрипш»¹.

В средневековую эпоху саниги (садзы), хотя и употребляли в быту свое особое наречие, однако в целом составляли уже этническую ветвь абхазской феодальной народности. Именно на садзов грузинские авторы позднего средневековья распространяют название «джики», а занимаемую ими территорию называют «Джикети» (например, Вахушти).

Русский генерал Филипсон, хорошо знакомый с садзами (или джигетами, как он их называет), писал о них в середине прошлого столетия: «Этот народ, говорящий чистым абхазским языком, имеет еще особенное наречие – асадзипсуа, не похожее ни на абхазский, ни на убыхский язык. Мало-помалу оно приходит к забвению; им говорит иногда чернь и то как бы украдкой от чужих людей. Вся нынешняя земля убыхов принадлежала . . . абхазам, что и весьма вероятно, потому что и в настоящее время разноплеменность и следы недавнего завоевания очень заметны в этом участке. Общество хамыш, ближайшее к джигетам, состоит из смеси адэхе с абхазским племенем, сверх того, по всей земле убыхов чернь знает асадзипсуа, о котором я выше говорил»².

Комментируя это свидетельство Г. Филипсона, Х. Бгажба отмечает, что в наречии асадзипсуа «мы имеем абхазо-абазинский диалект. Не вызывает сомнения, что само слово «асадзипсуа (асазицшэа – **З. А.**) по-абхазски значит – «абхазское наречие садзов» (буквально – «садзско-абхазский»)»³. То обстоятельство, что территория расселения садзов (историческая Санигия) была населена племенами абхазского корня, подтверждается и данными топонимики.

¹ Там же, стр. 267–268.

² Г. Филипсон, Черкесы, абезы и адэхе, Рукопись сост. в 1854 г. Хранится в библиот. им. В. И. Ленина в Москве, цит. по Х. Бгажба, Бзыбский диалект.

³ Х. Бгажба; цит. соч., стр. 290.

В частности, на этой территории мы встречаем названия рек на «та» и «цста»¹ – Мзым-та, Хос-та, Куде-цста, Мацес-та–Мане-цста (по абх. букв. «Огненная река»).

В топонимике бассейна р. Мзымта, как и по всей Абхазии, в названии гор большое место занимает суффикс «шха» (от абх. «ашха» – «гора»), а также «ра»: Псе-ашха, Ай-шха (букв. «гора Айовых»), Ачи-шха (букв. «Оленья гора»), Аштыр-дзых-ра, Ага-ра (букв. «обрыв»), Лау-ра – приток Мзымты и другие. Последнее название – Лау-ра – можно увязать с именем абазинского феодального рода Ла(о)у (– Лоо, отсюда «лоовцы»)². По абазинским народным преданиям род Лоу представляет собой ответвление абхазского феодального рода Ачба. В этой связи уместно отметить название одной из сельских общин Абжуйской Абхазии – Ч-лоу, представлявшей собой в феодальную эпоху вотчину рода Ачба.

Расселения абхазо-абазинских племен на значительной части западно-кавказского Причерноморья вплоть до позднего средневековья подтверждается и рядом исторических источников. Так, немецкий путешественник первой половины XVI в. Герберштейн свидетельствует, что в его время «афгазы» обитали даже в низовьях реки Кубани, а соседние с ними адыги (черкесы) занимали ближайшие горные районы»³. Такое отдаленное расселение абхазов (абазин) по побережью Кавказа на севере должно было иметь место еще в эпоху Абхазского царства. Л. И. Лавров правильно отмечает, что «влияние Абхазии в те времена было велико», и Абхазское царство имело «тенденцию расширения не только на юг, но и на север»⁴.

Ареал распространения абхазских племен на побережье Кавказа оставался значительно широким и в последующие века. Итальянский путешественник первой четверти XVII в. Джовани Лукка, лично побывавший на северо-западном Кавказе, сообщает, что в то время абхазские поселения тянулись на север до мыса Кодош, близ Туапсе, за которым уже начинались адыгские земли⁵. По свидетельству турецкого путешественника Евлия Челеби, побывав-

¹ Аапста – по-абх. буквально «ущелье».

² Х. Бгажба, цит. соч., стр. 294.

³ С. Герберштейн, Записка о Московских делах, СПб, 1908 г., стр. 159–160.

⁴ Л. Лавров, цит. соч., стр. 164.

⁵ Дж. Лукка, см. Записки Императорск. Одесского Общества, т. XI, 1879 г., стр. 489–492.

шего на Кавказе в начале 40-х гг. XVII в., этнографическая граница между абхазами и приморскими адыгами проходила в районе того же Кодошского сектора¹. В 20-х гг. XVIII в. Главани Ксаверио свидетельствует, что от Новороссийска до мегрельских владений «живут двадцать четыре абазинских бея»².

Даже автор середины XVIII в. француз Пейсонель, который был отлично знаком с состоянием дел на Западном Кавказе, говоря об абхазах в широком смысле, как о «народе, населяющем пространство между Черкесией и Грузией», утверждает, что абхазы жили между местечком Суджук (в районе нынешнего Новороссийска) и Мегрелией³.

Таким образом, вплоть до XVIII столетия, по свидетельству целого ряда разновременных авторов, население абхазского этнического корня занимало приморскую территорию северо-западного Кавказа до Туапсинского сектора, а отдельные их поселения, как видно, тянулись и дальше на север.

Что касается ближайших соседей абхазов на севере – адыгов (черкесов), то, по справедливому утверждению Л. Лаврова, «исторические источники до XVIII в. знают среди черкесов лишь такие племена, которые в ту пору обитали или на северной стороне Главного Кавказского хребта, или возле устья р. Кубани»⁴.

В свете этих материалов достоверный характер принимает свидетельство Г. Филипсона, что в районе поселения приморских убыхов, т. е. на территории, населенной ранее санигами-садзами-джиками, «следы недавнего завоевания очень заметны»⁵. Несомненно, что население этого района и территории вплоть до Туапсе-никопсийского сектора изменило свой этнический облик сравнительно недавно, не ранее XVIII столетия.

В южном секторе территории прежнего расселения абазин обосновались спустившиеся с ближайших горных районов убыхи, которые затем в XVIII в. и первой половине XIX в. успели частично ассимилировать коренное абхазское население этих краев. О том, что убыхи так и не успели полностью ассимилировать значитель-

¹ Ев. Челеби, Книга путешествий (см. Записки Импер. Одесск. общества истор. и древностей, т. IX–А, Одесса, 1875, стр. 178–179.

² Главани Ксаверио, Описание Черкесии, 1729 г., стр. 44.

³ Пейсонель, Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–62 гг., Краснодар, 1927 г., стр. 29.

⁴ Л. Лавров, цит. соч., стр. 165.

⁵ Г. Филипсон, цит. рукопись.

ную часть местных абхазов подтверждается и вышеприведенным свидетельством Г. Филипсона, что «во всей земле убыхов чернь знает асадзипсуа»¹.

Если территория нынешних Туапсинского, Лазаревского, Сочинского и Адлерского районов Краснодарского края еще в эпоху позднего средневековья была населена в основном абхазской народностью, часть которой в тот же период переселилась на Северный Кавказ, а оставшаяся часть с течением времени была ассимилирована пришлыми адыгами (на севере) и убыхами (на юге), то тем более абхазским по своему этническому составу должно быть население этого края и в предшествующие века, в частности в X–XII вв. Указание автора X в. Константина Багрянородного, помещая «Абасгию» на территории между Никопсией и Сотириуполем (в котором, вероятнее всего, следует видеть Пицунду), приобретает вполне реальное значение в свете приведенных выше данных, относящихся к более позднему времени. Не случайно также, что именно этот район составлял в Абхазском царстве (а затем до определенного времени в объединенной Грузии) так называемое Абхазское эриставство.

Что касается южных пределов расселения абхазов в рассматриваемый период, то они оставались в основном теми же, что и во времена Абхазского княжества, т. е. доходили, примерно до р. Галидзга. Население Цхумского эриставства в IX–XII вв. состояло из абхазов по преимуществу апсильского происхождения.

Как уже отмечалось, объединение Цхумского и Абхазского эриставств, происшедшее, по-видимому, в конце XII в. диктовалось этническим единством населения названных административных единиц.

2. Об этнической индивидуальности абхазов IX–XIII вв.

В нашем распоряжении имеется целый ряд исторических документов, с бесспорной очевидностью подтверждающих этническую индивидуальность абхазской народности в период существования вначале Абхазского царства, а затем и объединенного Грузинского государства, в состав которых входила собственно Абхазия с населением абхазского этнического корня.

Выше уже были приведены некоторые из этих документов. Напомним, что византийский писатель X в. Иосиф Генесий в своем перечислении народностей, представители которых принимали

¹ Там же.

участие в восстании Фомы Славянина (821–823 гг.), упоминает абхазов (абазгов) вместе с лазами и иберами в ряду таких народностей, как армяне, арабы, персы и др. Это значит, что для Генесия была вне всякого сомнения этническая индивидуальность абхазов, которые в этом отношении отличались от лазов, иберов и др.¹ Такое представление совершенно исключает возможность отождествления абхазов с какой-либо другой народностью.

Важные свидетельства об этнической индивидуальности абхазов содержатся и в древнегрузинских источниках эпохи единого Грузинского царства.

В частности, большой интерес в этом отношении представляют данные, содержащиеся в «Истории и восхвалении венценосцев», которая является одним из важнейших исторических источников того времени (составлен в 20-х гг. XIII в.). Поэтому мы считем необходимым подвергнуть подробному анализу содержащиеся в нем сведения об «Абхазии» и «абхазах».

Географический термин «Абхазия» автор «Истории и восхваления» употребляет в двух смыслах: для обозначения Западной Грузии и собственно, Абхазии. Причем, говоря о Западной Грузии, он обычно употребляет термин Лихт-Имерети, т. е. область по ту сторону Лихтских гор, сокращенно – Имерети. Историк пишет: «(Тамара и Давид) отправились в За-лихскую Имерию; прибыв туда, они, в заботах о припонтийских землях, вооружились хорошо, так как страна Артанского и Дзагинского ущелья равно и Палакацио были в руках турок»². В приведенной выдержке автор под «Залихской Имерией» подразумевает Западную Грузию.

В другом месте тот же автор пишет: «По временам они (Тамара и Давид – **З. А.**) отдыхали от военных походов и, веселые, направлялись, по принятому обычаю, в Имерские страны»³. Здесь «Имерские страны» опять-таки охватывают всю Западную Грузию, не исключая и собственно Абхазии.

Однако в том же источнике Западная Грузия порой именуется и «Абхазией». Например: «(Тамара) то переходила в Абхазию, распоряжаясь тамошними делами и предаваясь охоте в приятных местах – Гегути и Аджамети»⁴. Здесь, поскольку в «Абхазию» поме-

¹ «Георгика», т. IV, стр. 307.

² «История и восхваление венценосцев» (перевод и редакция К. С. Кекелидзе), Тбилиси, 1954 г., стр. 66.

³ Там же, стр. 66.

⁴ Там же, стр. 80.

щены Гегути и Аджамети, т. е. местности близ Кутаиси, автор, несомненно, имеет в виду всю Западную Грузию. Другой интересный пример такого рода мы находим на стр. 87: «(Тамара) иногда же переходила в Абхазию – в Гегути и Цхуми»¹. Упоминание Гегути, наряду с Цхуми (Сухуми), как пунктов, находящихся в «Абхазии», свидетельствует, что в данном случае под Абхазией подразумевается вся Западная часть Грузинского царства, включая и собственно Абхазию.

Наряду с употреблением термина «Абхазия» в широком значении, как уже отмечалось, автор «Истории и восхваления» пользуется этим термином для обозначения собственно Абхазии. В том месте, где автор рассказывает о восстании Вардана Дадияни против Тамары, он пишет, что Вардан «собрал всю Сванетию, А б х а з и ю, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквери и Аргвети»². Здесь перечислены все «Имерские страны», и Абхазия в том числе. Как мы видим, автор не о т о ж д е с т в л я е т Абхазию с Эгерией (Мегрелией) или какой-нибудь другой частью «Имерети», а называет ее н а р я д у с остальными областями Западной Грузии. Значит, собственно Абхазия существует как отдельная географическая единица в составе Грузинского царства.

Эта географическая единица, как уже было отмечено, в административном отношении отождествлялась, как видно из того же источника, с Цхумским эриставством. Если в только что приведенной выдержке среди отдельных провинций Западной Грузии, наряду с другими названа и Абхазия, то при перечислении эриставств автор ее же не упоминает, но зато называет Цхумское эриставство: «Эриставами в то время были: в Имерети, за Л и х - с к и м и горами: Барам Варданисдзе в Сванетии, Кахабери в Раче и Таквери, Дотагод Шарвашидзе в Ц х у м и, Аманелисдзе в Аргвети и Бедиани в Одиши»³. Здесь, как мы видим, названы Сванетия и Одиши (Мегрелия), но не упомянута Абхазия, зато, как было указано, в данном перечислении фигурирует Цхумское эриставство. Это дает нам основание отождествить его с Абхазией в географическом смысле.

Что касается этнического термина «абхазы», употребляемого в «Истории и восхвалении», то здесь он встречается т о л ь к о в у з к о э т н и ч е с к о м с м ы с л е, и понимает собственно аб-

¹ Там же, стр. 87.

² Там же, стр. 48.

³ «История и восхваление венценосцев», стр. 38.

хазов в отличие от географического термина «Абхазия», который, как мы видели, употребляется и в узком и в широком смысле. Исключение составляет лишь одно место, где Юрий (Георгий) Боголюбский назван «царем русов и а б х а з о в»¹. В данном случае под абхазами имеется в виду, конечно, все население Грузинского царства в политическом смысле. Однако для обозначения всего населения Западной Грузии термин «абхазы» ни разу не употребляется. В таком значении автор пользуется лишь термином «имеры», включая в него и н о г д а и абхазов.

Так, например, рассказывая о подготовке Грузии к борьбе с Рукн-ед-дином, историк пишет: «Тогда призвали войска имерские и амерские, от Никопсии до Дербента, и собрались в Джавахетии»². Здесь совершенно очевидно, что в числе «имерских войск были ополчения и из Абхазии, так как войска были созданы от самой Никопсии. В другом месте, где сообщается о персидском походе 1210 г., высшие государственные сановники обращаются к Тамаре: «Повели вооружиться и приготовиться всем от Никопсии до Дербента!» Когда царица выслушала (эти слова), созвала всех известнейших мужей нашего царства, и м е р о в и а м е р о в, и поставила их в известность»³. И здесь, несомненно, под «имерами» подразумевается все население западной части Грузинского царства (до Никопсии), в том числе и абхазы.

Вместе с тем термин «абхазы» автор употребляет, как мы отметили, и в узком смысле, в частности, там, где описывается встреча азербайджанских правителей. Приведем еще раз цитированое выше, по другому случаю, место: «Сперва, когда они выступили из города, направили навстречу им осов и новых кипчаков, после них – эров и кахов, затем – картлийцев, месхов и торельцев, шавшов, кладжов, таойцев, за ними – сомхитаров, затем абхазов, сванов, мегрелов, гурийцев вместе с рачинцами, такверами и маргуетцами»⁴. В данной выдержке обращает на себя внимание то обстоятельство, что абхазы упомянуты не только в ряду этнических частей грузинской (картвельской) народности (карты, мегрелы и сваны), но вместе с ними названы осетины и кипчаки (половцы). Так что здесь мы имеем дело не только с грузинскими этническими группами, но и с представителями негрузинских

¹ Там же, стр. 41.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 83.

⁴ «История и восхваление венценосцев», стр. 58.

народностей (осетины, кипчаки), к числу которых, как мы увидим, автор «Истории и восхваления венценосцев» о т н о с и т и а б х а з о в.

На такой вывод наводит следующее место из данного сочинения, где, рассказывая о продвижении грузинских войск перед ба-сианским сражением, автор пишет: «С одной стороны (шли) а б х а з ы и и м е р ы, с другой – а м е р ы»¹. Это место имеет весьма важное значение, так как оно свидетельствует, что, по мнению автора, абхазы в этническом смысле не входили в состав грузинской народности (имеры и амеры), а п р е д с т а в л я л и с а м о с т о я т е л ь н у ю э т н и ч е с к у ю е д и н и ц у. Если бы автор считал бы абхазов в этническом отношении карт-велами, то он назвал бы их не отдельно, а включил бы в состав имеров (мегрелы, сваны и западногрузинские карты).

Автор «Истории и восхваления венценосцев» сохранил нам еще одно интересное свидетельство этнической индивидуальности абхазской народности и реального существования абхазского языка в его время. Рассказывая об организации военного похода по случаю рождения наследника престола Георгия, он пишет: «Собравшись на счастье Лаши, что значит « П р о с в е т и т е л ь все-ленной», сперва направились на великий и древний город Барда»²... Таким образом, царевич Георгий при рождении получил прозвище «Лаша», которое автор счел нужным перевести (“iTargmna”) на грузинский язык – «просветитель» (“ganmanaTlebeli”), а в широком смысле второе имя Георгия осмысливалось, по объяснению историка, как «Просветитель вселенной» (“ganmanaTleblad softlisa”)³. Следовательно, автор дает понять, что «Лаша» – это негрузинское слово, непонятное читателю-грузину его времени, а поэтому он считает необходимым дать его перевод.

В изданном проф. К. С. Кекелидзе варианте «Истории и восхваления венценосцев» (груз. оригинал в 1941 г., русский перевод в 1954 г.) не указано, на каком именно языке слово «Лаша» означает «просветитель» (в смысле «блистательный») ⁴. Однако в другом варианте того же сочинения, опубликованном в «Жизни Грузии» (“qarTlis sxovreba”), изданной З. Чичинадзе в 1913 г., имеется следу-

¹ Там же, стр. 77.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 97.

⁴ «История и восхваление венценосцев», русск. перевод, 1954 г., стр. 106 (примечание К. С. Кекелидзе).

ющая, более полная редакция этого места, которая выглядит так: «Собравшись на счастье Лаши, которое переводится с а п с а р о в как «Просветитель вселенной»... (“romeli a f s a r T a e n i T a ganmanaTleblad soflisa iTargmna”)¹.

В данном случае выражение «язык апсаров» должно быть переведено как «абхазский язык», поскольку термин «апсары» является словом того же корня, что и «апсилы» или самоназвание абхазов «апсуа». Доц. Х. С. Бгажба по этому случаю пишет: «Нет сомнения в том, что племенное название а п с - и л имеет ту же основу, что и современное самоназвание абхазов – а п с у а. Данное же племенное название, но в ином оформлении – а п с - а р – мы встречаем у древнегрузинского историка... Стяженный корень пс (ср. а -пс- иа) является видоизменением п а с. На этот корень нарастают суффиксы-детерминанты – а р, – и л: а п с - а р, а п с - и л»².

Слово «лаша» действительно абхазское. Оно означает по-абхазски «светоч», «светлый»³.

В связи с этим возникает несколько вопросов. Во-первых, почему автор «Истории и восхваления» (или тот, кто его дополняет) употребляет выражение – «язык апсаров», а не прямо – «язык абхазов» (afxazTa eniTa)? – Да потому, что автор XIII в. не мог написать «язык абхазов», поскольку, как мы знаем, в его время термин «абхазы» употреблялся не только в узко этническом смысле, но и в более широком, обозначающем как население всей Западной Грузии, так и обитателей Грузии в целом. Поэтому выражение «язык абхазов» могло запутать читателя.

Во-вторых, действительно ли «апсаров» можно отождествлять с абхазами в этническом смысле? Разумеется. Вряд ли подлежит сомнению, что грузинскому царевичу (если уж ему дали прозвище негрузинского происхождения, с которым он вошел в историю) стали бы подыскивать второе имя на языке какого-нибудь неведомого «апсарского (или апсуйского) племени», обитавшего «где-то за горами», как думают некоторые. Совершенно очевидно, что прозвище царевича Георгия могло быть взято из языка того народа, который сыграл видную роль в многонациональном

¹ «Жизнь Грузии», изд. 3. Чичинадзе, стр. 434.

² Х. Бгажба, цит. соч., стр. 365.

³ Б. П. Джанашиа, Абхазско-грузинский словарь, Тбилиси, 1954 г., стр. 169.

Грузинском царстве. А абхазы, как было показано выше, вполне могли претендовать на такую оценку своей роли в истории Грузии VIII–XII вв., а поскольку слово «лаша» означает «светоч» (или «просветитель», как его переводит автор «Истории и восхваления») только на абхазском языке, а не на языке какой-либо другой народности многонационального Грузинского царства, то с полным правом мы можем сказать, что термин «апсары» «Истории и восхваления» идентичен термину «абхазы» (в узком смысле) того же источника.

И, наконец, третий вопрос, который может возникнуть в связи с выражением «язык апсаров», – это вопрос о том, не является ли данное выражение позднейшей вставкой в оригинал «Истории и восхваления венценосцев»? Отвечая на этот вопрос, мы не можем, разумеется, категорически отрицать возможность интерполяции. Но если это и так, то тот, кто сделал эту вставку, хорошо знал, на каком языке слово «лаша» означает «блистательный». Он сделал ее потому, чтобы объяснить читателю «Истории и восхваления», с какого языка это слово переводится. И, наконец, такая вставка (если она действительно имела место) могла быть внесена в текст сочинения в эпоху, близкую его автору, т. е. в ту эпоху средневековья, иначе бы интерполятор написал бы «на языке абхазов», а не «на языке апсаров», потому что в поздние века слова «апсары» в Грузии уже никто не знал, а термин «абхазы» в широком кругу употреблялся тогда лишь в узко этническом смысле.

Следовательно, выражение «на языке апсаров» разумеет язык определенной народности, а именно абхазский язык. В данном случае мы имеем важное свидетельство тому, что в Грузии XII–XIII вв. термин «апсары» употреблялся в виде синонима термина «абхазы». И это является дополнительным подтверждением того, что апсары (апсилы) сыграли, как мы предполагаем, ведущую роль в образовании абхазской феодальной народности (см. гл. III), дав свое имя и всему народу (апс-уаа) и всей стране (Апсны).

Следует в заключение подчеркнуть, что видные грузинские историки всегда считали, что в терминах «Апсария» и «апсары» следует видеть соответствие терминам «Абхазия» и «абхазы». Такого взгляда, например, придерживался М. Джанашвили¹. Того

¹ См. Вахушти, География Грузии, 1904 г., (русск. перев.), примечание на стр. 192.

же мнения был и акад. С. Н. Джанашиа. Для него не составляло сомнения, что «апсары» «Истории и восхваления венценосцев» соответствуют именно абхазам того времени, которых он считал ближайшими предками современных абхазов¹.

Таким образом, историческое произведение «История и восхваление венценосцев», автор которого является современником описываемых им событий, содержит, как мы видели, важные сведения по истории Абхазии и, в частности весьма ценные свидетельства по вопросу об этническом состоянии абхазов, того периода. Этот источник должен быть использован каждым исследователем исторического прошлого абхазов, а не игнорироваться полностью, как это, к сожалению, делают некоторые авторы, которые хотят внести коренные изменения в утвердившиеся в исторической литературе взгляды об этнической принадлежности абхазов средневековья.

Средневековые грузинские источники сохранили нам еще немало ценных сведений, свидетельствующих об этнической индивидуальности абхазов в рассматриваемую эпоху.

В этом отношении большой интерес представляют составленные в XI–XIII вв. списки народностей Кавказа и, в частности, Грузинского государства, которые были опубликованы акад. АН ГССР К. С. Кекелидзе в его работе «Вопросы классификации народов и их географического расселения в древнегрузинской письменности»². Эти «списки» представляют собой добавление грузинских писателей в перечни народов мира, составленных античными авторами.

Материал такого рода мы впервые встречаем у грузинского писателя XI в. Ефимия Афонского, который при составлении списка народов мира исходил из соответствующего сочинения Эпифана Кипрского (IV в.). В грузинский вариант этого сочинения Ефимий Афонский включает и такие народы, которых нет у Эпифана. Это преимущественно кавказские народности, в том числе и а б х а - з ы . В частности, Ефимий называет абхазов в ряду таких народностей, как осетины, джики (в данном случае черкесы) и эры³, т. е. в числе этнических общностей негрузинского происхождения.

Ефимий Афонский включает в свой список также сведения и о грузинских племенах, среди которых названы: карты, мегрелы и сваны. Ефимий упоминает также халибов, мосиников, колхов

¹ С. Джанашиа, Абхазия в I–X вв., Рукопись, хранится в Абх. инст. яз., лит. и истории.

² См. Труды Тбил. гос. Университета им. Сталина, т. VII.

³ Там же, стр. 7.

и тибаренов¹. Этих последних он объявляет потомками Яфета, в то время, как картов, мегрелов и сванов считает потомками Сима. Совершенно очевидно, что Ефимий приводит античные названия некоторых древнегрузинских племен под влиянием своего первоисточника, в силу чего мегрелы у него фигурируют отдельно от колхов.

В данном случае для нас интерес представляет то обстоятельство, что Ефимий Афонский вносит в свой список, например, мегрелов как самостоятельную этническую единицу, наряду с картами. Этим, несомненно, Ефимий хочет подчеркнуть, что карты и мегрелы являются носителями разных языков, а это и дает ему основание предоставить им отдельные места в своем списке. Ефимий не упоминает ни кахетинцев, ни месхов или гурийцев, включая их в понятие «картвели» (карты), т. к. все они говорят на диалектах одного и того же языка.

Поскольку же Ефимий Афонский особо включает в свой список абхазов, то это свидетельствует о том, что и они, по Ефимию являлись носителями особого языка, почему он и выделяет их в самостоятельную народность, как, скажем, джиков или осетин.

Другим весьма интересным источником такого рода является список народностей, составленный анонимным грузинским автором, который жил не позднее XIII в.² Этот список восходит к „Liber generationis” Ипполита Римского (III в.), известного, как отечалось, под названием «Хроники Ипполита». Тем не менее этот список является не простой копией «Хроники Ипполита», а представляет собой по существу самостоятельное сочинение, особенно в части, касающейся народов Кавказа³. Так, автор включает в свой список целый ряд народностей Кавказа, которые не названы в «Хронике Ипполита», в том числе и абхазов.

Абхазы вместе с картвелами включены здесь в общий список народов мира, в частности в ряду таких народов, как русские, индийцы, турки, арабы, персы и др.⁴

Заслуживает внимания то обстоятельство, что автор помещает абхазов в своем списке между картвелами и сванами в такой последовательности: к а р т ы (картвели), а б х а з ы , с в а н ы

¹ Там же, стр. 10.

² См. Труды. Тбил. гос. Университета им. Сталина, т. VII, стр. 12.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 12.

м е г р е л ы , д в а л ы ¹. Здесь, прежде всего, мы имеем указание на то, что перечисленные единицы являются ближайшими соседями, в частности, обитателями Грузинского государства. Кроме того, анонимный автор, так же, как и Ефимий Афонский включает в свой список не грузинскую народность в целом, а каждую из ее этнических ветвей (карты, мегрелы, сваны) в отдельности. Разумеется, что и в данном случае в основу своей классификации он также кладет языковой принцип: подобно Ефимию, автор считает мегрелов и сванов самостоятельными этническими единицами, т. к. они говорят на особых языках, отличающихся от картского языка. На этом же основании автор помещает в свой список и абхазов, говоривших на языке, который отличался от всех картвельских языков. Совершенно очевидно, что если бы абхазы XIII в. говорили бы на одном из картвельских диалектов, то автор не уделил бы им отдельного места в своей классификации народов.

То обстоятельство, что абхазы помещены между представителями этнических ветвей грузинского народа («карты, абхазы, сваны, мегрелы»), не может расцениваться как стремление автора считать абхазов составной частью грузинского народа, поскольку тут же, рядом с ними названы двалы. Так что, в более полном виде соответствующее место разбираемого источника выглядит следующим образом: к а р т ы (картели), а б х а з ы , с в а н ы , м е г р е л ы , д в а л ы. Как известно, двалы представляли самостоятельную народность, обитавшую в центральной части Главного Кавказского хребта, в районе Мамисонского перевала². Следовательно, здесь порядок перечисления объясняется не только ближайшим территориальным соседством перечисленных единиц, а главным образом тем, что абхазы и двалы являлись самыми ранними этническими компонентами, вошедшими в состав Грузинского царства на начальных стадиях его превращения в многонациональное государство, образовавшегося при ведущей роли картвельской народности.

Таким образом, приведенные выше сведения об этническом составе Кавказа, в частности Грузинского феодального государства в XI–XIII вв., со всей определенностью свидетельствуют, что в представлении грузинских авторов того периода абхазы являлись самостоятельной этнической единицей, которая в этом отношении

¹ Там же.

² См. В. Гамрекели, «Двалы и Двалетия I–XV вв. н. э.», Тбилиси, 1958 г. (Автореферат кандидатской диссертации).

отличалась от других народов Кавказа, в частности, как от картвельской народности в целом, так и от ее отдельных этнических ветвей – картов, мегрелов и сванов.

В свете и других аналогичных свидетельств, почерпнутых как в грузинских, так и иностранных источниках, положение об этнической индивидуальности абхазов в средние века не может быть подвергнуто никакому сомнению. Абхазы средневековья представляли собой этнически самостоятельную народность, которая, как мы видели, в историческом отношении была теснейшим образом связана с грузинским народом. Эта историческая связь, как уже отмечалось, еще более подкреплялась узами этнического родства, связывающими грузинский и абхазский народы.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что в политическом отношении многие средневековые авторы, как местные, так и иностранные, представляли себе абхазов так же, как осетин, двалов и др. в виде составных частей «грузинского народа» в широком смысле, т. е. в смысле одного культурно-политического объединения, возглавляемого картвельской народностью.

3. К историографии этнической истории средневековых абхазов

Литературовед П. Ингороква в своей работе «Георгий Мерчуле» подробно коснулся некоторых вопросов истории Абхазского царства, в частности, вопроса об этнической принадлежности абхазов средневековья. Вопреки своему прежнему взгляду о национальной принадлежности абхазов, в которых он правильно видел предков современного абхазского народа¹, в названной работе П. Ингороква кардинально изменил свою точку зрения и попытался доказать, что те абхазы, которые сыграли активную роль в образовании и в истории Абхазского царства, а также и многонационального Грузинского государства, являлись якобы не непосредственными предками нынешних абхазов, а «чисто грузинским племенем». П. Ингороква по этому поводу пишет: «Территория Абхазии в ту эпоху, когда возникло «Абхазское царство», т. е. в VIII в., была населена грузинскими племенами, и это не только в то время, в VIII в., но и вообще на протяжении всей древней истории, в античное время и в средние века. Абхазы и жившие в Абхазии другие племена (апсилы, мисимияне, санихи) – это были такие же чисто грузинские

¹ См. П. Ингороква, Изв. ИЯИМК, т. X, 1941 г., стр. 127.

племена, грузинского происхождения, говорившие на грузинском диалекте, как и другие грузинские племена Западной Грузии – карты, мегрелы и сваны»¹.

То же самое П. Ингороква повторяет и в других местах своей книги. Так, на стр. 146 он пишет: «Население абхазских краев, как выясняется, с самого начала принадлежало к грузинской этнической группе, и такой же грузинский характер носил этот край, в частности, в ту эпоху, когда возникло Абхазское царство Западной Грузии».

Основное соображение, из которого исходит П. Ингороква, сводится к тому, что абхазы не могли бы сыграть позитивной роли в образовании Абхазского царства и затем в объединении всей феодальной Грузии, если бы они не были грузинами по своей этнической принадлежности. По этому поводу он пишет следующее: «Период «Абхазского царства» – это есть эпоха полной и окончательной победы грузинской государственной политики в Западной Грузии. Разумеется, все это было бы странным и непонятным, если бы мы допустили бы, что «Абхазское царство» Западной Грузии образовалось якобы в результате завоевания Западной Грузии чуждым, негрузинским племенем. Однако, как мы отметили, ничего подобного в действительности не происходило; грузинское государство Западной Грузии создано грузинскими племенами и одним из этих племен было грузинское племя абхазов»².

Таким образом, П. Ингороква по сути дела отрицает возможность образования многонациональных государств в феодальную эпоху и считает, что позитивную роль в образовании того или иного государства может сыграть лишь «племя», которое этнически идентично народности, возглавляющей процесс складывания данного многонационального государства. В этом случае, по его мнению, и всякое завоевание полностью исключено: родственные «племена», мол, не станут друг друга завоевывать. К сожалению, такая методологически и фактически неправильная точка зрения П. Ингороква нашла поддержку среди некоторых ученых (правда, не историков по специальности) и поэтому нам

¹ Его же, «Георгий Мерчуге–грузинский писатель X века», стр. 116.

² П. Ингороква, «Георгий Мерчуге», стр. 117 (подчеркнуто П. Ингороква).

придется несколько подробнее остановиться на критике этих ошибочных положений (в той части, которая относится к средневековью).

Какими же данными П. Ингороква пытается обосновать свой неверный тезис о том, будто абазги-абхазы античности и средневековья не были предками современного абхазского народа, а являлись картвельским племенем?

Для этого П. Ингороква выдвигает следующие шесть «аргументов»: 1) этимология этнического термина «абасх-абазги», который он возводит к термину «месх»; 2) указания некоторых древних авторов (Геланик Метиленский. Палефат Абидосский, историки митридатых войн и Страбон), по которым, якобы, следует, что в античную эпоху на территории собственно Абхазии жили мосхимесхи; 3) этно- и топонимические факты, свидетельствующие, по его мнению, будто картвельские племена с древнейшего времени занимали почти все Черноморское побережье Кавказа; 4) сообщения средневекового грузинского историка Леонтия Мровели (Ингороква ошибочно принимает его за автора VIII в.), будто бы отождествляющего абхазов с эгрисцами; 5) ссылка на армянские средневековые источники, которые якобы не знают самостоятельного этнического термина «абхаз», а употребляют его лишь как синоним термина «егер» (мегрел); 6) топонимические материалы, весьма произвольно трактуемые. Ниже мы разберем лишь те аргументы П. Ингороква, которые имеют отношение к средневековой истории Абхазии, т. е. четвертый и пятый аргументы. Что же касается первых трех, то их критический разбор выходит за хронологические рамки данного исследования. Специально мы касаемся этого вопроса в другом месте¹.

Прежде чем перейти к разбору взглядов П. Ингороква, необходимо отметить, что тезис об отсутствии абхазов на территории современной Абхазии в средние века был выдвинут в исторической литературе еще задолго до П. Ингороква грузинским буржуазным историком Д. Бакрадзе, о чем в разбираемой книге П. Ингороква нет никакого указания. В своем труде «История Грузии» Д. Бакрадзе поставил следующий вопрос: «В то время, когда греки владели Черноморским побережьем и до X–XI вв., кто жил в нынешней Абхазии – родственники абхазов или родственники мегрелов – карт-

¹ См. нашу статью «Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века», Труды Абх. инст. яз., лит. и истории, т. XVII, 1956 г.

вель?» И, отвечая на этот вопрос, писал: «Мы думаем, что абхазы после их переселения из-за гор (mTas-iqidan), как более сильные, потеснили (“moawvnen”) мегрелов и эти последние, в силу своей слабости, уступили им свою землю. На такую мысль наводит нас один факт, приводимый Шарденом. Много времени проведенный в Мегрелии Ламберти рассказал Шардену (?!), что абхазов отделяла от мегрелов р. Кодор, что к северу от Кодора был распространен абхазский язык, а к югу – грузинский... Если после XVII в. абхазский язык так сильно потеснил мегрельский (до Ингура), то становится ясным, что абхазский язык исстари (ZvelTaganve) мало-помалу внедрялся (iWerda) в коренные земли распространения мегрельского языка (megruli enis dedamiwisa) и, как мы думаем, к которому относятся упомянутые выше памятники (имеются в виду памятники грузинской культуры X–XII вв. в районе Цебельды – З. А.), вся Цебельда и Абхазия, если не целиком, то все-таки большая часть (mometebuli nawili), была еще занята мегрельским племенем»¹.

Таким образом, если на территории Абхазии обнаружены памятники грузинской архитектуры с древнегрузинскими надписями, то, по Бакрадзе, здесь проживали грузинские (мегрельские) племена. Такая точка зрения по существу мало отличается от взглядов П. Ингороква. Разница между ними лишь в том, что, по мнению Д. Бакрадзе, абазги античности и абхазы средневековья – это предки современных абхазов, но в тот период они обитали не в Абхазии, а где-то «за горами», а П. Ингороква античных и средневековых абазгов объявляет грузинским племенем, место которых впоследствии (в XVII в.) заняло также пришедшее «из-за гор», «апсуйское племя», присвоившее себе и земли и имя «грузинского племени абхазов».

Вопросы расселения абхазов и грузин в XVI–XVII вв. на территории современной Абхазии и имевшие здесь место перемещения населения в тот период нами будут освещены в следующих главах, а теперь мы дадим лишь подробный критический анализ четвертого и пятого аргументов П. Ингороква, т. е. сообщений Леонтия Мровели и армянских средневековых авторов.

Пытаясь доказать свой тезис о грузинском происхождении средневековых абхазов, П. Ингороква, ссылаясь на Леонтия Мровели, утверждает, что абхазы, апсилы и саниги не упоминаются в сочинении Мровели, поскольку он эти племена «причисляет к

¹ Д. Бакрадзе, История Грузии, 1889, стр. 272–273.

эгрисской группе»¹. Подробный анализ этого «довода» нам необходим ввиду того, что П. Ингороква считает его «историческим показанием решающего значения».

Научная оценка сообщений Л. Мровели требует установления времени деятельности этого историка. В советской историографии принят взгляд, по которому Леонтий Мровели жил в XI веке, как это установил акад. И. А. Джавахишвили в своей работе «Древнегрузинская историческая письменность» (1918 г.).

Однако П. Ингороква, будучи не согласен с этим выводом, попытался доказать, что Леонтий Мровели являлся автором VIII в., посвятив этому вопросу специальное исследование². Одним из важнейших доводов, на который ссылался П. Ингороква для подтверждения своих выводов, было то обстоятельство, что в сочинении Л. Мровели не упомянуты якобы Абхазия и абхазы. По этому поводу он писал: «Ясно, что абхазское племя в это время не играло какую-нибудь значительную роль в жизни народов Кавказа. Исходя из этого, сочинение Л. Мровели было написано раньше, чем началось то большое движение и политическая экспансия абхазского племени, которые оставили такой большой след в политической истории древней Грузии, в результате которого абхазское племя втянулось в общую жизнь Грузии и внесло значительный вклад в дело государственного строительства древней Грузии»³. Это «абхазское племя» П. Ингороква не считал тогда грузинским по своей этнической принадлежности, равно как и абхазскую династию, о которой, в частности, он писал, что только после перенесения столицы Абхазского царства в Кутаиси «абхазская династия... огрузинивается, переходит на грузинский язык»⁴.

В действительности же Леонтий Мровели не раз упоминает Абхазию и абхазов. Так, он пишет, что Андрей Первозванный и Симон Кананит распространяли христианство в Абхазии и Эгриси»⁵. В своем описании мученичества Арчила Л. Мровели указывает, что арабы поставили Арчилу в вину его антиарабскую деятельность в «Абхазии»⁶.

¹ Д. Бакрадзе, цит. соч., стр. 181.

² П. Ингороква, Леонтий Мровели–грузинский историк VIII в. Изв. ИЯИМК, т. X, 1941 г.

³ П. Ингороква, Леонтий Мровели, стр. 127.

⁴ П. Ингороква, цит. соч., стр. 130.

⁵ «Жизнь Грузии», стр. 38.

⁶ Там же, стр. 247.

Однако отмеченные места П. Ингороква не считает подлинными в сочинении Л. Мровели. По его мнению, все эти места в «Истории» Мровели являются вставками, сделанными неким деканозом Иоанном, жившим в XI в.¹

Но это указание П. Ингороква не признано научно убедительным. Поэтому в первом томе полного академического издания «Жизни Грузии» (под ред. проф. С. Г. Каухчишвили) все места, в которых упоминаются Абхазия и абхазы, включены без изменений и каких-либо комментариев в тексте сочинения Л. Мровели. Это является вполне обоснованным, так как никаких реальных данных для того, чтобы изменять текст Л. Мровели, не имеется. Если бы даже Мровели действительно не упоминал бы абхазов, а те места, в которых они фигурируют, на самом деле оказались позднейшими вставками, принадлежащими перу другого автора, то это вовсе не дает основания приписывать Леонтию Мровели отождествление абхазов с эгрисцами. Выше мы неоднократно имели случаи приводить свидетельства различных авторов VI–XIII вв. (византийских, армянских, грузинских и др.), по которым абхазы (абазги) упоминаются наряду с эгрисцами (лазами) и никогда не отождествляются с ними э т н и ч е с к и . Дальше мы приведем и другие свидетельства, подтверждающие это положение. Почему это, спрашивается, Леонтий Мровели, будь он хотя бы автором VIII века, стал бы считать абхазов эгрисцами?

Кроме того, Л. Мровели никак нельзя признать автором VIII столетия. Не вдаваясь здесь подробнее в рассмотрение этого вопроса, поскольку он не имеет прямого отношения к нашей теме, мы ограничимся лишь указанием на то, что научный анализ исторических сведений, сообщаемых в сочинении Л. Мровели (чего, к сожалению, не делает П. Ингороква), полностью исключает возможность считать его деятелем VIII в. Достаточно указать хотя бы на то обстоятельство, что автор VIII в. никак не мог бы написать, скажем, о хазарах того, что пишет о них Л. Мровели. Подробные сведения о хазарах, которые имеются в сочинении Л. Мровели, приводят к непреложному заключению, что он не был их современником, а пишет о них на основании сведений, почерпнутых из исторических источников. Совершенно очевидно, что Л. Мровели писал свое сочинение после X века, когда хазары уже сошли с исторической арены. Итак, в своем труде «Георгий Мерчуле» П. Ингороква уже утверждает, что Мровели не упоминает об абха-

¹ Там же.

зах, поскольку считает их эгрисцами. (Этот взгляд, как мы видим, существенно отличается от того положения, которое П. Ингорква выдвинул в работе «Леонтий Мровели»). Однако в данном случае П. Ингорква упускает следующее важное обстоятельство. Л. Мровели употребляет термин «Эгриси» в двух смыслах: 1) для обозначения всей Западной Грузии («от Лихи... до реки малой Хазаретии»¹) и 2) для обозначения собственно Эгриси (Мегрелии) – территории «между Эгрис-цкали и Риони, от моря до гор, внутри которой (территории) находятся Эгриси и Сванети»². Следовательно, по Мровели, этнографически область Эгриси простиралась между Галидзгой и Риони.

Что касается сванов и Сванетии, то если исходить из соображений П. Ингорквы, Л. Мровели не должен был писать и о них, так как он и сванов, якобы, причисляет к эгрисцам, однако «страну сванов» Мровели упоминает неоднократно. В частности, границы Сванетии Л. Мровели определяет так: «(Территория) от Дидоети до Эгриси есть Сванетия»³.

Таким образом, если Л. Мровели помещает этнографическую Эгриси между Эгрис-цкали (Галидзга), Риони, Сванетских гор и Черным морем, то остается еще одна область, расположенная к северо-западу от Эгрис-цкали, т. е. Абхазия. Поэтому упоминание Абхазии в сочинении Мровели кажется нам вполне закономерным. Он считает ее самостоятельной этнической областью, входящей в состав более широкого географического понятия – «Эгриси» («от Лихи... до реки малой Хазаретии»). Вполне естественным, в таком случае, появляется у него и упоминание, наряду с эгрисцами, и абхазов, которые-де были обращены в христианство Андреем Первозванным⁴.

Если бы даже Л. Мровели и считал абхазов в этническом отношении эгрисцами, то и это не дало бы ему основания умалчивать о них. Ведь упоминает же он гардабанцев, кахов и др., хотя и считает всех их потомками Картлоса⁵.

Переоценивая значение этнических данных, содержащихся в сочинении Л. Мровели, П. Ингорква утверждает, что Мровели, якобы, дает «полную картину этно-племенного состава своей эпо-

¹ «Жизнь Грузии», стр. 5.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 27.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ Там же, стр. 8.

хи» (то есть, по Ингороква. VIII века)¹. Так ли это в действительности? Нет. Целую группу кавказских племен и народностей, в том числе предков адыгов, чеченцев, двалов и др. Мровели объединяет под одним неопределенным именем «кавказцы», не указывая конкретно, кого он именно имеет в виду под этим названием. Все народности и племена Дагестана Мровели также объединяет одним именем «леки». Аланов (осетин) он не упоминает вовсе. В его генеалогической схеме эпонимов не нашли места абхазы, сваны и многие другие.

Можно ли после этого утверждать, что Л. Мровели «с прецизионной точностью и детальностью дает полную картину этно-племенного состава Кавказа»?²

На самом деле этническая схема Леонтия Мровели представляет собой, как это показал проф. К. С. Кекелидзе компиляцию из упомянутой выше «Хроники Ипполита» (*Liber generationis*), составленной в III в. и ее армянской переработки, сделанной в 628–640 гг. неизвестным лицом.

По мнению К. Кекелидзе, генеалогическая схема Леонтия Мровели ближе всего стоит к схеме «Хроники Ипполита» и ее армянской переработке³, как это явствует из приведенной ниже сравнительной схемы обоих источников.

Леонтий Мровели	Армянская переработка «Хроники Ипполита»
Армяне (сомехни)	Армяне (вайк)
Картвелы	Виркв (иберы)
Ранцы	Албанцы (албанк)
Моваканцы	Лфикв
Эры	Маскуты
Леки	Сарматы
Кавказцы	Савроматы
Эгрисцы (мегрелы)	Аланы
	Мегрелы (егерацикв)

Таким образом, в обеих схемах при перечислении кавказских народностей мы имеем полное совпадение. На первое место

¹ П. Ингороква, цит. соч., стр. 131.

² Там же, стр. 130–131.

³ К. Кекелидзе, Этюды..., т. IV, стр. 98.

Л. Мровели, вслед за своим первоисточником, ставит армян. За ними поставлены картвелы в смысле «карты», т. е. восточные грузины (и б е р ы – «вирк»). Третью народность – а л б а н ц е в армянской переработки – Мровели обозначает именами двух ее подразделений – ранцев, живших в бассейне нижнего течения Куры, и м о в а к а н ц е в , обитавших к северу от ранцев. Л ф и к - в а м армянской переработки у Мровели соответствуют они же в грузинском названии веры. С а р м а т о в , с а в р о м а - т о в и а л а н о в армянской переработки Леонтий Мровели объединил одним именем к а в к а з ц ы , и, наконец, в с л е д з а а р м я н с к о й п е р е р а б о т к о й Л. Мровели всех обитателей Западной Грузии (в нынешних ее границах) объединяет под названием «эгрисцы», т. е. обитатели Эгриси (Лазики) в широком смысле.

Совершенно очевидно, что армянский автор VII века не мог назвать Западную Грузию «Абхазией», каковое наименование она получила с конца VIII в., а должен был назвать ее только «Эгриси», а ее обитателей – «эгрисцами» (егерацки). Под этим названием («эгрисцы») армянский автор VII века разумел не узко этническое понятие, обнимающее одну какую-либо народность, а имел в виду всех обитателей п о л и т и ч е с к о й единицы Эгриси – абхазов, апсилов, сванов, собственно эгрисцев и др., т. е. пользовался им в таком же смысле, в каком с конца VIII в. вошел в употребление термин «абхазы».

Таким образом, утверждение П. Ингороква, что Леонтий Мровели не упоминает в своей схеме абхазов, сванов и др. потому что, якобы этнически причисляет их к «эгрисской группе», не имеет под собой никакой почвы. Как мы видим, в данном случае Л. Мровели списывает свою схему у автора армянской переработки «Хроники Ипполита», внося в нее лишь некоторые несуществующие изменения, которые, впрочем, не коснулись вовсе эгрисцев, как собирательного термина, обозначающего разноплеменное население Западной Грузии того времени. В свете приведенных материалов становится совершенно ясным, что попытка отрицать этническую индивидуальность средневековых абхазов, опираясь на Л. Мровели, и считать их этнически идентичными эгрисцам или картам, обречена на неудачу. «Историческое показание решающего значения» на деле выглядит абсолютно неубедительным.

Следующий довод П. Ингороква, на котором мы считаем нужным остановиться, это его замечание о том, что средневековые ар-

мянские авторы употребляют термины «эгрисцы» и «абхазы» как синонимы и что, якобы, свидетельствует об этнической идентичности абхазов средневековья и эгрисцев. И этот довод не может выдержать критики.

Как выше уже не раз говорилось, в силу того обстоятельства, что Западная Грузия в ранний период раннефеодальной эпохи была объединена на протяжении нескольких веков в рамках Лазского царства, то всех обитателей этого царства, независимо от их конкретной этнической принадлежности, иностранные авторы нередко объединяли общим именем «лазов», «эгрисцев» или «колхов», подобно тому, как впоследствии, в поздний период раннефеодальной эпохи (в период Абхазского царства), их стали объединять под именем «абхазов».

Такое же положение имело место, в частности, и в армянских исторических источниках. Так, более ранние армянские авторы Западную Грузию называли «страной Егер» (Эгриси), а всех ее обитателей эгрисцами. Как мы видели, в таком именно смысле употребляет термин «егерацик» автор армянской переработки «Хроники Ипполита», писавший в первой половине VII века.

Некоторые армянские авторы и позднее, употребляя термин «эгрисцы», разумели под ним всю Западную Грузию. Например, когда Иоанн Драсханакертский (X век) среди народов, которые нападали на Армению в начале X в., называет и «егерцев»¹, то в данном случае он употребляет этот термин не в узко этническом смысле, а обозначает им население всей Западной Грузии.

Однако, еще задолго до образования Абхазского царства армянские писатели знали о том, что термины «егер» и «страна егер» должны употребляться и в узко этническо-географическом смысле и не смешивали их в таком понимании с абхазами и Абхазией. Выше (гл. III, параграф 1) мы уже приводили сообщения анонимной армянской географии VII века, в которой четко отделяется Абхазия (абазги и апсилы) от «страны Егер».

После же образования Абхазского царства средневековые армянские авторы, вместо терминов «Эгриси» и «эгрисцы», для обозначения Западной Грузии и ее населения все больше и больше начинают употреблять термины «Абхазия» и «абхазы». Термин «Абхазия» в смысле всей Западной Грузии употребляется, как было показано выше (гл. IV, параграф 3), в «Мученичестве святых Григория, Рипсимэ и Гаянэ», составленном не ранее IX века, у Фомы

¹ См. Г. В. Абгарян, Армянские источники об Абхазии и абхазах, стр. 38.

Арцруни (X в.), Иоанна Драсханакертского (X в.), Ухтанеса (X в.) и др. Когда же армянский автор X в. Моисей Каганкатвацци рассказывает о походе арабского полководца, Ибн-Джараха в Хазарию через «Абхазию» (в 20-х гг. VIII в.), то здесь уже имеется в виду собственно Абхазия, поскольку в то время термин «Абхазия» не обозначал еще всю Западную Грузию¹. Армянский историк XIII в. Киракос Гандзакский, рассказывая о бегстве царицы Русуданы и ее сына Давида из Тбилиси в Западную Грузию (от монголов), пишет: «Русудан, как услышала об этом, бежала в Абхазию и Сванетию»². Здесь также имеется в виду собственно Абхазия, поскольку она упомянута наряду со Сванетией. Армянский историк XV в. Фома Мецобский, перечисляя «восемь разных языков», из которых состоит «народ Грузии», называет «апхазов» наряду с мегрелами, картами, сванами, а также двалами и осетинами³. Здесь уже армянский автор под термином «апхаз» подразумевает абхазскую народность и не смешивает ее с мегрелами или картами и вообще с картвелями. Число подобных примеров можно было бы умножить.

Таким образом, утверждение П. Ингороква, что, якобы, показания армянских средневековых писателей дают основание для этнического отождествления абхазов с эгрисцами, не находит подтверждения в исторических материалах, в частности и у армянских средневековых писателей.

Употребление терминов «Эгриси» и «эгрисцы» в качестве синонимов названий «Абхазия» и «абхазы» армянские авторы допускают только лишь в широком смысле – для обозначения всей Западной Грузии и ее населения без учета его этнического состава.

Помимо исторических источников, для доказательства своего тезиса об отсутствии предков современных абхазов на территории нынешней Абхазии вплоть до позднего средневековья П. Ингороква пытается использовать также и топонимические материалы. В своей работе «Георгий Мерчуле» он помещает специальный раздел (стр. 146–188), посвященный анализу целого ряда топонимических терминов Абхазии и побережья северо-западного Кавказа (всего 136 названий). П. Ингороква утверждает, что все приводимые им географические названия принадлежат «к грузинскому языковому миру»⁴.

¹ М. Каганкатвацци, История агван, стр. 261.

² Киракос Гандзакский, История Армении, 1909 г., стр. 274.

³ Фома Мецобский, История Ленг-Тимура, Париж, 1866 г., стр. 20.

⁴ П. Ингороква, цит. соч., стр. 146.

В данном случае мы не станем вдаваться в подробное рассмотрение «специального топонимического экскурса» П. Ингороква, поскольку его научно-аргументированный критический анализ дан в статьях языковедов, специально занимающихся изучением абхазского языка. Приведу лишь их выводы по этому вопросу.

Так, проф. К. В. Ломтатидзе пишет: «На территории Абхазии мы встречаем немало топонимических названий, имеющих грузинскую этимологию (и это вполне естественно), однако здесь же богато представлены абхазские (и вообще абхазо-убыхо-адыгские) древнейшие географические названия.

Абхазское царство по своему содержанию было Грузинским царством. Иного взгляда не имел ни один серьезный исследователь, ибо данное положение с непреклонностью вытекает из соответствующих фактов. Но это вовсе не значит, что в состав этой грузинской государственной единицы не входили и в ее исторической жизни не участвовали абхазы (и племена, говорившие на абхазском языке)... Наоборот, показателем высокого уровня грузинской культуры данной эпохи является тот факт, что правители Абхазии были ее представителями и использовали грузинский язык в качестве мощного орудия культуры в соперничестве с греческим языком, имевшим до этого в Западной Грузии такое же назначение.

П. Ингороква игнорирует тот важный факт, что грузины и абхазы являются родственными народами; что их родственные языки содержат древнейший материал общего происхождения; игнорирует тот факт, что эти народы имели единую историю, которая была связана с единством их этногенеза»¹.

Доц. Х. С. Бгажба по этому поводу пишет следующее: «Названия больших рек, водных пространств и гор на рассматриваемой территории находит объяснение в основном при помощи структурных элементов абхазо-адыгских языков. Поэтому нет оснований утверждать, что древнее население этой зоны не абхазо-адыгского происхождения»². И дальше: «Специальный экскурс П. Ингороква дает извращенное освещение древней топонимики Абхазии и вообще Кавказского Причерноморья. Не учитывая сохраняющиеся чрезвычайно долго лингвистические факты (в данном контек-

¹ К. В. Ломтатидзе, О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов, журн. «Мнатоби», № 12 за 1956 г., стр. 139 (на груз. яз.).

² Х. С. Бгажба. Некоторые вопросы этнонимии Абхазии, Труды Абхазск. инст., т. XXVII, 1956 г., стр. 303.

сте абхазо-адыгских языков), автор тем самым запутал и без того сложные вопросы исторической географии и этнографии данной области»¹.

Вместе с тем Х. С. Бгажба справедливо указывает, что «Должен быть выделен топонимический слой, представленный грузинскими и занскими названиями, главным образом, от р. Кодор до р. Ингури, т. е. в современных Очамчирском и Гальском районах. В Очамчирском районе в названиях горных пространств сравнительно легко выделяется абхазский элемент, например, такие названия, как Куниашта, Сауицсара, Адэѡада, Мрамба, Чамхарахы, Ачырасра, Акармара, Ахыблаара, Мгушырхуа и т. д. Но в нижней, равнинной полосе нередко можно встретить названия рек и населенных пунктов, объяснимые при помощи картвельских языков (в первую очередь, мегрельским диалектом занского языка, издавна соседствующим с абхазским языком), например: река Цхынцкар (по-мегрельски *schenis-wyagi*, букв. «лошадиная река»), река Цкургыл (по-мегр., букв. «родник холодный»), река Аалзга – мегр. *Ralis-Zga* (букв. «берег реки») и др.

...В Гальском районе абхазский слой в топонимике редеет, уступая мегрельскому»².

Таким образом, научный анализ топонимических данных Абхазии и северо-западного побережья Кавказа как раз подтверждает показания исторических источников об этническом составе и расселении обитателей данной территории в средние века. Он свидетельствует, что большую часть территории современной Абхазии (и далее к северу) населяли в ту эпоху собственно абхазы и ближайшие родственные им другие абхазо-адыгские племена, в то время, как на значительной части южной Абхазии (в равнинных частях современных Очамчирского и Гальского районов) обитали родственные абхазам представители картвельской народности – эгрисцы (мегрелы).

¹ Там же.

² Там же, стр. 301–302.

ГЛАВА VII

АБХАЗИЯ В ПЕРИОД РАСПАДА ЕДИНОГО ГРУЗИНСКОГО ЦАРСТВА (середина XIII–XV вв.)

1. Нашествие монголов и начало распада Грузинского царства

Эпоха расцвета и политического единства грузинской феодальной монархии была в то же время кануном длительного упадка Грузии, затянувшегося на несколько столетий, вплоть до присоединения ее к России.

В начале XIII в. социальные отношения и политический строй феодальной Грузии переживали глубокий кризис. К этому времени наиболее влиятельная часть господствующего класса страны в лице дидебулов, а также большинства средних феодалов добилась полного осуществления той социально-экономической программы, которую она ставила в свое время перед центральной властью, – закрепление в наследственное владение за ними находившихся в ее распоряжении земельных фондов и окончательного прикрепления к ним непосредственных производителей. К концу XII в. в ведущих районах Грузии побеждает крепостничество, то есть такая форма феодальных производственных отношений, при которой уже достигнута ступень всеобщего закрепощения крестьян. Общественный слой свободных крестьян-земледельцев почти полностью исчез.

После того, как центральная власть сыграла свою роль, она, с точки зрения значительной части господствующего класса, становится уже излишней; дидебулы и эриставы в своем стремлении добиться политического иммунитета не только не поддерживают централистических мероприятий царской власти, но всеми мерами препятствуют их проведению. Таким образом, центральная власть начинает терять свою основную социальную опору.

Вместе с тем, в связи с победой крепостничества, царская власть потеряла и такой важный источник воинских резервов, как свободное крестьянство, которое раньше, в период борьбы за объединение Грузии, будучи заинтересованным в ликвидации феодальной анархии в стране, сыграло значительную роль в деле установления и укрепления государственного единства. Закрепощенные потомки свободных крестьян – «молашкре» (воинов) пребывали ныне не только в социальном, но и в политическом подчинении у отдельных феодалов.

Что же касается такой общественной опоры царской власти как торгово-ремесленные элементы городов, то эти последние, несмотря на существенные успехи, которых они достигли в своем развитии, не были еще политически настолько сильными, чтобы составить достаточное препятствие сепаратистским устремлениям крупных феодалов страны. К тому же многие города, такие как Цхуми, Ахалцихе, Поти и др., находились в непосредственной власти эриставов, которым принуждены были подчиняться верхушечные слои торгово-ремесленного населения этих городов.

Все это приводит царскую власть феодальной Грузии к серьезному политическому кризису. В этот критический момент появились монгольские захватчики, в лице которых центральная власть и многонациональное население Грузии неожиданно столкнулись с могущественным противником, а крупные феодалы, наоборот, приобрели надежного союзника.

Первый, разведывательный отряд монголов вступил в Грузию в 1220 г., но он потерпел поражение и вынужден был уйти из Закавказья. В 1225 г. в Грузию вторглись многочисленные полчища хорезмийского правителя Джелал-эд-дина, изгнанного из своей страны монголами. Политическая беспечность руководителей грузинского государства привела к тому, что Джелал-эд-дин одержал победу и подверг опустошению ряд районов Армении и Восточной Грузии.

Спустя два года войска Джелала вновь вступили в Грузию. На этот раз центральная власть в лице царицы Русудан (1222–1245 гг.) решила заблаговременно призвать для борьбы с врагом «всех амеров и имеров», т. е. ополчения восточной и западной частей Грузинского царства. По сообщению летописца, против Джелала выступили представители Картли, Кахети, Джавахети, Месхети, Тао, Мегрелии, Абхазии и Джигетии¹. Однако быстрое наступление

¹ См. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. III, стр. 67.

хорезмийцев обеспечило им победу над грузинским феодальным ополчением в битве у Болниси. Лишь в 1230 г. Джелал был вынужден покинуть Грузию.

Но не успела разоренная страна оправиться от пережитых потрясений, как у ее границ вновь появились монгольские захватчики, которые теперь уже поставили своей непосредственной задачей полностью овладеть Грузией. Перед лицом грозного захватчика центральная власть оказалась бессильной организовать достойное сопротивление. Сразу же подняли голову внутренние противники существующих порядков, которые явились активными пособниками захватчиков¹.

Не встречая серьезного сопротивления, монголы к 1240 г. овладели всей Восточной Грузией. Центральное правительство еще до этого было вынуждено перебраться в Кутаиси и вскоре признало факт подчинения страны монголам, хотя последние, по условиям заключенного договора, непосредственно на территорию Западной Грузии не вступили. Грузия обязывалась уплачивать монголам большую дань в размере 50 тыс. золотых в год.

Утвердившись в Грузии, монгольские захватчики, не посягая формально на ее внутреннее самоуправление, внесли тем не менее существенные изменения в ее административное деление. Они разделили страну на восемь военно-административных округов (думенов): шесть в Восточной Грузии и два округа – в Западной. Территория Абхазии была включена в думен, во главе которого был утвержден Цотне Дадиани. Но деление Грузии на думены существовало недолго.

Монгольские поработители вскоре после утверждения своего владычества стали подвергать покоренное население жестокому гнету, чем, разумеется, вызвали резкое недовольство среди широких народных масс.

В 1246 году ряд крупных феодалов Грузии, опасавшихся за свои социальные привилегии, собрался в Кохтас-тави (Джавахети) и вынес решение организовать массовое восстание, чтобы свергнуть монгольское иго.

В подготовке этого восстания принимали активное участие и представители Абхазии. Грузинский анонимный историк эпохи монгольского владычества сообщает, что для участия в восстании «собрались далеко живущие абхазы, Дадиани Цотне, Бедиани... и рачинский эристав. Все они выступили в полной готовности»².

¹ История Грузии, под ред. Н. А. Бердзенишвили, 1958 г., стр. 147.

² «Жизнь Грузии», изд. З. Чичинадзе, 1913 г., стр. 547.

Однако монголам, как видно, заблаговременно удалось узнать о подготавливавшемся восстании и все его организаторы были арестованы. Первая попытка вступить в активную борьбу с монгольскими насильниками была, таким образом, сорвана.

В 1249 г. монголы утвердили на грузинском престоле двух царей – Давида Георгиевича (Улу-Давида) и Давида Русудановича (Давида Нарина). Оба царя в течение 10 лет правили Грузией (под контролем монголов) совместно. Поэтому, как указывал И. А. Джавахишвили, совершенно ошибочно утверждение некоторых историков, считающих, «будто сейчас же по возвращении из ставки монгольского хана недовольный Давид Русуданович укрепился в Западной Грузии и даже в Абхазии»¹.

В 1259 г. в Грузии вспыхнуло антимонольское восстание, которое возглавил Давид Нарин. Восстание в конечном итоге не увенчалось успехом. Давид Нарин отступил в западную часть Грузинского царства, где и укрепился. Монголы не решились преследовать его там, поскольку местное население активно поддерживало восставшего царя. Цитированный выше историк той эпохи свидетельствует, что, узнав о прибытии Давида Нарина, «абхазцы, сваны, Дадиани, Бедиани, Рачинский эристав и все жители Лихт-Имерети собрались с огромной радостью и объявили его царем»².

Таким образом, дотоле единое Грузинское царство фактически распалось на два самостоятельных государства – Лихт-Амерети (Вост. Грузия), где утвердился царем Улу-Давид, а затем его потомки, и Лихт-Имерети (Зап. Грузия) во главе с Давидом Нарином. Такое разделение было выгодно монгольским захватчикам, и поэтому они санкционировали его. Этим было положено начало политическому распаду грузинского феодального государства. Но в силу ряда причин этот процесс затянулся на два с половиной столетия.

Одним из свидетельств царствования Давида Нарина в Западной Грузии является надпись, высеченная по его указанию на одной серебряной иконе, хранившейся в Илорской церкви. Надпись гласит: «Святой Георгий Илорский, прославь и дай царствовать царю царей Давиду, сыну Русудан, по повелению которого окован сей образ илорского великомученика»³.

¹ И. А. Джавахишвили, История груз. народа, т. III, стр. 52–53.

² «Жизнь Грузии», там же, стр. 559.

³ А. Павлинов, Экспедиция на Кавказ, 1888 г., Материалы по археологии России, т. III, Москва, 1893, стр. 20.

Монгольское владычество имело резко отрицательные последствия в истории Грузии. Прежде всего, быстро слабела центральная власть. После фактического разделения Грузии на два царства, каждое из них, в свою очередь, дробилось на более мелкие политические единицы, составившие владетельные княжества («мтаварства»). К концу XIII в. вся Грузия представляла собой совокупность таких «мтаварств»¹. В частности, в Западной Грузии после воцарения Давида Нарина остались совершенно нетронутыми владения эриставов Сабедиано, Рачи, Сванетии, Абхазии и др. Правители этих областей – эриставы уже прочно добились признания за их родами наследственных прав на владение данными областями, являвшимися ранее обычными административными округами Грузинского царства. Монгольские власти всячески поддерживали и поощряли стремления отдельных мтаваров, направленные на укрепление их политического иммунитета.

Бесконечные поборы монгольских чиновников, тяжелая воинская повинность, начавшиеся феодальные междоусобицы и т. п. сильно затормозили хозяйственное развитие феодальной Грузии, и страна постепенно становится на путь экономического упадка². Вместо сравнительно высоких для того времени форм торгово-денежных отношений, в результате общего упадка городской жизни, торговли и сельскохозяйственного производства, постепенно оживают отсталые формы натурального хозяйства, которые всемерно способствуют развитию процесса политической децентрализации страны.

Именно в период монгольского владычества в феодальной Грузии начинает распространяться практика работорговли, которая приводила к отправке в монголо-татарские и другие страны представителей наиболее здоровой части местного населения.

В этом отношении не составила исключения и территория Абхазии, в частности Цхуми, где уже в начале XIV в. свили себе гнездо люди, промышленявшие этим позорным делом, наносившим колоссальный вред местному обществу³.

В первой половине XIV в. феодальная Грузия освободилась от монгольского владычества, но его отрицательные результаты давали о себе знать и в последующее время.

¹ История Грузии, под ред. Н. А. Бердзенишвили, стр. 154.

² Там же, стр. 155.

³ Хейд, Итальянские торговые колонии на Востоке в средние века, Венеция, 1866 г., стр. 62 (на итал. яз.)

2. Абхазия в составе княжества Сабедиано

После смерти Давида Нарина в Лихт-Имерети воцарился его старший сын Константин (1293–1327 гг.). Но вскоре против Константина поднял восстание его младший брат Михаил, которого поддержали почти все западно-грузинские мтавары (владельцы князья).

Историк Вахушти Багратиони сохранил в своем труде интересные сведения об этом смутном времени. Он рассказывает, что царевич Михаил утвердился в горных районах Западной Грузии – в Раче, Лечхуми и Аргвети, пользуясь поддержкой местных феодалов, вел систематическую борьбу против своего брата. Возникшей междоусобицей воспользовались бывшие эриставы, ныне уже мтавары, чтобы еще более упрочить свою власть в захваченных ими владениях. Один из них, Георгий Дадиани, занял, по сведениям Вахушти, всю Мегрелию и Цхумское эриставство до Анакопии включительно. Прежние цхумские эриставы Шервашидзе вынуждены были ограничиться территорией бывшего эриставства «Абхазия» – к северо-западу от Анакопии. Сванские эриставы Геловани прочно укрепились в Сванетии. Все эти мтавары, по словам Вахушти, «вышли из повиновения царю»¹.

Однако в первой половине XIV в., в период правления царя Георгия V Блистательного (1314–1346 гг.), положение феодальной Грузии значительно улучшилось. Воспользовавшись благоприятно сложившейся внешней обстановкой и улучшением общего положения в стране, Георгий Блистательный, опираясь на прогрессивную часть общества, упрочил свою власть в Восточной Грузии, а затем возглавил борьбу за восстановление политического единства феодальной Грузии.

Длительная междоусобица, имевшая место в Зап. Грузии, облегчила осуществление этой задачи. Все передовые элементы Лихт-Имерети, и в первую очередь народные массы, сочувственно должны были отнестись к объединительной политике Георгия Блистательного. Пользуясь этим, в 1330 г. Георгий вступил в Западную Грузию и лишил престола царя Баграта, сына Михаила. По сообщению Вахушти, «Георгий занял все крепости и города имерские, а Баграту отдал лишь Шоропанское эриставство. Дадиани Мамия, Гуриели, сванский эристав и Шервашидзе абхазский, очевидцы этих побед, явились к Георгию с большими дарами и бла-

¹ Вахушти, Жизнь Грузии, т. II, стр. 276.

гословили его на царство имерское. После этого царь направился в Одиши, а оттуда в Абхазию, привел в порядок дела тамошние, занял крепости и, передав Цхумское эриставство Бедиели, возвратился обратно»¹.

Таким образом, лихт-имерские мтавары, опасаясь лишиться своих владений, поспешили выразить свою покорность Георгию, для борьбы с которым они не располагали достаточными силами. Им удалось добиться своей цели в том смысле, что за ними по-прежнему были оставлены в наследственное владение их эриставства, хотя политически мтавары должны были отныне находиться в полной зависимости от царя вновь объединенной Грузии.

Совершенно очевидно, что соглашение между царем и мтаваром могло оставаться в силе лишь до того времени, пока обстоятельства не пошатнули бы позиции центральной власти. В силу этого положения восстановление политического единства грузинского царства в первой половине XIV в. носило по сути дела эфемерный характер и таило в себе живучие элементы партикуляризма, вызвавшие в дальнейшем новый его распад.

Это не замедлило сказаться уже во второй половине XIV в., особенно с 1386 г., когда Грузия стала подвергаться опустошительным нашествиям грозного среднеазиатского завоевателя Тимур-ленга (Тамерлана). С этого времени сепаратистские тенденции мтаваров заметно оживляются. Первым проявил себя в этом отношении самцхийский атабаг Бека Джакели, который объявил себя самостоятельным владетелем. Его примеру последовал и имеретинский эристав Александр Багратиони, объявивший себя царем.

Однако действия Александра не пришлись по душе лихт-имерским мтаварам – Бедиели (Бедиани), Дадиани, Шервашидзе и др. Они, надо полагать, предпочитали иметь дело со слабой центральной властью, когда царь-сюзерен находился в Восточной Грузии, в Тбилиси, нежели иметь царя у себя под боком. Поэтому мтавары не признали ни Александра, ни его сына и преемника Георгия I (1389-1392 г). Последний решил наказать строптивых мтаваров и выступил в поход в Мегрелию. Однако коалиция мтаваров во главе с Вамеком Дадиани одержала победу, а царь Георгий погиб в сражении. В результате этого события формальное политическое единство грузинского царства опять было восстановлено.

Новая попытка имеретинских Багратионов (потомков Давида Нарина) завладеть престолом в Западной Грузии, предпринятая в

¹ Вахушти, Жизнь Грузии, т. I, 1885 г., стр. 277–278.

1396 г., также не увенчалась успехом. И на этот раз лихт-имерские мтавары поддержали Георгия VII. Во всяком случае, когда Георгий VII в 1401 г. вступил в Имерети, то к нему «явились все знатные – Дадияни Мамя, Гуриели, Шервашидзе и сваны»¹.

За политические заслуги перед восточногрузинскими Багратионами Георгий VII вновь официально передал Цхумское эриставство мегрельским мтаварам – сначала Вамеку, а затем его сыну Мамя².

Таким образом, к концу XIV в. окончательно сложилась крупная политическая единица Сабедиано³, в состав которой вошли Мегрелия и значительная часть территории Абхазии, в частности целиком бывшее Цхумское эриставство. Территориально Сабедиано составили в основном два бывших эриставства эпохи расцвета феодальной Грузии – Бедийское и Цхумское. Впоследствии границы Сабедиано значительно расширились за счет территорий Гурийского и Абхазского эриставств.

Между тем Шервашидзе не думали так легко уступить свои наследственные права на Цхумское эриставство. Пользуясь всяким удобным случаем, они поднимались на борьбу против Бедиан-Дадияни, чтобы восстановить свое владычество в Южной Абхазии. Это вызывало ответные карательные действия со стороны Дадияни, которые упорно отстаивали свое приобретение. Еще Вамек Дадияни в начале 90-х гг. XIV в. совершил опустошительный поход в Абхазию против Шервашидзе и разрушил их крепости «Уагно» (uRaRno) и «Гагари» (GaRa)⁴.

В 1414 г. князя Шервашидзе вновь выступили против Сабедиано. В ответ на это правитель Сабедиано Мамя II во главе многочисленного феодального ополчения вторгся во владения Шервашидзе. Однако последний сумел организовать решительный отпор, мегрельское ополчение было рассеяно, остатки его спаслись бегством, а сам Мамя был убит.

В эту междоусобицу вынужден был вмешаться грузинский царь Александр I (1412–1442 гг.). По словам Вахушти, он быстро собрал

¹ Там же, стр. 295.

² Там же, стр. 291.

³ Свое название Сабедиано получило от титула бывших бедийских эриставов, которые принадлежали к знатнейшему феодальному роду Мегрелии Дадияни.

⁴ Е. Такайшвили. Археолог. путешествие по Мегрелии, стр. 133 (на груз. яз.).

войска и отправился в Одиши, где утвердил мтаваром сына убитого Маmia – Липарита I. «Затем он с Липаритом перешел в Абхазию, где его встретил Шервашидзе, подчинившийся власти царя. Уладив тамошние дела и успокоив абхазов, Александр возвратился в Кутаиси»¹.

Во второй половине XV в. мтавары Бедиани заметно укрепляют свое положение. Подвластная им область охватывала довольно обширную часть Лихт-Имерети, от р. Цхенис-цкали на Востоке и р. Копоеи (Бзыбь) – на Западе.

Правители Сабедиано стали даже выпускать собственную монету. Однако такая монета, помеченная именем Вамека Дадияни (1384–1396 гг.), была обнаружена близ Сухуми. Она представляет собой весьма интересный уникальный образчик монет так называемого феодального чекана².

По сообщению арабского писателя Шихаб-ед-дина Эль-какманди, относящемуся к первой четверти XIV в., правители Сабедиано после царя считались наиболее могущественными владельцами в феодальной Грузии того времени, причем они даже именовались «царями». В своей «Энциклопедии» Шихаб-ед-дин пишет, что в Грузии два царя – один в Тифлисе, другой – Дадиян, последний владел двумя городами – Цхумом и «Абхазом», расположенными на берегу «Крымского моря»³. В данном сообщении под «городами» следует понимать не города в собственном смысле, а области-эриставства – Цхумское и Абхазское.

Действительно, вскоре после описанных выше событий Абхазское княжество подпадает в политическую зависимость от князей Бедиани. В подчинении у Сабедиано оказалась затем и Гурия. Венецианский дипломат Н. Барбаро, побывавший во второй половине XV в. в Грузии, сообщает, что в княжестве мтавара Бедиани (*il signor Bandian*) имеется ряд приморских укрепленных пунктов, из которых наиболее крупными были Севастополь (*Sevastopoli* – Сухуми) и Батуми (*Vathi*)⁴.

Показателем возросшего политического значения мтаваров Бедиани является тот факт, что царь Георгий VIII в своем письме в

¹ Вахушти, там же, стр. 297.

² Д. Капанадзе, Грузинская нумизматика, Москва, 1955 г., стр. 97.

³ См. «Записки Вост. отдел. Императорск. русск. Географ. общества, т. I, вып. III, 1886 г. (См. Сизов, цит. соч., стр. 47).

⁴ См. Библиотека иностранных писателей о России, т. I. 1836 г., стр. 89.

Рим (1459 г.), где он перечисляет членов возглавленной им коалиции против турок, именует князя Бедиани «царем» («Bandian rex Mingreliae»). С одной стороны, правда, это обстоятельство можно оценить как стремление Георгия увеличить список коалиционеров, чтобы произвести большее впечатление на западноевропейских государей, помощи которых он домогался, но, с другой стороны, этот факт указывает, несомненно, и на то, что Бедиани был одним из крупнейших и влиятельнейших мтаваров Грузии, имя которого в указанном списке упоминается раньше имени самцхийского атабага Кваркваре, который, между прочим, назван только мтаваром (*dux*). Характерно, что и сам Кваркваре в своем письме герцогу Бургундскому тоже называет Бедиани «царем» (*Bandian rex Mingreliae*), а себя и абхазского владетеля – мтаварами (*dux*)¹. Грузинские послы в Риме именуют Бедиани «царем Мегрелии и Абхазии» («*Bendas Mengrelia et Abasiae rex*»)².

Комментируя эти факты, академик И. А. Джавахишвилл пишет: «Бедиани считался мтаваром отдельной политической единицы. Он являлся владетелем Мегрелии и Абхазии и был наделен настолько большими правами, что именовался даже царем. Он имел собственное войско и должен был иметь собственный управленческий аппарат. Но независимость Бедиани не отделяла его от Грузии так, как атабага. При отправлении послов в Западную Европу мтавар Мегрело-Абхазии не посылал своего посла и, по-видимому, посол грузинского царя был их общим послом»³.

Тем не менее соглашение, заключенное между Георгием VIII и владетелями Грузии, оказалось непрочным. Первым против царя выступил самцхийский атабаг Кваркваре, которому с помощью иранского правителя Узун-Хасана удалось в конечном итоге победить своего сюзерена и взять его в плен (1462 г.). Этим и воспользовался кутаисский эристав Баграт, объявивший себя царем Грузии.

По сообщению Вахушти, после воцарения Баграта к нему в Кутаиси явились Даддани, Гуриель, Шервашидзе, сванский владетель. Баграт обещал им не посягать на их мтаварские права, если они официально признают его царем. Те, разумеется, выразили свое со-

¹ М. Тамарашвили, История католичества среди грузин, Тбилиси, 1902 г., стр. 595 (на груз. яз.).

² Там же, стр. 596.

³ И. Джавахишвили, История Грузии, т. 1, стр. 304.

гласие¹. Вахушти пишет: «Дадзиани, Гуриели, абхазы и сваны благо-словили (Баграта) на царство, за что он исполнил обещанное мтава-рам и даровал им свободу... (Таким образом) образовалось Имере-тинское царство с четырьмя княжествами, или сатавадо (samTavgo anu saTavado). Дадзиани закрепил за собой Одиши, Гуриели – Гурию, Шервашидзе – Абхазию с Джигетией и Геловани – Сванетию»².

Но покорность владетелей Западной Грузии оказалась лишь внешней. Вскоре же после описанных событий феодалы Сабедиано, во главе которых стоял Вамек II Дадзиани, становятся по отношению к Баграту в резкую оппозицию. Призвав на помощь абхазских и гурийских феодалов, Вамек совершил несколько грабительских набегов на имеретинские владения царя.

В ответ на эти действия Баграт, собрав свои войска, выступил против Вамека, и близ р. Цхенис-цкали между ними произошло решительное сражение, закончившееся полной победой царя (1477 г.). Вамек вынужден был смириться и дать Баграту клятвенное заверение в том, что в дальнейшем он против него ничего не предпримет³. Но, по-видимому, и после достигнутой победы позиции Баграта оставались недостаточно прочными, раз он не решился лишить Вамека мтаварской власти, а ограничился одной присягой.

Признав верховенство имеретинского царя, Вамек Дадзиани оставался в то же время сюзереном абхазского и гурийского владетелей. Как уже отмечалось, территория современной Абхазии вплоть до р. Бзыбь (включая и Пицунду) непосредственно входила в состав Сабедиано. Поэтому в официальных документах Генуэзской республики мтавары Бедиани (Bediano) во второй половине XIV в. именуется иногда «князьями Себастополиса»⁴.

Тем не менее абхазские владетели Шервашидзе, закрепившиеся в основном в забzybской Абхазии, всегда стремились, как мы видим, освободиться от этой зависимости и, при случае, восстановить свою власть над Южной Абхазией. По свидетельству источников, «Шервашидзе подчинялся не всем приказам Дадзиани» («SarvaSiZe morCilobda ara yovelsave b(r)Zanebasa dadianisasa»⁵. Од-

¹ Вахушти, Жизнь Грузии, т. I, стр. 304.

² Вахушти, цит. соч., том II, стр. 281.

³ Там же; см. также Б. Эгнаташвили, Новая история Грузии, 1940 г., стр. 35 (на груз. яз.).

⁴ См. Е. Зевакин и Н. Пенчко, Очерки по истории генуэзских колоний на Зап. Кавказе в XIII и XIV вв., Историч. записки, т. 3, 1938 г., стр. 113.

⁵ Б. Эгнаташвили, там же, стр. 49.

нако Шервашидзе не располагали еще достаточными силами, чтобы осуществить свои политические замыслы. В борьбе с царской властью, например, абхазские владетели продолжали выступать, как правило, под началом мтаваров Дадиани.

Севастополь (Сухуми) являлся в то время одним из важнейших приморских центров на побережье Кавказа. Это подтверждает, в частности, знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин, который в описании своего путешествия в Индию пишет: «А в Севастей (Севастопольской) губе (заливе) да в Гурзыньскэй (Грузинской) земле добро обильно всем»¹. На итальянских компасных картах XIV–XV вв. Севастополь неизменно фигурирует как один из значительных торговых пунктов (см. ниже).

Важное значение в период существования княжества Сабедиа-но приобретает Пицунда. Еще в конце XIII в. она становится религиозным центром всего Западного Кавказа. Проф. Ю. Кулаковский пишет: «В конце XIII в. митрополия аланская является в соединении с Сотириупольской (т. е. Пицундской – З. А.) и Зикхской. Заместитель этих трех кафедр припринимал участие в константинопольском Соборе... 1282 г.»².

О распространении духовной власти пицундского (сотириупольского, или абастийского) иерарха на Северный Кавказ свидетельствует и другой документ, датированный 1347 г. Из этого документа видно, что когда константинопольский патриарх задумал направить в Сотириуполь отдельного архиепископа, то митрополит аланский против этого возражал на том основании, что «митрополия аланская вовсе не имеет собственной архиепископской кафедры по той причине, что народ ее ведет пастушеский образ жизни»³. Здесь, разумеется, речь идет о тех политических изменениях на Северном Кавказе, которые произошли там в результате утверждения монгольского владычества. Считаясь с обстановкой, патриарх Иоанн принял решение о восстановлении единства Сотириупольской и Аланской кафедр.

¹ Л. Баранов, Афанасий Никитин – первый русский путешественник в Индию, Калинин, 1939 г., стр. 74.

² Ю. Кулаковский, Христианство у алан, стр. 11. Вскоре после этого, как видно из документа, относящегося к 1317–18 гг., зикхская кафедра выделяется в самостоятельную епископию с центром в Таматархе (Таманский п. о.), там же.

³ Там же, стр. 12–13.

Историческое значение Пицунды как одного из старейших религиозных центров на Кавказе в значительной степени обусловило то обстоятельство, что она и в эпоху позднего средневековья (до середины XVII столетия, а формально и после этого) оставалась руководящей церковью в Западной Грузии (в «Абхазии») и стала центром так называемого «Абхазского католикосата».

О роли Пицундской церкви в эпоху позднего средневековья проф. Д. Бакрадзе писал: «Пицунда приобрела особенную известность с исхода XIV столетия, а именно с 1390 года: здесь с этого времени сидел отдельный католикос или патриарх, которого духовная власть обнимала всю Западную Грузию, т. е. нынешнюю Имеретию, Мингрелию, Гурию, Сванетию и Абхазию... Как глава резиденции католикоса абхазского, Бичвинта пользовалась разными привилегиями: здесь происходило освящение мира, рукоположение епископов и другие торжественные церемонии»¹.

Пицундская церковь являлась одной из крупнейших духовно-феодальных сеньорий позднесредневековой Грузии, наряду с такими духовными сеньориями, как мцхетская, гелатская, алавердская, шиомгвимская и др.² По данным одной грамоты от 1470 г. в Имерети и Картли числилось 629 крестьянских дворов, принадлежащих Бичвинтской (Пицундской) церкви, а по другим данным это число доходило до 800, не считая отдельных лиц³.

Важное значение для нас имеет то обстоятельство, что по своему национально-культурному облику Бичвинтская церковь являлась грузинской, несмотря на то, что в последние столетия существования византийской империи она поддерживала определенные связи с константинопольским патриархатом. В этом отношении она играла существенную роль в поддержании христианской религии грузинско-православного толка.

В этой связи понятным является то обстоятельство, что религиозно-церковная лексика абхазского языка по своему происхождению является в основном грузинской. Об этом свидетельствуют такие слова, как ацъар (от груз. jvari) – «крест», анат-ра (от груз. naTvla) – «крещение», аныха амзыз (от груз. mizezi) – «закля-

¹ Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, 1875 г., стр. 121–122.

² В. Габашвили, Феодалный строй Грузии XVI–XVII вв., Тбилиси, 1958 г., стр. 151 (на груз. яз.).

³ Д. Бакрадзе, там же, стр. 122.

тие иконы», апап (от мегр. *papa*) – «священник», анапара (от груз. *anafora*) – «анафора», аухама (от мегр. *oxvame*) – «храм», азкондар – «епископ» (от груз. *Wyondideli*) и др.

Из приморских пунктов княжества Сабедиано, расположенных на территории современной Абхазии, надо отметить торговую гавань у устья р. Келасури, которую итальянские картографы второй половины XV в. (Бенинкази – в 1480 г. и Фредуче – в 1497 г.) называют «мегрельским портом» («*Porto mengrello*»)¹. Данное название следует истолковать в том смысле, что келасурская гавань находилась в «Мегрелии», т. е. на территории политической единицы Сабедиано.

Характерно, что на итальянских картах предшествующего времени, в частности на картах Весконте (1318 г.), Луксоро (нач. XIV в.), Безымянной (1351 г.), Пицигани (1367 г.), Пасквалини (1408 г.) и Бианко (1436 г.),² Келасурская гавань вовсе не фигурирует в качестве населенного пункта под каким бы то ни было названием. То обстоятельство, что *Porto mengrello* появляется только на картах последней четверти XV в., объясняется, очевидно, тем, что экономическое значение Севастополя в связи с ликвидацией генуэзской колониальной системы на Черном море на определенное время падает, а по соседству с ним, у устья большой реки (Келасури), возникает торговый пункт.

3. Генуэзские колонии на побережье Абхазии

Вопрос о генуэзской колонизации Черноморского побережья Кавказа и, в частности Абхазии, представляет для нас интерес в том отношении, что в ряде работ по истории Абхазии, опубликованных как до революции, так и после, историческое значение этого факта трактуется в корне неправильно. Многие приписывали генуэзским колонизаторам выдающуюся культурную роль, которую они, якобы, сыграли в Абхазии. В частности, ряд замечательных памятников культуры, созданных местным населением, объявлялся творением генуэзцев. При этом, разумеется, вовсе умалчивалось о тех отрицательных последствиях в этнических судьбах абхазского народа, которые имела коммерческая деятельность генуэзцев, в частности культивировавшаяся ими работоторговля.

Так, П. Уварова утверждала, что в целом ряде историко-архитектурных памятников в районе Нового Афона следует ви-

¹ Ф. Брун, Черноморье, т. II, Одесса, 1879 г.

² Ф. Брун, Черноморье, т. II, Одесса, 1879 г.

деть «остатки гегуэзских построек»¹, которые в действительности являются памятниками средневековой Анакопии. Об известном одноарочном Беслетском мосте П. Уварова писала следующее: «Причисляя мост этот по существующему преданию (?) ко времени гегуэзцев, спешу оговориться, что он по изяществу кладки может принадлежать скорее греческим мастерам»².

Другой автор (К. Кудрявцев) дошел даже до того, что ряд чисто местных географических названий в Абхазии, как-то: Лата, Атара, Калдахвара, Илори, Акуа и др., считал названиями итальянского происхождения³.

Подобные утверждения ничего общего не имеют с исторической действительностью, и поэтому нам придется несколько подробнее остановиться на вопросе о гегуэзской колонизации в Абхазии, тем более, что вопрос этот в исторической литературе почти не освещен и с фактической стороны.

Утверждению гегуэзцев на побережье Абхазии в первой четверти XIV в. способствовало прежде всего то обстоятельство, что к этому времени Грузинское царство распалось фактически на отдельные политические единицы, которые систематически слабели в междоусобицах и в борьбе с иноземными захватчиками. В таких условиях, разумеется, степень сопротивления гегуэзской экспансии значительно снижалась. С другой стороны, большую поддержку гегуэзцам оказывали монгольские захватчики, заинтересованные в посреднической торговле гегуэзских купцов. На побережье Абхазии в XIV–XV вв. гегуэзские фактории существовали в следующих пунктах: в Гаграх (Cagary, близ села Алахадзы Santa-Soffia), в Пицунде (Pezonda), в районе Гудаута (Cavo di Buxo), в Новом Афоне (Nicoffa), в Сухуми (Sevastopoli) и около устья р. Ингури (Sant-Angelo)⁴.

В административном отношении все гегуэзские фактории на побережье Черного и Азовского морей, в том числе и абхазские фактории, были подчинены на правах колоний городу Каффе – главному постоянному центру гегуэзцев в Черноморье. В метрополии же (в Генуе) с 1334 г. существовало особое учреждение под названием «Управление Газарии» (Officium Gazariae), непосредственно ведавшее делами черноморских колоний Генуи.

¹ П. Уварова, Христианские памятники, МАК, т. IV, 1894, стр. 10.

² Там же, стр. 33.

³ К. Кудрявцев, Сборник матер. по ист. Абх., стр. 134–135.

⁴ Ф. Брун, Черноморье, т. 11.

Наиболее важной генуэзской колонией в Абхазии был город Севастополь (Сухуми), который одно время являлся даже резиденцией протектора всех генуэзских факторий на побережье Кавказа¹.

Севастополь «был важным центром генуэзской торговли на Кавказе, откуда купцы извлекали большие доходы, а Генуя – значительные пошлины. В городе находилось консульство (древнейшее из них относится к 1354 г.). В Севастополе кончался старинный торговый путь, шедший через Кавказ по долине Теберды и вверх по Кубани и связывающий черноморское побережье с горскими народами центрального Кавказа; здесь же кончалась дорога через Рион (Фазис) в Имеретию и Гурию, которую часто посещали генуэзские купцы»².

Главным административным лицом в Севастополе являлся консул, утвержденный в своей должности магистром по «управлению Газарии» (Хазарии). В статуте черноморских колоний, принятом в Генуе в 1449 г., о правах севастопольского консула говорится следующее: «Постановляем и подписываем, что консул в Севастополе имеет право взымать со всех вещей и товаров генуэзских, привозимых в то место, один процент со всего товара за ввоз и столько же за вывоз и что он обязан иметь и держать на свой счет способного писмоводителя, переводчика и рассыльного»³.

Генуэзские фактории в Абхазии, как и на всем побережье Кавказа, представляли собой торговые пункты, в которых генуэзские купцы, наживая огромные барыши, скупали у местного населения, преимущественно через посредство местных феодалов, все, что возможно было добыть в данном крае, в частности и в Абхазии, – лес (в особенности ценную древесину – самшит и др.), мед, воск, звериные шкуры, продукты земледелия, скотоводства и т. п. Взамен генуэзцы доставляли сюда предметы роскоши, оружие, продукты ремесленного производства, производимые преимущественно в Западной Европе и, главным образом, соль. Основным потребителем ввозимых товаров были в первую очередь местные феодалы.

Однако наиболее важным «товаром», более всего интересовавшим генуэзских торгашей, были живые люди – рабы, которых они поставляли в Золотую Орду и почти на все невольничьи рынки

¹ Е. Зевакин и Н. Пенчко, цит. соч., стр. 91.

² А. В. Фадеев, Краткий очерк истории Абхазии, Сухум, 1934 г., стр. 110.

³ ЗООИД, т. V, стр. 809.

Средиземноморья. Главным невольничьим рынком на территории Абхазии и одним из главных в районе Черноморского бассейна был Севастополь. Данные о широко практикуемой работоторговле в этом городе относятся уже к концу 20-х годов XIV века¹.

Невольников генуэзцы покупали не только у местных феодалов, но нередко захватывали их сами. Как свидетельствуют источники, большинство рабов с Кавказа по национальной принадлежности являлось черкесами, абхазами и дагестанцами («лезгинами»)². Часть захваченных или купленных рабов оставалась в итальянских колониях Кавказа и Крыма, а большая часть направлялась в Египет и другие страны.

В кавказских невольниках особенно сильно нуждались правители Египта. Из кавказцев преимущественно комплектовались воинские части мамелюков, составлявшие основную вооруженную силу в Египте. Египетские купцы добились даже разрешения приезжать на Кавказ за невольниками на собственных кораблях³.

Таким образом, систематическая работоторговля на Кавказе, в частности на побережье Абхазии, получила распространение в период монгольского владычества, начиная со второй половины XIII века. Главными инициаторами торговыми живыми людьми были генуэзские купцы, которые в этом отношении явились достойными предшественниками турецких работоторговцев более позднего времени.

Свои грязные дела генуэзские предприниматели вели при поддержке и попустительстве со стороны местных феодальных элементов, которые также немало наживались на этой торговле. Генуэзские власти строго предписывали своим консулам в Черноморье поддерживать хорошие отношения с местными феодалами. В одном из официальных посланий консулу в Каффе (от 1472 г.) указывалось: «Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того края жить в дружбе и избегать случаев столкновения. И подобным же образом довольны мы тем, что вы писали нам о надеждах на прочный мир с Бендиано, князем Себастополиса»⁴.

В другом аналогичном документе довольно недвусмысленно указывается на то, что во взаимоотношениях с местными фео-

¹ Там же, стр. 836.

² Е. Зевакин и Н. Пенчко, цит. соч. стр. 91.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 112–113.

дальними правителями, в частности с Бендиани, генуэзские купцы практиковали подкупы феодальных правителей. В письме консула Каффы от 1 дек. 1465 г. говорится: «Мы очень довольны тем, что так хорошо уладилось дело Бендиано, князем Мингрелии. Но если были у вас какие-либо расходы, то приказываю вам всем сразу, либо по частям разложить между купцами, которые будут торговать на его территории»¹.

Касаясь вопроса о населении генуэзских факторий, следует подчеркнуть, что собственно генуэзцев в его составе было незначительное количество. Общее число итальянцев во всех колониях Черноморья не превышало нескольких тысяч человек. Больше всего их было сосредоточено в Каффе, Тане (Азов), Солдае (Балаклава), Матреге (Тамань) и в Севастополе. Католический епископ Петр в одном письме, посланном из Севастополя, свидетельствует, что в этом городе существовала даже католическая община².

В своих факториях генуэзцы составляли верхушечную, эксплуататорскую прослойку, в которую входили и представители местной знати, экономически и политически связанные с генуэзским купечеством. Эта верхушечная прослойка получила в итальянских колониях название «жирный народ» (*popolo grasso*), который противостоял основной эксплуатируемой части населения колоний, презрительно именовавшейся «тощим народом» (*popolo minuto*). «Тощий народ» состоял главным образом из представителей местных национальностей. Социальные отношения между «жирными» и «тощими» характеризовались как отношения систематической классовой борьбы, принимавшей нередко весьма острые формы³.

Хотя владения генуэзцев не простирались за пределы городской черты, но богатые купцы селились порой и в окрестностях своих колоний, образуя крупные поместья феодального типа, основанные на эксплуатации местного земляческого населения. В силу этого обстоятельства, туземное население не только городов-факторий, но и соседних с ними сел подвергалось двойному гнету, как со стороны своих феодальных владельцев, так и со стороны генуэзских купцов. Кроме того, даже в тех районах, куда непосредственно не достигали щупальцы генуэзских эксплуататоров,

¹ Там же, стр. 114.

² Хейд, цит. соч., стр. 62.

³ Е. Зевакин и Н. Пенчко, Из истории социальн. отношений в Генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в., Исторические записки, № 7, за 1940 г., стр. 5 и след.

их коммерческие операции косвенно способствовали усилению эксплуатации трудящихся феодалами, так как последние в своем стремлении приобретать предметы роскоши, доставляемые генуэзскими торговцами, взыскивали со своих крестьян максимально повышенную ренту, а то и самих производителей продавали генуэзским работорговцам.

Народы колоний вели долгую и упорную борьбу против генуэзских поработителей, которая в значительной мере предопределила падение их господства на Черноморье. Борьба эта началась с момента возникновения генуэзских колоний. В цитированном выше письме католический епископ Петр (1330 г.) жалуется на то, что в Севастополе генуэзцы систематически притесняются и подвергаются опасности со стороны «восточных христиан», проживающих в этом городе¹.

Особенно острый характер принимает борьба против генуэзцев с середины XV века, когда положение генуэзских колониалистов становится нестерпимым.

Весьма характерен в этом отношении следующий факт. В начале 1455 г. решением генуэзской верхушки на должность протектора в Севастополь был назначен патриций Филиппо Клаверенция, но он категорически отказался принять эту должность, которая в прежние времена сулила бы ему большие выгоды. Отказались поехать в Севастополь и другие семь кандидатов на должность протектора². Эти отказы объясняются не только антигенуэзской политикой султанской Турции, стремившейся превратить Черное море в свое собственное «внутреннее море», но и восстаниями против генуэзцев местного населения. Это подтверждается, в частности, донесением в Геную севастопольского консула Герардо Пинели (девятый кандидат, согласившийся, наконец, принять эту должность), что 28 июля 1455 г. восставшие абхазы напали на Севастополь и подвергли его основательному разорению³.

Окончательный удар генуэзским колониям нанесли турки-османы, захватившие Каффу и подвергшие ее страшному разгрому в 1475 году. Но, касаясь причин гибели этих колоний, нельзя ограничиться только указанием на враждебную по отношению к ним политику султанской Турции. Генуэзская колонизация пала под двойным ударом: с одной стороны, местного населения, с другой –

¹ Хейд, цит. соч., стр. 62.

² К. Кудрявцев, Сборник мат. по ист. Абхазии, стр. 137.

³ Там же; см. также Ф. Брун, Черноморье, ч. 1, стр. 217.

турецких войск. Как видно, генуэзское господство в Севастополе было ликвидировано еще до падения Каффы. Во всяком случае, уже с 1473 г. о генуэзском консуле в Севастополе в источниках нет никаких известий¹.

Приведенные выше материалы свидетельствуют, что генуэзская колонизация отрицательно отражалась на судьбах местных народов, в частности грузинского и абхазского народов, поскольку политика Генуи, как и Венеции, была связана «с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний»².

Генуэзские колонии, как справедливо отмечает проф. С. А. Токарев, «были слишком малочисленны, чтобы повлиять на этнический состав или языки народов Кавказа»³. Зато косвенно они наносили большой вред этническим судьбам кавказских народов, и в этом отношении особенно пагубные последствия имела практиковавшаяся генуэзцами работорговля, которая навсегда отрывала от народа лучшие элементы его производительного класса. «Двухсотлетнее существование генуэзских колоний не оставило никаких следов в истории исконного населения, не отразилось ни в идеологии, ни в материальной его культуре. Генуэзские колонии, будучи торговоростовщическими пунктами, никогда не были производящими центрами, их отношения с окрестным населением представляли собой отношения крепостника-эксплуататора и работорговца»⁴.

Однако освобождение местного населения от генуэзских работорговцев не избавляло его окончательно от пагубной торговли людьми. Место генуэзцев заняли в этой позорной деятельности турецко-османские захватчики, которые в этом отношении далеко превзошли своих предшественников.

4. Завершение распада Грузинского царства. Начало борьбы против турецких захватчиков

XIV–XV столетия представляют собой важную веху в истории средневековой Грузии. В этот период окончательно завершается процесс утверждения крепостнического правопорядка, выразившийся в полном исчезновении слоя лично свободных крестьян-производителей.

¹ Ф. Брун, там же.

² К. Маркс, соч., Т. XIX, ч. 1, стр. 359.

³ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, 1958 г, стр. 223.

⁴ БСЭ, 2 изд, т. 10, стр. 449.

Крепостнические отношения, являвшиеся в начале закономерным результатом развития феодальных отношений вообще, в условиях крайне неблагоприятной внешней политической обстановки и вызванного ею экономического распада своеобразно уживаются с процессом политического распада страны и уже, в свою очередь, начинают стимулировать этот процесс¹.

На данной почве происходят существенные изменения в среде господствующего класса, из которого выделяется княжеское (тавадское) сословие, стоявшее над сословием азнауров. Из присвоенных тавадами государственных и крестьянских земель образуются территории позднесредневековых грузинских сеньорий («сатавадо»), владельцы которых, добываясь иммунитета, постепенно превращаются в фактически самостоятельных полугосударей, которые подчиняют себе широкие слои мелких феодалов-азнауров. Система «сатавадо» постепенно охватывает почти всю Грузию.

Аналогичные изменения происходят и в социальном строе ведущих районов Абхазии. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что высшая феодальная прослойка в Абхазии получила впоследствии то же название – тавади (атауад), а члены тавадского дома – аупалшэыл (от груз. *uflisSvili* || *ufliswuli*) – «сын князя»². О подпадении абхазских дворян (аамыста) в зависимость от тавадов свидетельствует старинная абхазская поговорка: «Тавад, не имеющий аамыста, – не есть тавад»³. Имеющиеся в нашем распоряжении фактические материалы, относящиеся к более позднему времени, в частности к XVII в. (см. ниже), также подтверждают факт господства на территории позднесредневековой Абхазии системы сатавадо (атауадырта).

В период крепостничества происходит дальнейший рост эксплуатации широких масс крепостнического крестьянства, которые все более равнодушно относятся к централистической деятельности отдельных царей. Пользуясь этим, тавады-сеньоры значительно укрепляют свои позиции в борьбе за независимость от царской власти.

Как уже отмечалось, активными союзниками внутренних сепаратистских сил являлись внешние захватчики. Восстановление

¹ В. Габашвили, Феод. строй Грузии XVI–XVII вв., стр. 113–114.

² Х. С. Бгажба, Некот. вопросы этнонимии и топонимии Абхазии, Труды Абх. инст., т. XXVII, стр. 286.

³ Г. А. Дзидзария, Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке, 1958 г., стр. 156.

единства грузинского царства, осуществленное при Георгии Блистательном (перв. полов. XIV в.), могло закрепиться лишь в благоприятных внешнеполитических условиях. Однако обстановка сложилась иначе, и дело упрочения единой Грузии не только затормозилось, а, наоборот, процесс политического дробления с конца XIV в. стал развиваться с еще большей интенсивностью.

Выше указывалось, что в 1386 г. в Грузию вторглись орды Тимурленга и подвергли ее опустошительному разорению. После этого Тимур еще семь раз совершал нашествия на Грузию. Особенно жестоким было последнее вторжение, совершенное в 1403 г. Вначале были подвергнуты разорению центральные области Картли, а затем Тимур приказал перенести военные действия в Западную Грузию. Как свидетельствует персидский историк Шаред-эд-дин, тимуровские войска под командованием полководцев Шейх Нуреддина и Шах-Мелика разорили в Западной Грузии до 700 пунктов и захватили Кутаиси¹, но дальше продвинуться не смогли, вследствие сопротивления народных масс. Поэтому Абхазия была избавлена от непосредственного вторжения тимуровских полчищ.

Однако губительные последствия перенесенных вторжений не могли не отразиться отрицательно и на тех частях Грузинского царства, которым удалось избежать нашествия турок, в том числе и на Абхазии. Вызванный этими событиями новый резкий упадок экономической и политической жизни страны привел к всеобщему ухудшению положения народных масс. Потребовались десятилетия, чтобы хотя бы в минимальной степени залечить тяжелые раны, нанесенные тимуровскими нашествиями.

В первой половине XV века царю Александру I (1412–1443 гг.), пользуясь некоторой передышкой в внешнеполитических отношениях, удалось закрепить положение центральной власти. Воспоминания о тимуровских жестокостях были еще свежи, и это несколько уgomонило сепаратистски настроенных феодалов, которые до поры воздержались от активных выступлений против царской власти.

О политическом положении Грузии в период правления Александра I И.А. Джавахишвили пишет: «Царь Александр I был повелителем единой Грузии: ему подчинялись «оба царства», и это обстоятельство подчеркнуто отмечалось в его грамотах: «Я ...обладатель двух царств, царь царей абхазов и картвелов...»².

¹ См. И. Джавахишвили, История груз. народа, т. III, стр. 214–215.

² И. А. Джавахишвили, История груз. народа, т. IV, стр. 33.

Реальная власть Александра I распространялась на всю западную часть Грузинского царства («Абхазия»), в том числе на Мегрелию и собственно Абхазия. Интересные сведения в этом отношении сообщает немецкий купец Ганс Шильтбергер, побывавший в Грузии в первой четверти XV в. Он пишет, что здесь существует только одно царство («Lhõngreich») и называет его «Грузией» (Gursu). Упоминает он также Мегрелию и Абхазия, но не в качестве самостоятельных политических единиц, а как области («Land»), входящие в состав Грузинского царства. Комментируя это указание Шильтбергера, И. А. Джавахишвили пишет: «Ясно, что Западная Грузия (Абхазия и Мегрелия) политически была по-прежнему связана с Восточной Грузией»¹.

Выше мы уже имели случай привести сообщение Вахушти об активном вмешательстве Александра I в междоусобицу, происшедшую между Дадриан-Бедиани и Шервашидзе 1414г. Шервашидзе, по свидетельству Вахушти, «подчинился приказанию царя», т. е. признал его верховную власть².

Однако эффективно воспрепятствовать процессу политического раздробления Грузии было уже невозможно. Крупные феодалы, успевшие оправиться от последствий тимуровских вторжений, вновь наступают на центральную власть. Уже в последние годы царствования Александра I стали заметно проявляться признаки ослабления его власти. Особенно же эта тенденция дает о себе знать в период правления его ближайших преемников.

Хотя сын Александра I Георгий VIII (1446–1466 гг.), по примеру своего отца, именовал себя «государем обеих царств», но реальное положение вещей все более и более не соответствовало этому титулу. И. А. Джавахишвили справедливо указывал, что по существу при царе Георгии «Самцхе-Саатабаго», Мегрело-Абхазия и Гурия являлись самостоятельными мтаварствами и были отделены от большой Грузии. После того, как Баграт захватил амеро-имерский престол, как видно, самим царем Георгием было основано кахетинское царство (1466 г.) и выделено из состава единой Грузии»³.

Выше уже сообщалось, каким образом имеретино-картлийский царь Баграт принудил Вамека II Бедиани и его союзников Шервашидзе и Гуриели признать свою власть. Но вскоре после смерти Баграта (1478 г.) Вамек снова активно выступил против централь-

¹ Его же, История груз. народа, т. III, стр. 226.

² Вахушти, Жизнь Грузии, ч. I, стр. 298.

³ И. А. Джавахишвили, История груз. народа, т. III, стр. 95.

ной власти в лице нового имеретинско-картлийского царя Александра, сына Баграта, и стал оказывать поддержку внуку Александра I – Константину, другому претенденту на грузинский престол. Константина в его борьбе с Александром поддерживал и Липарит Бедиани, наследовавший Вамеку. Но Александру все же удалось воцариться в Имерети, а Константину пришлось ограничиться царским престолом в одной Картли.

Таким образом, в конце XV века феодальная Грузия окончательно распалась на три царства – Картлийское, Кахетинское и Имеретинское, а также отдельные княжества – Самцхийское атабагство и Сабедиано. Акад. И. А. Джавахишвили по этому поводу писал: «Разделение Грузии на отдельные царства и княжества было результатом длительного процесса и борьбы; оно произошло не сразу, а протекало постепенно. Сначала отделилось Самцхе-Саатабаго, затем Мегрело-Абхазия и, наконец, – Кахети. Вскоре Картли и Имерети также стали самостоятельными царствами»¹.

Вместе с тем, как мы видели, процесс политического дробления страны на этом не остановился. Децентрализация происходила и внутри возникших царств и княжеств. В частности, в Сабедиано систематическую тенденцию к полному освобождению от власти Дадиан-Бедиани проявляют абхазский и гурийский владетели – Шервашидзе и Гуриели. Однако полное отделение Абхазского и Гурийского княжеств от Сабедиано пока еще не произошло.

Сепаратистские стремления этих правителей особенно активизировались после того, как по соседству с Грузией образовалась могущественная турецко-османская империя, которая все больше и больше начинает вмешиваться во внутреннюю жизнь царств и княжеств Грузии, стремясь подчинить их своей власти.

После завоевания Константинополя (1453 г.) турецкие султаны, внешняя политика которых носила ярко выраженный агрессивный характер, наряду с другими областями, включают в свои захватнические планы и Кавказ, в первую очередь его Черноморское побережье. Понятно, что в таких условиях Абхазия явилась одним из первых объектов турецко-османской агрессии на Кавказе. Уже через год после взятия Константинополя (в 1454 г.) большой турецкой флот подошел к Севастополю (Сухуми) и взял его приступом².

¹ Там же, стр. 95–96.

² Ф. Брун, Черноморье, ч. I, стр. 217; см. также Е. Зевакин и Н. Пенчко, цит. соч. («Историч. записки», т. III), стр. 78.

Падение Византийской империи, с которой Грузия издавна поддерживала тесные культурно-экономические связи, и утверждение на её развалинах агрессивной феодально-варварской Турции, имели для Грузии резко отрицательное значение. Грузия оказалась оторванной от западноевропейского культурного мира и от главных экономических рынков. В частности, с этого времени заглох и торговый путь, проходивший некогда через Грузию и Закавказье из Европы в Азию¹.

Неожиданно обрушившаяся на Грузию новая серьезная опасность привела вначале к временной консолидации сил для борьбы против нее. В 1459 г. под главенством Георгия VIII мтавары Грузии объединились для совместных действий и вступили в организованную им коалицию против турок. Члены коалиции обратились за помощью к западноевропейским государям и римскому папе.

В письме к герцогу Филиппу Бургундскому царь Георгий VIII писал: «Я, Георгий, царь грузинский, пишу, чтобы вы знали, что мы сделали в настоящее время на Востоке. Знайте, что мы все, князья-христиане этой страны, заключили между собой перемирие и поклялись всеми силами бороться с турками, в особенности с теми, которые находятся в Константинополе, ибо они сильно враждуют с христианами. В силу этого союза каждый из нас выставляет свои войска. Я лично выставлю 40.000 чел.; у трапезундского императора Давида, согласно обещанию, готовы к отправке 30 кораблей с 20 тыс. чел. Готов со своими войсками мингрельский царь (гех) Бендиан (Бедиани); грузинский князь Горгора (Кваркваре – атабаг самцхийский – З. А.) направляется с 20 тыс. кавалерией. Князь Абхазии Рабия обещал выступить со своими братьями, вассалами и со всеми своими войсками (Rabia, dux Apocasiae cum suis fratribus et baronibus promisit nobiscum et ipse veniet omnia sua potentia), владетель Армении Бердебег обещал для нашего похода 20 тыс. чел. В этом союзе участвуют также другие народы, между прочим и три сильных татарских князя, готовых начать войну против константинопольских турок... Перечисленные лица поклялись друг другу в верности, изменник будет наказан. Но это, конечно, в том случае, если вы, латиняне, будете с нами и с вашей стороны начнете наступление против турок. Если же не захотите воевать, то и мы не выполним того, что обещали друг другу. Умоляю вас, отложите в сторону все

¹ К. Кекелидзе, Отклики в Грузии на падение Константинополя. Этюды..., т. III, 1955 г.

прочее, обратите внимание на этот поход и ни за что не бросайте его... Отправляю своего посла, который расскажет вам все, выслушайте его и через него же сообщите о вашем решении»¹.

Аналогичное послание бургундскому герцогу отправил самцхийский атабаг Кваркваре, который тоже указывал, что в состав антитурецкой коалиции входит «правитель Абхазии Рабиа (Rabia, dux Apocasiae)»². Тому же адресату было направлено и послание трапезунтского императора Давида, также извещавшего об участии в подготавливаемом походе «Рабиа, князя Абхазии, вместе со своим братом и баронами с 30 тыс. воинов»³.

Грузинских послов в Риме принял папа Пий II, который пообещал содействовать коалиционерам и даже отправил в Грузию своего посла (Людовика Болонского), чтобы выяснить обстановку. Затем грузинские послы побывали у французского короля Карла VII и его преемника Людовика XI, но те равнодушно отнеслись к предложенному походу и отказались принять в нем участие⁴.

В результате стало ясно, что идея большого антитурецкого похода оказалась мертворожденной, и организованная коалиция быстро распалась.

В 1461 г. турки-османы завоевали Трапезунтскую империю и присоединили ее территорию к своим владениям. Спустя три года, в 1464 г., они привели в вассальную зависимость Крым и значительную часть западного побережья Черного моря, а в 1475 г. разгромили Каффу и ликвидировали генуэзскую колониальную систему в Черноморье.

Таким образом, в 70-х гг. XV в. турецкие захватчики вплотную подошли к Грузии. Именно в этих резко осложнившихся внешнеполитических условиях и произошло окончательное распадение феодальной Грузии на отдельные царства и княжества, что, разумеется, поставило ее перед самыми худшими перспективами. Отныне Грузия, раздираемая феодальными междоусобицами, не могла оказать эффективного сопротивления систематической внешней агрессии со стороны султанской Турции и шахского Ирана.

¹ См. М. Тамарашвили, История католичества среди грузин, стр. 596-597 (латинский текст) и стр. 59-60 (груз. перевод): см. также К. Кекелидзе, цит.соч., стр. 91.

² М. Тамарашвили, там же, стр. 595.

³ Ф. Успенский, Очерки из истории Трапезунтской империи, Ленинград, 1929 г., стр. 135.

⁴ К. Кекелидзе, там же, стр. 93-94; Ф. Успенский, там же, стр. 136.

5. Экономический и культурный упадок Абхазии в XIII – XIV вв.

Внешние вторжения и распад грузинского государства на отдельные царства и княжества, которые, в свою очередь, дробились на более мелкие сеньориально-политические единицы (сатавадо), имели весьма отрицательные последствия для грузинского и абхазского народов. Сложившаяся обстановка крайне неблагоприятно отражалась на социально-экономических отношениях и культурном состоянии страны. Внутренние и внешние неурядицы ввергли страну в глубокий социально-экономический и политический тупик, что соответственным образом отражалось и на отдельных ее частях¹.

Правда, Абхазия, как уже отмечалось, не испытала непосредственного вторжения монгольских, а затем тимуровских полчищ, однако страшные бедствия, обрушившиеся на ведущие районы Грузии, не могли не вызвать отрицательных последствий и для Абхазии.

В условиях постоянной опасности проникновения монгольских полчищ на территорию Абхазии население ее в известной мере лишено было стимула и возможности заниматься мирным созидательным трудом. Участие (в той или иной степени) абхазского крестьянства в борьбе грузинского народа против монголов, а также принудительное вовлечение их в чуждые им межфеодалные войны не могли не затормозить экономическое развитие края, рост его производительных сил. Наконец, возложенные монголами на Грузию дань и различные налоги, тяжесть которых, надо полагать, в какой-то мере нес и абхазский народ, тоже сковывали его творческую деятельность².

Одним из ярких показателей упадка общего состояния края является тот факт, что на протяжении XIV–XV вв. на территории Абхазии не было создано ни одного оригинального памятника архитектурного искусства, который по ценности и степени своего совершенства мог бы идти в сравнение с творениями предшествующих времен. О том же говорят и данные, свидетельствующие о широком распространении в Абхазии уголовного бандитизма.

¹ См. История Грузии, под ред. Н. А. Бердзенишвили, 1958 г., стр. 164–165.

² И. Г. Антелава, Абхазия в период развитого феодализма (XI–XV вв.), рукопись, 1956 г., стр. 30–31 (Архив Абх. инст. ЯЛИ АН ГССР).

Жертвой этого социального недуга стал даже антиохийский патриарх Людовик Болонский... По прибытии в Абхазию (1475 г.) он и сопровождавшие его лица натолкнулись на шайку разбойников и были вконец ограблены ими¹.

Касаясь вопроса о культурно-экономическом упадке Сабедиано к концу XV в., И. А. Джавахишвили писал: «Сообщения итальянских послов, а также грузинские грамоты свидетельствуют о том, что народ Сабедиано, в особенности Мегрелии и Абхазии, в культурном отношении были принижены. Сельское хозяйство, торговля и промышленность пали настолько, что население обеднело и деградировало... Стимул к труду был так притуплен, что обитатели этого в природном отношении богатого и благословенного края не только ничего не вывозили за границу, но и себя еле содержали»².

Одним из последствий изменения общей обстановки на территории Абхазии рассматриваемого периода является выселение определенной части ее населения (преимущественно из северных районов страны) на Северный Кавказ. Это переселение положило начало утверждению на северных склонах Кавказского хребта представителей абхазской национальности, которые впоследствии стали формироваться в самостоятельную абазинскую народность (см. выше).

Экономической предпосылкой такого переселения явилось, надо полагать, усиление роли экстенсивного хозяйства и увеличение удельного веса отгонного скотоводства. Обезлюдение значительных пространств на Северном Кавказе, в результате монгольских опустошительных нашествий, также должно было благоприятствовать этому процессу.

Выше уже приводились (гл. VI, параграф 1) исторические данные и мнения отдельных специалистов о времени переселения на Северный Кавказ одной части предков абазин (в лице позднейших тапантовцев). Напомним лишь, что сведения о первых абазинских поселениях на Северном Кавказе относятся уже к XIV в. Это положение подтверждается, по нашему мнению, и некоторыми данными из лексики тапантского диалекта абхазско-абазинского языка.

В этом отношении не лишено интереса то обстоятельство, что абазины называли большой и тяжелый деревянный плуг термином

¹ См. Библ. иностран. пис. о России, ч. I, 1836 г., стр. 77.

² И. Джавахишвили, История груз. народа, т. IV, стр. 108.

«кватан»¹ (ср. абх. а-куатан), который, несомненно, происходит от грузинского названия этого плуга «гутани» (guTani). Совершенно очевидно, что предки тапантовцев могли заимствовать это название из грузинского языка только до переселения на Северный Кавказ, ибо после этого они уже не имели с Грузией непосредственных связей. Между тем, как установлено в специальной литературе (акад. И. А. Джавахишвили), большой плуг «гутани» появляется в Грузии только в XII веке. Следовательно, приведенный факт является одним из косвенных свидетельств того, что переселение предков абазин не начиналось до XII века.

Одним из аналогичных свидетельств, уточняющих датировки переселения предков тапантовцев (а также ашхарцев), являются данные социальной терминологии абазин. Известно, что для обозначения высшей феодальной прослойки тапантовцы употребляли термин «амыстаду»², т. е. «большой дворянин». Характерно, что подобного соционимического термина не знали адыги, которые, как известно, оказали существенное влияние на социальные отношения абазин после их переселения на Сев. Кавказ (это, между прочим, нашло свое отражение в тапантской соционимической терминологии – «унавы», «тльфакошао» и др.). Не знают этого термина и ашхарцы, употреблявшие, как и абхазы, термин «атауад»³.

Нам кажется, что тапантский термин «амыстаду» является буквальным переводом древнегрузинского термина «дидебули азнаури» (didebuli aznauri), который также означает «великий дворянин». Этот соционимический термин бытовал в грузинской феодальной действительности лишь до XIV века, после чего был заменен термином «тавади». Следовательно, тапантовцы могли заимствовать этот термин только до этого времени, т. е. не позднее XIII–XIV вв. Таким образом, предки тапантовцев должны были переселиться на Северный Кавказ не позднее XIV в.

Что касается ашхарцев, то переселение их из Абхазии не могло быть осуществлено в данный период (XIII – XV вв.). На такой вывод, в частности, наводит та же социальная терминология. Так, например, термин «тавад», который для обозначения высшей феодальной прослойки появляется в Грузии лишь в XV столетии, не мог, разумеется, проникнуть в Абхазию раньше этого времени.

¹ Л. И. Лавров, Абaziны, Кавказ, этнограф. сборник, 1955 г., стр. 19.

² Там же, стр. 22.

³ Л. И. Лавров, цит. соч., стр. 22.

Еще более важное в этом отношении значение имеет употребление ашхарцами термина «агруа» («мегрел») для обозначения крепостных крестьян¹. Такой социальный термин мог возникнуть у абхазов не ранее начала XVII в., когда Абхазия выделилась из Мегрелии в качестве самостоятельного княжества, и между Абхазией и Мегрелией начались систематические междоусобицы, в результате которых ряды феодально-зависимого населения Абхазии пополнялись пленными мегрелами, что и обусловило возникновение у них определенного социального термина этнического происхождения. Ясно, таким образом, что предки ашхарцев не могли переселиться на Северный Кавказ раньше XVII в., ибо сомнительно, чтобы ашхарцы уже с Северного Кавказа стали бы заимствовать социальные термины у абхазов, с которыми их связи после переселения значительно ослабевают.

Приведенные материалы, наряду с другими данными, должны, несомненно, учитываться при решении вопроса о времени переселения части абхазов (предков позднейших абазин) из северной и нагорной части Центральной Абхазии на Северный Кавказ.

¹ Там же.

ГЛАВА VIII

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI-XVII вв.

1. Абхазия в составе Мегрельского княжества в XVI веке

В течение всего XVI столетия Абхазия продолжала оставаться в непосредственной вассальной зависимости от Мегрельского княжества. Об этом, в частности, свидетельствуют факты пожертвования мегрельскими владельцами западногрузинскому («абхазскому») католикосату деревень, расположенных на территории собственно Абхазии¹. Так, например, в одной дарственной грамоте Маmia III Дадияни (1512–1533 гг.) говорится, что он жертвует Пицундскому храму «в Абхазии селения Айтарне, Аруха и Рабица, расположенные вокруг Бичвинты, и гору Айтарне с маслинами»². Совершенно очевидно, что мегрельский владелец не мог бы раздаривать села, находящиеся близ Пицунды, если бы его реальная власть не распространялась бы на этот край.

Грамота Маmia III была подтверждена и его преемниками: Леваном I (1533–1572 гг.), Георгием III (1572–1582 гг.) и Маmia IV (1582–1590 гг.). Этот факт говорит о том, что мегрельские мтавары по-прежнему считали себя вправе распоряжаться в политически зависимом от них крае.

Мегрельские мтавары пытались утвердить свою власть и в северной части Абхазии (в Джигетии). Вахушти рассказывает, что в 1533 г. Маmia III Дадияни совместно с гурийцами и при поддержке имеретинского царя Баграта организовал поход в Джигетию, чтобы привести ее в покорность, а также с целью оказать противодействие туркам, которые в тот период пытались закрепиться в Джигетии. Однако этот поход закончился полной неудачей: вследствие

¹ См И. Г. Антелава, Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв., Сухуми, 1949 г., стр. 27.

² Исторический вестник, кн. II, Тифлис, 1925 г., стр. 183 (на груз. яз.). Вахушти, Жизнь Грузии, ч. I, стр. 86.

измены одного из абхазских феодалов, объединенное мегрело-гурийское ополчение потерпело поражение, сам Мамаи Дадияни был убит, а Гуриели попал в плен¹.

Поведение абхазских феодалов во время этого похода свидетельствует об их стремлении воспользоваться любыми обстоятельствами, чтобы добиться политической независимости от Мегрельского княжества.

Во второй половине XVI века феодальные междоусобицы в Западной Грузии усиливаются. К этому времени западно-грузинским княжествам удалось получить фактическую независимость от имеретинского царя. Если до этого Мегрелия и Гурия поддерживали лояльные отношения друг с другом, то теперь они вступают в активное состязание между собой за политическое первенство среди княжеств Западной Грузии, втягивая в эту борьбу и абхазских феодалов.

Имеретинские цари активно вмешивались в эти междоусобицы, стремясь добиться взаимного ослабления борющихся противников с целью восстановить над ними свой политический сюзеренитет. Так, царь Георгий II поддерживал Георгия Гуриели в борьбе против Левана I Дадияни (1533–1572 гг.), но последний обратился за помощью к султану, который тотчас же выслал ему на помощь войска. После этого положение Левана окрепло, и Гуриели предпочел смириться².

Однако на этом борьба не прекратилась. При мтаваре Георгии Дадияни, наследовавшем Левану (с 1572 г.), она разгорелась с новой силой. Но теперь военный успех переходит на сторону Гуриели, который разбил ополчение мегрельских феодалов, занял Зугдиди и назначил мтаваром младшего брата Георгия – Мамаи.

Георгий вынужден был бежать в Абхазию, где, пользуясь поддержкой местных феодалов, стал готовиться к реваншу. Вскоре во главе многочисленного ополчения, состоявшего преимущественно из абхазов и черкесов, Георгий вернулся в Мегрелию, где вновь потерпел поражение³.

Лишь впоследствии, с помощью царя Георгия, которого он заверил в полной покорности, Дадияни сумел добиться своего признания во владетельских правах, и на некоторое время между царем и мтаварами были установлены мирные отношения⁴.

¹ Вахушти, Жизнь Грузии, ч. I, стр. 86.

² Бери Эгнаташвили, цит. соч., стр. 71.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 74.

Между тем борьба между Мегрельским и Гурийским княжествами снова возобновилась. В итоге этой борьбы мтавару Манучару Дадиани (1590–1611 гг.) удалось в конце XVI в., пользуясь поддержкой абхазских и части имеретинских феодалов, одержать над гурийским князем (Симоном) решающую победу – в битве близ села Опшквити¹. Симон со своими сторонниками вынужден был бежать в Картли, а на имеретинском престоле оказался ставленник Манучара Ростом. Опшквитская битва окончательно решила вопрос соперничества между Гурией и Мегрелией в пользу последней.

Таким образом, к концу XVI столетия самым сильным феодальным образованием в Западной Грузии становится Мегрельское княжество, в состав которого на вассальных началах входила и Абхазия. Мегрельское княжество добилось политического первенства в результате долгой и упорной борьбы с царской властью и гурийскими мтаварами. В этой борьбе абхазские феодалы, как правило, поддерживали мегрельских мтаваров, от которых они политически зависели.

Социально-политическая обстановка, сложившаяся в этот период в Мегрелии и вообще в Западной Грузии, в значительной степени предопределила ее политическую гегемонию и в течение первой половины XVII века.

2. Выделение Абхазии в самостоятельное княжество и его отношения с Мегрельским мтаварством в первой половине XVII в.

В конце XVI в. Мегрельское княжество закрепило свое положение в качестве самостоятельного феодального владения в результате решительной победы Манучара Дадиани над картлийским царем Симоном, попытавшимся установить свое господство в Западной Грузии. Последние годы своего правления Манучар провел сравнительно спокойно, ибо крайне ослабевшая царская власть не решалась больше принимать попыток восстановления своего господства над отделившимися мтаварами и была вынуждена довольствоваться лишь номинальным признанием ее сюзеренитета. В таких условиях, разумеется, абхазские феодалы не могли помышлять о своих давнишних замыслах на политическое отделение от Мегрельского княжества.

¹ Вахушти, цит.соч. ч. III, стр. 297; П. Горгиджанидзе, “История”. Историч. вестник, кн. II, 1925 г., стр. 14 (на груз. яз.).

Манучару Дадиани наследовал сын его Леван (1611–1657 гг.), но по причине малолетства Левана Мегрелией стал управлять в качестве регента брат Манучара Георгий Липартиани. По свидетельству прожившего много лет в Мегрелии итальянского миссионера Арканджело Ламберти, Георгий Липартиани был умным и опытным государственным деятелем и «в период его правления в Колхиде не было ни смут, ни волнений»¹. Мегрелия в этот период, по свидетельству другого итальянца – путешественника Пьеро делла-Вале, сделалась «одной из лучших и населенных стран во всей Грузии»².

Следовательно, в первые годы регентства Липартиани абхазские феодалы не могли отделиться от Мегрелии. Такая возможность возникает лишь около 1615 года, когда Георгий Липартиани начал активную борьбу с Турцией. Очевидец этих событий французский монах Луи Гранже рассказывает, что турецкий султан, не добившись покорения Мегрелии и Гурии силой, приказал своему флоту блокировать побережье этих княжеств, чтобы лишить местное население подвоза соли³. В конечном итоге правители Гурии и Мегрелии, как сообщает Гранже, были вынуждены принять требование султана о выплате дани⁴.

В описанных событиях об участии абхазов ничего не говорится. Речь идет лишь о Мегрелии и Гурии. Надо полагать, что абхазские правители, воспользовавшись стесненным положением Мегрельского мтаварства, именно в этот период сумели политически отделиться от Мегрелии и оформить свои владения в качестве независимого княжества. Во всяком случае, начиная с этого времени, Абхазия всегда выступает как самостоятельная политическая единица.

Когда Леван Дадиани достиг совершеннолетия, то Липартиани передал ему правление Мегрельским княжеством. Первой заботой молодого владельца было укрепление политической связи с соседними княжествами – абхазским и гурийским. С этой целью, надо полагать, Леван вступил в брак с дочерью владетельного князя Абхазии⁵ (около 1621 г.), а сестру свою выдал замуж за гурийского мтавара⁶.

¹ См. Сборник материалов для опис. местностей и племен Кавказа, вып. 43, 1913 г., стр. 17–18.

² См. газ. «Кавказ», 1873 г., № 41.

³ См. Изв. Кавк. отдела импер. московск. Археолог. об-ва. вып IV, отд. 2, 1915 г., стр. 32.

⁴ Гранже, Там же, стр. 37.

⁵ Ламберти, там же, стр. 18.

⁶ Вахушти, ч. I, стр. 300.

Супруге Левана, абхазской княжне, Ар. Ламберти дает, со слов знавших ее, исключительно лестный отзыв. Ламберти пишет, что «помимо природной красоты она обладала всеми добродетелями, которые подобают женщине ее фамилии: в вышивании, чтении, письме, в великодушии и учтивости она не имела себе подобных, так что своим благородством она привлекла к себе сердца своих подданных»¹.

Союз, заключенный между Леваном, Шервашидзе и Гуриели, противоречил интересам имеретинского царя Георгия III (1604–1639 гг.), не без основания усмотревшего в этом союзе его направленность против центральной власти. Мобилизовав свои силы, Георгий выступил против Мегрельского княжества. Однако Леван не стал дожидаться вторжения со стороны имеретинского царя и сам поспешил двинуться ему навстречу во главе многочисленного ополчения, состоящего, помимо мегрелов, из абхазских и джигетских отрядов².

Битва между войсками Георгия и объединенным мегрело-абхазским ополчением произошла в местечке Гочаури, близ Кутаиси. По словам Вахушти, эта битва носила весьма ожесточенный характер (“iqmna brZola Zlieri”), и обе стороны понесли значительные, потери. В конечном итоге мегрелы и абхазы одержали победу, имеретинские феодалы были вынуждены отступить. В руки победителей попали богатые трофеи и значительное число пленных, среди которых были как знатные феодалы, так и рядовые ратники (“warCinebulni da mdabiurni”)³. Многие из них впоследствии были выкуплены у Левана Дадиани за деньги – случай, по словам Вахушти, беспрецедентный в истории Западной Грузии, а с этого времени вошедший в обычную практику⁴. Этот факт красноречиво свидетельствовал о том, что в сознании крупных феодалов уже окончательно изживалась идея национальной и политической общности Грузии.

Удачная победа над Георгием значительно укрепила положение Левана Дадиани, и авторитет его в глазах соседних правителей возрос еще больше. С этого времени он уже перестал особенно считаться со своими активными союзниками – абхазским и гурийским владетелями.

¹ Ламберти, там же, стр. 18.

² Вахушти, ч. 1, стр. 300.

³ Там же.

⁴ Там же.

Вскоре после этого в личной жизни Левана произошло событие, имевшее затем важные последствия. Вступив в интимную связь с женой бывшего регента Георгия Липартиани, Леван задумал отобрать ее у своего дяди и оформить свои отношения с нею законным браком. Но это он мог осуществить лишь после развода со своей, тогдашней женой, дочерью абхазского владетеля, от которой у Левана было уже два сына¹.

За поводом к разводу дело не стало. Леван обвинил свою жену в супружеской неверности (трудно сказать, было ли это обвинение основательным) и расправился с нею самым жестоким образом: он приказал отрезать ей нос и уши и с позором изгнал из своего дворца².

Абхазский владетель, отец пострадавшей княгини, разумеется, не отнесся бы равнодушно к этому факту и вполне естественно было ожидать с его стороны актов мести по отношению к Левану. Именно поэтому, надо полагать, Леван решил первым выступить против абхазов и активными действиями предупредить их выступление. Во главе многочисленного войска Леван вторгся в Абхазию, захватив с собой изуродованную княжну. Вместе с тем целью его было, несомненно, восстановить свою власть над Абхазским княжеством.

Владетель Абхазии, застигнутый врасплох, не сумел организовать сопротивления и вместе со своими приближенными удалился в горы. Захваченные районы Абхазии, по словам Ламберти, Леван подверг жестокому опустошению, а затем, оставив там свою бывшую жену, вернулся обратно³ и обвенчался со своей теткой. В ответ на этот поступок Георгий Липартиани поднял восстание против Левана, которое было подавлено с большим трудом⁴.

Возникшей в Мегрелии междоусобицей воспользовались личные враги Левана, как внутри княжества, так и среди соседних правителей, в том числе и Гуриели, которому отнюдь не улыбалось усиление Левана Дадиани. Противники Левана организовали военный союз, в который вошли, кроме Гуриели, имеретинский царь и абхазский владетель⁵. Последний, оправившись от поражения,

¹ Ламберти, стр. 18.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Шарден, Путешествие по Закавказью, 1902 г., стр. 128.

⁵ Ламберти, стр. 21.

нанесенного ему Леваном, совершал теперь систематические набеги на различные районы Мегрелии, разоряя населенные пункты и уводя людей в плен.

Внутри самой Мегрелии был организован тайный заговор, поставивший своей целью погубить Левана и назначить мтаваром его младшего брата Иесе. Покушение на Левана было совершено одним абхазом, но окончилось неудачно. Леван вовремя заметил грозившую опасность, и кинжал убийцы нанес ему лишь незначительную рану¹.

Оправившись от полученного ранения, Леван повел энергичное следствие и, выявив всех заговорщиков внутри страны, подверг их жестокой каре.

После этого Леван во главе многочисленной рати выступил против вдохновителей заговора вне Мегрелии. В первую очередь, он совершил нападение на Абхазию и, одержав победу, принудил абхазского владетеля поклониться и взять на себя обязательство систематически выплачивать дань. «Но так как народ этот (т. е. абхазы – З. А.)... не имеет ни денег, ни товаров, – говорит Ламберти, – то дадиан наложил на них дань известным числом охотничьих собак и соколов, которые водились в этой стране»². Сомнительно, однако, чтобы Левану, кроме собак и соколов, нечем было поживиться в Абхазии. Столь ограниченный размер дани, наложенный Леваном на абхазов, объясняется, конечно, не тем обстоятельством, на которое указывает Ламберти, а скорее всего номинальным характером зависимости абхазов от Левана, которая в данном случае устанавливалась. Фактически абхазские феодалы продолжали оставаться независимыми и впоследствии не раз еще с оружием в руках поднимались против своего недавнего победителя.

Взаимоотношения между мегрельским и абхазским владетелями оставались натянутыми и в дальнейшем. Когда итальянский миссионер Иоанн Лукка посетил в 1629 г. абхазского владетеля Путо Шервашидзе, тот сообщил ему, что с мегрельским княжеством у него враждебные отношения³. Спустя несколько лет (в 1637 г.), митрополит Никифор, направленный грузинским царем Теймуразом послом в Россию, докладывал в Москве, что все соседние владельцы находятся во враждебных отношениях с Леваном Дадиани, в том числе «абхазы и сыны (сваны), ему недруги»⁴.

¹ Там же, стр. 21–22.

² Там же, стр. 24.

³ М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 145.

⁴ Материалы по истории русско-грузинских отношений, изд. М. Поливектова, 1940 г., стр. 134.

Междоусобная борьба абхазских и мегрельских феодалов отличалась проявлением крайних жестокостей и вероломства как по отношению друг к другу, так и, главным образом, по отношению к населению княжеств. А. Ламберти приводит в своем сочинении один весьма характерный в этом отношении эпизод. Абхазский князь во время одного из своих вторжений в Мегрелию сжег деревенскую церковь. Леван вызвал его на переговоры, но тот не соглашался явиться к нему до тех пор, пока Леван не выдал трех заложников – сыновей самых знатных мегрельских вельмож. Только после этого абхазский князь явился к Левану со свитой. Леван тут же приказал схватить князя и отрубить ему голову, а свиту отпустил на волю. Свой поступок Леван мотивировал тем, что отплатил князю за сожженную церковь. Узнав о случившемся, супруга убитого Леваном князя приказала немедленно казнить всех трех заложников¹.

Сообщение об одном из походов Левана II в Абхазию (около 1647 г.) сохранилось в надписи, высеченной на иконе св. Георгия, хранившейся в Илорском храме. Надпись гласит: «Когда мы выступили против Шервашидзе в Зупу, по ею сторону реки Муцу опустошили (все), еще раз напали на Зупу, по эту сторону реки Капоэти совершенно выжгли все и разорили, и где только были укрепления (simagle), взяли и уничтожили. На реке Капоэти напали на нас Зупуар и Сихуар Аршани (Маршания), которых мы победили. Одних мы истребили, других взяли в плен и вернулись победителями»². Такой же грабительский характер носили и другие взаимные набеги мегрельских и абхазских феодалов.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые Леваном Дадияни в борьбе против Абхазского княжества, ему так и не удалось полностью покорить его своей власти. По сообщению Шардена, абхазский владетель «не хотел заключать (с Леваном) ни мира, ни перемирья и кончил воевать только тогда, когда узнал о смерти своего варвара-зятя»³.

В последний период своего правления Леван был вынужден перейти к оборонительной политике и с этой целью стал возводить и укреплять фортификационные сооружения на абхазской границе. Вахушти сообщает, что Леван к востоку от Анакопии, с

1 Ламберти, Описание Мегрелии, ныне именуемой Колхида, стр. 83–84 (на итальянск., яз.).

2 Ф. Жордания, Хроники, ч. II, стр. 447.

3 Шарден, Путешествие..., стр. 126–127.

морского побережья до гор, возвел стену, чтобы воспрепятствовать вторжениям абхазских феодальных ополчений в Мегрелию (“zRvidam mTamTve Seevlo zRude... afixazTa gamousvlelobisa”)¹. Об этой же стене сообщает и Ламберти, который помещает ее на составленной им карте и отмечает, что она тянется на 60 тыс. шагов. Однако, судя по этой карте, речь идет о древней Келасурской стене, которая, по-видимому, была частично восстановлена (преимущественно деревянными сооружениями) и укреплена гарнизонами.

Задача покорения Абхазии была лишь частью общих планов Левана Дадияни, направленных на установление его политической гегемонии по всей Западной Грузии, к чему вели также систематические войны против Имеретинского царства и Гурии. Но в условиях экономической и политической раздробленности тогдашней Грузии эта задача не могла быть осуществлена, ввиду недостаточности сил у Левана и упорного сопротивления отдельных феодальных правителей. Набеги Левана на Имеретию и соседние княжества, в том числе и на Абхазию, не только не приводили к осуществлению поставленной им цели, а, наоборот, еще больше усугубляли политический беспорядок в стране и вызвали дальнейшее разорение и обнищание народа. Следовательно, политическая деятельность Левана II не могла иметь прогрессивного характера.

3. Феодальные междоусобицы во второй половине XVII в. и расширение южных пределов Абхазского княжества

После смерти Левана II (1657 г.) положение Мегрельского княжества начинает систематически ухудшаться. Имеретинский царь Александр (1639–1660 гг.) начал активную борьбу против Мегрелии, чтобы отомстить местным феодалам за те многочисленные набеги, которые они совершали предводительством Левана, и подчинить Мегрелию своей власти. Александру удалось утвердить мегрельским мтаваром двоюродного брата Левана – Вамека Липартиани, который становится покорным вассалом царя².

Однако с начала 60 гг. XVII в. феодальные междоусобицы в Западной Грузии принимают еще более острый характер. Эти усобицы привели к тому, что даже мегрельскому мтавару Вамеку удалось

1 Вахушти, Опис. царства Грузинского, 1941 г., стр. 169.

2 П. Горгиджанидзе, цит. соч., стр. 54; см. также М. Броссе, Переписка на иностр. языках груз. царей с российск. государями, СПб, 1861 г., стр. 76–77.

захватить имеретинский престол. Не ограничиваясь этим, Вамек стал претендовать на признание его власти чуть ли не во всей Грузии и принял следующий громкий титул: «Я, нововенчанный повелитель всей Грузии, владетель стран Лихт-Имери и Лихт-Амери, Осетии, Двалетии, Кабарды, Джигетии, Абхазии и великой Одиши и Гурии, великий царь царей Дадиан»¹.

Однако фактическая власть Вамека не только не распространилась на Восточную Грузию, но даже имеретинские земли, расположенные к востоку от р. Буджис-цкали, находились в подчинении у картлийского царя Шах-Наваза (Вахтанга V – 1658–1675 гг.)². Не подчинялось ему фактически и Абхазское княжество с Джигетией, не говоря уже о Кабарде и Осетии.

Вскоре у Вамека испортились взаимоотношения с Шах-Навазом, который вступил в Имеретию со своими войсками и лишил Вамека престола. Вамек бежал в Сванетию, где вскоре был убит агентами Шах-Наваза³. Войска Шах-Наваза заняли Зугдиди и подвергли Мегрелию опустошению.

Соседние правители решили изъявить Шах-Навазу свою покорность. По сообщению Вахушти, владетель Абхазии также прибыл в Зугдиди с большой свитой и богатыми подношениями (“ZRveniTa didiTa”), признав себя вассалом Шах-Наваза⁴.

Автор исторической поэмы «Шахнавазиани» Пешанги, принимавший участие в походах Шах-Наваза, также свидетельствует, что абхазский владетель Шервашидзе признал своим сюзереном Шах-Наваза, в период его пребывания в Западной Грузии⁵.

Мегрельским мтаваром Шах-Наваз назначил племянника Левана II Шамадавле, который в честь своего дяди принял имя Левана. В период правления Левана III положение мегрельского княжества еще более ухудшилось. Антиохийский патриарх Макарий, находившийся в этот период в Мегрелии (1664–1665 гг.), пишет: «Леван не имеет никакой власти, а вся власть находится в руках его вельмож»⁶. Самого Левана Макарий характеризует как человека,

¹ Д. Пурцеладзе, Грузинские церковные гуджары, Тифлис, 1881 г., стр. 144–145.

² Вахушти, Жизнь Грузии, ч. 1, стр. 308.

³ Там же, стр. 309.

⁴ Там же, стр. 309.

⁵ Пешанги, «Шахнавазиани», Тбилиси, 1935 г. (на груз. яз.).

⁶ См. П. Жузе, Грузия XVII столетия по изображению патриарха Макария, Казань, 1905 г., стр. 60.

который «не отличался ни сообразительностью, ни мудростью, ни красноречием... и никто из ратников его не слушается»¹.

Политическая анархия в Западной Грузии усилилась еще после того, как турки потребовали смещения с имеретинского престола царя Арчила, сына и ставленника Шах-Наваза, и воцарили здесь слепого Баграта.

Создавшимся положением не замедлили воспользоваться абхазские феодалы, которые сумели достигнуть, полной политической независимости от имеретинского царя и вновь стали подвергать Мегрелию систематическим набегам, от которых местное население испытывало большие бедствия². Дело дошло до того, что иностранные наблюдатели перестали даже рассматривать Абхазию как часть общегрузинской политической системы. Цитированный выше патриарх Макарий пишет: «В настоящее время (1660-е гг.) в руках Грузии остались только пять областей, а именно: Мингрелия, лежащая на восток от Черного моря, Имеретия, Гурия, Тифлис и Кахетия»³.

Таким образом, Макарий, проведенный в Западной Грузии около полутора лет, не считал Абхазское княжество частью феодальной Грузии. Это произошло, разумеется, вследствие внутренних феодальных междоусобиц и сепаратистской политики турецких захватчиков, в планах которых Абхазия должна была быть оторвана от политического организма Западной Грузии одной из первых. Эти планы вполне соответствовали большинству абхазских феодалов, боровшихся за полную независимость и стремившихся использовать создавшуюся обстановку, чтобы поживиться за счет соседних грузинских владений. Макарий свидетельствует, что «соседние племена⁴, а именно: абхазы, черкесы... и др., постоянно вторгаются в Грузию, уводят с собой кого могут из ее жителей и продают их в плен»⁵.

Набеги абхазских феодалов на Мегрелию усилились в 70-х гг. XVII в. в связи с дальнейшим обострением внутреннего положения в Мегрельском княжестве. Итальянский миссионер Цампи, проживавший в тот период в Мегрелии, в одном из своих писем в Рим доносил следующее: «Мингрелии уже нет, так как из-за непре-

¹ Там же, стр. 60.

² Там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Следует иметь в виду феодально-верхушечную часть этих «племен».

⁵ Там же, стр. 35.

рывных войн она впала в состояние крайней разрухи... Сейчас ни один человек здесь не может чувствовать себя в безопасности, все пребывают в постоянном страхе, в ожидании нападения со стороны абхазов. Страх этот настолько велик, что люди бегут даже от собственной тени, принимая ее за абхаза»¹.

Аналогичные сообщения содержатся и в описании у иерусалимского патриарха Досифея, побывавшего в те годы в Мегрелии. Досифей свидетельствует, что «абхазы опустошили Мокви, Зугдиди и всю страну от Диоскурии до Гипиуса (Цхенис-цкали)». Причем, Даддани был так беспомощен, что «не в силах был прогнать абхазов»².

Само собой разумеется, что от нескончаемых феодальных междоусобиц, прежде всего и более всего, страдали народные массы. Патриарх Макарий прямо указывает на это: «Но особенно сильно, – пишет он, – страдает простой бедный народ, так как победители разрушают его дома, уводят его в плен, а затем продают его или держат у себя в качестве рабов до тех пор, пока он не окажется в состоянии выкупиться большими деньгами»³.

В выигрыше от междоусобных войн оставались в конечном итоге феодалы и турецкие работорговцы. Жан Шарден сообщает об этом следующее: «Война в Мингрелии доставляла нашим купцам выгоду, так как абхазцы приходили продавать им свою добычу. Однажды на наш корабль пришел знатный абхазец в сопровождении семи или восьми человек прислуги, на вид страшных плутов. Они привели трех рабов и принесли разную добычу»⁴.

В конце 70-х гг. Мегрельское княжество попадает в еще худшее положение. В 1680 г. оно испытало большое нашествие турок, которые разорили край и увели с собой около 4 тыс. пленных⁵. Вскоре после этого умер владетель Леван III, и фактическое управление княжеством захватил один из его приближенных Кация Чиковани. По сообщению Вахушти, «Одиши осталась без хозяина и Кация Чиковани стал главой и правителем ее»⁶. Мегрельские родовитые феодалы, недовольные воздвижением незнатного азнаура Чиковани, вели против него борьбу, в результате чего политические неурядицы в крае разрастались.

¹ См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 204–205.

² См. М. Селезнев, Руководство к познанию Кавказа, СПб, 1847 г., стр. 46.

³ Макарий, там же, стр. 20.

⁴ Шарден, цит. соч., стр. 108.

⁵ «Дневник Захария Акулисского», Ереван, 1939 г., стр. 123–124.

⁶ Вахушти, цит. соч., стр. 315.

Этим обстоятельством снова воспользовались абхазские феодалы. Один из них – Сарек Шервашидзе (сын владетельного князя Абхазии Сустара Шервашидзе) вместе со своим двоюродным братом Квапу в начале 80-х гг. XVII в. вторглись на территорию Мегрельского княжества и захватили его северные районы вплоть до р. Ингури. В отличие от прежних времен, когда абхазские феодалы, совершив набег, возвращались обратно с добычей и пленниками, Сарек Шервашидзе, как сообщает итальянский миссионер Распони, решил обосноваться на захваченной территории и, пользуясь отсутствием в Мегрелии владетеля, объявил себя мегрельским мтаваром¹. Отсюда Сарек и Квапу предпринимали набеги за Ингури, стремясь расширить свои владения, но это им не удалось осуществить.

Утверждение Сарека Шервашидзе в северной части Мегрельского княжества не избавило эту область от дальнейших набегов абхазских феодалов. В одном из своих писем в Рим Распони сообщает, что в 1685 г., вследствие ссоры между Сареком и «его родственником» – абхазским владетелем (по-видимому, дядя Сарека Зегнак Шервашидзе), абхазы вторглись во владения Сарека и подвергли разорению всю область вплоть до Ингури².

Тем не менее Сареку удалось прочно утвердиться на захваченной им территории. Он стал пользоваться большим влиянием среди соседних правителей. Монах Распони свидетельствует, что когда Сарек Шервашидзе направил его своим послом к аланам (осетинам), то аланский владетельный князь Буслак принял Распони «с большим почетом как доверенное лицо мтавара Сарека»³.

После смерти Сарека подвластная ему область была присоединена к Абхазскому княжеству, но когда умер абхазский владетель Зегнак Шервашидзе, то наследство Сарека поделили между собой младшие сыновья Зегнака: Джикешия взял себе в удел область между реками Кодори и Галидзга, а Квапу занял территорию между Галидзгой и Ингури. Старший же сын Зегнака Ростом остался княжить в собственной Абхазии в качестве главного владетеля⁴.

Таким образом, в 80-х гг. XVII в. абхазские феодалы добились существенных успехов в борьбе с мегрельскими мтаварами. Им удалось прочно утвердиться на приморской территории, расположенной между Кодори и Ингури.

¹ См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 208.

² Там же, стр. 209–210.

³ Там же, стр. 211.

⁴ См. груз. газета «Квали», 1897 г., № 20.

4. Агрессия султанской Турции против грузинского и абхазского народов в XVI–XVII вв.

Как выше уже отмечалось, окончательный распад феодальной Грузии на отдельные царства и княжества был осуществлен в условиях резкого ухудшения ее международного положения, которое становится еще более неблагоприятным после того, как по соседству с ней образовались два могущественных агрессивных государства – Османская Турция и Сефевидский Иран.

В своих отношениях с Грузией, как Турция, так и Иран придерживались обычной политики всех завоевателей, выражающейся в словах: «Разделяй и властвуй». Поэтому оба агрессора для достижения своих целей в Грузии всячески старались развивать процесс политического дробления страны и энергично препятствовали центральной власти подчинить непокорных вассалов.

В то же время оба захватчика вели бесконечную борьбу между собой, причем значительная часть военных операций происходила на территории Грузии. В 1555 г. полувековая борьба между Турцией и Ираном закончилась мирным договором, по которому они поделили территорию Грузии (ее по сути дела предстояло еще завоевать на сферы влияния). Грузинский историк XVII в. Парсадан Горгиджанидзе об этом разделе сообщает следующее: «Султан и шах разделили Грузию на две части: Самцхе, Картли и Кахети достались шаху, а Имерети, Одиши с Абхазией, Гурия и страна лазов – султану»¹.

Несмотря на стойкое сопротивление народных масс, политически раздробленная феодальная Грузия, терзаемая непрекращающимися феодальными усобицами, не могла, конечно, рассчитывать на победоносный исход в своей героической борьбе против Ирана и Турции одновременно. Главной помехой в этой борьбе были партикуляристские устремления мтаваров и тавадов, которые свое личное благополучие ставили выше национальных, общегрузинских политических интересов.

Иноземные захватчики не жалели средств, чтобы привлечь на свою сторону и сделать своим послушным орудием крупных грузинских феодалов. Так, например, мтавар Мегрело-Абхазии Леван I Даддани вскоре после того, как добился фактической независи-

¹ П. Горгиджанидзе, цит. соч., стр. 7.

мости от имеретинского царя, ездил в Стамбул к турецкому султану (1557 г.), от которого получил ценные подарки и личные заветы в покровительстве¹.

Западногрузинские владетели в борьбе со своими противниками всегда стремились использовать турецких захватчиков, которые в любое время готовы были оказать им свою «помощь». Так, в конце XVI в. Георгий Гуриели, используя поддержку турок, одержал победу над имеретинским царем Ростомом и его союзником Манучаром Дадиани². С этого времени обращения мтаваров за содействием к туркам принимают систематический характер.

В начале XVII в. (около 1615 г.), как уже выше отмечалось, турецкий султан принудил правителей Гурии и Мегрелии выплачивать ему систематическую дань,³ размеры которой не были постоянными и колебались в зависимости от обстановки. В 1639 г., например, по сообщению русского посла Ф. Елчина, Леван Дадиани давал туркам в качестве дани ежегодно до 800 аршин полотна и рабов («ясырю») от 30 до 40 душ. Причем, Елчин добавляет, что Леван дает эту дань для того, чтобы «приходили корабли с торгом».⁴ То же самое сообщает и итальянец де-Лукка. По его словам, «Леван выплачивал дань туркам, чтобы не лишиться соли, железа и других необходимых товаров, доставляемых из-за границы»⁵.

В таком же положении, как мегрельский и гурийский мтавары, находились и владетели Абхазии. По сообщению итальянского автора первой половины XVII в. Дортелли Д. Асколи, турецкий султан не пускает на побережье Абхазии и Мегрелии торговые суда, «когда тамошние князья не желают ему платить дань, поскольку сам он не может подчинить их своей власти... В случае же нужды, эти князья снаряжают послов (к султану) и тогда разрешается (торговым судам) туда ехать»⁶.

В начале XVII в. турки особенно активизируют свою экспансию по отношению к Абхазии. Отдельные представители господствующего класса, как видно, принимают ислам. Во всяком случае один из абхазских князей, по сообщению Лукка, в конце 20-х гг.

¹ Вахушти, История Грузии, стр. 295.

² Там же. См. также Б. Эгнаташвили, стр. 98–99.

³ Гранже, цит. соч., стр. 37.

⁴ Белокуров, Материалы по истор. России, Москва, 1888, стр. 323.

⁵ М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 148.

⁶ См. ЗООИД, т. XXIV, стр. 100-101.

XVII в. носил чисто турецкое имя Карабей¹. Однако, в целом ислам не получил в Абхазии широкого распространения. Турецкий путешественник Евлия Челеби, побывавший в Абхазии в 1641 г., свидетельствует, что абхазы живут «без законов и веры», т. е. не признают ислама и шариата². Не случайно поэтому, что Абхазия, как сообщает Д. Д. Асколи, принадлежала к числу стран, выплачивающих Турции «харадж» (coraggio), т. е. подушную подать, которой облагались немусульмане³.

В 30-х гг. XVII в. турецкие захватчики предпринимают и вооруженную интервенцию против Мегрельского княжества. Это было вызвано, по-видимому, фактом политического сближения Левана Дадияни с иранским шахом Сефи, с которым турки вели постоянную войну. Кроме этого, они хотели наказать Левана за то, что он поддерживал донских казаков, которые на своих легких ладьях («стружи») совершали частые набеги на малоазийское побережье Турции. В мае 1634 г. турки высадили большой военно-морской десант в районе Кодорского мыса и подвергли опустошению прилегающий район, разграбив, в частности, Драндский монастырь⁴.

Следует, кстати, подчеркнуть, что население Западной Грузии было тесно связано с донскими и днепровскими (запорожскими) казаками, видя в них естественных союзников в борьбе против турецких захватчиков⁵. В этой связи интерес представляет следующий факт, сообщенный Иоанном Лукка. Когда он в 1629 г. посетил Пицунду, то в здешнем храме он увидел большую чашу, наполненную золотыми и серебряными монетами. На его вопрос о происхождении этих денег местный священник ответил, что они были пожертвованы Пицундскому храму донскими и днепровскими казаками в виде благодарности за благополучное возвращение из турецкого похода. Причем, священник добавил, что казаки поступали так всякий раз, когда возвращались на родину⁶.

То обстоятельство, что по прибытии в Абхазию (в Пицунду) казаки считали свои походы благополучно завершенными, красноречиво свидетельствует, насколько дружелюбно к ним относились

¹ См. ЗООИД, т. XI, стр. 492.

² ЗООИД, т. IX, стр. 180.

³ ЗООИД, т. XXIV, стр. 100.

⁴ Белокуров, цит. соч., стр. 324.

⁵ См. И. Цинцадзе, Из истории грузино-украинских взаимоотношений, Тбилиси, 1954 г., стр. 47 и след. (на груз. яз.).

⁶ См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 144.

абхазы. В преданиях донских казаков сохранились даже сведения о совместных походах казаков с «абхазскими христианами» против турецких «басурман».

К этому времени большой интерес к западногрузинским делам начинает проявлять и Русское государство. В 1639 г. в Мегрелию прибыли русские послы (в ответ на Мегрельское посольство в Москву в 1636 г.), которым было поручено «разведать всеми мерами доподлинно: какова Дидиянская земля и сколь она пространна, на сколько верстах и сколько в ней городов и скольлюдна». Наряду с экономическими сведениями, послы должны были собрать и политические: «Любят ли Леонтия царя? Платят ли кому дань? В каких отношениях с Турцией и с Персией? В каких отношениях с правителями других областей Грузии? и т. д.¹ В заключение послам было поручено заверить Левана в том, что русский царь принимает его в свое подданство и обещает оберегать «от недругов» и «держат в царском милостивом жалованье и призрении»².

Хотя в конечном итоге соглашение между Россией и Мегрельским княжеством не было заключено, по-видимому, вследствие страха Левана перед Турцией, но этот факт, как и другие факты русско-грузинских дипломатических отношений того времени, свидетельствовал, что Россия готовится к активному вступлению на политическую арену Западного Закавказья и противопоставит себя здесь султанской Турции. Это обстоятельство, с одной стороны, оказывало существенное влияние на политические настроения местного общества, внедряло в него веру в конечное освобождение с помощью России от турецкой опасности, а, с другой стороны, ставило турецкое правительство перед необходимостью активизировать свою агрессивную политику по отношению к Кавказу.

Во второй половине XVII в. наблюдается заметное усиление турецкой экспансии. Этому в значительной степени способствовали участвовавшие феодальные междоусобицы, и вызванная ими политическая анархия в Западной Грузии, о которой рассказывалось выше. Враждующие между собой феодалы беспрестанно обращались за содействием к туркам, которые пользовались этим, чтобы еще более укрепить здесь свое политическое влияние, и достигли в этом отношении немалого успеха.

Однако, несмотря на крайне неблагоприятную обстановку, народ все-таки находил в себе силы для оказания активного сопро-

¹ Белокуров, там же, стр. 283–285.

² Там же, стр. 282 и 287.

тивления турецким захватчикам. По сообщению армянского путешественника Захария Акулисского, когда в 1680 г. турецкие войска под командованием Ибрагим-паши вторглись по приказу султана «в страну Дадриан», то в результате сопротивления местного населения «из войска паши было убито 2000–3000 чел.»¹.

Героическое сопротивление грузинского народа сказывалось положительно и на борьбе братского абхазского народа. Шарден свидетельствует, что турки и «абхазцев обложили данью, но они платили ее недолго, а в настоящее время совсем не платят»². Этого абхазы вряд ли сумели бы достигнуть, если бы им пришлось бороться против турок в одиночестве.

Несмотря на систематические междоусобицы, западно-грузинские мтавары иногда (правда, в редких случаях) объединялись для совместной борьбы с турками. В этой борьбе порой принимали участие и абхазы. Характерно в этом отношении указание Шардена о том, что в 1672 г. «мингрельский князь пригласил (абхазцев) на помощь против турок»³. Хотя в данном случае абхазские феодалы вскоре изменили своим союзникам, но самый факт обращения за помощью к абхамам наводит на заключение, что такие факты могли иметь место и в предшествующее время.

Однако в условиях господства феодального партикуляризма и почти непрерывных междоусобных столкновений невозможно было организовать единый фронт борьбы против турецких захватчиков, которые не медлили с тем, чтобы использовать благоприятную для их агрессивных замыслов обстановку и настойчиво осуществляли свои захватнические планы. Это, в частности, находило свое выражение в том, что дань, выплачиваемая населением Западной Грузии туркам, систематически росла. Быстро развивалась и культивируемая турками работорговля, наносившая огромный вред народам Кавказа.

5. Грузино-абхазские культурные связи в XVI–XVII вв.

Несмотря на политическую раздробленность и систематические феодальные междоусобицы, культурные связи между абхазским и грузинским народами в рассматриваемый период продолжали осуществляться, хотя и далеко не с такой интенсивностью, как это имело место в эпоху существования единого Грузинского царства.

¹ Захарий Акулиссский, цит. соч., стр. 124.

² Шарден, цит. соч., стр. 101.

³ Там же, стр. 103.

Ведущую роль в развитии грузино-абхазских культурных связей играло соседнее Мегрельское княжество, представлявшее собой непосредственное звено между Абхазии и Грузией. В целом акад. С. Н. Джанашиа по этому поводу писал: «Мегрелия как в силу своего географического местоположения, так и по причине этнографической близости обоих этих племен, возникшей на почве длительного исторического сожительства представляла собой главную артерию, по которой осуществлялась циркуляция культурной энергии (*kulturuli energiis mimoqseva*) между Абхазией и центральными провинциями Грузии»¹.

Особенное значение в этом отношении имела та область Мегрельского княжества, которая, как мы видели, к концу рассматриваемого периода была присоединена к Абхазии, т.е. область между Кодори и Ингури.

До нас дошел ряд культурных памятников XVI–XVII вв. с данной территории, свидетельствующих о широком развитии здесь грузинской феодальной культуры и, в частности, грузинской письменности. Интересна в этом отношении надпись шрифтом «хуцури» на одной складной иконе св. Георгия из Бедийского храма, относящаяся ко времени правления в Сабедиано Левана I (1532–1572 гг.). В надписи содержится просьба о ниспослании благоденствия «эриставу эриставов и мандатурт-ухуцесу Дадияни Левану, по велению которого украшен сей святой образ». Другая грузинская надпись была высечена на западной стене Бедийского храма: «Святая мать божья, будь ходатайницей за того, кто построил этот святой храм, за Симона, начальника каменщиков». На внутренней, южной стене храма, было написано: «... Царица цариц Мариам и сын ее эристав эриставов и мандатурт-ухуцес Дадияни Георгий» (1572–1582 гг.)².

Памятники грузинской церковной культуры и письменности были известны в XVI–XVII вв. и на территории собственно Абхазского княжества. Арк. Ламберти пишет об этом следующее: «За Колхидой, в стране абхазов и джигетов стоят прекрасные храмы, выстроенные в грузинском стиле и с книгами на грузинском языке (*edificati alla Gorgiana, col libri scritti nell'idioma Giorgiano*), например, в местах, называемых Анакопия и Пиджвита»³.

¹ С. Джанашиа, Георгий Шервашидзе, см. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. III, 1939 г., стр. 38.

² Броссе, Отчет об археол. путешеств. в Грузию и Армению, СПб, 1849 г., ч. 1, стр. 96 и след. (на франц. яз.).

³ Ламберти, цит. соч. (итал. оригинал), стр. 8.

В XVI–XVII вв., как и прежде, среди феодальных кругов Абхазии основным письменным языком продолжал оставаться грузинский литературный язык. По этому вопросу акад. С. Джанашиа писал: «Такая функция грузинского языка в Абхазии была плодом многовекового культурно-исторического развития... Соответствующие традиции переходили из поколения в поколение, в соответствии с историческими условиями то беспрепятственно, то с небольшими задержками, поскольку в сфере реальных интересов тяготение Абхазии к остальным частям Грузии полностью никогда не прекращалось...»¹. И дальше: «Грузинский язык не потерял этой своей роли и тогда, когда, после распада Грузинского царства, образовалось Абхазское владетельное княжество – носитель самостоятельной (“gankerZoebuli”) политической жизни. В церковном отношении Абхазия до последнего времени находилась в единстве с Имеретией, Мегрелией и Гурией с единым церковным (грузинским) языком. Грузинский же был языком учреждений княжества, как и вообще письменным языком»².

Одним из свидетельств распространения грузинского языка в высшей феодальной среде абхазского общества того периода является указание А. Ламберти о том, что супруга Левана Дадияни, дочь абхазского владетеля, «в чтении и письме не имела себе подобных»³. Не подлежит сомнению, что грамотность абхазская княжна получила у себя на родине, в Абхазии. Об этом же свидетельствуют и некоторые грамоты абхазских владетелей, дошедшие до нас от того времени, в частности, грамоты Сустара и Квапу Шервашидзе. Так, в грамотах Сустара (Соустана) и Шервашидзе на имя Пицундской церкви говорится о даровании ими этой церкви крестьян, чтобы обеспечить благоденствие ему и сыну его Сареку⁴.

На факт распространения грузинского языка среди абхазских феодалов указывает и Вахушти. Он пишет: «(абхазы) имеют свой собственный язык, но знатные владеют также грузинским»⁵.

Следует однако, указать, что сохранилось весьма незначительное количество подобных документов, ибо впоследствии они были почти полностью утеряны или уничтожены⁶.

¹ С. Джанашиа, цит. соч., стр. 37.

² Там же, стр. 28.

³ Ламберти, цит. соч., стр. 18.

⁴ Д. Пурцеладзе, Грузин. церковн. грамоты, 1881 г., стр. 144.

⁵ Вахушти, Описание царства Грузинского, Изд. М. Джанашиви, 1918 г., стр. 314.

⁶ С. Джанашиа, цит. соч., стр. 28.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемый период, в связи с общим культурным упадком, степень распространения грузинской письменности в Абхазии была значительно ниже, чем в период существования единого Грузинского царства. А. Ламберти свидетельствует, что в его время в Мегрелии не только подавляющая масса трудового населения была безграмотна, но даже среди феодалов редко можно было встретить образованных людей. По его словам, грузинскую грамоту сохраняли лишь отдельные феодалы и представители духовенства, а главным образом женщины, разумеется, из господствующих сословий¹. Подобное положение еще в большей степени имело место в Абхазском княжестве.

Как уже отмечалось, Абхазия продолжала оставаться связанной с Западной Грузией в церковном отношении. Еще во времена Ламберти (да и позднее) Абхазское княжество в вопросах религии находилось в подчинении у абхазского (западногрузинского) католикоса². Вплоть до начала второй половины XVII в. резиденцией абхазского католикоса являлась Пицунда (Бичвинта). Еще в 1637 г. Гаврил Гегенава, посол Левана Дадиани, отправленный им в Россию, докладывал в Москве, что «патриарх-де Малафей живет в Пинчюском (Пицундском) Успенском монастыре»³.

Во второй половине XVI в. при католикосе Евдемене Чхетидзе Пицундский храм был основательно отремонтирован, о чем свидетельствует сохранившаяся в храме надпись на греческом языке.

В конце 50-х гг. XVII в. при католикосе Захарие Квариани (1657–1660 гг.), в связи с ухудшением внешнеполитического положения Грузии и усилившимися феодальными междоусобицами, престол католикосов абхазских был перенесен из Пицунды в Гелати (близ Кутаиси). Однако после этого, утвердился обычай, по которому каждый новый католикос, хотя бы раз в своей жизни, должен был отправиться с многочисленной свитой в Пицунду и провести там торжественное богослужение⁴.

¹ Ламберти, цит. соч., стр. 192.

² Там же, стр. 129.

³ Материалы по истории русско-груз. отношений, изд. Н. Полиектова, стр. 148.

⁴ По мнению Б. Ломинадзе, резиденция «абхазского» католикоса была перенесена в Гелати значительно раньше, – во второй половине XVI в. (см. Б. Ломинадзе, «Гелати», 1958, стр. 12).

Большой популярностью среди абхазов пользовалась Илорская церковь. По словам Ламберти, «абхазы поклоняются этой святыне и боятся ее». Он же указывал, что в день св. Георгия «не только одишцы, но даже и абхазы и сваны в большом количестве приходят на этот праздник»¹. То же самое сообщает и миссионер Цампи, который писал, что икона св. Гергия в Илорской церкви «весьма почитается мегрелами, грузинами и абхазами»². Приведенный факт тем более знаменателен, что он относится к периоду, когда христианство в Абхазии значительно ослабло в сравнении с предшествующим временем (см. след. главу).

Следует отметить, что в рассматриваемую эпоху, несмотря на крайнюю политическую раздробленность страны, передовые представители грузинского общества сохранили в своем сознании представление о Грузии (“saqarTvelo”) как о некогда большом и едином культурно-политическом организме и не исключали из этого понятия и абхазов. Так, Сулхан-Саба Орбелиани, побывав, во время своей дипломатической поездки в Западную Европу, на острове Мальта, сообщает, что там он «у в и д е л г р у з и н , некоторые из них были а б х а з ы , некоторые и м е р е т и н ы , г у р и й ц ы и м е г р е л ы ; были они похищены татарами, язык же (грузинский) они по-прежнему хорошо знали». Показание С. Орбелиани тем более важно, что абхазов э т н и ч е с к и он не считал грузинами. Это можно заключить из его удивления по поводу того, что абхаз, которого он встретил на Мальте, говорил по-грузински, Тем не менее, как мы видим, он и «абхазов считает грузинами»³, разумеется, в широком культурно-политическом смысле этого слова.

Именно в таком же смысле употреблял выражение «картвели» и католикос Антоний (XVIII в.), который в одном стихотворении, посвященном Вахушти Багратиони, пишет:

«Славлю я сведения «Географии» Вахушти,
Исторические сказания, пространные мудрые предания.
Этим положено начало истории к а р т в е л о в –
к а х е т и н ц е в , м е с х о в , а б х а з о в , м е г р е л о в ,
с в а н о в и к а в к а з ц е в»...⁴

Таким образом, под понятием «картвели» Антоний объединяет все родственные кавказские народности. И здесь, как мы видим,

¹ Ламберти, цит. соч., стр. 160.

² См. Шарден, цит. соч., стр. 59.

³ См. С. Джанашиа, цит. соч., стр. 56–57.

⁴ Там же, стр. 57.

слово «картвели» употреблено не в этническом смысле, а в смысле широкого культурно-политического понятия, представлявшего «продукт реального исторического положения»¹. В частности, в нем находит свое отражение та историческая эпоха, когда феодальная Грузия выступала в роли политического объединителя народов Кавказа (XII–XIII вв.).

Идея исторического и, в частности культурно-политического единства Абхазии с Грузией сохранялась, разумеется, и в среде самих абхазов. До нас, к сожалению, не дошли конкретные свидетельства об этом, относящиеся к рассматриваемому нами периоду, но соответствующие данные, относящиеся к более позднему времени, в частности к первой половине XIX в., дают полное основание предположить, что передовые представители абхазского общества XVI–XVII вв. рассматривали Абхазию как органическую часть грузинского культурно-политического организма².

¹ Там же, стр. 57.

² Подробно об этом см. в работе С. Джанашиа «Георгий Шарвашидзе».

ГЛАВА IX

ЭТНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ АБХАЗСКОГО НАРОДА XVI–XVII вв.

1. Экономическое положение Абхазии в XVI–XVII вв.

Поскольку этническое состояние абхазского народа предопределялось в конечном итоге его социально-экономическим положением, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать хозяйственную жизнь и основные черты социальной структуры абхазского общества рассматриваемой эпохи.

Следует еще раз подчеркнуть, что общий и, в частности экономический, упадок феодальной Грузии, вызванный политическим раздроблением и резко осложнившейся внешней обстановкой, распространился в большей или меньшей степени на все составные части бывшего Грузинского царства, в том числе и на Абхазию.

В своем «Описании Колхиды» Арк. Ламберти дает лестную характеристику природным условиям Абхазского княжества. Он пишет: «К северу от Мегрелии живут абхазы, или абаски, которых турки называют «абаза». Страна их очень красива и привлекательна; вся она разделена на плодородные возвышенности. Воздух у них здоров и сух»¹. В таком же духе высказывался об Абхазии и И. Лукка: «Страна эта, – пишет он, – очень приятна и воздух в ней очень здоров»².

Однако, несмотря на большие хозяйственные возможности, которые могли быть обеспечены богатыми природными условиями края, экономика абхазского общества рассматриваемого периода стояла на весьма низком уровне. Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с источниками того времени, это полное и безраздельное господство в крае замкнутого натурального хозяйства. И.

¹ Ламберти, цит. соч., стр. 198.

² Лукка, цит. соч., (ЗООИД, т. XI), стр. 493.

Лукка свидетельствует, что «монета у них (у абхазов) не в ходу»¹. То же самое пишет и Ев. Челеби, который утверждает, что свои товары абхазы «выменивают без посредства денег»². Ламберти же писал, что у абхазов «нет ни денег, ни товаров»³.

Арк. Ламберти в своем «Описании» дает классическую характеристику натурального хозяйства Мегрелии, которую в еще большей степени можно распространить и на Абхазию того времени. Он пишет: «Знатным вельможам крепостные каждый день носят все необходимые съестные припасы. Что касается среднего сословия или низшего сословия, то среди них нет таких, которые бы ремеслом приобретали необходимое для жизни. Они устраивают так, что все необходимое имеется дома... Все имеют без покупки то, что им нужно... Часто годы проходят так, что мегрел ни для себя, ни для своего семейства ничего не истратит и содержит себя тем, что получает из своего хозяйства»⁴.

Одним из показателей господства натурального хозяйства в крае являлось отсутствие в нем городов, вследствие полного упадка городской жизни. Лукка свидетельствует, что в Абхазии «нет городов, но много селений в горах»⁵. О том же пишет и Ламберти: «В городах... абхазы не живут»⁶. Следовательно, ремесленное производство в Абхазии было теснейшим образом связано с сельским хозяйством.

Вся внутренняя торговля сводилась к натуральному продуктообмену, который порой осуществлялся на ярмарках, в частности в Мегрелии – в местечках Чипуриа, Бедиа и Илори, которые посещали и абхазы. Деньги и на ярмарках имели крайне ограниченное хождение, они обычно служили дополнением к натуральному обмену. «Деньги употребляются лишь тогда, когда один товар другому по цене не равняется»⁷.

Господство замкнутого натурального хозяйства и обусловленная этим экономическая раздробленность соответствующим образом отражались и на этническом состоянии абхазского народа, т. е. вызывали ослабление связывающих его этнических уз.

¹ Там же, стр. 493.

² Челеби, цит. соч., стр. 178.

³ Ламберти, там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 184–186.

⁵ Лукка, цит. соч., стр. 492.

⁶ Ламберти, цит. соч., стр. 199.

⁷ Там же, стр. 185–186.

Абхазы вели оседлый образ жизни и ведущее место в их хозяйстве занимало земледелие. И. Лукка пишет, что абхазы, «выбрав себе пребывание в одном месте, не покидают его»¹. Автор XVIII в. Яков Рейнегс указывал, что «земледелие с избытком удовлетворяет потребность абхазов»². Вахушти в своей «Географии» подчеркивал, что в Абхазии «произрастают всякие зерна»³, хотя, по свидетельству Лукка, абхазы в его время не сеяли пшеницу⁴. Различные источники свидетельствуют об определенном развитии в Абхазии садоводства и виноградарства. Так, например, Лукка подчеркивал, что абхазы возделывают много вина⁵.

Наряду с земледелием, важное место в хозяйстве абхазов занимало скотоводство, особенно в высокогорных районах. Ламберти указывает, что «у них (у абхазов) имеется достаточное количество крупного и мелкого скота. Обычная пища их: сыр, молоко и дичь, рыбы не едят»⁶.

Внешняя торговля абхазов сводилась к товарообмену в некоторых прибрежных пунктах с турецкими или западноевропейскими купцами, прибывавшими сюда на кораблях. И. Лукка пишет: «Они (т. е. абхазы) обладают очень хорошей гаванью. Сюда ежегодно приходят суда из страны лазов, Трапезунта, Константинополя и Каффы и иногда зимуют здесь. Эта гавань называется Эски-Сумуни» (Eschisumuni – «Старый Сухуми») ⁷.

Другим крупным торговым пунктом на побережье Абхазии была «морская стоянка» Абаза (Abbasa), расположенная, как видно, в устье р. Шахе⁸. «Туда прибывают в июле или в августе торговцы из Константинополя, Татарии и других мест Черного моря, ибо в это время там бывает как бы ярмарка, на которую привозят домашнюю утварь ручной работы, дешевые материи для одежды и много копченой рыбы из Татарии... Купцы же вывозят оттуда отличный мед, прекрасные нитки для выделки полотна, но довольно простого, рабов, воск и получают такую прибыль, что затративший 100 реалов получает 300»⁹.

¹ Лукка, там же, стр. 493.

² См. Вивьен, «Историко-географ. введение к книге Белла» (Архив Абх. инст. ЯЛИ АН СССР).

³ Вахушти, Описание..., стр. 171.

⁴ Лукка, цит. соч., стр. 492.

⁵ Там же, стр. 493.

⁶ Ламберти, цит. соч., стр. 198.

⁷ Лукка, цит. соч., стр. 491.

⁸ Д. Д' Асколи, цит. соч., стр. 100; по Д' Асколи, Абаза находилась в 90 милях от Сухуми и в 50 милях от Гагра (стр. 103).

⁹ Там же.

По свидетельству Ламберти, турецкие купцы получали большие барыши от торговли «пальмовым деревом» (самшитом), которое в большом количестве они вывозили из Абхазии. Выменяв на соль 7–8 тыс. кусков самшита, они «затем продавали его в Константинополе по одному скуди за штуку»¹. О больших выгодах, которые приносила торговля на абхазском побережье, свидетельствуют также и другие авторы.

Местное население не доверяло приезжим купцам, которые могли воспользоваться любым удобным случаем, чтобы захватить людей для продажи их в рабство, так как пленные их более всего интересовали (см. ниже). Поэтому торговые операции на Абхазском побережье осуществлялись с большими предосторожностями. Д. Д'Асколи пишет: «Вся торговля совершается в гавани или на судне. Они даже дают друг другу клятву в том, что не причинят никакого зла, причем берут один у другого заложников»². Об этом же свидетельствует Шарден и ряд других авторов того времени.

Давая оценку внешней торговле населения Абхазии с иностранными купцами, надо указать прежде всего на следующее обстоятельство. Основным товаром, который более всего был необходим обитателям Абхазии, являлся такой жизненно-необходимый продукт, как соль. Второе место в импорте занимали товары, потребителями которых были в основном местные феодалы – предметы роскоши, оружие и т. п. Главным же «товаром», за которым охотились купцы, были живые люди – рабы. Следовательно, береговой обмен приносил местному населению чрезвычайно большой урон и в силу этого имел для него резко отрицательное значение: люди не могли обойтись без соли, феодалы «нуждались» в предметах роскоши, а за все это нужно было платить главным образом живыми людьми...

В результате подобной «торговли», от национального организма систематически отрывалась лучшая, наиболее здоровая его часть.

Поскольку работорговля в рассматриваемый период систематически возрастала и наносила огромный ущерб этническому развитию народов Кавказа, в том числе и абхазскому народу, необходимо остановиться на этом вопросе более подробно.

¹ Ламберти, цит. соч., стр. 234.

² Дортелли Д'Асколи, там же.

2. Работорговля в Абхазии в XVI–XVII вв.

Выше уже говорилось о том, что работорговля в Абхазии стала широко практиковаться в период монгольского господства и затем во время генуэзской колонизации (гл. VII, параграф 3). Однако «особенный расцвет работорговля приобрела на восточном побережье Черного моря, как раз в эпоху турецкого протектората, ибо посредническая деятельность торгового капитала, оперировавшего на черноморских рынках, базировалась именно на производстве такого рода и таких стран, где труд рабов играл значительную роль. «Полуфеодальное» хозяйство Ближнего Востока (Египет, Сирия, Турция, Персия) и Крыма в огромном количестве поглощало труд рабов, наряду с крепостнической эксплуатацией крестьянства»¹.

Между тем социально-экономическая и политическая обстановка, господствовавшая в тот период на Кавказе и, в частности в Абхазии, создавала весьма благоприятные условия для превращения этого края в один из главных поставщиков дешевой рабочей силы в лице рабов на невольничьи рынки Ближнего Востока. Большой интерес в этом отношении представляет собой донесение венецианского посла Лоренца Бернардо об Оттоманской империи, составленное в 1592 г. В донесении говорится, что Турция граничит с Мегрелией и Черкесией, которые «представляют собой для турок как бы рудник для добывания рабов, потому что они занимаются тем, что промышляют там рабами, которых везут наподобие скота в Константинополь и продают с публичного торга»².

Арк. Ламберти прямо указывает на то, что турецкие купцы, приезжавшие на Кавказ, прежде всего интересовались рабами. Он пишет: «Сюда приезжает множество турецких купцов. (Они) привозят в большом количестве деньги и одежду, в которой нуждаются местные народы, и за что турки и с к л ю ч и т е л ь н о т р е б у ю т н е в о л ь н и к о в (non altro prezzo ne vogliono, che schiaui). Поэтому грузины, колхи и абхазы продают туркам похищенных людей»³.

¹ А.В. Фадеев, Краткий очерк истории Абхазии, ч. 1, 1934 г., стр. 122.

² «Отчеты венецианских купцов», Венеция, 1884 г., т. III, стр. 388 (цит. по Е. Зевакину и Н. Пенчко, Очерки по истории Генуэзских колоний на Зап. Кавказе в XIII и XIV вв.).

³ Ламберти, цит. соч., стр. 82.

Ламберти сообщает далее, что «абхазские невольники высоко ценятся у турок; женщины из-за редкой красоты, а мальчики потому, что после обращения их в свою веру и обучения военному искусству, выходят из этих невольников очень хорошие гражданские чиновники и офицеры»¹.

Пленников для продажи их в рабство туркам, местные феодалы добывали во время набегов на соседние княжества. Евлия Челеби сообщает, что «оба народа (имеются в виду мегрелы и абхазы, т. е. их феодальная верхушка – З. А.) крадут друг у друга детей обоих полов и продают их в неволю»². По свидетельству Ламберти, мегрельские феодалы, промышлявшие работоторговлей, и их подручные среди таковых же элементов в Абхазии имели своих «поверенных» («*persone confidenti*»)»³.

Существовали организованные воровские шайки, выработавшие «специальную» систему похищения людей и доставки их к местам стоянки турецких торговых судов⁴. Об одном характерном эпизоде рассказывает Макарий. По его словам, одному священнику «довелось провести со своими товарищами ночь в каком-то доме, который, как потом оказалось, состоял из одних разбойников, которые, сбрав священнику голову и бороду и убив всех его товарищей, продали его в плен абхазам. Но... он бежал оттуда и с большим трудом добрался до Грузии»⁵.

Особенно широкие масштабы приняли похищение и продажа в рабство феодалами своих соплеменников. Челеби сообщает, что «Абхазы крадут детей одни у других» и продают их в рабство⁶. Аналогичные сведения имеются и у многих других авторов. Ламберти, например, сообщает, что абхазы «воруют людей: мужчин, женщин и детей и продают их туркам в рабство»⁷.

Главными организаторами работоторговли внутри страны, как уже неоднократно отмечалось, являлись местные феодалы. Патриарх Макарий обвиняет в этом «все дворянское сословие страны. Мы знали многих этих последних, которые занимались продажей в плен крестьян, включая сюда и священников»⁸.

¹ Там же, стр. 199.

² Ев. Челеби, цит. соч., стр. 169.

³ Ламберти, там же, стр. 79-80.

⁴ Макарий, цит. соч., стр. 20.

⁵ Макарий, цит. соч., стр. 26.

⁶ Челеби, цит. соч., стр. 176.

⁷ Ламберти, там же, стр. 199.

⁸ Макарий, там же, стр. 25.

Продажей людей в рабство не гнушались и некоторые «священнослужители». Макарий по этому поводу пишет: «Своими глазами мы видели и своими ушами мы слышали, как некоторые архиереи продают красивых мальчиков, девиц и молодых замужних женщин своей епархии, вообще всякого, за кого только пленоторговцы предлагали сравнительно большую сумму. Нередко они продают жену на глазах своего мужа и наоборот. Мы лично видели, как епископ моквский Андрей в течение одного только года продал 60 человек из своих пасомых... Этого нечестивого епископа я временно отлучил от церкви, а на его место назначил нового, более достойного епископа»¹.

Описанные факты, относящиеся к Мегрельскому княжеству, были весьма характерны и для соседней Абхазии, где местные феодалы ничем в этом отношении не уступали своим мегрельским собратьям по классу.

Следует, впрочем, отметить, что среди феодалов и церковников встречались порой передовые люди, сознававшие, какой огромный вред наносит обществу работорговля. Они пытались даже вести борьбу с этим злом. Так, издавались указы отдельных царей и постановления церковных соборов против похищения людей и продажи их в рабство. Но в тех исторических условиях эти попытки не могли иметь никаких существенных результатов.

Что касается широких крестьянских масс, то они были лишены возможности оказать организованное противодействие феодалам-работорговцам. В условиях крайней политической раздробленности и острой материальной нужды, вызванной бесконечными поборами феодалов, крестьянская масса была забитой и отсталой. Она была способна, в основном, лишь на пассивное сопротивление, которое выражалось главным образом в бегстве крестьян от своих помещиков. Факты такого рода получили весьма широкое распространение в позднесредневековой Грузии.

В чем конкретно выражается тот колоссальный урон, который систематически наносила работорговля этническому состоянию абхазского народа?

Прежде всего, как уже отмечалось, работорговля наносила прямой вред в том смысле, что постоянно отрывала от народа лучшую часть его состава, поскольку работорговцев интересовали не старые и больные, а молодые здоровые люди. Число рабов, ежегодно вывозимых с Кавказа, и прежде всего с Черноморского его побе-

¹ Там же, стр. 23–24.

режья, составляло, по сведениям Шардена, 12 тыс. человек в среднем¹. Сколь не казалась бы эта цифра преувеличенной, она тем не менее должна быть близка к истине. Если учесть, что ежегодно к берегам Кавказа прибывало большое количество кораблей, которые, как правило, уходили отсюда до отказа наполненные рабами, то их число должно было быть, несомненно, значительным. Немало рабов переправляли и сухопутью, преимущественно через ахалцихский пашалык, который представлял собой одну из основных баз турецкой работорговли с Кавказом.

Даже в первой половине XIX в., когда в результате оградительных мер, принятых русскими властями, торговля невольниками резко сократилась, имел место следующий факт: только два турецких купца, орудовавшие в Абхазии, в течение одного года продали до 400 мальчиков, девушек и взрослых людей².

Особенно страдали от работорговли кавказские прибрежные области – Черкесия, Абхазия, Мегрелия и Гурия. Местным феодалам не составляло большого труда тут же сбывать работорговцам захваченных пленных, либо же своих собственных крепостных крестьян. Не случайно, по единогласному утверждению всех источников, абхазы занимали одно из первых мест среди рабов, вывозимых с Кавказа, наряду с черкесами и грузинами.

Это обстоятельство приводило к прямому сокращению численности населения, к обезлюдению целых районов, в особенности прибрежных, т. к. люди опасались селиться в местах, где они легко могли стать жертвой похитителей рабов.

Наряду с этим, практика работорговли оказывала большое отрицательное воздействие на естественный прирост населения. Люди теряли стимул к деторождению, а то и прямо лишали жизни новорожденных детей, рассуждая в том смысле, что не стоит тратить энергии и средств на воспитание детей, ибо рано или поздно они станут жертвами работорговцев. В источниках по этому поводу имеются прямые указания. Патриарх Макарий, например, пишет: «Самое сильное наказание состоит в том, что грузинские женщины из низшего сословия душат своих детей – мальчиков и девиц в младенческом возрасте, оправдываясь тем, что когда они подрастут, господа все равно продадут их в плен народам, кото-

¹ См. Шарден, цнт. соч., стр. 33.

² См. Г. А. Дзидзария, Народное хозяйство и соц. отношения в Абхазии в XIX в., стр. 153.

рые заставляют их отречься от своей религии»¹. Макарий утверждает далее, что сам он лично «разослал от своего имени и от имени бедийского епископа людей, которым вменил в обязанность... строго-настрого запрещать матерям душиить своих младенцев»². Об ужасных случаях лишения жизни своих детей в младенческом возрасте, которые совершали некоторые отчаявшиеся крепостные крестьянки, свидетельствуют также Ламберти и Шарден³.

Вместе с тем работорговля, наряду с другими отрицательными факторами (междоусобицы и др.), резко тормозила развитие экономики страны. Опасаясь похищения, производители вынуждены были обрабатывать земли лишь в непосредственной близости от своего жилья, оставляя без обработки большие земельные массивы. Значительно суживалась также возможность развития отгонного (эйлажного) скотоводства.

Работорговля, наконец, консервировала отсталые, застойные формы натурального хозяйства. Предметы продукции труда обменивались не на таковые же, а на главную производительную силу – человека. Работорговля не только не подрывала, а, наоборот, укрепляла устои натурального хозяйства феодальной Абхазии⁴.

Приведенные данные не требуют особых комментариев. Они со всей очевидностью вскрывают тот огромный урон, который работорговля наносила этническому состоянию абхазского народа.

3. Социально-политический строй Абхазского княжества в XVII веке

В XVII столетии Абхазское княжество представляло собой фактически самостоятельную политическую единицу, которая номинально находилась в вассальной зависимости от имеретинского царя.

Во главе княжества стояли владетели («ах») из феодального рода Шервашидзе (Чачба), которые считали себя потомками цхумских и абхазских эриставов (ServaSiZe)⁵.

¹ Макарий, цит. соч., стр. 35.

² Там же, стр. 32.

³ Ламберти, цит. соч., стр. 143; Шарден, цит. соч., стр. 30.

⁴ А. В. Фадеев, цит. соч., стр. 123.

⁵ Акад. С. Джанашиа высказал предположение, что позднейшие Шервашидзе генеалогически могли не быть связанными с носителями этой фамилии в более древние времена. В эпоху внутренних усобиц

Однако в рассматриваемый период Абхазское княжество по своему внутреннему строю также отличалось крайней степенью политической децентрализации. Иногда во главе княжества стояло несколько владетелей, управлявших отдельными областями страны. Так, по сообщению И. Лукка, в первой трети XVII в. «Абхазия подчинялась двум князьям, из которых одного зовут Путо (Puto или Puso), а другого – Карабей (Carabey)». Как это можно заключить из рассказа Лукка, Путо управлял южной частью Абхазского княжества и имел резиденцию в «Старом Сухуме» (Eschisummuni), а Карабей – северной частью¹.

В конце XVII в., как уже было указано, сыновья владетеля Абхазии Зегнаха Шервашидзе – Ростом, Джикешия и Квапу поделили страну на три части: территория до р. Кодор досталась старшему брату Ростому, Джикешия утвердился в области между реками Кодор и Галидзгой, которая впоследствии была названа «Абжуа» («Срединная область»), а младший – Квапу занял территорию между Галидзгой и Ингури, названную позже «Самурзакано» – по имени сына Квапу Мурзакана Шервашидзе². Правители «Абжуа» и «Самурзакано» номинально считались вассалами главного владетеля, резиденцией которого во второй половине XVII в. становится село Лыхны («Зупу», по грузинским источникам)³. Однако и эти сравнительно крупные области политически не были едиными. Владения отдельных князей (აფაუადცა), формально зависимых от владетеля, представляли собой типичные сеньории, которые во многом были аналогичны грузинским позднесредневековым сатавадо⁴.

Известный турецкий путешественник Евлия Челеби, побывавший в Абхазии в 1641 г., насчитал здесь («в горах и на побережье») до двадцати пяти «племен»⁵. Между тем, как правильно отмечает проф. С. Джикия, «племя» Челеби мы должны понимать

должность мтавара (ахра) мог захватить какой-либо другой феодальный род, присвоивший себе и звание «шарвашидзе», которое, как и «дадиани», приобретало значение титула, соответствующего мтавару (См. С. Джанашиа, «Георгий Шервашидзе», 1939 г., стр. 30–31).

¹ См. ЗООИД, т. XI, стр. 492.

² См. С. Какабадзе, История Грузии (Эпоха новых веков), 1922 г., стр. 103.

³ В грузинских источниках термином «Зупу» именовалась иногда и вся Бзыбская Абхазия.

⁴ Г. Дзидзария, цит. соч., стр. 159–160.

⁵ Челеби, цит. соч., стр. 181.

как род или же как фамилию какого-нибудь феодала, которого, надо полагать, Челеби принимает вместе с его подданными за единое племя¹.

И действительно, названия целого ряда приморских абхазских «племен», о которых пишет Челеби («Чач», «Чанды», «Арт» и др.), восходят к фамильным наименованиям отдельных феодальных родов – Чачба, Цанба, Артба и др., а остальные племенные названия связаны с названиями определенных географических пунктов, либо же действительно увязаны с наименованиями этнических подразделений абхазского народа.

По свидетельству Челеби, во главе всех абхазских «племен» стояли полусамостоятельные «беки», т. е. феодалы, облеченные сеньориальными правами. Каждый из них мог выставить определенное число воинов: «племя Чач» – 10 тыс., «племя Субиш» – 3 тыс., «племя Кютасси» – 7 тыс. и т. д.

Особое место, по Челеби, занимали «горные абхазские племена», к которым принадлежали: Псху – 7 тыс., Ахчипсху – 10 тыс., Беслебей – 7,5 тыс., Мункеллебе – 30 тыс., Чичакорее – 3 тыс., Мача – 2 тыс. и др.²

Говоря о «горных абхазских племенах», Челеби делает следующее весьма важное указание. Эти племена, говорит он, «никогда не смешиваются с прибрежными абхазами»³. Такое явление объясняется, несомненно, тем, что феодальные отношения у прибрежных абхазов были более развиты, чем у горских племен, у которых патриархально-общинный уклад занимал значительное место.

Что касается населения прибрежной части Абхазии, то здесь феодальные отношения были достаточно развиты. В частности, Вахушти писал, что зависимые сословия в Абхазии «весьма преданы своим господам и покорны им» (*arian erTgulni friad TvisTa meratroneta da morCilni misni*)⁴. Это указание Вахушти, разумеется, следует понимать не в том смысле, что между господствующими и зависимыми сословиями в Абхазии были установлены гармоничные отношения, а в смысле сравнительно высокого уровня развития феодальных отношений. В условиях крайней политической раздробленности «преданность» зависимого населения свое-

¹ С. Джикиа, Евлия Челеби о лазах и лазском языке, см. Иберийско-кавказское языкознание, т. VI, 1955 г., стр. 249.

² Челеби, там же, стр. 173–180.

³ Там же, стр. 181.

⁴ Вахушти, Описание..., стр. 172.

му «патрону» была нужна для того, чтобы использовать данный «патронат» в качестве одной из форм защиты от набегов соседних феодалов. Определенную роль в этом играли и пережитки патриархальных отношений.

В таких условиях классовая борьба крестьян против своих феодалов принимает своеобразные формы. В частности, одной из весьма распространенных форм борьбы, как отмечалось было бегство крестьян от одного «патрона» и переход под «покровительство» другого феодала (асасра). Данная форма классовой борьбы имела широкое распространение в феодальной Грузии вообще и, в частности, в Восточной Грузии где она была известна под названием «хизноба-боганоба»¹.

В обстановке «феодалного беспорядка», обусловленного политической раздробленностью, в форме «асасра» происходило порой значительное движение населения внутри страны, а также бегство крестьян за пределы княжества – в Мегрелию, Черкесию и т.д. С другой стороны, нередко крепостные крестьяне и другие лица из соседних феодальных владений переселялись на правах асасов в Абхазию, о чем в источниках имеются определенные указания. Макарий, например, рассказывает об одном случае, когда подвергнутая им религиозному преследованию мегрелка со своим мужем «бежала в Абхазию»².

Политическая раздробленность и связанные с ней междоусобицы консервировали и некоторые формы родового быта, в частности расселение отдельными родовыми поселками (ацуа или ацабла), которые, как правило, состояли из представителей одной фамилии. Интересное свидетельство об этом сохранилось у Ламберти, который пишет: «В городах и крепостях абхазы не живут»³, но обычно собираются вместе девять или двадцать семейств одной фамилии (*famiglie della stesse*), выбирают где-нибудь возвышенное место, строят из соломы несколько шалашей и обводят все крепким забором и глубоким рвом. Последнее делают, потому что у них обычай грабить друг друга (*perche la lora usanza e di rubarsi Pun Paltro*)⁴.

¹ См. Г. А. Дзидзария, цит. соч., стр. 344.

² Макарий, цит. соч., стр. 32.

³ Ламберти, разумеется, имеет в виду основную массу абхазов. Что касается феодалов, то наиболее могущественные из них имели хорошо укрепленные замки, развалины которых в немалом числе дошли до нас.

⁴ Ламберти, цит. соч., стр. 199.

Совокупность таких «родовых» поселков, расположенных по соседству друг с другом, составляла сельскую общину (акыта), находящуюся под покровительством того или иного феодала, в подчинении у которого было иногда несколько таких общин-акыта. Например, по сведениям Челеби, в подчинении у одного феодала Цанба («Большие Чанды») находилось до 25 деревень, а у князя Гечба («Гечилер») – даже 75 деревень, большинство которых составляли, по-видимому, фамильные поселки – ацуга¹.

При определении общего уровня социально-экономических отношений в Абхазии важное место имеют указания Лукка и Ламберти о том, что «по образу жизни» абхазы более походят на черкесов, сванов и аланов. Ламберти, например, пишет: «Про аланов и зиков я отдельно ничего не скажу, потому что у них такие же обычаи, как у их соседей сванов и абхазов»². Это указание свидетельствует, что в целом социальная структура абхазского общества рассматриваемого периода все-таки более соответствовала недоразвитым горским обществам, нежели развитым феодальным отношениям, господствовавшим в равнинных областях.

Исторические источники XVII в. сохранили немало сведений о систематических феодальных междоусобицах внутри Абхазского княжества. Они происходили настолько часто, что, по свидетельству Ламберти, «абхазы в ожидании нападения обыкновенно спят одетые в броню, с пикой в руках, щит кладут под голову, а оседланную лошадь привязывают у своего ложа»³. Именно поэтому, как сообщает тот же автор, ведущее место в воспитании абхазской молодежи занимала подготовка их к войне. Он пишет об этом следующее: «Молодежь никогда не сидит без дела, а проводит время то обучаясь владению пикой, то подбрасывая в воздух тяжелые вещи с целью накопления сил, то перескакивая через канавы, чтобы приучить себя к ловкости»⁴.

Систематические феодальные междоусобицы также наносили, разумеется, огромный вред этническому состоянию народа. От этих усобиц прежде всего страдали широкие народные массы, представители которых в большом количестве гибли в бесплодной

¹ Челеби, цит. соч., стр. 175.

² Ламберти, там же, стр. 190.

³ Там же, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 198.

борьбе. Именно в такой обстановке могла возникнуть старинная абхазская поговорка: «Большие люди поссорились, а их крестьяне перебили друг друга»¹.

Совершенно очевидно, что в подобной обстановке резко падало общенациональное самосознание и все больше подменялось узко-сеньориальными интересами. Такие настроения главным образом царили в феодальной среде. Представители господствующего класса из-за своих узкословных интересов всегда готовы были поступиться интересами страны в целом. Чтобы осуществить свои партикуляристские цели, они в любой момент были готовы пойти на сговор с иноземными захватчиками и т. п. Все это, разумеется, сильно подрывало этническую общность народа.

Феодальные междоусобицы резко ослабляли хозяйственную жизнь страны, поскольку они приводили к уничтожению полей, утону и истреблению скота, вырубанию многолетних насаждений. В таких условиях непосредственный производитель терял стимул к интенсивному труду, не был заинтересован в росте производимой им продукции, что резко ухудшало положение народных масс и приводило к сокращению естественного прироста населения. Все это, несомненно, имело своим последствием сокращение экономической базы народности, что также крайне неблагоприятно отражалось на ее этническом состоянии.

Общая численность населения в таких условиях, в каких пребывала абхазская народность в эпоху позднего средневековья, не только не увеличивалась, а, наоборот, имела тенденцию к систематическому уменьшению. Мы, к сожалению, не обладаем сравнительными статистическими данными², но тем не менее можно смело сказать, что междоусобицы, внешние вторжения, работорговля и т. п. вызывали уменьшение численности населения. Пример соседнего Мегрельского княжества, где в течение XVII в. численность населения значительно сократилась, красноречиво свидетельствует об этом.

¹ См. Д. Гулиа, Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок..., Сухуми, 1939 г., стр. 49.

² По подсчетам Челеби, общее число абхазов к середине XVII в. составляло около 100 тыс. чел. (стр. 180).

4. Политические и этнические границы Абхазии в XVII веке

Черноморское побережье Кавказа от Фазиса (Риони) до Анапы турецкий путешественник Евлия Челеби называет «абхазским берегом Черного моря». Он пишет: «Берег этот пролегает от Фазиса до замка Анапского, близ острова Тамани¹. Однако это указание не соответствовало ни политическим, ни этническим границам Абхазии первой половины XVII в. Оно, надо полагать, выражает пережиточное представление об «Абхазии» как о политическом объединении, охватывавшем некогда всю Западную Грузию и Черноморское побережье Кавказа вплоть до Анапы и далее.

В данном случае мы имеем дело с последним примером подобного понимания термина «Абхазия», ибо почти во всех источниках XVI–XVII вв., в которых встречается этот термин, он уже выражает понятие собственно Абхазии. Именно в таком смысле термин «Абхазия» употребляется в работах Горгиджанидзе, Лукка, Ламберта, Шардена, Вахушти и многих других авторов. Как мы увидим ниже, и Евлия Челеби под словом «Абхазия» также разумел в основном собственно Абхазию, лишь в одном, приведенном выше, случае употребив его в более расширенном смысле.

Дело в том, что когда Челеби переходит к конкретному описанию «абхазского берега Черного моря», он локализует его между р. Кодор (приблизительно) и мысом Кютасси, в районе нынешнего Туапсе². Так, он начинает описывать Абхазию с пункта, расположенного на расстоянии «одного дня езды» на судне от Риони, которое должно соответствовать расстоянию между Риони и Кодорским мысом (около 100 км.), тогда как от Кютасси до Анапы Челеби плыл в течение двух дней³.

В этой связи следует отметить, что утверждение П. Ингорок-ва, будто по данным Челеби этнографическая граница между Абхазией и Мегрелией проходила по р. Мчиш (к западу от Гудаута), не соответствует действительности. В книге «Георгий Мерчуле» по этому поводу он пишет следующее: «Заслуживают особенно внимания сообщения турецкого путешественника Евлия Челеби, который в 1641 году объехал побережье Черного моря. Из сведений Евлия Челеби выясняется, что грузинский язык (его мегрельский диалект) являлся родным языком населения не только в

¹ Е. Челеби, цит. соч., стр. 169.

² См. там же, стр. 173–180.

³ Там же, стр. 180.

«Шуа-Сопели» (в Моквском и Драндском районах) и в Цхумском (Сухумском) районе, но грузинский язык был родным языком населения и основной части Абхазского владения в районе Чач (Сашервашидзе). Евлия Челеби пишет: «Главным племенем в Абхазии является племя Чач, которое говорит на том же мегрельском языке, который в употреблении по ту сторону Фаша (Риони)». Этот основной край Абхазского владения – область Чач – есть Сашервашидзе, а именно край, центром которого был поселок Лыхны и который включал в себя территорию нынешнего Гудаутского района от Анакопийского (Ново-Афонского) сектора до Самшитовой гавани (до ущелья реки Мчиш)»¹.

В данном случае П. Ингороква был введен в заблуждение переводчиком сочинения Е. Челеби Ф. Бруном, который в своей публикации этого сочинения неверно перевел цитированное место. На самом деле в оригинале Е. Челеби читаем: «Племя (род) Чачей (Чачлар). И по-мегрельски говорят, поскольку по ту сторону Риона (Фаш) расположена исключительно Мегрелия»².

Основной смысл приведенной цитаты сводится к тому, что племя (род) Чачей (кроме абхазского) говорит «и на мегрельском языке», поскольку проживает в непосредственном соседстве с Мегрелией. Следовательно, здесь речь идет не о «главном» абхазском племени (слово «главный» Челеби вовсе не употребляет), а о первой от Мегрелии (Челеби путешествовал с юга на север) области, которая непосредственно граничит с Мегрелией и локализуется, по данным Челеби, в районе р. Кодори («один день езды от Риони»). Кроме того, автор говорит не о «племени» в этническом смысле, а о жителях, подчиненных определенному «роду», в данном случае роду тавадов Чачба (Шервашидзе).

Тот факт, что южная этническая и политическая граница Абхазии в течение большей части XVII в. (до конца 70-х годов) проходила в основном по р. Кодор (в нижней его части), подтверждается и показаниями целого ряда других источников того времени.

Так, И. Лукка пишет, что Абхазию от Мегрелии отделяет р. Аус, расположенная к востоку от Сухуми (Schisornum, или Schisumuni). Далее, он уточняет свое показание, добавляя, что из Сухуми он прибыл в местечко Скурча (Scorcía), которое считается первым пунктом Мегрелии³.

¹ П. Ингороква, цит. соч., стр. 133.

² См. Е. Челеби, «Книга путешествий», Стамбул, 1896–1897 гг., стр. 102.

³ См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 144–146.

Русские послы Ф. Елчин и П. Захарьев, побывавшие в Мегрелии в 1639 г., посетили и Драндский монастырь¹, который считался в то время самым крайним пунктом владений Мегрельского княжества на границе с Абхазией. С другой стороны, это показание свидетельствует о том, что некоторые пункты, расположенные к западу от Кодора (вблизи этой реки), входили в то время в состав Мегрельского княжества.

Говоря о границах Мегрелии, Д. Д'Асколи так же указывал, что область эта тянется по Черноморскому побережью «от Фашии до Исгаура (Scauri)»².

Наиболее важное значение по вопросу о южных границах расселения абхазов имеют показания А. Ламберти, который в течение 1633–1650 гг. безвыездно проживал в Мегрелии. В своем «Описании Колхиды» он пишет: «Границей со стороны абхазов, или абсков является река, называемая местными жителями Кодор (Coddors)»³. Или еще конкретнее: «Совершенно так, как Фазис отделяет Мегрелию от Грузии, так и Кодор отделяет ее от Абхазии (Cosi il Corace la sparte da gli Abcassi), и подобно тому, как за Фазисом мегрельский язык сменяется сразу грузинским, так и за Кодором сменяется абхазским (Cosi da qua del Corace si muta in Abcassa)». И дальше: «Сейчас же (subito) после переправы через Кодор обитают абхазы со своим языком»⁴.

Большой интерес для определения границ, отделяющих Мегрелию от Абхазии, имеет составленная Ламберти подробная карта «Колхиды» (Мегрелии), приложенная к его «Описанию». И на этой карте северная граница Мегрелии в основном проходит по среднему и нижнему течению Кодора. На правом берегу Кодора обозначен лишь один пункт – Дранда⁵. Что касается северо-восточной границы Мегрелии, также отделяющей ее от Абхазии, то она проходила по линии Великой стены (длиной в «шестьдесят тыс. шагов»), назначение которой сводилось, по Ламберти, к защите Мегрелии «от вторжения абхазов» («Murus sexaginta coerendus Abascorum incursus»). По карте Ламберти линия стены проходила вблизи таких пунктов, как, например, Бедиа и Сатанджо, а за пределами этой стены, в горах, также проживали абхазы.

¹ См. Белокуров, Материалы по истории России, 1888 г., стр. 321.

² Д. Д'Асколи, цит. соч., стр. 103.

³ Ламберти, цит. соч., стр. 2.

⁴ Там же, стр. 210.

⁵ Село Дранда, по указанию Ламберти, находилось «по соседству с Абхазией» (Ламберти, цит. соч., стр. 132).

По данным патриарха Макария, северные границы Мегрелии во время его пребывания там (1664–1665 гг.) оставались прежними. Среди религиозных центров Мегрелии Макарий отмечает и такие, как Дранды, Мокви и Бедиа¹.

Однако при Макарии драндская епархия, как видно, уже не функционировала, поскольку он ничего не сообщает о своем посещении Дранда, а соседних абхазов, изъявивших желание принять христианство, он поручил окрестить бедийскому епископу, а не драндскому².

Ж. Шарден (1672 г.) также свидетельствует, что граница между Абхазским и Мегрельским княжествами проходила в районе Кодора³. Первым «мегрельским рейдом» он называет Исгаур, но это была пустынная местность, лишенная оседлого населения, вследствие постоянной опасности со стороны соседних абхазов⁴.

Политическая граница между Абхазским и Мегрельским княжествами изменилась, как уже выше отмечалось, лишь в начале 80-х годов XVII в., когда абхазские феодалы, воспользовавшись ослаблением Мегрелии, довели политические границы своего княжества до р. Ингури. Это обстоятельство подтверждается свидетельством итальянского монаха Распони о том, что на территории, захваченной Сареком Шервашидзе, находилось и местечко Чипурия, где пребывала итальянская католическая миссия⁵. На карте Ламберти этот пункт обозначен вблизи правого берега Ингури, юго-западнее Зугдиди.

Выше отмечалось также, что Сарек решил прочно утвердиться на занятой территории. В целях осуществления этого намерения абхазские владетели стали переселять сюда абхазов (дворян и крестьян), и таким образом с конца XVII в. здесь появилось постоянное абхазское население.

Как видно, абхазы этнически освоили вначале область между Кодором и Галидзгой («Абжуа»). Именно это обстоятельство, по видимому, имел в виду Вахушти, когда он писал: «Абхазы овладели (территорией) до р. Эгриси и сами обосновались там (afxazni... dai pyres vidre egrisis mdinarende da dai Senebodnen TviT afxazni)»⁶.

¹ Макарий, цит. соч., стр. 32.

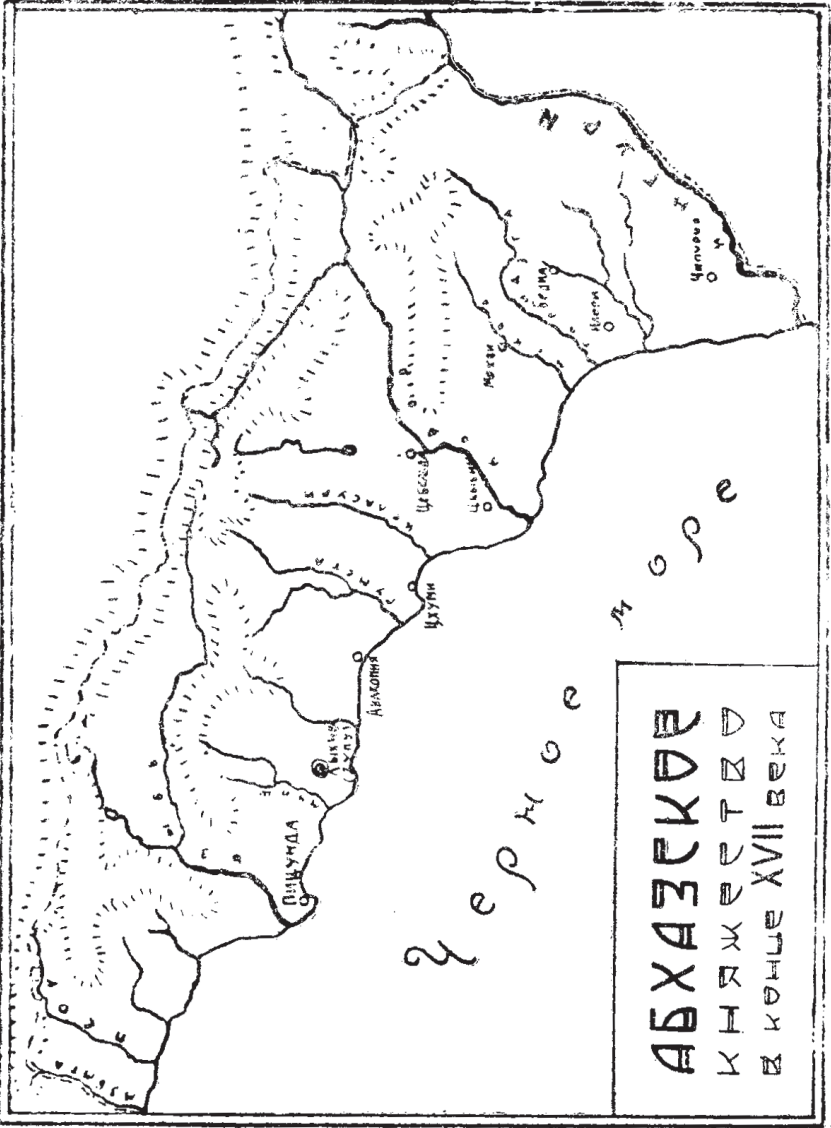
² Там же, стр. 43.

³ Шарден, цит. соч., стр. 21.

⁴ Там же, стр. 20–21.

⁵ См. М. Тамарашвили, стр. 208–210.

⁶ Вахушти, Описание..., стр. 170.

Однако процесс абхазизации оставшегося там мегрельского населения затянулся в некоторых пунктах на длительный период. Д. Бакрадзе констатировал, что даже в 1860 г. жители села Илори употребляли мегрельский язык. По его словам, в Илори проживали «160 дворов старинных крестьян мингрельского происхождения; они знают абхазский язык, но постоянно говорят по-мингрельски»¹.

Теперь перейдем к вопросу о северных границах Абхазии. И. де-Лукка о местоположении Абхазии в целом дает следующее указание: «Абхазы населяют горы, простирающиеся до страны черкесов. На запад от них лежит Черное море, на восток – Мингрелия. А б х а з и я . . . пр о с т и р а е т с я на 150 миль. В ней нет городов, но много селений в горах, самых высоких, какие я когда-либо видел. А б х а з ы р а с с е я н ы до морского берега»².

Указанное расстояние (150 миль) следует отсчитывать от Кодорского мыса, где, согласно тому же автору, был расположен «первый пункт Мегрелии» Скурча³, что составит приблизительно, расстояние до Туапсинского сектора. Здесь же надо добавить, что по данным Дортелли Д'Асколи расстояние между кодорским мысом и Маметкале (близ Туапсе) составляло 160 миль⁴.

На территории северной Абхазии рассматриваемого периода, названные выше авторы отмечают ряд географических пунктов. Так, Лукка утверждает, что в Абхазии «протекают две речки: Соук-су (Sute-su) и Субаш (Subasu)»⁵. Местоположение этих «речек» можно точно локализовать, опираясь на данные Челеби. Перечисляя пункты «абхазского берега» он называет Субиш и на незначительном расстоянии к северу от него – Соук-су. Последний находился в ближайшем соседстве с Кютасси.

Важное значение имеет также указание Челеби о том, что территория, населенная абхазами, доходит до мыса Кютасси, так как уже «по соседству с Кютасси обитают Жаны (жанеевцы) из черкесов, (которые) говорят по-черкесски»⁶. «Абхазских Кютасси от черкесских Жана» отделял лишь однодневный переход⁷.

¹ Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, стр. 74.

² Лукка, цит. соч., стр. 492

³ См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 146.

⁴ Д. Д'Асколи, цит. соч., стр. 103.

⁵ Лукка, цит. соч., стр. 493.

⁶ Челеби, цит. соч., стр. 179.

⁷ Там же, стр. 180.

Однако политическая граница Абхазского княжества в XVII в. проходила значительно южнее его северных этнических границ. По свидетельству ряда источников того времени, эта граница, как видно, не простиралась далее Сочинского сектора, за которым были расположены политические сеньории независимых абхазских «беев» (Челеби, Главани и др.).

Таким образом, если на юге политические границы Абхазского княжества расширялись, и это влекло за собой постепенное расширение и этнических границ расселения абхазов, то на севере, наоборот, политические границы отступают к югу и вслед за этим происходит систематическое сокращение этнических границ. Но этот процесс затянулся вплоть до XIX в. Одной из причин отступления этно-политических границ Абхазии на севере являлась захватническая политика турок, которые к тому времени прочно обосновались в Анапе и оттуда постепенно наступали по побережью в южном направлении.

5. Некоторые вопросы культуры и языка абхазского народа в XVI–XVII вв.

Общность культуры, как известно, является одним из этнических признаков народности и, в еще большей степени, нации. Степень культурного (а также языкового) единства народа находится в прямой зависимости от степени общности экономической жизни, которая в Абхазии, как мы видели, характеризовалась в рассматриваемый период крайней хозяйственной раздробленностью и упадком, что соответствующим образом отражалось на культуре и языке народа.

Но прежде чем перейти к освещению этого вопроса, необходимо сказать об антропологическом облике абхазов того времени. Арк. Ламберти следующими словами характеризует абхазов и их страну: «На север от Мегрелии живут абхазы... Страна их очень красива и привлекательна; вся она разделена на плодородные возвышенности. Воздух у них здоров и сух: оттого и народ прекрасной крови, имеет красивые черты лица, белую кожу и благородное телосложение; они храбры, подвижны и ловки, во всех трудах выносливы и поворотливы»¹.

Приведенное указание Ламберти свидетельствует о том, что в антропологическом отношении абхазы оставались типичными

¹ Ламберти, цит. соч., стр. 198.

представителями «кавказской расы», как и другие этнически родственные им народы Кавказа, прежде всего ближайшие соседи абхазов – картвелы и адыги.

В культурной жизни абхазов многие авторы того времени усматривали большое сходство с культурой адыгов (черкесов). Так, И. Лукка прямо указывает, что «образ жизни (абхазов) таков же, как у черкесов»¹. О том же свидетельствует и Ламберти. Выше уже приводилось его указание, что у абхазов «такие же обычаи», как у сванов, черкесов и аланов². Эти сообщения указывают не только на общий уровень социально-экономического развития абхазов, но и на характер культуры (материальной, духовной) и народного быта.

Общий упадок, который переживала хозяйственная и общественно-политическая жизнь абхазского народа, отразился и на его культуре. Одним из ярких проявлений этого упадка было постепенное искоренение христианства в крае и связанных с ним элементов феодальной культуры. Вместе с тем среди абхазов стали оживляться дохристианские религиозные верования.

В первой трети XVII в. христианство в Абхазии имело еще некоторое распространение. Об этом свидетельствует следующее известие И. Лукка. Когда он гостил у абхазского владетеля Путо, то на вопрос последнего, откуда и почему приехал Лукка, он ответил: «Цель моего приезда – делать добрые христианские дела». Услыхав это, князь сказал: «Значит ты можешь остаться у меня, так как я и вся моя страна – христиане». В доказательство он показал мне крест, висевший у него на груди... На второе утро я сказал князю, что должен выполнить молитву для излечения его больной жены. Он со всеми близкими с большим благочестием выслушал молитву и поцеловал крест»³. Тот же автор отмечает, что у абхазов были священники, которые назывались «папари» – «так именуют тех, – пишет он, – кто погребает мертвых и молится богу о их душах»⁴.

Однако в дальнейшем христианство подвергалось быстрому искоренению. Уже Ламберти подчеркивал, что абхазы «только по имени христиане, но не сохранили ни по вере, ни по набожности

¹ Лукка, цит. соч., стр. 492.

² Ламберти, там же, стр. 190.

³ См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 144–145.

⁴ Лукка, цит. соч., стр. 493.

ничего христианского»¹. В том же духе высказался и Шарден, по словам которого абхазы «не имеют понятия ни о сущности религии, ни о ее обрядах»².

Тем не менее приведенные указания Ламберти и Шардена нельзя понимать в том смысле, что за каких-нибудь 30–40 лет от христианства в Абхазии не осталось никакого следа. Те же авторы сообщали, каким поклонениям со стороны абхазов пользовалась Илорская икона св. Георгия. Шарден, например, приводит один интересный факт, свидетельствующий о преклонении даже феодалов-работорговцев перед христианскими святынями. Один «знатный абхазец» доставил на корабль Шардену серебряную оправу, которую он снял с одной иконы во время ограбления церкви. «На мой вопрос, – пишет Шарден, – куда он дел самый образ, абхазец ответил, что оставил его в церкви, не осмелившись унести его из боязни, что святой его убьет»³.

Отдельные представители господствующего класса Абхазии, сознавая, как видно, социальную сущность христианства, делали попытки восстановить эту религию. Патриарх Макарий рассказывает о следующем характерном в этом отношении факте: «Абхазцы, услышав о нашем прибытии и о нашей проповеди, явились к нам и приняли от нас крещение. Их было 25 чел. и между ними два предводителя, которые просили нас поехать к ним и окрестить всех абхазцев, ибо они давно жаждут у себя людей, которые бы научили их христианской вере... До недавнего времени все они считались христианами и у них же находился престол католикоса, который теперь находится в Имеретии, да и до сих пор еще величественная церковь апостола Андрея, через которую они приняли христианство, находится в их стране и весьма почитается ими (имеется в виду Пицундский храм – З. А.). В наше время лишь немногие из них умеют перекреститься и делать земные поклоны (большинство же из них и этого не знают), так как у них нет священников и никто вообще не заботится о них и не учит их. Ввиду этого я посвятил для них нового мовкского епископа, представил его вышеупомянутым представителям абхазского племени и велел ему отправиться к ним для окрещения их и обучения христианской вере»⁴.

¹ Ламберти, цит. соч., стр. 196.

² Шарден, цит. соч., стр. 99.

³ Там же, стр. 108.

⁴ Макарий, цит. соч., стр. 43.

Но в условиях систематического роста феодальных междоусобиц и турецкой экспансии во второй половине XVII в. намерение Макария об укреплении христианской веры в Абхазии не могло быть осуществлено.

Касаясь вопроса о некоторых устойчивых обычаях абхазского народа, которые отмечаются иностранными авторами, начиная с античного времени и до рассматриваемого периода, следует указать на практикуемый у абхазов обряд захоронения покойников на деревьях. Этот обряд является одним из красноречивых свидетельств автохтонности абхазов на занимаемой ими территории. И. Лукка, наблюдавший этот способ захоронения в Пицунде, следующим образом описывает его: «Покойников кладут в выдолбленные пни деревьев, служащие для них гробом и потом, привязав их к четырем столбам, для предохранения от шакалов, держат их как бы висящими в воздухе»¹. Он же рассказывает, что покойников иногда подвешивали на деревьях².

О подобном же обычае рассказывает и Ев. Челеби, который пишет: «Этот абхазский народ странным образом хоронит беков; тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева; над головой в ящике оставлено отверстие, дабы он мог, как говорят, видеть небо»³.

Аналогичные сообщения мы встречаем и у Ламберти. По его рассказу, деревянный гроб с покойником подвешивали на виноградных лозах к верхушке дерева, на ветвях которого развешивалось оружие, принадлежавшее покойнику при его жизни⁴.

Характерно, что подобным же способом в Абхазии хоронили людей, сраженных ударом молнии, вплоть до начала XX в.⁵ Этот же обычай, как выше уже отмечалось, был зафиксирован также и античными авторами⁶. Локализация этого обычая на Кавказском побережье Черного моря в течение двух тысячелетий свидетельствует, что он восходит к предкам абхазского народа, проживавшим в античную эпоху на той же территории.

Что касается абхазского языка в рассматриваемый период, то многие авторы того времени отмечают его распространение на

¹ Лукка, цит. соч., стр. 492.

² См. М. Тамарашвили, стр. 144.

³ Челеби, цит. соч., стр. 179.

⁴ Ламберти, цит. соч., стр. 199–200.

⁵ Г. Ф. Чурсин, Материалы по этнографии Кавказа, стр. 310.

⁶ См. Ган, Изв. древн. писат. о Кавказе, ч. 1, стр. 149, 162, 205 и 208.

Черноморском побережье Кавказа. Еще Лукка отмечал, что абхазы имеют свой особый язык, который «резко отличается от языка их соседей»¹.

Д. Д'Асколи причислял абхазский язык к числу важнейших языков Причерноморья. Он пишет: «Вокруг Черного моря говорят на восьми языках, а именно, греческом, турецком, татарском, черкесском, абхазском (Abasa), мегрельском и армянском»².

Ценные сведения о распространении абхазского языка дает Ев. Челеби. Он указывает, что язык абхазов распространен на побережье Черного моря вплоть до мыса Кютасси (Туапсинский сектор). Челеби приводит ряд абхазских слов и фраз (около 20) для характеристики языка «Абхазской области»³.

О южной границе распространения языка, конкретное указание содержится в приведенной выше цитате из сочинения Ламберти: «Как за Фазисом мегрельский язык сразу сменяется грузинским, так и за Кораксом сменяется абхазским». Или: «После переправы через Кодор живут абхазцы со своим языком (con la lor lingua)»⁴.

Однако абхазский язык не был единственным языком на отмеченной территории (от Кодора до Кютасси). Челеби, например, отмечает здесь существование садзского (садша) и убыхского языков; образцы «садша» он также приводит в своем труде⁵. Но, по указанию того же Челеби, садзы и убыхи рассматривались в составе абхазской народности, и среди них (в частности, у садзов) был распространен также и абхазский язык⁶.

Между тем во времена Челеби в северных районах Абхазии уже заметно ощущалось языковое влияние адыгов. О племени «абхазских боздуков», проживавших по соседству с Субаши, Челеби говорит, что «этот народ... говорит по-абхазски и по-черкесски»⁷. В этом следует видеть один из показателей постепенного этнического влияния адыгов на население северных районов Абхазии.

¹ Лукка, цит. соч., стр. 492.

² Д'Асколи, цит. соч., стр. 185; говоря об армянском языке, автор имеет в виду армян, живших в Крыму (см. там же, стр. 129). Говоря о восьми языках, Д'Асколи перечисляет только семь. Очевидно, им пропущен грузинский язык.

³ Челеби, цит. соч., стр. 181.

⁴ Ламберти, цит. соч., стр. 210.

⁵ Челеби, цит. соч., стр. 181.

⁶ Там же, стр. 176.

⁷ Там же, стр. 179.

Изложенные выше материалы свидетельствуют, что этническая жизнь абхазского народа в XVI-XVII вв. испытывала значительный упадок, который проявлялся в ослаблении его этнических признаков. Это находило свое конкретное отражение в экономической раздробленности, в сокращении территории и области распространения языка (в частности, в оживании отдельных племенных языков), упадке культуры и т. д.

Отмеченный упадок этнической жизни был обусловлен крайне неблагоприятной обстановкой, в которой оказалась абхазская феодальная народность к концу средневековья. Политическая раздробленность, феодальные междоусобицы, работорговля, турецкая экспансия и т. п. – все это были факторы, которые в совокупности ставили абхазский народ перед опасностью национального вырождения.

В тех исторических условиях небольшая абхазская народность, как и многие другие народы Кавказа, в том числе и грузинский народ, не могли рассчитывать на свое национальное спасение собственными силами. Единственно реальной возможностью избавления от угрозы полной этнической деградации являлось присоединение к русскому государству, что было осуществлено в начале XIX века.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	233
Глава I. Абхазия в составе Лазского царства в первой половине VI века.....	236
1. Этно-политические образования Абхазии в первой половине VI века.....	236
2. К вопросу о социально-экономическом строе населения Абхазии в VI в.....	247
3. Введение христианства в Абхазии.....	253
4. Взаимоотношения политических образований Абхазии с лазским царством.....	258
5. Северо-кавказские соседи абхазов.....	265
Глава II. Совместная борьба грузин и абхазов против ирано-византийских захватчиков в VI веке.....	268
1. Ирано-византийские противоречия и Лазское царство.....	268
2. Ирано-византийская война на территории Западной Грузии и борьба лазов за свою независимость.....	271
3. Борьба населения Абхазии против византийских захватчиков.....	276
4. Борьба населения Абхазии против персидских захватчиков.....	288
Глава III. Консолидация абхазской феодальной народности. Грузинско-абхазские отношения в VII–VIII вв... 	294
1. Консолидация абхазской народности.....	294
2. Грузино-абхазские отношения в VII–VIII вв.....	302
3. К вопросу о национальной принадлежности владетельных князей («архонтов») Абазгии и объединенной Абхазии.....	309
4. Борьба грузин и абхазов против византийских захватчиков.....	313
5. Борьба грузин и абхазов за изгнание арабских захватчиков из Западной Грузии.....	321
Глава IV. Абхазское царство и абхазы.....	328
1. Образование Абхазского царства.....	328
2. К вопросу о границах Абхазского царства.....	343
3. О значении терминов «Абхазия» и «абхазы» IX–X вв.....	351

4. Абхазское царство в борьбе за объединение феодальной Грузии.....	355
5. Население Абхазского царства в борьбе с византийско-арабскими захватчиками.....	370
6. Политика Абхазского царства в области культуры и церкви.....	379
7. Абхазия и абхазы в составе Абхазского царства.....	389
Глава V. Феодальная Абхазия в составе единого Грузинского царства (XI-20-е гг. – XIII вв.).....	395
1. Социально-экономические отношения в Абхазии в XI-XII вв.....	395
2. Образование единого Грузинского царства.....	397
3. Расширение значения терминов «Абхазия» и «абхазы» после образования единого Грузинского царства...	406
4. Абхазия в составе Грузинского многонационального государства (XI – начало XIII вв.).....	413
5. К вопросу о происхождении феодального рода Шервашидзе (Чачба).....	427
6. Культура феодальной Абхазии в XI-XIII вв.....	432
Глава VI. Этническое состояние абхазского народа в IX-XIII вв.....	440
1. К вопросу об этническом составе и расселении абхазов в средние века.....	440
2. Об этнической индивидуальности абхазов XI-XIII вв.....	447
3. К историографии этнической истории средневековых абхазов.....	457
Глава VII. Абхазия в период распада единого Грузинского царства (середина XII-XV вв.).....	470
1. Нашествие монголов и начало распада Грузинского царства.....	470
2. Абхазия в составе княжества Сабедиано.....	475
3. Генуэзские колонии на побережье Абхазии.....	483
4. Завершение распада Грузинского царства. Начало борьбы против турецких захватчиков.....	489
5. Экономический и культурный упадок Абхазии в XIII-XIV вв.....	496
Глава VIII. Грузино-абхазские отношения в XVI-XVII вв...	500
1. Абхазия в составе Мегрельского княжества в XVI веке.....	500

2. Выделение Абхазии в самостоятельное княжество и его отношения с мегрельским мтаварством в первой половине XVII в.....	503
3. Феодалные междоусобицы во второй половине XVII в. и расширение южных пределов Абхазского княжества.....	509
4. Агрессия султанской Турции против грузинского и абхазского народов в XVI–XVII вв.....	514
5. Грузино-абхазские культурные связи в XVI–XVII вв.....	518
Глава IX. Этническое состояние абхазского народа XVI–XVII вв.....	524
1. Экономическое положение Абхазии в XVI–XVII вв.....	524
2. Работоторговля в Абхазии в XVI–XVII вв.....	528
3. Социально-политический строй Абхазского княжества в XVII в.....	532
4. Политические и этнические границы Абхазии в XVII веке.....	538
5. Некоторые вопросы культуры и языка абхазского народа в XVI–XVII вв.....	544

Содержание

От составителя.....	4
История и культура древней Абхазии.....	7
Из истории средневековой Абхазии(VI–XVII вв.).....	231

Зураб Вианорович Анчабадзе

Избранные труды

в двух томах

Том первый

История и культура древней Абхазии.
Из истории средневековой Абхазии
(VI - XVII вв.)

Редактор *Л. Пачулиа*

Корректор *Л. Чкок*

Компьютерный набор *Л. Чамагуа*

Компьютерное макетирование *А. Гицба*

Формат 60x90/16. Тираж 1000. Физ. печ. лист 34,625. Заказ № 46.

ГПП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.